

Основан в апреле
1919 года

СЕНТЯБРЬ, 2019 г.
№ 3 (1981)

Выходит
ежеквартально

УЧРЕДИТЕЛЬ –
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зарегистрирован в Государственном
комитете РФ по печати.
Регистр. № 016300

Главный редактор
И.Н. ХРИСТОФОРОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В.А. ДАНДЫКИН,
заместитель
главного редактора,
И.В. НИКОЛАЕВ,
ответственный секретарь,
Ю.Н. РОДИОНОВ,
Е.А. СЕВАСТЬЯНОВА

Художник О. МАЗУРИНА

Компьютерная верстка
С. ХРАМЦОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
125284, Москва,
Хорошевское шоссе, 38.
Телефон для справок: 8 (495) 941-27-60.

© «Воин России», 2019 г.
При перепечатке ссылка
на «Воин России» обязательна.

Сдано в набор 02.07.2019.
Подписано в печать 23.08.2019.
Выход в свет 09.09.2019.
Формат 84x108 1/16. Офсетная печать.
Печл. 16,0. Тираж экз.
Заказ № 2497-2019. Цена свободная.
Отпечатано в АО «Красная Звезда».
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
e-mail: kr_zvezda@mail.ru

<http://redstarprint.ru/> redstar_print
Тел. маркетинг: (495) 941-21-12,
(495) 941-31-62, (916) 192-93-82;
отдел распространения периодической
печати: (495) 941-39-52.
Издатель: ФГБУ «РИЦ «Красная звезда»
Минобороны России; тел.: (495) 941-23-80
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
E-mail: ricmorf@yandex.ru. Отдел рекламы –
(495) 941-28-46; E-mail: reklama@korrnet.ru.

1-я стр. обложки:

Фрагмент картины Олега Ездакова
«День флота в Балтийске».

В НОМЕРЕ: 16+

А. САРКИСОВ. СТРАНА ХОЛОДНОГО СОЛНЦА. Повесть.....	2
В. СИЛКИН. ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ. Стихи.....	32
Н. БУРБЫГА. АФГАНСКИЙ ДНЕВНИК.....	36
А. КОШКИН. БУДУТ ТЫСЯЧИ ПОХОДОВ. Стихи.....	92
И. НИКОЛАЕВ. Александр КУПРИН. Инфографика.....	94
В. ТЫЦКИХ. РЕЖИМ МОЛЧАНЬЯ. Стихи.....	96
Ю. ПАХОМОВ. КОММУНАЛЬНЫЙ КОВЧЕГ. Повесть.....	100
А. ПОЛЕВОЙ. НАПОЛНЕННЫЙ ПАРУС. Стихи.....	132
Н. ИСАКОВ. ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ. Документальная повесть.....	134
А. ЩЕЛОКОВ. ЖИВАЯ ИСТОРИЯ.....	168
Б. ВОСТОРГОВ. НА ГРАНИ ЖИЗНЕННЫХ ЗАБОТ. Стихи.....	190
Л. ПРОШИНА. СВОЙ ЧЕЛОВЕК НА ФЛОТЕ.....	192
М. ФЕДОРОВ. ДЕЛО ПЭПЭЭСНИКОВ. Повесть.....	194
И. ЦУПРИКОВ. РАССКАЗЫ.....	220
И. НИКОЛАЕВ. МИХАИЛ ШОЛОХОВ. Инфографика.....	234
А. МАКАРОВ. МОРЕ, КАК САМА ЖИЗНЬ. Рассказ.....	236
Н. ПЕРЕЯСЛОВ. ПОЛКОВОДЕЦ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ.....	242
В. КОЖУШНЯН. ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ ЕСТЬ.....	250
Г. КОНДАКОВ. КОМАНДИР ОТДЫХАЕТ. Рассказ.....	251
О. ВИНОКУРОВА. ИСКУССТВО СЛУЖИТ НАРОДУ.....	254

Подписка на журнал «Воин России» на 2019 год принимается без ограничений в течение года. Оформить ее можно в любом почтовом отделении по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство «Роспечать» – подписной индекс 70847 и объединенному каталогу «Пресса России», 1-й том «Газеты и журналы» – индекс 43987.

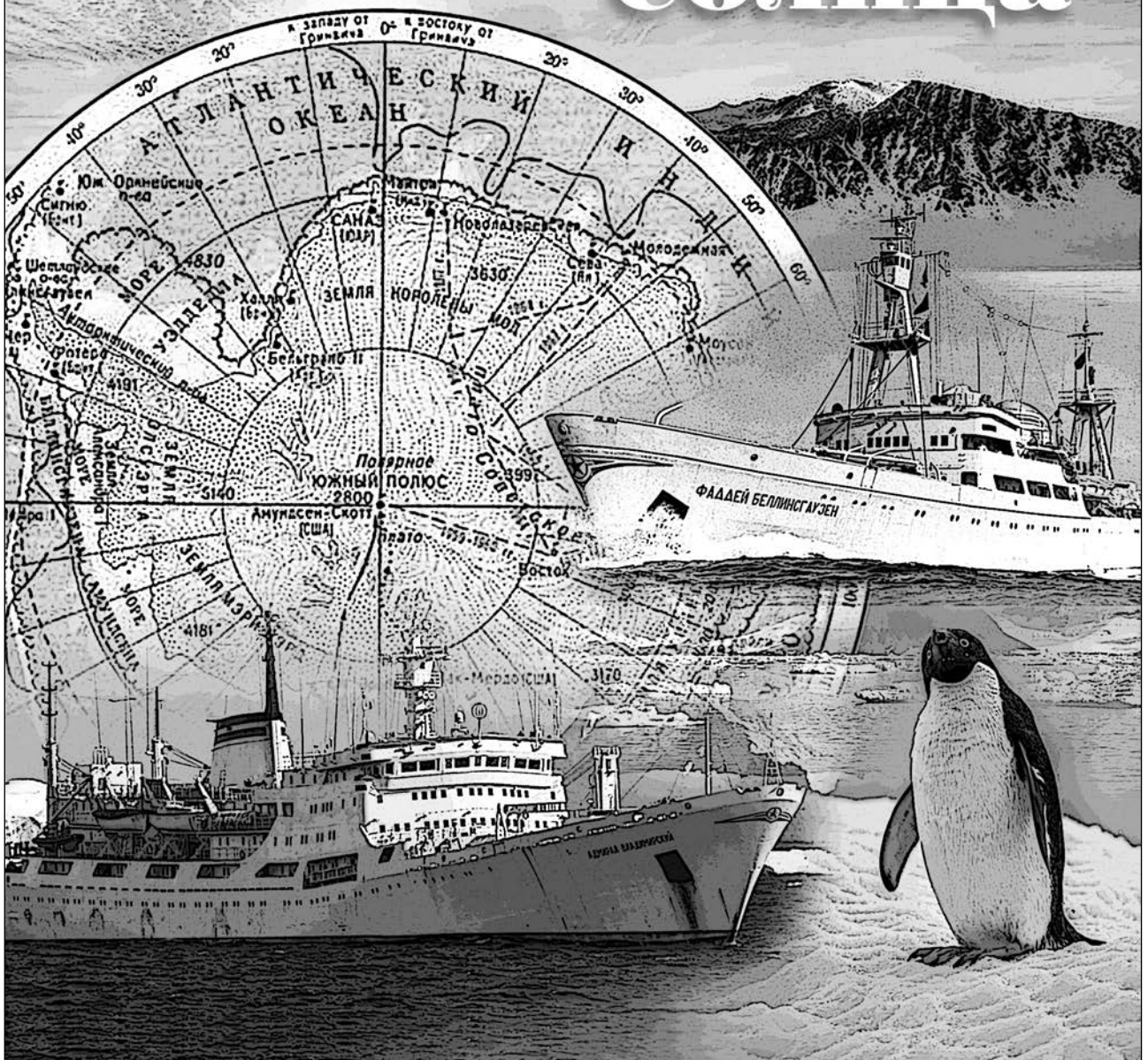
Александр Саркисов

повесть

Страна

ХОЛОДНОГО

СОЛНЦА

Коллаж Ольги МАЗУРИНОЙ

Александр Ашотович САРКИСОВ родился в 1959 году в Севастополе. В 1981 году окончил Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, в 1990-м – Военно-морскую академию имени А. А. Гречко.

Александр Саркисов служил на Черноморском флоте в гидрографической службе, командовал судном. Капитан 3 ранга запаса. Действительный член Русского географического общества, кандидат географических наук. Участник кругосветной антарктической экспедиции 1982–1983 годов. Член Союза писателей России. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2016 г.), лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А. В. Суворова (2017 г.).

ПРЕЛЮДИЯ

Описываемые события проходили между 5 декабря – Днем Конституции СССР и 18 февраля – Сретеньем. Командир океанографического судна «Адмирал Владимирский» капитан 2 ранга Панчук и командир геофизического отряда 23-й океанографической экспедиции капитан 2 ранга Летослепов уже в который раз обсасывали идею провести в гидрографии что-нибудь такое, чтобы на весь Военно-Морской Флот, а то и на всю страну. Мыслей было немало, но масштаб мелковат. Два опытных гидрографа голову сломали, а нужное решение никак не приходило.

Вот уже несколько ночей кряду Панчуку снился пингвин. Жирный такой, неповоротливый, с неприятной похотливой ухмылкой. А в последний раз он еще издавал противные писклявые звуки и манил к себе крылышками-плавниками.

К чему бы это? Панчук достал старый бабушкин сонник. Потрепанная книжка Густава Миллера, изданная в конце 19-го века первым русским книжным миллионером Маврикием Вольфом, содержала около двух тысяч толкований. Панчук изучил его от корки до корки, там были толкования практически на любой случай. Рыба снилась к беременности, корова – к осуществлению давних желаний, приснятся черные тучи – жди плохих известий, а про пингвина ничегошеньки.

Панчук поведал о навязчивом видении Летослепову, тот среагировал мгновенно:

– Антарктида!

Прозвучало это как Архимедова «Эврика!».

У обоих загорелись глаза: как об этом раньше-то не подумали?

Они обхаживали эту идею как девушку. Спешка могла все испортить. Изучались материалы антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, проводились консультации с Институтом Арктики и Антарктики.

Посвятить экспедицию решили приближающемуся 200-летию Севастополя, с учетом того что имена руководителей кругосветной антарктической экспедиции 1819–1821 годов тесно связаны с историей и развитием Черноморского флота.

Панчук готовил план похода, а Летослепов описательную часть. Начал он с исторической справки, где отметил, что идея проведения антарктической экспедиции принадлежала адмиралу Крузенштерну, которую тот изложил в записке морскому министру де Траверсе: «Сия экспедиция кроме главной ее цели – изведать страны Южного полюса должна особенно иметь в предмете поверить все неверное в южной половине Великого океана и пополнить все находящиеся в оной недостатки, дабы она могла признана быть, так сказать, заключительным путешествием в сем море».

Назначить начальником экспедиции Крузенштерн рекомендовал капитана 2 ранга Головнина, но тот находился в кругосветном плавании. Вместо него Крузенштерн выдвинул кандидатуру капитана 2 ранга Беллинсгаузена, который на тот момент командовал фрегатом «Флора» на Черном море. Предлагая его кандидатуру, Крузенштерн писал: «Он имеет особенные достоинства к начальству над таковою экспедициею: превосходный морской офи-

цер и имеет редкие познания в астрономии, гидрографии и физике. Наш флот, конечно, богат предприимчивыми офицерами, однако из тех, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравниться с Беллинсгаузенем».

Однако в министерстве начальником экспедиции назначили капитан-командора Ратманова, но тот при возвращении из Испании потерпел кораблекрушение у мыса Скаген и остался на лечение в Копенгагене.

Выбора не оставалось – начальником экспедиции и командиром шлюпа «Восток» стал Беллинсгаузен. Его заместителем и командиром шлюпа «Мирный» назначили лейтенанта Лазарева.

Капитан 2 ранга Летослепов пылил томами Большой Советской Энциклопедии, пытаясь побольше узнать о людях, организовавших первую русскую антарктическую экспедицию. Начал с морского министра. Каково же было его удивление, когда он узнал, что Иван Иванович де Траверсе – французский дворянин Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе.

В задумчивости он открыл том на букву «К» и выяснил, что Иван Федорович Крузенштерн – Адам Иоганн фон Крузенштерн из остзейских дворян, сын судьи Иоганна Фридриха фон Крузенштерна и Христины Фредерики, урожденной фон Толь.

В полной растерянности он раскрыл энциклопедию на букву «Б» и впал в ступор. Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен оказался Фабианом Готлибом Таддеусом фон Беллинсгаузенем из остзейского дворянства.

Еще была надежда, что остзейцы это не так уж плохо, может, это какая-то окраинная славянская община, но приговор энциклопедии был безжалостен: «...от немецкого Ostsee – Балтийское море, этническое немецкое (немецкоговорящее) меньшинство, с XII века проживавшее на восточном побережье Балтийского моря, на территории современных Эстонии, Латвии и Литвы».

Летослепов решил остановиться и Лазарева не трогать, не дай бог чего.

Немного подумав, он порвал все выписки и написал в пояснительную записку: «...по маршруту экспедиции, задуманной, организованной и проведенной великими русскими мореплавателями».

Через месяц упорного труда они имели маршрут предполагаемой кругосветной антарктической экспедиции, красочно отображенной на контурной карте мира издания ГУНИО, и пафосно озаглавленную пояснительную записку: «По следам первооткрывателей – во славу Севастополя».

Главной задачей экспедиции предлагалось проведение комплексных океанографических, геофизических и других исследований в малоизученных

районах Антарктики в интересах обеспечения безопасности мореплавания. Другой не менее важной задачей была задача историко-мемориальная, которая предполагала повторение маршрута экспедиции на шлюпах «Восток» и «Мирный», открывшей последний, шестой континент.

Все было готово для доклада начальнику гидрографии.

В просторном кабинете с видом на море и штаб Черноморского флота за большим дубовым столом сидел адмирал и с интересом рассматривал закрепленную на специальной подставке карту с маршрутом кругосветной антарктической экспедиции.

Капитан 2 ранга Панчук водил указкой по карте, а капитан 2 ранга Летослепов, нещадно эксплуатируя мечту адмирала о поднятии значимости гидрографии как науки, тараторил о важности результатов предлагаемой экспедиции и о том, что это прозвучит на весь мир.

– Ну что ж, неожиданно, но интересно.

Адмирал встал и подошел к карте:

– Да, интересно, но неожиданно. Только кто же на все это даст добро?

Тут Панчук и вытащил туза из рукава:

– Товарищ адмирал, так у нас же есть старший лейтенант Кувшинов.

Петя Кувшинов был штурманенком на «Адмирале Владимирском» и по совместительству внуком главкома ВМФ СССР, а это уже был реальный шанс. Начальник гидрографии немного подумал и подвел черту:

– С командованием Черноморского флота и с Главным управлением навигации и океанографии я согласую, а вы готовьте Кувшинова.

Командующий Черноморским флотом и начальник ГУНИО идею одобрили и поддержали, но решать вопрос с главкомом предложили начальнику гидрографии самому.

Тут с кондачка не подъедешь, даже вкупе со старшим лейтенантом Петей, тут момент ловить нужно.

И такой момент настал – во время стоянки океанографического судна «Адмирал Владимирский» в порту Варна начальник гидрографической службы был принят находившимся там на отдыхе главкомом.

На встречу он прибыл вместе со старшим лейтенантом Кувшиновым, что сразу придавало встрече неофициальный характер. Очень скоро первую скрипку стала играть жена главкома, Петина бабушка, которую на флоте побаивались и уважительно называли баба Зина. Она подгоняла главкома с принятием решения:

– Ну что ты, старый, все тянешь? Петеньку кормить нужно, обед стынет.

Спорить с бабой Зиной не мог даже главком, он одобрил представленные план и научную программу похода.

Во время обеда, ласково поглаживая внука по спине, баба Зина поинтересовалась:

– А это неопасно?

Лоб начальника гидрографии покрылся крупными холодными каплями пота. Судьба экспедиции повисла на волоске. Пришлось включить искусство дипломатии:

– Экспедиция, конечно, будет непростая, но у нас надежное современное судно, прекрасные грамотные офицеры, такие, как ваш внук, и я уверен, что все намеченное будет выполнено на высоком уровне, а отличившиеся награждены.

Жена главкома с гордостью посмотрела на внука и тихо так, по-бабьи, вздохнула:

– Ну не знаю.

И требовательным взглядом уперлась в главкома. Тот поперхнулся котлетой по-киевски, прокашлялся и промокнул губы салфеткой:

– Учитывая сложность и дальность похода, приказываю готовить в экспедицию два судна и обязательно иметь на борту вертолет.

Баба Зина с облегчением вздохнула:

– Вот и хорошо, мороженое после чая подавать?

Собственно, на этом прелюдия и закончилась, подготовка кругосветной антарктической экспедиции вступила в стадию планирования. Началась детальная проработка похода и научной программы. Вовсю готовились к экспедиции океанографические суда «Адмирал Владимирский» и «Фаддей Беллинсгаузен».

Под руководством начальника гидрографии состоялась научно-практическая конференция по проблематике предстоящей экспедиции, а венцом предпоходных судорог стала проверка готовности судов командующим флотом.

К плановым работам добавились работы по устранению замечаний. Дел было выше крыши, и занимались ими до самого отплытия.

ОТДАТЬ КОНЦЫ!

Все имеет начало и конец: звезды загораются и гаснут, люди рождаются и умирают, заканчивается зима и начинается весна... Все сотворенное конечно, вечен только Творец.

Конец неизбежно порождает начало, а начало приходит к завершению. Даже не будучи сутулым очкастым философом со впалой грудью можно с уверенностью сказать: «Все начинается с конца».

Вот наконец закончились бестолковая суета и бесконечные проверки, и счастье если ты успел сде-

лать что-то нужное, а не для проверяющих. И наступил день отплытия. У моряка в житейской суете, как известно, есть два приятных момента – уход в отпуск и уход в море.

Рано утром 2 декабря 1982 года прозвучала команда «Судно к походу приготовить!».

Экипажи готовили суда к выходу в море, а провожающие вместе с экспедицией на причале Минной стенки готовились к торжественному митингу.

Оркестранты расчехляли инструменты, представители прессы бесцеремонно сыпали вопросами. Больше других бесчинствовала съемочная группа программы «Клуб кинопутешественников», и если какого-нибудь приставучего репортеришку с микрофоном можно было и послать, то внушительных размеров телекамера на плече вокругсветовского оператора действовала заволаживающе, яко мудрый Каа на бандерлогов.

В конце причала показалась машина командующего флотом. Брожение кончилось, все подровнялись, оркестр застыл в готовности, а дирижер, слегка нагнувшись и вскинув руки, вполборота наблюдал за командующим.

Машина остановилась, адмирал вышел, одернул шинель, поправил фуражку и двинулся к середине причала. Ему навстречу, чеканя шаг, маршировал командир экспедиционного похода.

Дирижер дал отмашку, и над Минной стенкой зазвучал бравурный марш. Удерживая командующего в поле зрения, он отчаянно дирижировал, приподнимаясь на носках в такт музыке и описывая пятой точкой замысловатые геометрические фигуры.

Командующий принял доклад о готовности к выходу в море и поднялся на трибуну. Он зачитал телеграмму главнокомандующего ВМФ и выступил с длинной речью, в которой отметил, что экспедиция продолжает дело наших великих соотечественников, выразил уверенность, что личный состав приложит все усилия, и пожелал благополучного возвращения.

Член военного совета напомнил о руководящей роли партии в деле изучения Мирового океана и призвал к бдительности.

Алаверды от экипажей озвучили записные передовики.

Митинг закончился, присутствие руководства и прессы сделало прощание скомканным и неискренним.

Такого количества адмиралов и представителей средств массовой информации Минная стенка никогда не видела, казалось, что и она была в каком-то торжественно-придавленном состоянии.

Получено долгожданное добро на выход в море, концы отданы. Вот и здорово, сразу наступили тишина, порядок и настала привычная размеренная жизнь, поделенная на вахты.

«Отдать концы» для моряка звучит жизнеутверждающе.

Первым отошел «Фаддей Беллинсгаузен», следом «Адмирал Владимирский». Боновые ворота за кормой, суда на створе Инкерманских маяков, а впереди – пять месяцев тяжелого моряцкого труда.

АТЛАНТИКА

Над Атлантикой взошло солнце, возвестив о начале нового дня. Оставив по левому борту остров Мадейра, суда повернули на юг к Антарктиде. Попутная океанская зыбь совсем не тревожила.

После завтрака командир судна «Фаддей Беллинсгаузен» капитан 3 ранга Ярин поднялся на мостик:

– Красота! А дышится-то как! Просто жить хочется!

Благость из него так и перла.

– Старпом, а не сыграть ли нам тревогу?

Старпом командирского ликования не разделял и уточнил:

– Пожар? Пробоина?

Океанские просторы и яркое солнце творили чудеса.

– А давай и то и другое.

Сигнал тревоги зазвенел по судну. По трансляции старпом объявил:

– Учебная судовая тревога! Пожар в гидрологической лаборатории! Пробоина в машинном отделении!

Последние слова утонули в топоте ног. Ходовой мостик превратился в главный командный пункт, и понеслись доклады.

Минут через двадцать аварийные партии с условным пожаром и условной пробоиной условно справились, о чем с гордостью доложили на главный командный пункт.

– Отбой учебной судовой тревоге!

Ярин обошел судно, незло потыкав носом стармеха и старпома. Те в свою очередь отдохнули на подчиненных, возведя командирские замечания в ранг ЧП. В итоге родился план устранения замечаний, который и принесли Ярину на подпись.

Тот подмахнул не глядя, ему было скучно. Вокруг жизнь бурлит, небо с океаном воедино сходятся, а рядом с ним мышьяная возня. Скучно, масштабности нет.

Штурман вызвал гидроакустика.

– Товарищ командир, разрешите гидроакустическую станцию погонять, а то акустик скоро в летаргический сон впадет.

– Добро.

На мостике появился акустик, худой, сутулый и спокойный, как лошадь на похоронах. Выйдя на пен-

сию после службы на подводной лодке, он устроился на «Фаддей Беллинсгаузен». Местом своим он дорожил и станцию содержал в полном порядке.

– Разрешите включить гидроакустическую станцию?

Ярин держал паузу. Он не то чтобы акустику не доверял, он в принципе к подводникам относился с некоторой осторожностью. Они же черти такие, им чуть что – сразу срочное погружение.

Командир прикурил сигарету, глубоко затянулся и дал отмашку:

– Чего уж там, включай.

Акустик надел наушники, пощелкал тумблерами, покрутил ручки настроек и совершенно спокойно, без эмоций доложил:

– Справа 35, в дистанции 3 кабельтова, скорость 6 узлов, цель подводная идет на нас.

Ярин подошел к акустику:

– Ты там ничего не перепутал?

Пропустив мимо ушей вопрос командира, акустик доложил:

– Дистанция сокращается.

Ярин выскочил на правое крыло мостика, и тут метрах в двухстах от правого борта на поверхности показалась спина океанского гиганта и над водой взлетел огромный фонтан. Набрав воздуха, кит опять ушел под воду.

Это был синий кит – самое большое животное на планете.

Командир дурным голосом заорал:

– Обе машины стоп! Штурман, поднять трубку лага!

Тот ничего не понял, но приказание мгновенно выполнил, объявив по трансляции:

– Навигатору срочно поднять трубку лага!

Сезон размножения у синих китов приурочен к зиме, и в эту пору в теплых водах центральной Атлантики самцы ищут себе пару. По всей видимости, этот одуревший гигант принял судно за самку. Несколько раз он прошел под днищем, потершись о борта, и потерял к «Фаддею» интерес. Дав прощальный фонтан, кит скрылся в океане.

Ярин вытер пот со лба:

– Вот ведь могли и без лага остаться.

До штурмана наконец дошло: кит сломал бы трубку лага, как спичку, и не заметил бы.

Страсти постепенно улеглись, а прозвучавшее по трансляции «Команде обедать» и вовсе вернуло жизнь в привычное русло.

После обеда по традиции адмиральский час, и если ты не на вахте, то просто обязан принять горизонтальное положение.

Командир прилег поверх одеяла не раздеваясь. Организм, перегруженный событиями первой половины дня и сытным обедом, быстро погрузил-

ся в дрему. Снился Ярину пророк Иона в чреве Левиафана.

Через полчаса картина библейского сюжета была бесцеремонно разрушена телефонным звонком. Трубка висела на переборке прямо над головой. С закрытыми глазами он снял трубку и, с трудом разлепляя со сна губы, пробормотал:

– Слушаю командир.

На связи был старпом:

– Товарищ командир, похоже, обнаружили яхту, терпящую бедствие.

– Сейчас поднимусь.

Ярин сел на койке, потер ладонями лицо. Удивительна служба на флоте: свесил ноги и уже на рабочем месте.

На мостике его встретил старпом и протянул бинокль:

– Вон там, посмотрите.

Командир быстро отыскал биноклем яхту, это была небольшая посудина футов тридцати с бермудскими парусами. Шла она под зарифленным гротом полным бакштагом.

– Ну и с чего вы взяли, что она терпит бедствие?

– Так вон же на правой ванте флаг с шаром.

Командир присмотрелся внимательнее, действительно на ванте по правому борту болтался флаг и шар под ним. Как ни крути, а по международным правилам это сигнал бедствия.

– По радио вызывали?

– Вызывали, не отвечает.

– Старпом, доложи на «Владимирский». На руле, лево руль, держать на яхту!

Судно покатило влево, пока яхта не оказалась прямо по носу.

– Первый, я Второй, прошу на связь, прием.

Сквозь треск помех пробился ответ:

– Второй, я Первый, на связи.

– Первый, я Второй, обнаружили яхту, терпящую бедствие. Идем к ней для оказания помощи.

Пару минут на «Владимирском» переваривали полученную информацию.

– Второй, я Первый, оказать необходимую помощь и следовать далее по плану.

На «Фаддее» разворачивалась спасательная операция. Готовились аварийная партия и рабочий катер. В такие минуты и проявляются лучшие черты характера русского человека. Если кому помощь нужна, если спасти кого, то тут для него препятствий нет, тут он и на самопожертвование готов.

О том, что судно идет спасать яхту, сразу стало известно всем.

На мостике в сильном возбуждении появился обычно тихий и скромный доктор физико-математических наук Розенталь из Харьковского института радиоэлектроники. Страшно картавя и потряхивая

меньшевицкой бородкой, он протянул командиру петицию с требованием включить в состав спасательной группы членов экспедиции.

– Товарищ командир, когда речь идет о спасении жизни, ни один русский человек не может оставаться в стороне.

Ярин видел, что в таком состоянии ему ученого не вразумить:

– Хорошо, товарищ Розенталь, я обязательно подумаю.

Доктор наук с чувством исполненного долга удалился.

Дистанция до яхты сокращалась, начали подавать сигналы наутофоном. Реакции не последовало.

Командир вглядывался в бинокль. Появилось неприятное ощущение – так бывает, когда делаешь что-то не то.

– Старпом, а ну посмотри повнимательней. Мне это кажется?

Старпом молча разглядывал яхту.

– Ну что молчишь?! Скажи на милость, какой флаг, какой шар?!

Теперь, когда судно сблизилось с яхтой, стало отчетливо видно, что шар – это радиолокационный отражатель, а над ним развевался «Юнион Джек» – союзный гюйс, флаг Соединенного Королевства. На корме читалось название «OYSTER», что означает «устрица».

Катер уже приспустили для погрузки аварийной партии, по шкафуту бежал опаздывающий доктор с огромной сумкой. Не добежав метров десять, он поскользнулся, упал и вывихнул ногу.

До яхты оставалось не более ста метров, и командир дал команду еще раз дунуть наутофоном. Такой рев не услышал бы только мертвый.

В кокпите яхты появилась перепуганная, взломаченная немолодая тетка. «Фаддей» застопорил ход и лег в дрейф.

С яхтой наконец установили связь. Оказалось, что престарелая леди путешествует в одиночку и у нее все в порядке. Просто она отдыхала и не слышала «ухаживаний» «Фаддея». Идет она из Англии на Канарские острова, и помощь ей не нужна. Есть только одна просьба – не подходить к ней так близко.

Командир в сердцах чертыхнулся:

– Вот тебе и устрица! Поднять катер! Ход 12 узлов, рулевой, ложись на прежний курс!

Закрепляя катер по-походному, боцман придавил себе руку стопором.

Из штурманской рубки показался штурман с военно-морским разговорником в руках:

– Товарищ командир, может, ей счастливого плавания пожелать?

– Пожелай этой устрице семь футов под килем.

– Первый, я Второй, прошу на связь.

– На связи Первый.

Не вдаваясь в детали, командир доложил:

– Спасательная операция завершена, потерь нет!

Над Атлантикой сгущались сумерки. Взошла яркая луна, похожая на дыню колхозницу, на небосводе начали появляться первые звезды, прибитые золочеными гвоздиками к вечности.

Ярину вспомнились чьи-то строчки:

Я крупница в храме, Богом данном.

Это много. Это ничего.

В трепете сливаюсь с океаном.

Чувствую энергию его.

ПУП ЗЕМЛИ

На восемнадцатые сутки экспедиционного похода суда вошли в Гвинейский залив и подошли к экватору. Море пустынное – ни судов, ни птиц. Температура под тридцать, большая влажность, душно и нет яркого знойного солнца, на экваторе оно белое, как будто подернуто кисеей.

Несмотря ни на что, настроение у всех приподнятое, ведь после обеда переход экватора, а это для моряка великий праздник.

История у него богатая. Как писал Н. Боголюбов: «Начало его должно искать с того времени, когда португальцы проникли за мыс Доброй Надежды».

В районе экватора парусные суда частенько задерживались длительными штилями. Продолжалось это безветрие неделями, а то и месяцами, у экипажей заканчивались провизия и вода, многие погибали от голода и жажды. Суеверные моряки обратили свой взор в сторону владыки морей Нептуна. Они придумали праздник, чтобы убажить морского царя и просить его о попутном ветре.

На военном Российском флоте праздник Нептуна впервые отпраздновали в ноябре 1803 года на шлюпах «Надежда» и «Нева», которыми командовали капитан-лейтенанты Иван Федорович Крузенштерн и Юрий Федорович Лисянский.

В эпоху парусного флота моряки, пересекавшие экватор, получали право носить золотую серьгу в левом ухе и сидеть в портовых кабаках положив ноги на стол.

Прошло почти двести лет, опасность пересечения экватора миновала, а праздник остался. Живучи, черт побери, флотские традиции!

«Фаддею Беллинсгаузену» и «Адмиралу Владимирскому» предстояло пересечь экватор по нулевому меридиану. У моряков всегда считалось особенно почетным пересечение экватора в точке начала отсчета широты и долготы. Называют ее Пупом Земли, или Золотой точкой.

Командир в приподнятом настроении мерил шагами мостик:

– Штурман, повнимательнее давай! Выводи точно в ноль, а то сам знаешь!

– Не волнуйтесь, товарищ командир, все будет в порядке, комар носа не подточит.

– А мне-то чего волноваться? Это ты волнуйся, командуй давай, выводи в точку.

Штурман поколдовал над картой и скомандовал:

– Руль лево 10, ход 3 узла!

– Есть, лево 10!

Судно сбросило ход и развернулось левее.

– На румбе 165, ход 3 узла!

– Есть! Товарищ командир, через пять минут будем в Золотой точке.

Капитан 3 ранга Ярин устроился напротив приемодинамометра спутниковой навигационной системы и внимательно следил за тем, как меняются в электронных окошках значения широты и долготы.

Наконец все регистры обнулились, на приборе горели двенадцать нулей.

– Обе машины – стоп! Штурман, запиши в судовой журнал: «Застопорили ход, легли в дрейф в Золотой точке. Широта 00 00 00, долгота 00 00 00».

Ощущение было странное, далеко не каждому моряку выпадает пересечь экватор, а уж тем более побывать на Пупе Земли, но вокруг ничего особенного – вода до горизонта.

Обед прошел скомканно, все ждали начала праздника.

Боцманята незаметно спустили рабочий катер, в него быстро погрузились Нептун со свитой. Тихонько оттолкнувшись, они перешли к носу судна и спрятались под подзором.

После обеда, как и водится, свободные от вахт собрались на юте покурить, расслабиться, потрепаться, сыграть в шеш-беш или забить козла.

Неожиданно в воздух полетели сигнальные ракеты, получился целый салют, вокруг судна с шумом, визгом и гиканьем начал кружить рабочий катер, на котором восседал Нептун со свитой. Все рванули на грузовую палубу, там у открытых портиков уже стоял командир в белой парадной форме.

Катер подошел к борту, первым по трапу поднялся Нептун с короной на голове, золотым трезубцем в правой руке и с бородой-мочалкой до пояса. За ним поднялся звездочет в огромных очках, цепляясь за все, что можно, длинным колпаком, усеянным звездами, а уж за ним и все остальные – русалка, черти и виночерпий.

Нептун треснул трезубцем по палубе и страшным голосом протрубил:

– Кто такие?! Как посмели?! Разбудить меня сумели!!!

Дружно заголосили черти:

*– Это знают все вокруг,
Что Нептун наш лучший друг!
А когда на борт взойдет,
Карасям конец придет!*

Нептун снова треснул что есть мочи трезубцем по палубе:

– Тихо!

*Я Нептун – морской владетель,
Рыб лукавых повелитель!
Мой дворец на дне морском,
Весь усыпан янтарем!*

Тут вперед выступил командир:

– Здравствуй, Нептун, владыка рек, морей и океанов! Мы рады приветствовать тебя на борту нашего судна!

Нептун взмахнул рукой:

– Черти, виват морякам!

Нептун обнял командира:

– Ба! Да это же мой старый знакомый! Приветствую тебя в своих владениях, прости, не признал сразу. Встречались мы неоднократно, и многие из твоего экипажа мне знакомы. Знаю, не утратился ты ни штормов, ни ураганов и уберечь свое судно от многих напастей и людей своих в обиду не дал! Такому моряку я всегда рад, виват командиру!

Черти, измазанные отработкой, с рожками на голове, в набедренных повязках, запрыгали и заголосили:

– Виват! Виват! Виват!

– Но по традиции должен я устроить тебе испытание. Готов ли ты перерубить канат, что экватор собой означает?!

Черти поднесли Ярину канат и деревянный топор. Он повертел его в руках, потрогал пальцем лезвие:

– А не найдется ли у тебя, владыка, топора поострее, чтоб закончить это дело и начать праздновать? Проси взамен чего хочешь!

– Все я знаю, все видел, но одной вещи не пробовал. Говорят, в землях ваших далеких из воды да из зерен хлебных умеют живую воду изготавливать. Не богат ли ты часом таким нектаром божественным?

– С превеликой радостью, владыка! Окажи честь, прими сей скромный дар!

Командир протянул Нептуну литровую бутылку «Столичной». Тот передал водку виночерпию, черти вручили Ярину остро отточенный топор. Он размахнулся так, что слетела фуражка, и с первого раза разрубил канат. Черти пустились в пляс.

– Удачи тебе, командир! Попутного ветра и семь футов под килем! А с теми, кто здесь в первый раз, я еще побеседую!

Нептун и Ярин сели в украшенные морскими звездами, ракушками и водорослями кресла, свита разместились вокруг них. Черти начали кричалку:

*– Это знают даже дети –
Нет чертей страшней на свете,
А из всех чертей морской –
Самый лютей и крутой!*

*Если ты моряк отменный,
Вот те кубок здоровенный,
Ну а кто ни так ни сяк –
Получай тогда в пятак!*

Звездочет поправил на голове колпак, развернул свиток с фамилиями тех, кто пересекал экватор в первый раз, и начал читать:

– Моторист 2-го класса Федюкин!

Черти бросились ловить пытавшегося удрать молодого моториста. Волоком притащили и засунули в чистилище – брезентовую трубу, измазанную внутри сажей и отработкой.

Из чистилища он вылез чумазым до неузнаваемости. Черти подхватили его и бросили в купель. После чего главный черт шлепнул ему меж лопатками печать с трезубцем, а Нептун под общие овации выдал охранную грамоту – диплом в честь перехода экватора.

Звездочет безжалостно продолжал:

– Инженер-метеоролог Кобылкина!

Черти взяли женщину под руки. Она выставила вперед специально приспешенную для этого случая бутылочку коньяка:

– Возьмите выкуп!

Черти отдали коньяк виночерпию, он покрутил бутылку в руках и взглянул через нее на свет:

– Не ведаю, что это за напиток такой. В чистилище ее!

С дипломом в руках, совершенно растерянная, она подошла к заму:

– Как же так, я же им выкуп дала!

Зам смущенно отвел глаза:

– А что с них возьмешь, голубушка, это ж черти.

Потом еще десятка полтора человек протащили через чистилище. «Крещенные» Нептуном отмывались в душе, остальные веселились как могли. Праздник удался!

Не отдыхалось только морским геологам. Решили они взять пробу грунта в Золотой точке.

Геологи провозились больше трех часов. Наконец керн был на палубе.

В 00 часов дали ход, командир обошел судно – на вахте все бодрые, свежие, делом заняты, как будто и не было никакого праздника, а в море по-другому и быть не может.

Утром встали на якорь на рейде Луанды. На якорной стоянке никого, кроме наших судов. Океан спокойный, дымка, температура воды 29 градусов.

Начали пополнение запасов топлива и воды. Шипшандлер приволок полную баржу свежих овощей и фруктов.

На берег практически никто не сошел, нечего там делать в этой вечно воюющей нищей стране.

Заход прошел быстро и неинтересно. Ну а теперь без остановок, строго на юг к Антарктиде.

«FURIOUS FIFTIES»

Неформальные названия широт сложились у моряков в те романтические времена, когда на морях господствовал парус и паровые машины еще не заволакивали дымом горизонт. Например, в 30 градусах к северу от экватора широты изобилуют слабыми ветрами и штилевой погодой, и из-за длительных задержек остро ощущался дефицит пресной воды. Чтобы не поить лошадей, которых везли из Европы, моряки были вынуждены сбрасывать их за борт, отсюда и название – «конские широты».

Название 40-х широт Южного полушария, для которых характерны сильные западные ветры и частые штормы, – «ревущие сороковые».

Пояс между 50-й и 60-й широтами неподалеку от берегов Антарктиды за свою злонравность получил имя «неистовые пятидесятые». В те времена бесспорными фаворитами морей были англичане, и названия, естественно, звучали на их языке – «Furious Fifties». Иногда эти широты называют «воюющими».

Полярные восточные ветры начинаются на 60-х, которые прозвали «пронзительными шестидесятыми».

На планете есть немало мест, где возникают ветры с дикими скоростями (тайфуны, торнадо), но все они очень скоротечны. На Земле есть только одно место, где ветрено постоянно – это Южный океан, и если спросить бывалых моряков о самых штормовых местах, то они уверенно укажут именно на него.

Позади Золотая точка и Новый год, и то и другое отмечены с размахом. Распределилась и сфера деятельности судов. Нагруженный адмиралами с пресс-группой, «Адмирал Владимирский» гордо нес Советский флаг по морям и океанам, а «Фаддей Беллинсгаузен», который начальник гидрографии в шутку называл «корабль усатых лейтенантов», пахал как ломотая лошадь.

«Ревущие сороковые» проскочили с попутными работами, «неистовые пятидесятые» встретили свинцовым небом и горбатым морем. «Адмирал Владимирский» пошел дальше на юг выполнять почет-

ную миссию «открытия» Антарктиды, а «Фаддей Беллинсгаузен» остался работать на гидрологическом полигоне.

Все нормальные моряки стараются как можно быстрее проскочить эти беспокойные места, а у гидрографов все не как у людей. Тут философия совсем иная. Если для судоводителя посадка на мель это навигационное происшествие, то для гидрографа – открытие.

Предстоящая постановка многосуточной автономной буйковой станции и производство разовых гидрологических станций в штормовых условиях дело не из приятных – ни поспать тебе, ни пожрать спокойно, ни работу сделать как надо.

На ходовом мостике, в штурманской рубке, проходило стихийно созванное совещание. Сидя в кресле, председательствовал начальник штаба капитан 2 ранга Гапонов, на диванчике у переборки расположились командир капитан 3 ранга Ярин и начальник экспедиционного отряда капитан 2 ранга Парашин. Штурман стоял опершись задом о прокладочный стол и сосредоточенно крутил в руке карандаш, пытаясь пересчитать его грани.

Ситуация была непростая, и Гапонов не стал оригинальничать, а позволил себе процитировать Чернышевского:

– Ну что, господа гидрографы, что делать будем? Командир не задумываясь отрезал:

– А что тут думать? Надо докладывать начальнику и отменять все к чертям собачьим!

– Минуточку, – начал нудить Парашин. – Вы хоть понимаете, какое научное значение будут иметь наши исследования?

Ярин смерил его презрительным взглядом и про себя подумал: «Ну-ну, ты чужими руками орден себе зарабатываешь, а я проблемы», а вслух уже без злобы произнес:

– Да ты на себя в зеркало посмотри, где ты, а где наука?

Гапонов оторвал штурмана от важного занятия:

– Уточни прогноз у метеорологов.

Штурман снял трубку телефона и набрал номер метеолаборатории. После седьмого гудка трубка ответила ленивым голосом:

– Начальник метеолаборатории старший лейтенант Леонтьев, слушаю вас.

– Лео, уточни прогноз на ближайшие сутки.

Ни секунды не колеблясь, Леонтьев уточнил прогноз:

– Полный абзац!

Дело в том, что у него была своя собственная шкала прогнозов: нормально, так себе, абзац и полный абзац. Каждому определению соответствовала конкретная погода, и все это знали.

Штурман повесил трубку и доложил Гапонову:

– Товарищ капитан 2 ранга, ожидается северо-восточный ветер до 25 метров в секунду, море 7 баллов с ухудшением прогноза.

Ярин взорвался:

– Если мы станцию и поставим, то наверняка потеряем!

Начальник штаба в дискуссии не участвовал, он понимал, что командир прав, но при этом был уверен, что Парашин будет ныть перед начальством, доказывая, что станцию поставить было возможно и по вине команды не проведены важные исследования. Подумав, он справедливо рассудил, что лучше получить фитиль за то, что сделал, а не за то, чего не сделал. Не так обидно.

– Идем в точку постановки буйковой станции.

Это уже был приказ, и его не обсуждали. Гапонов склонился над картой, до места постановки станции идти минут сорок. Гидрологический полигон представлял из себя раскрученную вокруг буй улитку размером 30 на 30 миль. Нужно было установить 50 гидрологических станций через каждые 10 миль. Понятно, что в таких условиях о работе с батометрами и речи быть не могло, но на всякий случай, чтобы на корню пресечь фантазии Парашина, Гапонов скомандовал:

– Передайте гидрологам – работать только с отрывными термозондами!

Гидрологи вместе с боцманской командой готовились к постановке буйковой станции. Подняли из трюма буй и вынесли из лаборатории приборы – 12 автономных цифровых измерителей температуры и течения и 12 буквопечатающих вертушек. Гирлянда получалась внушительная, такую быстро не поставишь.

Из штурманской рубки показалась голова штурмана:

– Товарищ командир, вышли в точку постановки буйковой станции.

И началось. Хорошо отработанный экипаж и опытные экспедиционные гидрологи крутились как швейцарский часовой механизм. Оставалось закрепить на тросе несколько приборов, и можно вываливать буй за борт.

Парашин забился в угол за радиолокационной станцией «Дон» и наблюдал за постановкой через иллюминатор, как будто подглядывал в замочную скважину. Судно мотало из стороны в сторону, и командиру с трудом удавалось удерживать его на месте. Палубу давно и плотно накрыло ненормативной лексикой, а Парашина не покидало ощущение, что сейчас его начнут бить. Гапонов не сдержался:

– А ты чего не на палубе?! Иди командуй своими людьми!

Парашин втянул голову в плечи и, озираясь, огрызнулся:

– Там есть кому руководить.

Буй опустили за борт и отдали стропы. Окрашенный в красно-белую полоску с надписью «СОБСТВЕННОСТЬ ВМФ СССР», он сразу начал удаляться от борта.

Штурман записал в судовой журнал время, отсчет лага, координаты, глубину, погоду и характеристики буйковой станции. Проверил написанное и с удовольствием добавил: «Многосуточная буйковая станция поставлена по настоянию начальника экспедиционного отряда капитана 2 ранга Парашина». Даже почерк у него получился какой-то ехидный.

Штурман позвонил гидрологам. Была вахта лейтенанта Холодцова, который готовил термозонды к работе.

– Холодцов, через тридцать минут будем в точке производства первой станции.

– Принято.

В принципе у него все было готово, оставалось одеться потеплей и не забыть страховочный конец. Взяв приборы, он вместе с инженером-гидрологом вышел на палубу. Вой ветра, ледяные брызги, больно секущие лицо, несколько охладили трудовой порыв. Судно в очередной раз подбросило и обрушило – Холодцов не удержался и, высоко подкинув ноги, впечатал зад в палубу.

– Какой придурок...

Крик души лейтенанта Холодцова имел точный адресат – все знали автора сложившейся ситуации.

Погода ухудшалась на глазах, барометр уверенно падал, прогноз Леонтьева оправдывался на сто процентов.

К утру потеряли буй. Никто особо не переживал, все были к этому готовы. Парашин понимал, что пришло время назначать виновных, и стал собирать объяснительные. Работы на полигоне прекратили и начали поиски буйковой станции.

Шли вторые сутки поисков, надежды оставалось все меньше, а погода становилась все хуже. Если в светлое время суток еще можно было уберечь судно от заваливания и ударов, то ночью в кромешной тьме это было невозможно. Беспомощность перед стихией ощущалась в полной мере.

Гапонов с командиром не спускались с мостика. Сильное волнение не давало возможности обнаружить буй с помощью радиолокации – экран радиолокационной станции был засвечен огромными волнами. Даже если бы и улыбнулась удача и буй обнаружили бы, то поднять его вместе с приборами все равно не смогли бы.

Чем сложнее ситуация, тем больше людей на ходовом мостике. Инстинкт подсказывал, что рядом

с командиром безопаснее. К полуночи подтянулись старший механик и замполит.

Гапонов стоял держась за поручень пульта управления, его не покидало чувство, что что-то не так.

– Штурман! А где чехол на пульт управления?

– Да его здесь сроду не было. По крайней мере, я его никогда не видел. Зачем он нужен?

Гапонов по отношению к молодежи был терпелив и заботлив и при любой возможности передавал салагам опыт.

– Запомни, морю доверять нельзя никогда! Ты пойми, без твоих мозгов и рук судно всего лишь кусок железа и против крепкого шторма ему не выстоять. Ты должен уметь предусмотреть любые варианты и быть к ним готовым.

Штурман внимательно выслушал, правда, не понял, при чем здесь чехол на пульт управления, и послал навигатора его найти. Вскоро тот притащил на мостик бесформенный, пыльный, пахнущий затхлостью ком брезента. При других обстоятельствах он бы получил крепкую взбучку: грязь на мостике – не комильфо, но теперь он вместе со штурманом растянул чехол, и они накиннули его на пульт управления, стянув понизу крепежными концами.

Судно, содрогаясь, скрипя и постанывая, с трудом забралось на очередной гребень, задержалось на мгновение и рухнуло вниз. Многотонная стена воды обрушилась на судно. Удар был такой силы, что выбило лобовой иллюминатор и вода хлынула аккумуля на пульт управления. До штурмана дошло, зачем нужен чехол.

На мостике вода гуляла по комингсы. Страшно было подумать, что бы произошло, если бы не было чехла – пульт залило бы водой и короткое замыкание оставило бы судно без управления.

На место выбитого иллюминатора засунули туго свернутый матрас, сразу стих вой ветра и перестала поступать вода. Уцепившись кто за что смог, все тревожно всматривались в непроглядную темень. Это был коллективный молебен первичной парторганизации судна.

Командир вызвал шифровальщика.

– Пиши: «По погодным условиям поиск буйковой станции прекращаю. Командир».

Обычно сонный, мичман с энтузиазмом бросился готовить донесение адмиралу.

Цепляясь за поручни, на мостике появился начальник экспедиционного отряда.

– Штурман, ты-то мне и нужен. От тебя объяснительной до сих пор нет.

– Извините, товарищ капитан 2 ранга, если командир прикажет, напишу.

Ярин принял соломоново решение:

– Сделай ему выписку из судового журнала, а я ее заверю.

Штурман переписал из судового журнала сведения о постановке буйковой станции и в конце добавил: «Выписка верна, командир ОИС «Фаддей Беллинсгаузен» капитан 3 ранга Ярин». Командир с плохо скрываемым злорадством подмахнул и передал выписку Парашину.

Тот читал без интереса, пока не дошел до последней фразы: «Буйковая станция поставлена по настоянию начальника экспедиционного отряда капитана 2 ранга Парашина». Брови поползли вверх, глаза налились кровью:

– Штурман, это что за чушь?!

– Никак нет, это не чушь, это юридический документ.

На лица Ярина и Гапонова, взглядами поощрявших штурмана, легла печать глубокого удовлетворения. От злобы и бессилия начальник экспедиционного отряда скрипел зубами, поиски виновных нужно было прекращать и немедленно начинать нелегкий, долгий процесс списания буйковой станции.

ПЕРВЫЙ АЙСБЕРГ

Судно упорно шло на юг. Пересекли 53-ю параллель. Навигационных карт на эти районы нет, и штурманы работают на картах-сетках.

После злосключений с буйковой станцией шторма в 5-6 баллов эмоций не вызывают. Идет повседневная, рутинная тягомотина – вахта, прием пищи, отдых, вахта... И так круглые сутки. Единственным развлечением было наблюдать за жирующими китами.

Периодически на поверхности появлялись огромные пятна красного цвета – это скопление криля, которого с удовольствием пожирают киты.

Надо сказать, зрелище это было захватывающим – огромная машина заныривает под пятно, раскрывает пасть и выныривает. Через ус кит пропускает больше ста тонн воды и отцеживает до полутонны криля, а это миллионы рачков.

Командир, стоя на крыле мостика, наблюдал за семейством китов, уничтожающих очередное скопление криля, и напевал припев популярной песенки:

*– Если б было море пива,
Я б дельфином стал красивым...*

«А что, вот те пиво, вот те креветки, хоть и мелкие, но все же, не жизнь – мечта!»

Ярин огляделся, вокруг ничего, только одинокий поморник парит за кормой, словно привязанный.

– Штурман, глянь в локацию, что у нас там по курсу?

Штурман отложил корректурный журнал, подошел к радиолокационной станции «Дон» и включил

высокое. Погонял разверстку на десяти милях, ничего интересного не заметил и переключил диапазон на двадцать миль. Прямо по курсу в семнадцати милях была здоровенная отметка. Была четко, без пропусков, на помехи не спишешь. Штурман недоумевал: «Что за ерунда? Явно не судно, таких судов не бывает, и не остров – нет здесь никаких островов, ближайший остров Буве, так до него как до Юпитера. И чего докладывать?»

– Товарищ командир, прямо по курсу в дистанции семнадцать миль цель. Цель не идентифицируется.

Так у него ловко получилось, что ему самому понравилось, но командир такого штиля не оценил.

– Чего?!

Ярин отодвинул штурмана от тубы радиолокационной станции и прильнул лицом к экрану. Прямо по курсу разверстка отбивала большое яркое пятно.

– Ну и чего у тебя не идентифицируется? Забыл, где находимся, куда идем? Айсберг это!

– А если нет?

– Можешь смело записать в журнал – обнаружили первый айсберг.

Штурман сделал в судовом журнале дипломатичную запись: «Прямо по курсу в дистанции 17 миль обнаружена цель, предположительно айсберг».

Во время подготовки к экспедиции он изучил много разных материалов об айсбергах и теперь пытался их систематизировать в своем мозгу. В итоге получилось следующее.

Айсберг – интересное, красивое и опасное явление. В переводе с немецкого «айсберг» означает «ледяная гора».

Свободно плавающих в океане айсбергов много, ежегодно наблюдается по несколько десятков тысяч.

Живут и плавают айсберги долго – лет по пять, но бывают и долгожители – по десять и более лет, и заплывают они бог знает куда, в 1886 году одного такого шатуна обнаружили в Ла-Манше. Совсем не редкость увидеть их в районе Рио-де-Жанейро, а это более 5000 километров от побережья Антарктиды.

Природу айсбергов объяснил еще в XVIII веке Михаил Васильевич Ломоносов – это ледяная гора отламывается от шельфовых, то есть плавучих или частично опирающихся на дно ледников. Точно и понятно, по-ломоносовски гениально.

Родина айсбергов на севере – Гренландия, на юге – Антарктида. Северные айсберги опаснее, они могут спускаться до широт, где пролегают трансокеанские маршруты. Все знают, что произошло с «Титаником» апрельской ночью 1912 года.

Айсберги постоянно находятся в состоянии неустойчивого равновесия, при этом две трети объема айсберга находится под водой. Но и то, что торчит над водой, бывает внушительных размеров. В Кни-

ге рекордов Гиннеса отмечен факт встречи судна с айсбергом размером 335 на 97 километров – размер небольшого европейского государства.

Айсберги бывают пирамидальные и столообразные. Столообразные айсберги не раз принимали за острова, особенно в высоких широтах. Свеженькие айсберги – белоснежные, старея, они голубеют или зеленеют, а так называемые «черные» айсберги – это недавно перевернувшиеся, они темного цвета и плохо различимы на воде.

Вскоре после гибели «Титаника» был создан Международный ледовый патруль, который следит за движением айсбергов и предупреждает суда о возможной опасности.

Вот, собственно, и все познания штурмана.

Вскоре на горизонте показался бугорок. По мере приближения он увеличивался и приобретал четкие геометрические формы. Когда до айсберга оставалось чуть более мили, командир сделал объявление по трансляции:

– Проходим айсберг, желающие могут наблюдать его по правому борту!

Учитывая, что за исключением капитана 2 ранга Гапонова в Антарктике все были впервые, желающих оказалось много. На палубу высыпали все свободные от вахт. Кто с фотоаппаратом, а кто и просто с открытым ртом наблюдали за этим чудом.

Огромная ледяная глыба высотой около ста метров, как будто подсвеченная изнутри изумрудной лампочкой, величественно проплывала по правому борту.

Потом их было много, тысячи, но навсегда запомнился именно этот айсберг – первый.

Командир рассматривал в бинокль удаляющийся ледяной остров.

Скоро айсберг пропал за горизонтом, Ярин отрезал от списанной карты аккуратную полоску, красным фломастером написал «Помни "Титаник!"». и повесил на переборку над прокладочным столом. Получилось на манер макаровского «Помни войну!».

ЮЖНЫЙ МАГНИТНЫЙ ПОЛЮС

Работы по определению Южного магнитного полюса Земли начались в ясный солнечный день. Позади море Дейвиса, в настоящем – море Моусона, погода стоит, на удивление, спокойная, а разбросанные вокруг разного размера и конфигурации айсберги с небольшими колониями пингвинов являют собой импровизированный музей Антарктики под открытым небом.

Настроение, странное дело, по-праздничному приподнятое, как перед началом Первомайской демонстрации.

На самом-то деле от предстоящих работ радости было мало: как минимум неделю, не разгибаясь, под контролем самого адмирала.

Понятное дело, такой важный этап экспедиции не мог начаться без инструктажа. Для пущей важности проводили его на ходовом мостике, а инструктируемых было двое – старший лейтенант Петров и лейтенант Морев.

Тон задал командир – капитан 3 ранга Ярин, из его короткой и яркой речи лейтенанты усвоили, что работа предстоит серьезная и ответственная, а еще они узнали, что адмирал в них верит, а командир их, паразитов, видит насквозь, и если что не так, то по-обрывает им все, что можно пообрывать.

Продолжил инструктаж начальник экспедиционного отряда капитан 2 ранга Парашин, который заначил его настолько, что лишил лейтенантов уверенности в успехе и окончательно запутал. Начал он с того, что появилось магнитное поле Земли 4,2 миллиарда лет назад, рассказал о природе магнитного поля, далее поведал о главном поле и о полях мировых аномалий и перешел к параметрам магнитного поля Земли. Когда он подошел к изогонам и изоклинам, лейтенанты переглянулись и перестали его слушать.

Сгладил ситуацию начальник штаба капитан 2 ранга Гапонов, смягчив инструктаж примерами из личного опыта и в конце поздравив с тем, что мы будем первыми, кто определит местоположение Южного магнитного полюса на море.

А сделать предстояло следующее – определить место Южного магнитного полюса Земли, а заодно понять, что это – точка или некая площадь. Уточнить фактическую чувствительность магнитных компасов и определить зависимость девиации от магнитной широты.

Работы координировались с «Владимирского», а замысел был следующий – оба судна должны пройти по дугам разного радиуса вокруг предполагаемого места полюса, измеряя магнитное склонение через каждые 10–15 градусов направления на него. Ну а затем штурманским методом «по нескольким пеленгам» определить точное место Южного магнитного полюса.

Непонятно было, на каких дистанциях от полюса маневрировать. Если проведешь дугу слишком близко, вряд ли магнитные компасы будут работать надежно, если расстояние увеличить, уменьшится точность прокладки направлений на полюс. Но это был «адмиральский» вопрос, и лейтенанты им не заморачивались.

«Адмирал Владимирский» шел по внутренней дуге, а «Фаддей Беллинсгаузен» по внешней. Сан Саныч Петров колдовал над магнитометром, а Морев исполнял ритуальные пляски с инclinатором и дефлектором Колонга вокруг магнитного компаса.

Результаты измерений немедленно передавались на флагман, где адмирал, закатав рукава форменной рубашки, самолично наносил изолинии на карту.

В напряжении были все – от командира до моториста, работа требовала высокой квалификации и предельного внимания. И вот наконец через неделю, когда уже было сделано порядка ста серий измерений магнитного склонения, более шестисот галсов и пройдено несколько тысяч миль, с «Владимирского» пришла телеграмма, подписанная адмиралом. Командир торжественным голосом зачитал ее по трансляции:

– Внимание экипажа и экспедиции, в наш адрес пришла телеграмма подписанная начальником гидрографии:

1. Вам предоставляется право обозначения Южного магнитного полюса. Следовать в предварительно рассчитанную точку ЮМП.

2. На параллелях 60, 62 и, если получится, 63 градуса, определить склонение.

3. В точке полюса поставить специальный буй. Провести торжественную церемонию с кино- и фотографированием. На полюсе и в его районе замерить наклонение и вертикальную составляющую, взять грунт и воду для музея гидрографии.

4. На всем переходе к полюсу и далее производить замеры дефлектором чувствительности обоих магнитных компасов.

5. Место полюса предварительное, по мере движения к нему возможны уточнения.

6. Поздравляю личный состав с почетным поручением, желаю успешного его выполнения!

«Адмирал Владимирский» ушел на станцию «Ленинградская» снять заболевших полярников, а на «Фаддее Беллинсгаузене» подходило к концу выполнение указаний адмирала.

Боцманы готовили буй, который, собственно, и будет символизировать Южный магнитный полюс Земли.

Ближе к полудню среди айсбергов нашли участок чистой воды и приступили к завершению эпопеи с ЮМП.

Гидрологи взяли пробу воды, геологи подняли со дна керн грунта. И на той, и на другой колбах красовалась надпись – «ЮМП 03.02.1983».

Грузовой стрелой приподняли выкрашенный охрой буй, на котором крупными печатными буквами белого цвета было написано: «Южный магнитный полюс. 3 февраля 1983 года».

Зам организовал на полубаке торжественный митинг. Встав прямо под бумом, он открыл митинг:

– Товарищи, торжественный митинг, посвященный определению современного положения Южного магнитного полюса, прошу считать открытым! Слово

предоставляется начальнику штаба капитану 2 ранга Гапонову.

Гапонов занял место под бум.

– Товарищи гидрографы! Во время плавания вблизи магнитного полюса нами получены уникальные данные наблюдений за изменением девиации. Уникальность их заключается в том, что они проведены:

– в широком диапазоне широт – от 45 градусов северной до 70 градусов южной;

– в непосредственной близости от магнитного полюса;

– в сравнительно короткие сроки;

– на одних и тех же судах;

– велись опытными штурманами и магнитоглазами.

Товарищи, мы были первыми, кто определил положение вечно дрейфующего магнитного полюса на море!

В ответ прозвучало нестройное «ура», одобренное жидкими аплодисментами.

По трансляции запустили Гимн Советского Союза, после чего под щелканье фотоаппаратов буй опустили на воду.

Командир поднялся на мостик:

– Самый малый вперед, руль лево на борт!

Малым ходом совершили трехкратное кругосветное путешествие вокруг магнитного полюса и произвели пятикратный салют ракетницами.

Торжественные мероприятия совпали с выдачей шила, праздник удался.

ТЕ ФАНАУИ-А-ТАРА

Завершив работы в районе Южного магнитного полюса, «Фаддей Беллинсгаузен», продолжая комплексные океанографические исследования, начал движение в сторону Новой Зеландии. Получили подтверждение на заход в порт Веллингтон.

Радость от предстоящего захода омрачала ухудшающаяся погода. Ветер усилился до 20-25 м/сек, волнение до 7 баллов, крен доходил до 35 градусов. Шли на север вдоль 180 меридиана, прошли острова Баунти, заодно уточнили их местоположение.

Через трое суток погода улучшилась, в назначенной точке приняли топливо от танкера «Раума» и встали на якорь на банке Менроо в ожидании «Адмирала Владимирского».

Любители рыбалки сделали разведывательные забросы, через пару минут на палубе бились небольшая нототения и огромная мерроу. Все свободные от вахт вывалили на палубу ловить рыбу, у кого не было снастей, тот был на подхвате. Масштабы приобрели размер промышленных, и командир возглавил процесс. По трансляции прозвучала команда:

– Завпроду организовать прием рыбы в провизионную камеру! Вахтенному механику запустить коптильню!

Рыбалка приобрела смысл. Мерроу, экземпляры которой доходили до тридцати килограммов, складывали в тару и спускали в морозильную камеру. Нототения рыба некрупная, ее сразу потрошили и кидали в соль, после чего нанизывали на спицы и отправляли в коптильню.

К вечеру общими усилиями наловили больше трехсот килограммов.

На мостик поднялся командир:

– Баковым на бак, с якоря сниматься! Запускай главные!

Расслабуха кончилась, началась работа. Утром подошли к проливу Кука, впереди в дымке корма «Владимирского» и горы Новой Зеландии. Настроение у всех приподнятое, все шутки вокруг энергетической ценности и вкусовых качеств Кука.

На борт поднялся лоцман, сигнальщики подняли бело-красный флаг. Лоцман по мостику не бегал, команды отдавал негромко, по-деловому. К нему сразу возникло доверие, чувствовался профи.

Прошли залив Фицрой и вошли в гавань Веллингтон. Открылась какая-то нереальная сказочно-мультипликационная панорама, почему-то подумалось, что здесь должны жить хорошие гномики.

Веллингтон, расположенный на южной оконечности острова Северный, был основан в 1839 году и является столицей Новой Зеландии. Название свое он получил в честь Артура Уэсли, 1-го герцога Веллингтона – выдающегося полководца и премьер-министра Великобритании.

Коренное население, полинезийский народ маори, называет город иначе – Те Фанауи-а-Тара, что в переводе означает «Великая Бухта Тара».

В полдень ошвартовались у причала Королевской пристани гавани Ламтон Харбор бухты Порт-Николс порта Веллингтон. На борт ручейком потекли представители местных властей для оформления формальностей.

Из посольства доставили письма, газеты и журналы. Приятной неожиданностью стало то, что о нашей экспедиции пишут «Слава Севастополя», «Флаг Родины» и даже «Красная звезда».

Чуть погода совершила налет съемочная группа «Клуба кинопутешественников».

Наши суда стояли практически в центре города, и это было очень удобно, но до прибытия финансового агента, который должен был привезти местные деньги, об увольнении и думать было нечего.

После получения почты наступила тишина, прекратились шум и суета, судно как будто вымерло. Письма из дома вещь приватная, тут нужно уединиться и читать не торопясь, а потом еще и перечитывать.

«Фаддей» звенел патриархальной тишиной, а на «Владимирском» кипела жизнь, на борт прибыло много народа – от временного поверенного и консула до снабженцев. Ничего не напишешь – бремя флага, да и суда наши были первыми за всю историю государства советскими судами под Военно-морским флагом СССР, зашедшими в Новую Зеландию.

Проспав ночь в обнимку с письмами, приведя себя в порядок, позавтракав и получив стопку новозеландских долларов, Сан Саныч Петров вышел на ют. Там замполит активно руководил набирающим обороты досугом. Петров подошел к заму:

– Запиши меня в город с Моревым и Леонтьевым.

Зам неожиданно ответил отказом:

– Не запишу.

Сан Саныч начал наливать краской:

– Не понял?!

Зам был молодой, в звании старшего лейтенанта, да и в море, по большому счету, первый раз, поэтому если права и качал, то только со ссылкой на руководство.

– Не я это придумал. Принято решение всех отправить на экскурсию. Вон посольство три автобуса подогнало.

– Да на фиг мне эти экскурсии! Мне жена список прислала, чего купить, а еще пива выпить!

Зам не понял и на всякий случай уточнил:

– А пиво тут при чем?

Сан Саныч объяснил ему как неразумному:

– Лето у них сейчас, а летом люди пьют пиво!

Тут подошли Морев с Леонтьевым и друга подержали.

Зам был не вредный, но подневольный:

– Ну как хотите – или едете со всеми, или остаетесь.

Троица демонстративно отошла к другому борту и наблюдала, как народ грузится в автобусы. Когда всех пересчитали, зам выглянул из передней двери автобуса:

– Может, все-таки поедете?

Троица пронзительно молчала. Двери с шипением закрылись, и автобусы, мягко переваливаясь, поехали вдоль причала.

Погода стояла отменная: легкий ветерок, яркое солнце, температура воздуха 20 градусов. Февраль самый теплый месяц в Новой Зеландии.

Оставаться на борту было обидно. Спасение пришло неожиданно – выручила местная партиячка. На большом красивом автомобиле подъехали волонтеры Партии социалистического единства – это такая местная марксистская партия.

Два одинаковых мужика в футболках с изображением птички киви, шортах и белых гольфах приехали показать местные достопримечательности братьям из Советского Союза.

Морев метнулся к командиру:

– Товарищ командир, разрешите, это ж тоже экскурсия?

Ярин махнул рукой:

– Ладно, валяйте, я вас сам запишу. Только назад вовремя и трезвыми!

Сан Саныч, Морев и Лео расположились сзади на мягком просторном диване, местные партийцы сидели спереди.

Счастливый оттого, как все разрешилось, Сан Саныч похлопал партайгеноссе по плечу и совершенно искренне, улыбаясь во всю рожу, произнес:

– Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Тот согласно закивал головой.

Душевный порыв друга не оставил равнодушным Морева, и он зачем-то добавил:

– Но пасаран!

Лео скептически глянул на товарищей:

– Ну вы и дятлы, они же по-русски не понимают.

После долгих переговоров, сопровождавшихся взаимным непониманием, обусловленным естественным языковым барьером, был утвержден следующий план – до обеда осмотр местных достопримечательностей, потом поездка в горы, в загородный дом одного из волонтеров, где предполагался ланч, а затем обратно на судно.

Первым делом поехали на смотровую площадку на горе Виктории. К площадке вела узкая извилистая дорога, утыканная знаками «Берегись». С площадки открывался волшебный вид на город, бухту и пролив Кука. Здесь произошла неожиданная встреча. С правой стороны, рядом с сеткой ограждения, находились представители прессгруппы с «Владимирского». Художник Серкин стоял у мольберта, писатель Вчерашин что-то сосредоточенно записывал в блокнот, а капитан-лейтенант Беднопродавец наблюдал за ними обоими. Морев с сочувствием спросил Беднопродавца:

– Ну что? Надолго?

Беднопродавец тяжело вздохнул:

– А кто их знает, творческая интеллигенция...

Художник Серкин в сердцах швырнул кисть:

– Невозможно работать! Это же не пейзажи, это какие-то открыточные виды!

Осмотр красот, открывающихся с горы Виктории, свернули и поспешили отъехать подальше от соотечественников.

Следующим пунктом программы был Старый Кафедральный собор Святого Павла. Когда проезжали мимо Университета королевы Виктории, взору открылся кампус. На изумрудных лужайках компаниями и в одиночку балдели студенты. Развалившись на травке, они лениво листали конспекты и пили пиво из банок. Да и само слово «кампус», незнакомое и загадочное, будоражило воображение.

Сан Саныч зачарованно смотрел на пейзаж со студентами. Если бы он увидел такое в детстве, то на вопрос, кем ты хочешь стать, когда вырастешь, он бы твердо ответил: новозеландским студентом!

Подъехали к собору Святого Павла, ожидали увидеть что-то грандиозное, а на деле он оказался небольшим и очень аккуратным. Собор был построен в 1866 году полностью из дерева, без единого гвоздя. Снаружи церковь выкрашена белой краской, а внутри оконные витражи создают интересную игру света.

Зашли вовнутрь, местные марксисты начали истоиво креститься. Молодые офицеры-коммунисты, чтоб не обижать хозяев, стыдливо озираясь, тоже осенили себя крестным знамением.

После собора посетили Национальный музей Те-Пана-Тонгарева, что в переводе с туземного означает «Место сокровища этой земли». Походили, поглазели, но без особого восторга, очень это походило на краеведческий музей города Севастополя, только гораздо больших размеров.

Зато впечатлил автомобильный музей. Не верилось, что здесь, у края земли, может быть такая коллекция автомобилей. В экспозиции более четырехсот автомобилей, которые охватывают практически всю историю автомобилестроения. Там были машины, похожие на кареты с моторчиком, с деревянными колесами, авто, принадлежавшие известным гангстерам, и даже автомобиль Гитлера.

Дальше гостеприимные волонтеры хотели отвезти гостей в зоопарк, но наткнулись на дружный протест. Принимающей стороне напомнили о пункте плана, в котором шла речь о том, чтобы выпить и закусить. Большинство голосов было решено все же завершить экскурсионную часть программы и приступить к ее релаксационной части.

От центра Веллингтона до дома добрались за полчаса. Машина въехала на небольшую частную стоянку, идеально вымощенную натуральным камнем. Взору предстало шале в альпийском стиле из стекла и дерева, укрытое зеленью вековых деревьев.

Петров ткнул локтем Леонтьева и процедил сквозь зубы:

– Вот заразы, они что, здесь коммунизм уже построили?

Странное было ощущение, будто бы чего-то не доставало. Где сетка рабица по периметру, где сарай для лопат и грабель? Где вечно жгущие мусор шумные соседи? А главное, непонятно, где домик для уединения, то есть галлеон.

Морев проявил живейший интерес, задав краеугольный вопрос советского дачника:

– Сколько соток?

Вопрос остался без ответа – ни перевести, ни понять это новозеландцу не под силу.

Вошли в дом, внутри тоже все дышало достатком. Встретила хозяйка – стройная, улыбающаяся, ухоженная женщина, в руках поднос с канапе и маленькими рюмочками. Все вокруг кричало о том, что гостям здесь рады.

На судно их отвозил сын хозяина.

Прибыли вовремя, с кучей впечатлений и слегка навеселе.

Рано утром в приоткрытую дверь каюты протиснулась голова шестьдесят пятого размера:

– Хватит валяться, пойдем в город, отдохнем по-человечески!

Нарушителя спокойствия Морев узнал по голосу, это был капитан-лейтенант Кухарчук. Саня Кухарчук – двухметровый здоровяк с вечно хорошим настроением и намертво прилипшей еще в Эфиопии кличкой ББН (большой белый начальник), эдакий Харитон Балун из «Большой жизни».

Морев потянулся и ткнул ногой койку сверху, там сладко спал штурман лейтенант Кудряшкин.

– Женя, вставай, он все равно не отстанет.

Женя Кудряшкин инстинктивно еще сильнее завернулся в одеяло. Кухарчук подошел и очень заботливо снял штурмана со второго яруса вместе с одеялом. Спротивляться было бесполезно и бессмысленно.

Через двадцать минут, расписавшись в журнале увольняемых, тройка сошла на берег. Старший тройки капитан-лейтенант Кухарчук уверенно вел товарищей одному ему известной дорогой. Скоро они вышли к набережной Ламбтон.

Морев с Кудряшкиным, запыхавшись, семенили за старшим. Набережная Ламбтон вместе с Чиллистрит и Кортни-плейс образовывали так называемую «золотую милю» – торговый район с аркадами, универмагами и бутиками. Здесь можно было купить все – от зубочистки до автомобиля. Саня Кухарчук остановился под вывеской «TSB Bank. 145 Lambton Quay».

– Молодежь, у вас один час на удовлетворение частнособственнического инстинкта. Встречаемся здесь, а дальше будем отдыхать.

У Морева заняло в правом боку, он хорошо знал Кухарчука еще по Эфиопии и, собственно, понимал, что тот закладывает в безобидное словосочетание «будем отдыхать».

Разбежались по магазинам. Саня Кухарчук топтал аптеки, ему нужно было добыть какое-то уж очень дефицитное лекарство со сложным кучерявым названием. Морев ждал прибавления семейства и скупал все, что необходимо для новорожденных. Женя Кудряшкин, впервые попавший в капиталистическую страну, хватал все, что видел.

Ровно через час, нагруженные пакетами и коробками, Морев с Кудряшкиным встретились под

вывеской банка, где их уже ожидал Кухарчук с не-
большой упаковкой лекарства.

– Все, про хозяйственные дела забыть! Идем
пить пиво!

Кухарчук молча и уверенно вел их к цели. Стран-
ное дело, был он здесь, как и они, в первый раз, но
вел себя как уроженец этих мест. Кудряшкин, нагру-
женный больше других, взмолился:

– Может, хватит уже ходить, вон это пиво кругом
продают.

– Это все привозная фигня. Коль уж попал в Но-
вую Зеландию, то и пиво надо пить местное.

Наконец доковыляли до вывески «Lion beer
1859» над входом в полуподвальное помещение.
Нужно заметить, что пиво в Новой Зеландии напиток
среди алкогольных самый популярный и местное на-
селение выдувает его по шестьдесят пять литров на
человека в год.

Оставалось только порадоваться за местных жи-
телей, а «Lion beer» с 1859 года являлось самым из-
вестным на мировом рынке новозеландским пивом.
Откуда все это мог знать Кухарчук, загадка. Хотя от
человека, читающего Шекспира в подлиннике, мож-
но ожидать чего угодно.

Спустились в бар – небольшое уютное помеще-
ние на десяток столиков, длинная барная стойка и
приглушенное освещение.

Кухарчук сделал заказ на чистом йоркширском
диалекте. Морев тоже решил блеснуть знанием ан-
глийского:

– А воубла есть?

Бармен в черной рубашке и белом фартуке по-
ставил на стол поднос с солеными печеньками и
орешками. Тут же появились три стакана и три ли-
тровые кружки с пивом. Кружки больше смахивали
на кувшины, и Кудряшкин допустил крамолу:

– А может, это не кружки?

Кружка-кувшин очень гармонично смотрелась в
большой кухарчуковской руке. Он повертел кружку:

– А что ж это такое? Кружка и есть.

Морев тоже позволил себе засомневаться:

– А стаканы тогда для чего?

Саня Кухарчук пару раз дернул кадыком и осу-
шил сосуд с пивом.

– Стаканы – это наверняка для крепких напитков.

Он жестом заказал еще пива. Бармен поднес
очередную кружку-кувшин с богатой кремовой шля-
пой пены. Кухарчук отхлебнул половину и заказал
три «Смирновских» водки.

За ними незаметно с интересом наблюдали
местные любители пива с соседних столиков.

Кто знал, что у них принято из этого кувшинчика
разливать пиво по стаканчикам.

Бармен принес три маленькие стопки с водкой.
Кухарчук посмотрел на это недоразумение и слил

водку в пивной стакан. За ним наблюдали, уже не
скрываясь. Саня махнул водку и запил пивом из кув-
шина. Посетители бара отметили это бурными апло-
дисментами, а бармен, смущаясь, попросил разре-
шения с ним сфотографироваться.

После третьей подачи они искренне полюбили
эту страну и ее жителей. В стране, где варят такое
пиво, нехорошие люди жить не могут.

Пива выпили много. Вкус, цвет и аромат были
идеально сбалансированы, было оно холодным и не-
разбавленным...

После ужина начался вечерний ритуал. Так всег-
да бывает во время захода в иностранный порт, все
ходят друг к другу в гости по каютам и показывают,
кто что купил.

Потом много чего еще было. Суда посещали
представители общества дружбы «Новая Зеландия–
СССР», делегация местного Океанографического
института, сотрудники Национальной исторической
библиотеки. Состоялось совместное с сотрудниками
посольства празднование 23 Февраля.

В перерывах между этими мероприятиями по-
полнили запасы воды, продовольствия и провели
планово-предупредительный ремонт.

Наступил момент, когда захотелось отдохнуть от
отдыха.

Пять дней пролетели как один миг. Вечером на
борт поднялся лоцман, отдали концы и отошли от
причала. На информационной доске появился све-
жий боевой листок, в котором подводились ито-
ги: «Личный состав проявил высокое понимание
сложной международной обстановки, патриотизм
и интернационализм, вел себя с честью и достоин-
ством, что произвело хорошее впечатление на но-
возеландцев».

Прощай, Великая Бухта Тара, прощай, сказочная
страна, прощай, буйство красок, наш путь лежит на
юг, к Антарктиде, где все в черно-белых тонах, где
холодно и воет ветер.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Взяли курс на юго-восток, погода штормовая –
ветер северо-западный 25 м/с, море 8 баллов. «Ад-
мирал Владимирский» и «Фаддей Беллинсгаузен»
работают на параллельных курсах, вахты несутся во
всех лабораториях, производится полный комплекс
океанографических работ. Периодически курсы судов
пересекаются для взаимного контроля измерений.

Пересекли сто восьмидесятый меридиан, пе-
решли в Западное полушарие, позади три месяца
экспедиционного похода, осталось два. Дни на ка-
лендаре зачеркиваются все веселее.

Подошли к Антарктиде, практически завершая плавание вокруг нее, снова айсберги и снежные заряды.

Штурман завис над картой Антарктиды, чем-то она ему напоминала эмбриона с пуповиной, уходящей в пролив Дрейка. Море Беллинсгаузена, плато Амундсена, остров Росса, море Дюрвиля, море Лазарева, земля Уилкса... Какие имена, какие судьбы!

Сколько исследователей положили жизни, покая этот ледовый континент, сколько копий сломано по вопросу первенства открытия Антарктиды, а все ради чего? Стоит себе пятый по величине континент и ничейный. Его размышления о том, как прирастить и без того бескрайние просторы Родины, были цинично прерваны командиром:

– Штурман, курс на остров Смоленск!

Штурман не торопясь рассчитал счислимое место, соединил его с островом параллельной линейкой и приложил транспортир:

– Курс 86 градусов!

Командир отдал команду рулевому:

– Лево руля, курс 86 градусов!

До острова Смоленск было трое суток хода, если, конечно, все пойдет по плану.

Остров входит в архипелаг Южных Шетлендских островов и, собственно, как и все другие острова архипелага, несет двойное название. На наших картах он отмечен как о. Смоленск, а в скобках как о. Ливингстон. На буржуйских картах – Livingston island и никаких тебе скобок.

А все потому, что никто не хочет отдавать пальму первенства. В феврале 1819 года остров, да и весь архипелаг, был открыт английским капитаном Уильямом Смитом, а через два года, в феврале 1821 года, Фаддей Беллинсгаузен дал точное описание острова, нанес его на карту и назвал его в честь Смоленского сражения, а заодно дал названия практически всем крупным островам архипелага.

Так они теперь и пишутся – о. Бородино (Смит), о. Малый Ярославец (Сноу), о. Полоцк (Роберт), о. Березина (Гринвич), о. Ватерлоо (Кинг Джордж)...

Вот такие они, дважды открытые и дважды названные.

Вечером перед показом фильма вместо политинформации выступил с сообщением капитан 2 ранга Гапонов:

– Товарищи, командованием экспедиции нам поручено особое задание. 15 лет назад «Фаддей Беллинсгаузен» высадил на остров Смоленск гидрографов-черноморцев с радионавигационной станцией «Координатор». Отработав, они заложили на острове небольшой запас продуктов, мы должны эту закладку найти и описать состояние продуктов.

Гапонов, будучи молодым офицером, сам участвовал в той экспедиции, и ему было что рассказать.

Следом выступил старый гидролог Хабибулин, который тоже принимал участие в той высадке на остров, и рассказал, в каких условиях приходилось работать. В конце он выразил готовность оказать помощь в поисках закладки.

Хоть коробка с продуктами и не сундук с пистолетами, но все же становилось интересно.

Утром отличилась промерная группа – обнаружила две подводные горы высотой более 2000 метров над ложем океана. Предложили назвать их Севастопольские.

За двое суток до подхода к острову случился Международный женский день, и все работы на камбузе, в кают-компании и в столовой выполняли мужики. Вместо цветов женщинам вручили медали «Участнику антарктической экспедиции» и пожелали счастья в личной жизни.

На рассвете 10 марта подошли к острову Смоленск, командир выбрал место якорной стоянки и вызвал боцмана на бак.

Погода стояла, на удивление, спокойная и видимость была прекрасной. Черно-белый остров лежал как на ладони. Черные вулканические породы местами были покрыты снегом и напоминали матросов в форме № 4 после 1 мая – черный бушлат и белая бескозырка.

Признанный был пейзажец, но даже в этой убогости была своя неповторимая красота.

Без лишнего шума, чтоб не будить раньше времени команду, стали на якорь. Семейство косаток, вспарывая мощными плавниками поверхность воды, патрулировало побережье. У уреза воды, на черном вулканическом песке, аккуратными сардельками лежала группа тюленей уэдделла – потенциальный завтрак косаток.

Командир сидел в кресле, смотрел на остров, курил и думал, кого бы послать на берег.

Штурман готовился к сдаче вахты и подбивал судовую журнал.

– Штурман, ты что после вахты планируешь делать?

– Понятно что, спать буду.

– Ну-ну, ты так всю жизнь проспичь.

Ярин лишний раз убедился, что по-хорошему с подчиненными нельзя.

На ходовой мостик зашел старший лейтенант Петров с данными по проделанной работе, чтоб их включили в утренний доклад адмиралу.

– Петров, как ты думаешь, чем займешься после вахты?

Сан Саныч понимал, что забота командира о его личном времени ничем хорошим закончиться не может, но ответил как на духу:

– Как положено после ночной вахты, спать пойду.

Ярин вылез из командирского кресла:

– А вот и не угадал! Ты, Петров, назначаешься старшим группы по поиску продуктовой закладки. Возьми с собой Хабибулина и еще кого-нибудь. Все тщательно задокументировать, твой отчет пойдет лично начальнику гидрографии. Надеюсь на тебя, Петров!

Последнее было перебором. Сан Саныч ответил «Есть!» и пошел готовиться к высадке.

Третьим в группу он взял морского геолога Виталия Подопригора.

Плотно позавтракав, они вышли на шкафут правого борта, где их ожидал рабочий катер. Напуговать их вышел сам Гапонов. Петров увидел на корме катера внушительных размеров ящик:

– А это что такое?

– Это продукты и памятная записка с маршрутом и целями нашей экспедиции для тех, кто найдет эту закладку.

– А как мы этот ящик по острову таскать будем?

Вопрос был по существу и требовал конкретного ответа.

– Ну вы уж там расстарайтесь как-нибудь.

После этого можно было грузиться. Петров и Хабибулин сели в катер налегке, а Подопригора был длинный, худой и хозяйственный, на его сутулой спине огромным горбом пристроился рюкзак с пристегнутым сбоку геологическим молотком.

Через пятнадцать минут они уже были на берегу. Тюлени недовольно ворчали, но с места не трогались, а любопытные пингвины собрались в кучу на безопасном расстоянии и, переваливаясь с ноги на ногу, наблюдали за странными людьми с большим ящиком.

– Ну что, Хабибулин, куда идти-то?

– А я знаю? Прошлый раз мы высаживались совсем в другом месте.

Сан Саныч понял, что дело тухлое, а Подопригора с Хабибулиным ждали указаний.

– Чего встали? Подхватили ящик и за мной!

Как говорил рядовой Швейк, «не важно куда идти, если ты направляешься в Чешские Будеевицы».

Через час блужданий по сопкам они-таки взошли на свою Голгофу. Радостный стон Хабибулина возвестил о конце мучений:

– Вот она! Пришли!

Перед ними была полуразрушенная пирамида из камней. Уставшие, голодные и злые, они обступили этот рукотворный тур.

– Так, без моего разрешения ничего не трогать!

Сан Саныч Петров вытащил из кармана блокнот и сделал первую запись: «11.07. Нашли место закладки, обозначенное каменной пирамидой высотой 60 сантиметров».

– Подопригора, ты геолог, вот ты камни и ворочай.

Ящик, скрытый под камнями, оказался намного меньше того, что они притащили. Снабжение на флоте за 15 лет явно улучшилось.

Сан Саныч сделал очередную запись: «11.21. приступили к вскрытию ящика».

Подопригора поддел крышку своим геологическим молотком, и полусгнивший ящик развалился.

Петров начал описать: «Конверт с запиской истлел полностью, текст восстановлению не подлежит. Упаковка риса истлела, рис полностью покрыт плесенью. Галеты в упаковках полусгнившие, издают неприятный запах...»

Из-под камней вытащили двухсотграммовый медицинский флакон со спиртом. Резиновая пробка была аккуратно закатана фольгой, что напрочь исключало испарение.

Тяжелым взглядом Сан Саныч посмотрел на подельников:

– Ну что? Пишу, что разбит?

Те радостно закивали. В блокноте появилась запись: «Флакон медицинский, двухсотграммовый, возможно, из-под спирта, разбит».

Две прекрасно сохранившиеся, щедро обманные тавотом банки с тушенкой были записаны как «насквозь проржавевшие и непригодные к употреблению».

Спирт тут же развели до искомым сорока градусов и закусили тушенкой. Отдохнувшие, сытые и подбодренные, они соорудили новую пирамиду над принесенным ящиком. Можно было возвращаться, с собой Петров прихватил упаковку испорченных галет и банку с фасолью в качестве вещественных доказательств.

На судне он набело переписал акт о вскрытии и указал предполагаемую причину порчи продуктов – длительное хранение и большая сырость в летние месяцы. Под актом стояли три подписи: старший группы ст. л-т Петров А.А.; инженер-гидролог Хабибулин Н.Г.; техник-геолог Подопригора В.П.

Спирт с тушенкой накрепко их повязал.

Сан Саныч с актом, галетами и банкой с фасолью пошел на доклад к Гапонову.

– Разрешите, товарищ капитан 2 ранга?

– Заходи, Петров, заходи. Ну что у тебя?

– Вот.

Сан Саныч положил на стол перед начальником акт, галеты и фасоль. Гапонов несколько раз внимательно прочел акт.

– Что, и спирт не сохранился?

Петров старался не дышать и говорил в себя:

– Так точно, разбился вдребезги!

Гапонов брезгливо потыкал карандашом в галеты.

– Открой фасоль.

Петров всадил нож в крышку банки. Раздалось зловещее шипение, и каюту окутал запах дохлой кошки.

Гапонов открыл настез иллюминаторы.

– Да, время не щадит ничего. На станции Беллинсгаузена встречаемся с «Владимирским», лично все доложишь адмиралу, с подробностями. Старик это любит.

Сан Саныч кивнул головой, вышел из каюты, прикрыл за собой дверь и наконец выдохнул. Особое задание было выполнено.

ПРОЩАЛЬНАЯ ГАСТРОЛЬ

К полудню добрались до острова Ватерлоо (Кинг-Джордж), вошли в бухту Ардли. Впереди – стоящий на якоре «Адмирал Владимирский», за ним открывается панорама берега, отлично видны станция Беллинсгаузена и присоседившаяся к ней чилийская станция «Президенте-Фрей». Домики на нашей станции голубые, на чилийской – красные. Остров похож на негатив старой фотографии, и яркие цвета строений добавляют жизни в этот унылый антарктический пейзаж, вызывают чувства и пробуждают эмоции.

Ошвартовались к борту «Владимирского» и начали прием топлива. Насосав полные танки, отошли на безопасное расстояние и встали на якорь.

Погода тихая, но пасмурная, у спущенного на воду вельбота очередь – поставлена задача, чтобы каждый член экспедиционного похода ступил на землю Антарктиды.

Загруженный вельбот, глухо чапая дизелем, лениво отвалил от борта.

Полярники называют станцию Беллинсгаузена курортом. Здесь и вправду «курортный» климат: температура воздуха редко опускается до минус 10 градусов. Если, к примеру, сравнить со станцией «Восток», расположенной внутри континента, где температура воздуха опускается ниже минус 80 и при этом солнце светит так, что можно повредить зрение, станция Беллинсгаузена, несомненно, курорт.

Первым живым существом, встреченным на берегу, оказался наш родненький полярник. К берегу бежал мужик в кирзовых сапогах, телогрейке и армейской шапке с ушами вразлет.

– Братцы, лук есть?!

А в это время на «Владимирском» проходила встреча с руководством станции, где было рассказано много чего интересного об Антарктиде, об истории и перспективах исследований и о быте советских полярников.

Знакомство с островом началось с фотографирования у знака-ежа. Говорят, такой есть на каждой станции. Тотемный столб, утыканный прибитыми к нему дощечками – указателями направлений и расстояний до родных городов. Наши старались фотографироваться так, чтобы была видна стреловидная дощечка с надписью «Севастополь 14445 км».

За ближайшей сопкой обнаружили лежбище. На небольшом пляже мирно соседствовали котики, тюлени и четыре морских слона. Чуть поодаль на возвышении кучковались вездесущие пингвины. Это были адели и императорские пингвины – коренные жители Антарктиды.

Существует много видов пингвинов, их около двадцати – и хохлатые, и золотоволосые, и Магеллановы пингвины, и очковые, и папуанские... Обитают они на юге Южной Америки, юге Австралии и Новой Зеландии и даже юге Африки, и только адели и императорские пингвины обитают в Антарктиде.

Обособленная группа императорских пингвинов чем-то смахивала на британский парламент – черные фраки, белоснежные манишки, море важности, океан высокомерия и птичьи мозги.

На почтительном расстоянии от лежбища, стоя у мольберта, творил художник Серкин. Его внимание привлек морской слон.

Шестиметровый исполин, весом в четыре тонны с огромным гипертрофированным носом, нависающим над пастью, источал силу, мощь и тяжелый дух. К нему старались не приближаться не потому, что было страшно, а потому, что воняло. Периодически он раскрывал свою клыкастую пасть и рычал.

По глубоким шрамам на груди, голове и загривке можно было прочитать его непростую биографию. Через многое пришлось пройти этому матерому самцу, чтобы стать хозяином гарема из трех самок.

Слонихи были вполтину меньше и без «хобота», и рядом с ним казались тюленями-переростками.

Прогулялись в глубь острова, отщелкав все тридцать шесть кадров фотопленки, прошли вдоль ручья, отделявшего нашу станцию от чилийской, и спустились к домику, больше напоминавшему морской контейнер.

Несколько раз их путь пересекала пресс-группа, рыскающая по острову в поисках чего-нибудь необычного.

Рядом с домиком-кунгом на огромных китовых позвонках, словно на креслах, сидела молодая пара, это были специалисты-биологи из братской Германской Демократической Республики. Они смотрели на бухту, на стоящие на якорях суда и о чем-то разговаривали.

Подошли, поздоровались, познакомились. Молодые ученые оказались мужем и женой, звали их Тиль и Магда.

Магда довольно бойко щebetала по-русски, а Тиль все больше кивал головой и приговаривал «я, я!».

Магда, видимо, обрадовалась новым людям и пригласила в дом:

– Пойдемте, я поить вас чай.

Тиль был не очень доволен решением жены и неособо это скрывал, вошел он последним, недовольно бурча себе под нос.

Дом гостям не показали и дальше кухни не пустили. Тиль не то сказал, не то отдал команду, Магда перевела:

– Муж просить извинять, у нас, кроме чай и галеты, нет ничто.

Сан Саныч размашисто, по-купечески, вытащил из-за пазухи бутылку шила, разведенного до завещанных Менделеевым 40 градусов.

Леонтьев с Магдой пили чай, Петров, Морев и Тиль – шило. Галетами хрустели все.

Все хорошее когда-нибудь заканчивается, закончилось и шило, да и время поджимало, пора было идти на берег к вельботу.

Четырьмя ходками вернули людей на борт. Внезапно дунуло, с бакштова оторвало вельбот и понесло на берег. Ветер больше 20 м/сек, якорь не держит. Дали ход и вышли из бухты, следом вышел «Владимирский». Всю ночь штормовали, судно бросало так, что уснуть после вахты было невозможно. Высота волн до 10 метров, крен более 30 градусов.

Командир с мостика не сходит, глаза красные, сам напряжен, курит одну за другой.

– Ну Антарктида! Как дурная баба – только соберешься из дома выйти, она тебе непременно скандал учинит, прощальную гастроль устроит.

Утром ветер стих, зашли в бухту, сняли с берега вельбот и дали отходную полярникам. Мы прощались с радостью, а они с тоской.

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Беспокойная стоянка в бухте Ардли подходила к концу, а впереди – Бразилия, заход в Рио-де-Жанейро.

Уже ночью с борта «Владимирского» на «Беллинсгаузен» перешел начальник гидрографии вместе с пресс-группой, которая должна была оказывать помощь экипажу в проведении историко-мемориальных мероприятий при визите в Бразилию.

Быстро снялись с якоря и двинулись на север к проливу Дрейка. Ледовый континент оставался все дальше за кормой, при этом ни тоски, ни сожаления, ни желаний бросить за борт монетку, чтоб непременно вернуться. Наоборот, чем дальше судно удалялось от «главного холодильника Земли», тем лучше

становилось настроение у экипажа. Однако о том, чтоб расслабиться, не было и мысли: адмирал на борту – это вам не шутки. Инстинкт самосохранения обострился до предела, а он, как известно, дает возможность в экстремальных ситуациях проявить все свои скрытые возможности.

Эффект присутствия великая сила! Вахту несешь с утроенным вниманием, про перекуры и не вспоминаешь, выглядеешь стараешься молодцом, и не отпускает мыслишка, как бы это адмиралу-то приглянуться.

Начальник на борту – не к добру, а беда, как известно, не приходит одна.

Южный океан не отпускал, отдыхать после вахты было невозможно. Крен доходил до 37 градусов, западный ветер дул до 23 метров в секунду, высота волны доходила до 10 метров.

Из пролива Брансфилд вышли сначала в пролив Попер, затем в пролив Дрейка.

В проливе Дрейка последний айсберг встретили с радостью, но это была радость не от встречи, а от расставания.

Судно уверенно идет на север, до Рио-де-Жанейро десять суток с попутными работами.

Со временем стало ясно, что адмирала опасаться не стоит, был он моряком с большой буквы и если кого и драл, то за дело, не повышая при этом голоса, с отеческой заботой и юмором. А вот с пресс-группой все было непросто. Загруженная на «Владимирский» в количестве семи человек, она должна была освещать подвиг, совершаемый в память о подвиге. В ее состав входили известный писатель Вчерашин, ленинградский живописец Серкин, кинооператор Бородавка, корреспондент «Флага Родины» Вегетарианцев, фотограф мичман Назарбаев и два близких к начальнику отставных гидрографа Себряйкин и Тютюрин.

Бескрайние океанские просторы и свежий морской воздух привели творческую братию в несколько возбужденное состояние. Они почувствовали себя буревестниками и, не обремененные конкретными обязанностями, решили, что им все можно. Пресс-группа создавала устойчивое чувство всеобъемности, они были везде и творили в полной уверенности, что все это затеяли ради них.

С их легкой руки экспедиция по маршруту первооткрывателей становилась важнее экспедиции самих первооткрывателей, а сообщать об экспедиции стало важнее самой экспедиции.

Поначалу им были рады в любой каюте, и они быстро привыкли к тому, что их везде привечают. Но по прошествии времени им перестали наливать, и они слонялись по судну – кто в поисках природы, а кто в поисках информации, изводя экипаж вопросами и просьбами.

И вот, чтобы эти рыцари стакана и пера окончательно не распоясались, к ним приставили капитан-лейтенанта Беднопродавца. Для Сереги Беднопродавца эта дополнительная нагрузка была в тягость, но, будучи офицером ответственным, он подошел к заданию серьезно и надзирал над ними аки пастырь над овцами.

Памятуя о том, что судно это объект повышенной опасности, а для творческих людей дисциплина и порядок это смерть, он использовал любую возможность, чтобы собрать их вместе и пересчитать.

На «Фаддей Беллинсгаузен» пресс-группа попала в усеченном составе – художник Серкин, оператор Бородавка и военный корреспондент Вегетарианцев остались освещать работу «Владимирского».

Среди перешедших на «Беллинсгаузен» выделялся писатель Вчерашин, уже известный своими произведениями «Привкус ржавчины» и «Канонерка "Гидра"». Держался он несколько обособленно и высокомерно, всячески подчеркивая статусность. По задумке адмирала Вчерашин должен был написать повесть, а то и роман о кругосветной антарктической экспедиции.

Естественно, все хотели ему понравиться, чтоб если вдруг и напишет чего, то только хорошее. Кок подкладывал ему мясистые куски, зам поил чаем и рассказывал о загадочной морской душе, а боцман, с трудом складывая предложения без привычных матерных связок, повествовал о тяжелой моряцкой судьбе.

Утром после завтрака адмирал устроил обход судна. К обеду стало ясно, что все время мы занимались не тем и не так. Досталось всем, поэтому было не так обидно, но все же больше остальных досталось штурману. Бывший штурман крейсера «Дзержинский» и бывший главный штурман Черноморского флота, адмирал оттянулся на штурмане по полной. Женя Кудряшкин мерил шагами штурманскую рубку и то ли жаловался, то ли возмущался:

– А главное, за что?! У меня все чики-пики, комар носа не подточит! У любого можно спросить – у Кудряшкина порядок.

Проходим море Скотия, погода все еще неспокойная. Адмирал провел беседу с экипажем и экспедицией, рассказал о ходе плавания двух судов и его освещении в прессе, о задачах визита в Рио-де-Жанейро. После чего вручил передовикам медаль «Участнику антарктической экспедиции».

С приходом на борт начальника гидрографии пульс жизни заметно участился, забурлила научная деятельность. Адмирал объявил заседание научно-технического совета, назначил докладчиков и распределил вопросы. Готовились тщательно, всерьез, один только штурман лейтенант Кудряшкин ходил гоголем.

– А че? Мне вопрос козырный достался – зависимость потери скорости от обрастания судна. И дураку ясно, чем больше обрастешь, тем меньше скорость. К чему тут готовиться?

Заседание научно-технического совета проводили в кают-компании при полном скоплении командного состава судна и руководства экспедиции.

Первым выступил доктор геолого-минералогических наук Петр Федосеевич Гужик. Он рассказал, как группа морских геологов брала пробы грунта на глубинах более 3000 метров. Вроде бы дело понятное – сделал набор тросов, закрепил грунтовую трубку, предварительно смазав солидолом, и стой себе на лебедке, управляйся. Повезет – вытащишь керн, не повезет – можешь и оборвать. Но у Гужика это так красиво получалось, сыпал он незнакомыми словами, делал акценты голосом, тыкал указкой в какие-то диаграммы, а главное, непонятно ничего и очень значимо, и при этом все, затаив дыхание, слушают. Что тут скажешь – академический институт. Вот она, школа.

Пресс-группа принимала самое активное участие, они задавали глупые уточняющие вопросы, густо исписывали блокнотные страницы, а фотограф мичман Назарбаев беспрерывно щелкал затвором фотоаппарата, тыча в собравшихся объективом.

Затем дали слово начальнику экспедиционного отряда капитану 2 ранга Парашину. Тот должен был доложить о проведенных гидрологических работах, но, понимая, что обязательно встанет вопрос о потерянной буйковой станции, к чему он имел самое непосредственное отношение, Парашин решил соскочить с темы.

С бесшабашной отчаянностью он начал:

– Товарищ адмирал, я с вашего разрешения хотел бы сказать о другом.

У адмирала брови поползли вверх. Не дожидаясь ответа, докладчик ткнул указкой в карту Антарктиды и затараторил:

– Посмотрите, как стратегически выгодно расположена Антарктида. Если правильно подобрать места для установки межконтинентальных баллистических ракет, то мы крепко возьмем супостата за грудки...

Нью-Васюки Великого комбинатора в сравнении с предложением Парашина выглядели детским лепетом.

Казалось, адмирал потерял дар речи, он прикрыл глаза и негромко насвистывал себе под нос. Все знали, что это выражение высшей степени недовольства.

Парашин уверенно завершил:

– Мы уже и места подобрали с описанием и координатами.

Адмирал махнул рукой:

– Сядьте, это вы уж, действительно, совсем о другом.

Следующими докладывали Морев и Петров. Им достался вопрос по девиации и ее изменению в зависимости от магнитной широты. Два тертых прохиндея воспользовались тем, что никто толком не представлял себе, что такое магнитная широта, и тараторили наперебой. Морев приплел теорию Гаусса о магнитном поле Земли, а Сан Саныч Петров, не на шутку разошедшись, неожиданно сделал открытие, показав зависимость величины девиации не от географической широты, а от наклона как функции магнитной широты.

Настроение у адмирала улучшилось, он наклонился к Серебряйкину:

– Хорошая смена растет.

Серебряйкин тут же записал в блокнот: «Ст. лейтенант Петров, лейтенант Морев – хорошая смена». Пресс-группа работала.

Адмирал потер руки и откашлялся:

– Ну вот, совсем другой коленкор! Вижу, дело в надежных руках!

Раскрасневшиеся Морев и Петров глупо улыбались.

– И вот еще что, доложите-ка мне по этому вопросу с более детальными расчетами.

Фотограф хотел сделать крупный план и подошел вплотную к докладчикам, направив на них фотоаппарат, больше похожий на гранатомет. Те изобразили парадный оскал. Сан Саныч мичманов не любил и прошипел:

– Отойди, сундук, зашибу!

Мичман Назарбаев знал, что это не пустая угроза и ретировался. Триумфаторы продолжали дружелюбно скалиться.

Адмирал глянул на часы:

– Ну что, у нас на закуску остался штурман? Послушаем и будем закругляться.

Женя Кудряшкин встал, одернул китель и бодро доложил:

– Товарищ адмирал, штурман ОИС «Фаддей Беллинсгаузен» лейтенант Кудряшкин. Тема доклада «Зависимость потери скорости от обрастания судна». Разрешите доложить?

– Докладывайте.

– Чем больше судно обрастет, тем меньше будет скорость. Доклад окончен.

Адмирал опешил:

– Это что, все?

– Так точно, краткость сестра таланта!

Тут начальник гидрографии Кудряшкину и выдал с указанием места, которое тот должен знать, уточнением его личных качеств, кратким разбором внешнего вида и вообще. В конце адмирал дал штурману сутки на подготовку нормального доклада, иначе...

Что «иначе», можно было только догадываться и зависело это от индивидуальной способности фантазировать.

Серебряйкин записал в блокнот: «Штурман?»

Штурмана жалели все: и друзья, и начальники, и подчиненные. Даже буфетчица, подавая на обед борщ, шмякнула ему двойную порцию сметаны и тяжело вздохнула.

Женя Кудряшкин и сам себя жалел, он сидел в каюте и с тоской смотрел в иллюминатор. Женя находился в состоянии непредсказуемой предопределенности – он точно знал, что его вздуют, но не знал как. Исправить ничего он не мог, потому что как-то упростить сложное – это еще можно, но вот чтоб усложнить простое... Этому даже не учили.

Петров с Моревым зашли его проведать:

– Ну что, Жень, ты как?

– И не спрашивайте, мужики!

Они его поняли и искренне посочувствовали.

ГОРОД ЯНВАРСКОЙ РЕКИ

Десять суток пролетели незаметно, все жили ожиданием встречи с Рио-де-Жанейро. Боцманская команда приводила в порядок судно, с утра до вечера била ржавчину, суричила и красила свежей белой краской борта и надстройки.

По трансляции крутили местный хит – «Антарктический вальс», музыка старшего механика Толи Притулы, слова капитан-лейтенанта Саши Кухарчука. Типичный продукт клуба самодетельной песни, но адмиралу нравится, приходится имитировать восторг.

Про Рио известно немного, подавляющее большинство черпает информацию из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова, откуда известно, что это хрустальная мечта Остапа Бендера и что там полтора миллиона человек и все поголовно ходят в белых штанах.

И несмотря на скудость познаний, каким-то магическим образом туда непреодолимо тянуло.

Вошли в территориальные воды, подняли государственный флаг Бразилии. Теперь на мачте три флага – наш, родной, гидрографии ВМФ, вымпелы адмирала и бразильский.

Ночью пересекли Южный тропик и рано утром подошли ко входу в залив Гуанабара. Уже издали видны характерные вершины на подходах к Рио, прежде всего Сахарная голова, холмы Тижук и пик Корковаду.

Сам Рио расположен на узкой полоске побережья между заливом Гуанабара и горами. Место это было открыто португальским мореплавателем Гашпаром де Лемушем в январе 1502 года. Он принял залив за устье реки, отсюда и название города, в

перевод с португальского означают «январская река».

Нас встречают два катера, на одном лоцман с консулом и представителем морфлота, на другом телевизионщики.

Белым лебедем вошел «Фаддей» в порт, открылась панорама города. Высотные здания из стекла и бетона, нескончаемая полоса пляжей, яхты, хозяйничающие в бухте, и все это венчает парящий над городом Христос Искупитель, раскрывший свои объятия всем входящим в залив.

Погода стояла штилевая, и швартовка была несложной, становились к причалу лагом. Швартовая команда из шести морячков под руководством местного «мичмана» лениво заводила швартовые концы на палы, и что интересно, все были в белых штанах.

Улаживание формальностей не заняло много времени, и уже через час разрешили сход на берег. Первой на экскурсию убыла пресс-группа во главе с адмиралом. Микроавтобус увозил их прочь от судна, по палубам прошелестел общий вздох облегчения. Все-таки нет приятней воздуха, чем пыль из-под колес автомобиля, увозящего начальство.

Первый пункт экскурсии по Рио – это, несомненно, статуя Христа Искупителя, и это не просто достопримечательность Рио-де-Жанейро, это гордость Бразилии и один из популярнейших в мире символов христианства.

Тридцативосьмиметровая статуя установлена на вершине пика Корковаду и добраться до нее непросто, дорога сложнее, чем на Ай-Петри, а на самом верху еще 226 ступеней пехом.

Со смотровой площадки открывается потрясающий вид на город, поделенный на несколько районов горами. В центре – небоскребы, в сторону моря – жилые районы и непрерывная полоса пляжа вдоль всего города.

Нафотографировавшись и напивавшись впечатлениями, двинулись дальше, в Национальный парк к водопаду, где, по легенде, обедали Беллинсгаузен с Лазаревым при своем посещении Рио и даже расписались на скале. Это напоминало паломничество по святым местам.

Водопад оказался небольшим, но довольно высоким, надписи на скале не нашли, но стол обнаружили, и адмирал тут же его идентифицировал:

– Это именно тот стол, за которым они обедали. Нужно будет оставить здесь памятную надпись – «Фаддей Беллинсгаузен 1819 – Фаддей Беллинсгаузен 1983».

У адмирала было чувство юмора, а у пресс-группы нет.

Вечером, словно лангусты, идущие на нерест, гуськом по причалу тянулись из увольнения моряки, нагруженные чем-то звякающим.

Очень скоро выяснилось, что самой популярной покупкой стала кашаса – бразильский тростниковый самогон в красивых литровых бутылках.

Народ собирался группками по каютам, за столом чаще всего звучало: «Нет, у нас такого никогда не будет», «Живут же люди», «Литр меньше чем за рубль выходит, офигеть!» Кашасу полюбили, это была любовь с первого глотка.

Следующий день был «телевизионным»: утром начались съемки для «Клуба кинопутешественников» и для программы «Время».

Брошенная в шутку начальником гидрографии фраза «нужно будет оставить здесь памятную надпись», попав на благодатную почву, укоренилась и дала всходы.

В каюте зама шло секретное совещание. Серебряйкин настаивал на секретности:

– Никто не должен знать, сделаем сюрприз адмиралу. Набьем трафаретом надпись на скале, а ты, Назарбаев, сделаешь фотоотчет.

Мичман Назарбаев, исполнявший в пресс-группе роль фотографа, согласно кивнул.

Зам засомневался:

– Может, все-таки командиру доложим?

Серебряйкин давил на самолюбие:

– Можно, но тогда он все это и возглавит, и на кой тогда ты нужен?

Зам понимал, что это реальная возможность отличиться, и решил. По трансляции прозвучала команда «Боцману прибыть в каюту заместителя командира!».

Боцману дали задание вырезать трафарет, взять краску и кусок поролон.

Через сорок минут группа, состоящая из Серебряйкина, Назарбаева и боцмана, возглавляемая замом, убыла с борта судна.

До водопада добирались на перекладных. Дождавшись, когда туристов стало поменьше, они принялись за дело. Серебряйкин старательно прижимал к скале трафарет «Фаддей Беллинсгаузен 1819 – Фаддей Беллинсгаузен 1983», боцман макал поролон в краску и набивал буквы, мичман Назарбаев все это фотографировал, а зам, воровато озираясь, осуществлял общее руководство.

Немногочисленная публика изумленно наблюдала за происходящим. Когда боцман закончил набивать «1819» и начал закрашивать дефис, к водопаду подъехала полицейская машина.

Сергея Беднопродавец с самого утра принимал активное участие в работе с телевизионщиками и некоторых представителей пресс-группы из виду упустил.

После обеда, недосчитавшись двоих, он заволновался и начал расспрашивать экипаж – кто что видел, кто что слышал.

Когда старший матрос рассказал, что по приказу боцмана вырезал трафарет и отлил в майонезную баночку белой краски, Беднопродавец взвыл: он все понял.

На всякий случай проверив журнал увольняемых и убедившись в намерениях группы, возглавляемой замом, он ломанулся к командиру. Ярин его выслушал и метнулся к адмиралу. Адмирал связался с консулом, и, как оказалось, вовремя.

Сотрудники консульства инициативную группу с бразильской кичи выгнали, но с условием, что те все, что написали, сотрут, и срока дали сутки.

На судне о происшествии уже все знали, и, когда вечером к трапу подъехала полицейская машина и из нее выгрузились наши арестанты, их встретили как героев громким «ура!».

Ночь прошла спокойно, сон был глубоким и безмятежным, а все она – кашаса-голубушка.

Утром хотелось поспать, но динамик громыхал бравурным «Маршем футболистов» Матвея Блантера. Морев накрыл голову подушкой – не помогло.

Он сел на койке, потянулся, размялся, встряхнул головой и встал.

Утренний туалет проводил уже под «Спортивный марш» Лебедева-Кумача и Дунаевского и, растираясь полотенцем, пытаюсь попадать в ноты, негромко подпевал:

*– Эй, вратарь, готовься к бою,
Часовым ты поставлен у ворот!*

За завтраком выяснилась причина утренних музыкальных предпочтений – из консульства привезли билеты на футбол, а футбольный матч в Бразилии, да еще на «Маракане», это, как ни крути, событие.

Матч начинался в 15 часов, и, чтобы убить время, Морев, Петров и Кудряшкин решили сходить на пляж. По городу гулять не хотелось, все, что нужно было купить, уже купили, а смотреть на мусор, нищету и отбиваться от беспризорников удовольствие ниже среднего. Рио – город контрастов, и смотреть на него лучше издали или сверху.

Зам с группой осквернителей исторических достопримечательностей и банкой сольвента убыл на посольской машине на водопад приводить скалу в исходное.

К пляжу вышли быстро, было такое впечатление, что он везде. Копакабана – пляж без начала и конца, изящной многокилометровой дугой тянется вдоль набережной Авенида Атлантика и является самым длинным пляжем в мире. Это такой круглогодичный и круглосуточный, не прекращающийся ни на минуту праздник. И главная достопримечательность Копаканы это не изумрудные воды океана, не белоснеж-

ный мелкий песок, не крытые камышом забегаловки с шумными танцевальными мелодиями, а девушки.

Местные креолки это вам не мулаты какие или метисы, как сказал герой известного фильма, «это что-то особенного!».

Обычно ведь как: если фигура точеная, то рожа обязательно лошадиная, или наоборот, а тут и лица красивые, и фигурки ладные.

Нужно заметить, что индустрия пляжного отдыха в стране победившего социализма и в стране вечно-го карнавала заметно отличалась.

Трое советских моряков в плавках, больше похожих на семейные трусы, посреди этого праздника жизни смотрелись как группа колхозников на ВДНХ.

Вокруг отдыхали: кто пинал мяч, кто танцевал самбу, а кто просто лежал на теплом песке, принимая солнечные ванны. Многие девушки загорали с голой грудью, видимо, у них так принято, и местные на это внимания не обращали, чего не скажешь о гостях города. Сан Саныч очнулся первым:

– Чего стоим как три тополя на Плющихе? Вон пяточок свободный, пошли занимать.

Расположились на песочке недалеко от уреза воды. Их вниманием завладела юная креолка, выпивающая затейливые, возбуждающие па самбы.

Спину ласкал освежающий бриз, а лицо горело от жара, который исходил от нее как от мартена. То, что было на ней надето, назвать купальником было нельзя даже с натяжкой – узенькая полоска яркой ткани, больше оголяющая, чем закрывающая.

Припекало. Морев толкнул локтем Кудряшкина:

– Может, хватит, а то сгорим?

Сан Саныч пресек бунт в зародыше:

– Куда хватит?! Терпите, балбесы, где еще такое увидите!

Через два часа с обгоревшими спинами они возвращались на судно. Шли молча, ходьба сопровождалась общим недоумением, апатией и рассеянностью, так обычно бывает с людьми, пережившими глубокий стресс.

На футбол отправились на легковушке и автобусе. В легковом автомобиле ехал адмирал в парадной форме, приближенные из пресс-группы и Саня Кухарчук в роли переводчика, все остальные любители футбола коллективно предвкушали матч в автобусе.

В Бразилии мирно уживались две основные религии – христианство с самой большой католической общиной в мире и футбол, который исповедывают все без исключения жители этой страны, с главным храмом – стадионом «Маракана».

Вообще-то официальное название стадиона «Мариу Филью», а название «Маракана» он получил по имени речушки, протекающей неподалеку. Именно под этим именем его и знают во всем мире.

Машина с адмиралом проехала внутрь, на стожанку под трибунами для особо важных персон, а автобус остановился напротив главного входа.

Выйдя из автобуса, Сан Саныч Петров придержал за руку Морева – таких величественных сооружений он в своей жизни не видал. С открытым ртом смотрел он на гигантскую чашу и, в конце концов, не смог сдержать возглас восхищения:

– Ну ни... себе!

Прошли мимо памятника Хильдеральдо Беллини – легендарному капитану сборных Бразилии, победивших в чемпионатах мира 1958 и 1962 годов, и встали в очередь.

Когда поднялись на трибуны и осмотрелись, Сан Саныч восхитился еще раз:

– Это же надо!

Морев, футбольный опыт которого ограничился посещением стадиона «Чайка» в Севастополе, чувствовал себя совершенно пришибленным. Самая большая футбольная арена в мире вмещала 180 тысяч болельщиков.

Играли культовые бразильские клубы «Фламенго» и «Палмейрас». Стадион был поделен на две части: одна половина болельщиков была одета в зеленые футболки «Палмейрас», а другая в футболки с красными и черными полосками «Фламенго».

Еще до начала матча болельщики начали соревноваться, кто кого перекричит, а когда команды вышли на поле, раздался рев, люди встали, размахивая флагами, полетел серпантин, загрохотали хлопушки.

Наши сначала пугливо озирались, а потом, раскачиваясь в такт барабанному бою, вместе со всеми безо всякого акцента орали местные кричалки.

Эмоции зашкаливали, это было какое-то коллективное помешательство, а главное, всем было хорошо. Да, бразильская торсида куда круче итальянских тиффози и даже испанских инчос, с такими болельщиками плохо играть просто невозможно.

Впечатлений – море, но главное, мы побывали на «Маракане»! Ведь для любителя футбола «Маракана» это то же самое, что для члена КПСС Мавзолей Ленина или для правоверного мусульманина Кааба.

Весь вечер на судне только и делали, что обсуждали футбол, с этим и уснули.

Наступил последний день стоянки в Рио, это был главный официальный день.

С утра начались ответные визиты. Сначала на судно прибыл командующий Первым морским районом ВМФ Бразилии вице-адмирал Ферейра, после него начальник гидрографии – пожилой пухлый контр-адмирал, затем директорат Королевского национального музея и наши посольские.

Все это сопровождалось фуршетными, а местами и серьезными застольями и требовало некоторого напряжения.

Больше других досталось старпому: ему пришлось целый день общаться с присланным на борт офицером связи. Кадр оказался настоящим «Себастьяном Перейра» и пил не по-детски.

К обеду капитан-лейтенант Самоходов взмолился:

– Товарищ командир, пусть с ним кто-нибудь другой посидит, я уже не могу. Завтра утром выход, я должен быть в форме.

– Старпом, а кому сейчас легко? Этикет – это тебе не хухры-мухры.

– Ну хоть в помощь кого-нибудь дайте, он пьет как насос погружной!

– Это твоя вахта, ты ее и неси, но знай, он должен остаться с хорошими впечатлениями о советских гидрографах.

Как ни было тяжело, а старпом справился. Под покровом ночи «Себастьяна Перейра» вынесли с судна, и, судя по его добродушной блуждающей улыбке, впечатления у него остались хорошие.

Самоходов упал на койку, задернул шторы и забылся сном.

Утром после завтрака голосом командира динамик скомандовал:

– Судно к походу приготовить!

Экипаж занимал места согласно судовым расписаниям, штурман с опухшим сознанием слонялся по ходовому мостику.

Командир стоял у лобового иллюминатора и наблюдал, как боцманята суетятся на баке.

На причале появилась швартовная команда, и опять в белых штанах.

На мостик начали поступать доклады о готовности к походу, и тут командир вспомнил про старпома:

– Штурман, а где старпом?

Кудряшкин пожал плечами.

– Ну-ка вызови его по трансляции.

– Старпому прибыть на ходовой мостик!

Прошло минут пять, а старпом так и не появился. Капитан 3 ранга Ярин начал волноваться:

– Штурман, дуй вниз, найди Самоходова.

Тот добросовестно поколотил в дверь каюты, заглянул в иллюминатор – никаких признаков жизни. Пробежал по судну, никто старпома не видел.

На мостик заглянул вахтенный радиооператор:

– Товарищ командир, получено добро на выход.

Ярин запаниковал: старпом офицер ответственный, наверное, случилось что-то серьезное. Начали широкомасштабную поисковую операцию, искали без лишнего шума, чтобы не узнал адмирал.

А в это время в позе эмбриона Самоходов лежал на зашторенной койке в полной отключке, не реагируя на внешние раздражители.

Командир завелся не на шутку:

– Вызывайте боцмана, вскрывайте каюту и проверьте каждый закуток! Чудес не бывает.

На плафоне ночника над старпомовской койкой проснулся комар, потерял лапки, покрутил головой, расправил хоботок и взлетел. Бразильский комар, нужно заметить, был отборный, весомой, заметив розовую щеку старпома, он решил атаковать. Захотел грамотно, от солнца, на бреющем сел на щеку и воткнул хоботок.

Кровь у Самоходова была насыщена алкоголем, комар расслабился и потерял бдительность. Трапеза его была прервана ловким движением руки старпома. Он так себя треснул, что проснулся. Командиру доложили, что старпом нашелся, живой и почти здоровый.

– Ну и слава Богу. По местам стоять, со швартовых сниматься!

Вышли из залива Гуанабара и полным ходом пошли на северо-восток, в порт Конакри Республики Гвинея.

Рио-де-Жанейро был уже плохо различим, а статуя Христа Искупителя еще долго провожала судно.

ГЕОФИЗИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО

Шли с попутными работами в порт Конакри, где ждала последняя перед домом бункеровка.

Погода в экваториальной зоне чудесная, почти штилевая и температура воздуха комфортная: 26–28 градусов. После Антарктиды непривычно ходить по палубе в шортах.

Адмирал провел очередной научно-технический совет, по итогам потерпевшими признаны геофизики. Получили за дело – не воспользовались возможностью привязки гравиметров.

На пятые сутки после выхода из Рио пересекли экватор, перешли из Южного полушария в Северное. Отгуляли праздник Нептуна – весело, остроумно, в стихах. Из брандспойтов поливали «грешников». Адмирал откупился, а пресс-группу выкупали в полном составе.

До захода в порт Конакри оставалось четверо суток. Начальник гидрографии проверил у геофизиков формуляры гравиметров и обнаружил, что ведутся они плохо, а главное, не отражают самой важной характеристики гравиметров – величины «ухода».

В ответ на справедливую критику начальник лаборатории произнес традиционное военно-морское всеизвиняющее:

– Виноват, товарищ адмирал, исправлюсь!

Адмирал хлопнул дверью и назвал это «геофизическим расстройством».

Зато пресс-группа разошлась не на шутку. Тютюрин предложил поставить о нашем походе пьесу

и снять художественный фильм, Серебряйкин вызвался подготовить доклад в Географическом обществе СССР, Назарбаев достал всех ежедневными групповыми фотосессиями, а Вчерашин призывал членов экспедиции написать ему свои впечатления о походе.

7 апреля – знаменательный день, замкнулась кругосветная антарктическая экспедиция. Адмирал самолично сделал запись в судовом журнале: «9 ч. 15 мин. Ш=6–31' N Д=16–32' W. Замкнуто кругосветное антарктическое плавание. Произведен пятикратный салют». И поставил памятную печать экспедиции в судовой журнал и на карту.

Штурман смотрел на карту и думал: хорошая будет память, и даже придумал, где он ее дома повесит. В штурманскую рубку зашел Ярин:

– Когда перейдешь на новую карту, ты эту карту не убирай, я ее себе на память оставляю.

На мостике зазвонил телефон, Ярин снял трубку:

– Слушаю командир.

Звонил адмирал:

– Карту с печатью аккуратно упакуйте для передачи в музей гидрографии.

Штурману стало не так обидно.

Пресс-группа провела кино съемку салюта, длинным пафосным текстом оповестили гидрографическую службу и сообщили на Всесоюзное радио.

На рейде Конакри встали на якорь. До берега далековато, панорама порта нечеткая, мрачноватая, все в каком-то мареве.

Сам порт расположен на полуострове Калум и острове Томбо, которые соединяет дамба.

Больше суток придется ждать «Адмирал Владимирский», который догоняет после захода в Буэнос-Айрес.

Мимо в порт идут суда в балласте, а из порта – груженные бананами, ананасами и кофе.

Случилось очередное геофизическое расстройство – стоять больше суток, а качать опорные маятниковые наблюдения никто не удосужился. У семи нянек дитя без глаз. Адмирал уже не злится, ему просто интересно:

– Почему?!

А в ответ спасительное:

– Виноват, исправлюсь!

Нехорошее здесь место, нерадостное, рыба, и та не ловится.

Наконец подошел танкер, а следом за ним и «Владимирский».

«Фаддей» принял топливо и стал на низком старте. Желания сойти на берег ни у кого нет, надоело все до чертиков, до боли хочется домой.

Посольские привезли газету «Правда» за 31 марта со статьей Вчерашина «К берегам Антаркти-

ды», в которой маститый писатель поведал о нелегком труде гидрографов и сделанных открытиях.

Снялись с якоря, все, теперь домой без останков и всяких там задержек. Судно, видимо, тоже соскучилось по порту приписки, хоть и немолодое, а бежит бодренько. Через пятнадцать суток должны быть в Севастополе.

ФИНАЛЬНЫЙ РОЗЫГРЫШ

Нет более жалкого зрелища, чем человек, объясняющий свою шутку.

Марк Твен

Лейтенант Кудряшкин отпотевал после прохода Босфора. Не то чтобы он был как загнанная лошадь, но все же эта процедура требовала от штурмана полной отдачи. Черное море встретило попутным ветром, волнение практически не ощущалось, впереди маячила корма «Адмирала Владимирского», а до прихода в Севастополь оставалось менее суток.

Командир спустился в каюту, и Женя Кудряшкин вышел перекурить на правое крыло мостика. До смены вахты оставалось пятнадцать минут. Докурив, Женя умелым движением выщелкнул окурок за борт и проследил взглядом, чтобы он не упал на палубу. Навел порядок в штурманской рубке, аккуратно нанес на карту место судна и сделал запись в судовом журнале.

Скоро нужно будет переходить на новую карту, и он решил облегчить жизнь сменщику. Достал из прокладочного стола путевую карту № 32103 – от Севастополя до мыса Тарханкут, проверил предварительную прокладку и корректуру.

И тут его, что называется, черт дернул – решил он напоследок подшутить над сменщиком.

Женя по линейке карандашом перечеркнул знак Херсонесского маяка и чуть ниже каллиграфическим почерком написал: «Разрушен. ПРИП 34/83». Полюбовался своей работой, сделал запись в корректурном журнале и убрал карту обратно в стол.

Вахту Кудряшкин сдал, как обычно, лейтенанту Мореву и спустился в каюту. Оставалось только ждать реакции.

Через пару часов Морев перешел на карту № 32103, перенес счислимое место и сделал запись в судовой журнал. На Женины труды он внимания не обратил.

После ужина на мостик поднялся командир:

– Как обстановка?

Морев выглянул из штурманской рубки:

– Все в порядке, на внешний рейд прибудем точно по плану.

Капитан 3 ранга Ярин зашел в штурманскую, зажег лампу над прокладочным столом и, что-то мурлыча себе под нос, рассматривал сотни раз виденную карту. Морев вышел к локации и проверил обстановку. Кроме «Адмирала Владимирского», в радиусе двадцати миль целей не было.

Неожиданно из штурманской раздался рев:

– Почему не доложили?!

Морев, ничего не понимая, ввалился в штурманскую рубку:

– Что случилось, товарищ командир?

– Ты меня спрашиваешь?!

И жажнул кулаком по юго-западной оконечности Крымского полуострова, накрыв Севастополь, Балаклаву и близлежащие виноградники.

Морев увидел перечеркнутый Херсонесский маяк и корректурную надпись, его прошиб холодный пот. Командир был безжалостен в своем любопытстве:

– Почему не доложили, я спрашиваю?!

А что тут скажешь, если сам только увидел. Морев снял с полки корректурный журнал, проверил запись – все совпадало.

Для моряка маяки это не просто сооружения, это вечные часовые морей, и ассоциируются они у моряков с надеждой, помощью, спасением и домом. Это святыни морей, которые принадлежат всем и неприкосновенны, как полпреды держав.

А уж Херсонесский маяк для моряка-черноморца имеет особое значение. Построенный в 1816 году, разрушенный немецкой авиацией в 1944 и полностью восстановленный в 1951, он является душой флотского человека.

Понятное дело, моряк с нормальными реакциями спокойноотреагировать на известие о том, что маяк разрушен, не мог. Ситуация накалялась, командир подумал о любимом начальнике – что будет, когда адмиралу доложат о разрушении Херсонесского маяка? Не переживет старик, сердце не выдержит.

Он начал вызывать «Адмирал Владимирский» на 16-м канале УКВ.

– Первый, я Второй, прошу на связь.

В динамике сквозь шум пробился голос:

– На связи Первый, пошли на 14-й.

Ярин переключил радиостанцию на 14-й канал – ушей поменьше, но все же по открытой связи много не наговоришь, и он задал с виду нейтральный вопрос:

– Как себя чувствует начальник?

– Нормально, отдыхает.

– Понял, конец связи.

Командир защелкнул трубку на рычагах радиостанции. Видимо, еще не доложили, берегут старика. Немного подумав, он вызвал вахтенного радиоператора.

Далее события развивались стремительно.

На ходовом мостике появился растрепанный, с красными глазами радист:

– Вызывали, товарищ командир?

– А свяжись-ка ты с оперативным гидрографии и запроси подробности разрушения Херсонесского маяка.

Радист, как и положено, приказ командира исполнил беспрекословно, точно и в срок.

Получив запрос, оперативный дежурный растерялся. Служил он долго, видел много чего, но чтобы такое. Сначала он хотел послать в грубой форме, но потом успокоился и на всякий случай связался с дежурным по Севастопольскому гидрографическому району.

– Слушаю, дежурный по району старший лейтенант Чернов.

– А что там у тебя с Херсонесским маяком?

– А что с ним должно быть?

– Это я у тебя спрашиваю, Чернов! Разрушений нет?

Дежурный по гидрографическому району связался с начальником маяка:

– Что там у вас происходит?!

– Да ничего, маяк работает в штатном режиме.

– А разрушений нет? Обойдите башню и доложите!

Начальник маяка, старый заслуженный гидрограф, ничего не понимая, обошел башню и доложил в гидрорайон:

– Разрушений не обнаружено.

Дежурный по району тут же доложил оперативному:

– Маяк работает в штатном режиме, разрушений нет!

– То-то же, и не спать на дежурстве!

Оперативный дежурный гидрографии повесил трубку телефона и неожиданно для себя почувствовал облегчение.

На «Фаддей Беллинсгаузен» полетело донесение: «Вопроса не понял. Херсонесский маяк работает в штатном режиме, разрушений нет».

Прошло совсем немного времени, и на мостике снова появился вахтенный радист, он передал командиру ответ оперативного и заодно список действующих ПРИП. Ярин внимательно изучил обе бумажки, и, когда в списке действующих не обнаружил ПРИП 34/83, он начал понимать, что произошло.

– А где у нас штурман? Штурмана сюда!

Застегиваясь на ходу, Кудряшкин влетел в штурманскую рубку.

Командир указал карандашом на Херсонесский маяк и тихо спросил:

– Это что?

Женя понял, что шутка не удалась, но еще не осознал насколько. Он густо покраснел и начал невнятно лепетать:

– Я это, я пошутить хотел, я думал...

– Ну что тебе сказать, Кудряшкин, все есть в твоей шутке – и интригующее начало, и неожиданный конец, но почему-то несмешно.

Штурман купился на спокойный тон командира:

– Почему несмешно?

– Да потому, что над святым не шутят!

Ярин спускал пар, он разразился бранью с обильным применением ненормативной лексики.

Уловив перерыв в командирской речи, Кудряшкин пробормотал:

– Это же просто шутка, я же маяк не разрушал...

Когда по существу уже все сказано, начальство всегда задает один и тот же вопрос:

– О чем ты вообще думаешь?!

Господи, о чем может думать рыба, когда ее обваливают в муке. Штурман молча потупился. Ярин успокоился:

– Уйди с глаз моих.

Фактически это было прощением – все же скоро встреча с родными, да и маяк на месте, работает в штатном режиме.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Адмирал Владимирский» подходил к боновым воротам, следом в кильватере уверенно шел «Фаддей Беллинсгаузен». Рядом с ними, словно дворцовая собачонка под ногами породистых лошадей, путался катер с надписью «ПРЕССА» на борту. Над группой кинооператоров возвышался ведущий популярной телепередачи «Клуб кинопутешественников» Сенкевич.

На рейде не тормознули, сразу дали добро на вход, а на командном пункте управления рейдом подняли сигнал «С благополучным возвращением». На сигнальном фале развевались три флага – «UNIFORM», «WHISKEY» и «3». Первый означал – «Курс ведет к опасности», второй – «Мне необходима медицинская помощь», третий флаг – «Тройка», просто цифра, чего с нее взять, зато все вместе это и означало – «С благополучным возвращением». Ох и непроста же флотская служба.

Швартовались на Минной стенке. По причалу, ожидая, прохаживался комфлотом. Сенкевич с микрофоном в руках крутился вокруг него как весенний шмель вокруг Аристолохии крупноцветной.

«Фаддей» еще швартовался, а на «Владимирский» под шум звонков и вопль «Смирно!», отдавая честь флагу, поднимался командующий флотом.

Оркестр жег «Славянку», дирижер оглядывался, стараясь понять, какое впечатление оркестр произвел на командование. Он был единственным, кто позволял себе стоять к командующему спиной.

Скоропалительно начавшийся торжественный митинг, посвященный благополучному возвращению из кругосветной антарктической экспедиции, скоропостижно закончился. Все рвались домой к семьям.

И ДР. (Вместо послесловия)

Отгремела медь оркестров, затихли здравицы, иссякла наконец нескончаемая череда застолий, члены экспедиции разъехались по местам своей постоянной работы и службы, начались привычные флотские будни. Об экспедиции напоминали лишь редкие запоздалые статьи во флотской прессе.

Руководство перешло от бравурных докладов к составлению многотомного научно-технического отчета, в котором милями, сутками, линейными километрами, гидрологическими станциями, пробами грунта, гравиметрической и магнитной съемками и много ещё чем отчитывалось перед Главным управлением навигации и океанографии.

Было уточнено местоположение ряда островов, в лоцию Антарктики внесено более двухсот корректур навигационной информации, определено местоположение Южного магнитного полюса, а «Фаддей Беллинсгаузен» стал первым в мире судном на нем побывавшим.

Однако главный вопрос «Кто же на самом деле открыл Антарктиду?» остался без ответа. Начальники сомнения в этом вопросе приравнивали к измене Родине и ввиду слабой доказательной базы призывали верить на слово. Вера, оно, конечно, хорошо, ежели, например, в Бога, тут уж нужно верить без сомнений и оглядки или не верить вовсе. А здесь и поразмышлять не грех: что вообще означает «открыл»? Увидел? Высадился на берег? Водрузил флаг? Оставил надпись? Нет ответа на этот вопрос.

В наших школах на уроках географии честь открытия Антарктиды безоговорочно отдаётся Беллинсгаузену и Лазареву, относя это событие к январю 1820 года. Британским школьникам говорят, что Ледовый континент открыл Эдуард Брансфилд в том же году и в том же месяце. Американцы твёрдо уверены, что первооткрывателем является Натаниэль Палмер, но чуть позже – в ноябре 1820 года.

Все они видели далекие берега, но приблизиться к ним так и не смогли. Первым водрузил флаг француз Дюмон-Дюрвиль в 1839 году, а у голландцев своя версия – открытие сделал капитан Дирк Геритц аж в 1559 году.

Пальму первенства никто отдавать не собирается. Кругосветная антарктическая экспедиция заставила эту тему звучать громче и ярче и укрепила веру в то, что Антарктида наша, и сомневаться в этом теперь могли только сильно умные беспартийные космополиты или какие-нибудь диссиденты. Мемориальное значение экспедиции было поважнее научного.

Сан Саныч Петров сменился с дежурства, подбил журнал событий и вместе с журналом телефонограмм и бело-голубой повязкой «рцы» передал сменщику. Осталось доложить комдиву, и можно отдыхать.

Потоптавшись для порядка перед дверью кабинета начальника, они несмело вошли.

– Товарищ капитан 1 ранга, старший лейтенант Петров дежурство по дивизиону сдал!

– Товарищ капитан 1 ранга, старший лейтенант Метелица дежурство по дивизиону принял!

Комдив осмотрел обоих придирчивым взглядом:

– Вопросы есть?

– Никак нет!

– Свободны.

Май в Севастополе – золотое время, месяц абсолютного комфорта. Прихватив с собой свежий номер газеты «Флаг Родины», вдыхая полной грудью взбитый пчелками густой, как кисель, воздух, Сан Саныч не спеша поднимался вверх. От причальной стенки до площади Пушкина было ровно 202 ступеньки извилистой узкой тропки, идущей по отвесному склону, поросшему дерезой, сиренью и диким миндалем.

Далее путь лежал через центральную горку мимо 110-й поликлиники ЧФ по улице Сергеева-Ценского, а потом вниз по старинной лестнице, чудом сохранившейся после войны, пересекающей улицу Володарского, и далее на Большую Морскую.

Двенадцатый троллейбус довёз его практически до дома. Дверь открыла жена, и он вручил ей газету.

– Что за газета?

– Там статья про Антарктиду, в конце про меня написано.

Жена трижды перечитала последний абзац и не нашла упоминания о старшем лейтенанте Петрове.

– Нет тут про тебя ничего.

Сан Саныч начал нервничать:

– Да ты последнее предложение прочти!

Жена зачитала вслух:

– «В работе круглого стола приняли участие вице-адмирал Акимов В.И., контр-адмирал Митин Л.И., капитан 2 ранга Панчук Р.П., старший лейтенант Кувшинов П.А. и др.»

– Неужели непонятно?! «И др.» – это я!

Владимир СИЛКИН

Владимир Александрович СИЛКИН родился 14 октября 1954 года в городе Рязске Рязанской области. Окончил Новосибирское высшее военно-политическое общеобразовательное училище, редакторское отделение Военно-политической академии.

Проходил службу в Белорусском военном округе, Южной группе войск, Сибирском, Дальневосточном военных округах, в Главном управлении кадров Министерства обороны РФ.

Секретарь Союза писателей России, председатель правления Союза писателей баталлистов и маринистов, начальник Военно-художественной студии писателей Культурного центра Вооружённых Сил РФ имени М. В. Фрунзе, полковник в отставке.

Заслуженный работник культуры России, лауреат Государственной премии Российской Федерации. Автор сорока пяти книг стихотворений, эссе, песен, переводов, детских произведений.

Кавалер ордена Почёта, орденов Русской православной церкви святого благоверного князя Даниила Московского и преподобного Серафима Саровского. Кандидат педагогических наук.

ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ

МУЗА МОЯ

Муза моя, неизменная странница,
Вновь собирается в дальний поход.
Будет война — ничего не останется
И никого, кто с победой придёт.

Мир содрогнётся от вируса
странция,
Книжные строчки расплавит
напалм.
Вот и взираю с испугом на солнце я,
Что каждый день улыбается нам.

Муза моя! Одолей расстояния,
В сердце войди, не встречайся
с тоской.
Может быть, от твоего состояния
В мире безумном зависит покой.

Муза моя! Перессорились нации,
Ты очищай их слова ото лжи,
Чтоб на далёкой космической
станции
Не прервалась сумасшедшая жизнь.

Муза моя! Мне в плохое не верится,
Но наступает на пятки война.
Кто вам сказал, что Земля
ещё вертится,
Если не слышит молитвы она?

* * *

Не провода, скрипучие качели —
Под ветром нагибаются столбы.
Ах как же мы с тобою не хотели
Услышать грохот танков и
стрельбы.

Но всё равно доносит запах гари
До наших мест локальная война.
И чей-то сын, такой красивый
парень,
За службу не получит ордена.

Да, да, порой случается такое,
Когда среди георгиевских лент
Родителям в Кремле Звезду Героя
Вручает в День России Президент.

ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ

Две пули встретились и разошлись —
Одна под сердце, другая ввысь.

И та, что в небо гулять пошла,
Шальнойю пулей в степи была.

В разгаре лета в ночном бою
Сыскала пуля мишень свою.

Пробила сердце — и будь здорова,
И нет солдата из-под Ростова.

А там, от сына письмо читая,
Взялась за сердце мать молодая.

Кусала губы, встав на колени,
Молясь в тот угол, где бились тени.

Сюда вот пуля зашла хозяйкой —
Глядь, кирзачи стоят,
висит фуфайка.

Присела пуля тихонько рядом,
Кося по дому стыдливим взглядом.

Пришла свинцовой, ушла пунцовой
От тётки Тони от Кузнецовой.

Рыдая, пуля упала в грязь —
У жизни с пулей прямая связь.

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

В первых числах мая 2011 года СМИ сообщили о том, что в возрасте 110 лет скончался последний участник Первой мировой войны, итальянец. 16 августа 2005 года ушёл из жизни Шота Шургая, последний из грузин Герой Советского Союза. 4 февраля 2015 года Первый канал российского ТВ сообщил о кончине последнего Героя Советского Союза из Литвы Леонида Бородина. 8 декабря 2015 года в Санкт-Петербурге на 94-м году скончался Николай Беляев, участник штурма рейхстага. 30 декабря 2015 года в поселке Красная Гора Красногорского района Брянской области на 99-м году ушёл из жизни Герой Советского Союза, почётный гражданин Брянска Иван Никифорович Лысенко, который 30 апреля 1945 года в составе взвода разведки лейтенанта Семёна Сорокина принимал участие в подъёме и водружении над рейхстагом Красного знамени.

Вот ведь жизнь пошла такая:
Разделила, развела.
Слышал, что Шоту Шургая
Смерть нежданно забрала.

На повозку погрузила,
Повезла к себе домой,
Но не знала, что грузина,
Но не знала, что Герой.

А ведь шла за ним по свету,
Где бы только ни бывал,
Шла, когда стране победу
Над фашистом добывал.

Шла сейчас, не чуя груза,
Шла, его перекрестив,
От Советского Союза
Часть Кавказа отломив.

Шла неслышно, как когда-то,
В город скорби и крестов

Мимо ярких флагов НАТО,
Мимо чьих-то блокпостов.

Вот и в Грузии не стало
Ни Героя за Берлин.
От кремлёвской ниши Сталин
Честь отдал тебе, грузин.

Может, встретитесь когда-то,
Чтоб услышать Божий суд,
Если только танки НАТО
По могилам не пройдут.

* * *

В Наро-Фоминске осень золотая —
На много вёрст пожухлое жнивье.
И листья безвозвратно улетают,
Как наши годы, отзвенев своё.

Смотрю им вслед, они летят
неспешно,
Не отрываясь от моей земли.
Душа моя, конечно, не безгрешна,
Но листья в грязь, как грешные,
легли.

За что их так? Откуда же я знаю.
Наверно, небу что и как видней.
И кажется, я с ними улетаю,
Как эта осень, в золоте огней.

ОПОРНЫЙ ПУНКТ

Триптих

I

Опорный пункт... Его ломает рота.
Устав проверен кровью и огнём.
И незачем военному чего-то
Искать несостоятельное в нём.

Но я пытаюсь — к месту и не к месту.
А может, впрямь чего-то не учли?
Я представляю казематы Бреста,
Которые фашисты не прошли.

Аджимушкай и всё, что было после,
Что в летопись Отчизны сведено.
Опорным пунктом были
двадцать восемь
И пушкари с холмов Бородино.

А может, зря я влез в такие дали,
Куда важнее — из вот этих дней,
Где есть ребята из уральской стали,
А может, даже стали попрочней?

Да, я могу сказать о них немало,
В военной службе знают парни толк.
В опорном пункте, если прижимало,
За батальон сражались и за полк.

Они земли не уступили пяди,
Не посрамили доблести отцов,
Не думая о славе и награде,
Бессмертии своём, в конце концов.

Смешно понятие боевой учёбы,
Когда бои ведутся на износ.
На всё они готовы, только чтобы
«Быть или не быть?»
не ставился вопрос.

Идут в атаки на ветру знобящем,
Крещённые водою и огнём,
Чтобы жила Россия настоящим,
Безоблачным жила,
счастливым днём.

II

А я опять историю листаю,
Иду туда, где скачет печенег,
Где поле Куликово замечает
И кровь ещё не высохшую снег.

Она сочится из-под снега ало
И, как полынь, горька и холодна,
И сквозь века она меня достала,
И обожгла дыханием она.

Солёная и с привкусом металла
Стрелы калёной или же копыя,
Напоминает, что ты испытала,
Воюющая Родина моя.

Пройти бы мимо, не поведишь бровью,
Но не ступить ни шагу — всё она.
Нет ничего страшнее нашей крови
И страшного понятия «война».

Алеет снова, током бьёт по нервам —
В моих глазах темно до тошноты.
Но я смотрю, как ломит
в сорок первом
Людская кровь бетонные мосты.

Тебе поможет в этот раз сноровка,
И будет Бог с тобою заодно,
Но у врага английская винтовка,
Тебе её не купят всё равно.

А значит, жди, пока ещё не время,
Наступит час, когда придёт
 рассвет.
Пусть боевик почёсывает темя,
Ему спасенья этим утром нет...

Придёшь домой, закроешь дверь —
 и точка!
Но вновь завоют в сердце холода.
Когда б не подрастала дома дочка,
Ты больше б не поехал никуда.

* * *

Не то, что мните вы, природа...

Ф.И. Тютчев

Насыпьте радости в мешки
И погрузите на подводы,
Ведь эта радость, мужики, —
Благословение природы.

А радость у людей одна,
И радости другой не будет —
Жить так, как вся твоя страна,
И жить в своей стране как люди.

Надеюсь, что зачтутся нам
Забота о родном народе,
Любовь к отеческим гробам
И даже строчки о природе.

ПРЕДЗИМНИЕ СНЫ

Я встал в поту, швырнул подушку
В заиндевелее окно.
Зима идёт и студит душу,
И крутят сны веретено.

Такие сны ломают веру
В непогрешимость бытия.
Выходит, что не знаю меры
В своей запальчивости я?

Я верещу, что света мало,
Что гарью тянет по стерне,
Что чья-то старенькая мама
Уткнулась в сына на войне.

А он убит, ему не страшно,
Он век назад уже убит,
И рядом с мамою фуражка
Его пробитая лежит.

Попробуй мать отнять от сына —
Вцепилась, вмёрзла, будто лёд.
И эта жуткая картина
Покою ночью не даёт.

Опять встаю, беру подушку,
Бросаю в стылое окно...
Зима идёт и студит душу,
И крутят сны веретено.

СОЛЁНЫЙ ВЕТЕР

Павлу Бойко

Солёный ветер вырвется наружу
Из бухты той, где тишь
 да благодать,
И я себя нежданно обнаружу
Там, где земли и дома не видать.

Форштитевень будет молотить
 о воду,
Судьбу доверят звёздам корабли.
В который раз почувствую свободу,
Которую лишь чайки обрели.

...Мигнёт маяк, встречая одиноко,
И грусть уйдёт, ударившись
 в причал,
И вновь поход в моря не вышел боком,
И я тебя, как Солнце, повстречал.

* * *

Скоро, скоро заметёт,
 скоро
Чистым снегом зарастёт
 город.

Буду мерзнущих кормить
 уток,
Будет мало, чтобы жить,
 суток.

Перед пулей не дрожал
 клятой,
Никому не задолжал
 злата.

Может, близких я любил
 мало,
Но ведь сыном добрым был,
 мама.

Что ж хоронят-то меня
 рано?!Я копчёный от огня,
 в ранах.

Я ещё вернусь в родной
 город.
Скоро снег пойдёт стеной,
 скоро...

ЗИМНИЕ ЯБЛОКИ

Какие яблоки в апреле?
У нас они в апреле есть.
Мы берегли их и не ели,
Хотя хотелось очень есть.

Но, переложённые стружкой,
Лежали в ящиках они,
И мы ходили друг за дружкой
И до весны считали дни.

И знали, что необходимо
Не трогать яблоки, терпеть,
Чтоб пережить без хлеба зиму
И с голода не умереть.

Да, мы в такое время жили.
Мы пережили трудный год.
И яблоки, что отложили,
Никто без спроса не возьмёт.

Николай БУРБЫГА

Николай Владимирович БУРБЫГА родился 12 декабря 1951 года в Днепродзержинске Днепропетровской области. Окончил Львовское высшее военно-политическое училище, Военно-политическую академию имени В.И. Ленина, Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, Российскую академию государственной службы при Президенте РФ.

Служил в Среднеазиатском и Туркестанском военных округах, в Афганистане на должностях заместителя командира роты по политической части, пропагандиста мотострелкового полка, редактора газеты «За честь Родины». После окончания Военно-политической академии занимал должности специального военного корреспондента газет «Красная звезда» и «Известия». Длительное время был начальником управления информационного и морально-психологического обеспечения войск Главного управления по работе с личным составом. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, «За личное мужество».

После увольнения в запас Николай Бурбыга работал главным федеральным инспектором аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе в Брянской и Орловской областях. Генерал-майор запаса.

АФГАНСКИЙ ДНЕВНИК

И увидел я новое небо и новую землю.

Апокалипсис

Много лет спустя, вспоминая те дни, задним умом корю себя за то, что ленился вести дневник. Хотя дневник завел. Вот первая запись: «Термез. 13 февраля 1980 года. Завтра едем «за речку». Эта запись сохранилась в моем блокноте. Но ошибся с датой. Поспешил.

14 февраля «за речку» ушли штаб дивизии, политотдел и отдельный разведывательный батальон. Редакция осталась. Имущество не помещалось в одной машине. Нужен был прицеп. День потратил на поиски прицепа. Нашли на одном из предприятий города. Директор готов подарить его нам, но просит за него канистру спирта. Уговорили за полканистры. Согласился. Мы довольны. Прицеп новый, крытый тентом. И спирт не весь ушел. Он нужен для протирки селеновых пластин. Так записано в технико-эксплуатационном формуляре типографии.

Смеркается. Проверяю готовность к маршу. У меня на руках список фамилий тех, кто завтра сможет пересечь границу. Он заверен печатью и подписью подполковника Лозовского, начальника политотдела. В списке нет только Ольги, машинистки-корректоры. У нее нет паспорта, собираясь впопыхах, забыла его, и я не смог внести ее в список. Не на прогулку же едем. Вдруг подходит гренадерского вида незнакомый офицер. В руках держит большой баул и чемодан, который мы зовем «оккупационным». Представляется:

- Старший лейтенант Малышев. Вы завтра в Кундуз?.. Возьмите меня с собой.
- Откуда столько добра?
- Из Германии. Домой в Ленинград не поехал. Сразу сюда. Все равно опоздал. Штаб ушел. В чемодане форма. В сумке – меховая шуба жене. Отвезу летом, во время отпуска. Или с оказией передам.

У офицера голубые глаза, доброе лицо с ямочкой на подбородке. Мне нравится его искренность, простота. Мы долго с ним беседуем. Он рассказыва-

ет про службу в Германии. С его слов понял, почему многие офицеры стремились там служить. Привлекал их не только бытовой комфорт, высокий уровень жизни – пивные гаштеты и свиная ножка, но и боевая подготовка, которой там уделялось повышенное внимание.

Уже ночь. Пора ложиться спать, завтра ранний подъем. Но спать в машине холодно. Не работает бензоэлектрическая печка. Пришлось провозиться с ней полночи. Прапорщик Сапега с водителем Машковым разобрали ее, почистили и поставили на место. Включили – заработала. Температура поднялась, и можно было снять шинели.

Рано утром, позавтракав на скорую руку, двинулись к переправе. Возле понтонного моста много военной техники. Пограничный контроль. Как быть с зайцем Ольгой, которая сидит в машине? Вижу: знакомый офицер, командир артиллерийского дивизиона подполковник Ершов. Подхожу и прошу выручить – взять к себе девушку. К моему удивлению, он быстро соглашается, только просит потом не забыть ее забрать. Набрасываем на Ольгу шинель, надеваем каску и сажаем в кузов. В таком облачении она ничем не выделяется среди солдат-артиллеристов, сидевших в кузове. Подошел офицер-пограничник со списком в руках, мельком заглянул в кузов и, не считая, пошел вдоль колонны. Вскоре беглый осмотр закончился, поднялся шлагбаум, и колонна двинулась. Пока я шел к себе, подтянулась рота химической защиты. Пришлось становиться ей в хвост. Артиллеристов не было видно. Они проехали понтонный мост и уже были «за речкой».

Наконец и наш черед. Впритык подъезжаем к шлагбауму. Капитан, едва взглянув на список, который я ему протянул, дает добро на проезд. Знал бы, что все так просто, Ольгу не пересаживал бы. А теперь где ее искать?..

Громяхая на стыках, быстро проскакиваем железный мост. Въезжаем на чужой берег. Порт Хайратон: речные краны, портовые сооружения, дома – все позади. Жадно всматриваюсь в местность. Какая скучная на цвета природа! Песочные, серые тона преобладают. Они во всем – заборы, дома, пески, поля. И только вдали силуэты гор. Цветовая гамма от охристо-серого до бурого. Выглядят загадочно и молчаливо. На обочине два старых советских танка. Солдаты в форме мышиного цвета с загорелыми лицами. У одного в руке закопченный чайник. Приветливо машет рукой. По встречной полосе до-

роги идет ослик, навьюченный двумя тюками и увесистой связкой хвороста. Рядом с ним старик. Высокий тюрбан на голове, в длинном пиджаке, в коротких, по шиколотку, штанах и резиновых калошах. Вдоль дороги несколько глиняных построек с плоскими крышами. То ли дома, то ли сараи. Редко встречаются низкорослые деревья, больше похожие на кусты. Потом становится и вовсе пустынно. Слева и справа безжизненные пески.

Впереди кишлак. На обочине стоит группка людей. В руках они держат красное полотнище. На нем по-русски: «Здравствуйте! Добро пожаловать!» Улыбаются приветливо. Машков опускает стекло и высовывает руку, чтобы ответить. «Следи за дорогой!» – требую строго. Машина тяжелая, с прицепом, а я пока не знаю какой он водитель.

Проехали с десяток километров, вдруг вижу впереди на обочине колонну машин с пушками. Артиллеристы. Обрадовался: догадались остановиться. Становимся в хвосте. Иду к офицерам, среди которых подполковник Ершов. Увидев меня, Ершов не скрывает радости, улыбается, облегченно вздыхая, а солдаты, напротив, расстаются с нашей «десантницей» с сожалением. Вместе с Ольгой возвращаемся к своей машине, идем вдоль колонны. Вдруг из последней машины на обочину прыгает солдат, чуть не сбив меня, и сломя голову несется в поле. Отбежав метров двадцать, он, задрав шинель, садится на корточки. Местность открытая – ни кустов, ни деревьев. Спрятаться негде. Солдаты подшучивают, острят, сыпят советами, чтобы был осторожен, а то ненароком вон из-за той горочки подстрелят. Кто-то бросает толстую книжку. Узнаю по обложке: солдатский учебник для политических занятий. Слышится хохот: «Отстанешь – будет что читать...»

• *Ольга, А. Краузе, Г. Сапега и Н. Бурбыга перед пересечением советско-афганской границы. Сидят: Ю. Машков и В. Евдокимов.*

Колонна начинает движение. Солдату явно не до смеха. Сделав свое дело, торопливо рвет листы из учебника и в последний момент успевает вернуться на свое место в машине. Его лицо освещает улыбка. Он счастлив.

– Дело житейское. С кем не бывает, – говорит Машков сочувствуя.

– Бывает, – соглашаюсь с ним, – вот только книгу испоганил.

Машков смеется:

– Использовал по назначению: подтерся звериным лицом империализма. Там, где о пиндосах пишут. – Кто такие пиндосы?

– Мой замполит так америкосов зовет.

Машков давит на газ, чтобы не отстать от колонны.

– Значит, говоришь, пиндосы. А почему из разведбата ушел?

– Да подрались мы. Не так ответил взводному. Он меня гнობить стал. Придираться. Я не выдержал – врезал. Хорошо, что Афган, а могло быть и хуже. В дисбат можно было загреметь.

Монотонно гудит двигатель. Почти нет встречных машин. А если есть, то наши. Но чем дальше на юг, тем больше афганских бардухаек, раскрашенных во все цвета радуги. Машков уже знает, что афганцы зарисовывают их для того, чтобы отпугивать злых духов, и считает это дикостью и средневековьем.

Возле населенного пункта Айбак автомобильная пробка. Останавливаемся. Выхожу из машины, чтобы размять затекшие ноги. Неподалеку толпа мужчин, образовав круг, неистовствует. Свист, крики, визг. Подхожу. На самодельной арене дерутся два петуха. Они подпрыгивают, сталкиваются, бьют друг друга сильными ударами клюва и шпор, отскакивают и снова бросаются в драку. Досмотреть петушиный бой я не успел. Колонна тронулась. И нужно было торопиться. От сиюминутной встречи с афганцами осталось странное впечатление. Они смотрели на нас, вооруженных до зубов, как на туристов, путешествующих по их стране. Что нас ждет впереди? Легкая прогулка?..

Через девять лет, в такой же день, я проделаю путь обратно. И будут цветы. Будут улыбки. Будут слезы вышедших провожать нас людей. Но до этого дня еще так далеко...

Едем медленно. На дороге много военной техники и бардухаек. Смеркается. Впереди населенный пункт Пули-Хумри. На развилке совместный пост – наши и афганские военные. Среди них капитан Попов. Он из моего уже бывшего 122-го полка.

– Прямо дорога на Кабул. Через перевал Саланг, – уточняет он. – Кундуз налево. Там уже штаб, политотдел. Но ехать нельзя. Ночные передвижения

запрещены. Так что съезжайте на обочину. Утром уйдете с колонной.

– Как обстановка? Стреляют?..

– Пока нет. Но расслабляться нельзя. Не все афганские военные поддержали новое правительство. На днях поднял мятеж артиллерийский дивизион. Подавили. Те, кто остался жив, разбежались. Бродят где-то поблизости. И что у них на уме, один Аллах знает.

Проехав немного вперед, съезжаем на обочину и становимся за крайней машиной ПАРМ – подвижной ремонтной мастерской. Пахнет кочевой жизнью, дымится походная полевая кухня. В белой куртке поверх шинели повар раздаёт кашу в солдатские бачки. Мимо по дороге идут местные жители. Смотрят на нас с любопытством. На улыбку отвечают улыбкой. Ко мне подходит старая женщина. С ней два подростка лет восьми. На афганку она не похожа. Ни шаровар, ни чадры. В облике что-то до боли знакомое. Не ошибся – русская. Еще в тридцатые годы она вышла замуж за афганского летчика, который учился у нас в Союзе. Приехала к нему на родину.

И вскоре авиационная катастрофа. Муж погиб. Она осталась с двумя девочками – дочерьми. Они выросли. Обе учительницы. Мальчишки – ее внуки. Она говорила, и по ее уже не по-русски темным щекам тихо текли слезы. Я подозвал Машкова и попросил принести несколько банок сгущенки. Мне хотелось хоть что-то сделать для нее. Прощаясь, она все не уходила и просила беречь себя. Она прожила нелегкую жизнь: в ее взгляде глубокая печаль. Мне было грустно смотреть на нее, щемило на душе, может быть, потому, что она и на чужбине оставалась русской женщиной, так похожей на мою бабушку, на тех, кто жил там, в теперь уже далекой России.

Пока я беседовал со старушкой, прапорщик Сапега времени зря не терял. На костре он разогрел тушенку, заварил чай. Ужин готов. Я ем тушенку с черным хлебом, и, кажется, ничего вкуснее быть не может. Потом, взяв бутылку водки (Сапега запасся двумя ящиками водки еще в Термезе и хранил их в прицепе), иду на поиски подполковника Ершова, чтобы поблагодарить за Ольгу.

Нашел артиллеристов в начале колонны. Ершов стоял в окружении своих офицеров. Увидев меня с бутылкой, улыбнулся: вот, мол, как надо в поход ходить. И, набивая себе цену, посетовал: мол, заставил поволноваться, уже собрался было отправить даму назад пешком...

Бутылку разлили. Ершов поднял стакан. Обвел всех долгим взглядом, иронично сказал:

– Поздравляю, товарищи офицеры, с началом «столетней войны».

Все молча выпили, закусив откуда-то появившимися малосольными огурцами.

Потом не раз вспоминал первые дни в Афганистане и этот тост Ершова. Сравнивал первые впечатления с тем, что произошло потом.

Быстро стемнело. Появились звезды. Первая ночь на обочине. Я подошел к своей машине. Все разместились в прицепе, только старший лейтенант Малышев и прапорщик Сапега не спали, ждали меня. Предложил лечь в кунге. Бросив матрасы на пол, не раздеваясь, легли. Я уснул быстро, словно провалился в бездну. Сквозь сон вдруг услышал какой-то шум, лязг танковых гусениц, голоса, крики. Я не понимаю, что происходит. Пол подо мной приходит в движение, и я лечу вместе с матрасом к двери. Вскрываю, выпрыгиваю из машины на землю. Все еще темно. На небе яркие звезды. Сильно пахнет соляжкой. Наш прицеп стоит поперек дороги. Все, кто в нем спал, столпились рядом. Перебивая друг друга, рассказывают о том, что случилось. Из обрывков слов складывается картинка: шла афганская танковая колонна. Последний танк в темноте наехал на прицеп и чуть не перевернул его. Пробил себе бак (след от соляжки тянулся по дороге) и ушел. Впрочем, я и сам вижу вдали силуэты уходящих танков.

Вот уж действительно не знаешь где найдешь, где потеряешь!..

Прицеп оттащили к обочине, у него был сломан фаркоп, пошли спать. А утром обнаружили, что в суматохе под шумок кто-то стащил канистру со спиртом. Больше всех сокрушался Сапега. В тот момент он напоминал кошевого атамана, у которого украли бочонок с золотом.

После завтрака колонна двинулась. Остались мы и машина ПАРМ с техническим экипажем. С их помощью быстро починили кольца крепления и фаркоп.

После обеда подошел капитан Попов с лейтенантом-десантником с запоминающейся фамилией Семен Вывихвост и предложил ехать в Кундуз в составе колонны наливников из 56-й десантно-штурмовой бригады. «Они здесь уже месяц. Освоились. И с ними будет безопасно».

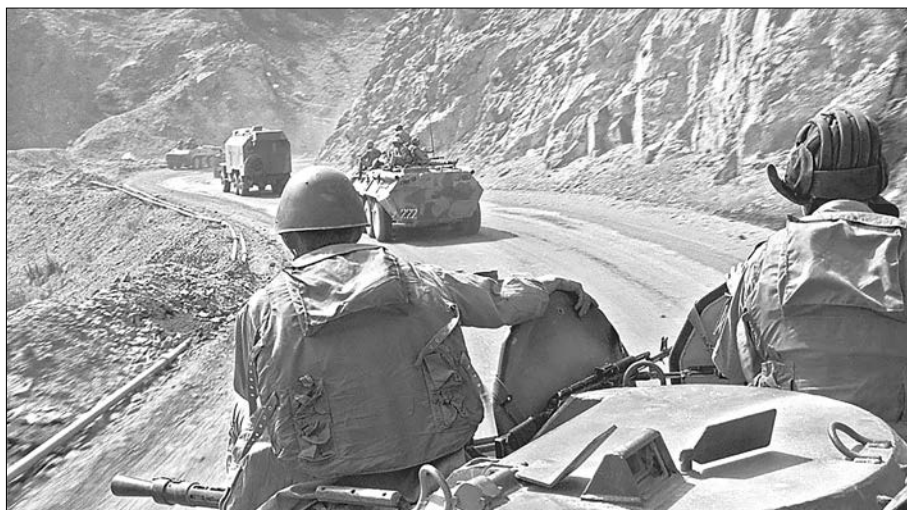
Предложение мне понравилось. Решили, что лейтенант Вывихвост на бэтээре впереди колонны, а я в хвосте.

Вскоре подошли КамАЗы. Одиннадцать машин и бэтээр сопровождения. Становимся в конец колонны. Трогаемся. В кабине тепло, комфортно – работает печка, да и солнце пригревает сквозь лобовое стекло. Впереди населенный пункт Баглан. Въезжаем в город. Мирная жизнь: фруктовые ряды базаров с камышовыми крышами, женщины в черных балахонах и чумазые, одетые не по сезону дети. С безразличным видом вдоль дороги на корточках сидят мужчины и, как коровы, жуют насвай – смесь махорки или табака с верблюжьим кизяком, гашеной известью; куда-то спешат лошади и ослы, запряженные в повозки, велосипедисты, норовящие проскочить перед машиной...

Выезжаем из города. Вдоль дороги деревья и густой кустарник, все реже встречаются дома. Чувствую: меня начинает клонить в сон. Зачем-то надеваю на голову каску. Советую Машкову держать дистанцию – едем с прицепом. И начинаю дремать. Сквозь дрему вижу лесную проселочную дорогу. На ветках деревьев сплошная белая паутина. Я пытаюсь пробиться сквозь нее...

И вдруг скрежет тормозов. Лечу вперед и головой бьюсь в лобовое стекло. Боли нет. От удара спасает каска, а стекло вмиг покрывается сеточкой морщин. Впереди бочка «наливника», за которым мы ехали. Но где Машков? Его нет в кабине. Водительская дверь открыта. Слышится пальба. И вдруг появляется Машков. Он молча тянет из-за водительской спинки свой автомат и не может вытащить. Наконец ему удается его достать, и со словами: «Засада. По нам стреляют», он бежит в сторону обочины. Я вижу, как он расплывается в кювете, бегу к нему. Ложусь рядом, осматриваюсь. Слева от меня, за Машковым, лежат десантники. Они стреляют в сторону дома, который в двухстах метрах от нас. В это время мне кажется, что я состою из двух частей. Одна участвует в происходящем, а другая наблюдает за первой как бы со

стороны.

● Колонна БТР на марше.

стороны. Рядом выстрел из гранатомета. Я напрягся, сжался. Граната попадает в крышу дома. Рыжий сержант, похожий на моего однокурсника по училищу Федорова, берет у товарища гранатомет и снова целится в направлении дома. В этот раз граната падает в забор, от которого летят большие глиняные ошметки. На обочину с дороги съезжает бэтээр, бьет длинными очередями из крупнокалиберного пулемета КПТВ. Шум от стрельбы поднимает птиц. Вижу, как грач испуганно носится от дерева к дереву. И вдруг он ныряет вниз, летит близко над землей и с тревожным криком резко уходит вверх, за верхушки деревьев. Молодец, ушел! Радуюсь за него. И спрашиваю себя: что происходит?.. Где противник?.. Эти вопросы задаю рыжему десантнику. Он пожимает плечами. Но тогда почему мы стреляем?.. Подбегает лейтенант Краузе. Ложится на землю рядом со мной. И тоже зачем-то стреляет из пистолета. Машков зовет Стасенко, который со всеми находится внутри кунга. «Патроны кончились, цинк брось!» – кричит он. Из окна летит деревянный ящик. Пока Машков и десантники, вскрыв цинки, набивают магазины патронами, я пытаюсь оценить обстановку, всматриваясь в местность. Но ничего подозрительного не вижу. Вдруг из-за спины раздаются выстрелы. Пули ложатся между мной и лейтенантом Краузе. Я мгновенно переворачиваюсь на спину и вижу гуляющий ствол автомата в окне кунга и чью-то руку в черной перчатке. Кричу не своим голосом. Рука с автоматом тут же исчезает. Умолкает пулемет бэтээра. И становится тихо. «Вот так крикнул!» – проносится в моей голове.

Сердце колотится. Ладони вспотели. Я лежу на спине и смотрю в небо, где только что спаслась маленькая птичка. Небо какое-то отстраненное, безучастное, безразличное к тому, что происходит на земле. «И что ты здесь делаешь? – как будто кто-то шепчет мне. – Что делают тут Машков, рыжий десантник и лейтенант Краузе со своим пистолетиком?» В эти минуты я готов сказать: «Войне – нет! Миру – да!»

Происходящее мне кажется каким-то немым спектаклем. Вокруг все замерло. Птицы улетели. Казалось, что все, кто был здесь, спасаясь от беды, ушли. А в доме? Кто в нем? Как им там? А если они мирные люди? А может, там нет никого? Мне хотелось, чтобы там никого не было. Интуиция подсказывает, что здесь что-то не так, что мы ошиблись, нам показалось...

Внутри меня зреет возмущение. Моя первая часть словно обрела вторую и слилась с нею в гармонию. Но в любой момент она могла снова отделиться. Я встаю во весь рост, и все следуют моему примеру. Может, кто-нибудь скажет, что это было?..

– Вчера нас в этом месте обстреляли, – простуженно хрипит младший сержант. – И вот опять, – он кивает в сторону КамАЗа.

Смотрю на его поломанные борцовские уши, затем на КамАЗ. Колеса машины прострелены, а из бочки на дорогу тонкими струйками льется солярка. Вижу водителя, которого обступили со всех сторон солдаты, и Ольгу – присев на корточки, она пытается ему помочь. И не понимаю, почему мы расстреляли дом справа? Водитель ранен в левое плечо, колеса КамАЗа тоже пробиты с левой стороны. «Значит, стреляли слева», – проносится в голове. Ищу глазами лейтенанта Вывихвоста. Вижу его голову в шлемофоне в командирском люке. Зову, но он меня не слышит. Бэтээр разворачивается и, переехав дорогу, бьет из пулемета по ближайшему дому.

Солдаты гурьбой бегут на другую сторону дороги, стреляя на ходу. Вперед вырвались двое, они бегут в сторону деревянных ворот, возле которых стоит зеленая «Волга» ГАЗ-21. Вдруг солдат, стоящий возле меня, бросает гранату в ее сторону. «Радиус поражения гранаты 25–30 метров. И бегущие солдаты попадают под ее осколочное покрытие», – проносится в голове. Кричу: «Ложись!» Бежавший впереди десантник оборачивается, я вижу его скуластое лицо, и он, споткнувшись, падает. Взрыв... Он поднимает голову. Жив! Пронесло! У меня отлегло от сердца.

Подходим к калитке. Она закрыта. Солдаты, столпившись около нее, не знают что делать. Рядом горит «Волга». Языки пламени едва не касаются нас. Наконец дверь поддается, входим во двор. Большой дом, рядом еще один, поменьше, и низенький сарай с камышовой крышей, в котором, судя по бляению, домашний скот. Вдруг щекастый рыжий десантник, стоявший рядом со мной, вскидывает автомат и стреляет в окно, расположенное на втором этаже. Его товарищ бросает туда гранату. Из дома выбегают люди. Женщины, дети, один меньше другого, и тщедушного вида старичок с кучей бородкой. Крик. Слезы. Поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Пахнет пылью, порохом и тротилом. Навстречу младший сержант со сломанными ушами:

– Лучше не ходите.

Дверь в комнату открыта. Возле окна на полу лежит девушка в цветастом платье. Оно слегка задрано, и видны светло-бежевые шелковые шаровары. Правая рука ее полусогнута и закинута за голову. В левой – цветные нити. Они тянутся к маленькому коврику. В воздухе стоит удушливый запах духов и серы.

Как будто кто-то шепчет: «Вот он какой – пряный аромат смерти!» На душе тоскливо. Мне не хочется верить в происходящее. Кажется, мой мозг дал сбой, он словно телекамера, только фиксирует то, что происходит вокруг.

Я бросился из комнаты, мигом очутился на улице. Во дворе шум, гам – голосят женщины, рыдают дети. Одинокое стоит рыжий десантник опустив голову. Видно, что он напуган и растерян. Мне хочется как

можно быстрее покинуть это место. Зову лейтенанта Вырвихвоста. Он подходит, приказываю:

– Уходим. Посчитайте людей и доложите о готовности к маршу.

– А что делать с этими? – он кивает в сторону рыдающих женщин и детей.

– Как что? – В голове нет ответа. Произношу странную фразу: – Извинись, если сможешь.

Я стоял возле своей машины и ждал, пока лейтенант пересчитывает своих людей, оружие и доложит о готовности к маршу. Тишина. Выстрелов больше нет. Дымя вонючей черной гарью, догорала «Волга». И вдруг слышится пение. По дороге идет мужчина. Войлочная шапка,

длинная рубаха, штаны и – босиком. Взгляд безумца. Подумал: скажи такому убей – и убьет не задумываясь. А если понадобится, вонзит нож в собственную глотку. «Может, он и стрелял, а теперь идет как ни в чем не бывало», – пронеслась мысль.

Все как замороженные молча смотрели на него. Он шел прямо на меня. Подойдя, зачем-то протянул мне руки, показывая ладони. Как пароль повторив этот жест, он стал удаляться. Кто-то из солдат передернул затвор и огрел афганца прикладом в спину.

– Не тронь, – сказал я. – Видел его глаза? О таких людях обычно говорят, что психических заболеваний нет, просто дурак.

Подошел Вырвихвост и доложил о готовности к движению. Я спросил, что же все-таки произошло? Он знал не больше, чем я: кто-то стрелял, но кто и откуда, он не знал.

К таким войнам, когда нет четко очерченной линии фронта, нас в военных училищах не готовили.

...В Кундуз приехали, когда уже наступили сумерки. На въезде в город наш пост. Регулировщик показывает куда ехать – на аэродром. Свернули направо и скоро оказались возле взлетной полосы. Рядом с ней много военной техники. Остановились. Подошел командир комендантской роты старший лейтенант Трегук и показал место, где можно остаться до утра.

– Завтра разберемся. Знаю: штаб и политотдел будут стоять здесь. Дальше разведбат. А с другой стороны 149-й полк... Сухпай есть или голодные? – интересуется.

– Все есть. Не волнуйся, – успокаиваю и с интересом всматриваюсь в ночную местность, где предстает служить.

● *Афганцы встречают наших солдат.*

Большое плато, вдаль контуры темных гор. Отроги Гиндукуша. И вдруг непонятное ощущение, словно кто-то смотрит на меня. Совсем рядом, кажется, протяни руку – и достанешь... Это большая светло-бежевая луна. Странное чувство. Небо то и дело освещают сигнальные ракеты. На фоне красавицы луны они кажутся спичечными вспышками.

Неожиданно накатывает усталость. Не раздеваясь, ложусь на пол, укрываюсь шинелью и погружаюсь в сон. В моей голове, словно мозаика, складываются картинки: большой дом, рыжий солдат, темно-синее поле с золотисто-желтыми цветами, мама. Она вышивает крестиком и вдруг роняет клубок синих ниток мулине, нитки катятся по полу, и мы с котом наперегонки пытаемся их поймать, но девушка в серебристо-лиловом одеянии, опередив нас, с доброй улыбкой подает их мне. Губы ее приоткрыты, а глаза слегка прищурены. Никогда не видал такой лучезарной улыбки, кажется, она исходит из самого сердца. Но вместо того чтобы порхать, как эльф, радоваться, я печален, меня пугает ее всепроникающая улыбка...

Проснулся от собачьего холода. Зловещее послевкусие сна. Вышел на улицу. Уже забрезжил рассвет, и луна, точно серый круг, вырезанный из бумаги, больше не казалась мне такой красивой и загадочной.

...Утро серое и тоскливое. Тяжелая техника вспахала землю – вокруг непролазная грязь, месиво. Умыться нельзя – нет воды. Кое-как привожу себя в порядок и иду на поиски места для редакции и типографии. Идея расположиться рядом со штабом и политотделом не кажется мне удачной. Срабатывает

инстинкт: быть подальше от начальства и поближе к кухне. Иду по новенькой взлетной полосе из зеленого рифлёного железа к водонапорной башне, рядом с которой растут большие живописные сосны. Сосны светолюбивы. Значит, место должно быть хорошим. Поблизости приличное здание аэровокзала. Там наверняка есть электричество. Подхожу к соснам. Они такие же, как те, что я видел когда-то в Крыму: длинные иголки, крупные коричневые шишки. Перетер иголки в ладони – душистый аромат. Пахнут смолой. Решено: здесь и будем стоять.

Доложил Лозовскому, он согласился со мной, что типография должна быть там, где есть вода и электричество. И поторопил с выпуском первого номера газеты.

В этот же день развернули типографию. Благо было кому нам помочь. Рядом располагалась техническая часть Джамбульского вертолетного полка. Рулили там всем братья-близнецы прапорщики Никели – Владимир и Николай. Сапега быстро нашел с ними общий язык. Не зря же поговаривают, что все прапорщики – братья. К концу дня была развернута большая брезентовая палатка. Осталось только территорию обнести маскировочной сетью и повесить табличку: «Редакция газеты «За честь Родины».

Теперь можно приступать к главному – к газете. Говорят, лиха беда начало, а там все как по маслу пойдет. Но не тут-то было. Совместно сочинили текст первого номера газеты. На машинке напечатали. Старший лейтенант Гончаренко вырезал столбики и старательно наклеил их на лист бумаги. И макет готов. А дальше начались танталовы муки. Макет не удастся перенести на селеновые пластины и офсетную фольгу. Это потом мы узнали, что пластины из-за долгого хранения на складе потеряли свои свойства. Пришел Лозовский, торопит нас. Дает советы, а потом сам берет в руки пластину, сыплет на нее порошок и долго трясет. И о чудо! Через несколько часов мучений наконец удастся добиться бледного отпечатка. Запустили «Ромайор» – специальную машину, изготовленную в Чехословакии. Крутится барабан с фольгой, на которой текст. В корзину падает первый газетный оттиск. Радует, как туземцы при виде блондинки. Ощущение такое, что коллективно родили ребенка. Лозовский берет несколько еще теплых номеров и несет комдиву.

Утром иду на завтрак. Ночью неожиданно для этих мест выпал снег, а к утру он почти растаял. На земле грязь, лужи. Чтобы дойти до офицерской столовой (для питания офицеров комендантская рота развернула большую палатку), надо пройти взлетное поле, а потом метров триста по бездорожью. Прохожу мимо низкорослой березки, возле нее куст, похожий на можжевельник. Он весь в снегу. Снежная

шапка мокрого снега давит ветки, и они провисают к земле. Прохожу мимо, и вдруг чириканье. Громкое. Веселое. Откуда? Под снежной шапкой на веточках стая воробьев. Они, словно пчелиный рой, спрятались под снегом, чирикают, видно, почувствовали весну, которая уже не за горами. Стою не шелохнувшись. Я в восторге. Чем не соловьи! Вдруг слышу разговор. Лейтенант идет, с ним два солдата. Тоже увидели, услышали и обошли стороной. Я в душе поклонился им. Хорошие люди, если умеют чувствовать гармонию, любить природу...

Подхожу к столовой. Офицерская столовая – это место, где ты не только ешь, но и узнаешь, как Афганцы на базаре, самые последние новости. Здесь я узнал, что 22 февраля в Кабуле погиб мой училищный товарищ старший лейтенант Александр Вовк. Он служил в 357-м парашютно-десантном полку. Сразу же к месту, где он погиб, выдвинулись десантники во главе с майором Забабуриным. Двигаясь на бэтээре вдоль улиц, десантники забросали дома гранатами, стреляя из автоматов и пулеметов. На улицах Кабула возникли беспорядки. Понадобилось несколько дней, чтобы их подавить и успокоить жителей. А 23 февраля в тоннеле перевала Саланг произошло дорожно-транспортное происшествие. В Союз возвращалась ракетная бригада. Возникла пробка. 16 военнослужащих задохнулись.

Вхожу в столовую. В дальнем углу старший лейтенант Юра Рысин. Возле него свободный стул. Он зовет меня. Мы с ним сослуживцы, из одного полка, но теперь он в оперативном отделе штаба дивизии. Сажусь рядом. За соседним столом оживленно беседуют офицеры.

– О чем судачат?

– Да тут такое... Лейтенант отказался служить. Просит направить в Союз. За чужие идеалы, говорит, воевать не буду. Сейчас он у Лозовского. Тот стружку с него снимает, пытаюсь переубедить.

Ну и ну! Такого еще не было. Редкий случай.

За соседним столом капитан Егоров, майор Семенов – оба из службы начальника ракетных войск и артиллерии, – и незнакомый майор, который, горячаясь, громко говорит:

– Трус он. Государство выучило. Вложило в него деньги. А ему наплевать. Видите ли, воевать он не хочет. Нет, любезный, будь добр, отдай долг Родине.

Капитан Егоров менее категоричен.

– Может, он сектант или пятидесятник. Слышал, что им оружие в руки брать нельзя, вера не разрешает, – предположил он.

– Что за чушь ты несешь! – перебивает его майор Семенов. – Зачем бы он в училище пошел?.. Он – еврей. У евреев нет родины, Афганистан уж точно не их страна, – сказал как отрезал.

Мы с Рысиным переглянулись. Как можно, толком не зная, так запросто выносить вердикт, обвинять целый народ. В дивизии тоже евреи служат. И неплохо. Я вспомнил майора Семена Берга – лучшего связиста округа. Я не согласен с ними. Говорю:

– Вы не правы. Рассуждаете как женщина, которой в автобусе мужчина наступил на ногу: «Все мужики – сволочи!»

Они внимательно посмотрели на меня: «А сам-то ты кто? Случайно не обрезан?»

Что тут скажешь? В огороде бузина, а в Киеве дядька. Я так и не узнал, какой национальности был лейтенант-отказник. В тот же день его отправили в Союз. А узнай, что он белорус, украинец или русский, все равно не поверили бы, сказав: это по паспорту, а в паспорте можно все что угодно написать, хоть Иванов.

В северном Кундузе, в артиллерийском полку, служит мой товарищ – Александр Котенев. На днях бэтээр подорвался на mine, он получил контузию. И теперь находится в санчасти. Я еду его проведать. Вместе с капитаном Сокольским сидим на броне первой машины. По голубому небу плывут плотные облака. Вдали серо-коричневые, почти бурого цвета горы. Отроги Гиндукуша. Любуясь ими, говорю вслух:

– Эх, жаль, нет Левана. Он бы поправил пейзаж. Все переокрасил бы, и вместо серо-бурых тонов – буйные, яркие краски. То, чего здесь так не хватает.

– Кто такой Леван? – интересуется Сокольский.

– Был у меня лейтенант-двухгодичник. Душевный такой грузин. Умел красиво радоваться жизни, как никто другой. И взгляд на все у него был свой, светлый, незамысленный, незамутненный, какой-то радостный.

Подъезжаем к контрольно-пропускному пункту. Здесь много афганцев. Они хотят попасть на аэродром. Два грязно-зеленого цвета автобуса стоят на обочине. Солдаты досматривают мужчин. Те послушно стоят подняв руки. Проезжаем мимо.

– Вон там, возле столба, в прошлый четверг подстрелили моего солдата, – говорит Сокольский. – Врачи сказали, в рубашке родился. Жить будет. – И посмотрев на часы: – Обеденный намаз у них закончился. Теперь от этих разбойников можно ждать чего угодно... Чижиков, гляди в оба!

– Так точно, товарищ капитан, – отвечает солдат, всем видом показывая, что он только и делает, что «смотрит в оба»...

● *Рождение первого номера газеты.*

Въезжаем в город. Пахнет дымком и жареным мясом. Запахи вызывают чувство голода и приятные воспоминания о другой, мирной жизни. Здесь много женщин. Лица их спрятаны под чадрой. Женщины прячут лица, чтобы не навлекать на себя взоры любопытных мужчин. Будто бы пророк Мухаммед запрещал им появляться в обществе незнакомых мужчин. Но есть смелые женщины, у которых нет чадры. Лица их открыты. Только головы повязаны платком.

Двери, ставни лавок открыты. Останавливаемся возле лавки с электроникой. В ней в прошлый раз по просьбе Сапеги я купил примус, чтобы можно было готовить плов.

– Не расслабляться. Глядеть в оба, – напоминает Сокольский.

Дверь лавки распахнута настежь. Мы входим внутрь. Лавка доверху набита всякой всячиной, начиная от зажигалок и кончая японской аппаратурой. Нас встречает улыбчивый хозяин.

– Ташакур, хозяин! – здороваюсь.

– Здравствуйте? Как деля? Хорошо? – повторяет он все, что наскоро успел заучить. И тут же набрасывает на нас джинсы, рубашки и даже взгромождает сверху медный таз.

И кажется, что подбодру-поздорову нам отсюда не выбраться. Замечаю, что у бэтээра никого нет. Все увлечены торговлей. Говорю об этом Сокольскому.

– Чижик! – кричит он. – Ты где, еть... Почему пост оставил?

Чижик, который уже успел натянуть на себя джинсовую куртку, недовольно сбрасывает ее и, взяв ручной пулемет, брошенный на полу, возвращается к машине. Мы тоже за ним выходим из лавки. Но далеко отойти нам не удастся. Нас со всех сторон обступают чумазые мальчишки. Они очень назойливые, вцепив-

шись в рукава, навязывают нам какой-нибудь мелкий товар. Самый богатый среди них Дорваз. Солдаты зовут его Жорой. Я познакомился с ним в прошлый раз.

– Привет, бача! – здороваюсь как со старым знакомым.

Он радостно кивает головой и старательно проговаривает весь свой словарный запас русского языка:

– Как деля? Хорошо?

И тут же предлагает свой незатейливый товар. На его груди лоток с пачками сигарет: «Кэмел», «Мальборо». И даже наш «Ветерок». Другие продают поштучно. Выгода небольшая, зато приобщение к бизнесу. Что-то, а торговать здесь умеют. Неудивительно – сам пророк Мухаммед, как они считают, до своей религиозной карьеры был торговцем.

Мы угощаем пацанов сгущенкой, и они с радостью ее разбирают. Нас обступает толпа любопытных. И я понимаю, что надо торопиться...

В северном Кундузе на складе я получил спирт для типографии, а потом встретился и с Котеневым. Александр переживал, что контузия может повлиять на его поступление в военную академию в Москве. Просил поговорить с врачом. Я выполнил его просьбу, встретился с врачом. Тот успокоил: ничего серьезного. Если правильно лечиться, медицинских ограничений по здоровью не будет. Он сможет учиться в академии.

Пора возвращаться. Ночь. На небе горят звезды. Гордо посматривает полумесяц. Давно вступил в силу комендантский час. И по маршруту выставлены посты. Сокольский смотрит на фару-искатель, она прикреплена к козуху КПВТ. Зовет:

– Тимоха, «Луна» исправна? – И, услышав утвердительный ответ, приказывает: – Включай!.. Чтобы свои за духов не приняли.

● Редакция газеты «За честь Родины» размещалась в палатке, в машине – типография. Кундуз. 1980 год.

Мы несемся по ночному опустевшему городу, рискуя не вписаться в повороты узеньких улочек. Луч прожектора пробивает темноту, освещая дорогу, деревья, мутно-серые стены домов. Проносимся мимо афганского поста. Сарбозы, это военные, прикрывая руками глаза, отворачиваются. Свет фары слепит их. Выезжаем из города и несемся к аэродрому. Скорость не меньше восьмидесяти. Свежий прохладный ветер бьет в лицо. Я сижу на броне, крепко вцепившись одной рукой в железную ручку, другой схватившись за антенну. И забочусь об одном: как бы не слететь на очередном вираже. При этом испытываю такой прилив энергии, что хочется кричать от восторга!..

* * *

Просыпаюсь от рева двигателей. Вертолетчики встают рано – чуть свет. Я уже знаю: первым поднимется в воздух разведчик погоды. Вернется, и аэродромная жизнь наполнится звуками.

После завтрака подходит Гончаренко с макетом очередного номера газеты. У него вид бравого вояки. Экипировка на все сто. К маршу готов. После обеда он едет в Термез, на склад технических средств пропаганды.

Он подает мне газетный макет. Столбики текста аккуратно наклеены на бумагу, заголовки, рубрики – все на месте. Даже не верится, что все это с помощью ножниц и клея слепил этот грозный воин. Он словно читает мои мысли:

– Никогда не думал, что буду фигней заниматься.

Я догадываюсь о его настроении. Это его первая поездка. Колонны постоянно обстреливаются. И невольно у каждого нормального человека возника-

ют мысли о своей уязвимости, что можно погибнуть, получить ранение. Очевидно, нечто подобное испытывает космонавт перед полетом в космос. Но тут каждый день – космос. И никто не знает, что тебя ждет впереди, где найдешь, а где потеряешь.

– У меня к тебе просьба. Выполнишь? – говорит он. Лицо напряжено и серьезно.

– Смотря что будешь просить.

Он подает мне толстый конверт.

– Письмо. Спрячь его в сейф. Если вдруг со мной что случится, передай письмо отцу.

– Почему отцу, а не жене?
– Нет, только отцу!
– Хорошо, – соглашаюсь я. – Надеюсь, передать ничего не придется.

Я спрятал конверт с письмом в сейф, а когда он вернулся, отдал ему обратно. Потом конверт еще не раз кочевал из сейфа в сейф – до тех пор, пока офицер не уехал домой. Что было в том конверте, я узнал спустя много лет. Будучи в командировке в Екатеринбург, увидел местную газету с заметкой о нем и текстом письма, полного любви, нежности и пожеланий, как воспитывать детей в случае непредвиденного. Письмо как письмо – ничего особенного. Но тогда оно было наполнено глубоким смыслом.

Вообще Станислав Гончаренко был человеком аккуратным и щепетильным до мозга костей. Особенно заботился о своем здоровье, подвергая все дезинфекции. Перед едой он старательно мыл руки, протирая спиртом не только руки и губы, но и вилку, ложку и нож. Но это не уберегло его. Он переболел всем, чем только можно было заболеть. Гепатит, брюшной тиф, малярия – весь афганский инфекционный букет. Вот и соблюдай после этого гигиену! Как говорила моя бабушка, от судьбы никуда не уйдешь, потому что она дана уже вместе с рождением. А если так, считал я, ко всему нужно относиться без излишнего фанатизма, как советовал майор Туркин: с легким здоровым пофигизмом...

В редакцию зашел начразведки Ларионов. Он только вернулся из Кабула, куда летал на совещание разведывательных органов ГРУ ГШ, КГБ СССР и начальников разведок дивизий и бригад. Он уже полковник. Поздравляю. Угощаю индийским чаем с кардамоном и подаю свежий номер дивизионки. Он улыбается:

– Пишем все об одном и том же: как боевой подготовкой занимаемся, учения проводим, открываем школы, детские сады, строим дороги.

– А что делать – цензура, – оправдываюсь. – Не воюем, а помогаем местной власти налаживать мирную жизнь. Проводим совместные с афганскими военными учения... Недавно у нас побывали журналисты из окружной газеты «Фрунзевец». Съездили в колонне в Файзабад. Написали честный репортаж о том, что увидели. Опубликовали в своей газете. После этого такое началось. «Все неправда. Мы не ведем боевых действий. Нечего подыгрывать нашим врагам. Они этого только и ждут...» Словно забыли, что нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Ларионов молча рассматривает газету, потом кладет ее на стол, берет чашку с горячим чаем.

– Да, мы не ведем активных боевых действий, – говорит он, прихлебывая чай. – И дороги помогаем привести в порядок, школы, детские сады. Но беско-

нечно так продолжаться, как вы понимаете, не может, – он пылливо смотрит на меня и продолжает: – Принято решение перейти к активным действиям по разгрому отрядов оппозиции. Совместно с афганской армией.

– Это значит...

– Это означает: в стране идет гражданская война. И мы теперь ее активные участники. Противостояние с нашим участием будет только усиливаться.

Я возразил:

– Необязательно. У нас всегда: и при короле, и при премьере Дауде – были прекрасные отношения с афганцами. Мы всегда им помогали. Строили электростанции, дороги. Здесь работали наши специалисты. Мне рассказывали об одном случае: когда наш военный советник напился до положения риз, местные бережно погрузили его на телегу и отвезли домой. Такое было уважение. И сегодня помогаем. Вон сколько груза идет в страну.

– Так было раньше. А сегодня вы можете себе такое представить? После того как в апреле 1978 года произошел военный переворот, или, как они говорят, великая Саурская революция, в стране вспыхнула вялотекущая гражданская война. В партии, пришедшей к власти, сразу же началась внутривластная борьба. Тараки убит, его соратники репрессированы. Простые люди не понимают, что происходит. Страна феодальная. По лунному мусульманскому календарю здесь 1359 год. У каждого феодала есть своя хоть и небольшая, но все же армия...

– Вы хотите сказать, что наша Куликовская битва еще впереди?

– В том-то и дело, что для нас это не Куликовская битва. Мы втянуты в чужую большую геополитическую игру.

– И кто эти игроки?

– Не Афганистан, он жертва, а наши старые «закадычные друзья» – США и Великобритания. Американцы через подконтрольных им арабов будут влиять на ситуацию в регионе, подбрасывая поленья в огонь. На днях они выделили на поддержку моджахедов сотни миллионов долларов. И это только начало.

– Тогда почему мы вошли?

– А вы как думаете? – парировал он.

Я охотно стал перечислять то, что знал:

– Есть несколько факторов. И вы о них тоже знаете не хуже меня. Во-первых, эмоциональный фактор – личные дружеские отношения Брежнева и Тараки. Когда Тараки был убит, Леонид Ильич очень расстроился. Во-вторых, исламский фактор. В Иране к власти пришли радикальные исламисты. Радикализация ислама для нас опасна, потому что мы тревожимся за свои южные республики. В-третьих, мы уже хорошо вложились в Афганистан. Счет идет

на миллиарды долларов. Разве мы можем отдать его исламистам или американцам? В четвертых, Афганистан является подбрюшьем, и мы не можем допустить, чтобы тут стояли американские ракеты. И наконец, интернациональные обязательства... Еще продолжать?..

– Достаточно. Главная причина – деление мира на своих и чужих. С одной стороны США со своими сателлитами, с другой – мы. Словом, геополитика.

– Мы заложники геополитики?..

– У нас был выбор. Вы учились в политическом училище. Вам давали уже готовые рецепты. А меня учили аналитике. Скажите, когда могут применяться вооруженные силы?

– Когда мирным путем нельзя достичь поставленных целей.

– Так, но прежде всего мы должны понять: все ли мирные методы исчерпаны? Но самое главное условие – должны быть ясные и достижимые цели... А какие цели у нас в Афганистане, вы можете мне назвать?..

– Помочь братскому народу, проявить интернационализм, разве не так? Наконец, поддержать руководство НДПА, которое обратилось к нам с просьбой о помощи.

– Поддержать можно по-разному, и для этого не обязательно вводить войска. Тем более убивать того, кто пригласил и просил о помощи.

– Так он же американский шпион...

– Чей он шпион и был ли он шпионом – тут бабушка надвое сказала. Никто разбираться не будет. Восток – тут сам черт ногу сломит. Но факт остается

фактом: мы уже втянулись в междоусобицу. И первые дни показали нашу неподготовленность к ведению антипартизанской войны. Опыт гитлеровцев в борьбе с брянскими партизанами никто не изучал. Да это и неудивительно: готовились к проведению крупномасштабной ядерной войны.

– Что делать?

– На ходу перестраиваться, переучиваться... На днях взяли американца. Он уже успел поучаствовать в боевых операциях против нас. Сбил вертолет. Участвовал в организации диверсий, занимался сбором образцов вооружения. Одет был в афганскую одежду. При себе не имел никаких документов.

– Как узнали, что он американец?

– Допросили с пристрастием.

– Как это?

– Провода от военно-полевого телефона куда надо подключили... Так вот, по его словам, только на участке нашей дивизии уже почти сотня американских советников. При их финансах через месяц-два тут такое кадило раздуют, что мама не горюй. Им наше присутствие только на руку.

– Геополитика?

– Мировые шахматы, где на доске с одной стороны мы, а с другой – все ведущие мировые державы. Мировая история – это история конкурентной борьбы. И методы в ней применяются не всегда честные.

– Что еще сказал американец?

– По их замыслу гражданская война в Афганистане должна стать катализатором в англо-американской игре по дестабилизации кризисного полумесяца Южной Азии. Большая игра продолжается... Все

три англо-афганские войны – 1838–1842, 1878–1880 и 1919 годов – были начаты с целью ликвидации угрозы возрастающего российского влияния в Афганистане. Но в результате Россия оказалась в выигрыше. Она вступила в большую игру противостояния в Центральной Азии.

Так что для Запада СССР был и будет геополитическим, экономическим и цивилизационным противником. Об этом надо помнить.

– Значит, увязли лет на сто?..

– Сто или меньше – не знаю. Но уверен: сколько будем здесь, столько и воевать придется.

– Александру Македонскому понадобилось около пяти лет, чтобы сломить сопротивление пуштунских племен и покорить страну.

– Есть разница. Мы не завоевывать пришли, а помочь построить в

За нашу Советскую Родину!

За честь Родины

1980 г.
ноябрь

15

Суббота
№ 141

ИЗ ЧАСТИ
НЕ ВЫНОСИТЬ

На последнем учении подразделения, где служит рядовой А.Джаферов, ставленную задачу.

ТВОЙ НАВЕРСТАВЕННЫЙ ДОЛГ

ЗАСАДА В ГОРАХ

выполнила задачу по поиску и уничтожению "протвиника". Шаг за шагом воин преодолел трудный многокилометровый путь. Казалось не будет конца подвигам и подвигам. То и дело из под ног выскальзывали угловатые камни. Но, не смотря на трудности пути по горной тропе, воин уверенно пролазил скалы, преодолевая их с помощью лазов. Сказалась хорошая физическая подготовка и, самое главное, твердая уверенность в себе и товарищах, а также желание выполнить поставленную задачу.

«Противник» начал неожиданно. Из пещеры, где была оборудована «огневая точка», раздалась частая стрельба. Подразделение мгновенно наготовилось к «бою», и по команде командира рядовой А.Джаферов, и добравшись до пещеры и забросав ее гранатами.

Получив разрешение ра-

дой А.Джаферов стал медленно подползать к пещере. Небольшие в палити промелькнули кадры увиденного когда-то фильме, где вот также, во время великой битвы за Родину наши воины ползили с гранатами и, вражеский дог... Резкий выдох, короткая выдох, и граната полетела в цель, за ней остальные, сколько было у сильного воина». Цель поражена благодаря смелости и решительным действиям рядового А.Джаферова.

Мастерство воинов оттачивается и складывается каждый день на занятиях, чтобы в любой-то момент быть готовым к бою.

Старший лейтенант С.СЕКЮНИН

МАСТЕРА БОЕВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

На прошедшем недавно тактическом учении сержант А.Панфилов за решительность, мужество

• Номер газеты «За честь Родины».

отсталой феодальной стране, живущей по мусульманским законам, коммунизм. Но это утопия! Как и утопия, впрочем, навязать демократию. Хрущев обещал, что мы с вами в этом году будем жить при коммунизме. И как – живем? Но если честно, то меня не Афганистан волнует. Вспомните историю. Конфликты России никогда на пользу не шли. Взять хотя бы Русско-японскую войну. Мы ее проиграли. А потом смута. И Первая мировая. За чьи интересы мы там воевали, теряли убитыми? А сколько калек! И что в результате? Тоже смута, крах империи и династии.

Допив чай, он ушел. Я подошел к сосне, обнял: всегда так делаю, чтобы улучшить эмоциональное состояние. Ее кора пахла смолой и еще чем-то едва уловимым, полужнакомым. На земле вздувшийся бугорок – муравейник. Муравьи копошатся, снуют взад и вперед. Со стороны кажется, что их движения бессмысленны. Но это не так. У них, как в армии, существует иерархия, и каждый муравей знает свой маневр. Высокоорганизованные насекомые. Опускаю руку, и бегущий куда-то муравей с красно-рыжим брюшком и темно-синей головой с тонкими усиками лезет по моему пальцу вверх. Останавливается, замирает, словно понимает, что дороги дальше нет, бесшумно соскакивает на землю и убегает.

* * *

Сколько лет, сколько зим. Сегодня я встретил Чингачгуга – старшего лейтенанта Марзоева, с которым познакомился еще в Алма-Ате, когда ждал назначения на должность. Он тогда поехал служить в Чирчик, в спецназ. Но обо всем по порядку.

Утром в политотдел пришел бугаистого вида офицер. Это был командир 56-й десантно-штурмовой бригады полковник Плохих. В руках он держал солдатскую шапку. В ней автоматные и пулеметные пули. Комбриг утверждал, что ночью его подразделение якобы обстреляли военнослужащие разведывательного батальона. Действительно слышна была стрельба, это было обычным делом. Стреляли то ли скуки ради, то ли от страха или чтобы не уснуть. Но чтобы свои по своим?.. Лозовский поручил заместителю подполковнику Шихову и мне расследовать инцидент. Мы встретились с офицерами и солдатами разведбата и выяснили, что вчера под вечер в дивизию, к банно-прачечному комбинату, приехали на уазике офицеры-десантники и стали приставать к девушкам, работавшим там. Двоих пытались силком затолкать в машину, но на помощь к ним подоспели разведчики. Девчат отбили. А вот что было потом, они не помнили. Выстрелы слышали, но кто стрелял и зачем, они не знали. Встретились мы и с десантниками

– участниками вояжа на чужую территорию. Старшим у них был капитан Сергей Козлов, успевший прославиться тем, что еще в декабре 1979 года его рота отбила у духов стратегический мост и удерживала его до подхода основных сил. Офицеры не отрицали, что приезжали в дивизию, но вели себя, напротив, «поджентльменски», к девушкам они не приставали, а хотели только поговорить с ними, полюбовно договориться. Когда им отказали во взаимности, тут же уехали. О ночной стрельбе, разумеется, тоже ничего не знают.

Догадаться, что послужило поводом для веселья, было совсем нетрудно. За бой у моста капитана Козлова представили к званию Героя Советского Союза. Документы ушли в Москву, и офицеры решили отметить это событие, не дожидаясь указа о награждении. Когда мы уходили от десантников, подошел офицер. Вот так встреча! Я сразу его узнал, его ни с кем спутать нельзя. Это был Чингачгук! Меня он тоже узнал.

Станислав Марзоев здесь недавно, он заместитель командира батальона. Капитан Козлов – его ротный. И просит нас не докладывать. Мол, офицеров понять можно: с декабря не выходили из боевых, накопилась физическая и психологическая усталость. А восстановить силы нет условий. В последнюю очередь думаем о людях, об их психическом здоровье.

– Я вот, на свой страх и риск, думаю комнату психологической разгрузки организовать. Ищу специалиста на должность психолога. Полигон психологической подготовки уже есть. Могу показать, – говорит он. – Духи-мишени обновляются вовремя...

Марзоев оправдывается, а я вспоминаю сомалийского генерала Хасана, его слова, что они своих солдат трижды в день отпускают домой исполнять супружеский долг. Я улыбаюсь.

– Чему радуетесь? – интересуется Шихов.

И я рассказываю, как этот вопрос решается в сомалийской армии, а потом анекдот, пришедший на ум.

– Исполнив свой супружеский долг, муж спрашивает жену: «Маша, только честно: ты опять притворилась?» «Нет, на этот раз действительно спала»...

Но Марзоев снова о своем:

– Ну отзовут представление на Героя. Кому от этого станет легче?..

– Да не отзовут. Мы же разумные люди и понимаем что почему, – говорит Шихов.

Лозовскому мы доложили, что стрельба ночью была. Но установить, кто и зачем стрелял, невозможно. Должно быть, духи спровоцировали. А с десантниками договорились, что ни они, ни мы наверх об инциденте докладывать не будем. На войне и не такое забывается и прощается. Сколько тайн ушло в небывтие!

Весна в разгаре. По голубому небу легко и размеренно плывут белесые облака. Я иду в столовую на завтрак. Там уже полно офицеров. Чай очень крепкий, наваристый. Его заваривают прямо в чайнике, и получается коричневый отвар, отдаленно напоминающий чай. Я пью чайную бурду и вдруг слышу: погиб помощник начальника разведки дивизии по дешифровке старший лейтенант Шигин и с ним семь солдат из первой разведроты. Недавно он приходил в редакцию и просил Ольгу помочь ему с переводом каких-то бумаг. Прислушиваюсь. За соседним столом офицер из штаба дивизии рассказывает, а я представляю, как это было. Николай Шигин решил самостоятельно реализовать разведданные и пошел в горы, чтобы взять известного в этих местах главаря банды Башира.

Группе Шигина не повезло, в этот раз что-то не сработало. Вечером прибежал пастух и рассказал, что был бой и шурави погибли. Послали две бэмпэшки. Слова пастуха подтвердились. Погибли все. У офицера и младшего сержанта отрезаны головы. Там же нашли меч, которым их обезглавили.

После завтрака я шел, мысленно рассуждая о превратностях судьбы. Гибель человека, с которым ты еще вчера виделся, общался, когда образ его еще в твоей голове, всегда как гром среди ясного неба. Возле политотдельской палатки необычно много военных, внутри тоже не протолкнуться. Пробиваюсь внутрь, работая локтями, и оказываюсь перед Лозовским, который сидит за столом. Губы его плотно сжаты, лоб наморщен, он словно чего-то силится понять. Возле него стоит нагнувшись лейтенант Алишер Салахитдинов, офицер по спецпропаганде, со знанием местного языка, и что-то говорит на ухо. Перед Лозовским в плотном окружении военных двое афганцев со связанными руками, а чуть в сторонке трое понурых местных мальчишек, среди которых мой знакомый Жора-Дорваз. В этот раз у него почему-то нет лотка с сигаретами. Лица детей хмурые и печальные.

Пытаюсь понять, что тут происходит и кто эти афганцы. Один из тех, у кого связаны руки, мой ровесник. Ему до тридцати. Он упитанный, невысокого роста, круглолицый. На щеке шрам как от ожога. На нем расписная золотыми узорами жилетка из бархата с четырьмя карманами и застежкой впереди. Он угодливо смотрит на Лозовского и говорит срывающимся на визг бабьим голосом. Второй афганец чуть постарше, высокий, ладно скроен. С пышными черными как смоль усами. На нем свободная длиннополая белая рубаха до колен с разрезами внизу по бокам. Широкие рукава рубахи перехвачены у запястья обшлагом на пуговицах. В отличие от своего оробевшего това-

рища, который часто дышит, словно ему не хватает воздуха, он полон достоинства и смотрит злобно-насмешливо на Лозовского своими выразительными темно-кариыми глазами.

Пальцы Лозовского нервно стучат по столу. Лицо его суровое: брови сдвинуты, губы сжаты. Взгляд устремлен куда-то в сторону. Наконец перестает стучать и, подняв глаза с набрякшими веками, пронзительно смотрит на афганцев. На какое-то время наступают гробовая тишина. Слышно, как муха пролетит. И вдруг как выстрел:

– Расстрелять!

Афганец что помоложе, по всей вероятности, догадался, о чем сказал офицер, и как подкошенный валится на колени. Его товарищ зло смотрит на него, быстро нагибается к шее, хватая зубами за ворот рубашки и, как взрослая собака щенка, пытается поднять с колен. Отовсюду слышатся голоса: «Разрешите нам!.. Разрешите мы...» К афганцам подбегают несколько человек добровольцев и, грубо толкая их в спину, ведут к выходу. Я оборачиваюсь и вижу Ольгу.

– Что случилось? За что их?

– На востоке, ну если можно так сказать... – она подбирает слова.

– Оля, говори как есть.

– Они извращенцы, предпочитали мальчиков...

– Что? – не понял я и посмотрел на Алишера Салахитдинова.

Тот пожал плечами и ничего не ответил.

Вскоре раздалась выстрелы.

В палатке только я, Алишер и трое местных пацанов. Подходит Жора. Он узнал меня. Обрадовался.

– Как деля? – интересуется. И, получив от Алишера оплеуху, обиженно отходит.

Я ошеломлен не столько решением расстрелять, сколько количеством добровольцев, желающих исполнить приказ.

Какой-то жуткий цирк-шапито, а мы все – дрессированные животные. На душе тяжело.

Вокруг уже нет никого. Все разбрелись как после концерта, будто ничего и не было. Только солдат из комендантского взвода по кличке Лантух стоит неподалеку и нервно курит. Увидев меня, говорит:

– Это я их сюда привел. Мы патрулировали возле речки. Ну там, где дорога на Баглан. К нам подошли пацаны и стали предлагать сигареты, зажигалки, фанту и другую мелочевку. Договорились: мы им комсомольские значки с Лениным, а они нам «Мальборо». Потом, когда они отошли, их схватили эти двое, стали затаскивать в машину. Мы подумали за то, что с нами общались. А тут такое... Петухами оказались. Кто мог подумать?..

Он сплюнул, грязно выругавшись, и пошел прочь. Ну и ну! Хорошее начало дня.

Я давно мечтал побывать в Кабуле. И вот такой случай представился. В составе небольшой делегации: секретарь партийной организации майор Овечкин, помощник начальника политотдела по комсомолу старший лейтенант Светлов, переводчик лейтенант Салахитдинов и я – едем на совещание в Кабул. Полковник Лозовский уже там, вчера вылетел в Кабул на самолете.

Мы трясемся на двух бэтэрах комендантской роты. Я сижу на броне и ловлю теплый ветер в лицо. Вдоль трассы на определенном расстоянии друг от друга наши блокпосты. Их задача – помешать установке мин, фугасов, не пропустить к дороге чужого.

– Помнишь нашу шумевшую историю о расстреле пассажиров автобуса? – подсаживаясь ближе ко мне, спрашивает Алишер Салахитдинов. – Это здесь произошло. Пост сняли, и теперь тут хозяйничают духи.

История позорная. Около месяца назад начальник поста лейтенант Абрамов со своими солдатами остановил автобус для досмотра. Ехавших в нем пассажиров обыскали. Никакого оружия не нашли, но у двоих афганцев с собой было много денег. Их задержали, высадили из автобуса. Когда автобус ушел, людей расстреляли, а деньги поделили между собой. У одного из убитых родственник оказался большой шишкой в НДПА. История всплыла. Офице-

красивее открывается вид. А вот и перевал Саланг. Перевал считается стратегическим, он связывает северную и центральную части страны. Его высота почти четыре тысячи метров над уровнем моря. Перед въездом в тоннель стоит совместный пост: наши и афганские военные. Электричества нет, тоннель не освещен. Вентиляции тоже никакой. Сильно пахнет выхлопными газами. От этого аромата и пыли слезятся глаза. Расстегнув верхние пуговицы тужурки, прячу под полог нос. Алишер смачивает носовой платок водой из фляги и прикладывает его к лицу. Предусмотрительный в отличие от меня, у которого ни носового платка, ни фляги с собой нет. Наконец виден дневной свет. Он бьет в глаза. Выезжаем из тоннеля. До Кабула осталось чуть больше ста километров. Совсем немного в сравнении с тем, что мы проехали.

Легко спускаемся с перевала. Горы остаются в стороне. Въезжаем в Чирикарскую долину. Останавливаемся возле блокпоста, чтобы передохнуть. За забором двор с небольшой мазанкой, возле нее БТР-70 и танковый тягач с минным катковым тралом. Над входом в мазанку висит красный флаг с серпом и молотом, как на советских административных зданиях. Подходит прапорщик. Знакомимся. Зовут его Сергей. Блокпост выставлен от инженерно-саперного подразделения. Командира взвода нет. Только что уехал на разминирование. Мы обращаем внимание на тягач, у которого необычный вид. Самоделка?

– Да, наше изобретение, – с гордостью говорит прапорщик. – Место водителя, которое находилось на дне машины, мы перенесли на крышу. Защитили бронешитами.

– А что за пластиковые баки на дне?

– Канистры с водой. Запас воды никогда не помешает. А если рванет мина под днищем, вода гасит ударную волну.

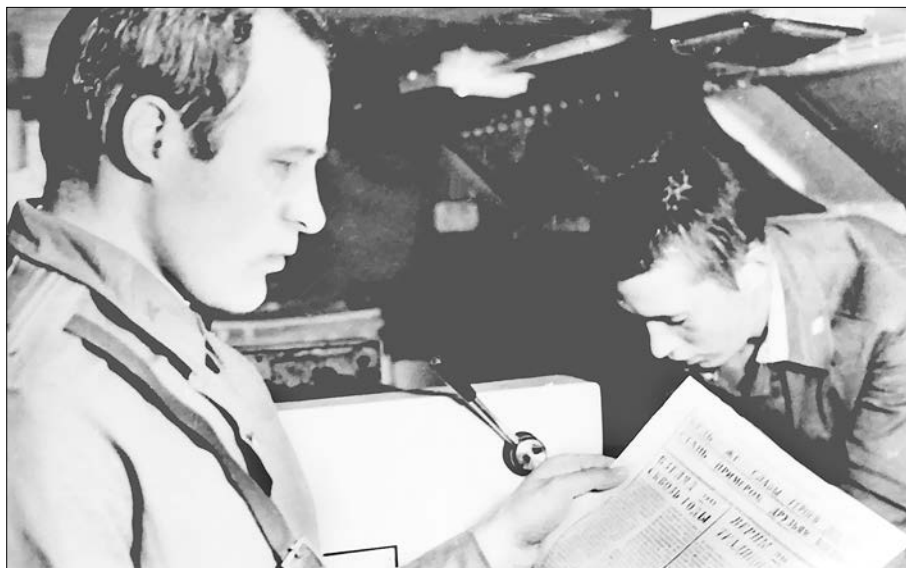
Прапорщик приглашает нас в комнату, которая служит столовой. Угощает чаем, лепешками и сладким изюмом вместо сахара. Лепешки очень вкусные и еще горячие.

– Откуда?

– Местные угостили. Иногда к нам обращаются за по-

мощью. Чем можем помогаем. Служить здесь можно, если бы не зеленка, то как на курорте, – улыбается.

Когда мы ехали по Чирикарской долине, я обратил внимание, что вдоль дороги много зеленых флагов на длинных древках.

• Старший лейтенант Николай Бурбыга вычитывает свежий номер газеты.

ра и солдат арестовали. Военная прокуратура начала расследование.

Мы легко обгоняем впереди идущую колонну, и она остается позади. Слева и справа массивные хребты Гиндукуша. Чем выше мы поднимаемся в горы, тем

– Что за флаги?

– Могилы. Там похоронены воины-шахиды.

– Это вы их?..

– Нет, еще до нас. Между собой они воюют уже не один год. А с местными мы нашли общий язык. Но в последнее время сюда стали наведываться пришлые. Говорят, из Пакистана.

Поблагодарив прапорщика Сергея за гостеприимство, едем дальше. Подъезжаем к пригороду Кабула. И сразу окунаемся в какофонию звуков. Шум автомобилей, рев сирен, скрип тормозов, сизый дым, чад и мелкая пыль. Алишер Салахитдинов рассказывает:

– Кабул расположен на берегах реки Кабул, между горами Асман и Шир-Дарваза, – он машет рукой в сторону гор. – Расположен город на высоте 1800 метров над уровнем моря.

Алишеру здесь все знакомо, так как после университета он работал в Кабуле в советском представительстве.

Едем вдоль реки. Она обмелевшая, и от нее дурно пахнет. Берег усеян мусором. Дома расположены друг над другом на возвышенностях. От дороги во все стороны тянутся узкие улочки и переулки. Движение плотное, и никто из водителей и пешеходов не соблюдает правил. Многочисленные регулировщики пытаются навести порядок, как-то упорядочить движение, но эффект от их действий скорее обратный. Они только усиливают толчею, пробки и неразбериху. Наш водитель Максим, чтобы как-то приноровиться к новым условиям, едет наобум, по наитию, отказавшись от дорожных правил. Вдогон слышим свист регулировщика и пронзительный скрип тормозов. Серебристого цвета «Тойота», едва увернувшись от удара, резко тормозит.

В сверах, на лужайках – везде военные блокпосты. В центре города много руин – следы недавних боевых действий. Вокруг грязь и пыль.

– В этом месте много зарубежных миссий, – говорит Алишер, – богатых людей, которые обучаются в Европе. Они себе могут позволить одеваться по европейской моде.

Обращаю внимание, что воздух в Кабуле другой, какой-то свой, особенный. Как будто над городом кто-то распылил терпкий запах экзотических трав. Воздух города, окутанного ореолом тайны.

Вот и дворец Тадж-Бек. Красивое трехэтажное здание. В нем был убит Амин. Теперь это здание все зовут Аминовским дворцом. Во время штурма здание было сильно разрушено. Но его быстро отремонтировали, и следов тех боев больше не видно. В нем расположен штаб 40-й армии.

В просторном зале полсотни офицеров. Генерал из ГлавПУра рассказывает нам о том, как правильно вести разъяснительную работу о вводе войск в Афга-

нистан и нашей миссии в этой стране. Я старательно записываю все в блокнот. «Во всей пропагандистской работе исходить из положений, содержащихся в обращении афганского руководства к Советскому Союзу с просьбой о военной помощи, и сообщений ТАСС на этот счет.

В качестве главного тезиса выделять, что осуществленное по просьбе афганского руководства направление в Афганистан ограниченного советского воинского контингента служит одной цели – оказанию народу и правительству Афганистана помощи и содействия в борьбе против внешней агрессии. Никаких других целей эта советская акция не преследует».

Совещание закончилось. Полковник Вакулов, начальник отдела печати ГлавПУра, решил пообщаться отдельно с редакторами дивизионных газет. Заходим к нему в кабинет по одному. Пришел мой черед. Вхожу в большую комнату, бывшую дворцовую спальню, приспособленную под кабинет. За столом сидит насупленный полковник. Голова вдавлена в плечи. Рыжие кустистые брови, взгляд цепкий и пронзительный. Он явно не в духе. У меня, напротив, настроение бодрое. Надеюсь на добрые слова в свой адрес. Единственная газета выпускается по новой технологии. И вдруг сплошная критика: печать бледная, снимки невыразительные. Офицер сыплет словами, как пулями, и не сводит с меня неприветливых глаз, словно буравит ими. «Бумажная душа, штабная арбатская крыса», – про себя думаю и говорю вслух:

– Приезжайте в Кундуз. Увидите, в каких условиях мы работаем. Вы же судите по первым, можно сказать, пробным номерам.

Наверное, я зря так сказал. Мои слова вывели его из себя. Он словно взбесился, поняв их по-своему: мол, вы там, в Москве, штаны протираете, а мы тут воюем. И отыгрался на мне всю. Было обидно до слез слушать несправедливую, как я считал, критику в свой адрес.

Вышел из кабинета опечаленный, с опущенными крыльями.

– Что с тобой? На тебе лица нет, – спрашивает Николай Давыдов, редактор газеты 105-й дивизии, расположенной в Шиндане. Это он должен был возглавить дивизионку, а не я. Может, зря Лозовский отказал тогда Давыдову, а меня назначил...

– Рассказывай, что случилось? – допытывается Николай.

Я рассказал, как все было. Он хохочет.

– Ты что – с пустыми руками приехал? Ну ты чудак, с луны свалился, что ли?.. Надо было, как мы, бакшиш с собой захватить – дубленку или японский магнитофон. Видел у майора Дмитриева «Шарп»? Теперь он отличник, в передовиках. И газета у него лучшая...

К себе мы в тот день не поехали. Подполковник Лозовский решил возвращаться с нами на броню. В Кабуле мы заехали к его товарищу Владимиру Байбакову, который был советником крупного партийного босса. Увидев нас, Байбаков обрадовался. Накрыл стол и сказал, что отпустит только завтра. А сегодня мы его гости. Когда выпили, он стал рассказывать, что среди афганских партийцев нет единства, что в самой партии идет борьба между течениями «Хальк» и «Парчам», что межпартийная борьба отбирает у них больше сил, чем борьба с оппозицией.

– За что борются? – спросил Лозовский.

– За место под солнцем. За привилегии. За возможность обогащаться. У меня иногда складывается такое впечатление, что руководство Афганистана – это кучка скорпионов, смертельно кусающих друг друга. От решения насущных задач они самоустранились. Заняли иждивенческую, выжидательную позицию. В борьбе с оппозицией надеются на нас.

– А как Кармаль?

– К сожалению, он не контролирует власть в провинциях. Не может консолидировать общество. Халькисты за ним не пошли. Религиозные деятели относятся к нему с недоверием. Пуштуны не считают его своим. Таджики тоже. Он любит говорить о демократии. Но концепция по-прежнему однопартийная. Власть делить он ни с кем не собирается. Мой прогноз: сопротивление будет только нарастать...

На следующий день, рано утром, мы выехали из Кабула, попрощавшись с хлебосольным Байбаковым. Расставаясь с нами, он посетовал: «Вы к своим едете, а я среди этих чертей остаюсь. Не знаешь, что у них на уме, кому из них можно верить, а кому нельзя».

Домой возвращаться всегда легче. И проезд наших бэтээров тому подтверждение. Они легко прошли Чирикарскую долину и Саланг, где я обратил внимание на десантника-узбека. «Небо ошипок не прощает» было написано на его панаме. Чтобы не забыть, стал записывать в блокнот. Алишер, увидевший мой повышенный интерес к филологическим изыскам, показал мне еще одного военного юмориста. У того на панаме было: «Второй год службы! Прошу не стрелять!»

Когда вернулся к себе, узнал печальную новость: погибли старшие лейтенанты Звягинцев, мой сослуживец по 122-му полку, и Малышев, который ехал с нами из Термеза в Кундуз с шубой для жены. Оба хорошие парни. Вспомнился декабрьский день, наш ужин со Звягинцевым в Термезе, в кафе гарнизонного Дома офицеров. С нами был капитан Григорьев, начальник связи полка. Вдруг Звягинцев предложил:

– Встретил здесь одну красивую. Приглашает провести время. Говорит, что у нее есть симпатичная подружка. Кто со мной пойдет?

– Откуда знакомая? – спросил Григорьев.

– На днях познакомился. Муж, военный летчик, сейчас в Кабуле. Так что временно свободна.

– Нет, я пас. Смертный грех, – то ли серьезно, то ли шутя сказал капитан.

– А ты? – обратился он ко мне.

– Я тоже пас. Табу.

– Вы что – идиоты? – Звягинцев резко поднялся и ушел.

Вскоре он продефилировал мимо нас с двумя женщинами, обхватив лапой бедро одной из них.

Вот и не верь после этого библейским заповедям! А Малышев? Он-то за что? Успел передать шубу жене или нет, промелькнула странная мысль, о которой я тут же пожалел, настолько она была мелкой и не ко времени.

* * *

В офицерской столовой белоснежные скатерти и молодые официантки. В дивизию прибыл очередной девичий десант.

Поев наскоро гречки с сосисками и запив чаем, бегу в 149-й полк. Сегодня началась операция по зачистке Баглана. Это там впервые во время марша нас обстреляли и мы вели бой незнамо с кем, бой с собственной тенью. Меня снова тянет туда, влечет, я испытываю те же чувства, что тогда, – от радости за спасшуюся птицу до учащенного биения сердца и предательского холода внизу живота от нами сотворенного.

Подхожу к БМП первой роты. Бортовой номер 014. Экипаж мне знаком. Только командир взвода новенький. Бывший взводный Иван Тимофеев погиб неделю назад. Накоротке знакомимся: лейтенант Веретенников. Заскакиваю на броню. Едем. Наконец показались мазанки Баглана. Вот и то место, где в феврале мы приняли «бой с собственной тенью». Длинный глиняный забор. Сгоревшая «Волга». С другой стороны дороги в кювете остов брошенного нами КаМАЗа. Проезжаем еще немного и останавливаемся. По количеству старших офицеров нетрудно догадаться, что тут размещен штаб операции. Афганские сарбозы останавливают и досматривают гражданские машины. Откуда-то доносятся выстрелы. Я спрыгиваю на проезжую часть дороги. Слышу оклик лейтенанта Клюева. Иду к нему и только успеваю зайти за БМП, как мимо, обдав меня жаром железа, пронесется боевая машина. Секунда – и несчастный случай. Аж волосы стали дыбом от осознания, что могло быть, не сделай я шаг в сторону. Вытираю вспотевший лоб. Как много вариантов погибнуть, не успев совершить ничего полезного. Осматриваюсь, хочу спросить: вы

видели? Но все заняты делом. Никто не обратил внимания на такой пустяк. А лейтенант Клюев даже не догадался, что спас меня.

Вижу: на обочине дороги стоят подполковники Лозовский и Никитин, начальник военной контрразведки дивизии, и о чем-то беседуют. Подхожу к офицерам, здороваюсь. У Лозовского выражение лица кислое, он явно чем-то недоволен: брови подняты, уголки губ опущены книзу, а в глазах немой вопрос. Прислушиваюсь, пытаюсь понять, чем он так озабочен. Оказывается, они обсуждали избыточное, по их мнению, количество военной техники, стоявшей вдоль дороги.

– «Акация», «Гвоздика», «Град» – огневая мощь, как на Курской дуге, – говорит Лозовский. – Куда столько?..

Я вспоминаю слова Ларионова: «Готовились к проведению крупномасштабной ядерной войны. К контрпартизанской не готовы. Будем на ходу перестраиваться».

Со стороны кишлака стрельба усилилась. К нам подбегает, тяжело дыша, похожий на подростка маленький лейтенант с оборванной портупеей, один погон задран, говорит сбивчиво, отрывисто: «Окружили... Нужна помощь. Есть убитые, раненые». Он показывает рукой в сторону окруженных деревьями домов. Вдруг он видит рядом группку солдат, человек восемь, они бегут в сторону, откуда слышны выстрелы. Он спешит к ним. У одного из солдат перегруз: автомат, гранатомет и ящик с патронами. Он едва справляется со всем этим имуществом. Берусь ему помочь. Подхватив патронный ящик, я бегу следом за всеми. Успеваю пробежать с десятков метров, когда слышу голос Лозовского, обращенный ко мне:

– Вернись!

Останавливаюсь. Какой-то незнакомый капитан тут же подхватывает ящик из моих рук и бежит следом за солдатами. «Ротный, что ли?» – проносится в моей голове.

Возвращаюсь к Лозовскому. С ним начрразведки Ларионов. Он тоже в бушлате и без знаков различия. В его руках развернутая карта, он тычет в нее толстым карандашом. Потом, сложив карту вдвое, прячет документ в командирскую сумку. Увидев меня, бросает через плечо: «Идите за мной!» – и, не оглядываясь, быстро шагает вдоль дороги.

«Что же мне делать?» – думаю я. Смотрю на Лозовского, который только что зачем-то позвал меня. Он молчит.

– Ладно, иду с вами, – говорю вслух и бегу за Ларионовым, который с легкостью кошки запрыгивает на броню БМП. Я за ним.

Бээмпэ резво разворачивается и лихо рвет с места, выбрасывая вокруг густой дым с черной копотью.

«Зачем позвал Лозовский, что хотел сказать?» – проносится в голове.

Бээмпэшка съезжает с дороги, и мы несемся по вспаханному полю в сторону зеленого луга, на котором мирно пасутся коровы. Гусеницы давят землю, выбрасывая в стороны большие черные комки грязи. Встречный ветерок бьет в лицо. Впереди видны река и берег, заросший камышом. Когда до камышей остается метров сто, спешиваемся. Ларионов командует: механик-водитель, наводчик-оператор и лейтенант остаются на БМП. Они наш левый фланг. Остальные выстраиваются в шеренгу. Вместе с полковником нас восемь человек. Идем. Я крайний справа. Нахожусь ближе всех к воде. Впереди густые камышовые заросли. И вдруг замечаю в воде темный кусок ткани и силуэты людей. Зову. Подбежал сержант Науменко. Он шел рядом со мной. Затем Ларионов и другие. Сержант стреляет в воду. Из воды, как черти из табакерки, выскакивают двое моджахедов. У одного плечо прострелено, он рукой зажимает рану, рука в крови. Головы афганцев повязаны чалмой. Длина материи, которую афганцы наматывают на голову, достигает пяти метров. Некоторые зачем-то оставляют свободный конец длиной до метра, который, словно коса, свисает с левой стороны. Он и подвел его. Его-то я и увидел. Мы затаскиваем афганцев на броню и двигаемся вперед. Прежде чем идти в густые камышовые заросли, Ларионов дает команду обработать кусты из БМП. Бахает гладкоствольная пушка. Видно, как летят снаряды – один, второй, третий. Ей вторят АГС-17 «Пламя» и ПКТ. Наконец стрельба прекратилась. Можно идти дальше. Идем медленно. Камыши высокие, почти в рост. Я раздвигаю их рукой, ствол моего автомата опускается вниз, делаю шаг и останавливаюсь как вкопанный. В двух шагах от меня пулемет Калашникова. Ствол, коробка и лента с патронами. Все на месте. И человек. Он смотрит не мигая. Чужие глаза пронизывают, прожигают, они словно гипнотизируют меня. Секунда, две, три. А может, больше. И вдруг выстрел. Но почему мне не больно? Я совсем ничего не чувствую. А где тот, кто только что не мигая так пристально смотрел на меня? Его нет. Перед собой я вижу только сержанта Науменко, который, присев, делает выстрел из трофейного пулемета.

– Странно, – говорит он таким тоном, словно осуждает, – пулемет исправен, патроны есть, но не стрелял. Ждал чего-то?

Подхожу. На земле лежит мой визави. Тайну он унес с собой. И я тоже никогда не узнаю, почему он медлил, не стрелял, на что надеялся? «Не задавай глупых вопросов. Радуйся, что тебе повезло больше, чем ему», – говорит мой внутренний голос. Оборачиваюсь к сержанту:

– Спасибо! Я твой должник.

Сержант буднично, как само собой разумеется, кивнул головой.

Идем дальше. Но мысли о только что случившемся не покидают меня. Испугался ли я? – задаю сам себе вопрос. Не знаю. Все произошло так быстро и как будто не со мной. Как будто я все видел со стороны. Потом мне это долго будет сниться, и сон будет обрываться, и я буду подходить к открытой форточке, чтобы покурить, глуша частый стук сердца. Но курить не буду – не курю...

Заросли камышей становятся реже. Под ногами, на земле, брошенное оружие. Наступаю ногой на винтовку. Возле винтовки серый пиджак в клеточку. Поднимаю – тяжелый. В карманах патроны рассыплю и японские часы «Сейко» с голубым циферблатом и стальным браслетом с небольшой вмятиной. Закидываю винтовку за спину, а часы вешаю на ствол автомата, чтобы никто не подумал, что взял их себе. Метрах в пятидесяти овраг. Оттуда кто-то машет белой тряпкой. Подходим. Сбившись в кучу, стоят люди с поднятыми вверх руками. Кто-то считает: тридцать восемь человек.

– Куда их? – спрашиваю у Ларионова.

– Доставим в накопитель, а там пусть царандой, местная милиция, занимается. Им лучше знать, кто они такие и что с ними делать. Оружие... вон его сколько... тоже передадим. Духи шли тихо, понурился головы. И только один пытался мне что-то сказать, жестом показывая на часы. Я догадался, что они его.

● **Командующий 40-й армией генерал-лейтенант Борис Ткач читает свежий номер газеты.**

Предлагаю взять. Он осторожно протягивает руку к стволу, берет часы и счастливо улыбается. Всю дорогу, пока мы шли, он поглядывал в мою сторону и делился своей радостью с товарищем, уже немолодым криворотым афганцем.

В накопителе я встретил майора Фарука. Он герой моей заметки об офицере, который одним из первых встал на защиту революции. Фарук окончил Военную академию имени Фрунзе в Москве и хорошо говорит по-русски.

Когда Фарук уезжал учиться в военное училище в социалистическую страну, ему многие говорили: там живут вероотступники, они не знают ни отца, ни матери. Вернувшись, он стал рассказывать, что все это ложь. Ему не поверили и даже стали побаиваться. Мол, приехал из коммунистической страны. Но не все боялись. Были и такие, которые спрашивали: ты долго учился, почему у одних все, а у нас ничего?

Людей, ищущих ответа, с каждым днем становилось все больше. Потом грянула революция. Наступили времена Амина, и он, майор, назначается заместителем командира роты. Затем годы подпольной борьбы, и вот снова борьба, но уже открытая, против тех, кто выступает за возврат к старым порядкам.

– В армии большие преобразования, – говорит Фарук. – Солдат подняли с глиняных полов, поставили в казармах койки. Мало? Пока да, мало, – соглашается он. – Но сейчас слишком много врагов у республики, еще лезут они, как каракурты, по горным тропам. Вон их сколько, – кивает в сторону задержанных.

Слушая Фарука, я думал, что, если бы не навязанная Афганистану война, быть бы ему человеком гражданским, такой уж он по своему складу – мирный, внимательный, с открытой доброй улыбкой. Не удержавшись, сказал ему об этом.

– Я – гражданский? – рассмеялся он. – Не знаю, не думал. Наверное, время неподходящее.

Конечно, прав Фарук. Рано еще об этом говорить. Вон их сколько вокруг – злых, ненавидящих нас.

Мы прощаемся как старые друзья. Он обещает в ближайшие дни заехать в редакцию и рассказать о преобразованиях, которые коснулись армии. Я ищу Ларионова и вдруг вижу афганца, которому отдал часы. У него разбитое лицо, а из носа течет кровь. Он тоже увидел

меня и пытается подойти, но сарбозы его не пускают. Прошу Фарука узнать, что случилось. Оказалось, у него отняли часы.

– Извини, помочь не могу. Откуда мне знать, кто их у тебя конфисковал. Вон сколько здесь народу, –

сказал вслух, а сам подумал: «В конце концов, какое мне дело до него?»

Вечером, во время ужина, в офицерской столовой ко мне подошел незнакомый капитан. Щуплый, но с каким-то холодным пронзительным взглядом, с большим лиловым шрамом на шее. Со мной за столом сидел старший лейтенант Рысин.

– Я видел тебя в Баглане во время рейда, когда ты выходил из камышей, – сказал капитан, глядя в упор мне в глаза. – Ты все время был у меня на мушке. Чуть было за духа не принял. Узнал по лысине, – как-то странно улыбнулся он. – Мы держали духов под прицелом. Могли разом всех уничтожить. Но Ларионов, сука, не дал. Полез в камыши. А зря. Царандой все равно их отпустит. И кто от этого выиграет?.. Они снова возьмутся за свое, – зло сказал он.

– Ну спасибо, снайпер, что не обознался, – благодарю я поклоном. Не знаю почему, но мне было неприятно слышать, что я был у него на мушке. У меня от его слов мурашки побежали по телу.

– Кто он? – спросил у Рысина, когда офицер ушел.

– Станный тип. У него свое представление о войне. Понимаешь, когда начинается стрельба, крыша едет у всех, но это еще полбеды. Беда в том, что не у всех она после этого встает на место.

Иду к себе спать. Не много ли впечатлений для одного дня?

А все-таки почему он не стрелял? И что могло бы быть, если бы я взялся за автомат?

При этой мысли я испугался по-настоящему. Утром узнал, что те, кто в Баглане с лейтенантом пошли на выручку, сами попали в засаду. Из девяти-рых только двое остались в живых. Погиб и капитан Владимир Нестеров, который подхватил у меня ящик с патронами. Он был начальником Дома офицеров 395-го мотострелкового полка. Что он там делал? Как он там оказался? У меня не было ответов на эти вопросы. Значит, судьба? И от нее не убежишь.

Когда-то в детстве, у бабушки в деревне, я решил заработать немного денег, чтобы купить модные китайские джинсы, прошитые по шву толстой оранжевой ниткой, и кеды. Вместе с двумя моими ровесниками, которые жили по соседству, я поднимался ни свет ни заря и шел в колхоз. С полей от комбайнов мы возили зерно на элеватор, где деревянными лопатами ссыпали его в хранилище. Бабка гордилась мной. Но как-то я проснулся и увидел, что солнце стоит высоко. Неужели проспал? Опасения подтвердились: на часах было десять утра.

– Иван с Петром заходили?

– Заходили.

– Почему не разбудила?..

– Иди лучше нарви бурьян свиньям, – буркнула она и пошла возиться с курами и индюками.

После обеда началась сильная гроза. Возвращаясь, мои друзья укрылись от дождя под деревом. Молния угодила прямо в дерево, и они погибли.

Почему бабка не пустила меня в тот день – загадка, как, впрочем, и загадка, зачем Лозовский позвал меня. Что он хотел сказать?.. Но спроси я его об этом, он вряд ли вспомнит или что-либо ответит.

* * *

Сегодня воскресенье. Ночью прошел дождь, а сейчас светит солнце и земля парит. Под сосной, сгорбившись, сидит Гончаренко. В руках ножницы, на самодельном столике бумага, карандаши, канцелярский клей. В соседнем кресле греет на солнце разноцветную, как у рыси, шерстку кошка Кузина. Со всем крохой прибилась к нам. Теперь это настоящая красавица и чувствует себя полноценной хозяйкой. Ее все норовят взять на руки, погладить и послушать, как она урчит. Чуть поодаль в тени на привязи, мельтеша красным острым язычком, лежит бутылкообразное зелено-коричневое чудище, наш коротышка варан Гриша. Варана где-то выловил прапорщик Сапега и уговорил оставить: мол, в хозяйстве пригодится. В честь прапорщика варана назвали Гришей. Внешне они были похожи: у обоих большое туловище и короткие ноги. Однажды утром увидели во дворе куски кобры. Думали-рядили, кто разорвал змею на куски? И сошлись на варане. Кроме него, вроде бы и некому. Но я грешил на кошку Кузину. Вот уж кто умеет защищать свое жилье!

Кошка зевает и начинает умываться, облизывая лапу. Есть примета: к гостям. Только подумал об этом, как вошли два десантника с мешками за спиной. Спрашивают меня. Подхожу. Тот, что ближе, молча сбрасывает с плеч мешок и, развязав шнурок, подает мне со словами:

– Презент от Марзоева.

Протягиваю руки к мешку и – о ужас! – роняю. Что-то холодное, скользкое, круглое летит мне под ноги. Солдат нагибается, поднимает и подает мне в красном парафине головку сыра, которую я принял за человеческую голову, посчитав, что «презент» с полигона психологической подготовки, которым Чингачгук так гордился.

Мне стыдно за свой испуг. Нервы шалют, что ли?..

В другом мешке черный продолговатый рис. Прапорщик Сапега доволен: рис, сладкий изюм и даже французский сыр. Можно пир устраивать, праздник живота.

Благодарю десантников.

Когда они ушли, подошел лейтенант Краузе. Нащипен, напомажен, гладко выбрит. Усы аккуратно подстрижены и подчернены. Он выглядит словно новая копейка. Приглашает сходить на завтрак. Быстро одеваюсь, и мы идем в столовую. Бросается в глаза, что он стал выше ростом – нарастил каблук. К чему бы это? Не влюбился ли?

Не ошибся.

– Вот увидишь, она тебе понравится, – говорит Краузе.

Я не понимаю, почему она мне должна нравиться, но все же приятно, мне льстит, что он доверяет мне в таком деликатном вопросе, ему небезразлично мое мнение. Ведь не зря, как говорится, я для них стараюсь быть и отцом, и матерью, и воинским начальником.

Мы переходим взлетную полосу, а дальше начинается грязь – последствие ночного дождя. Входим в новую офицерскую столовую. Она теперь находится не в палатке, а в просторном модуле. Много окон, светло и уютно. Мимо снуют молоденькие официантки. Они из Ташкента. С виду вчерашние школьницы. Надо сказать, девушки надолго тут не задерживаются. Одни, не выдержав сурового быта, возвращаются домой, другие выходят замуж и тоже уезжают. Но не всем везет. Бывают и трагедии, одной из которых я стал невольным свидетелем. Я шел по взлетной полосе. Метрах в ста от меня стоял Ан-26 с включенными двигателями. К самолету бежала девушка в свадебном наряде. В одной руке у нее был букет цветов, а другой она держала подол белоснежного платья. Бежала она прямо под винты. Я стал кричать. Но из-за шума работающих двигателей она меня не слышала, продолжала бежать. Я кричал, размахивая руками, но она смотрела себе под ноги, чтобы не упасть. Жуткое чувство, когда видишь: вот сейчас погибнет человек, а ты не в силах ему помочь.

Нелепая смерть. Ощущение, как будто сам попал под винты, долго не покидало меня...

– Ну давай, жених, показывай, какая из них? – спрашиваю, деловито осматривая зал, и вижу девушку, которая спешит к нам с подносом. Лейтенант опускает глаза и смотрит на подставку с солонкой и перечницей. Я догадываюсь: она. Как сказал бы Гончаренко, персик! Стройная, светловолосая, еще бледного цвета кожа, красивый нос с горбинкой. Мимо такой не пройдешь. Но она выше моего Краузе. Так вот зачем он каблук увеличил! Сможет ли он добиться от нее взаимности? Вокруг вон сколько охотников. И все глядят на нее с любопытством. Забыл, что ли, мой романтик известное изречение: чем шкурка хорошее, тем охотники хитрее?..

Лейтенант Краузе оказался не промах, не зря он одним из первых в дивизии получил госнаграду – медаль «За отвагу» – 27.9 грамм чистого серебра. Проявив настойчивость, он добился своего. Вскоре они сыграли свадьбу и уехали служить в Ташкент, в окружную газету «Фрунзевец», в боевой отдел, к моему училищному товарищу Олегу Исмагилову. На смену Краузе прибыл лейтенант Махно. Первый профессиональный журналист среди нас. Представляясь по случаю назначения на должность, он без обиняков высказал свою жизненную позицию: недавно женился, молодая жена Галя должна скоро рожать; он понимает важность Апрельской революции, но не считает, что нужно гибнуть за ее идеалы.

Позиция не была новой, но вслух об этом никто не говорил. Мне понравилась его искренность и открытость. Пообещал ему: «На боевые буду ездить я. Пусть Галя спокойно рождает. Твоя задача – делать газету».

Я давно собирался сходить к десанникам – посмотреть, что за полигон морально-психологической подготовки соорудил Станислав Марзоев, и заодно поблагодарить за презент, из-за которого я чуть не помер от страха.

Еще издали увидел группу офицеров. Они обступили макет местности, изготовленный на основе войсковой топографической карты. Подхожу. Комбат майор Федор Кастрюлин водит указкой по макету. Чингачгук, наклонившись ко мне, шепчет: «Идем в засаду на караван».

Радуюсь: как удачно пришел! Я еще не был в засаде на караван. Прошусь с ними. Майор Кастрюлин за то, чтобы взять, но надо согласовать с руководством дивизии. Бегу к Лозовскому. Убеждаю, что нужен репортаж. Снимки хорошие получатся. И не важно, что десантники, – одно дело делаем...

Он быстро соглашается. Ему нравится, что его офицеры ездят на боевые.

И вот я в вертолете. Заглядываю в иллюминатор. Под нами узкое ущелье и река, изгибаясь, уходит к горизонту. Дальше большое поле, как по линейке поделенное на квадраты и полоски.

– Там древний город Кишма, – кричит над моим ухом Марзоев. – Царь Бадахшана жил в нем. Город расположен на берегу Машхад. Это приток реки Кокча. Долина ее самая плодородная в Бадахшане. Плоды созревают на месяц раньше, чем в Файзабаде и Кундузе. В нижнем течении Машхад находится гробница газиев – первых мусульманских воинов, погибших за веру. Вся эта местность и река называются Машхад, что означает «место мученической смерти». А еще тут месторождения самых лучших в мире лазурита и граната.

– Откуда знаешь?

– Читал. Богатая история!

Летим вдоль русла реки. Высаживаемся на небольшой каменистый пяточок и дальше идем пешком. Около двух километров. Тропа извилистая. Над головой нависают скалистые глыбы. Двигаемся в колонне по двое на удалении зрительной связи. Впереди и в тылу идут дозорные, что замедляет темп ходьбы. Я в двух шагах от Марзоева. Ему в затылок дышит лейтенант Соколов. Слышу, как Соколов говорит:

– Эх, товарищ старший лейтенант, а ведь у меня завтра должен быть отпуск.

– Должен быть, значит, будет. Разве только чуть позже, – отвечает Марзоев. – А родные знают?

– Нет, люблю приезжать неожиданно.

– А у моей мамы сегодня день рождения, – говорит Марзоев.

Потом они умолкают. Последние слова шепотом. Все. Дальше никаких разговоров.

Внезапно дорога кончилась. Уперлась в скалу. Остановились. Свежий ядреный воздух кружит голову. Марзоев рассуждает вслух:

– У нас есть выбор: идти через скалу или обходить ее по узкой тропе. Пойдем напрямик.

Соколов, вымотанный подъемом, только слабо присвистнул. Дескать, легко сказать – напрямик!..

Марзоев поискал что-то в командирской сумке. Потом показал лист. Это был график – расчет движения, расписанный поминутно. Подытожил:

– Выполним – упредим духов. Начнем обходить – упустим время. – И чтобы никто не слышал, добавил тихо: – Наш с тобой пример у всех на виду. Не раскисать. Понял?

Соколов отошел, увидев меня, проворчал:

– Вот так всегда. Пионер, будь готов – всегда готов!

Потом Марзоев приотстал. Пошел сзади. Он волновался за тех, кто недавно прибыл в подразделение. В группе четверо. С ними сержант Меджитов. Я видел, как сержант предложил одному из молодых солдат: «Давай помогу», – показывая на пулемет. Тот отказался. Другие тоже держались. Сопели, но шли. Марзоев догнал нас.

– Ничего. Молодцы, держатся.

Шаг, еще шаг. Вдох, выдох. И снова скала. Но лезть по ней нетрудно – помогало множество выбоин и расщелин. По одному вышли на перевал. Потом, не сговариваясь, прибавили шаг.

В эту минуту я не ощущал ни влажной от пота экипировки, ни боли в плече, натертом ремнем от автомата.

– Вот и пришли, – итожит Марзоев.

Он держится бодро. Только в покрасневших глазах усталость. «Какое это удовольствие – стоять!» – подумал я. Мускулы расслабляются. Ноги отдыхают.

Дышится легко. Я вдохнул глубоко, наполняя легкие до головокружения чистым горным воздухом. Подошли остальные, разгоряченные подъемом, еще не успевшие остыть. За спиной радист передает по радио:

– «Акация», я «Ромашка». Перевал заблокирован. Подошел лейтенант Бондарев. С ним еще четверо солдат.

Их сюда раньше забросили.

– Вода есть? Дайте попить, – просит Бондарев.

Он жадно пьет, не жалея воды, она льется ему за ворот.

– Фу, как здорово, – говорит он, отрываясь от фляги. Потом докладывает: – Вчера и позавчера тут никого не было. А сегодня под видом пастуха прошел сначала один. Все осматривал, метки ставил. А часа через два появился пастух с детьми. Он долго тут шнырял. Подходил к меткам, не трогал. И больше никого не было. Тихо.

Потом Бондарев повернулся и позвал одного из своих солдат:

– Середа, ко мне!

Солдат подошел.

– По-моему, ему нужна помощь. Кто-то укусил его в руку. Может, скорпион? Есть кто-нибудь, кто разбирается?

– Ему бы постель теплую и медсестру вместо грелки, – смеется какой-то остряк.

Но солдату не до смеха. Он показывает руку. Она покраснела и опухла.

– Комаров, обезболивающие таблетки. Димедрол. Тампон. Спирт. Жгутом перетянуть выше укуса, – командует Марзоев.

Фельдшер батальона Комаров (все зовут его на афганский лад табибом – врачом) роется в санитарной сумке. Что-то достает оттуда. А я удивляюсь: откуда Марзоев знает, что должен делать фельдшер?..

Стемнело внезапно. Небо усеяно россыпью звезд. Луна серебрит окрестность. Мы поднялись на такую высоту, что захватывало дух.

Десантники рассредоточились, растворились в темноте, словно нет никого.

– Что там? – слышу за спиной голос Марзоева.

– Тишина, – отвечаю. И вдруг откуда-то воющие гортанные звуки, рычание. – Что это?..

– Шакалы воют, где-то поблизости бродят.

Да, звуки не для слабонервных. Над нами полуполночная синь неба. Блеск холодных звезд. Безмолвная отстраненная луна. Ощущение такое, что, кроме нас и стаи шакалов, никого на свете больше нет. И что-то щемящее внизу живота.

– Стас, у тебя есть чувство страха?

Я понимаю, что он вправе не отвечать на мой вопрос. Но он ответил:

– Всегда боюсь. Но это чувство спрятано у меня далеко внутри.

– В животе?

– Да. И в голове... Главное, занять себя делом, двигаться. Страх никуда не денется, он останется в тебе, но будет спрятан далеко, как злая собака, которую хозяин загнал в будку, и она оттуда трусливо поглядывает, не решаясь выйти. Там мой страх. Уверен, он у всех есть. Главное, не дать ему выйти, овладеть тобой. В противном случае – паника. Поражение.

– А что ты сейчас испытываешь?

– Усталость. Но не иду у нее на поводу. Думаю о том, чтобы мои наблюдатели не проспали и вовремя сообщили о караване; об укушенной руке бойца, помог ли ему Комаров?.. И об АГС – забыл передвинуть ближе к краю обрыва... – Поднимается и уходит.

Пахнет тушенкой. Рядом солдат открывает банки.

– Будете? – сержант Меджитов подает мне открытую скользким солидолом банку свиной тушенки.

Беру банку и о зазубрины до крови глубоко режу палец. Облизываю. Сладко-соленый вкус. Вспоминаю слова: «Прими малую беду, чтобы отвести большую». Кто-то зовет Комарова. Тот подходит и предлагает продезинфицировать зеленкой. Мне неловко, стыдно – столько внимания пустяковому порезу.

Поступает команда рассредоточиться. Занимаю место и я. Поднимаю камень: нет ли скорпиона? И убедившись, что все чисто, ложусь.

Слышу, как рядом Соколов мечтательно:

– Быстрее бы шли. Отпуск мой под угрозой...

Понимаю настроение лейтенанта, торопящего события. Только я подумал: какой долгий рассвет, как тут же по цепи пролетела весть: «Идут!»

– Караван! – шепотом говорит Меджитов. – Наблюдатели доложили.

Проходит еще томительных полчаса. Зарождается рассвет. Начинает светать. Но на меня накатывает усталость. Борюсь со сном. Сквозь полудрему слышу:

– Закурить бы.

– Бросай курить.

– Не могу.

– А я вот смог. Мне моя тетка посоветовала: в последнее воскресенье Масленицы, накануне Великого поста, выкурить последнюю сигарету до полуночи. Я хоть и неверующий, но послушался ее совета. Перед сном положил на стол пустую пачку из-под сигарет, сверху на нее листок бумаги, на котором своей ру-

кой крупно написал: «Я бросил курить!» И спать. Все! Утром в чистый понедельник проснулся: нет тяги к курению. С тех пор прошло три года. Не курю, и желания нет.

Послышался какой-то шум, похожий на топот лошадиных копыт. Вскоре выскочили всадники. По всей видимости, походное охранение. Потом из-за каменных стен показался караван. Выючные животные продвигались медленно. Караван растянулся. Они проходят мимо и скрываются за выступом скалы. Мы ждем, когда караван окажется между позициями двух групп. Наконец Марзоев дает команду на открытие огня.

– Ну, лейтенант, за ваш будущий отпуск! – крикнул он Соколову.

У Соколова в руках трясется АГС-17. Ему вторит в одиночном режиме еще один, тот, что Марзоев переместил ближе к обрыву. В ушах стоит грохот взрывов, треск автоматных очередей, лошадиное ржание и чей-то голос: «Черта вам лысого, а не тропу...» Вижу лейтенанта Соколова, навалившегося всем телом на АГС-17, он почему-то без каски; и Меджитова, чей пулемет басовитостью заглушал дробный стрекот автоматных очередей. Какофония как внезапно началась, так и закончилась. Вспомнил слова Марзоева о бабуинах: «три минуты крика». Именно столько времени им надо, чтобы разобраться друг с другом.

Я покидаю свое укрытие и спускаюсь вниз, на горную тропу, по которой шел караван. Солдаты уже осматривают груз. Тюки с изюмом, рисом, мешки с

● *Аэродром в Кундузе.*

мусульманскими четками. Я взял четки. Потер бусинки в руке и почувствовал тонкий аромат сандалового дерева. «А где оружие? Неужели мирный караван? – пронеслась мысль. – Но почему шел ночью?..»

– Ко мне! – зовет Соколов. – Смотрите сколько всего! В отпуск можно ехать с чистой совестью.

Иду к нему. Возле Соколова лейтенант Бондарев и несколько солдат. Среди них тот, что был укушен скорпионом. Бинта на руке нет. Краснота спала и припухлость меньше. Пошел на поправку. Радуюсь за него. И незаметно срываю бинт со своего пальца, выбрасываю.

Солдаты сносят ящики в одно место, ближе к скале, нависшей над дорогой. В ящиках и тюках автоматы Калашникова китайского производства. Много мин. В основном это противотанковые мины Т-50 итальянского производства и М-18 – США. Корпус у них пластмассовый. Миноискателем не обнаруживаются.

– Жаль, что нет «Стингера», – сокрушается Соколов. – На побывку приехал бы с Золотой Звездой.

Обращаю внимание на брикеты, они упакованы в плотную коричневую бумагу. Беру, разворачиваю. Белый порошок.

– Героин, – говорит Соколов. – Настоящий. Даже с печатью. Тоже неплохо...

Я иду вниз по дороге, откуда пришел караван. Много трупов людей и животных, они лежат вперемешку. Мне как-то жутко, не по себе. Иду дальше. За небольшим поворотом люди. Одни сидят, опершись спинами о скалу, другие лежат. Почти у всех разной степени ранения. Фельдшер батальона Комаров бинтует руку старику. Рубаха старика пропитана кровью. У него еще есть ранение в спину. Держится мужественно, только глаза выдают, что ему очень больно, его седенькая клиновидная бородка вздрагивает, по лицу скатываются капельки пота. Подходит Марзоев.

– Комаров, промедол не желей, – говорит и смотрит на меня: – Чем ему еще помочь?

Пожимаю плечами. Что я могу ответить?

Слышится шум. Лейтенант Бондарев ведет еще одного афганца, почти мальчишку с зарезанными глазами. Говорит:

– Везунчик – цел. Ни одной царапины. Прятался под убитой лошадей.

Те, кто остался жив, сидят, тесно прижавшись друг к другу, и смотрят на нас, как на инопланетян, смиренно отдавшись в руки. Я всматриваюсь в лица и глаза этих людей. В них есть все: боль, страдание, страх. Но нет почему-то ненависти и злости к нам. Я тоже не испытываю к ним ни ненависти, ни раскаяния. Почему? И зачем все это? За чьи интересы воюем?.. Геополитика? Но большинство афганцев и слова такого не знают. Ради нескольких афгани, чтобы прокормить себя и своих близких, они пошли с караваном на верную смерть. Их обманывают все – исламисты, моджахеды, партийные боссы всех мастей. Обманутый и обворованный народ.

Подходит Марзоев:

– Вертолеты взлетели и скоро будут.

– А этих куда?

– Перевяжем и оставим здесь. Местный царандой подберет. Федор Иванович уже связался с ними.

Над головой уже нет мутного диска луны. Небо на востоке голубеет. Потрясенная нами природа ожила. Возле трупов животных десятки стервятников: грифы, бородачи и черные вороны. Они ведут себя шумно и бесцеремонно. Слышится гул вертолетов. Подлетев, они кружатся, выбирая площадку. Птицы испуганно шарахаются по сторонам. «Шайтан-арба» потревожила, ненадолго нарушила их пир.

Трофейное оружие грузим в вертолеты. Туда же летят мешки с героином, изюмом, рисом. Потерь у нас нет. Четверо раненых. И один солдат подвернул ногу, идти сам не может. Его на руках вносят в вертолет.

С высоты место засады выглядит ирреальным. Вдоль дороги чернеют вперемежку распластанные фигуры людей и тела животных. На земле сидит кучка людей. Задрав головы, они смотрят нам вслед...

Глядя на все это, испытываю грусть и усталость. Смотрю на друга: как он? Марзоев сидит у открытой двери – это его любимое место, свесив ноги и держась за страховочную петлю. Рядом Меджитов с пулеметом. Сейчас Станислав похож на бабуина-победителя.

Спустя много лет, точнее в 2001 году, заместитель командующего 58-й армией полковник Марзоев использует свой последний и единственный шанс. В небе над Ханкалой террорист собьет вертолет, в котором он находился. Два человека – пулеметчик и он – успеют выпрыгнуть из горящего вертолета, но получат травмы, несовместимые с жизнью. Оба погибнут. Но это будет нескоро, а пока мой друг смотрит вниз, где еще недавно гремели выстрелы.

* * *

...Всю ночь работает офсетная машина. Из-под барабана падают в корзину пахнущие краской свежестопеченные газетные листы. Стопка растет на моих глазах. Наконец барабан перестает крутиться. Я беру несколько экземпляров газеты и иду в политотдел. На ходу читаю куски текста из своего репортажа о десантниках, которые без потерь захватили караван с оружием. Материал я назвал «Крик бабуина». Я горд собой. Мне кажется, я видел то, что другим неведомо. Я слышал, как плачут шакалы. Словно тореадор, преодолевший грань между жизнью и смертью. Так и хочется спросить у первого встречного: ты ходил на караван? Ты слышал, как плачут шакалы? Нет? Извини, нам не понять друг друга.

Вхожу в палатку политотдела. На удивление, тут только майор Овечкин и дежурный связист рядовой

Вася Подгорный по кличке Молчун. Вася самый осведомленный человек в дивизии. Он одним из первых узнает, где и что произошло в дивизии в течение суток. Информацию хранит в секрете, слова лишнего из него не вытянешь. За это и прозвали Молчуном.

Майор Овечкин, партийный секретарь, бумажная душа, читает протоколы будущего партийного собрания и делает карандашом пометки на полях. В эти минуты лучше не подходить. Мне даже кажется, что, если бы появились откуда-то духи, он бы на них не обратил никакого внимания – настолько поглощен своим занятием. Меня он тоже не видит или скорее делает вид, что не видит. Для него нет ничего более важного, чем его протоколы и доклады. Мне забавно на него смотреть. И даже чуточку жаль его. Был в Афганистане, но на боевые не ходил, мало что видел, а главное – не испытал себя. Что он вспомнит, когда вернется домой?

Наконец Овечкин поднимает голову и вопросительно смотрит на меня. Подаю ему газету и советую обратить внимание на мой репортаж. Он неохотно берет ее из моих рук и, взглянув на заголовок, кривится:

– Что за бабуины? Вы наших солдат обозвали бабуинами?..

Его лицо становится холодным, каменным, непроницаемым. Потом он кладет газету на стол и берет свои листы, исписанные мелким убористым почерком. Ему нет дела до меня. Отхожу, успевая прочесть: «Рядовой Свиридов самовольно покинул часть... совершил преступление...» Подхожу к столу, за которым сидит связист Вася. В его распоряжении два телефона и УКВ-радиостанция Р-111. Положив на плечо трубку и прижав ее к уху, он с серьезным видом что-то записывает в большую амбарную книгу в твердом картонном переплете. Наконец он кладет трубку. Я беру у него тетрадь, она пронумерована, прошнурована и с печатью. Листаю. Нахожу последние записи: «Лейтенант Юрий Панченко попал в засаду у населенного пункта Айбак, подорвал себя гранатой... Рядовой Мамуржан Зупаров пропал без вести в бою в провинции Балх...» А вот недавний нашумевший случай: «Рядовой Виталий Свиридов из артиллерийского полка самовольно покинул часть. Двигаясь в сторону границы, в районе населенного пункта Доши вступил в бой с превосходящими силами противника. Уничтожил девятерых мятежников и погиб сам...»

Кто он – герой или самовольщик? Майор Овечкин написал в своей записке, что солдат – преступник. Да, ушел из части. Почему? Об этом все молчат. Но не струсил, принял бой. Неравный. И погиб, на мой взгляд, как герой. Овечкин так не считает, ну и что? Как он может, сидя в палатке и не выезжая на боевые, давать оценки другим. Мне хотелось позлить его. Говорю нарочито громко, чтобы он слышал:

– Какой молодец Свиридов! Не из пугливых. Вступил в бой. Проявил лучшие качества советского воина – смелость, решительность... Жизни своей не пожалел... Вот с кого, Молчун, пример нужно брать.

Боковым зрением вижу: Овечкин оторвался от своих бумаг и, подняв голову, внимательно прислушивается к моим словам. Я продолжаю нахваливать:

– Надо же!.. Столько духов завалил. Герой, достойный очерка. Будь моя воля, я бы его к ордену представил.

Овечкин встал и собирался подойти ко мне, но возле палатки послышались голоса, вошел незнакомый генерал, а с ним наш капитан Чуркин из медсанбата. Все приняли стойку «смирно». Генерал добродушно махнул рукой:

– Вольно. Садитесь.

Он в полевой форме, и я не сразу разглядел, что у него на погонах по две звезды. В дивизии нет генералов. Наш комдив Степанов пока еще полковник.

– Где начальник политотдела? – спрашивает генерал.

Майор Овечкин, успевший сесть за свой стол, снова поднимается. И молчит. Чешет затылок рукой, меняясь в лице. Сейчас он похож на человека, мозг которого сильно напрягся. Потом он смотрит на меня. Я отворачиваюсь, всем своим видом показывая: меня вопрос не касается. Я тут ни при чем, можно сказать, случайно зашел.

Генерал, удобно разместившись в кресле Лозовского и глядя на Овечкина, произносит:

– Пригласите его. Он мне срочно нужен.

Майор Овечкин уходит с видом человека, обреченного на казнь. Мне понятна его нерешительность. На днях Лозовский должен был лететь в Пули-Хумри. Но по какой-то причине не полетел (есть версия, что проспал). Вертолет был сбит. И мой начальник сильно переживал, что мог погибнуть. Еще бы! Но ему повезло, и, как поговаривали злые языки, он запил – то ли от радости, то ли с горя. Остроумный комсомольский вожак Вадим Багдасаров мне по секрету сказал: «Наш папа пьет только два раза в неделю. Один раз два дня, второй – три».

– Ну как вы тут? – обращается ко мне генерал.

– Да все нормально, товарищ генерал-лейтенант, – отвечаю и рассказываю о зачистке, которую мы недавно провели в районе населенного пункта Баглан, уничтожив большое бандформирование. Вырубили вдоль дороги деревья, и теперь стало спокойнее, чем было раньше. Вспомнил я и о первой Панджшерской операции, в ходе которой чуть не захватили самого Ахмад Шаха Масуда, который в последний момент чудом ускользнул...

И вдруг снаружи послышался шум и знакомый раздраженный голос Лозовского:

● **Над горами Афганистана.**

– Кто меня спрашивал?

Он, как медведь, ввалился в палатку и на какое-то время замер – после дневного света он плохо видел. Вскоре глаза его адаптировались, и, увидев за своим столом незнакомого генерала, он приосанился и напустил на себя грозный вид, жилы на шее его вздулись, тыча пальцем в генерала, он вдруг неожиданно закричал громовым голосом:

– Вы кто такой? Что вы здесь делаете? Вы знаете, чем мы тут занимаемся? Мы... мы... воюем! – повторил он несколько раз, словно захлебываясь в словах, с выражением страдания в голосе. – А знаете ли вы, что у нас гробов не хватает? Что у нас треть дивизии гепатитчиков?.. Что у нас воды нормальной нет? Пьем черт знает что...

Таким я его еще не видел. Он был не просто в ярости, а в крайней степени ярости. Его глаза горели страстью, как у игрока в покер. Мы все встрепенулись и на всякий случай встали, ожидая, чем все это закончится.

Генерал молчал, словно воды в рот набрал. Он только беспомощно смотрел по сторонам и, как рыба на суше, глотал воздух. Лозовский еще больше распаялся. Он подошел к столу, ударил по нему кулаком, нагнулся и, глядя на генерала исподлобья в позе бильярдиста, тщательно выцеливающего шар, многозначительно спросил:

– Вы меня понимаете?

Со стороны мне казалось, что генерал вряд ли что понимает, он только молча, как истукан, кивал головой. Его беспомощность еще больше распаяла Лозовского. Повернувшись к Молчуну, он потребовал:

– Связист! Соедини меня с Москвой, ГлавПУром.

– Молчун мог связаться только в пределах располо-

жения дивизии, но Лозовский продолжал требовать: – Срочно!.. Москву. Генерала Средина мне. Я доложу ему, кто нам мешает работать...

Его истеричный крик проникал в глубь меня, выворачивал душу.

– Вы извините. Не волнуйтесь. Успокойтесь, – вдруг ожил генерал.

Лозовский обернулся, холодно и пылливо посмотрел на генерала и вдруг, увидев капитана Чуркина, уже без надрыва в голосе спокойно спросил:

– Вы кто такой?..

Видно, он устал ругать непонятно кого.

Генерал поднялся:

– На... на... начальник санитарно-эпидемиологической службы генерал-лейтенант Свиринов.

– Что-о-о?! – удивился Лозовский, всем своим видом показывая: мол, столько сил, эмоций потратил – и на кого?.. На тылового генерала, врача?! И уже другим тоном, словно его подменили, вежливо: – Вы помогите нам. У нас столько нерешенных проблем... Нам нужна чистая вода. А то пьем не поймешь что. И болеем. У меня почти весь политотдел переболел: кто гепатитом, кто брюшным тифом... Вот и я уже несколько дней лечусь. Не могу прийти в себя...

Я понял: худшее позади. Можно расслабиться.

Лозовский подошел к генералу, взял его, как меня когда-то перед поездкой на целину, под локоток и повел к выходу. Я пошел следом за ними. Со стороны казалось, что встретились лучшие друзья. Сейчас они пропустят рюмочку-другую, вспомнят прошлое и душевно запоют: «Ридна маты моя, ты ночей не доспала...» Он почему-то любил эту украинскую народную песню.

Уже на выходе Лозовский увидел меня. Позвал. Я подошел, изображая человека, готового на все.

– Съездите в 122-й полк. Там солдат перебежал к духам. Разберитесь в причинах и доложите.

– Есть! – бодро ответил я и про себя подумал: «Красавчик! Как сумел выкрутиться».

* * *

Я еду в Ташкурган, чтобы разобраться, из-за чего солдат перебежал к духам. При въезде в полк возле большой шелковицы стоят два бэтэра с заведенными двигателями. В одном из командирского люка

торчит голова лейтенанта Приходченко – брата моего училищного командира взвода, который заставлял нас заучивать уставы и наставления так, чтобы «от зубов отскакивало». Интересуюсь, как служится? Лейтенант отвечает, что все нравится и даже легче, чем было в мирных условиях. «Тут есть где проявить себя, – говорит, – вот и сейчас едем кяризы глушить». Кяризами назывались подземные лабиринты, по которым подводилась на поля вода из горных источников.

Поболтав накоротке с офицером о том о сем, узнав, что его старший брат уже майор и служит в штабе Прикарпатского военного округа, иду на поиски замполита. Нахожу его в одной из ротных ленинских комнат. Майор Трушин недавно в полку, он сменил майора Белого. Знакомимся. Спрашиваю о перебежчике.

– Да здесь он, у нас. Вчера обменяли, – говорит Трушин. – Муки дали, тушенки и так, по мелочам.

Догадываюсь: «по мелочам» – оружие, боеприпасы, солярка. А куда денешься?.. Духи банкуют. Но меня интересует не «что дали», а «почему ушел».

– Так кто его знает... Вот сами почитайте, – и замполит роется в командирской сумке, достает оттуда листы и подает их мне.

– Что это?

– Протоколы допроса.

Читаю:

«– Как попал в банду?

– Пошел в Ташкурган. Там забрали и увели в горы.

– Почему не хотел возвращаться? Причина есть? Думаешь, ответ держать придется?

– Чего мне думать? Это вам думать. Мне нечего думать.

– Человек без Родины? Письма матери писал? Из банды?

– Писал на Ашхабад-122. Этот адрес сказал Аломхон. Передавал через людей. Ответ получал.

– Что ты думал?

– Я перевез бы сюда мать, брата и сестру.

– Кто отец?

– Отец засранец. Он с матерью не живет.

– Где работает мать? Как передавал письма?

– На железной дороге. Письма передавал через людей.

– Почему убежал с гауптвахты?

– Убежал, и все.

– Кто главарь?

– Аломхон.

– Сколько лет главарю?

– 28 лет. Женат. Образование 12 классов. Призвали в армию – убежал.

– Почему от тебя отказались?

– Я сам захотел.
– Почему не хочешь в Союз? Ты считаешь, что в СССР жить невозможно?

Молчит.

– Кем ты работал в банде?

– Постоянно не работал.

– Еще в банде русские есть?

– Есть. Один. У него жена. Ждут ребенка.

– У тебя жена есть?

– Нет. Была невеста.

– Как ее зовут?

– Малая. Ей 18 лет.

– Родители разрешили?

– Да, ее отец в банде.

– За что тебе давали деньги?

– Давали просто так.

– Почему не бежал?

– Бежал два раза. Поймали.

– Почему ушел с гауптвахты?

– Потому что замполит такой был.

– Что он тебе сделал?

– Часто сажал на гауптвахту.

– За что?

– За муку – воровал, продавал.

– Куда продавал муку?

– Возил на машине в Ташкурган.

– Что делал на деньги, которые получал за муку?

– Обменивал на чеки у гражданских.

– Сколько раз был на операциях?

– Не был.

– Что делал в банде?

– Камни носил. Укрытие для лошадей строил. Машину главаря ремонтировал.

– Сколько в банде человек?

– Сорок человек.

– Кому группа подчинена? Советники в банде есть?

– Никому не подчинена. Были арабские советники. Из Пакистана пришли. Потом один англичанин, но тоже ушел. Приезжали корреспонденты из Франции и Пакистана.

– Интервью давал?

– Да, записывали.

– Какое вооружение в банде?

– Минометов шесть, несколько ручных гранатометов и один «Стингер».

– Какое в банде отношение к русским?

– Неплохое.

– Ты хотел вернуться в часть?

– Я знал, что меня заберут. Главарь уговаривал, чтобы я ушел назад.

– Когда получил письмо от матери?

– 13 июня.

- Письмо как шло?
- Не знаю. Слышал, что люди переходят границу в районе нижнего Термеза.
- Мулла был в группе?
- Да.
- Как принимал веру в ислам?
- Сделали обрезание. Был праздник.
- Если бы советские окружили банду, стрелял бы в своих?
- Стрелял.
- Если бы командир дивизии попал в банду, что бы с ним сделали?
- Был бы советником главаря.
- Ты бы мог убить главаря банды?
- Мог бы.
- Почему?
- В тюрьме держал, в кандалах. За то, что он меня обменял, предал.
- За что в тюрьме был?
- За то, что не хотел принимать веру.
- Что отталкивало тебя от СССР?
- В банде легче жилось. Ходят люди. Работают. Свобода.
- Что слышал про Быка?
- В Пакистане находится.
- Какие наказания применяются в банде?
- За воровство руку и ногу отрубают.
- Казнь видел?
- Да, вешали царандоевца.
- За что воюют друг с другом банды?
- Когда-то эти земли принадлежали ИПА. Хотят вернуть.
- Кто сбил самолет?
- Аломхон.

Допрос проводил полковник В. В. Рузляев. Записал со слов Петрухина майор П. Д. Фатнев».

Возвращаю протоколы допроса майору Трушину и говорю:

– С его слов выходит, что бежал он из-за вас, из-за того, что вы часто сажали его на гауптвахту?..

Замполит обижается:

– Да что вы такое говорите? Мне что, по-вашему, извиниться перед ним? В палатке, в ленинской комнате, он держал свой воровской склад. Хитер, подлец. Вон там, за утеплителем, – офицер приподнимает полог палатки, и я вижу зеленый деревянный ящик из-под снарядов.

– Чего тут только не нашли: джинсы, радиотехнику, анашу. Мерзавец. Додумался, где тайник соорудить, – искренне возмущается офицер.

Кто он, этот Петрухин? Мне удалось встретиться с ним и поговорить с глазу на глаз. Неприятный тип. Похож он был на крысенка, загнанного в угол. При-

щавый. Злой. Напуганный. Отчужденный. Готовый мстить за малейшую обиду – как своему замполиту, так и приютившему его главарю банды Аломхону. И кто тут прав, кто виноват? Попробуй разберись!

Мы пьем горячий зеленый чай с пропагандистом полка Сергеем Петуховым, моим сменщиком, и я делюсь своими впечатлениями о Петрухине.

– Издержки воспитания, – говорит Сергей. – Он не сразу таким стал. Постепенно. А здесь все его изъяны проявились. И будь замполит хоть семи пядей во лбу, он все равно бы ушел. Он зол на весь мир, в том числе и на себя.

Я тоже такого мнения.

В палатке жарко. Температура в тени 43 градуса по Цельсию. И чай – это спасение от жары. Чай настолько крепкий, что у меня першит в горле. Замечаю: Сергей заварки не пожалел. А ему хоть бы хны.

– Лето тут сухое. И так до октября – жара, пыль. Только протер, и снова слой песка и пыли, – сетует он. И предлагает съездить в Мазари-Шариф посмотреть Голубую мечеть, которая является достопримечательностью этих мест. – В мечети гробница Али – зятя самого пророка Мухаммеда. Да и голубей заодно покормим.

Заманчивое предложение. Я соглашаюсь. И мы едем в уазике, чтобы не привлекать внимания.

На территории мавзолея огромное количество голубей. Столько голубей я не встречал больше нигде. Их гнезда повсюду: и под крышей, и над окнами. Везде следы голубиного помета. Над пешеходной дорожкой висит странный дорожный знак – «Уступи дорогу».

Кому? Голубям?..

У мечети нас встретил мулла. Это был невысокого роста старик с печальными потухшими глазами. Он показал нам мечеть, а затем угостил ароматным чаем с кардамоном и вкусной еще теплой лепешкой с кунжутом. С его слов мы узнали, что пока удастся сохранять относительный мир в этих местах. Но мир хрупкий. В любой момент он может быть нарушен. А прощаясь, вовсе по-русски сказал: «Чему бывать, того не миновать».

В полк вернулись затемно. И вдруг, как обухом по голове, плохая новость – погиб лейтенант Приходченко. Как не хочется в это верить. Только утром мы виделись и накоротке пообщались.

А случилось вот что. Обнаружили неподалеку банду. Окружили. Духи спрятались в кяризах. Чтобы выкурить их оттуда, подогнали танк, подсоединили шланг к выхлопной трубе, а другой конец в отверстие в земле. С полчаса погазовали. Потом подождали, покурили, пока выйдет газ. Решив, что уже можно, лейтенант Приходченко с двумя солдатами в

танковых противоголозгах спустились в кяриз. Их долго не было. Забили тревогу, да было поздно. Спасти не удалось. Все задохнулись. Глупо получилось. «Здесь есть где себя проявить», – вспомнил я слова, сказанные им утром.

– Эх, зачем было лезть?

– За оружием, – ответил Петухов.

В дивизию из Кабула, штаба армии, прилетел военный цензор майор Лужинский. Высокий хлыщ, но с приятной улыбкой и хитрыми глазами. Он с пристрастием стал допрашивать моего прапорщика Сапегу на знание нормативных документов. Лучше бы он этого не делал. Гриша был силен в других вопросах, но только не в юриспруденции. Григорий оправдывался как мог, да и вообще, война вокруг, а тут о каких-то документах спрашивают. На что майор Лужинский, ехидно улыбаясь, заметил: «Товарищ прапорщик, незнание закона не освобождает вас от ответственности». Но незнание законов, как оказалось, было не единственным нашим недостатком. В Кундузе в одном из дуканов майор якобы увидел дивизионку – газету «За честь Родины». Как она там оказалась, допытывался он, ведь ее нельзя выносить за пределы части?

Я понимал, что цензор набивает себе цену, чтобы больше уважали. Есть такой тип офицеров, для которых личная значимость имеет большое значение. Решаю вмешаться и переломить ситуацию. Зову Сапегу и предлагаю ему не оправдываться, а заняться лучше ужином. «Разве не знаешь, что восточное гостеприимство красноречивее всех твоих слов?» Мой прапорщик не дурак. Вмиг сообразил что к чему. И вечером мы сидим за большим столом. Посреди стола чугунный казан с пловом. Плов Григорий делает по-особенному. Черный рис с изюмом, говядина, лепешки и спирт во фляге. Что еще надо?

Пока Григорий разливает спирт по стаканам, я рассказываю анекдот:

– Ползет по пустыне прапорщик, а навстречу ему осел. Осел: «Ты кто?» «Я офицер, – оглядываясь, – а ты кто?» «А я лошадь», – тоже оглядываясь.

– Не спорь с прапорщиком, что земля круглая, а то он заставит тебя ее ровнять, – свои пять копеек добавил Станислав Гончаренко.

После непродолжительного разогрева рассказываю о том, как погибли в горах разведчики, что главарь банды Башир отрубил им головы мечом и что меч теперь у нас в редакции. Майор Лужинский заинтересовался историей. Слушает внимательно.

– Гриша, принеси меч, – прошу я.

Когда меч оказался у меня в руках, подаю его Лужинскому. Офицер бережно берет его, проводит пальцем по лезвию. Восхищаясь, говорит:

– Настоящий. Старинный.

По всему видно: запал он на меч.

– Нравится?

– Да, мне бы такой. Вот бы я всех в Кабуле удивил.

– Дарю. Бери.

Он улыбается. Его улыбка приобретает форму полумесяца.

Я тоже доволен: давно хотел избавиться от меча. От него шла нехорошая энергетика, да и напоминал он о больном, можно сказать, незаживавшем. А тут такой случай представился – двух зайцев убить.

Майор Лужинский предлагает тост:

– За ваш коллектив! – Он выпивает и поднимается из-за стола. Берет свою сумку, вытаскивает сверток, разворачивает бумагу и подает мне саксофон:

– Алаверды.

Я не верю своим глазам. Почти такой, как у Гольдмана – сверхсрочника из моего училища. Инструмент новый, лак, покрывающий медь, нигде не стерт. Прикладываю мундштук к губам и дую. Звук некрасивый, но увесистый. Майор Лужинский успокаивает:

– Не беда. Научитесь.

– Зачем он мне? – отказываюсь от столь щедрого подарка, но прапорщик Сапегу берет у меня инструмент, дует в него, извлекая какофонию звуков, и со словами: «Спасибо! Мы так вам благодарны», – вместе с саксофоном исчезает в палатке.

Сабантуй прошел на славу. Хлыщ оказался общительным, не скупым человеком, а когда выпил, стал добрым, душа нараспашку.

На следующий день майор Лужинский улетел, пообещав, что мы в доклад не попадем. У нас все хорошо.

...Чистое голубое небо, по нему быстро плывут снежно-белые кучевые облака, похожие на лица людей, сказочных львов, птиц. В дивизии сегодня единый день информирования. Как говорится, война войной, а идеология по распорядку. Прохожу мимо ангара. Обычно здесь всегда много афганских сарбозов, но сейчас тут никого нет – только мой старый знакомый солдат Лантух одиноко стоит возле открытого окна, откуда льется инструментальная восточная музыка. Он курит. Увидев меня, улыбается, здороваясь. На мой вопрос, что он здесь делает, отвечает:

– Охраняю. Вот покурить вышел. Хотите посмотреть Чебурашку? – он кивает в сторону окна, откуда доносится таинственная восточная музыка.

Подхожу к окну, вижу босую девушку. Она стоит на маленьком шерстяном коврикe. Узнаю: это предприимчивая Олеся, вольнонаемная, официантка из летной офицерской столовой, недавно приехавшая из Западной Украины. Она высокого роста и на фоне сидевших на глиняном полу безликих людей, одетых в мышинового цвета форму и смотрящих на нее с возделением, выглядела Шамаханской царицей. Кра-

сочная музыка замедляется. Бьют барабаны. Девушка плавно покачивает бедрами. Мышцы живота ее приходят в движение. Под дробное соло барабана бусины на нитке вокруг живота подпрыгивают. Она обворожительна.

Я отошел от окна.

– Лантух, а в чем твоя роль? Тоже танцуешь?

– Что вы! Олеся попросила. Мало ли что у них на уме, – объясняет Лантух, глядя в окно. Потом затягивается. Щелчком бросает окурочек и говорит: – Надо идти. Опасный момент. Сейчас начнется самое главное.

– Что за момент?

– Когда она начнет облизывать банан, а потом его надкусит, нервы у них могут не выдержать. Они же все озабоченные.

– И что?.. Чем же ты помочь ей сможешь?

– А вот, «фенька»! – он хлопает себя по карману, из которого торчит запал от ручной гранаты, и ныряет в помещение.

Я не стал дожидаться кульминации танца, пошел к прапорщикам вертолетной эскадрильи читать лекцию о том, что терять бдительность нельзя. Враг не дремлет.

Прапорщик Ракитин (он и по возрасту и по количеству годов, проведенных в армии, старший группы) доложил о готовности к занятиям и сел на заднюю парту, чтобы оттуда следить за порядком. Я объявляю тему и начинаю рассказывать о том, почему мы должны быть бдительными. Вижу, мои слушатели быстро заскучили. Чтобы привлечь внимание, вспоминаю об армейском цензоре майоре Лужинском, который в кундузском дукане видел нашу дивизионку.

– Надеюсь, ни для кого не секрет, что разведки ведущих мировых держав по крупницам собирают о нас информацию. Денег на это не жалеют. Все видели дивизионную газету «За честь Родины»? Обратили внимание на слова о том, что газету нельзя выносить за пределы части? Враги готовы платить за дивизионку намного больше, чем, скажем, за окружную газету «Фрунзевец» или даже «Красную звезду», – сказал и задумался, о чем дальше говорить.

– Где замполит? – вдруг вскакивает со своего места дремавший до этого прапорщик Гусаков. – Кто знает, где подшивка? Почему ее нет? Все засмеялись. Но Гусаков был серьезен. У него был вид человека, готового тут же бежать в тот дукан, но он не знает, где газеты...

Возвращался к себе я тем же маршрутом. Возле ангара слонялись, как сонные мухи, афганские сарбозы. Ни Лантуха, ни Олеси здесь уже не было. Значит, все прошло гладко. «Фенька» не понадобилась.

После обеда в редакцию зашел замполит вертолетной эскадрильи капитан Браташ, и я рассказал

ему историю о Чебурашке, о прапорщике, решившем продать газетную подшивку.

– Это еще что, – говорит Браташ. – Вот у соседей был случай. Прапорщик ухитрился выменять за бензоагрегат молодую афганку. Она жила с ним целый месяц в палатке. Жила бы и дальше. Так нет, сукин сын, решил заработать. Жадность и сгубила. Стал за бакшиш сдавать ее сослуживцам. «Контрики» прослышали. Теперь разбирательство идет. Так что мой прапор и Олеся – семечки.

Вдруг Браташ видит саксофон. Вскрикивает, обрадовавшись:

– Откуда?

– Подарок главного армейского цензора. Правда, не знаю, что с ним делать.

– Как не знаешь?.. Играть!

Он бережно берет саксофон. Расправляет плечи, приподнимает грудь и, набрав в легкие воздуха, долго и равномерно выдыхает. Из трубы льется мелодия.

– Ты где играть научился?

– Окончил музыкальную школу по классу баяна. А потом джазом увлекся. – Он оглядывается: – А где кейс?

– Достался без кейса. В бумагу был упакован.

– Хороший инструмент. Могу уроки давать. Тут все важно: дыхание, язык, губы, постановка пальцев, рук, осанка. – Он подает мне саксофон, предлагает: – Начнем с позы...

К сожалению, урок пришлось прервать. Прибежал посыльный, и капитан быстро ушел. Он сегодня «дежурная пара».

А вечером, во время ужина, я узнал: у капитана Браташа серьезные неприятности. Командир разведроты Сергей Усачев рассказал:

– Пришел афганец Хайрулло – мы давно с ним работаем. И всегда с пользой реализуем его информацию. В этот раз он сообщил, что в кишлаке собрались бандиты, чтобы отметить какое-то событие. Комдив решил послать дежурную пару вертолетов, чтобы не упустить время. До кишлака километров тридцать, не меньше. И на броне мы бы долго ползли. Да и они заметили бы нас. Не дураки...

– А при чем тут Браташ? – перебил я его.

– Я дал ему своего лучшего переводчика Таймиева. Браташ посадил его и Хайрулло к себе в кабину. А теперь пытается все стрелки на Таймиева перевести: мол, в том, что случилось, он виноват. Конечно, Таймиев не интеллектурал – «Муму» он точно не читал. Но солдат храбрый и выносливый.

Я встретился с Таймиевым, а потом услышал версию капитана Браташа:

– Перед тем как лететь, я поговорил с Таймиевым и Хайрулло. Спросил: «Летали на вертолете?» Таймиев ответил, что летал на Ми-8, а дух (духами

Браташ называл всех афганцев, очевидно, из-за того, что с высоты они все для него на одно лицо) сказал, что на «шайтан-арбе» летит впервые. Я объяснил им, что скорость у вертолета – 340 километров в час, что времени у нас мало, поэтому, когда выйдем на цель, пусть афганец махнет рукой и крикнет – я пойму. Даже переспросил: поняли? Оба заверили, что поняли. Посадил их у себя за спиной, где место бортмеханика. Чтобы видеть и слышать лучше, даже бронеспинку откинул. А потом они забыли о нашей договоренности.

– Да не забыли, – смеюсь.

– Что смеешься?.. Тебе весело, а мне теперь оправдываться надо.

– Ты, безусловно, молодец. Все сделал правильно. Но не все учел. Забыл о психологии. Мне Таймиев рассказал: когда Хайрулло увидел свой дом с высоты, он не смог сдерживать эмоций и стал делиться с ним радостью. А ты суету за спиной понял по-своему. И сбросил 500-килограммовую бомбу. А что потом было, когда ты понял, что ошибся?

– Когда я услышал крик за спиной и, обернувшись, увидел его перекошенное от страха лицо, его глаза, сверкавшие как у кошки в темноте, понял: произошла ошибка. Я закричал: Где духи?! И он показал дом, в котором они сидели. Мы отработали по цели как учили. Один хотел ускакать на лошади. Я дал по нему из пулемета. Круп лошади развалился на две части, а дух пробежал еще метров десять, прежде чем упасть.

– Вообще говоря, я бы этого Таймиева... – недоговорил он и в сердцах махнул рукой.

Допив чай, он ушел, не вспомнив о саксофоне. Ему было явно не до музыки.

На следующий день он снова пришел и вместо чая попросил водки.

– Водки нет. Есть спирт.

– Давай.

– Григорий, – позвал я, – отпусти нашему герою двадцать грамм фронтowych.

Гриша плеснул в стакан и подал капитану:

– Что, все так плохо?

Браташ не стал разводить спирт водой, выпил. Крякнул и поморщился.

– Напротив, – выдавил он из себя. – Все обошлось. Приходил Хайрулло. Доложил, что бандитов мы набили немерено. Помнишь, я рассказывал, что один хотел на лошади сбежать? Так вот, Хайрулло сказал, что это был Башир...

– Наконец-то он поплатился за наших разведчиков – Николая Шигина, сержанта Трифонова и других солдат... Значит, Александр, ты слетал ненапрасно. А что с домом Хайрулло?..

– Дом разнесли. К счастью, в тот момент в нем никого не было. Пострадали куры, козы, но петух бой-

цовый уцелел. Хайрулло доволен, что теперь никто не подумает, что он навел. А дом восстановим. Командир принял решение помочь. Значит, поможем. За нами не заржавеет. А где саксофон?

Григорий уважительно, обеими руками, подает ему инструмент. Браташ быстро набирает воздух и долго равномерно выдыхает. Звуки сначала лениво, отрывисто, потом громче и громче, сливаясь в один, неожиданно и стремительно рвутся из трубы, заполняя все вокруг неизвестным мотивом, похожим то на монотонное пение муэдзина, призывающего к вечерней молитве, то на скрежет тормозных колодок трамвая. Даже птицы притихли, заслушались. И только варан Гриша, спрятавшись под прицеп, испуганно поглядывал на музыканта, мельтеша длинным красным язычком.

– Старый африканский блюз, – говорит Браташ, откладывая саксофон в сторону. – Пора идти. Вставать рано. И по секрету: завтра в ущелье Три гнома впервые применим бомбу объемного взрыва.

– С тобой можно?

– Взят бы, но нельзя – приказ. Пока это держится в тайне.

Он уходит. Я рад за капитана, что у него все уладилось. История с хорошим концом. Почти хеппи-энд. Если бы только не осадочек. Жаль лошадь. Она-то при чем?..

На следующий день я сижу с комбатом Шахановым на земле и смотрю, как вертолеты обрабатывают близлежащие сопки. По голубому небу несутся легкие облака. Перед нами виднеется вход в ущелье Три гнома.

Ущелье спрятано под нависшими скалами. С воздуха его не видно. Подходы к ущелью хорошо укреплены. По информации разведки, там крупная база духов. Несколько сотен штыков. Возглавляет известный командир по кличке Инженер. Мы его в Баглане пощипали, но основные силы он сохранил. Если пойти напролом, будет много жертв с нашей стороны. Вот и решили использовать спецбомбу. Правда, есть трудность. Надо было найти «окно», в которое можно ее бросить.

– Как думаешь, бомбу уже бросили?

– Давно. Летуны на всякий случай обработают вход в ущелье, и мы пойдем.

– В чем особенность этой бомбы?

– В боеприпасе вещество, превращающееся в аэрозоль. Когда происходит подрыв, газовое облако распыляется и сжигает кислород. Ущелье закрыто со всех сторон, идеальное место для подрыва.

Неподалеку от нас на земле сидели афганские сарбозы и тоже наблюдали за тем, как неуправляемые снаряды, оставляя за собой белесый след, неслись в сторону сопки, нависших над ущельем.

– Как думаешь, кто-нибудь выжил?
– Вряд ли.

Наконец поступила команда, и мы пошли в сторону ущелья. Входим в узкий тоннель в скале. Сквозь небольшие узкие отверстия виднеется серо-голубое бездонное небо. Дальше ущелье раздваивается и уходит в разные стороны двумя коридорами. По одному из них, главному, мы идем в полутемноте. Выходим на плато, похожее на небольшую городскую площадь. Останавливаюсь – впереди хлебопекарня! Аккуратно сложенные мешки с мукой, рисом, сахаром. Мешки советские. На них чернильные штампы. Афганские солдаты в восторге – рыщут везде, как муравьи. Вот один берет несколько лепешек, увидев, что я смотрю на него, здоровается: «Салам алей-кум!» – и подает лепешку, угощает. Говорит: «Мазадар камишдун» – «Вкусный хлеб». Беру. Лепешка теплая. Но есть не стал. Со словами «Ташакур, дуст!» («Спасибо, друг!») возвращаю. Он не берет, и я кладу лепешку в карман.

Вижу Шаханова. Он стоит возле кучи с оружием, афганцы тащат и сносят его отовсюду. Две «Шилки», шесть 82-мм минометов, много автоматов и винтовок. На моих глазах куча превращается в гору, она растет ввысь и вширь. Среди оружейного разнообразия на глаза попадает «маузер» в деревянной кобуре. Как у Чапаева, проносится в голове. Показываю на революционный маузер сарбозу. Тот меня не понял и тарашится на дэшэка, восхищаясь и цокая языком.

– Нет, спасибо. Поддай маузер.

Наконец он догадался и подает мне оружие.

Побродив немного по закоулкам ущелья, я направился к выходу, обгоняя афганцев, тащивших ДШК.

– А где духи? – интересуюсь у Шаханова.

Он смотрит на меня с удивлением: вон их сколько, еще тепленькие.

Смотрю в сторону, куда он показал. Вижу: несколько человек, похожих на манекены, стоят, опершись руками о скалу, и со стороны кажется, что они, словно альпинисты, собрались по ней лезть...

Воскресенье. Тихий выдался день. Я беру на руки кошку и сажусь в деревянное кресло в тени под сосной. В моих руках дневник моджахеда. Это обычная школьная тетрадка. На обгоревшей обложке уцелела часть имени владельца – «Хайбибула Ал...». Может быть, Али или Алим. Жив он или нет, я не знаю. Дневник написан на фарси. Но тут же сделанный наспех чьей-то рукой подстрочный перевод. Передал мне дневник капитан Сокольский, чья рота была переброшена в район кишлака Мармоль и участвовала в Панджшерской операции против Ахмад Шаха Масуда – одного из самых влиятельных полевых командиров.

Листаю страницы чужого дневника. В нем как бы две части. В одной рисунки, схемы установки мин на дорогах, постах, в жилых домах. И записи: конспект лекций, которые владелец тетрадки прослушивал в одном из пакистанских лагерей. В другой говорится о будничной человеческой жизни. О том, что волнует его владельца, о любви и счастье, о близких и друзьях.

Мне уже доводилось встречаться с бывшими моджахедами, перешедшими на сторону народной власти. Истории у всех похожи. «Три года назад неизвестные сожгли наш дом, – рассказывали мне братья Карим и Мухаммад. – Заставили покинуть родной кишлак. Так мы оказались в лагере Бабур, что возле Пешавара. Чувствовали мы себя там как в настоящем заточении. Жизнь в пакистанских лагерях невыносима. Каждое мгновение длится как год. Нам запрещалось слушать радио, читать газеты».

Нелегко на чужбине и Хайбибуле. «Разбито сердце и страдает, – пишет он в своем дневнике. – Вокруг чужбина и тоска. Что делать?» – задает он себе простой вопрос. Ответа он так и не находит. Но вот закончилась учеба. Пора возвращаться в Афганистан. На последней странице подробный перечень, что собирается взять с собой владелец дневника: «6 ящиков ракет, 3 ящика мин, 10 ящиков патронов».

И все это для того, чтобы калечить, взрывать, убивать, как учили в лагере. Нет, непроста жизнь. Как легко разжечь войну, втравить в нее людей. И как сложно потом остановиться.

Вместе с дневником Сокольский передал записку – приглашает в гости, обещает попарить в настоящей бане.

Откладываю дневник. Кошка безмятежно спит у меня на коленях. Жаркий воздух напоен ароматом смолы и хвои. К Сокольскому – вот куда надо поехать. Давно не парился в баньке.

...Проснулся рано. С мыслью: кто рано встает, тому день приносит удачу. Я надеюсь, что мне повезет, что будет оказия, я попаду в Мармоль, в роту к Сокольскому. Выхожу во дворик и, взяв топор, вбиваю его в спинку кресла. Я всегда так делаю, когда покидаю редакцию. Традиция. А традиции, чтобы не спугнуть удачу, изменять нельзя.

Иду в политотдел. Узнав, что я лечу к Сокольскому, подполковник Степан Костюк, заместитель Лозовского, просит взять с собой лейтенанта Ягодкина, прибывшего к нам недавно. Догадываюсь: чей-то сынок. Иначе Костюк не стал бы за него просить. Вместе идем к вертолетчикам. Ягодкин не в меру говорлив, всю дорогу шутит и своим нарочитым весельем меня раздражает. Ведь его мало интересует, как мы доберемся до роты Сокольского. Лейтенант пока весь там,

в мирной жизни: вышел на дорогу, тормознул попутку – и ты на месте.

Подходим к вертолетчикам. Я решил не вмешиваться. Давай, герой, договаривайся. Ягодкин заливаётся соловьем. Даже пауз не делает. Увидев вертолет, начинает его расхваливать.

– «Двадцатьчетвёрка» – всем машинам машина! – с воодушевлением говорит и, показывая на изящный приемник воздушного давления, добавляет: – Пушка небольшая, но мощная...

– Командир, послушай, что пехота о нашем «крокодиле» говорит, – подмигивает вертолетчик и добавляет: – Разве после этого откажешь!

Поднявшись слегка над землей, вертолет как бы замирает, а потом, уткнувшись носом в землю, по-самолетному идет на разгон. Под нами поля, и с высоты хорошо видны дехкане, которые копошатся на земле. Нормальная мирная жизнь. Как будто нет войны. Подлетаем к плато. Вокруг окопы. Вертолет подсаживается, и мы спрыгиваем на землю, едва удержавшись, чтобы не упасть. Мою панаму сносит вихревым потоком. Ее подхватывает капитан Сокольский. Смеется:

– Главное, чтобы голова держалась на плечах. Остальное – дело наживное.

Сокольский охотно показывает свое хозяйство. Еще с воздуха обратил внимание, что неподалеку от роты расположен кишлак. От него отделяет овраг, заросший кустарником, и небольшое поле. В поле одинокий бык. К рогам привязана японская (других тут нет) магнитола. За быком идет мужик. Оттуда доносится монотонная мелодия, наводящая тоску и уныние.

– Духи не беспокоят? – интересуюсь.

– Шуршат. Иногда из минометов обстреливают. Пока на большее не решаются, – говорит Сокольский.

– А кишлак?

– Днем мирный, а ночью всякое бывает. Лучше туда не соваться.

Смотрю в сторону кишлака. Из печных труб вьется белесый дымок. Закрываю глаза и полной грудью вдыхаю воздух; легкий ветерок доносит по-восточному пряные запахи чужой деревни.

– Расскажи, как прошла Панджшерская операция. Пещеры Тора-Бора видел?

– Пещеры так себе, ничего особенного. А вот природа вокруг – просто фантастическая. Мы технику внизу, у подножия, оставили. Вверх пошли пешком, только легкое вооружение. Боеприпасов и продовольствия на три дня. Хорошо, что с собой прихватили переносные минометы. Без них нам было бы очень непросто. Оружия в пещерах мы не нашли. А вот боеприпасов – море... Видел тюрьму. Она в пещере располагалась. Настоящая пыточная. Каких только там

орудий пыток не было – средневековые! Прежде чем уйти, они убили всех, а тела сбросили с обрыва. Долго задерживаться мы не стали. Двинулись дальше, а сарбозы остались. Но ненадолго. Духи их вскоре выкурили. Местные поддерживают Масуда. Они его считают правильным моджахедом. Помогает бедным, школы открывает, больницы. Заботится о своей репутации. Они зовут его Панджшерским Львом.

Мы подходим к месту, где располагается взвод лейтенанта Ягодкина. Одиноко тарыхтит бензоэлектрический двигатель. Несколько солдат устанавливают телескопическую мачту. Увидев ротного, кто-то из солдат подает команду «Смирно».

– Где сержант Ильясов?

– Отдыхает, товарищ капитан.

– Правильно, солдат должен помнить: когда он спит, душманы не дремлют. Так что спите больше, изматывайте духов бессонницей.

– Никак нет, товарищ капитан, спим не больше других. Вы же знаете, только что вернулись. Колонну сопровождали в Файзабад, – вступились за своего младшего командира солдаты.

Ротный их уже не слышит. Он входит в палатку. Подойдя к кровати, оборачивается к Ягодкину:

– Место вашего предшественника старшего лейтенанта Радчикова. Теперь оно ваше. Хотя отдохнуть не придется.

– Я сюда не отдыхать приехал, – обиженно оправдывается Ягодкин.

– Понятно. Другого ответа от вас не ждал.

– А где мой предшественник? Погиб?

– Почему сразу погиб? Лечится в Москве, в Центральном военном госпитале имени Бурденко. Молимся за него. Отличный офицер. Правда, слишком лихой и бесстрашный. Хотел все и сразу. А так не бывает.

– А что с ним случилось?

– На «крокодила» наступил.

– Здесь что – крокодилы есть?! – не понял шутки Ягодкин.

– А то. Еще круче, чем крокодилы. Две противопехотные мины, соединенные друг с другом. На такую парочку наступил Радчиков, лишился ног по бедра. Жаль, к нам больше не вернется. – И сменил тему: – У нас тут две радости. Отгадайте какие?

– Не знаю. Может быть, с девушкой из медсанбата познакомиться да джинсы купить, – пошутил Ягодкин.

– Зрелые у вас мысли, но несвоевременные. В цене письма от родных и баня. Письма вам еще не скоро придут, а вот баньку предлагаю сейчас.

Я слышал о бане Сокольского и давно вынашивал мечту в ней попариться. Но с баней нам пришлось повременить – в расположение роты прибыла

делегация афганцев. Двое стариков, как выяснилось, пастухи, с ними четверо подростков. Они стали жаловаться, что на них напали шурави, когда они пасли стадо. Убили барана, а козу забрали с собой. Скот чужой, и теперь пастухам нечем за него рассчитываться. Капитан Сокольский решил лично удостовериться в правдивости слов. Мы сели на бэтээр и вместе с афганцами поехали к тому месту, где располагалась сторожевая застава. Там нашли в большом закопченном казане куски баранины, а неподалеку мирно пасущую козу. Солдаты оправдывались, что консервы есть они уже не могут, от запаха свиной тушенки тошнит. Молоко давно не пробовали, даже вкус его забыли. Вот и решили улучшить рацион.

Козу тут же вернули афганцам. Барана вернуть было невозможно, и Сокольский заверил, что убытки будут возмещены. Начальник заставы лейтенант Григорьев должен был к утру собрать необходимую сумму и отдать пастухам. А в качестве моральной компенсации он распорядился выделить мешок муки. Довольные афганцы с мешком и козой пошли к себе, а мы поехали в баню. Когда ехали, Сокольский посетовал:

– С одной стороны, помогаем чем можем и как можем. Порой ценой своей жизни. Но один такой случай – и все насмарку. Коту под хвост.

Вернулись в расположение роты, когда смеркалось. Возле бани стоял танковый тягач, а рядом два офицера-танкиста.

– Откуда танкисты?

– Из 66-й отдельной мотострелковой бригады, которая стоит в Джелалабаде. Ходили вместе в Панджшер, Ахмат Шаха гоняли. Подружились. Но сегодня они не в фаворе. Можно сказать, штрафники. Из-за их чрезмерного усердия МИД не знает как оправдаться.

– Я слышал об этой истории. Не тот ли Иванов?..

– Тот самый. Собственно говоря, для них баню топили. Завтра уходят. Жаль расставаться. Офицеры что надо.

Знакомимся: старший лейтенант Иванов и лейтенант Горохов. Возле двери нас встречает среднеазиатская овчарка по кличке Душман породы алабай. Пса подобрали еще в Термезе щенком. Воспитанием занималась вся рота. Пес обладал уникальным качеством. Он узнавал своих, а на афганцев лаял. А еще он был обучен фирменным номерам. По команде «дембель» он срывался с места и со скоростью спринтера догонял жертву, срывая поочередно погоны. А когда слышал слово «жарко», становился на задние лапы и старательно облизывал своим большим языком лицо. Вопреки старому солдатскому принципу держаться подальше от начальства и быть поближе к кухне пес предпочитал компанию ротного.

Он собачьим чутьем с первого дня понял, кто в доме хозяин. А еще он каким-то образом угадывал, когда будут париться в бане. И заранее занимал позицию на подступах к ней. Вот и сейчас, радостно помахиная хвостом и виляя задом, он первым прошмыгнул в помещение.

Баня была врыта в землю и напоминала скорее просторный блиндаж. Мы разделись в предбаннике. В комнате отдыха стоял большой стол, на стене висели березовые, дубовые и даже эвкалиптовые веники. Интересуюсь:

– Откуда?

– Из лесу, вестимо.

– А точнее?

– В штабе дивизии земляк служит начальником по продовольствию – майор Дьяков. Большой любитель попариться, как и я. Он часто ездит в Союз. Оттуда привозит веники.

Сокольский берет березовый веник. Встряхивает, проверяя на прочность. Веник живой, эластичный. Затем берет дубовый.

– Замочим, и минут через двадцать веники будут готовы.

Садимся за стол. Напротив меня краснолицый офицер-танкист. Спрашиваю:

– Тот самый Иванов?

– Тот самый, – улыбается.

Сокольский открывает консервную банку штык-ножом и то ли шутя, то ли всерьез:

– Герои. Но звезды получают нескоро. Их еще отлить надо.

– Хватит, Петрович, шутить, – просит Иванов.

Но Сокольский не унимается:

– Эти ребята славятся умением находить выход из самых трудных ситуаций, но еще более известны своим умением находить туда вход.

Пес Душман занимает место у двери и, помахиная хвостом, внимательно следит за нами, шевеля ушами.

Иванов тянется за бутылкой, но Сокольский останавливает:

– Вы, Валерий Федорович, париться к нам пришли или водочки попить?

– Так ведь сам фельдмаршал Суворов Александр Васильевич завещал...

– Завещал по одной. И после бани. А вообще-то это вам не Джелалабад, здесь моя территория. Я тут главный самец.

– Не спорю, – соглашается Иванов. Но стоит на своем, не сдается: – Вы как хотите, а я напряжение снимаю.

– Ну что с тобой поделаешь. Валяй, одну рюмку – и под веник. Я из тебя всю хандру вылью. Баня – наш лучший психотерапевт. Валерий Федорович

одну заповедь забыл, что осторожность – высшая форма храбрости. Отсюда все проблемы.

Проблема Иванова, как я понял, была в том, что в пылу боя он так увлекся, что остановиться не мог.

Исторически так сложилось, что между Пакистаном и Афганистаном никогда не было границы в общепринятом смысле. Еще в 1893 году между государственным секретарем Британской Индии сэром Дюрандом и эмиром Афганистана Абдурахман-ханом было заключено соглашение, определившее современную границу. Она разделила пуштунский народ между двумя государствами. Большинство пуштунов оказа-

• *Перед выездом на боевое задание.*

лось в Пакистане. На многих горных участках граница никогда не демаркировалась. Контроль пакистанского правительства распространялся лишь на район Хайберского перевала и город Пешавар, где стояли пакистанские войска. Люди беспрепятственно кочевали через границу, но иногда вспыхивали разборки. И когда в очередной раз возник конфликт, кому-то в штабе пришла в голову мысль поддержать восстание пуштунских племен. Состоялась встреча командования 40-й армии с племенными начальниками, которые попросили у нас оружие и боеприпасы. Им передали трофейное оружие, которое пылилось на складах. Пуштуны подняли восстание. Пошумели. Постреляли. А потом разбежались. Старший лейтенант Иванов должен был осуществлять танковую поддержку. В пылу боя он не заметил, как оказался на чужой территории. Он разбил, а затем занял базу, где готовили террористов. Взял документы и вернулся, не потеряв ни одного танка. Документы, которые он прихватил, оказались ценными, поначалу его хотели представить к ордену. Но случился международный скандал. Иванова на время, пока где-то в верхах решалась его судьба, спрятали, откомандировав к разведроту...

– Федорович, иди ложись на полати, – позвал его Сокольский. – Увидим, какой ты под веничком будешь! – И обращаясь ко всем, кто пришел париться: – Занимай места...

Вошли в парилку. Горячий воздух окутал с ног до головы. Сокольский ливанул на раскаленные камни черпак, и они зашипели, обдавая нас жаром. Я сел на верхнюю полку. Мне по душе эти минуты, когда вместе с потом выходит накопившееся за долгое время мышечное напряжение. Сокольский умело обрабатывает вениками спину Иванова, приговаривая: «Быть

добру! Быть добру!» Иванов кряхтит и постанывает от удовольствия. Его красное лицо еще больше побагровело. Потом он поднимается и смотрит на всех счастливыми, одуревшими глазами.

– Значит, черных аистов видел? – спрашиваю я. – Я тоже когда-то их встречал – в Казахстане, на озере Алакколь...

Иванов смотрит на меня с удивлением, не перегрелся ли? Что им там делать?

Выходим из парилки. Иванов берет штык-нож и, открывая банку свиной тушенки, рассказывает анекдот:

– Ночью в засаде сидят душманы. По тропе идут люди.

– Стой! Кто идет?

– Это я, Абдулла.

– А кто идет впереди тебя?

– Мои жены.

– Абдулла, разве ты не читал Коран? Там говорится, что жены должны следовать по стопам мужа, но никак не идти впереди него.

– Когда писали Коран, не было противопехотных мин, – отвечает Абдулла.

Все смеются. Душман поднял голову и следит за нами, пытаюсь своим собачьим умом понять, о чем мы и над чем смеемся?..

– Жарко псу, – говорю и тут же оказываюсь в его объятиях.

Пес навалился на меня всей алабаевской массой, и я чувствую его мокрый язык у себя на щеке.

А потом были нескончаемые тосты. Первый, второй, а третий – за ушедших навечно. Откуда-то появилась гитара, и танкист лейтенант Горохов спел песню о кукушке, слова которой мне очень понравились:

*Снится часто мне мой дом родной.
Лес о чем-то о своем мечтает,
Серая кукушка за рекой,
Сколько жить осталось мне, считает...*

На улице грохот гусениц. Это прибыл танковый тягач, и танкисты засобирались.

– Будь здоров, Валерий Федорович, – говорит Сокольский. – Бери пример с Душмана. Вот уж кто хитер, как бес, но сердцем чист, как поцелуй ребенка.

Душман словно понимает, что речь идет о нем, и смотрит на нас добрыми собачьими глазами.

Прощаемся. Иванов подходит к лейтенанту Ягодкину, хлопает по плечу:

– Береги себя, лейтенант, не опоздай стать генералом...

После бани я спал как убитый. А утром прибежал к нам мальчик лет девяти. Его накормили, но утешить не смогли. Ночью в кишлак, который находится от нас рукой подать, пришли бандиты и напали на его дом. Они убили отца мальчика и дядю, которые были духовными лицами. Сестра пыталась призвать бандитов к милосердию, принесла Коран. Бандиты отшвырнули книгу и застрелили сестру.

– Кто это сделал, мы знаем, – говорит Сокольский. – Это Шамса. Он называет себя защитником ислама. Держит в страхе местных жителей. Заставляет их брать в руки оружие, но не все хотят воевать, многие отказываются, хотят мирной жизни – без выстрелов, чтобы можно было спокойно выращивать хлеб, работать.

Сокольский искренне верит, что когда-то их законное желание осуществится и на афганской земле наступит мир. И мне хочется в это верить. Но когда придет такое время?.. Кто остановит маховик войны?

Мы взяли мальчика и поехали в деревню. Собрали старейшин. Они напоили нас вкусным ароматным чаем. Заверили, что мальчика возьмут к себе родственники. В кишлаке я прихватил листовки, которые оставили там люди Шамсы. Рядовой Ибрагим Юсупов перевел. «Уважаемые жители провинции! – писалось в одной из них. – Борцы ислама обращаются ко всем соотечественникам: приумножайте свои силы и волю. Стремитесь к единству. Будьте вооружены и готовы к сражению. Братья, которые поддались обману Кармаля, пусть идут на сторону ислама и пусть не подхалимничают шурави. Будьте бдительны, не обманитесь. Пусть Аллах вам поможет».

Или вот еще: «Шейх Ахмед рассказывает, что он был в священной Мази и читал Коран священный и в это время заснул. Во сне ему пророк Мухаммед приказал внушить его последователям-мусульманам, чтобы они придерживались намаза, не развратничали, презирали подстрекательство, потому что ко-

нец света приближается... были готовы к священной борьбе». Тому, кто получал эти извещения, предписывалось семь раз переписать их и передать другим. Расчет один – настроить народ против правительства. А с кем народ, как известно, за теми и победа. Рассчитанные на отсталость населения, религиозный фанатизм, листовки делали свое дело. С каждым днем это становилось все очевиднее.

После обеда была оказия. Я простился с капитаном Сокольским и лейтенантом Ягодкиным и улетел в Кундуз. Лейтенанта Ягодкина я больше не видел. И только спустя двадцать лет, будучи в командировке в Одессе, я снова повстречал его. Он был капитаном и на протезах. На кителе – звезда Героя. Разговорились. Он рассказал, что, когда уехал Сокольский, ему на смену приехал капитан Ребров – редкий самодур с замашками Бонапарта. Как-то Реброву захотелось апельсинов. И он приказал Ягодкину съездить за ними в апельсиновую рощу. Тот выполнил приказ. С двумя солдатами на узике он поехал за фруктами. В апельсиновой роще нарвался на мину-растяжку. Чтобы о причине поездки никто не узнал, капитан Ребров сочинил историю, что Ягодкин проявил мужество и героизм, вступил в бой с превосходящими силами противника. Так Ягодкин стал Героем.

– Эх, если бы можно было вернуть ноги вместо Звезды, – сокрушался он. И добавил: – Видно, нам с Радчиковым с кроватью не повезло. Как думаешь, бывает такое?

В Кундузе меня ждало письмо из дома, в котором жена писала, что скучает и ждет, когда приеду. Что она решила переехать к родителям, и было бы здорово, если бы я помог ей с переездом. Вместе с письмом фотография повзрослевшей дочери, которую не узнать. Ох как быстро летит время! Завтра пойду к Лозовскому и попрошусь в отпуск. Тем более он у меня по графику в августе. И остались еще неотгулянные дни за прошлый год.

На другой день рано утром иду к Лозовскому. Настроение у меня хорошее – еще бы, впереди отпуск! Живет мой начальник обособленно. Под жильем ему вырыли котлован, поместили в него два кузова от ГАЗ-66 (в одном он спит, в другом – столовая). И от жары накрыли густой маскировочной сетью. Получилось неплохое бунгало.

Толкнув самодельную калитку, оказываюсь в благоухающем тенистом месте. Лозовский сидит на складном походном стуле, подставив свое тело утренним лучам солнца. Чтобы было свежо и прохладно, тщедушного вида прыщавый солдатик в хэбэ без ремня поливает из чайника землю.

Увидев меня, Лозовский становится строгим. Хмурит брови и смотрит исподлобья. Видно, мой ранний приход ему не по душе.

– Здравия желаю! – бодро говорю. – Разрешите доложить о поездке в 122-й полк. – Лозовский был в краткосрочном отпуске, и я не мог ему об этом доложить раньше.

Он молча кивает головой. Я рассказываю ему все, что знаю о рядовом Петрухине, что вины замполита в том, что он сбежал, нет. Что причина побега в личных качествах самого солдата, который руководствуется эмоциями и низменными потребностями «купи-продай». В подтверждение своих слов показываю протокол допроса Петрухина. Лозовский берет листы и бегло читает по диагонали. Щурится, возвращает бумагу и откидывается на своем стульчике назад. Задние ножки стула вдавливаются в землю, и он испуганно привстает, хватаясь руками за воздух, чтобы удержать равновесие. Я еле сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. Он снова осторожно садится на стул.

– Ну что еще? – говорит раздраженно.

– В августе у меня отпуск, по графику. Да и за прошлый год дней тридцать осталось. Весь отпуск не прошу. Понимаю: много офицеров отсутствует по болезни. Мне бы хватило нескольких дней, чтобы отвезти семью к родителям, – смущенно прошу словно о чем-то нехорошем. Мне почему-то всегда стыдно просить за себя.

Лозовский снова сдвигает брови, сжимает губы и, глядя на солдата с чайником, переспрашивает:

– Отпуск, говорите?

Я молчу, глуповато улыбаясь. Он думает и вдруг категорично:

– Нет!.. У нас у всех есть жены, дети. И что, мы все разведемся?.. А кто здесь останется?.. Кто будет вместо нас воевать? Вы подумали об этом?.. Я уеду. Он уедет, – кивает в сторону прыщавого солдата. – Оголим дивизию! Вы этого хотите?

«Что же мне делать?» – думаю про себя. А вслух:

– Но мне нужна всего одна неделя.

И тут у меня внутри что-то напряглось и щелкнуло. Я быстро покинул это райское место. Прибежав к себе, взял лист бумаги и написал рапорт на имя Лозовского с просьбой разрешить краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам. На все про все ушло минут пятнадцать, не больше.

С Лозовским мы столкнулись лоб в лоб, когда он выходил из своего бунгало. Я чуть не сшиб его. От удара его фуражка сдвинулась на затылок, едва не свалившись на землю.

– Что случилось? – удивленно спросил он, словно впервые увидел меня.

– Вот рапорт, – сдерживая волнение в голосе, сказал я.

Мимо проходил какой-то военный. Лозовский жестом подозвал его. Когда тот подошел, он развер-

нул его и, положив на спину мой рапорт, вверху написал: «В приказ с 3 августа». Расписался. Подал мне мой лист и как ни в чем не бывало быстро ушел.

Все произошло так молниеносно, что я не успел даже поблагодарить его. Шел к себе и не переставал удивляться: до чего ж переменчив у него характер.

Отпускные хлопоты сродни празднику. Я съездил в Кундуз, купил жене и дочери подарки. Но сегодня 2 августа. У жены день рождения. И я иду в ЦБУ (центр боевого управления), чтобы позвонить домой. На рабочих местах застаю старшего лейтенанта Рысина, майоров Гужву и Конопицкого, подполковника Бинкина. Здравуюсь. Но они почему-то не отвечают на приветствие. Юра Рысин жестом показывает – молчи! – и кивает в сторону капитана Сергея Чернушина, который с кем-то говорит по телефону. Я жду, пока Чернушин закончит разговор, он исполняет обязанности начальника связи. Наконец кладет трубку и говорит обреченно:

– Нет нигде... Что же делать? – Обводит всех пристально-вопрошающим взглядом.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Комдив уехал в северный Кундуз. На связь не выходит. А тут такое... Возле кишлака Явардан обнаружили банду духов.

Сергей не успевает договорить. Звонок. Он берет трубку. Кричит радостно:

– Ну наконец, Коля! – Коля, догадываюсь, адъютант комдива прапорщик Николай Комаров. – Передай комдиву, что второй батальон 149-го полка в беде, нуждается в помощи. Попал в засаду. Духи зажали... Где? В районе населенного пункта Кишим. Высота 3,408. Несет потери... Кто проводит операцию?.. Операцию планировал и проводит штаб 40-й армии. Слушай внимательно: наш второй батальон во взаимодействии с батальоном Файзабадского полка участвует в операции по уничтожению полевого командира Вазири Хистаки. Это в районе Машхадского ущелья вблизи города Файзабад... Записал?.. Доложи срочно! Жду.

Сергей кладет трубку и смахивает пот со лба:

– Фу!.. Обещал срочно доложить комдиву.

И снова звонок.

– Быстро сработал, – радуется Чернушин.

Но звонил не комдив, а Никитин, начальник особого отдела. Чернушин повторяет, что доложил обстановку адъютанту, распоряжений пока нет, ждем. Он кладет трубку и снова звонок. На этот раз позвонил комдив полковник Степанов. Он приказал поднять разведывательный батальон и мотострелковый батальон 149-го полка.

Когда заваривается серьезная потасовка, всегда появляется желание быть в гуще событий. Эта страсть у меня сизмальства.

Готовность участвовать в хорошей драке, продиктованная древними инстинктами, стала моей привычкой.

Смеркается. В разведбате идет подготовка к маршу. Бэтээры стоят в линейку, военные загружают в них боеприпасы. Капитан Жуков, начальник штаба батальона, собрав офицеров, отдает распоряжения на марш. Подхожу, здороваюсь и говорю, что еду с ними. Уже в пути, сидя на броне, вспоминаю, что не успел позвонить жене и поздравить ее с днем рождения. Успокаиваю себя: поймет, ведь я не на гулянке...

Далеко за полночь прибыли в исходный район. Слышатся голоса: привал. Оживляются дремавшие на броне солдаты. Становимся на отдых. Вспоминаю в местность. Где-то там высота 3,408. И наш окруженный батальон. Ночь теплая, броня горячая. Ложусь сверху и долго не могу уснуть, любясь звездным небом. На душе радостно, потому что у меня впереди еще есть время и можно спать.

Летняя ночь коротка. Проснулся с первыми лучами солнца. Слово и не было сна. Не спится не только мне. Двое солдат, оголившись по пояс, обливают себя водой. Иду к ручью. Вода холодная, бодрящая. Умывшись, подставляю лицо солнцу – у меня нет полотенца. Откуда-то идет командир разведвзвода лейтенант Лось, с ним какой-то старик и два солдата немного позади. Возвращаюсь к себе. Возле командирского бэтээра комбат майор Кадыров, капитан Жуков и старик, которого привел лейтенант Лось. Подхожу. Обычно живой, энергичный, приветливый, сегодня против обыкновения Кадыров смотрит волком и, ничего не сказав, уходит. Уходит и лейтенант Лось со своими солдатами и стариком.

– Что это с ним? На нем лица нет..

Жуков, видно, тоже не расположен к беседе. Он вглядывается вдаль, подергивая правой ногой, о чем-то думает. Наконец говорит:

– Видишь ущелье? На днях по нему шел второй батальон 149-го полка. А теперь он блокирован в дальнем конце ущелья. Мы не хотим рисковать, идти без боевого охранения, так как не знаем, что нас там, на сопках, ждет. Но от нас в категорической форме требуют идти ущельем без охранения, обещая с воздуха прикрытие вертолетами Файзабадского полка. Кадыров пытался возразить, но полковник из штаба армии обвинил его в трусости. Вот он и переживает.

– А кто тот старик, что был с Лосем?

– Местный пастух. Он пришел нас предупредить, что в ущелье идти нельзя, нас там ждут возле заброшенного фруктового сада в конце ущелья. По карте посмотрели: километра три до него.

– И как тут быть?

– А что делать? Пойдем, – сказал он как-то обреченно, словно чувствуя свою гибель.

Почему пошли, нарушая все писанные и неписанные правила ведения боевых действий в горах, пренебрегая уставами, предостережениями местного пастуха? Понадеялись на авось? Думаю, все сложнее. Мы тогда еще недооценивали противника, полагая, что с нами воюют вчерашние дехкане, которые, как правило, безграмотны. У нас было подавляющее преимущество перед ними – артиллерия, вертолеты. Разве этому можно противостоять? Но у противника тоже были сильные стороны: внезапность, хорошее знание местности, в которой они выросли и знали все тропинки и укрытия. Недоценка противника, желание любой ценой решить задачу в конечном счете и приводили к большим потерям.

Редкие тучки и облака плыли в бирюзовом прозрачном небе. Солнце припекало, и в полдень, по прогнозам синоптиков, воздух прогреется до пятидесяти градусов. В такую жару не то что воевать, жить невозможно. Завтракали накоротке. «Строиться!» – разносится команда. Солдаты спрыгивают с брони, поправляя оружие, становятся на обочине. Кто-то шутит: «Смотрите, лейтенант Лось ишака усыновил». К нам идет лейтенант Лось с двумя солдатами. Солдаты погоняют серого ишака, тот упирается, идет неохотно. Лось подходит к своему взводу. Солдаты тут же взгромождают на спину ишака тяжелую радиостанцию. Первая рота уходит, за ней выстраивается вторая с приданными минометчиками из 149-го полка. В ротной колонне идет капитан Тимохин, мой сослуживец по 122-му полку, теперь он особист разведбата. Весельчак и вечный холостяк. Идет налегке – без автомата, а из кобуры торчат ложка с вилкой. Увидев меня, спрашивает:

– С нами?

– В такую жару! Нет, спасибо, я лучше на броне и в обход. Снимаю крышку фотоаппарата и направляю на строй. Солдаты приосаниваются, улыбаются и машут рукой. Щелкаю. На память. Но судьба и война распорядились: на память о погибших. Буквально через каких-то полчаса на них обрушится огонь. Но это потом. А пока они веселые и ни о чем не догадываются... Звучит команда «По машинам!» Колонна боевых машин трогается и медленно ползет по серпантину вверх, в обход ущелья. Вскоре со стороны ущелья послышалась автоматнo-пулеметная стрельба. Появились вертолеты, с них стали сбрасывать какой-то груз. Все понимали: разведбат ведет бой. Но о масштабах трагедии еще никто не догадывался. И вдруг ближе к вечеру появилась информация: разведчики попали в засаду. Много погибших. В это не хотелось верить. Ночью лейтенант Шохин включил радиоприемник. Один из вражеских голосов (радиостанция «Свобода») передал на русском, что в районе Кишима моджахеды разбили два советских полка. Назвали

даже номера войсковых частей. По всей видимости, в руки духов попали документы погибших солдат разведбата и приданных артиллеристов мотострелкового полка. Такой оперативности можно было только позавидовать. Мы находимся неподалеку от ущелья, напрямую через горы не больше километра, но не знаем, что же там произошло на самом деле. Потом Шохин поймал радиостанцию «Маяк». Мы все стали ждать, что же передадут наши. Но об этом событии ни слова. Диктор торжественным голосом сообщил: «3 августа в Москве закончились XXII Олимпийские игры, в небо запустили шестиметрового олимпийского медведя, и он улетел со слезами на глазах».

Утром 4 августа духи ушли, и наша помощь второму батальону 149-го полка не понадобилась. Мы вернулись к тому месту, где расстались вчера с разведчиками. Из ущелья выносили убитых и раненых. Оттуда вертолетами их доставляли в Кундуз.

Иду вдоль колонны боевых машин. Возле бэмпэ стоят незнакомые офицеры – майор и капитан. На земле, прислонившись спиной к гусенице боевой машины, сидит солдат – то ли узбек, то ли таджик. Голова его перевязана свежим бинтом, а лицо испачкано грязью и кровью. Штанина хэбэ разорвана, и на нем нет солдатского ремня. Он смотрит на офицеров затравленно, исподлобья, снизу вверх.

– Бахтияров моя фамилия. Зовут Руслан, – говорит солдат.

– Ты общался с ними? Так да или нет? – спрашивает майор.

– Нет, – еле слышно отвечает солдат.

– Тогда почему остался жив?

– Не знаю, – говорит тихо и обреченно.

Я останавливаюсь, пытаюсь понять, о чем идет речь.

– Но твои товарищи погибли, так? – не унимается офицер.

– Я уже сказал. Когда они подошли, я умэр, мертвым стал казаться.

– Притворился? – подсказал офицер.

– Притворился, что убили, – повторил солдат. – Они взяли мой автомат, сняли ремень, ударили ногой в живот. Ушли.

– Но почему ты не стрелял, когда они шли к тебе, – струсил, да?

Солдат молчит. Он явно не знает что ответить. Он похож на Петрухина, только у того в глазах была злость, а у этого страх, беспомощность, усталость и вселенская обида. Мне кажется, что он сейчас нуждается не в допросе, а в том, чтобы кто-то по-доброму с ним поговорил. Он еще мысленно находится там, в ущелье. Мне жаль его. И я спрашиваю, где его командир взвода, жив ли он или погиб? Оба офицера смотрят на меня неприязненно:

– Вы кто такой?

– Редактор газеты.

Они переглянулись и тут же ушли.

– Успокойся и расскажи, как все было, – прошу солдата.

Он узнает меня, молча смотрит на свою руку – она вся в ссадинах и покрыта запекшейся корочкой крови. Он зачем-то пытается ее содрать. Останавливаю:

– Не надо. Возьми себя в руки. Все уже позади. Ну как все было?..

– Вы видели: мы вчера утром пошли в ущелье. Командир послал меня в походное охранение.нас двадцать было. Мы ушли вперед. За нами остальные. Нам сказали, что бокового охранения нет, иди быстро. За первым поворотом – там скала нависала и тек ручей... Я только прошел это место, и началось. Стреляли со всех сторон. И справа, и слева. Спрятаться некуда и не за что. В меня сразу попали. Сначала вот в руку (показывает), а потом пуля задела голову. Спасло, что по касательной. Я упал. Потерял сознание. Когда очнулся, стрельбы уже нет, тихо. Хочу открыть глаза – и не могу. Они слиплись. Потерял руку – кровь. И вдруг слышу голоса. Не по-русски говорят. Понял: духи. И вдруг рядом стал стрелять пулемет. Поднял голову: наш лейтенант стреляет. Он лежал справа от меня, под скалой. Одного он точно убил. Видел, как тот падал. Те, что шли с ним, попрятались за камни, а потом бросили гранату. Она разорвалась там, где лейтенант лежал. Пулемет больше не стрелял, а мне ногу посеколо (сквозь рваную штанину видны кровоподтеки).

Он помолчал, потом продолжил:

– Они подошли ко мне. Хотели ботинки снять. Но ботинки были мокрые, в грязи. Я ручей переходил не по мостику, а пытался его перепрыгнуть, но неудачно: провалился в грязь. Они не стали возиться со шнурками. Пнули в бок и пошли дальше. Стреляли, добивали раненых.

Он снова умолк, рассматривая свою раненую руку. И вдруг спросил:

– Я виноват? И вы так считаете? Что со мной будет?

Я не знал, что ему ответить. Как бы я повел себя в подобной ситуации, вчера еще возможной, пойдешь с ними? Или как бы повели себя офицеры, которые безапелляционно вынесли ему только что свой вердикт: виновен! И упрекали в трусости. Были бы они столь категоричны, предстань непосредственно перед лицом смерти, если бы вопрос жить или умереть коснулся конкретно каждого из них?

Разве можно подготовиться к смерти? Это слишком личное, я бы сказал, интимное дело. И каждый принимает решение, согласуясь со своей совестью, духом и обстоятельствами.

– Не знаю, – сказал я честно.

От мыслей о жизни и смерти меня отвлек лейтенант Лось. Он незаметно подошел и толкнул меня в плечо:

– Не ждал?..

– Очень рад за тебя. Кто еще остался в живых?

– Не знаю. А погибло много. Начальник штаба батальона капитан Жуков, лейтенанты Владимир Буров, Виктор Сериков. Это что я видел. И много других. Смотри сколько лежит, – кивает в сторону, где на носилках вперемешку с ранеными лежат убитые.

– Как все произошло?

– Помнишь пастуха, которого я вчера приводил? Так вот, он не соврал. Нас действительно ждали. И мне непонятно, почему комбат ему не поверил?

Я промолчал. Не стал говорить, что комбату приказали идти.

– Нам еще повезло, что засаду они организовали в начале ущелья, а не в конце. Весь батальон не успел втянуться в ущелье. А случись иначе, полегли бы все. У духов все хорошо простреливалось. Подготовились они тщательно. Представь, ущелье узкое, метров двадцать, не более. Спрятаться некуда. Мы у них на виду. Они сразу разбили радиостанцию. Она была на ишаке. Ишак, услышав выстрелы, обезумел. Он долго носился, пока его не пристрелили. Мы тоже, как он, метались, чтобы найти хоть какое-то укрытие; кто-то пытался окопаться. До сих пор перед глазами наш особист капитан Тимошин. Не поверишь, он при помощи вилки и ложки полноценный окоп вырыл. «Жив. Значит, пригодился, не зря носил», – обрадовался я за него.

Лейтенант Лось продолжал:

– Я решил подняться на левый склон, чтобы придавить их. Но сразу потерял двоих своих солдат. Увидел небольшой деревянный мостик через речушку, под ним несколько человек второй роты сумели укрыться. Перебежал к ним. Только к вечеру стрельба утихла. Попытались выйти – потеряли еще двоих. Ночью духи что-то кричали, видно, предлагали сдаться. А под утро они ушли. И сняли блокаду второго батальона 149-го полка. Так что вы зря к ним на помощь спешили... Я вот только одного не пойму: почему комбат не послушался чабана? Тот же предупреждал, что ждут, – повторил он свой вопрос.

– Да, но, по словам пастуха, ждали в саду, в конце ущелья. А встретили в начале. Есть разница?

– По всей видимости, они готовили засаду не для нас, а для второго батальона. Надеялись, что весь батальон втянется в ущелье. А тут мы с другого конца. Смешали им карты. Все равно у них неплохо получилось.

– Я видел, как вертолеты кружили, сбрасывали что-то.

– Да что толку? Они сбросили боеприпасы и воду, которые достались духам. С воздуха летуны не могли нам помочь, так как не знали где кто.

В этот же день я вернулся в Кундуз. Во время ужина встретился с капитаном Чернушиным и рассказывал что знал, а затем спросил:

– Кто виноват в гибели разведбата?

– Сегодня этот вопрос многие задают. Ко мне приходили офицеры из военной прокуратуры, изъяли документы, боевые распоряжения. Будут изучать. Что я знаю? Операцию проводил штаб 40-й армии. Он ее планировал и сопровождал. К нам прилетел полковник Исаков. Он лично ставил задачу майору Кадырову. Я был свидетелем. Нужно было деблокировать второй батальон и вывести его из района. Чтобы ее выполнить, мы должны были совершить марш на бронетехнике как можно быстрее в район кишлака Яварзан. Спешиться. И пойти по ущелью, чтобы выиграть время, там всего километров семь, не больше. Кадыров заупрямился. Ты же знаешь его строптивый характер. «Пойти по ущелью – погубить батальон», – говорил он. Я его слова хорошо запомнил. Но полковник Исаков обвинил Кадырова в трусости. Провел красным карандашом на карте маршрут четко по ущелью. И заверил всех нас: «С воздуха батальон прикроют вертолеты Файзабадского полка». Но, несмотря на его заверения, все, кто был в ЦБУ, не были с ним согласны.

– Значит, виноват полковник Исаков?

– Формально – да. Он убеждал, что вертолеты прикроют. Настоял на своем. Понимания, что творится в ущелье, у нас не было. Утром 4 августа прибыл комдив, и мы сразу вылетели в район боевых действий. С нами полетели особист Никитин и адъютант комдива. На дороге к ущелью увидели технику разведбата. А дальше – лежат наши бойцы. На входе в ущелье человек тридцать сидят, сбившись в кучку. Зависли над ними, потом подсели неподалеку. Среди них много раненых. У артиллерийского корректировщика Саши Захарова с ноги кожа содрана до кости. Он рассказал, что его спас капитан Жуков. Когда Жуков его перебинтовывал, то сам получил пулю в шею. Упал, накрыв его своим телом.

Капитан умолк. Затем в сердцах:

– Эх, когда уходил разведбат, у меня было нехорошее предчувствие. А когда прощался с Жуковым – мы с ним жили в одном доме, дружили, – видел в его глазах что-то печальное и обреченное, чувствовал, что расстаемся навсегда...

– А где был Кадыров?

– Он был со всеми. Также ранен. Комдив распорядился тяжелораненых загрузить во второй вертолет. Но вертолет при подъеме из ущелья зацепился хво-

стом за скалу и рухнул. К счастью, все остались живы. Мне поручили организовать вынос раненых и убитых из ущелья. Со мной пошли шестеро солдат, адьютант комдива и помощник командира разведбата по радиоразведке майор Юра Ничволода. Убитые были буквально на входе в ущелье. Сначала вынесли раненых, затем убитых и оружие. В том месте, где майор Кадыров вел огонь из гранатомета АГС-17, насчитали с десяток трупов духов и одного видели в глубине ущелья. Там же из кустов выбежал солдат – узбеченок или таджиченок. Мы его чуть не пристрелили. Это было так неожиданно, да и мы были на пределе.

– Я видел его. Русланом Бахтияровым зовут. Он из первого взвода первой разведроты.

– Да, он находился в составе головного охранения. Он рассказал, что видел, как добивали наших раненых и собирали оружие. Трупы мы выносили часов до трех. Только убитыми насчитали пятьдесят человек. Около сорока раненых. После обеда появились вертолеты. Высадили десант – пехоту 149-го полка. Легкораненых вывозили в Кундуз, тяжелых – в Ташкент.

Трагедия в Машхадском ущелье запомнилась всем надолго. Многих офицеров допросили в прокуратуре. В том числе и оставшегося в живых солдата Бахтиярова. Майора Кадырова сняли с должности, он еще полгода дослуживал в батальоне на другой должности, испытывая на себе недобрые взгляды сослуживцев. Спустя много лет, встретившись с ним на коротке, пойму, что та трагедия долгие годы не покидала его. Он нес этот груз и корил себя за то, что уступил требованию сверху, не пошел наперекор, хотя и понимал умом и чувствовал сердцем уготованную гибель.

Ночь. Я долго не могу уснуть. Непрошенные мысли роятся в голове: есть ли иной мир? Если есть этот, то почему не может быть иного? И наша Земля, другие планеты, и весь космос, Вселенная кем-то же управляются? Не может же весь этот сложный механизм, который мы знаем и которого не знаем, рулить сам по себе. И кто этот дирижер? Все в мире создано по одному принципу: рождение, жизнь, старение и отмирание. Почему так? Для обновления

жизни? И только на войне этот процесс миропорядка искусственно нарушается. Как это произошло в Машхадском ущелье, на высоте 3 тысячи 408 метров.

* * *

Утром кошмарная ночь куда-то испарилась. Еще бы! Я отпускник. Только сел, устроившись в самодельном кресле под сосной, увидел Котенева. Он поступил в военную академию. С порога жалуется: «Самолета нет вторые сутки, на аэродроме собралось много отпускников. А мне срочно в Москву». Успокаиваю товарища, предлагаю попить свежесваренного чая с корицей и имбирем, а Гришу прошу сгонять к диспетчеру, узнать, будут ли сегодня вылеты?

Котенев садится на стул, берет пухлой рукой чашку и отхлебывает маленькими глоточками: чай горячий. Он чем-то напоминает Сократа – круглолицый, высокий шишковатый лоб, курносый нос, глаза пыльные, круглые, как два полтинника. Держит себя со всеми подчеркнuto с достоинством, будто он фельдмаршал. Возвращается Сапега, по лицу видно, что у него плохие новости. Говорит с порога: «Бортов не будет. Один должен вылететь из Кабула, да и тот спецборт «черный тюльпан» за «двухсотыми» – погибшими разведчиками».

Котенев встает. Лицо у него вспотело от чая, он ладонью трет лоб и, глядя исподлобья своими круглыми глазами, предлагает:

– Пойдем. Ты же всех знаешь, поговорим с летчиками. Глядишь, и договоримся.

Я не верю в эту затею, да и самолет с «двухсотыми». Как на нем полетишь? Но иду. Отказать не могу. Авось что-нибудь придумаем.

На земле возле здания аэропорта сидят военнослужащие. Подъехали бортовые ЗИЛы. В них груз «двести» в деревянных ящиках с запаянными цинковыми гробами. Вскоре слышится гул моторов, и Ан-26 заходит на посадку. Через мгновение, блеснув крыльями, он садится на взлетную полосу и медленно подруливает к зданию аэропорта. Котенев берет меня за руку и тащит за собой. Я успеваю крикнуть прапорщику Сапеге, чтобы он принес мой портфель.

• *Моджахед.*

Из самолета выходит маленький сухощавый капитан в стального цвета комбинезоне и громко, чтобы все слышали, предупреждает, что рейс специальный, никого на борт не возьмет.

Когда в самолет занесли последний ящик и рампа начала закрываться, те, кто стоял сзади, стали подпирать нас со спины. Лишь бы не упасть, пронеслось в голове. В одно мгновение, словно меня внесли на руках, я оказываюсь внутри самолета, под самым его потолком. Замечаю: Котенев тоже здесь. Он видит меня, кивает головой: мол, я же тебе говорил, что улетим. Летчики требуют покинуть самолет, угрожают пожаловаться командованию, но на их слова никто не обращает внимания. После толкотни, криков и ругательств рампа окончательно закрылась. Капитан достает лист бумаги и просит написать фамилии – без этого добро на вылет не получим. Вижу в руках летчика свой портфель. «Чей?» – спрашивает он. Я беру портфель и мысленно благодарю Сапегу.

Самолет вырывается на взлетную полосу, разгоняется, и мы летим. Какое-то время в салоне стоит воистину гробовая тишина. Потом слышатся отдельные голоса. Худой капитан с вытянутым лицом и длинным носом наклоняется к лейтенанту и кричит ему что-то на ухо. Тот берет рюкзак, стоявший в ногах, достает из него две бутылки водки, стаканы, наливает и подает капитану. Тот поднимается. «Братцы, помянем героев», – говорит он и пьет. Бутылку передают из рук в руки.

Ко мне подсаживается Котенев. Он захмелел, протягивает стакан, наполненный на четверть водкой. Кричит на ухо:

– Расслабься! Не пить – умрем. И пить – умрем. Так пить, чтобы вновь опохмелиться!

– За разведчиков, пусть земля им будет пухом! – соглашаюсь и цежу сквозь зубы безвкусную водку, мечтая только об одном: быстрее бы закончился наш полет.

В Ташкенте, куда мы прилетели, был полдень. Светило солнце, на голубом прозрачном небе ни облачка. Прямо на аэродроме, в кассе, нам выдали денежное содержание в рублях и чеках Внешпосылторга. За несколько месяцев сумма накопилась приличная. Столько денег у меня никогда еще не было. Деньги с трудом умещаются в нагрудных карманах моей новенькой джинсовой рубашки. Взяв такси, мы едем в центр города.

Ташкент – красивый город. Им невозможно не любоваться. Прямые и широкие проспекты, улицы, парки, много скверов фонтанов. И после Кундуза кажется, что ты попал в райское место. Выходим возле центральной мечети с двумя минаретами с голубыми куполами. Не сдержавшись, восхищаюсь:

– Красиво! Мечеть как в Мазари-Шарифе. И никто не стреляет.

– И голубей нет. Некому гадить, – как-то по-своему, неромантически реагирует Котенев. Видно, потому что торопился в Москву, а ближайший самолет только ночью, а мой рейс завтра после обеда.

Времени у нас много. Предлагаю зайти в ресторан отметить мой отпуск и его поступление в академию. Соглашается. И вот мы в ресторане. Подходит официант, худой приветливый узбек, и мы заказываем бешбармак, шашлык из баранины, армянский коньяк «Арагат» и зеленый чай.

Вскоре официант принес графин с коньяком и тарелку с тонко нарезанными дольками лимона. Он налил в стопки и ушел. Прежде чем выпить, я плеснул себе на руку немного коньяка и потер ладони. Так делал Лозовский. Затем поднес их к носу. Они пахли хлебом и виноградом.

– Зачем это? – интересуется Котенев.

– Проверяю качество.

– Ну и как?

– Вроде натуральный.

– А то ж! Наш армянский не хуже французского, – со знанием дела говорит он.

Мы выпили.

– Красота, – говорю я, откидываясь на диванные подушки, обшитые лентами.

Мое тело готово отдыхать и расслабляться. Журчит вода, чирикают птицы, пахнет свежестью и тонким, нежным ароматом роз. Иногда мне кажется, что я когда-то жил на Востоке. Мне нравится Восток. Он влечет, очаровывает, окутывает завесой тайны и волшебства. А как пьяняще пахнут жасмин, роза, сандал, лаванда. Я люблю приятные запахи. Порой мне кажется, что у меня собачье обоняние.

– Что будешь делать, когда приедешь домой? – спрашивает Александр.

– Приеду, первым делом включу «Симфонию», – говорю мечтательно.

– Это что такое?

– Я еще в школе учился, решил зайти к однокласснику. Несмотря на юный возраст, он был фарцовщиком, ездил по портовым городам и скупал у иностранцев пластинки популярных певцов и ансамблей. Нелегально торговал ими. Жил он на широкую ногу. У него единственного в нашем районе была рижская стереорадиола «Симфония» с двумя наполненными большими звуковыми колонками.

Когда я подошел к двери, услышал переливы высоких гитарных струн и приятный голос певца с восточной гортанкой. Постучался в дверь. Он открыл – весь какой-то взерошенный.

Я вошел в комнату и увидел на диване молодую девушку лет девятнадцати, похожую на Мэрилин Монро в молодости. Только стройнее и выше ростом. Мне она сразу понравилась. Мой типаж. Удивительная мелодия, очаровательная девушка, вино в хрустальных

бокалах – у меня аж дух перехватило. Мне в тот момент показалось все это чем-то запредельно привлекательным. Товарищ мой предложил послушать музыку – диск он недавно привез из Одессы, и, подмигнув, вернулся к ней. Я чувствовал себя третьим лишним, но мне было интересно узнать, кто поет. Я остановил проигрыватель и прочел: «Эрике Массиас». А понравившаяся мелодия – «О Париж».

И вдруг:

– Мальчик! Поставь диск на место. Не мешай слушать музыку, – капризно кривя рот, сказала она и обняла моего приятеля, который счастливо улыбался.

Я ушел, мечтая, что когда-нибудь и у меня будет такая же радиолоа.

– Купил?

– Да, купил, когда окончил училище. Так что приеду, поставлю пластинку и буду слушать. Чего стоит скрип иглы, легкое пощелкивание.

– С кем будешь слушать?

– С женой, разумеется. Скучаю.

– Красиво придумал.

Коньяк, ожидание скорой встречи с родными мне людьми – все это пьянило, вызывало прилив чувств и теплых воспоминаний.

Неожиданно заунывная восточная мелодия сменилась зажигательной музыкой. Крепкая рыжеволосая женщина, крашенная хной, вскочила со своего места и, выбежав в центр зала и подняв вверх руки, стала танцевать. Следом за ней двое мужчин, подбежав, тут же задвигали ногами под дробные звуки сложного ритмичного рисунка.

– Пойдем, – предложил Александр.

– Не мой танец. Не та экспрессия. Если бы танго.

– Где научился?

– Сестра моего товарища Стаса Ажичакова занималась бальными танцами, взялась и нас обучить. Благодаря ей во дворе все научились танцевать танго. Она говорила: главное в танго – повелевать женщиной. В танце мужчина ведет женщину, а женщина должна за ним успеть.

– Давай проверим. Рыжую сможешь закадрить?

Мы выпили еще по рюмке, и я решил показать ему класс, уставившись на рыжеволосую женщину, но она никак не реагировала, зато на нас стали посматривать сидевшие с ней мужчины.

Драка не входила в мои планы.

– Не получилось, не сработало, – оправдывался я.

Сытно поев, чтобы скоротать время, мы идем бродить по городу. На меня пьяняще действует мирная жизнь. Так и хочется крикнуть: жизнь, ты прекрасна! Навстречу идут цыгане.

Толпа цыган уже близко. Старуха, две молодые девушки и малышня. Все одеты в цветастые, пышные юбки, у всех блестящие украшения. Обращаю внима-

ние на одну из девушек. Она стройная, высокая. На руках браслеты, а в волосы вплетены разноцветные ленточки. Она идет, играя тонким станом, как будто танцуя. Ее распущенные волосы свободно гуляют по смуглой шее. Я ловлю ее притягательный взгляд.

Котенев тоже смотрит на нее, толкает меня в плечо:

– Спорим, она подойдет к тебе и скажет: «Твоя линия жизни совпадает с чертой бедности».

Я и без него догадываюсь: подойдет. И она подходит. Слышу ее гортанный, с легкой хрипотцой голос:

– Молодой, красивый, давай погадаю...

Я послушно протягиваю руку. Ее смуглое лицо, на удивление, с правильными чертами. Удлиненные миндалевидные глаза смотрят на меня в упор, а черные бархатные ресницы неподвижны, застыли, словно замерли.

– Не бойся. Раскрой ладонь. Я расскажу тебе, сколько жить будешь. Повезет ли тебе в любви. Положи монету.

У меня нет мелочи, и я достаю из кармана несколько купюр, подаю их ей. Краем глаза вижу: Котенева обступили в кольцо цыганята и просят дать денег на хлеб. Он отмахивается от них как от назойливых мух, смешно таращит глаза: не подходи – убью! Глаза у него круглые, с желтоватым блеском.

– Бери, – протягиваю руку.

Моя цыганка не берет деньги, она просит еще положить. Я слушаю ее вполуха, мне неинтересно ее гадание, я готов дать ей денег просто так, что называется, безвозмездно – «за красивые глаза». Достаю не глядя еще несколько купюр и, положив на ладонь, предлагаю взять. Но она просит еще и еще. Меня это начинает раздражать. Кладу еще несколько червонцев в надежде, что на этот раз она оценит мою щедрость, обрадуется и возьмет деньги. Но нет, ей все мало. Она в азарте. Вид денег ее возбуждает; ее темные глаза сияют каким-то стальным оттенком, щеки горят; говорит она быстро и монотонно, как будто читает молитву. Внутри закипает обида: она не остановится, пока не отберет все, что у меня есть. Но это же несправедливо!

Ее лицо напряжено, глаза буквально пожирают меня. Она как будто держит меня за шкуру, подтягивает к себе. С трудом отвожу взгляд в сторону дороги, по которой несутся машины. Предлагаю:

– Бери.

– Положи еще денежку. Я тебе такое скажу!

Сжав деньги в кулак, бросаю их под колеса несущихся машин. Они веером разлетаются, падают, и воздушный поток несет их по дороге. Цыганята с визгом устремляются вдогонку. Моя юная гадалка стоит неподвижно, словно превратилась в соляной столб. Ко мне подходит Котенев:

– Ты что, идиот? Не знаешь разве, что цыганки рождаются для ворожбы, как когда-то спартанские воины для битв. Цыгане без зазрения совести обведут любого вокруг пальца. И сделают это профессионально. Ни одна рыбка не сможет вырваться из их сетей.

– Но я вырвался.

– Какой ценой?! Я наблюдал за тобой – ты лишился целого состояния.

– Хорошо друг. До чего ж весело!

– Мне не весело. Я пытался тебе помочь, но ты не слышал меня. Смотрел на нее, как кролик на удава. Гипноз. Ладно, успокойся. Ты не одинок. Лермонтов, Достоевский, даже Пушкин – все попадались на их удочку.

– Спасибо, успокоил. Но дело не в гипнозе. Дать ей денег было мое решение. Понимаешь, состояние души. Но ни она, ни ты меня не поняли. Так, чего доброго, можно разочароваться в людях.

Он улыбнулся:

– А что касается людей, то, чтобы в них не разочаровываться, не нужно ими изначально очаровываться.

И вдруг запекает: «Ехали на тройке с бубенцами. А вдали мелькали огоньки. Эх мне б теперь, соколики, за вами. Душу бы развеять от тоски». И пускается в пляс, поднимая вверх руки и кружась. Его голова отброшена назад, руки в стороны, словно держат подол юбки; при каждом шаге он слегка потряхивает плечами, как это делают цыганки в танце.

Эх юбку бы ему, выход получился бы не хуже, чем у настоящей цыганки. В своем воображении я слышу плач скрипки, надрывные звуки гитары, бубна. Сердце бьется, и мысленно я тоже в танце. Я хлопаю в такт. Поднимаю руки, подражая ему. Припев мы запели вместе: «Дорогой длинною, да ночью лунною, да с песней той, что вдаль летит звеня. И с той старинною да семиструнною, что по ночам так мучила меня».

Цыганята бросились к нам, очевидно, решив, что мы снова начнем разбрасывать деньги. Пришлось спешно закончить концерт и, ускорив шаг, ретироваться.

Вскоре мы расстались. Он улетел в Москву, а я поспешил к Олегу Исмагилову, своему училищному товарищу.

Олег жил на Караванной улице, в большом частном доме он снимал комнату. В этом же доме квартировали Олег Бедула и мой лейтенант Краузе со своими женами. Когда я приехал к ним, все сидели за одним большим столом под старым ореховым деревом с толстым стволом и развесистой кроной и пили чай. Образцовая картинка семейного счастья. Олег представил меня хозяйке. Лидия Михайловна со своей дочерью – хрупкой юной девушкой – живут в этом

же доме, на втором этаже. Пока мы общаемся, хозяйка внимательно наблюдает за мной. Наконец спрашивает, обращаясь ко мне:

– Вы оттуда? Из-за речки?

– Да.

Ко мне наклоняется Олег и шепчет на ухо:

– Не обращай на нее внимания. Ты меня понял?

Я пока его не понимаю. Она снова обращается ко мне:

– Совесть не мучает?

– Нет, – почему-то вспоминаю Сокольского пса Душмана, у которого нет ни капли совести, но зато крепкий желудок.

Улыбаюсь.

– Вы еще смеетесь, радуетесь. А жаль.

– Чего жаль? Мне не о чем жалеть.

– Что у вас нет совести. Вы знаете, что Сахаров обратился к Брежневу, слышали об этом? Его услышало все мировое сообщество. Вы воюете с народом ради какой-то кучки партийных функционеров. Война нужна только им, чтобы удовлетворить свои амбиции. А матерям, чьи сыновья возвращаются в цинковых гробах, война не нужна. Поверьте мне.

– Почему я должен вам верить? Вам знакомо такое слово – геополитика? А то, что мировая история – это конкурентная борьба, вам известно?

– Пропаганда заглушила все. Пребывание наших солдат в Афганистане – авантюра, безумие. Когда-нибудь, если вам повезет и вы останетесь живы, в вас заговорит совесть. Она вам задаст вопрос: за что погубили столько невинных людей? Она будет говорить с вами. А вы ей, своей совести, будете рассказывать о геополитике. Вы будете жить, а многие ваши ровесники недоживут. И вы будете искать ответ на вопрос, на чьей стороне – добра или зла – были вы? Она не будет давать вам спать. И тогда вы спросите у себя: а все ли я делал по совести?

Я устал от ее слов, морального давления, эмоционального вампиризма. Она насилует меня, а мне не нравится насилие. И я решаю закончить разговор:

– Мы будем все равно там, несмотря на то что вы против, несмотря на то что вы будете нам мешать, несмотря на то что в отличие от вас мы многим рискуем – своим здоровьем и жизнью.

Она посмотрела на меня как-то растерянно, глаза ее испуганно забегали; глаза овцы – узкие, маленькие, с черно-желтой радужной оболочкой. Встала, пожелала доброй ночи и стремительно ушла.

– Но ты и отбуждал ее. Она тут всех нас достала, – сказал Олег и потянулся к гитаре.

После эмоциональной речи Лидии Михайловны я молча поднялся и ушел спать. Долго не мог уснуть. В голове была молодая цыганка и слова Котенева «лох, развела». Я не был с ним согласен. Нет, не меня об-

манули, я позволил себя обмануть, не меня разозлили, а я позволил себя разозлить. Это был мой выбор.

А в остальном он был прав.

Странное дело. Во время отпуска знакомые, узнав, что я служу в Афганистане, делают полные ужаса и страха глаза: как там, не страшно? Не страшно. Совсем не страшно? Да, совсем. И я нисколько не лукавлю, там страха совсем нет. За исключением тех минут, когда что-то стряслось и мысль подсказывает, что могло быть хуже. Вот тогда задним умом начинает учащенно стучать сердце, разгоняя кровь по организму. Наслушавшись во время отпуска всяких историй и небылиц (видно, кто раньше побывал в отпуске, имели богатое воображение, столько страху нагнали), сам в них начинаешь верить. К концу отпуска стали появляться мысли, что ты идешь по краю пропасти, играешь с огнем. И когда-нибудь все может печально закончиться и тебе перестанет везти. Но ты отгоняешь эти мысли, как назойливых мух, и говоришь себе, что все будет хорошо. Надо только верить. Не поддаваться плохим мыслям, не идти у них на поводу.

Отпуск прошел быстро. Взяв билет на самолет, поехал в аэропорт. При посадке возникла проблема. У меня с собой была двухметровая палка из бука. Ее по моей просьбе школьный товарищ Коля Гравич смастерил, обточив на станке.

– Что это? – спросила стюардесса.

– Макивари, – ответил я. – Для тренировок по каратэ. Везу в Афганистан.

Подошел летчик. Разрешил взять палку с собой.

Прилетев в Душанбе, сел в автобус – и я в Термезе. Купив на бахчевом развале два больших арбуза, выхожу на дорогу и торможу военный грузовик. В кабине водитель и белобрысый щекастый сержант с ушами как пельмени.

– В Кокайты, на аэродром.

– Садитесь, – разрешает сержант.

Прыгаю в кузов. Здесь четверо солдат. Сажусь у окошка водительской кабины. Стекла нет. Слышу, как сержант все время опекает шофера: держи левее,

● *Ответственный секретарь газеты старший лейтенант Станислав Гончаренко с трофейным оружием.*

правее. Догадываюсь, что за рулем новичок. И вдруг сержант кричит на водителя, тот растерянно смотрит на сержанта, а не на дорогу, его рука поворачивает руль влево, машина выходит на встречную полосу. Я собираюсь приструнить сержанта, чтобы не мешал вести машину, как вижу несущийся на нас армейский КамАЗ. Успеваю крикнуть: «Следи за дорогой!» Водитель резко крутит руль вправо, и нам чудом удается уйти от лобового столкновения. Мы вылетаем на обочину, в кювет, и машина переворачивается. Я лежу под кузовом весь в чем-то липком. Кровь, догадываюсь, но боли нет. Выползаю в узкую щель между бортом кузова и землей. За мной лезут солдаты. К счастью, все целы. На этот раз обошлось. Разбились мои арбузы – их содержимое я принял за кровь.

Чтобы погибнуть, и в Афганистан ехать необязательно. Свои кого угодно «упакуют».

Дальше до аэродрома я добирался пешком. Идти было недалеко. Мне повезло – только

пришел, сели две пары Ми-8. Я их еще издали увидел. Из них вышли солдаты. Еле переставляя ноги, они шли по взлетному полю. Лица понурые, потухший, безжизненный взгляд.

– Что с ними?

– Желтуха, – говорит майор, который тоже летит в Кундуз. – Настоящее бедствие. В дивизии таких процентов двадцать, не меньше. Некоторые бизнес на этом делают.

– Какой бизнес?

– Лето. Горячая пора. Все хотят в отпуск. На мочу больных гепатитом спрос. Цены подскочили.

Чушь какая-то, подумал я и отошел от офицера.

От диспетчерской в сторону вертолетов идет знакомый капитан – свояк братьев Никелей. Прощусь на борт. «Все улетим», – успокаивает он. И действительно, возвращаемся полупустыми. От него узнаю, что погибли Герой Советского Союза майор Гайнутдинов и командир эскадрильи подполковник Говорлин. А как гепатит? «Да, косит. Появилась заразная мошкара. Слышал, американцы инфекцию подбросили».

Выходит, прав был Лозовский, когда говорил, что скоро воевать будет некому.

У меня ощущение, что отпуска как будто и не было. Когда прилетел к родителям, умерла моя тетя Поля. Ей было восемьдесят девять лет. Кинулись хоронить, а найти гроб невозможно. Родственники собрались и пошли к горкому партии. Подняли шум. Вышел какой-то секретарь. Предупредили его, что, если он не поможет купить гроб, завтра принесут к нему в кабинет тело в целлофане. Сходили незря. Гроб нашелся. «Мы понимаем, – словно оправдываясь, говорила мать, – на войну все идет. Нам не хватает».

Я летел, и назойливая мысль не покидала меня: как такое могло случиться, чтобы в богатой лесами стране возник дефицит гробов? Может, не так уж и не права была Лидия Михайловна, когда говорила: «Война нам не по карману, она отбирает ресурсы, впереди страну ждут экономические трудности».

Вот появились квадратики полей, на которых дехкане выращивают рис, пшеницу, ячмень; показали виноградники. До Кундуза лететь еще минут пятнадцать, не больше. Вижу, как две лошаденки тащат соху. Она деревянная. Мужик, согнувшись, идет рядом. Я вглядываюсь, есть ли магнитофон? Не раз приходилось видеть картину: вол тащит соху, а на голове зацепленный за рога японский магнитофон, откуда звучит восточная заунывная, тягучая мелодия. Прошлое и настоящее уживаются в этой стране удивительным образом.

Вот и аэродром, вокруг которого полным ходом идет строительство – на смену брезентовым палаткам приходят офицерские модули, ангары из сборных металлических конструкций.

Кундуз встречает меня неприветливо. Несколько дней в воздухе стоит пыль, и все ждут, когда подует ветер «афганец». Наконец дождалось. Солнце буквально на глазах стало перекрашиваться в светло-коричневый цвет, как будто кто-то невидимый повесил шторку из песка и мелкой пыли. Песчинки вихряются в свободном полете, проникая во все щели. Рыжие холмы на горизонте и бурые горы – их силуэты едва угадываются. Вскоре они совсем исчезают. Никаких полутонов. Только серо-желтое марево. Во рту привкус песка. Он скрипит на зубах и режет глаза. Ветер усиливается. Крупные песчинки, словно вылетевшие из пескоструйной машины, секут лицо и шею. На какое-то мгновение мне кажется, что я такая же песчинка среди круговорота миллионов песчинок. Прячусь в палатке. От сильных порывов ветра она трясется и раскачивается. И вдруг все стихает. Но занавес из песка еще долго висит в воздухе.

Наконец появляется солнце. Приводим себя в порядок. Прапорщик Сапега поливает водой из ведра мою голову и ворчит: «За что пыль глотаем?»

– «Надо, Гриша, надо. Родина послала, она нас не забудет. Вернешься домой и скажешь: «Мы что, зазря пыль глотали?» И попросишь квартиру в центре Минска. Не откажут».

Григорий льет воду не жалея. Мысль о квартире в центре Минска ему нравится, она греет его душу.

Машков возится с буквой палкой для макивари, которую я привез из Союза. Нижний конец он уже врыл в землю, а верхний обвязывает толстой ворсистой веревкой. Он хваткий малый, деловой и все знает, что творится вокруг. Зову его:

– Машков! Правда, что есть спрос на мочу больных гепатитом?

– Есть такое, – говорит, не отрываясь от работы, – бизнес прибыльный. Чтобы в отпуск съездить, покупают и пьют. А что, надо? – интересуется.

Осень. Октябрь. Сезон дождей. Всю ночь моросит. В крыше палатки возле печной трубы дыра – результат недавнего возгорания, которое, к счастью, удалось быстро потушить. Дырку заделать не успели. И теперь, лежа в кровати, вижу беззвездное темное небо, испытывая при этом необыкновенное ощущение, что я – частичка космоса, маленькая песчинка, умеющая мыслить, радоваться и переживать.

Вот и утро. Небо светлеет. И дождя уже не слышно. Ревет вертолетный двигатель. Это разведчик погоды. Он первым встречает рассвет..

Вскоре на базу возвращается ночная пара «двадцатчетвёрок». Это капитан Браташ вернулся с задания. Он единственный, кто летает над соснами и редакцией.

После обеда он пришел, и с порога:

– Ну вы, писатели, и даете!

– Что случилось?

– Утром поступила команда слетать на афгано-пакистанскую границу, – рассказывает он. – Ко мне на борт посадили писателя из Москвы по фамилии Проханов. Слышал о таком? Нет? Ну да ладно. Приказ есть приказ – не обсуждается. Прилетели. Сели. «А где граница? Шлагбаум? Пограничники?» – спрашивает. Объясняю, что граница условная, что если строго следовать правилам, то мы находимся на нейтральной полосе. Он как побежит. Я смотрю на него и не могу понять: то ли деру дать надумал, то ли еще что? Я же не знаю, что у него на уме! На всякий случай кричу: «Осторожно! Мины». На него это подействовало. Остановился. Я закурил и наблюдаю за ним. Стоит, закрыв глаза. Наконец возвращается. Подходит. Говорит: «Все. Летим обратно». Я даже сигарету не успел докурить. И стоило ли из-за каких-то пяти минут керосин жечь?

– Не ругайся, Александр. Он прилетит в Москву и такое о тебе напишет.

– Пусть пишет. Я ему не фамилию, а свой позывной назвал.

– А знаешь, Пушкин мог себе точно такой культбит позволить.

– Значит, тоже был чудаком.

Вскоре вышла книга «Дерево в центре Кабула» Александра Проханова. Браташ очень гордился тем, что имеет косвенное отношение к ее написанию, жалел только, что о нем там было сказано вскользь. Только позывной.

Вчера в разведбате был шмон. Предлог – навести армейский порядок. У солдат, как у плохих хозяек, есть склонность к накопительству. Поначалу на приукрашивание быта никто не обращал внимания, но после того, как в ленинской комнате нашли тайник Петрухина, проверки в дивизии стали проводить регулярно. Старший лейтенант Волобуев, командир разведроты, не скрывает своего возмущения:

– Политотдельские налетели, как воронье. Трясли, мама не горюй. Все вывернули наизнанку.

– Не возмущайся, я сам видел – не боевые машины, а цыганские кибитки. В ногах афганские ковры, зеркала висят, цветные картинки с обнаженными красотками в откровенных позах. Лишний шмон не помещает, – успокаиваю.

– Я не против проверок, – соглашается Волобуев. – Сам слежу за тем, чтобы ничего такого не было. Но зачем у солдат отбирать личные вещи?

– Что за вещи?

– Солнцезащитные очки, например. А у Пугачева, ты же его помнишь, он с боевых не вылезает, забрали часы.

– Кто?

– Майор. Здоровый такой, мордастый. Фамилию не знаю. Все Полтинником зовут. Кажется, университетом марксизма-ленинизма рулит.

– Полтинником, говоришь?

– Я вспомнил: вчера вечером Гончаренко похвастался часами, которые купил у майора Полтинника за сто чеков. Это были японские часы «Сейка» с железным браслетом.

– Есть идея – пусть Пугачев зайдет ко мне, – сказал я и пошел к себе.

Вскоре пришел Пугачев. Я попросил Гончаренко показать часы, которые он вчера купил у Полтинника. Тот охотно протянул руку. Пугачев сразу узнал свои часы по браслету, который якобы он предусмотрительно пометил. Мне часы и особенно браслет тоже показались знакомыми. Но спрашивать солдата не стал, где он их взял, мало ли совпадений. Пообещал разобраться с часами и по возможности помочь. Пугачев ушел.

Мысль проучить майора Полтинника и вернуть часы и деньги пришла неожиданно. Поделился ею с Гончаренко. Тот поддержал. И вечером, после ужина, мы идем с ним к месту, где проживает майор Полтин-

ник. Я уверен: по нашим понятиям справедливости мы все делаем правильно.

С первого дня знакомства майор Полтинник, тучный, похожий на хищного стареющего ворона, мне не понравился. Он всегда был чем-то недоволен. Постоянно брюзжал: то не так, это не так. И был ужасным паникером. Однажды мне довелось с ним съездить в Пули-Хумри. Стояла жара. Я решил ехать сверху на броне, но он настоял спрятаться внутрь боевой машины. Пришлось уважить – старший по званию и возрасту. Вскоре я пожалел об этом. Он обложил себя гранатами и всю дорогу дрожал, как осиновый лист, боясь нападения. Я думал только об одном: чтобы он нас не подорвал. И вот этот «мужественный воин», точнее, коммерс, экспроприировал у солдата, который, понятно, не ангел, трофей и толкнул его офицеру. Как поступить – пожаловаться на него? Неэффективно и нецелесообразно. Вряд ли солдату вернуть часы, а Гончаренко его кровные чеки.

Подходим к палатке, до нее с десятков шагов. Тусклый свет в окнах. Из печной трубы вьется сизый дымок.

– А может, не стоит? – говорит Гончаренко. – Опасно. Да и не все, наверное, поймут нас. – Он не знает о моем уговоре с офицерами, обещавшими поддержать розыгрыш.

– Поздно, брат. Ты же знаешь: когда боевые порядки выдвинулись на рубеж перехода в атаку, нельзя менять решение – в войсках может начаться паника и переполох. – Мне нравится идти до конца, когда я уверен, что прав. Это хороший способ испытать себя.

Вот и палатка. Подхожу к окну. Заглядываю внутрь. Майор Полтинник сидит на кровати. На нем десантная тельняшка, он в галифе и светлых шерстяных носках, подтяжки плотно врезаются в его тучное тело. На коленях книга. Но он не читает, а, как все, смотрит на капитана Мороза, стоящего посреди палатки. Я прислушиваюсь. Мороз рассказывает одну из своих баек: «Когда я провел рукой по ее гладкой молочной груди, соски, как два грецких ореха, напряглись, и она вся потянулась ко мне».

Слышится смех.

В дивизии капитан Мороз недавно, но быстро стал знаменитостью. Местной звездой. О нем я узнал от капитана Виктора Миронова: «К нам приехал новенький капитан по культуре. Виртуоз. Настоящий артист. Он меняет образы, как маски. Страсть, сладострастие. Возмущение, пафос и снова страсть. И все это в одном лице. Хазанов повесился бы от зависти. Приходи. Не пожалеешь».

Я пришел. В палатке, как сейчас, народу битком. Капитан Мороз увлеченно рассказывал: «У нее черная обтягивающая юбка и черные колготки. Я пялюсь на ее красивую попку, на грудь третьего размера».

– Он окончил твое училище, львовское, – шепнул мне на ухо Виктор. – О ком он?

– О своей преподавательнице кафедры культуры военного училища.

– А!

Капитан продолжает, сменив выражение лица с блудливого на строгое:

«Сними. Это мешает. Она говорит: «Не спеши», – и подает мне бокал холодного шампанского. Я пригубил и почувствовал, как приятная прохлада обжигает горло», – закатывает глаза куда-то вверх, вбок, изображая, насколько ему приятно, но со стороны это выглядит некрасиво и странно.

Продолжает: «Я медленно снимаю с нее одежду. – Показывает, как он снимает с нее юбку и остальные детали туалета. – Она не сопротивляется. Губы ее слегка разомкнуты. Просит меня закрыть глаза. Я закрываю. Когда открываю – она на кровати. В черном кружевном белье, в чулочках».

Я смотрю на капитана. У него крючковатый нос, он нервно вскидывает голову, и мне кажется, что я его откуда-то знаю. Ну да, конечно, это он тогда в клубе в компании с другими пытался со мной разобраться.

Я не стал дослушивать до конца большую сексуальную фантазию этого талантливый придурка. Спросил:

– Как звали женщину?

Он ответил:

– Ольга Чернова.

– Чернова, говоришь? Это, можно сказать, светлая мечта моего друга Сергея Матюшкина.

Встал, подошел к нему, взял в кулак портупекю и, подтянув к себе, на ухо попросил забыть ее имя.

Больше я на его концерты не ходил, но знал от других, что фамилии Черновой среди его подружек, с кем он имел в воображении «терки», больше не было.

И вот сейчас он снова веселит народ. Раздается очередной взрыв смеха. Жду, когда все успокоится и наступит тишина. «Вот оно, Стас, наше время. Пора!» Я нарочито грубо срываю вставную оконную раму со стеклом, она падает и больно бьет по ноге. Бросаю внутрь трофейную с большой ручкой американскую гранату, которая падает возле кровати майора Полтинника. Какое-то время стоит гробовая тишина. И вдруг кто-то кричит: «Духи!» Первыми несутся к выходу Вадим Багдасаров, Николай Антонюк, Виктор Мионов. Майор Полтинник вскакивает как ужаленный, но бежит почему-то не как все, к выходу, а в противоположную сторону, к запасному, где были складированы дрова для печки-буржуйки. Разворотив поленья, он чуть было не снес печь. Переверни ее – палатка сгорела бы в считанные секунды. Наконец он покинул палатку и побежал в сторону взлетной полосы, где стояли вертолеты отдельной эскадрильи. Часовой, услышав крик и шум, насторожился; увидев бегущего

в его сторону человека, потребовал остановиться, пригрозив, что будет стрелять. Теперь мне было не до смеха. Обожгла мысль, что может случиться, не остановись он. Бегу следом за ним и кричу, чтобы успокоить часового, чтобы он, чего доброго, не начал стрелять. Возле взлетной полосы Полтинник останавливается. Он уже догадался, что его разыграли. Возвращается. Я иду навстречу. Его лицо при свете луны кажется бледным и неживым. Дрожащим от быстрого бега и волнения голосом спрашивает: «Зачем так шутить? Кто это сделал?»

Пришлось рассказать ему историю с часами. Жаловаться он не стал. Деньги вернул. А вот часы возвращать было некому: Пугачев погиб в этот же день в Кундузе во время патрулирования.

Утром из Кабула прилетел самолет с иностранными журналистами. Специально для них подготовили выставку с образцами вооружения, отбитого у моджахедов. На площадке перед зданием аэропорта были выставлены минометы, ДШК, автоматы, снайперские винтовки и боеприпасы к ним. Подполковник Тишкин, заместитель комдива по вооружению, рассказывает журналистам, в какой провинции оно было изъято, отвечает на их вопросы. Вижу Ларионова. Он стоит с двумя иностранцами и о чем-то с ними беседует. Подхожу. На груди у иностранцев бейджики. Один француз, второй итальянец. У французца, на зависть мне, на синей ленте висит последняя модель «Никона» с большим объективом. По отдельным словам: «Бжезинский... Амин... Картер... ЦРУ и КГБ», – догадываюсь, о чем идет речь.

И вдруг француз упоминает знакомое мне название: Чахи-Балучи. На днях там произошла трагедия. В районе ключа Чахи-Балучи душманы, переодевшись в советскую и афганскую форму, расстреляли 56 мирных жителей, затем, переодевшись в одежду дехкан, надели на головы тюрбаны, перевезли их трупы в кишлак и организовали траурное шествие. По данным ХАДА – службы госбезопасности, это преступление совершила банда Шамсы. Француз говорит на английском, мой плохой английский не позволяет узнать подробности. Но кое-что я разобрал. Он говорил, что есть снимки якобы наших зверств. Наконец журналисты ушли, и мы остаемся одни. Ларионов задумчив.

– Родиной торгуете, товарищ полковник? – спрашиваю в шутку.

– Скорее наоборот. Кое-что для себя уточнил. Они знают о письме Бжезинского Картеру, в котором тот бахвалится, что теперь они «устроили СССР его собственную вьетнамскую войну». Оружие, которое вы видите, изготовлено в СССР, но куплено оно ЦРУ и через Исламабад распределено среди афганских моджахедов. Начали со старых английских винтовок, а сейчас пошло новое. Но главное даже не в этом.

Противники кабульского режима поняли: за их спиной великая держава США. На днях Картер подписал распоряжение об оказании более действенной помощи моджахедам.

– Так что, США втягивают нас в серьезную войну?

– Если судить по фактам, как развивались события, то да.

– Хитро. Если КГБ попался на эту наживку, то, значит, в КГБ, основном поставщике информации Кремлю, серьезные проблемы либо с качеством информации, либо с аналитикой, либо и с тем и с другим.

– Думаю, все гораздо сложнее. Здесь целый комплекс вопросов, которые никто никогда не распушает.

– И все же кем был Амин? Агентом? Сегодня можете об этом сказать?

– По сведениям, которыми я располагаю, американцы могли его подставить. Он мог стать разменной пешкой в их большой игре. Для нас Амин был опасен тем, что его чрезмерная жестокость представляла угрозу для судьбы афганской революции. К тому же, об этом тоже не стоит забывать, он учился в США и мог попасть на крючок ЦРУ.

– Но зачем агент ЦРУ буквально молил нас о вводе войск?

– Или хотел защитить себя от внутренней угрозы, или по заданию США – чтобы втянуть нас в афганское болото, междоусобицу. Правду вряд ли мы узнаем в ближайшее время.

Ларионов собрался уходить и вдруг неожиданно предложил:

– Хотите прогуляться? У меня встреча с одним колоритным афганцем.

Я соглашаюсь, и мы идем вдоль взлетной полосы. Минует модуль, в котором живут офицеры вертолетной эскадрильи, спускаемся в балку, поросшую густым кустарником. Я все время думаю об иностранных журналистах: их сейчас встретят, накормят, и они улетят, пообещав писать правду. Но что это такое – правда об Афганистане? Она такая разная. И сколько ни проводи брифинги, пресс-конференции, выставки оружия, переубедить никого нельзя. Цели у нас разные.

– Вы им верите?

– Конечно нет. В Афганистане столкнулись две системы. А в деле мирового господства все методы хороши. Но работать с журналистами надо. Общение с ними бывает полезным. Вот как сейчас. Француз оказался не только хорошо информирован, но и словоохотлив. Кое-чем поделился. О трагедии у ключа Чахи-Балучи он тоже в курсе. Сейчас мы и проверим достоверность его слов, что же там произошло, кто режиссировал и сотворил эту трагедию.

Кустарник скоро закончился. Метрах в пятидесяти от нас блокпост разведбата. Увидев Ларионова, быстрым шагом, на ходу застегиваясь, к нам спешит долговязый лейтенант. Предупредив офицера, что

подъедет машина с афганцами и одного он должен пропустить к нам, Ларионов попросил принести воды и направился к живописному, поросшему густой зеленью холму, на вершине которого рос большой кедр с раскидистой кроной.

– Этому дереву больше тысячи лет, – говорит он.

– Не верите? Мне местные говорили.

Дерево гигантское, стройное, с темно-серой растрескавшейся чешуйчатой корой. Ствол не меньше двух метров в диаметре. Из-за фисташковых деревьев, растущих поблизости, нас не видно, но мы видим и дорогу, и тропинку, ведущую к нам. За дорогой лощина, заросшая густым кустарником, и где-то там, за зарослями, невидимый кишлак. Оттуда доносятся бляние домашнего скота и протяжные, жалобные звуки рожка.

– Садитесь, – предложил Ларионов. – В ногах правды нет. Время у нас есть, так что можно расслабиться. А деревья способны избавлять от накопившейся отрицательной энергии. Кстати, об этом известно с древнейших времен. Египтяне были уверены, что кедр, это могучее и красивое вечнозеленое дерево, был создан для них по воле бога плодородия Осириса. Зная об устойчивости кедра к гниению, они строили из его древесины суда, а кедровое масло использовали для бальзамирования покойников.

Он наклонился и, взяв лежавшую вблизи длинную палку, стал внимательно ее рассматривать. Видно, здесь он встречается со своими агентами, подумал я, садясь на зеленый деревянный ящик из-под снарягов. Он устроился напротив меня и, достав шведский складной нож, стал делать на палке надрезы.

– Деревья все понимают. В детстве я был свидетелем: когда груша «дуля», сорт такой, перестала плодоносить, дед взял топор и пригрозил ей, что, если в следующем году плодов не будет, он срубит ее. И плоды появились – сочные, душистые, – сказал я и спросил: – А кого мы ждем?

– Абдулбака. Он брат главаря местной банды и его советник. Учился в Союзе, сносно говорит по-русски. Часто бывает в Пакистане. Человек он известный, хорошо информированный.

– Скоро придет?

Ларионов смотрит на часы:

– С учетом афганского разгильдяйства полчаса у нас есть, дышите воздухом, – говорит он, глубоко вдыхая осеннее разнотравье и срезая ножом верхний конец палки. – Я люблю сюда приходить, когда чувствую упадок сил, со мной такое бывает. Сажусь на траву, смотрю на небо. Особенно помогает наблюдать восход солнца. Стараюсь не пропускать.

Послышался шум приближающегося автомобиля. Подъехал небольшой грузовичок, остановился. В нем сидели вооруженные бородачи, среди которых человек с завязанными глазами. Из кабины вышел

толстяк и поднял руку в приветствии. Он был без оружия. Подошел, и они с Ларионовым обнялись, а потом он протянул мне руку, сказал: «Абдулбак». Я тоже представился. Он сел на свободный ящик и попросил меня ничего не писать о нашей встрече. Пока они говорили, как бы ни о чем, я рассматривал этого колоритного афганца. Первое, на что обращаешь внимание, так это на его усы. Черные, длинные и густые. Я слышал, что красивые усы благополучные, уверенные в себе люди специально выращивают и холят. Большие, длинные усы на востоке – это признак достоинства и богатства, особенно если к усам плюсюются оружие, золото и четыре жены. Здесь говорят: самый красивый мужчина на свои усы может посадить орла.

– Кто устроил побоище у Чахи-Балучи? – интересуется Ларионов.

– Это сделали люди из банды Шамсы, они заманили местных жителей к ключу, пообещав от имени шурави продовольствие. Когда те пришли, они их всех убили. Убийство снимали на пленку. Когда снимали, кто-то говорил по-русски, комментировал. Там были и журналисты. Как сказал брат, француз и итальянец. Они снимали на камеру и фотографировали, работали за деньги, профессионально. Руководил всем этим американский советник. Потом они были в городе, пытались взорвать водокачку, распространяли по городу листовки. Вон один из бандитов, – Абдулбак кивнул в сторону грузовичка. – Я привез его. Он говорит, что банда еще не ушла в Пакистан. Прячутся в кишлаке Чандара. Можете этого оставить себе. Мне он не нужен.

Абдулбак умолк.

– Где русскому обучился? – спросил я его.

– В Харькове. И жену оттуда привез.

– Четвертая?

– Нет, первая, – печально усмехнулся он, – очень строгая и ревнивая.

«Значит, не орел и усы зря выращивает», – подумал я. Афганец встал и поднял руку. Привели афганца с повязкой на глазах. Ларионов позвал лейтенанта:

– Охранять как зеницу ока. Он важный свидетель. И уже Абдулбаку:

– Передай брату, пусть не волнуется. Выполню его просьбу.

Абдулбак попрощался и ушел. Лейтенант, я обратил внимание, завязал духу руки узлом, который в дивизии был в ходу, назывался узлом Ларионова, и увел. А мы снова сели, и я спросил:

– Что будем делать с теми, кто спрятался в кишлаке? Сумеет их достать?

Ларионов поднялся и, улыбаясь, протянул мне крепкую симпатичную трость с набалдашником в виде головы льва, которую он только что на моих глазах вырезал.

– Берите, если понадобится, тучи будете разгонять, – сказал он и переспросил: – Что будем делать? У меня правило: если сомневаешься, выбирай худший вариант и начинай действовать. Не можешь выбрать – брось жребий и подчинись судьбе. Будем брать не в кишлаке, а по дороге в Пакистан...

На следующий день я узнал, что караван был перехвачен. Идеологическая диверсия не удалась. В объемных хурджинах нашли пакет с отснятыми киноплёнками. На одной из них бородатые мужчины в тюрбанах. В руках пулеметы, гранатометы. Улыбаясь, позируют фоторепортеру. «Что с ними случилось?» – задал вопрос Ларионову. «В Пакистан отправили, – и уточнил: – В очень далекий Пакистан».

* * *

Завтра начало армейской операции под кодовым названием «Удар». В ней примут участие около пятнадцати тысяч военнослужащих, сотни самолетов и вертолетов. Я тоже в ней участвую.

Спать ложусь рано, но уснуть долго не могу – напился крепкого чая. Всю ночь тревожные сны.

Шесть часов утра. В офицерской столовой полно военных, вижу свободное место возле Юры Рысина.

– Для тебя держал, – шутит он, приглашая сесть. – До конца с нами?

– Как получится.

– Хорошо тебе. Сам решаешь. А мы до упора и по полной программе. До пятого декабря.

После завтрака бегу в первую роту 149-го полка. Едва поспеваю. Запрыгиваю на БМП с номером 014. Экипаж мне знаком. С ними я ходил в Баглан. Поступает команда всем занять места в десантном отсеке. Рассаживаемся вдоль корпуса. Связь с внешним миром только через бойницы для автоматов. Сидим плечо к плечу. Комфортно себя чувствовать мешает амуниция, вооружение. Мой сосед справа пулеметчик Громов. Это его последний поход. Он уже дембель. Слева снайпер Ерошкин. Командир взвода лейтенант Веретенников на командирском месте.

Остальных я не знаю. За полгода многие сменились.

Колонна идет дергано. Мы почему-то часто останавливаемся. Из-за рывков я то и дело натякаюсь на ствол пулемета. Наконец Громов, извинившись, убирает пулемет в ноги. Всю дорогу на полу тархтят железные ящики для запасных частей и инструментов. Под ногами цинки с патронами, кувалда, топор, пила и в отдельной коробке ракетница. «Не успели навести порядок, – оправдывается сержант Кулепов. – Во время остановки все закрепим».

Снова остановка. Сквозь бойницу вижу на обочине чумазных детишек, пасущихся коз. Вскоре интерес

узнать, где едем, пропал. Уткнувшись подбородком в грудь, все, как по команде, задремали. Громов смачно всхрапывал и только при резких толчках машины испуганно открывал глаза. Давно обратил внимание на особенность: солдат использует малейшую возможность, чтобы вздремнуть. Я тоже закрываю глаза. Останавливаемся. Команда осмотреть отдельно стоящий дом. Снова едем. Вдруг резко тормозим. Мы все летим вперед и сталкиваемся, жмемся друг в друга. Слышится команда «К машине».

После трехчасового сидения внутри бээмпэ приятно оказаться на свежем воздухе, пройтись, размять ноги. Мы находимся на каком-то плато, справа глубокий обрыв, внизу долина, по которой течет узкая речушка. Вдоль берега рядом строения большого кишлака.

– Почему стоим? – спрашиваю у лейтенанта Веретенникова.

– Впереди два тела. Комбат докладывает в штаб. Ждет команды.

Иду вдоль колонны к первой машине. На земле два трупа. Мужчины чисто одеты, в светлых рубашках, поверх которых расписные, с узорами безрукавки.

• *Редкие минуты отдыха. Прапорщик Григорий Сапега и боец.*

– Кто их?

– Следов боя не видно. Оружия при них нет. На духов не похожи, – говорит долговязый солдат. – Может, с вертолета, – он подковыривает землю носком сапога. – Вон сколько свинца.

И правда, земля буквально напичкана свинцом. Кто эти двое? Как они погибли? Об этом уже никто не узнает. Лучше на эту тему не рассуждать. На этой,

впрочем, как и на любой другой войне, если задавать себе такие вопросы, можно сойти с ума. Я гоню нахлынувшие тоскливые мысли. Отворачиваюсь. Над долиной в высоте парит птица. Она словно высматривает кого-то.

– Черный ястреб-тетеревятник, – уверенно говорит Веретенников. – Видите светло-серый хвост? И скорее всего, самочка.

– С чего взял?

– Они крупнее, чем самцы. И лучше охотятся. Что-то высматривает, может, зайца или куропатку. Здесь их должно быть много.

Наш разговор прервала команда «По машинам».

Мы уехали, так и не узнав, что высматривала птица.

Через несколько часов бесцельной езды получаем задачу понаблюдать за кишлаком, мимо которого якобы должны проходить духи. Прождав до ночи, никого так и не выследили. Выставив наблюдателей, легли спать внутри боевых машин – сидя и согнувшись. Утром подъехал топливозаправщик, залил в баки солярку, и ротная колонна двинулась по маршруту, который все время уточнялся и корректировался батальонным командиром. К концу дня узнали, что одна бээмпэшка из соседней роты подорвалась на mine. Есть «двухсотый», и несколько человек получили ранения разной степени тяжести.

Идут шестые сутки, как мы гоняемся за духами. Кроме сожженной солярки, хвалиться больше нечем. Вдруг команда: «Зачистить ближайший кишлак». Занимаем господствующую высоту и по узенькой улочке входим в кишлак. Людей нет. Кишлак кажется пустым и безлюдным.

– Только что ушли, – говорит лейтенант Веретенников. – Торопились. Скот остался. Где-то неподалеку прячутся.

И вдруг выстрелы.

– Кто стрелял? Что там?! – кричит лейтенант.

Подбегает сержант Кулепов:

– Бабенко, услышав шум, подумал, что дух. Сработал на упреждение.

А оказалось, что домашняя кошка.

– Кошку, надеюсь, не подстрелил?

– А что с ней будет? Бабенко, как всегда, промазал, – язвит сержант.

Едем дальше. И снова команда: проверить кишлак. В нем вроде бы есть духи. Сценарий тот же: обходим деревню, блокируем все отходы и подходы. Пулеметчики и снайперы занимают удобные позиции.

Остальные идут в кишлак. На этот раз кишлак больше, чем предыдущий. В нем есть люди. Они уверяют, что чужаков здесь нет. Обошли все дома. Не врут. Остался один дом на отшибе. Большой. И видно, в нем живут небедные люди. Есть мебель, много ковров, красивая посуда. Дом пустой, идем на выход. Вдруг Веретенников возвращается и бросает внутрь гранату. «Зачем?» – спрашиваю его. Он пожимает плечами. Дым и пыль садятся, и мы видим в проеме стены кованный железом сундук, а на полу толстые пачки денег. Они в банковской упаковке. На пачках по-русски надписи казначейства царской России.

– Ух ты! Клад! – удивляется Веретенников.

Он берет пачку денег. Я тоже поднимаю увесистую пачку. В ней сторублевые купюры 1778 года, деньги эпохи Екатерины II.

Солдаты приносят вещмешок и кладут в него деньги. В один мешок они не помещаются. Несут еще мешок. Спрашиваю:

– Зачем они нам?

– А им зачем? – говорит Веретенников. – Это же наши, российские деньги.

Во дворе слышится стрельба. Выбегаем наружу. Сержант Кулепов, он уже на БМП, кричит: «За тем домом, – он показывает рукой в сторону ближайшего от нас дома, – спрячутся духи!» Прыгаем на броню. БМП разворачивается, и мы едем в сторону, откуда доносятся выстрелы. Вдруг из-за дувала выбегает невысокий плотный мужчина в распахнутой тужурке с песочного цвета «афганкой» на голове. Он вскидывает автомат и стреляет. Веретенников ныряет в люк, я распластываюсь на броне. БМП рвет с места, и я едва успеваю схватиться за скобу, чтобы не слететь на землю. Проехав с десятков метров, машина останавливается, поднимаю голову. На дороге кто-то лежит. Веретенников спрыгивает на землю. Я за ним. Идем к неподвижно лежащему на земле человеку. Смотреть на него без содрогания нельзя. Нижняя часть тела вдавлена в землю. Грудь вздута. Песочная «афганка» лежит в стороне. Он еще жив. Смотрит на нас. Указательный палец правой руки конвульсивно сжимается и разжимается. Рядом автомат со сломанным прикладом и согнутым стволом. «Салам», – тихо шепчет, кривя улыбку.

– Решил дорогу срезать и заблудился, – говорит Веретенников и стреляет в голову.

– Зачем? – невольно вырывается у меня.

– А как ему еще помочь? Четырнадцать тонн не хухры-мухры.

Я отхожу и боковым зрением вижу: лейтенант присел, став на одно колено, и закрыл ему глаза.

Подбежал сержант Кулепов:

– Четверо прятались в хлеву. Этот последний.

Едем дальше на запад. Километров через десять приказ становиться на ночлег. Спешиваемся. Мест-

ность открытая. Поблизости какие-то странные курганы со срезанными вершинами. Вскоре показался всадник. Он направлялся в нашу сторону. Когда прискакал, не слезая с лошади, стал повторять одно и то же – чум, чум. Глаза его полны ужаса. Солдат-таджик расспросил его. Оказалось, когда-то здесь был кишлак. Жители кишлака заболели чумой. Людей уничтожили, а трупы зарыли в землю, сверху насыпали курган со срезанной шапкой, чтобы предупредить всех об опасности.

Мы срочно передислоцируемся в другое место, подальше от чумы. Ужинаем и ложимся спать.

Прошла еще одна ночь. Какой сегодня день и число, я не знаю. Однообразные дни, однообразные эмоции и чувства, однообразная природа, одни и те же лица. И нельзя сказать, что все это вызывает умиротворение. Утром поступила команда двигаться в сторону населенного пункта Кала. Завтракаем на скорую руку. Свиная тушенка, черный хлеб и горячий чай со сгущенкой. К обеду мы прибыли в указанное место. Останавливаемся на лугу возле реки. Здесь уже стоит дивизион самоходных артиллерийских орудий «Гвоздика». Артиллеристы времени зря не теряют. Они затеяли стирку, приводят себя в порядок – моются, бреются. Доносится шум вертолетов. И вскоре неподалеку садятся два Ми-8. К ним тут же на носилках несут раненых, среди которых есть и «двухсотые». Узнаю, что где-то здесь разместился ЦБУ (центр боевого управления). Иду на поиски. Встречаю капитана Сергея Чернушина. Он чаевничает со штабными офицерами, примостившись на ящиках из-под снарядов. Он полон впечатлений. Охотно ими делится:

– Боевые действия планировались на основании сведений, полученных от агентурной и войсковой разведок. В операции участвует около 16 тысяч человек, 600 танков и бэтээров, а еще минометы, артиллерия. Это, пожалуй, первая масштабная армейская операция. У каждого подразделения своя конкретная задача. Что в целом происходит, ты не можешь знать и видеть. Вот завтра пойдем на Калу. Там все будет серьезно.

На следующий день утром началась зачистка Калы. Это крупный населенный пункт. Перед тем как войти в город, его обработали с воздуха и артиллерией, не жалея снарядов и бомб. Когда вошли в город, перед глазами предстали руины. Очевидно, по-другому завоевывать города с минимальными потерями для себя военные не умеют. И вряд ли когда-нибудь научатся. Если, конечно, не брать в расчет нейтронное оружие.

Вскоре, воспользовавшись оказией, я вернулся в Кундуз. За те дни, что находился в рейде, настолько пропитался соляжкой, что, казалось, запах ее будет со мной всегда. Ее ничем не смыть, не соскрести, она проникла даже в мою душу.

Сегодня ночью погиб полковник Ларионов. Эта новость меня шокировала. Недавно мы с ним встречались у его любимого старого вечнозеленого кедра. И тут – бац! И все... Нет больше. Я в печали. Меня терзают мысли о его гибели. Вспоминаю наш последний разговор, его слова произвели на меня впечатление. «Люди воюют с тех пор, как мы знаем, – говорил он, – хотя спроси любого из воюющих, скажет, что это не хорошо, плохо. Чтобы заглушить в себе совесть, они придумывают оправдание своей враждебности. У нас лучший строй, у нас демократия, справедливость. Мы словно живем в дремучем средневековом лесу.

Знаете, я иногда думаю, что у человечества нет будущего. Это такая тупиковая ветвь развития. Чей-то неудавшийся эксперимент. Мы не развиваемся, а деградируем.

Прошло почти два тысячелетия со дня рождения Христа, а разве мы стали лучше? Разве у нас меньше стало пороков? Да, есть технический прогресс. Он налицо. Но мы те же. Бог наделил человечество интеллектуальной и моральной свободой, которые человек использовал для нарушения запрета творца, за что был изгнан из Эдема. Разве не так возник род человеческий? За страсть людей к насилию творец разрушил мир и начал все заново с Ноя и его семьи. Но результат ненамного лучше: новое человечество начинает свой путь со злоупотребления алкоголем, сексуальных извращений, войн. Да и лучшего из людей, того, кто стремился показать нам, каким должен быть человек, распяли».

На прощание он почему-то извинился за свой пессимизм и сказал, что сегодня у него не лучший день. Почему? Я не стал тогда спрашивать, а жаль.

Иду в штаб дивизии, чтобы узнать, как погиб Ларионов. Полковник Горелов, начальник штаба, прибывший недавно вместо полковника Стасюка и однокашник Ларионова по военному училищу, рассказал:

– Получили информацию, что в кишлаке Кучи остановились на ночлег бандиты. Событие, прямо скажем, рядовое. Я дал команду выслать группу из разведбата. Разведчики выехали, окружили дом, в котором находились бандиты. Хотели взять их тепленькими. А в этот день, надо же было такому случиться, в дивизию прилетел генерал Плечевой из штаба армии, заместитель командующего. Он узнал, что группу выслали, и прямо на аэродроме стал кричать на Ларионова: мол, там бой идет, а ты в штабе отсиживаешься. Короче, дошло до оскорблений. Комдив и я пытались возразить: не дело начальнику разведки дивизии взводом командовать. Но Плечевой еще больше разошелся. И Валера поехал.

В кишлак он приехал, когда зачистка подходила к концу. Его встретили разведчики. Когда они шли по улочке, раздался одиночный выстрел. Ранение он по-

лучил сбоку. Пуля пробила артерию. До госпиталя, к сожалению, не довезли. Умер в вертолете. Когда узнал об этом Степанов, он сильно разругался с генералом Плечевым. При мне комдив выгнал его из штаба. Уезжая, Плечевой угрожал ему.

Вообще, у этого генерала на совести не одна загубленная жизнь. Когда я только прибыл в дивизию, он на моих глазах, можно сказать, угробил офицера. В оперативном управлении служил майор Виноградов. А до этого, как мне рассказывали, он служил комбатом в 395-м полку. Был в летах, и комдив решил, что он староват для комбата, перевел его в штаб. Во время операции в районе перевала Саланг на командном пункте генерал Плечевой сделал майору замечание, что тот карту вел не карандашом, а фломастером. Майор ответил, что он может сразу начисто вести карту. Ответ взбесил генерала, и он отправил офицера, как он выразился, на передовую, в рейд. Через полчаса Виноградов погиб. На меня он тоже взъелся: я имел неосторожность ему возразить.

Горелов умолк, задумался. Я пытаюсь вспомнить генерала Плечевого, какой он?

– А сегодня утром, – продолжил Горелов, – снова прилетел генерал Плечевой. Позвонил мне, попросил прислать машину. Я доложил Степанову. Тот запретил посылать за ним машину. Генерал пришел пешком. Я видел: комдив пошел к нему навстречу. Они о чем-то переговорили, и Плечевой, не доходя до штаба, развернулся и ушел в сторону аэродрома. А Степанов вернулся и долго ругался. Обычно сдержанный, на этот раз он матерился как сапожник. Я догадался: он послал его. Может, зря погорячился. Теперь он звания генерала долго еще не получит...

Мокрая земля под ногами. Сапоги вязнут и хлюпают в грязи. Я иду в медсанбат. И думаю о разговоре с начальником штаба. Мне поступок комдива понравился. Я увидел его с другой стороны. У него не утрачено чувство справедливости и представление о добре и зле. И он не стремился любой ценой получить генеральские лампасы. Достойное качество.

В большой палатке, которую почему-то все зовут «голубым Дунаем», обосновался местный морг. Вместе с капитаном Чуркиным, заместителем командира медико-санитарного батальона, входим внутрь. В палатке нет света, под ногами шуршит солома, иду за ним осторожно, чтобы не споткнуться. Глаза понемногу привыкают к темноте, и теперь можно видеть контуры человеческих тел. Они лежат на деревянных настилах. Запах сырости, крови, бензина и мочи.

– Вот он, – говорит капитан и приподнимает брезентовую накидку.

На Ларионове куртка без погон и знаков различия. Спокойное выражение лица, застывшая маска.

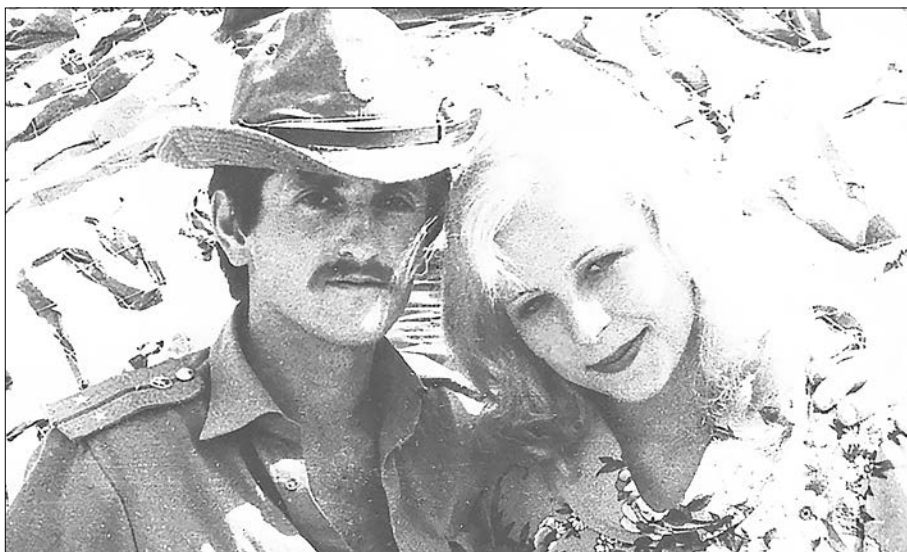
Чуркин вздыхает:

– Погиб он в ночь со среды на четверг. В день моего дежурства. Спасти его, к сожалению, уже было нельзя. Он еще в вертолете истек кровью. Мне рассказывали, что пока летели, он все время просил у кого-то прощения. Смертью заплатил все долги.

– Василий Иванович, скажи, известно из чего его застрелили?

– Из автомата Калашникова, калибр 5,45 со смещенным центром. Пуля попала в сонную артерию.

– Как 5,45? – невольно вырвалось у меня. – У духов нет автоматов такого калибра. А если бы даже были, то почему одиночный выстрел? Он же шел не один, а в окружении офицеров. Какой-то избирательный выстрел. Василий Иванович, можешь дать мне пулю?

● **Лейтенант Александр Краузе встретил любовь – Татьяну.**

– Не положено, хотя вряд ли она кому-нибудь понадобится. Пуля не гильза.

Я закрыл глаза и мысленно попрощался с человеком, у которого было врожденное чувство вселенской справедливости, которого я полностью так и не понял: «Эх, Валерий Ефимович! Как ты мог умереть от простой пули?» Спустя годы это горькое чувство потери снова и снова будет овладевать мною. Буду спешить куда-то, встречаться с людьми, писать или читать, а перед глазами он – Валерий Ларионов. И всегда буду чувствовать в том что-то таинственное и роковое.

Мы вышли из палатки. Капитан Чуркин предложил зайти в амбулаторное помещение, чтобы дать мне пулю. Тут пахло лекарствами, ацетоном, аммиаком, хлоркой, коньяком и спиртом. Он подошел к столу и взял литровую банку.

– Странно. А где же она?

Вошла женщина в белом халате:

– Это вы, Василий Иванович?

– Пулю не видела? Вот здесь была, – хмурится он, показывая на пустую банку.

– Нет, я не брала, боже упаси. И посторонних тут не было. Если надо, могу поискать.

– Ладно, Надежда, завтра поищите.

Она постояла немного и вышла.

– Выпить есть? – спрашиваю.

– А как же, этого добра у нас хватает, – и он ставит на стол трехлитровую банку, на четверть наполненную прозрачной жидкостью.

Плеснув в стакан, предупредил:

– Спирт медицинский. Чистый. Разбавлять будешь? Нет? А я, пожалуй, разбавлю.

Он пьет спирт и почти не морщится. Я тоже пью. Спирт, перехватив дыхание, обжигает горло и разли-

вается теплом по желудку. Во рту становится сухо, как будто жидкой пластмассы выпил. И тут же чувствую, что напряжение стало быстро уходить. Капитан плеснул еще немного.

– Эх жаль, что нет гильзы. Можно было бы сделать экспертизу.

– Отстрелять оружие дивизии? Бесполезно, – усмехается Чуркин. – Никому это не надо. Поверь мне. У связистов был случай. По неосторожности застрелили своего. И думаешь, кто-то разбирался? Решили, что пострадает в первую очередь тот, кого подстрелили. Лишится льгот и почестей. Одно дело, когда на боевых

погиб, и другое – когда несчастный случай. Вот и сообрази, что лучше...

Я собрался уходить и напомнил о пуле.

– Завтра найду – передам, – пообещал Чуркин.

Пулю он не нашел, что усилило мои подозрения. Своими мыслями поделился с Юрой Рысиным. Он тоже удивился:

– Странная история.

– Не знаю, но есть ощущение. Подозрительно, что из нашего автомата. Снайперский выстрел, избирательный. Ты помнишь того снайпера в столовой, что подходил к нам после операции в Баглане? Он тоже был там, в кишлаке.

– Забудь. Зачем он тебе?

На следующий день я пошел к начальнику политотдела. Поделился своими мыслями. Лозовский слушал молча. Потом встал. Походил туда-сюда. Тяжело сел на стул. Заговорил глухим, уставшим голосом человека, приговоренного к виселице.

– Ты что, белены объелся? Ларионов написал жалобу в ЦК КПСС, где указал, что я и командир дивизии крохоборы, так и написал: крохоборы, что плохо воюем, что дубленки и прочую ерунду прем в Союз. Так что, по-твоему, это я его застрелил?..

– Виктор Алексеевич, я этого не говорил. Я только предположил, что выстрел странный. Одиночный. Избирательный. И из нашего автомата.

– Иди. Здесь много чего странного. Я сам далеко не на все вопросы знаю ответ.

Я шел и думал, что теперь рядом со мной нет человека, с которым так интересно было общаться, задавать вопросы и вместе находить на многие из них ответы. Ларионов обостренно воспринимал несовершенство нашей жизни, стремился поправить, как он любил говорить, «непорядок». Он жил и действовал в соответствии с ценностями и правилами, установленными им самим. «У каждого из нас есть внутренний компас, он безошибочно указывает путь», – часто говорил он.

На этот раз его компас не сработал, дал сбой. Эх, Валерий Ефимович, как мне тебя будет не хватать...

В те дни я утешал себя тем, что он не умер, и что он только на время ушел из моей жизни, и что мы снова встретимся с ним у его любимого кедра. Вскоре в дивизию прибыл новый начальник разведки подполковник Заяц. Не знаю почему, но мне он сразу не понравился. Может, из-за того, что был противоположностью Ларионову. Лед и пламень. Их сравнивать нельзя – такие они разные. Один гроссмейстер, умеющий анализировать, предвидеть ход дальнейшей битвы. А другой знал только е2-е4.

* * *

Декабрь на исходе. Офицеров собрали в штабе дивизии, и комдив с начальником политотдела подвели итоги за 1980 год. За год дивизия потеряла безвозвратно 300 человек. Ранено около 700 человек. По мнению комдива, наша боевая активность к улучшению ситуации в провинции не привела, хотя результаты есть: уничтожены сотни боевиков, захвачено много оружия, боеприпасов. Но на активность боевиков это не повлияло. В провинции как было около тысячи человек под ружьем, столько их и осталось. На смену одним пришли другие. И эскалация, как говорил Ларионов, только нарастает как снежный ком. Границу закрыть нам не удалось, да и вряд ли удастся – тысячи неконтролируемых троп. По ним по-прежнему идут караваны с грузом.

А каким будет следующий год? Что он нам принесет?

За праздничный новогодний стол отвечал прапорщик Сапега. Он постарался изо всех сил. Видел,

как он несколько раз куда-то исчезал. Притащил откуда-то большой казан, кусок баранины. Темный рис десантура подкинула. И к вечеру плов был готов. Потом пришли братья Никели – Володя и Николай. Один в одежде деда Мороза, другой вырядился Снегурочкой. Капитан Браташ появился со своим баяном, а старший лейтенант Изюмов с гитарой, Сапега достал саксофон. И у нас получился свой вокально-музыкальный Сопот. Праздник выдался шумный, с фейерверками. Пальба стояла всю ночь. Казалось, что идет соревнование, кто больше расстреляет патронов. С одной стороны старались десантники из 56-й десантно-штурмовой бригады, с другой – разведывательный батальон и 149-й полк. Трассеры пересекались высоко в небе. Канонада не умолкала до рассвета.

Под утро легли спать. Когда я проснулся, было удивительно тихо и как-то безмятежно-спокойно...

Январь пролетел незаметно. Ничего примечательного не случилось. Правда, мне предложили поступать в военную академию. Не ожидал, не задумывался, не планировал. Но судьба подбрасывает свои решения. Отправился проходить медкомиссию. Сегодня поднялся поздно, потому что вчера днем не удалось отпечатать тираж газеты. Что только ни делали: и порошок заменили, и пластины, а текста нет на них. Решили дождаться ночи. Ночью, как будто и не было трудностей, отпечаток появился качественный. Когда пришел в столовую, там никого уже не было, только в дальнем углу два каких-то офицера пили чай. Один мне показался знакомым. Смотрю и глазам своим не верю – неужели Валера Радчиков? Но быть не может! У Валеры нет ног. А у этого есть ноги, правда, рядом изящная палочка, похожая на трость какого-нибудь английского лорда. Он тоже смотрит на меня, поднимается и медленно идет, слегка покачиваясь. Обнимаемся.

– Служить прибыл, – говорит он. – Предлагают в отделе кадров, а какой из меня кадровик? Мне бы в роту.

– Слышал, что у тебя ног нет.

– А это что? – он хлопает себя по ногам. – Ноги искусственные, но ходить можно.

Сажусь к нему за стол и расспрашиваю, как все было, а то столько разных небылиц довелось услышать, что на «крокодила» наступил...

– Если помнишь, нам тогда поставили задачу подняться в горы и занять господствующую высоту. Ослиные уши называлась. Однако координаты нам указали неверные. В результате мы оказались не на вершине, а на голом взгорке, насквозь простреливаемом духами. Ни вверх, ни вниз дернуться не могли. Оставалось только лежать, прятаясь от пуль и мин.

– Почему не вернулись?

– Приказа не было. Словом, пару дней мы пролежали под огнем. Стала заканчиваться вода. Где ее взять в лысых горах? Оставшиеся внизу помочь нам ничем не могли, так как все подходы отрезали душманы. Выбирать не приходилось – только наверх... Нужно было найти тропу, по которой ночами духи получали боеприпасы и продовольствие, попытаться подняться по ней на высоту. Так как саперов со мной не было, а с минноподрывным делом мне пришлось познакомиться в училище, я решил не подставлять пацанов и самостоятельно пошел на минное поле. Знаешь, я нашел тропу. Мне бы вернуться обратно за ротой, но непонятно по какой причине я взялся разминировать установленную в трех метрах от тропы противопехотную мину. Сколько потом, уже в госпитале, я ни анализировал, так и не уяснил, какой черт меня дернул перед этой миной присесть. И в результате попал в ловушку. Не заметил итальянскую пластиковую мину ТС-50, которая была замаскирована по соседству. Наступил ногой и сначала услышал сухой щелчок. Мне даже показалось, что это в голове что-то щелкнуло.

– Наверное, почувствовал страшную боль?

– Когда пыль рассеялась, первое, что увидел, это была нога. Моя нога. Я ее узнал по модным тогда красным махровым носкам. Узнать ногу я узнал, а сообразить не могу, что она делает в метре от тела.

– Шутишь?

– Нисколько. Взял ее, потрогал. На место поставил. Только потом сообразил осмотреть себя. А там фонтан крови и обрубки костей. Но боли почему-то нет. Мне потом в госпитале объяснили, что шок после взрыва парализовал все ощущения. Первая мысль, которая пришла в голову после того, как я осознал, что случилось, – жизнь кончилась. Зачем жить, думал я, если на мотоцикл сесть никогда не смогу. У меня же была мечта скопить деньги и купить себе «Яву». Я только успел купить мотоцикл, как уехал в Афган. Даже толком не покатался. А теперь, думаю, и вовсе не придется. И такая обида накатилась. Достал пистолет, дослал патрон и вдруг увидел перед собой лицо дочери. Так что от самоубийства меня Наташка уберегла. Подумал: застрелиться я всегда успею, а так, глядишь, с дочкой повидаюсь – понимал, что с таким ранением меня на лечение в Союз отправят.

– Но до Союза ой как далеко. Как ты с минного поля выбрался?

– А так и выбрался: полежал немного и пополз. Рывками. Подтянусь на руках и падаю, опереться-то не на что. Кое-как на тропу выбрался. Хотя по-прежнему ничего не чувствовал, стал крутиться волчком на месте, причитать, как мне больно, словом, вошел в образ. Выл скорее от безысходности: если идти – идти, а не ползти! – к роте по тропе, то нуж-

но часа полтора. Напрямую нельзя – минное поле. И вдруг вижу своего санинструктора Сашу Кононова. Кстати, где он сейчас? Жив?

– Месяц назад был жив.

– Хороший парень. Надежный. Не поверишь, но тогда над Шашиной головой нимб святого увидел. Может, от потери крови пригрезилось. Я по жизни безбожником был, но тогда впервые поверил, что есть кто-то на небесах. А когда он меня через минное поле потащил, я подумал, что мой санинструктор заговоренный. С ним ничего не случится. Так вот, он меня тащит, а я матерюсь. Спасибо Саше, что не стал слушать меня. На мой мат своим ответил и дальше на мины пошел.

Вскоре к нам подоспел еще один солдат. Фамилии не помню. Он из другого взвода. Они жгутами перетянули раны, сделали укол и стали думать, какой дорогой возвращаться. Поняли, что по тропе они живым меня не донесут, и решили снова идти через минное поле.

Положили на одеяло и потащили. Тот, кто только что подоспел, вдруг спотыкается, и я вижу, как мы все трое падаем на мину. Я успеваю заорать: «В сторону!» Чудом приземляемся рядом с миной. Мне бы радоваться, что второй раз за день от смерти увернулся, а я принимаюсь материть ребят за то, что они больно ударили меня при падении.

Словом, минное поле мы миновали благополучно. Меня спустили в ущелье. Вертолетом в расположение части. А потом самолетом в Кабул. В госпиталь. Как меня везли, не помню. Очнулся от боли – девочка-медсестра неудачно вставила катетер, и кровь брызнула из раны. Огляделся я по сторонам. Лежу на полу. Подо мной грязный, вонючий, пропитанный мочой и кровью матрас. Вокруг израненные солдатики и офицеры. Огромный спортзал, битком набитый гниющим человеческим мясом. Так встречал исполнителей международного долга хлебный город Ташкент.

Потом меня перетаскивали в Москву, в Бурденко, где я стал заново учиться ходить. В общей сложности провалялся по госпиталю почти год.

– А как во второй раз в Афганистан попал?

– Я написал рапорт министру обороны с просьбой оставить меня в армии. Без нее я не мыслил жизни. И вдруг такое. Я хотел служить, хотя понимал, что теперь максимум возможного – это какая-то бумажная должность в военкомате. Но я и на это был согласен, лишь бы носить форму, чувствовать свою причастность к армии.

Из министерства пришел обнадеживающий ответ, поэтому, едва научившись ходить на протезах, я поехал в Рязань, попробовал найти место в строевом отделе родного училища. Меня заверили, что все будет нормально. Да и в ГУКе, Главном управлении ка-

дров Министерства обороны, подтвердили, что есть для меня должность...

А потом выяснилось, что на мое место посадили бластного, без всяких на то оснований назвав его ветераном Афганистана. Обидно было до слез. Вышел из здания ГУКа на Хорошевке, а куда идти? Стресс жуткий! Из-за психоза у меня кровотечение открылось, на костылях еле ноги переставлял. Сдаваться? Нет, это не по-моему. Кое-как на такси добрался до госпиталя. По дороге купил две бутылки коньяка и пару шоколадок. Зашел к девчонкам в строевой отдел: «Поздравьте. Вопрос мой решился положительно. Еду в Ташкент сдавать дела, а потом вернусь в Рязань. Выпишите мне предписание, чтобы я мог добраться до старого места службы». Девчонки ничего не заподозрили и дали мне документ. Его нужно было заверить у начальника госпиталя. Там я такой же спектакль разыграл. Бутылку на стол поставил, предложил выпить за новый этап моей карьеры. Между делом попросил начальника госпиталя поставить печать на предписании. Тот не задумываясь шлепнул кругляшом.

Я в тот же день сел на самолет – и в Ташкент. Расчет у меня строился на одном: надеялся, что мой загранпаспорт, открывающий дорогу в Кабул, до сих пор лежит на ташкентской таможне.

С того момента, как меня раненого туда привезли.

Сунул я в окошко предписание, докладываю, что после излечения возвращаюсь в свою часть. Через узкую рамочку не видно, с ногами я или без, на костылях либо сам стою. Прапорщик бумаги мои проверил и спрашивает: «А паспорт?» Говорю: «Вы же его у себя оставили!» Порылся и вытащил из пачки мой бесценный документ. Штамп в паспорт – и лети.

– Что будешь делать?

– Какой из меня кадровик. Я же спецназовец. Буду в роту проситься.

* * *

Утро. Солнце припекает, несмотря на начало апреля. Из окружной газеты прилетел корреспондент Володя Крипченко. Пьем зеленый чай в тени под сосной, и я рассказываю ему о том, что снова ушел Ахмад Шах Масуд. Наши спецслужбы за ним гоняются не один месяц. Уже три операции провели по его разгрому. Одно время пошел слух, что он погиб. Даже могилу фотографировали для верности. Но потом его гибель оказалась уткой, он, словно птица Феникс, возродился из пепла. Вдруг подходит офицер с фанерным чемоданом и скаткой шинели на плече. Вылитый Ходжа Насреддин. Невысокого роста, с большими залысинами. Подумал: новенький офицер по специальной пропаганде заблудился. Туда брали со знанием языка и восточной внешности. Представляется:

– Старший лейтенант Рамазанов Искандер. Можно просто Александр. Приехал на должность ответственного секретаря газеты.

– Сколько лет тебе, просто Александр? – спрашиваю – уж больно он староват для старшего лейтенанта. – Рассказывай, кто и откуда?

– Родом из Дагестана. Окончил сельхозинститут, по специальности зоолог. Служил в Белой Церкви в редакции корреспондентом.

То, что в редакции служил, хорошо, обрадовался я. А вот то, что двухгодичник, на плацу не потел, да еще зоолог, показалось мне подозрительным. И непонятным. Да и с виду какой-то щуплый и хиловатый. Он словно читает мои мысли. Внимательно шарит глазами по территории. Видит турник. Вскидывает брови. Удивляется.

– Чему удивляешься? Со спортом дружишь? Покажи, на что ты способен.

Он ставит чемодан, сверху накидывает шинель, сбрасывает тужурку и лезет на турник. К моему удивлению, запрыгнул легко, как козлик, и крутанул какой-то кульбит. Порох есть еще.

А вечером мы его приняли в коллектив. Как положено. Разговорились. Человек грамотный, восточный. Здесь он легко приспособится, подумал я.

В дивизию пришли списки офицеров, которые в этом году поступают в военные академии. Есть там и моя фамилия. Вскоре я лечу в Москву. Еду в поселок Кубинка. Там располагается приемная комиссия Военно-политической академии имени В.И. Ленина. На второй день в учебном лагере ко мне подходит высокий полковник в авиационной форме. Называет себя: Утыльев Анатолий Григорьевич, начальник редакторского отделения. Две минуты общения – и ты в поле его обаяния. Он предлагает поступать к нему на редакторское отделение, хотя я хочу на командный факультет. Как все в этой жизни бывает непросто. Когда-то хотел стать военным корреспондентом – не взяли. Теперь не хочу – убеждают, что надо. «Предлагаю возглавить группу, – говорит он. – Мне нужен офицер, который побывал на войне. Чтобы держать журнал в узде». Он был интеллигентным человеком и почему-то ошибочно считал, что тот, кто прошел войну, должен быть строгим и требовательным. На второй день мы снова встретились. И я понял, что отказать этому человеку не смогу.

И вознеслась святая
Под колокольный звон!
Невинная, благая,
Омылась ты дождём.

Не нужно слов тут лишних —
Я крепко убеждён:
В заступничестве свыше
Величие твоё.

Проста и так красива,
Как утренняя трель.
Великая Россия —
Моей души купель.

* * *

Серебро холодное обжигает
золотом,
Выкрасились инеем купола церквей,
Леденящий воздух греет звоном
колокол,
Он несёт благую весть
по снегам полей.

Ивы припорошило, гладь воды
замёрзла,
Небо затянуло морозной пеленой,
И стоит есенинская белая берёза,
Нарядившись инеем,
словно бахромой.

А в лесу замёрзшем тихо и
волшебном,
В ожидании чуда смолкли снегири.
Всю природу хрупкую крепко
и уверенно
Взяла зима-волшебница
в объятия свои.

* * *

Заигралась над рекою
Златокудрая заря,
И притихли под горою
Молодые тополя.

Не шумит над лесом ветер,
Не играет с листвою,
Он оставил свои песни —
Тишь явилась и покой.

Жемчугом покрыты степи,
Берега обнял туман,
Где-то в поле слышен стрекот,
А в лесу кричит сова.

Ивы косы распустили,
Обронили в воду их
И стоят, собой красивые,
В украшеньях золотых.

За зелёною оградой
У окраины леска
Клён своей листвою кудрявой
Стан берёзки обласкал.

* * *

Душа есть книга
в тысячу страниц,
Одну — в захлёб, одну — наполовину,
Другая ж — без цензуры и границ,
Её писатель — гений сего мира.
А тут отроешь —
небольшой рассказ,
Растянут, словоблудием пропитан,
Излишних, неуместных сотни фраз,
Обложка золотом украшена,
расшита.

Есть книги, что пылятся и гниют,
На верхних полках брошенные всеми.
Такую покупают, прочитают,
не поймут —
Написана была не в это время.

Другая ж так понятна и проста,
Читал бы и читал без остановки,
А как дойдёшь до крайнего листа,
Внутри бушует пламя, воеют волки...

Душа есть книга
в тысячу страниц,
Одну — в захлёб, одну — наполовину.
Душ мало без цензуры и границ,
Её носитель — гений сего мира!

* * *

Мне прекрасное имя твоё
Прозвучало бархатным звуком.
Как молитву от горя, его
Соловей щебетал ранним утром.

Я хочу говорить лишь с тобой
В час, когда зажигаются свечи.
Пусть под полную этой луной
Нежный голос тоску мою лечит.

Когда слёзы льют небеса
И свирепствует зимняя стужа,
Мне родимые эти глаза
Согревают замёрзшую душу.

Под звенящие песни ручьев
В тёплый летний
задумчивый вечер
Мне прекрасное имя твоё
Нашептал пролетающий ветер.

КАПЛИ

Летели с неба в бездну,
Летели с неба капли.
Им ветры пели песни,
По-злomu хохотали.

Урюмые пещеры
Их пустотой манили,
А капли всё летели
С надеждами своими.

Бесчувственные скалы
Пугали их тоскою,
Каких-то вдруг не стало —
Не спелась с высотойю.

Им звёзды не светили,
Их тучи провожали
И тяжестью давили,
А на земле не ждали.

Они же вниз стремились,
Ведь с небом жили в соре.
Упали. Растворились
И стали капли — морем!

Александр Куприн

Александр Иванович Куприн родился 26 августа 1870 года в городе Наровчатке Пензенской губернии в дворянской семье.

После окончания московской сиротской школы в 1880 году он поступил во Вторую московскую военную гимназию

В 1887 году Куприн был зачислен в Александровское военное училище.

В 1894 году Куприн неожиданно для родных вышел в отставку и уехал в Киев.

В последующие годы объездил всю Россию и сменил множество профессий.

В 1905 году Куприн издал повесть «Поединок», сразу принесшую ему славу.

В июле 1915 года демобилизован по состоянию здоровья.

В декабре 1918 года встречался с Лениным и предлагал издавать газету для крестьян «Земля», но не нашел понимания.

В декабре 1919 года вступил в белую армию в чине поручика и редактировал газету «Приневский край».

Умер 25 августа 1938 года в Ленинграде и был похоронен на Волковском кладбище рядом с Иваном Сергеевичем Тургеневым.

В 1890 году он был выпущен из училища в звании подпоручика и получил назначение в 46-й Днепровский пехотный полк, расквартированный в Подольской губернии.

В 1901 году переехал в Петербург и стал работать секретарем в «Журнале для всех».

В октябре 1914 года был мобилизован и получил назначение командиром роты в Финляндию.

В июле 1918 года был арестован большевиками из-за его неприятия революции, но выпущен через три дня.

После поражения белых эмигрировал в Финляндию, в 1920 году переехал в Париж, где прожил 17 лет.

В 1937 году по предложению советского правительства вернулся на Родину.

Мать Куприна происходила из рода татарских князей Кулунчаковых.

Его отец умер от холеры, когда Куприну исполнился год.

В детстве он пел в церковном хоре.

Куприн за годы гражданской жизни работал рыбаком, цирковым артистом, журналистом, борцом, землемером, секретарем и даже санитаром в морге.

В ноябре 1905 года во время восстания на Черноморском флоте он укрывал матросов от охраны в своем доме в Балаклаве.

Куприн обладал невероятным обонянием. Он на спор мог определить любое вещество. Друзья звали его «первым носом России».

В сентябре 1909 года вместе с авиатором Сергеем Курочкиным он совершил полет в окрестностях Одессы на воздушном шаре, а в ноябре чуть не погиб при полете на аэроплане «Фарман» вместе с Курочкиным и знаменитым борцом Иваном Заикиным.

Он был женат дважды. Второй супругой Куприна стала гувернантка его семьи Елизавета Морицовна Гейнрих.

У Куприна было три дочери, но прямых потомков не осталось.

Единственная встреча Куприна со Львом Толстым состоялась летом 1904 года в Ялте, на борту парохода, в день, когда Лев Николаевич уезжал из Крыма к себе домой.

В эмиграции в Париже семья жила в нищете – на деньги, которые получала супруга, работавшая в типографии.

В рабочем кабинете Куприна в его петербургской квартире был стог сена, в котором он спал.

Первый фильм по произведениям Куприна был снят в 1910 году. Всего по его произведениям было снято около 30 фильмов.

Николай II, узнав о призыве в 1914 году на войну прапорщика Собинова и поручика Куприна, приказал на фронт их не отправлять.

В основе повести «Гранатовый браслет», написанной в 1910 году, лежит история, которую Куприн услышал в детстве.

Именем Куприна названы семь населенных пунктов и почти сорок улиц в России.

В 2014 году был снят многосерийный фильм «Куприн», где роль писателя исполнил Михаил Пореченков.

Владимир Тыцких

Владимир Михайлович ТЫЦКИХ родился 29 июня 1949 года в Лениногорске (ныне Риддер) на Рудном Алтае. Окончил Усть-Каменогорское медицинское училище по специальности «фельдшер» в 1967 году. Военную службу начал матросом на Тихоокеанском флоте. В 1969 году поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище, после окончания которого служил на Балтийском и Тихоокеанском флотах. В 1990 году в звании капитана 2 ранга уволился в запас и был избран ответственным секретарем Приморской писательской организации Союза писателей России.

Владимир Тыцких – автор трёх десятков книг поэзии, прозы, публицистики, литературной критики. Лауреат полутора десятков литературных премий. Заслуженный работник культуры России. Действительный член Русского географического общества. Живёт во Владивостоке.

РЕЖИМ МОЛЧАНЬЯ

* * *

Ах вечная жизнь, ты не знаешь
покою,
Которым уставшей душе дорога.
Спасибо за то, что махнула рукою,
Позволив причалить к твоим
берегам.
Мой трепетный сон — после вахты
моряцкой
По колкой траве пробежать
босиком,
Но ты не смотри, что сегодня я
в штатском —
Я был и останусь твоим моряком.
Со мной твоё море, и небо, и поле —
До края, до звёзд, до последней
черты;
Вина и расплата, неволя и воля,
На русских погостах родные кресты.
И жаль и не жаль, что гадать
мне недолго,
Клубит за курганом туман или дым

И что там, за дальним забытым
просёлком,
И здесь, за недалёким
причалом моим?
Ах вечная жизнь, разговор наш
короткий:
Тебе продолжаться, а мне суждено
Однажды уйти, как подводная
лодка
В режиме молчанья уходит на дно.
И жаль и не жаль мне, что я
не расслышу,
Но знаю, что будет в дали голубой,
Как колокол вечный, то громче,
то тише
Гудеть у заветного пирса прибой.
И жаль и не жаль, что всему
свои сроки,
Для всех по морям, по полям
и лесам
Свои маяки, родники и дороги,
Но звёзды одни и одни небеса.

* * *

Бог с вами, поэма и драма,
Из лавра и тёрна венцу.
Спасибо великое, мама,
Большое спасибо, отец, —
За небо, за степи и горы,
За реки, леса и поля,
За то, что над русским простором
Звезда воссияла моя.
Осталось ни мало, ни много —
Спуститься с родного крыльца
И, выбрав прямую дорогу,
По ней прошагать до конца.
Осталось ни много ни мало —
Презрев и тюрьму, и суму,
Уйти от родного причала
И снова вернуться к нему.
А там, у начала дороги,
Где сердце стучит горячо,
Осталось, наверно, немного,
Но что-то осталось ещё.

Под светлыми сводами храма
Свеча и святой образец —
Небесное царствие, мама,
Все вечная память, отец.

ХАРБИНСКИЙ МОТИВ

Ненаписанная драма.
Позабывший сон.
Будто вновь плывёт над храмом
Колокольный звон.
Вновь блестит под солнцем жарким
Золочённый крест.
Вновь играет в старом парке
Духовой оркестр.

Жаль, у пристани бессильно
Замер пароход.
Жаль, что поезд из России
Больше не придёт.
Жаль изгнанников безвинных,
Виноватых жаль.
Бродит в улицах Харбина
Русская печаль.

День был сух, а вечер влажен.
Гаснут фонари.
И уносят память нашу
Воды Сунгари.
Но опять кому-то снится:
Бьют колокола
В память памяти харбинцев,
А она — жива!

ШЕВАРДИНСКИЙ РЕДУТ

Былина нового времени

Мы-то думали: всё! —
наши мирные будни
мы навек защитили в последнем бою.
Только вот он опять, гром
тяжёлых орудий,
вновь смертельную песнь
автоматы поют.

Мы-то думали: всё! — к нам
беда не вернётся
и войска боевых не узнают потерь.
Но в дыму почернело
афганское солнце:
рядовой, ты станешь
сержантом теперь.

Мы-то думали: всё! — жатву
смерти собрали —
под Берлином война
отступилась от нас...
Борони тебя Боже,
сын-новобранец,
сквозь ослепший прицел
вдруг увидеть Кавказ!

Мы-то думали: всё! —
без военных пожаров
на парадах отслужит
гвардейский десант.
Но куда занесло тебя,
прапорщик старый?
Но куда ты попал,
молодой лейтенант?

Мы-то думали: всё! —
наши братья-славяне
нас во веки веков не оставят в беде...
Смыта русская кровь на камнях
в Инкермане —
растворилась, как соль,
в черноморской воде.

Снова трубы трубят
над избой и хатой.
Нас опять убивают.
Только всех не убьют.
Есть Россия у нас.
Есть в России солдаты.
Есть у каждого свой
Шевардинский редут.

Зря ли тысячу лет
собиралась держава?!
Пусть дотянется Китеж
до неба крестом,
и найдёт свой Царьград
гордый внук Святослава
и глухие врата увенчает щитом!

* * *

То ли жил я в нём,
то ль приснился мне
В два окошка дом на яру крутом.
То ль свеча горит,
то ль звезда в окне,
То ль встает заря за окном.

Мать моя идёт — что картиночка,
Мой отец идёт — хоть куда
мужик! —
По просёлочку, по тропиночке,
Чистым полюшком напрямик.

Может, станет здесь город
каменный —
Я когда-нибудь полюблю его...
Только мать с отцом опечалены,
Да не знаю я — отчего.

Почему трава молчаливая,
А вода в реке день и ночь поёт,
И о чём грустят клёны с ивами,
И зачем кричит вороньё?

А меня пока жизнь не трогала
Ни чужой бедой, ни моей виной.
И глядит зенит светлым облаком,
И плывёт оно надо мной.

Скоро сам пойду — как же иначе! —
Под молчанье трав да вороний крик
По просёлочку, по тропиночке,
Чистым полюшком — напрямик.

* * *

Было много — остается малость.
Я ль моей зазнобушке не мил?
За нее ли мама не боялась?
Надо мной ли ворон не кружил?

И о чем опять напоминают
Облака на золоте зари?
Широка страна моя родная,
Что там про нее ни говори.

Кружево березовых пейзажей,
А в округе — песни хороши.
Тонкой ветке каждый листик важен,
Каждый голос дорог для души.

Ты ль меня не любишь хоть немного?
Я ли не люблю тебя, мой свет?!
Непроезжей кажется дорога,
А другой и не было, и нет.

На дворе погода-непогода,
Так не так — кончаем ночевать.
Не избыть, что неизбежно сроду —
Русского пути не миновать.

* * *

Великая, не знающая края,
взлетающая, падать не боясь,
единственная, вдребезги родная
красавица, низвергнутая в грязь,
простуженная, хриплая, босяя,
не верящая больше ни во что,
способная и жить, и умереть, играя,
та, без которой мы никто, —
в последний раз,

коль суждено судьбою,
не плача, не страшась и не скорбя,
дышать, мечтать,
молиться перед боем
Тобою
о Тебе
и за Тебя!

* * *

Казалось, осталось недолго —
Вот-вот мы сдадимся в полон.
За нами горящая Волга,
Последний окоп и патрон.

Нас в чёрную землю зарыли,
Был горек Отечества дым,
Но мы всё равно победили.
И снова, даст Бог, — победим.

МОЛЬБА

Это что за напасть,
чьа немилость?
Будто время с резьбы сорвалось:
Раскачалась Земля, раскрутилась,
Накренив ненадёжную ось.

Понесли непутёвые кони —
Поезда, самолёты, такси...
Старый друг, не зови и не помни.
Брат родимый! Услышь и спаси!

Все приветы мои без ответа,
Безнадежны надежды мои.
Милая, возмутись и посетуй.
Строгая! Пожалей и пойми...

В расписаниях нет моих рейсов,
Лодок нет у моих переправ.
Сын родной, осуди и посмейся.
Кровь моя! Искупи и исправь.

То ль звезда путеводная меркнет,
То ль погиблые выбрал пути...
Отчина, прокляни и отвергни.
Родина! Вразуми и прости!

Всё не впрок — и поступки, и мысли.
Боже правый, взъяди и направь!
Мать-земля! Отрекись и очистишь!
Русь моя... Не отринь... не оставь...

ТОСТ ОФИЦЕРОВ ПОДПЛАВА

Не стали мы в отсеках субмарин
Любимцами известности и славы,
Богами нами пройденных глубин —
Мы просто офицеры из подплава.

Мы в океан ныряли, как в окоп,
Но грозовые тучи не мешали
Заглядывать ночами в перископ
Созвездиям обоих полушарий.

Мы жили от тревог и до тревог,
Зато была спокойною Держава.
Увы, мы не всеильны, видит Бог —
Мы просто офицеры из подплава.

Наш тост за тех, кто нынче
среди нас,
Кто нам вослед идёт
упрямым курсом,
И тех, кто в море уходил сто раз
И только раз из моря не вернулся.

Мы и живём, и служим одна.
И первый, и последний
наш молебен —
Во имя тех, в ком Родина жива
И на земле, и в море, и на небе.

ВКЛЮЧИВ ТЕЛЕВИЗОР

Из забытого сна,
из-под замети лет, из-под спуда
Возвратиться к началу,
где первый шагок совершён.
К обманувшей весне.
К безутешной разлуке, откуда
Ты, всю жизнь от себя уходя,
далеко не ушёл...

Дорогие мои! Дорогой мой!
Моя дорогая!
Что мы завтра узнаем,
чего мы не знали вчера?
Те же звёзды ночами всё там же
всё так же мерцают,
То же старое солнце слепит
в том же небе с утра.

Разве кто-нибудь где-то не знает,
что кровь не водица?
Разве русская кровь как водица
не льётся сейчас?
То ли белая вновь, то ли красная
конница мчится,
И лежит за «максимом»
в тачаночке кто-то из нас.

Дорогая моя... Дорогой мой...
Мои дорогие...
Может, в лаве, летящей
под нашим умелым огнём,
Скачет Русь, сжав до боли
в ладонях поводья тугие...
Если Русь упадёт из седла,
то и мы упадём.

День за днём здесь и там,
век за веком не с нами и с нами
Всё, что было и не было нашим, —
не станет чужим...
Севастопольский рейд,
Петропавловский порт с кораблями
На флажтоках и мачтах
с Андреевским флагом седым...

Дорогие мои, дорогая моя, дорогой мой!
Наши горькие беды и вины,
дела и слова
Будет честное время хранить,
как патроны в обойме,
Отпустив нам грехи,
если будет Отчизна жива...

* * *

Простая задача у встречного ветра,
У бьющей о корпус свинцовой волны —
Чтоб мы, уходя в океан
предрассветный,
Хоть раз хоть на миг пожалели
об этом,
Подумав, что силы уже сочтены.

И правда, уходят и силы, и годы —
Никак не вернуть, никогда
не догнать.
Но после недальних и дальних походов
Нам будет о чём на земле
вспоминать.

Мы доли иной для себя не искали —
Не станем её ни ругать, ни жалеть.
Простая задача — без долгой печали
Опять к долгожданному пирсу
причалить
И нежностью Родины
сердце согреть.
И если успеется —

в баньке помыться,
Водицы испить из лесного ключа.
А это недолго совсем — убедитьсяся,
Что дружба крепка и любовь горяча.

От радости чайки родные
заплачут —
Ну кто их за это посмеет судить?
А нам не заплакать —
простая задача.
Но выпел на гафеле бьётся,
и значит —
Нам снова пора в океан уходить.
А чайки не плачут, а чайки
смеются —
Сквозь слёзы их смех нам вдогонку
летит.
Простая задача —
уйти и вернуться.
Уйти и вернуться. И снова уйти.

* * *

Отставник, я от службы свободен
И для жизни, скажу напрямик,
Стал теперь ограниченно годен,
Хоть в душе до сих пор — призывник.

Если, слышнѳый до самых окраин
От вошедшего в порт корабля,
Горн матросам зарю заиграет —
Он играет её для меня.

Если с палубы в воду и сходу —
Точно громом по берегу бьёт! —
Атакует морская пехота,
Я молюсь за победу её.

А поднимутся ввысь самолёты,
Я за далью морей и земель
От души пожелаю пилотам
Своевременно выйти на цель.

И поют мне бессонные волны,
И вздыхает протяжно прибой
И о тех, кто меня ещё помнит,
И о тех, кто простился со мной.

Словно палуба, небо качалось
Под раскаты штормов и тревог.
Что осталось со мной, что осталось
От недальних и дальних дорог?

Только дедовский домик с овином,
И просёлок, и пыль да трава,
Только музыка маршей старинных,
Только маршевых песен слова.

А в краю, где плакучая ива
Что-то шепчет вдогонку ему,
Лейтенант молодой и красивый
По просёлку спешит моему.

* * *

Под шатром голубым
На ковре зелёном
Во кольчуге стальной
При востром ли копье
Помирать ли живым,
Жить ли полонённым,
Только раз выбирать
И тебе, и мне.
Только раз всякий раз
Сорок раз и больше
Каждый миг, каждый час
Тыщу лет и дольше
Одному, у дна, у края
Пропадая, знать не зная,
Что тебе замены нет
Ни на полдень, ни на полночь,
Ни на весь на белый свет.

* * *

Какой буря свалился в марте,
Какой снежище — обалдеть!
Мой город разве что на карте
Возможно было разглядеть.

И ничего не оставалось,
Как только, сидя у окна,
Испытывать сплошную жалость,
Что терпит бедствие весна.

И сквозь стекло двойное слушать
Плач вьюги, неутешной столь,
Что слёзы наполняли душу
И сердце стискивала боль.

И сколько непогоде длится,
Не зная, но убеждать себя
Не злиться всё же, а дивиться
На возвращенье февраля.

И чувствовать светло и сильно
В глубинах сердца своего
С любой погодой в России
Тысячелетнее родство.

* * *

Нас нынче мало. Ну и что?
Как говорится, мы в тельняшках.
Пусть нам в морских глубинах
тяжко,
Но там не видит нас никто.

И для сомнений нет причин:
Подводники — народ особый.
Мужчина океанской пробы —
Один на тысячу мужчин.

Пусть кто-то скажет: похвальба!
А нам и спорить неохота.
Подплав — не служба, не работа,
Но жизнь, и песня, и судьба.

Подводники... Не соль земли —
Скорее, соль седьмого пота.
Но соль морей на всех широтах
Лишь мы попробовать могли.

У нас всё честно — жизнь и смерть.
Равны пред гибелью и славой,
Мы души отдали подплав —
Нам больше не о чем жалеть.

Юрий Пахомов

повесть

КОММУНАЛЬНЫЙ КОВЧЕГ

Коллаж Ольги МАЗУРИНОЙ

Юрий Николаевич ПАХОМОВ – постоянный автор нашего журнала. Член Союза писателей России, лауреат Международной (имени Валентина Пикуля) и всероссийских литературных премий. Отдельные произведения переведены на языки дальнего и ближнего зарубежья. Некоторые из них экранизированы. Автор публикуется в России и в русскоязычных журналах в Америке и Германии.

Родился Юрий Николаевич в 1936 году, окончил Военно-медицинскую академию, служил на Черноморском и Северном флотах. Несколько лет был главным эпидемиологом ВМФ СССР.

1

С мутно-серого неба, точно перхоть, осыпался легкий снежок. От жаровен с шашлыками тянуло подгоревшим мясом. Напротив ресторана «Прага» в окружении толпы стоял тощий лохматый человек и, размахивая руками, читал стихи – нечто мазохистское, постыдное, с вывертом. В таком же оголтелом бесстыдстве корчился, содрогался некогда тихий, степенный Арбат. Казалось, отцы города умышленно превратили его в канализационную трубу, по которой стравливаются перебродившие общественные страсти.

«Какое уж тут достоинство? – подумал Залесин. – Мы потеряли элементарный стыд».

...Он сегодня встал поздно, кое-как всухомытку позавтракал, оделся и отправился в булочную. В булочной напротив Усачевского рынка белого хлеба уже не было или еще не привезли – в последние дни с хлебом перебои. Мэр Москвы, пряча от телезрителей глаза, невнятно бормотал об ажиотажном спросе, о карточках и о том, что муки в городе достаточно и никому, даже бедным, голод не грозит. О бедных теперь говорили открыто. У булочной на улице Десятилетия Октября клубилась, завиваясь в кольцо, очередь, и Залесин решил съездить в центр.

Справа и слева на стенах домов, подоконниках, мольбертах, складных столах, ящиках лежало, висело и стояло то, что на жаргоне нынешних хозяев Арбата называется стафф – товар, предназначенный в основном для иностранцев: легионы деревянных матрешек – не тех ярких, веселых и лукавых, что издавле делали на Руси, а туповатых болванов с лицом Сталина, Брежнева, Горбачева, Ельцина; рас-

писанные под Палех ларцы, коробочки и табакерки; искусственные цветы, керамика, ювелирные изделия, а рядом красная и черная икра.

Немало было и картин, рассчитанных на самые непритязательные вкусы. Тут же, на мостовой, таборами стояли художники-портретисты, готовые за червонец изобразить любого на листе ватмана. Большой популярностью пользовались мастера шаржа. Обывателю хотелось, чтобы над ним смеялись. И весь Арбат, казалось, вот-вот разразится визгливым истерическим хохотом. И странно выглядели в нездоровой толпе светлые детские лица.

Лишь иностранцы держали себя вольно и раскованно, точно у себя дома.

Нечто подобное, только в еще более отвратительном виде, Залесин на прошлой неделе наблюдал на рынке в Измайлово, превратившемся в заурядную толкучку. Выворачивались сундуки, старые чемоданы, кладовки, погреба. Все, что недавно тлело, ржавело, выбрасывалось на свалку: тряпье в подозрительных пятнах, покрытые зеленью кофейники, ссохшаяся, раскоряченная обувь, ношеное белье, дешевые сувениры, – все теперь стало товаром. И у людей, продающих этот хлам, были бледные, как бы обращенные внутрь себя лица, на которых застыли и стыд, и безразличие, и какая-то странная надежда.

А рядом сновали, буравили толпу наглые красноножие молодцы в одинаковой униформе: куртки, джинсы-«варенки», грязные кроссовки. А за ними волоклись, приплясывая под рев магнитофонов, так же обряженные полупьяные девки, и все это напоминало невеселый шабаш.

Особенно много было воинской атрибутики: эмблемы, погоны, фуражки, шапки, портупее, ремни

всех видов Вооруженных Сил. Это охотно покупали опять-таки иностранцы в качестве забавных сувениров. Казалось, поверженный, доведенный до отчаяния народ уже сдался и распродает амуницию своей армии, согласный на все, даже на рабство, быть бы только сытым и ни о чем не думать.

И все же среди пестрой затейливой мешанины коммерческих поделок нет-нет да и блеснет талантливо сработанная вещица. Владимир Петрович Залесин подумал, что до конца народ нельзя уничтожить. Его можно унижить, надломить, совратить, наконец, и все же там, в глубине России, сохранится зернышко, которое даст свежий росток. Так неожиданно иногда распускаются цветы на городских свалках.

2

Сергей прижался спиной к переборке. Громада большого десантного корабля была погружена во мрак. Только снизу, из глубины твиндека, проникал слабый свет. Ни звука. Но он знал: тот, в кепочке и кожаной турецкой куртке, что пасет его каждый день, здесь, и наверняка не один. Одному ему с Сергеем не справиться – слабак. Только бы до твиндека добраться, а там поглядим. Ребристый трап вздрагивает, гудит под ногами. В руке у Сергея стальной прут. А если его ждут внизу? Он замирает на последней ступеньке и с удивлением озирается: вроде как и не твиндек это, а трюм какого-то пиратского корабля: ящики, бочки, на полу рассыпаны монеты. Ну кино! Слева, в углу, громоздится американский танк с белой звездой на башне – такой он видел в Камрани. Сзади хрустнуло, Сергей спиной почувствовал опасность, в прыжке хлестанул прутом наугад, попал по чему-то и ошалело попятился: из тьмы просунулась морда не то быка, не то буйвола, еще какие-то животные метнулись в глубину твиндека. Холодея от ужаса, Сергей не вскочил, а как бы взлетел на танк, с трудом отвалил крышку люка – там его уже никто не достанет. Посветил фонариком. Что за мать? Комната! Диван-кровать, торшер, ящики в углу. Да ведь это же его комната. Дверь на хитрой английской цепочке – за валюту брал. Послышались тяжелые шаги в коридоре. Это они, достали все-таки, суки...

3

Иван Иванович Штоль завершал прогулку вокруг озера у Новодевичьего монастыря. День стоял тусклый, с прозеленью, цвета патины на старинной бронзе. Голые деревья, под ними бурый ковер из облетевших листьев, припорошенных снегом, жалкие, общипанные газоны. Утки с тяжелым всплеском садились на свинцовую поверхность озера. Изредка

солнцу все же удавалось пробиться сквозь завесу туч, и тогда купола Смоленского собора и надвратных церквей загорались теплым малиновым светом.

Тростью Иван Иванович стал пользоваться недавно, когда участились приступы дурноты: перед глазами вдруг все начинало плыть и выпадали боковые поля зрения. «Сосудистые явления», – сказал врач в поликлинике.

В свои восемьдесят восемь Иван Иванович был еще строен. Прохожие оглядывались на него – величественный старик. Высокий, худой, с аккуратной седой бородкой, в черном, наглухо застегнутом пальто, в старой, но еще вполне приличной касторовой шляпе, в руках тяжелая трость. Он походил на гостя из минувшего века.

Сегодня Иван Иванович встал пораньше, чтобы поспеть на литургию в церковь Успения. Светало теперь поздно, в восемь утра было еще совсем темно. За ночь подморозило, и черный асфальт звенел под ногами. А свет уличных фонарей был желт, с дымчатым полукружием. Иван Иванович вспомнил, что такие же полукружия роились вокруг фонарей там, на Соловках, а в безветренные морозные ночи свет от них уходил вертикально вверх, подпирая низкое небо.

Слева от входа в притвор, напротив лавки, торгующей свечами, висела икона Николая Чудотворца в резном деревянном киоте. Иван Иванович любил эту икону. У Чудотворца было мягкое, интеллигентное лицо. На его высокий, с залысинами лоб падал розовый свет от лампы. Сладковатый запах оплывающего свечного воска мешался с запахом ладана, сырой одежды. Обычно Штоль подолгу стоял у иконы, чувствуя, как светлеет на душе, становится легче дышать. В эти минуты общения с Николаем Чудотворцем он вспоминал давно ушедших родных и близких, случалось, тихо плакал, испытывая облегчение. Входили люди, толкали его. Даже здесь, в церкви, чувствовалась их угрюмая озлобленность.

Иван Иванович бывал в церкви нечасто. Он не любил нарочитую пышность обрядов во время богослужения, ему достаточно было постоять вот так, у иконы Николая Чудотворца. Он и молился не всегда, хотя знал службу и помнил многие молитвы.

Сегодня Штоль молился, а просветление и покой не сходили на душу. Он никак не мог сосредоточиться, раздражала старуха-служительница, которая, переваливаясь на кривых ногах, собирала свечные огарки с подсвечника и ворчала на прихожан.

Причина была: Ивана Ивановича смутил сон. Снился пароход, на котором в двадцать пятом году их, арестантов, доставили из Кеми на Соловки. Собственно, не сам пароход – он как бы остался «за кадром», а трюм, и собраны там были не арестанты, а родные, близкие, друзья и враги. Он видел мать,

отца, сестру, первого своего следователя – двадцатилетнего весельчака, рядом мелькали знакомые и полузабытые лица, а под ногами вертелись, мешая ходить, кошки, собаки, свиньи, еще какие-то мелкие животные, гады, как в трюме библейского ковчега.

Ему теперь часто снились странные сны, но они не рождали такой безотчетной тревоги. Что-то еще было в сегодняшнем сне, и это «еще» ускользало, как Иван Иванович ни пытался вспомнить.

Молитва не принесла облегчения. Лик Николая Чудотворца был сумрачен, глух, обычно ясные, всепрощающие глаза глядели строго и холодно.

Иван Иванович вышел из церкви, пересек монастырский двор, миновал надвратную церковь и, осторожно ступая, спустился по откосу к озеру. Ходьба согрела его, но тревога не проходила.

Штолю порой казалось, что он прожил не одну, а несколько жизней – настолько отдельные ее части не походили друг на друга. Иногда он сомневался в правдоподобности воспоминаний.

Был ли, к примеру, ранний весенний вечер, когда розовощекий, не по годам рослый кадет 3-го Московского корпуса Иван Штоль, расплатившись с извозчиком на Мясницкой, легко избежал по опрятной лестнице? Его ждали. За обеденным столом солидно восседал папа Штоль, благообразный, с седой бородкой, маман и старшая сестра институтка Эльза в пенсне. А на столе в предзакатных сумерках рдели тюльпаны в хрустальной вазе. Кажется, было какое-то семейное торжество.

Иван Иоахим Штоль имел на Мясницкой небольшой часовой магазин и мастерскую при нем. Старик был известным часовых дел мастером, его приглашали в дом к московскому губернатору. Дед и прадед часовщика служили российскому престолу по различным ведомствам. Штоль-младший должен был стать офицером, но случилась революция. Осенью 1917 года красногвардейцы Басманного и Рогожского районов атаковали кадетский корпус в Лефортове, среди оборонявшихся был кадет старшего класса Штоль. 13 ноября 3-й Московский кадетский корпус пал, Иван был ранен в перестрелке, угодил в госпиталь и потому избежал расправы.

А то вдруг вспомнилась – что совсем уж невероятно – счастливая Москва времен нэпа. Яркий солнечный апрельский день с ручьями, ручейками и целыми запрудами на улицах, крики извозчиков, хорошо одетые люди, поблескивающие витрины магазинов – все вокруг как бы просыпалось после жуткого сна военного коммунизма. Дела фирмы «Штоль и сын» идут неплохо. Старший Штоль передал сыну секреты своего мастерства и упокоился на Немецком кладбище. Матушка пережила его ненадолго.

Иван Иванович в английском пальто, шляпе, в руке изящная трость идет на свидание к хорошень-

кой Анне Кох – дочери известного врача, специалиста по кожным и венерическим болезням. Они помолвлены, и в доме на Маросейке Штоля уже принимают как родственника. Он беспечно перепрыгивает через лужи, и жизнь кажется ему прекрасной, он еще не знает, что за месяц до свадьбы его арестуют и отправят на Соловки в печально знаменитый СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения. Тогда в Москве бывших офицеров брали целыми партиями. Штоль не был офицером, он даже не успел стать юнкером, но это никого не интересовало. Какая разница: кадет, юнкер?

Штолю было тогда двадцать два года. Кровь древних германцев, соединившись с вольной славянской кровью, бунтовала в нем. И только природное здоровье, физическая сила и немецкое упрямство позволили ему перенести все ужасы пересылки в Кеми, Попова-острова, карцера на Секирной горе. Было время, когда он хотел умереть. От этого греховного шага отвратил его сосед по нарам, священник из Коломны отец Никодим, улыбчивый светлоглазый человек. Он никогда не впадал в уныние, умел делать любую крестьянскую работу, ловко мастерил всякие поделки и при этом был энциклопедически образован, превосходно знал философию, богословие, историю, литературу. В ту пору в лагере было много интересных людей: писателей, ученых, артистов, священнослужителей, – для Штоля СЛОН стал своеобразным университетом.

В 1928 году Штоля освободили, даже позволили вернуться в Москву, и он несколько лет мирно трудился в часовой мастерской на Кузнецком мосту. Жили они с сестрой Эльзой в деревянном флигеле бывшей своей дачи в Кузьминках. Время стерло в памяти ту часть жизни. Что-то смутное: бесконечная дорога на работу и обратно, скамейка в саду, из которого тянуло запахом опавшей листвы. Даже на этой скамейке, среди окраинной тишины, он не чувствовал себя в безопасности.

В сорок первом Штоля снова арестовали. На этот раз он угодил в лагерь на Печоре уже не как бывший кадет или нэпман, а в качестве «немецкого агента» и получил на всю катушку...

Иван Иванович остановился, прислушался к сердцу. По окружной дороге отгремел тяжело груженный состав. В дымчатом небе за высокими стенами Новодевичьего монастыря проступали купола Смоленского собора. Монастырь показался ему чужим, мертвым. У него возникло странноватое ощущение, что он как бы вознесся вверх и оттуда с тревожным холодком обозревает озеро, осенний прореженный парк, тусклый слиток Москвы-реки.

«Сосудистые явления» – вспомнилось ему, и он усмехнулся. Огорчало, что сегодня он не испытал привычного просветления в церкви. Нет, он не

утратил веры в Бога, его вера, пожалуй, еще более окрепла, и все же временами возникала, как бы вспархивала в голове еретическая мысль: может, пассивность их, русских – а он давно считал себя русским, – перед судьбой кроется в христианском вероучении? Ему, Штолю, чудом была дарована жизнь, а он прожил ее, глядя со стороны, не участвуя в ее событиях. За удивительное терпение, неприязнательность, желание всех примирить, высокий рост, худобу и седую бороду зэки в лагере на Печоре дали ему прозвище Иван-апостол. Его уважали, к нему тянулись слабые – Штоль был лучшим бригадиром на лесоповале, но никто не догадывался, что он живет под стеклянным колпаком, глядя на мир холодными глазами созерцателя. Жить для того, чтобы жить... Теперь, когда земное бытие подходило к концу, эта формула представлялась ему нелепой и безнравственной.

4

В переулке перед театром имени Вахтангова наяривал оркестр. Музыканты с серыми, испытанными лицами исполняли старое, послевоенных времен, танго. В грязи перед ними стоял раскрытый футляр от скрипки, куда прохожие бросали деньги.

Нищенство, возможно, легкое и веселое где-нибудь на улицах Мадрида или Парижа, здесь, на Арбате, носило характер полупьяной озлобленности. Казалось, и толпа зевак, и музыканты, и ремесленники, и горе-поэты, торгующие машинописными страничками со стихами собственного сочинения, – все изготовились к драке и только ждут некой команды, повода, сигнальной ракеты, что прочертит багровый след в дымном, насыщенном смогом воздухе.

Залесин повернулся и пошел прочь, слыша повсюду глумливый, скачущий хохоток.

В подземном переходе двенадцати-, тринадцатилетние джентльмены торговали газетами. Один курносый парнишечка обратился к иностранцу: «Ай эм сори, мистер...» – и показал что-то из-за пазухи. Иностранец, заглянув, укоризненно покачал головой и пошел своей дорогой. А курносый кинулся в толпу, разыскивая очередного покупателя.

Глядя на юных «бизнесменов», на их ладные курточки и джинсы, пухлые, сытые лица, цепкие, ухватистые глаза, Залесин раздраженно думал: «Неужели эти вот лучше нас? Пацаны моего поколения приторговывали на барахолках, но ведь не спорта ради, не для того, чтобы купить жвачку, а с голодухи. Но вряд ли даже самый последний шкет стал бы заискивать перед иностранцем, умильно заглядывать ему в глаза. Да, мы были голодны и плохо одеты, но нас не лишили гордости. Разве кому-нибудь пришло бы в голову высказывать под красный свет перед авто-

мобилем с дипломатическим номером и услужливо протирать тряпицей ветровое стекло в надежде получить доллар или несколько центов?»

Залесин шел, слепо натываясь на прохожих, бормоча извинения. Должно быть, странно выглядел со стороны этот рослый, уже несколько обрюзгший человек в морской куртке-канадке, в черных форменных брюках и каракулевой шапке с лакированным козырьком, какие в военно-морском флоте носят капитаны первого ранга и полковники.

Пожалуй, только в вагоне метро он пришел в себя.

На скамейке у подъезда дома, где жил Залесин, сидел парень в кожаной куртке и клетчатой кепке. Владимир Петрович уже не раз видел этого типа, околачивающегося у подъезда. Живет он здесь, что ли?

Залесин поднялся на лифте на седьмой этаж. В квартире стояла равнодушная тишина. Он снял куртку, повесил ее на вешалку и только тогда вспомнил, что забыл купить хлеб.

Ему был неведом мир магазинов, очередей – с восемнадцати лет на казенных харчах: училище, корабль, да и потом, на берегу, обедал в военторговской столовой и лишь ужинал дома. Жена полностью освободила его от забот о быте. А тут пришлось, куда денешься. Отправлялся в магазины он обычно утром, в час, когда на промысел выходят пенсионеры. И ему, еще крепкому мужику, неловко было стоять в растревоженной очереди. Он вглядывался в поблекшие лица стариков, имеющих многолетний опыт покорного ожидания у магазинов: вдруг что дадут? Возрождались послевоенная терминология: «дадут», «выбросят», «завезут», использовались те же приемы. Только раньше номер писали на руке химическим карандашом, предварительно его послынявив, а теперь фломастером или шариковой ручкой. И Залесину казалось, что от этих плохо одетых людей как бы исходит запах беды.

Магазины пустели. Казалось, совсем недавно прилавки радовали изобилием сыров, сметаны, творога, теперь там сиротливо стояли аляповато раскрашенные пачки турецкого чая.

Больше всего поражала печать отупляющего смирения на лицах людей.

Недавно, прогуливаясь по Гоголевскому бульвару, Залесин прочитал на стене парикмахерского салона надпись краской: «Народ, проснись!»

Раздражение, возникшее там, на Арбате, улеглось, но что-то еще беспокоило его, угнетало, с утра гвоздем торчало в голове. И вдруг он вспомнил: сон. Змеи копошатся в трюме не то старинного парусника, не то баржи, не то ковчега. А в трюме вроде и дна нет. Черная жижа поднимается все выше и выше.

Залесин неловко задел за кухонный стол, сшиб графин, тот упал на пол и разлетелся вдребезги.

5

Филенка двери треснула от удара, обнажая темный проем. Сергей сунул руку под матрас, выхватил пушку – надежный ТТ, бронезилеты пробивает, снял с предохранителя. В комнате полумрак. Утро? Вечер? Дотянулся, включил торшер, глянул на дверь – цела. Значит, приснилось. Прислушался. На кухне, шаркая веником, сосед сгребал в совок осколки. Опять что-то уронил.

«О-от козел! Все у него, падлы, из рук валится», – со злобой подумал Сергей.

Шарканье прекратилось, послышались тяжелые шаги, распахнулась входная дверь, звякнула крышка мусоропровода. Через несколько секунд тишину разорвал леденящий душу звук: осколки стекла со скрежетом осыпались вниз, в металлическое чрево мусоропровода.

Сергей передернул плечами – совсем психом стал. Надо же, такая муть приснилась. Ну то, что в дверь ломались, – понятно: со дня на день ждет разборки. Если бы не дед Иван да капераг-придурок, давно бы явились гвидоновские ребята. Тот, в кепочке и в турецком кожанае, – шестерка, придут крутые. Эти ломиться не будут, по-тихому сработают. Только и он, Серега Чижай, даром что калека – без шума им не обойтись.

Откинулся на подушку, чувствуя, как заскользили вниз по левому бедру суетливые холодные муравьи. Сергей попытался припомнить сон. Большой десантный корабль, твиндек, животные какие-то... К чему бы?

Впервые за два года снилась ему военка. Думал, вылетела из головы. А что, останься он тогда на сверхсрочную, жизнь сложилась бы по-другому. Разве угадаешь?

Весной восемьдесят седьмого взяли валютчиков, затем фарцовщиков, кто покрупнее. Крепко помели. Сергей Чижай в королях не ходил, но и в шестерках не числился. Если бы не повесточка из военкомата, его вполне могли повязать и в торбу сунуть. Так что на призывной пункт Серега попал с праздничным настроением.

По физическим данным и подготовке светило ему загреметь в ВДВ или на флот. Внутренние войска не колебали: мандатную комиссию не прошел бы, в уголовке на него уж точно что-то есть, не может быть, чтобы совсем уж не засветился.

Повезло, попал в команду, куда отобрали будущих морских пехотинцев. И с местом службы повезло – Тихоокеанский флот. Хоть белый свет посмо-

трит. Когда бы еще собрался? И от столичных ментов подальше.

В дивизии морской пехоты Серега сразу сориентировался: здесь не шелупонь, крутые ребята, он своим черным поясом и пятым даном никого не удивит, каждый из «годков» умел то, что умел Сергей, да еще и сверх того. Поражали цель навскидку из любого вида стрелкового оружия, снайперски бросали ножи и могли голыми руками, без каратистского кхеканья, по-тихому устранить противника. Пехотинцы лихо водили автомобили всех систем и марок, могли управлять танком, бэтээром, могли в акваланге поднырнуть под судно и прилепить к его борту мину, умели и многое другое.

Парнишечки подобрались один к одному, все под два метра и весом едва ли не в центнер. Дедовщины, о которой гудели всю дорогу, в дивизии не было, а вот «деды» были. И какие! Над младшими никто не издевался, но и представить было невозможно, чтобы салажонок попер на «деда». Особенно ценились умение, ловкость, сила. Тренировочные схватки мало чем отличались от боевых, и, если кто-нибудь попадал в лазарет, ему не сочувствовали – не расслабляйся. Морской пехотинец, оказавшись на необорудованном побережье, иными словами, в тундре, джунглях или пустыне, обязан был не только выжить, но и решить поставленную задачу.

За такую выучку, как у морпехов, нынче бабки платят. После дембеля он, Серега Чижай, будет стоять втрое дороже. Отшли те времена, когда он уютился у гостиницы «Космос». Можно найти дело посерьезнее.

Душой разведзвода был прапорщик Григорий Вакуленко по прозвищу Гриша Ша, кареглазый бодрячок под сорок, успевший сходить боцманом в загранку на торгаше, но все же вернувшийся в морскую пехоту. Вакуленко говорил на полублатном жаргоне, стрелял из пистолета с обеих рук, не целясь, мог сутками не есть, не спать и притом не терял юмора.

– Ша, имею до вас вопрос, – Вакуленко с усмешкой оглядывал пехотинцев. – Што должен уметь морской десантник? Ну-ка ты, москаль!

Сергей поднимался:

– Все! Бегать, прыгать, плавать в шмотках и с оружием, владеть приемами нападения и обороны, основами альпинизма, водолазного дела. Ничего не бояться и...

– Што «и»? – Вакуленко шурился, как кот.

– Пить все, что горит.

– Молоток! Утри сопли и садись.

Сергей лямку тянул без надрыва, в отличниках не ходил. Крепкий середнячок, в авторитете. Вакуленко был им доволен, звал остаться на сверхсрочную, инструктором, но Сергея тянуло к иной жизни.

Штоль знал, что скоро умрет. Ничто его уже не связывало с жизнью, ничего он не оставлял на земле. Если есть силы только на то, чтобы выжить, то ни на что другое их уже не хватает. Он – пустое семя, брошенное на окаменевшую, мерзлую почву. Никому не нужная, бесплодная жизнь, в которой ему была уготована роль свидетеля, даже не свидетеля, а скорее понятого при осмотре места преступления.

Впрочем, почему же «уготована роль»? Думать так – значит, лгать самому себе. Наверное, он мог бороться, сделать хоть что-то. Там, в зоне, у него должна была накопиться энергия злобы, а он вышел оттуда готовым всем и все простить. И еще в нем слабым огоньком билась надежда: дождаться, дождаться перемен. И вот режим, который Штоль ненавидел, рухнул, но Иван Иванович не испытал ни злорадства, ни облегчения. Он остро, всем сердцем ощутил: Россия в опасности. По ночам уже слышалось клещье копыт – это по Москве разъезжали всадники Апокалипсиса.

Месяца полтора назад, сидя на скамейке в скверике на улице Усачева, Штоль разговорился с испытанным, обтрепанным интеллигентом. Пытаясь унять дрожь в руках, тот сбивчиво говорил:

– Заметили, сейчас все чаще и чаще говорят о пришельцах, инопланетянах? Даже передачи по телевизору... Какая-то баба призналась, что спала с пришельцем. И это правда... От этих оргий рождаются исполины. Те самые, о ком сказано в Библии, в первой книге Моисеевой. Заметили, сколько нынче появилось акселератов? Это верный показатель, что мы на пороге катаклизма космического масштаба...

Тем же вечером Иван Иванович взял Библию и, вооружившись лупой, в шестой главе книги Бытия обнаружил строки: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали ходить к дочерям человеческим, и они стали рожать им...»

Странно, что он никогда не обращал внимания на эти строки. Какие исполины? Откуда они? Порождение сынов Божиих, приведших человечество к разврату? «И увидел Господь, – читал далее Штоль, – что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время».

Не повторится ли библейская история, кончившаяся Потопом? Штоль и раньше ловил себя на том, что с обостренным интересом приглядывается к рослым молодым людям. Они жевали резинку, весело о чем-то болтали, но в их движениях было что-то искусственное, механическое. Да-да, люди-фантомы, новоявленные исполины. Народ слабел от потери

крови, а люди-фантомы, порождение какого-то чудовищного эксперимента, заполняли страну, своим металлическим шелестом они напоминали полчища саранчи – видение это теперь часто преследовало Штоля: они ели, пили, заседали на правительственных совещаниях, съездах, даже ходили в церковь, но деятельность их не была одухотворенной, ибо у них отсутствовала душа.

Господи, а он-то, слепой безумец, чем занимался в жизни? Починял часы. Ковыряясь в часовых механизмах, он дожил до греховной мысли, что будто бы постиг суть времени, может ускорять или замедлять его ход. Оказывается, что стрелки часов переводятся где-то там, теми, кто поставил этот эксперимент. Сначала людей лишили веры. Остальное уже было вопросом техники, манипуляций. Сейчас со страниц газет, с экранов телевизоров открыто декларировалось: «Можно то, что не запрещено законом». А кто писал эти законы? Людские пороки, загнанные до поры страхом в подполье, как-то разом, словно грибы-поганки после влажной, гнилостной ночи, проклюнулись и тотчас отравили все своим ядовитым дыханием.

Там, в душном подполье, способна выжить только нечисть. И не просто выжить, но и окрепнуть, обрести силу.

Штоль равнодушно отнесся к августовским событиям. Он понимал – это лишь начало будущих потрясений. Его смутила ненатуральность происходящего, словно он явился свидетелем некоего скверноотрепетированного спектакля. Среди беснующихся он не встретил ни одного искреннего лица, заряженного подлинной энергией веры – неважно, в добро или зло. Обращая свой взор назад, в февраль семнадцатого, он припоминал иные лица.

Видно, Сатана на этот раз решил обойтись более простыми средствами, ведь человечество, большая его часть, было уже на его стороне.

В последние отведенные ему Богом дни жизни Штоль с особой горечью думал о двух людях – может, потому что они были рядом? – о Залесине и Сергее. Провидение собрало их под одной крышей в надежде, что он, Иван Иванович, сможет спасти их или указать путь к спасению. А какой из него праведник?

Малыш, упакованный в голубой комбинезон, кормил уток. Черная вода кипела. Утки дрались, хватывая друг у друга куски. Они вели себя в точности как люди. У малыша было тупое лицо идиота, бросая куски хлеба, он все ближе и ближе подбирался к ярко расцвеченному селезню. Штоль встряхнул головой, он все никак не мог избавиться от ночного видения – отсюда и строй мыслей. Что-то там еще было во сне. И вдруг вспомнил: из глубины трюма всплыло лицо Раисы. В глазах ее стоял укор.

Залесин достал из ящика банку тушенки – хорошо еще, что есть запас консервов, и пачку польских галет. Окинул глазами стол со скудной холостяцкой едой, вспомнил сон, разбитый графин, которым дорожил – память о корабельной службе, и ему остро, до стеснения в груди, стало жаль себя. Разве Залесин мог когда-нибудь предположить, что он, кандидат исторических наук, капитан первого ранга, окажется за той самой чертой бедности и что жизнь его станет бессмысленной, а сам он никому ненужным?

Несколько дней назад, открыв газету, кажется, «Вечерку», Владимир Петрович прочитал следующее: «Договор о сотрудничестве на десять лет заключен между Краснознаменным Тихоокеанским флотом и американской фирмой. Американская сторона арендует суда, флотские причалы, склады», – и подумал, что сходит с ума.

Порой ему казалось, что он спит. Вот сейчас спасительным напряжением воли он разорвет этот дурной сон и проснется там, в их уютной квартире в Ясенева, услышит легкие шаги жены Лены и почувствует запах свежезаваренного чая – никто не умел заваривать чай так, как она, – и вместе со знакомым ароматом к нему вернется ощущение незыблемости, прочности бытия.

Он с точностью до минуты мог сказать, когда был в последний раз счастлив, – дата и время навсегда врезались в память. Они с Леной прилетели из Симферополя, отдыхали в Ялте, в санатории, привезли цветы, фрукты. Коробки громоздились на тротуаре, срывался дождичек.

Владимир Петрович в два приема перенес коробки к лифту. Лена осталась с вещами. Веры дома не оказалось, хотя он дал ей телеграмму из Ялты, видно, задержалась на работе. Выглянула соседка по лестничной площадке Алла Дмитриевна, жеманная дама лет пятидесяти (Лена просила ее вынимать почту из ящика, Вера вечно забывает, и вообще приглядывать за квартирой).

– Ах как хорошо, что вы приехали, – заговорила она свистящим шепотом. – Здесь такое...

– Что «такое»? – с неприязнью спросил Залесин. Он терпеть не мог соседку.

Алла Дмитриевна молча, с осуждением смотрела на него.

– Так что случилось?

– Три дня назад у Верочки были гости. Гуляли до утра. Кончилось дракой, пришлось милицию вызывать. Участковый потом заходил, интересовался.

– Спасибо, разберемся. Вы извините, внизу Лена, вещи... Чуть позже, а?

– Да Бога ради!

Залесину пришлось дважды подниматься на лифте, и всякий раз, оставаясь в лифте один, он с удивлением думал о неприятной новости, сообщенной соседкой. Драка, милиция... Странно.

Дочь два месяца назад устроилась секретаршей в какую-то фирму – совместное предприятие, где необходимо знание иностранных языков. Требования к сотрудникам фирмы предъявлялись высокие. Вера даже внешне изменилась: минимум косметики, одевалась подчеркнуто строго. И вдруг пьянка, скандал.

– Ты чего бледный? Устал? – спросила жена.

– Так... поговорили. Соседка, подружка твоя, меня огорошила: Вера вечеринку устроила. Гости, драка.

– Ну-у! Она дома?

– Вера? Нет.

– Не переживай. Алла наверняка преувеличила.

– Так-то оно так...

Вера появилась в половине первого ночи и была заметно навеселе.

– А-а, родители приехали! – язык у нее заплетался. – Ну что, хватили солнышка?

– Мы-то ладно, – не выдержал Залесин, – а вот где ты хватила?

– Не будь занудой, па. Небось эта стерва-соседка нажаловалась? Верно, немного погудели. Ну и что? А сегодня у нас на фирме прием. Фуршет с немцами... Все, валюся спать.

– Ложись, – сказала Лена. – И ты ложись, Володя. Я в самолете выспалась.

Это была ложь. Залесин вздохнул и окончательно расстроился, когда из кухни потянуло сигаретным дымом, – Лена полгода как бросила курить...

Той ночью Залесин с каким-то обостренным чувством осознал, что в его жизни произошло нечто большее, чем срыв дочери. По одну сторону осталась Ялта в осенней дымке, с праздной толпой на набережной, еще теплым морем, белыми прогулочными пароходами, вином «Черный доктор», а по другую – беда, с торопливой жестокостью сжигающая одно за другим все, что ему было дорого. Если взять карандаш и коротко, по пунктам, изложить то, что происходило, получилось бы следующее:

– июнь 1989 года – Лена пожаловалась, что плохо видит правым глазом. В поликлинике сделали анализы, нашли что-то неладное с кровью и спешно положили Лену в госпиталь. Врач сказал: подозрение на лимфосаркому. Через три недели Лена начала резко слабеть. Грозный диагноз подтвердился. Залесин настоял, чтобы ее перевели в «раковый корпус» госпиталя имени Бурденко. В конце августа Лены не стало.

– 1990 год – вторая волна сокращения центрального аппарата. Залесину предложено уволить-

сы в запас. Госпиталь. Военно-врачебная комиссия. Пенсионное удостоверение. Пустота.

– январь 1991 года – замужество дочери. Зять – бизнесмен (отсидевший срок фарцовщик), сладкоулыбчивый наглый тип. Разрыв отношений с дочерью. Спешный обмен квартиры. Дочери и зятю – двухкомнатную, ему – комнату в коммуналке.

В памяти Залесина навсегда запечатлелись эти пункты – вехи крушения того, чем он жил. Владимир Петрович внутренне окаменел, события, точно снежная лавина, несли его, и вот он оказался внизу, на дне ущелья.

Залесин потерял сразу все, и теперь, где жить, не имело для него существенного значения. В одном он проявил твердость: всю обстановку их с Леной комнаты перевез на новое место и так же все расставил – создавалась иллюзия, что ничего не произошло. Очень скоро Залесин убедился, что сам себя загнал в угол: возвращаться, особенно по вечерам, в пустую и знакомую до мельчайших деталей комнату было невыносимо.

Кажется, на третий день после переезда Залесин обнаружил на кухне высокого старика с седой, аккуратно подстриженной бородкой.

– Иван Иванович Штоль, – представился старик, – ваш сосед.

– Да-да, – рассеянно кивнул Залесин, – очень приятно. Владимир Петрович. Значит, мы с вами вдвоем?

– Есть еще один сосед, но он живет в другом месте и появляется редко. Что же мы разговариваем, стоя на кухне? Давайте зайдем ко мне, чаю попьем, поговорим.

Хотя и был Залесин ко всему равнодушен, комната старика Штоля произвела на него впечатление. На полках и полочках, на серванте, платяном шкафу стучали, шуршали, тикали, махали маятниками старинные часы всевозможных, порой самых диковинных форм – от куриного яйца до выточенной из дерева кирхи. Были даже часы-паровоз. Оказалось, старик – часовой мастер, специалист по антикварным часам и довольно известный коллекционер.

Вперемижку с часами стояли и висели клетки с птицами: кенари, щеглы, попугайчики, еще какие-то птахи с хохолками на изящных головках. У стены два аквариума с рыбками. И еще в комнате обитали кот Лука и еж Рокер, названный так за беспокойный нрав и ночные разбои на кухне.

За чаепитием старик коротко и сухо расказал о третьем соседе, двадцатипятилетнем кооператоре Сергее Чижая. О себе Залесин сообщил, что вдовец, разъехался с молодыми. Молодым нынче лучше жить отдельно. Штоль согласился, никаких лишних вопросов не задавал, чувствовалось, что человек он деликатный, воспитанный, и лучшего соседа трудно себе представить.

Так Залесин оказался в громадном доме на улице Десятилетия Октября, в коммунальной квартире на седьмом этаже. И хотя жил там вот уже несколько месяцев, все никак не мог привыкнуть, и нынешняя жизнь казалась ему не реальной действительностью, а неким, что ли, метафизическим ее отражением.

8

Что-то бы пожрать нужно. В морозилке – телятина. Маринка на Усачевском рынке покупала, да возиться не хочется. Консервы открыть?

Сергей свесил с кровати ноги, оперся о костыль – отличный костылек, западногерманский, какой-то лох преподнес увечному герою, защитнику демократии. Кое-как встал. Левая нога не своя, точно протез. Усмехнулся, вспомнив первого своего учителя – одноногого фарцовщика Колю Бобова по кличке Мармелад.

Из полумрака всплыло бледное, носатое, с сумасшедшими глазами лицо Мармелада. Тот потерял ногу – бухой попал под трамвай, с горя сел на иглу и кололся чем попало.

В его однокомнатную квартиру на первом этаже желтой пятиэтажки, глядевшей окнами в переулок, косо сползающий к Москве-реке, сходилась не только фарца, но, случалось, заглядывали и «деловые» – лишившись ноги, Мармелад стал барыгой, скупал краденое, и огольцы младшего школьного возраста вроде Сереги Чижая помогали сбывать товар.

«На работе пусть лохи горбатятся, – учил Мармелад, – хорошие бабки и так сделать можно. Если с умом. Ну-ка, Серега, скажи по-английски: «Мистер, я бы купил пару блоков жевательной резинки». Молчишь? Вот и дурак. Язык знать нужно».

Там же, на хазе у Мармелада, Чижай уяснил: в жизни побеждает сильный. А в серьезной драке кроме силы еще и умение требуется. К восьмому классу он довольно сносно спикал на английском и имел первый разряд по самбо.

Мармелад обучил Сергу всем тонкостям фарцовки, выделял его среди других, свел с нужными людьми. Тренер по самбо тоже на Сергу глаз положил: отличные физические данные, не пьет, не курит, злости – через край, классного спортсмена можно сделать. Только большой спорт Сергея не колебал – бабки сомнительные, а жилы надорвешь, себе дороже. Тянуло его на Арбат, к гостиницам «Метрополь», «Космос». У фарцы он сразу глянулся: красавец, по-английски ботает, на клиента легко выходит. И с понятием: что можно, чего нельзя. Заработок имел твердый, иногда и «зеленью», то есть в долларах.

Давно сгинул Мармелад, а вот гляди ты, вспомнился.

Каперанг с кухни убрался. Сергей заглянул в хлебницу – пусто. Маринка, сука, куда-то пропала,

придется деда Ивана просить, чтобы хлеба купил. Открыл холодильник, взял две банки пива, кусок сыра и, опираясь на костыль, поплелся к себе.

Мармелад что, уже на излете был. Настоящим учителем стал для Сереги Гвидон. Из-за него-то и таится нынче в коммуналке, прячась за спины стариков. Только от гвидоновских псов не укроешься, где угодно достанут, да и поделом, сам виноват.

Сергей выпил банку пива, закусил твердым, как камень, сыром, потянулся за сигаретой. А ведь недавно не пил, не курил. Форму держал. К чему теперь ему форма?

...В полулегальный атлетический подвальчик, где изучали приемы самбо, джиу-джитсу, карате, Сергей попал по большой протекции – брали туда не всякого. Внешне обычный такой подвальчик: штанги, гири, тренажеры, в центре что-то вроде татами. На стенах ДОСААФские плакаты. Инструктором в подвальчике на общественных началах состоял некто Игорь Евгеньевич Костецкий по прозвищу Гвидон. Прозвище ему шло, действительно – царевич: синеглазый, золотоволосый, сложен – Сталлоне позавидует. Голоса не повысит, не улыбнется – крутой мужик. Лет тридцати пяти, мастер спорта международного класса по вольной борьбе, черный пояс, пятый дан, двадцать четвертая «Волга», два языка: английский и французский – свободно.

Сергей только глянул на него, на его черный клубный пиджак, светлые брюки, на скромный и вроде невидный галстучек от Диора, и тотчас решил: вот оно, настоящее! Вот таким он и станет!

О тренере-бессребренике с умилением писали газеты: с трудными подростками занимается, преступность в районе пошла на убыль. Понятное дело – заняты пацаны, не стоят в подъездах, не жрут бормотуху, не хулиганят.

У Гвидона не курнешь и с похмелюги в подвальчик не сунешься – с ходу вышибет. Без карате, конечно, прожить можно, но вот беда: дела твои тогда пойдут хуже некуда. Точно тебе в паспорте какую отметку сделали.

Гвидон был не просто инструктором, а учителем, senseem, обучал пацанов не только многочисленным приемам, всяким там ката и атеми, а приобщал к Учению.

Поначалу странно было Сереге сидя на полу, как попугаю, разучивать сутры вроде этой: «Учитель – Солнце, люющее на нас». Потом удивляться перестал и внимал Гвидону, как молодой пес.

Гвидон любимчиков не имел, со всеми держался ровно, а о Сергее Чижаяе только и сказал: «Толк будет. На Брюса Ли похож». С той поры стал Серега Брюсом. Книг Сергей читать не любил, но все, что давал sensey, прочел. Освоил медитацию, мог расслабиться, сосредоточиться на главном. Случая не было, чтобы психанул, повел себя не так.

Гвидон в числе немногих обучил его особо жестокому бою, когда в ход идут нунчаки, ножи, палки. «Не все же тебе, Брюс, куски сшибать у гостиниц, – сказал sensey без улыбки, – может, и в дело сгодишься».

Сергей затаился сигаретой и с усмешкой подумал: «Что ж, сгодился». Вспомнилась особенно часто повторяемая Гвидоном сутра: «Если вы пришли к учителю, то последует полное разрушение «Я» ученика. Вы должны полностью раствориться во мне и дать мне проникнуть в вас».

Проникнуть-то в него Гвидон проник, да, видно, не до конца, коль налево потянуло Сергея. Вот и unrвался.

9

Солнце все же пробилось сквозь тучи, в промине показался его бледный, обесцвеченный диск, и все вокруг: озеро, голый сквер, мокрый асфальт и многоэтажные глыбы домов – окрасилось в больнично-желтый цвет.

Дом, в котором Иван Иванович Штоль прожил более тридцати лет, был и без того желт. Сложили его из светлого кирпича основательно и надолго в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Своеобразный памятник отошедшей эпохе. Тогда же на Котельнической набережной, на Смоленской площади и в других местах Москвы появились высотки, один вид которых вызывал у Штоля приступ удушья. Нечто подобное испытал он, оказавшись на Волхонке, у бассейна «Москва», что малахитовой лужей лег на месте храма Христа Спасителя. Сквозь ядовитый, с запахом хлора туман, постоянно висевший над бассейном, люди, копошащиеся в воде, напоминали грешников в аду.

В этот дом он переехал в пятьдесят седьмом году. Годом раньше Ивана Ивановича выпустили, реабилитировали подчистую, даже выплатили изрядную сумму в качестве компенсации. Какое-то время он жил у сестры Эльзы в Кузьминках. Флигелек, да и весь квартал, застроенный деревянными домишками, пошел на слом, им должны были дать квартиру, но Эльза внезапно умерла от инсульта, и ему выделили комнату в доме на улице Десятилетия Октября.

Комната ему понравилась: светлая, квадратная, из окна виден Новодевичий монастырь. Соседей двое: полярный летчик – появлялся он редко, мотался по командировкам, возвращаясь в Москву, жил у подруги; и преподаватель политэкономии в педагогическом институте Полина Федоровна Чижай со взрослой дочерью Раисой.

Полина Федоровна – высокая, худая, желтолицая, со скудным пучком седых волос на затылке женщины лет пятидесяти. Черные глаза в прищуре, папироза в зубах. Курила она постоянно, оставляя окурки

в самых неожиданных местах. Говорила сухим, хриплым голосом и двигалась только по прямой, слово стены должны были раздвигаться перед ней. Это был известный Штолю по лагерям тип комсомолок двадцатых годов – честных, жестоких, нетерпимых к себе и людям. Муж ее, тоже преподаватель, погиб на фронте.

Штоль для нее так и остался «врагом народа», ловко отсидевшимся в тылу, когда все честные люди защищали страну от фашистских захватчиков или совершали подвиги на трудовом фронте, – приблизительно так Полина Федоровна и изъяснялась. Она не приняла ни двадцатый съезд партии, ни последующую кампанию по реабилитации, не сняла со стены портрет Сталина.

Дочь Раиса училась на первом курсе пединститута. Опытный врач без труда отметил бы в ее характере черты, свойственные людям с психическими отклонениями. Рая вскоре бросила институт, окончила кулинарный техникум и устроилась работать в кафе на Комсомольском проспекте. Она округлилась, раздобрела, у нее появились дорогие вещи, а на привлекательное личико как бы легла печать порока. В ее жизни теперь большую роль играли мужчины.

А мать ее стала сдавать. В шестьдесят четвертом, когда смахнули Хрущева, она было воспряла духом, но тут в институте сменилось руководство и ее проводили на пенсию. Иван Иванович хорошо помнил вечер, когда Полина Федоровна вернулась из института, прижимая к плоскому животу хрустальную вазу – подарок. Тощий пучок гвоздик она тут же швырнула в мусорное ведро, попросила у Штоля спички, жадно закурила и, уставившись прямо перед собой, сказала: «Вот так!» Вскоре она умерла, а через несколько месяцев арестовали Раю. Взяли ее на работе, в квартиру вместе с понятными пришли двое в штатском, произвели обыск, описали вещи и ушли, опечатав дверь. Рае дали какой-то срок условно, отпустили, а вскоре она родила мальчика, хорошего, крепкого мальчика. Иван Иванович забирал Раю с малышом из родильного дома, и разбитная чернобровая медсестра, вручая ему голубой конверт с младенцем, сказала: «Поздравляю вас с хлопцем, дедуля!»

Мальчика назвали Сергеем. У него были черные волосы и очень смуглая кожа. Штоль даже подумал: не от негра ли? Кто был подлинным отцом ребенка, предположить трудно – мужчины у Раисы сменялись часто. Какое-то время жил угрюмый торговец с Усачевского рынка. Его сменил рыхлый блондин со вставным глазом и барскими манерами, затем были остроглазый, с золотыми зубами татарин, смуглый, презрительно цокающий языком узбек и даже финн, очень вежливый, тщательно одетый и всегда нетрезвый. Раиса теперь работала в кафе на ВДНХ, и вполне

можно было ожидать посланцев всех братских республик, а также иностранных гостей столицы.

Штоля Раиса называла «дед», и многие считали, что он действительно дед. Анна Кох исчезла еще в двадцатые годы, семьи в предчувствии очередной посадки Штоль не завел, так и остался бобылем. И теперь ему нравилось, что его называют дедом. Его однообразная жизнь, заключающаяся в ремонте уникальных антикварных часов, обрела дополнительный смысл.

А мальчик рос. К трем годам он посветлел, только брови и глаза остались жгуче-черными, в основном же он унаследовал черты матери: овал лица, тонкий нос, хорошего рисунка губы. Со временем мальчик должен был стать красивым, а пока он забавно топал ножками, пыхтел, если обижался, никогда не плакал, только черные его брови вставали над переносицей домиком и он горестно вздыхал.

Вот тогда в комнате Штоля появились аквариумы с рыбками, ежи, хомяки, а позже птицы.

Живая, не успевшая отмереть часть души Штоля потянулась к мальчику. Род военных и мастеровых немцев иссяк, и вот-вот должен был исчезнуть с лица земли последний его представитель, а тут появилась возможность сохранить хоть что-то, пусть в чужом, неединородном и все же человеческом детеныше.

Матери было не до мальчика, она все чаще приходила домой нетрезвая, все отвратительней становилась ее любовники. Мальчик, в сущности, теперь жил у Штоля, Иван Иванович водил его в детский сад, покупал одежду, стирал детское белье – это было прекрасное время.

10

Залесин, как и большинство людей его поколения, с детства воспринял миропорядок таким, каким увидел, и искренне поверил в него. Он, как и все, ходил на демонстрации с красным флажком в руке, особенно ему нравились дни выборов, когда повсюду гремела музыка, прямо на улицах торговали буфеты, люди пели, плясали.

Володю Залесина в свой срок приняли в пионеры, затем в комсомол, он любил то, что любили все, ненавидел то, что все ненавидели, был искренне убежден, что страна его лучшая в мире, а детство самое счастливое. «Год от года расти нашей бодрос-ти!» – старательно выкрикивал он на пионерских слетах.

Володя был рослым мальчиком и всегда на пионерских линейках, занятиях по военной подготовке стоял правофланговым, на виду, был отмечен вниманием, и мало кто знал, точнее – никто, как он всем этим тяготился. В детстве он любил одинокие игры, в школе – уединение. Не получилось. Его последо-

вательно выдвигали старостой класса, редактором школьной газеты, комсоргом, членом учкома, возили на областные слеты, олимпиады, еще куда-то, где много и шумно говорили, рапортовали, заверяли, и всегда рядом были люди. Всегда.

Ловко, ох как ловко воспитатели использовали особенности его поколения, не раз теперь думал Залесин. У них, послевоенных подростков, было исключительно развито чувство долга. Сколько Залесин себя помнил, едва ли не с детского сада, это чувство каждодневно укреплялось в нем. Он должен был любить Родину и товарища Сталина, осуждать безродных космополитов, ставить общественное выше личного и так далее.

Залесин к тому же рос в семье партийных работников – отец заведовал отделом в горкоме партии, мать работала инструктором райкома. Они даже вечерами спорили, «ответственно заявляли» друг другу, осуждали каких-то «перерожденцев», много курили, и кисловатый запах табачного дыма проникал в его комнату – у него была своя комната, где он на короткое время все же мог уединиться. Не будь у него своего угла, где он мог спокойно подумать, многое бы в его жизни, возможно, сложилось по-другому, иначе.

Он окончил школу с золотой медалью и мечтал поступить в университет на исторический или философский факультет. С этой мечтой было связано многое, но прежде всего ему хотелось вырваться из этого южного пыльного городка, где он был обречен стать местным общественным деятелем, а его тянуло в науку. Вышло же иначе: Владимира Залесина вызвали в райком комсомола и как лучшему из лучших предложили поступить в Ленинградское военноморское политическое училище. Это был крах мечты, трагедия, но он не посмел ослушаться. В училище, однако, Залесин довольно быстро приспособился, нашел свою «нишу»: первый по учебе курсант, но не первый общественник, в некотором роде будущий теоретик, ученый без особых организационных способностей – сказалась ранняя склонность к лицедейству. Учился Залесин упорно, с какой-то даже смущающей преподавателей фанатичностью. Это было своеобразной психологической реакцией: система, усиленно затягивающая его, вызвала протест. Тогда, еще курсантом, он впервые задал себе вопрос: столь ли уж незыблемы основы, на которых базируется теория марксизма-ленинизма? Он много читал, тщательно анализировал прочитанное и истинное удовлетворение получал лишь тогда, когда обнаруживал очередную неточность или противоречие.

Все это, разумеется, тайно.

Училище он закончил с отличием, ему в порядке исключения разрешили поступить на заочное отделение исторического факультета МГУ и послали

служить на Северный флот, в дивизион кораблей противолодочной обороны. Через год забрали в политотдел Беломорской военно-морской базы, где он несколько лет перебивался на должности то инструктора, то сотрудника базовой многотиражки, то штатного лектора, пока не закончил учебу, не защитил диссертацию. И после этого прочно утвердился в качестве начальника вечернего университета марксизма-ленинизма при Доме офицеров флота.

Да, Владимир Петрович Залесин был незаменимым сотрудником, никто лучше него не мог подготовить доклад начальнику политотдела на базовой партконференции, лекции его были блестящи, что говорить, его способностями пользовалось руководство, но... не доверяло, зная о его грешках: либерал, вольнодумец, как-то уж подчеркнуто замкнут. Впрочем, что с него возьмешь – ученый, не от мира сего, книжник. Таких тоже при себе держать нужно, под надзором, конечно, на коротком поводке, чтобы уж совсем куда-нибудь не занесло. Залесин, зная это, платил своим «соратникам» хорошо скрытым презрением за лукавство, необразованность, несокомерное отношение к людям, духовную пустоту, используя при этом доведенную до изысканности демагогию, которую лишь очень тонкий человек мог принять за издевательство. А где они, тонкие?

Его вполне удовлетворяла такая жизнь, выражаясь языком подводников, так проще было «отлежаться на грунте».

Отлежался...

Теперь Залесина больше всего мучило, что его игра в диссидентство, его либеральные умолчания и привели к тому, что произошло. Те, другие, что нынче глядели с экрана телевизора, витийствовали, как-то очень быстро смогли сделать так, что люди, даже и немолодые, поверили вдруг, что позади, в том его времени, был только один ГУЛАГ.

Из того времени были разом изъяты его уже покойные отец и мать, пусть фанатики, но честнейшие люди, бессребреники, много сделавшие для разоренной войной страны. Там же, в общей свалке, оказались многие ценности, которыми Залесин дорожил, гордился: история его страны с ее культурой, мыслителями, национальные черты русского характера и многое другое.

Неправда, точнее, полуправда былых времен обернулась другой, еще более изощренной неправдой, а его, человека, в сущности, безвредного, сбросили в кювет. Безвредного? Нет, о себе он сейчас так не думал. Он отсиделся, хихикая в уголке, даже не пытаясь хоть что-нибудь поправить в собственном доме. А ведь все, по сути, происходило на его глазах, причем он, человек широко образованный, считающийся тайком Авторханова, ежедневно слушающий «вражеские голоса», знал и понимал много

больше других. За парадностью съездов, за многократно просеянными, тщательно выхолощенными статьями там, в стороне, оставался брошенный и обманутый народ, который, утратив веру, тихо спивался. Как там у идола его юности Окуджавы: «И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной». Только над ним, над Залесиним, склонялись не комиссары – простые люди, молодые и старые, военные и гражданские, ночами собирались в его комнате, заглядывали ему в лицо и укоризненно качали головами.

«И все же как все это произошло? – в сотый, а может быть, в тысячный раз думал Владимир Петрович. – Неужели можно вновь одурачить всю нацию? Тотальный психоз после затяжной, надорвавшей душу болезни? Пожалуй...» И еще хотелось крикнуть: «Люди! Скоро, очень скоро вам придется расплачиваться за детскую доверчивость, тупость и рабское поклонение власти». Да, конечно, все подлости мира происходят при молчаливом согласии таких, как он, Владимир Петрович Залесин, образованных, умных, трусливых лицедеев.

Сидя в комнате и равнодушно вбирая в себя привычные детали обстановки, Залесин вдруг с ожесточением подумал: а был ли в той жизни особенно яркий миг счастья? Или он, умышленно отгородившись от всего, что нарушило бы его уклад, так ни разу и не ощутил головокружительной высоты, полета над обыденностью? И вспомнил...

Серое, как бы задымленное небо, корабли, вросшие в лед, орудия, надстройки, мачты – все в желтом игольчатом инее, на верхней палубе дощатые настилы, матросы, скалывающие наледь, а вокруг белое пространство, то самое джеклондонское белое безмолвие. В середине дня на час-другой развиднеется, и снова ночь, фиолетовое небо, озаренное люминесцентным светом сполохов. В каюте сухо потрескивает паровая грелка, пахнет щами, мокрой одеждой – крохотный мир, затерявшийся среди пурги, ледяных застругов и полярной ночи.

Январь 1959 года. Корабельный механик Лев Земцов пригласил Залесина на день рождения. «Что ты все сидишь на корабле? Тоже мне, анахорет. Пойдем, Галка подругу пригласит, потрясная девка, глаза с блюдце. Леной зовут. Врач-рентгенолог, в госпитале работает».

Земцовы жили в портовом поселке: несколько одноэтажных финских домиков, по самые окна заваленные снегом, военторговский магазин, лавка, торгующая керосином.

За столом Залесина посадили рядом с Леной. Он угрюмо прел в парадной тужурке, боялся пошевелиться. Разве обратит на него внимание эта хрупкая сероглазая красавица? Так весь вечер и просидел в углу. Горели свечи, пахло воском и духами, гудели

мужские и женские голоса. Как он тогда завидовал ловкачам-лейтенантам, танцующим с Леной.

Когда гости, собираясь по домам, разыскивали в ворохе одежды свои шапки, шинели и пальто, Лена подошла к нему и попросила: «Проводите меня». Мороз стоял градусов тридцать. Звонко потрескивал деревянный штaketник. Над поселком раскачивались зелено-лиловые гирлянды сполохов. У Лены на ногах были легкие сапожки, она то и дело проваливалась в снег. Тогда Залесин подхватил ее на руки и, как ребенка, понес через снежное поле, ориентируясь на колющие точки огней. Ведь было же это?

11

Сергей прислушался: старик на прогулке, каперанг чем-то скребет на кухне. Встал, опираясь на косяк, приоткрыл дверь. Кухня была как раз напротив, и сквозь дверное стекло он увидел каперанга. Тот оплывшей глыбой возвышался у кухонного стола. Сидел, подперев кулаком скулу, уставившись перед собой. Пустой, ничего не выражающий взгляд.

Сергею стало не по себе.

Три года назад, там, в Красном море, с ним беседовал загорелый крепыш, даже лысина его не старела. Сейчас от того бодрячка только тень осталась. А он, Серега Чижай, разве не тень? Тень. Призрак. Интересно, как на том свете? Да и есть ли он? Может, попросту стухнешь в яме, и с концами? Жаль, что пошел мало. А что было в его жизни? Телки, дела-делушки, крутые разборки, после которых бил озноб, дорогая жратва и постоянное ожидание: возьмут в дело или прокатят? Что еще? Режим, тренировки. И все для того, чтобы быть в форме. Кто он? Сторож, наемный телохранитель, а если попросту – бандит, которому за мокрые дела вышак светит. Хотел оторваться, снять банк, вот и сидит сейчас как раненый зверь в норе и ждет, когда его достанут. Выходит, что служба в морской пехоте – лучшее его время. Вспоминай, Серега, вспоминай. Теперь тебе только это и осталось...

Конец января 1988 года. Личный состав, технику, погрузили на большой десантный корабль «Комсомолец Приамурья». Залив Золотой Рог во льду, мокрый снег, тающий в серой мгле город, белые башни многоэтажек на сопках, как свечи. На подволоке и переборках твиндека, где на растяжках замерли танки и бэтээры, осел иней. В свободном углу натянута тросы, палуба прикрыта матами – ринг, рядом деревянная платформа с «железом»: штанги, гири. Тренировки каждый день, морской пехотинец обязан сохранять форму. И еще культ гигиены. У десантника не должно быть никаких потертостей, прыщей, опрелостей – посему, несмотря на погоду, ежедневное обмывание заборной водой.

Моряки из команды корабля с усмешкой наблюдали за десантниками. Отношения ровные. У команды свои территория и законы, у десантников – свои.

В океане потеплело, косматые тучи задевали за мачты, ветер срывал с гребней волн пену и швырял на палубу. В Южно-Китайском море ветер опал. Круглые сутки молотил тропический дождь, но стоило выглянуть солнцу, как палуба обсыхала, воздух сгушался, и становилось трудно дышать. Из брезента соорудили что-то вроде бассейна и закачивали туда забортную воду. Есть свободное время – иди отмокай. Как-то вечером на третьей неделе похода Сергей у бассейна узрел тощего парня в комбинезоне, в каких иногда на божий свет появляются трюмные из БЧ-5. У парня были белесые пороссячи ресницы, черные печальные глаза и невероятных размеров нос.

– Шнобель, ты? – удивился Сергей, с трудом узнавая одноклассника Толю Антоновича. Кажется, в классе восьмом сидел с ним за одной парты.

Антонович неловко улыбнулся:

– Я ведь давно тебя заметил, Сергей, да все не решался подойти.

– Ты даешь!

Толян Антонович был чудак. Он охотно откликался на прозвище Шнобель и никогда ни на кого не обижался. Единственный, кто до десятого класса носил школьную форму: форма стоила дешевле. У Толяна отец умер, мать – инвалид какой-то там группы, толстая, с рачьиими глазами тетка. Она числилась дворником, но работал сын. Вставал в пять утра, подметал двор, зимой скалывал лед, посыпал дорожки песком, вывозил мусор и мыл лестницы попеременно в пяти подъездах.

Толян не стеснялся того, что работает дворником, и боготворил мать. Учился хорошо, не хуже Сергея болтал по-английски.

Сергей как-то ему предложил:

– Что ты уродуешься, мостовые скребешь за гроши? Хочешь, я тебя в дело возьму? И шмотье у тебя будет, и бабки, и телок сколько хочешь, на выбор.

– Не-е, – Толян покачал головой, – мамка узнает, что я фарцую, сразу помрет. Спасибо, Серега, не по мне.

– Эх ты, «мамка»! – Сергей презрительно сплунул и в тот же день пересел на другую парту.

Мать у Сереги Чижая не вызывала никаких чувств, кроме жалости и раздражения. И еще – он стеснялся матери. Рыхлая, сюсюкающая, часто не трезвая, в последний перед призывом год она торговала в ларьке на Усачевском рынке, а нередко и с лотка прямо на улице, растрепанная, в грязном халате, с красным лоснящимся лицом. А потом эти ее хахали, сброд какой-то, фуфло. Сколько раз ему

приходилось ночевать на раскладушке у деда Ивана, а утром выставлять подвыпивших любовников, принимающихся скандалить, а мать при этом, как девочка, шмыгала носом, и на ее раскисшем лице плавала пьяная, полубезумная улыбка. И эта ее слабость к вину, и то, что она, считай старуха, неделю не могла прожить без мужика, вызывали у него отвращение. Сергей имел уже крепкие бабки, хорошо, со вкусом одевался – сказала школа Гвидона – и откровенно скалился, когда дед Иван укорял его за отношение к матери: «Не судите, да не судимы будете!» Такие сказки только ментам петь, что пасут «утюгов» и валютных девочек у «Националя».

Мать осталась там, в Москве, и небось рада, что его нет. Мужиков каждый день можно водить – лафа. Он и забыл о ней, как только сел в поезд. А тут вдруг вспомнился последний день перед отъездом – забежал он домой переодеться, через час договорился с братьями встретиться в кафе «Крымское» – столик был заказан. Сергей открыл дверь и остановился, удивленно озираясь: комната прибрана, стол накрыт белой скатертью, цветы, коньяк, закуски. Дед Иван в черном костюме, мать в выходном платье, трезвая, бледная, с подкрашенными ресницами. Сергей глянул на них, ухмыльнулся и дурашливо спросил:

– Ну дела! Жениться, что ли, решили?

– Сядь! – строго сказал дед Иван. – Глупость говоришь. Мы с матерью желаем проводить тебя честь по чести на действительную военную службу.

– На действительную? Даете, родственники.

– Сядь, – повторил дед Иван, и Сергей не посмел послушаться.

Они выпили по рюмке, мать дернула головой и тихо попросила:

– Ты прости меня, Сереженька.

Такой вот и увиделась она Сергею, когда стоял он с Толяном у борта: с бледным, искаженным от муки лицом, с набрякшими веками. «Ты прости меня, Сереженька».

Раскис Серега, на сантименты потянуло. А все Толян виноват. «Слабый всегда не прав», – любил повторять Гвидон.

12

Иван Иванович, направляясь к дому, пересек проезжую часть напротив крошечного скверика, где стояла нелепая скульптура: энергичные молодые люди держали в руках нечто круглое, напоминающее земной шар. Впрочем, Штоль ни разу не удосужился внимательно рассмотреть это языческое сооружение. После прогулки он всегда усаживался в сквере передохнуть. Рядом, в кинотеатре «Спорт», шел какой-то американский боевик, и молодые парни о чем-то возбужденно переговаривались.

Перед глазами замелькали черные точки, заняло под левой лопаткой – верный признак начинающегося сердечного приступа. Штоль присел на скамейку и достал из кармана коробку с лекарствами. Как всегда после приема нитроглицерина, голова стала легкой, пустой, и это мешало сосредоточиться. О чем он бишь только что думал? Да, о Сергее.

Теперь уже и не вспомнить, когда он стал отмечать особенности в характере мальчика. Пожалуй, когда тот попросил и Штоль стал водить его в детский сад. Первоначальные наблюдения вызвали не тревогу, скорее удивление. Сережа, например, не любил животных. Он угрюмо, с омерзением разглядывал рыбок в аквариуме, плохо переносил музыку, не любил сказок и был почти нечувствителен к боли. В его познании мира было нечто механическое, неодухотворенное. Любимое занятие мальчика – ломать игрушки, при этом лицо его делалось тупым и жестоким.

Штоль стал приглядываться к детям, особенно к тем, кто постарше. Мальчишки вешали кошек, обрывали трубки в телефонах-автоматах, расписывали подъезды матерной бранью. Склонность к бессмысленному разрушению проявлялась во всем, даже в мелочах. Дети рождались, впитывая с молоком матери ненависть к окружающему миру. Штоль понимал, что это не так, что он преувеличивает и его мысли о появлении неких людей-фантомов не более чем продукт болезненной фантазии, но ничего не мог с собой поделать.

Особенно потряс один, казалось бы, ничего не объясняющий случай. Сергею было пять лет. Иван Иванович во время прогулки по Новодевичьему монастырю решил сходить с мальчиком в церковь, но тот неожиданно заупрямился и так безобразно кричал и кривлялся у входа, что старушка, испуганно перекрестившись, сказала: «Ишь ты, бес!»

Штоль содрогнулся. И в самом деле, что-то бесовское было в этот момент в мальчике, в его ужимках, оскаленном рте.

По пути домой Иван Иванович, ведя Сережу за руку, с горечью думал, что все последующие поколения несут груз ответственности за издержки отцов, матерей, дедов и бабок. Это и есть понятие греха. Люди, надругавшиеся над национальными святынями, уничтожавшие иконы и храмы, не могут дать здорового потомства. Тогда-то он впервые испытал к мальчику чувство, близкое к брезгливости.

Да, ему, Ивану Ивановичу Штолю, не хватило любви – той самой животворной, идущей от Бога энергии, которая могла бы спасти мальчика. Нет, он по-прежнему ухаживал за мальчиком, заботился о нем, покупал игрушки, но это уже была не любовь.

А потом Сергей как-то внезапно вырос и стал чужим.

«Не судите, да не судимы будете». Но как же не судить себя? В том, что произошло с Сергеем, есть и его, Штоля, вина, и укор Раисы в сегодняшнем сне справедлив. Ведь мог же он как-то повлиять на мальчика, мог попытаться сберечь его душу. И ничего не сделал, как вообще ничего не сделал в своей бессмысленно длинной жизни.

13

Крах его устоявшегося и, казалось, незыблемого бытия начался с переезда в Москву.

Летом 1985 года в Северодвинск нагрянула комиссия из политуправления ВМФ, руководил ею один из заместителей начальника управления контр-адмирал Иван Павлович Иванов. Иванов – фамилия распространенная, никаких ассоциаций у Залесина не вызвала, и каково же было его удивление, когда, явившись на совещание в политотдел базы, он признал в грозном начальстве своего однокашника по политучилищу, можно сказать, друга – койки в кубрике стояли рядом – Ванечку Иванова. И Ванечка признал его, обнял принародно и, похлопав по спине, сказал укоризненно:

– Куда же ты подевался, Володька? Так схавался, что тебя и не найдешь. Ладно, вечером поговорим. В гости приглашаешь?

– Конечно, – не без труда выдержал тон Залесин.

– Тогда замечано. – И тотчас, преобразившись, поселился, контр-адмирал по-хозяйски уселся за стол и сурово заговорил об апрельском пленуме ЦК, о новых задачах, которые ставит перед политорганами Михаил Сергеевич Горбачев, о веяниях во внутренней политике в связи с перестройкой. И каждое слово было емким, весомым, точно отлили его из бронзы или иного вечного металла.

Залесин слушал и не мог поверить, что этот грузный, седеющий, привыкший повелевать человек тот самый Ванечка Иванов, деревенский хлопец с Полтавщины, что приехал в училище с самодельным деревянным чемоданом, закрывающимся на замок-гирьку. Как тяжело, мучительно одолевал Ванечка казарменную жизнь с ее подъемами, физзарядками, караулами, жестокой дисциплиной, как трудно давалась ему учеба – Иванов плохо говорил по-русски, писал с чудовищными грамматическими ошибками. Оттого, наверное, и свела их судьба, двух бедолаг, осваивающих первые шаги военной службы. Только Залесину все же было легче – городской начитанный парень, круглый отличник, для него учеба в училище – так, семечки. Он-то, Володька Залесин, и вытягивал тогда недоплату Ванечку Иванова, в увольнении в театр вместе ходили, в музеи. Ванечка все жадно вбирал,

всему учился и к выпуску не только выровнялся, но и превзошел многих.

Распределили Ванечку на крейсер секретарем комитета комсомола, потом вроде бы перешел он на подводную лодку, а позже и вовсе исчез, затерявшись среди многих сотен Ивановых.

Сидели вечером за коньячком, беседовали, говорили друг другу «ты», вспоминали курсантские времена – встреча друзей-одноклассников. Ванечка, то бишь контр-адмирал Иванов, нос не задирает, говорил просто, и все же Залесина не покидало ощущение, что этот благополучный, уверенный в себе человек ему незнаком. Можно ли так измениться?

Оказывается, пока Залесин отсиживался в своем углу, почитывал умные книжки и кое-что даже писал, тайком, конечно, Иванов широко и свободно шагал по жизни, закончил академию, стал начальником политотдела бригады, потом и членом военного совета флотилии подводных лодок. Он нашел свое место в Системе и служил ей вроде бы без сомнений.

– А ведь я насчет тебя справки наводил, – сказал, пряча усмешку, Иванов.

– И что же?

– Странная информация: молчун, затворник, зарылся в науку, сидит в норе, малоактивен. Словом, ни то ни се. Как понять?

Залесин выдержал взгляд:

– Да так и понимай.

Но Ванечка был тоньше, проникновеннее:

– Сомнения замучили? Все ли правильно делается?

– Не без того.

– А у кого их, этих сомнений, нет? И что намерен делать дальше?

– Уволиться. Местечко преподавателя в политехническом институте присмотрел.

– Опять в нору?

– Привык.

– Не понимаю тебя. Кандидат наук! Ценный кадр! Слушай, пойдешь к нам в управление? В одном из отделов штат открывается. Нам как раз ученый нужен, аналитик. Получишь первого ранга, квартиру в Москве. Времена-то меняются. Неужто не чувствуешь?

Как мог Залесин, человек осторожный, всегда все тщательно продумывающий, клюнуть на это предложение? Непостижимо. На что рассчитывал, покидая свое убежище, выбираясь из уютной придонной мути, и не куда-нибудь, а в раздираемую политическими страстями столицу? Кратковременное помрачение сознания. Иначе не объяснишь.

Ему нравился Северодвинск, город отнюдь не провинциальный. Лена работала в госпитале, дочь

училась в школе с преподаванием на английском языке, квартира, устроенный быт.

Владимир Петрович был назначен на должность старшего инструктора в отдел, курирующий боевую службу, – дело для него совершенно новое, в дальних плаваниях он никогда не был и вообще лет двадцать не выходил в море. «Нужен свежий взгляд на проблему, – пояснил Иванов. – Присмотрись, мы привыкли, а ситуация на кораблях, да и в пунктах материально-технического обеспечения за рубежом сложная. Дедовщина опять-таки. Нынче не отмолчишься, прошло то времечко».

В политуправлении тоже шли свои игры, но лицедействовали уже на другом уровне. Такого цинизма, такой демагогии Залесин при всем своем опыте и представить даже не мог. В стороне не отсидишься, одной веревочкой со всеми связан. В тяжкие минуты Владимир Петрович думал, что Система, при кажущейся ее мощи, на самом деле слаба, дунь покрепче, и она развалится. И испытывал при этом удовлетворение. Иванов к тому времени перешел на работу в военный отдел ЦК, отдалился, разом позабыв о Залесине, не с кем было даже словом перекинуться. К счастью, Владимир Петрович попал в полосу командировок, и это отвлекло его от тягостных размышлений.

В 1988 году он вылетел в Аден, там пересел на большой десантный корабль, на котором в составе десанта шел Сергей Чижай. Неделю корабль простоял у острова Сокотра, затем, миновав Баб-эль-Мандебский пролив, вошел в Красное море и через некоторое время ошвартовался у острова Нокра, входящего в архипелаг Дохлак.

О присутствии на борту своего будущего соседа по коммунальной квартире Залесин, понятно, не знал. Вообще эпизод с дракой между десантником и «годками» из БЧ-5 не отложился в его памяти. И морского пехотинца Чижая он, конечно, не запомнил. Владимир Петрович и беседовал с Сергеем больше для проформы как представитель политуправления, все решения принимало командование эскадры, оно же решило судьбу участников драки.

14

Поход еще не перевалил за половину, а десантники стали уставать. Чаше, по утрам, вспыхивали короткие ссоры, и уже трудно было включиться в изнурительные ежедневные тренировки – Вакуленко по-прежнему не давал спуска, но и на него ворчали.

Заходили в Камрань, пополнили запасы воды. Неделю простояли у острова Сокотра. Жара – не передать. Бассейн уже не спасал. В океан не сунешься – акулы. Однажды Сергей видел гигантского ската – манту, это рогатое многотонное чудовище выбро-

силось из воды и, взбив пенный каскад, тяжело рухнуло, разбив пополам темный косяк рыбы. А как-то вечером рядом с бортом проплыл кашалот величистой с подлодку.

На стоянках моряки ловили рыбу. Иногда на тройной крючок, на который нанизывали красный лоскут, попадались небольшие кальмары.

Чижай и Антонович обычно выбирали укромное местечко на верхней палубе, где прохладней, сидели, беседовали. Говорил обычно Антонович. Сергей слушал, поражаясь, сколько тот знает всякой чепухи. Узкое асимметричное лицо Антоновича преображалось, движения становились размашистыми.

На гражданке Антонович работал слесарем в домоуправлении и учился на вечернем отделении историко-филологического факультета педагогического института.

– Ну и сколько ты будешь получать, когда окончишь институт? – лениво спрашивал Сергей.

Тот называл сумму – столько Сергей мог без особого напряжения заработать за день, а при особом фарте и за несколько минут.

– Ну ты молоток, – усмехался он. – Шесть лет корячиться. А за что?

Чудак, он и есть чудак. Сергей привязался к Антоновичу, скучал, когда тот был на вахте. Как-то – было это уже в Красном море – Толян пропал три дня. Сергей забеспокоился. Матросик-трюмный, совсем пацан, пряча глаза, сказал: «Приболел Анатолий». Ответ не понравился Сергею. Что-то «масло-пуп» скрывал. Большой десантный корабль стоял на внешнем рейде Массауа и утром должен был уйти на Дохлак. Время позднее, после отбоя, поэтому на поиски Антоновича Сергей отправился в плавках и кроссовках – наткнется на дежурного, скажет: в гальюн шел и заблудился спросонок. Гудели вентиляторы, перегоняя охлажденный воздух. Сергей плохо ориентировался на корабле, только раз был в кубрике, где жил Толян, и теперь боялся на самом деле заблудиться. Можно было дождаться завтрашнего дня, официально поинтересоваться состоянием здоровья матроса Антоновича, но тревога, неведомая ранее Сергею, подталкивала его. Чутье подсказывало, что-то здесь не так: уклончивый ответ матроса, его испуганный взгляд.

Кубрик был освещен синим плафоном. Дневальный ошарашенно выкатил на Сергея глаза, видно, принял за офицера или прапорщика десантников, на вопрос, спит ли Антонович, мотнул башкой в сторону коридора: «У гальюне...»

Мягко ступая кроссовками по коридору, Сергей скользнул в его зыбкую глубину и едва не налетел на могучую спину, из-за которой и увидел Толю Антоновича. Тот стоял, прижавшись к переборке, лицо его было иссиня-бледным, глаза полузакрыты. А обнаженная грудь – у Сергея даже затылок похолодел

– пестрела от кровоподтеков. Густой, спокойный и оттого еще более страшный голос произнес:

– Ну что, сучара? Говори, козел.

Губы у Толяна дрогнули, и он едва слышно прошептал:

– Сволочи... фашисты.

Измученные его глаза натолкнулись на Сергея и удивленно расширились.

Сергея заметил не только он. Крупный, хорошо накачанный, стриженный наголо парень отделился от переборки и, широко улыбнувшись, сказал:

– Глянь-ка, а у нас гость. Весь сам из себя. А кроссовки – фирма! В кроссовках фирмы «Адидас» тебе любая девка даст. А ну вали отсюда, пехота. И забудь, что видел. Наше дело, разберемся. Не то больно тебе сделаем, ох больно.

В голосе его послышались надрывные нотки.

«Из блатных», – определил Сергей, прикидывая что к чему. Свет в глубине коридора был специально вырублен – там смутно проглядывал тупик, а может, и тамбур, из которого дверь ведет наверх, на палубу. Парней трое. Крепкие ребяташки, по возрасту «годки», из старшин.

– А мне-то что, разбирайтесь, – Сергей улыбнулся, стараясь придать голосу заискивающие нотки. Узковат был коридор, не развернешься, да и «годки» стояли, прикрывая друг друга. И все же медлить было нельзя. – Заблудился. В гальюн шел и заблудился.

– Ничего, я тебе укажу дорожку, – стриженный наголо шагнул к нему, развернул корпус и тем самым допустил оплошность – подставился.

Сергей ребром ладони секанул здоровячка, стоящего к нему спиной, по бычьей шее, а стриженного в прыжке достал ногой в живот – успел сконцентрироваться, поэтому удар получился сильный, развернулся на опорной ноге и врезал прямо перед собой, пытаясь поразить третьего, но промахнулся. Тот умело ушел от удара и хлестанул Сергея правой с шагом в сторону. Серега, падая, все же успел схватить его за ремень, рвануть на себя, «годок» приложился головой о переборку и затих, только ноги заскребли по палубе. Выбраться из-под него не успел, кто-то навалился сверху, сильные цепкие руки нащупывали горло, пахло табаком. Сергей прижал подбородок к груди, боковым зрением отметив нависшую над ним квадратную физиономию, ширнул тренированными пальцами, норовя угодить в глаз противнику, и попал. Вопль завис в коридоре. А по трапу уже гремели шаги, и командный голос хрипло произнес: «Прекратить! Применю оружие!»

Сергей выскользнул из-под неподвижного тела, огляделся. Антонович сидел на корточках, закрыв глаза руками, стриженный лежал согнувшись, а тот, кто пытался душить, мотал башкой, подвывая. Уходить некуда, путь наверх преграждал дежурный по

кораблю. Вид у него был испуганный, он торопливо расстегивал кобуру и все не мог расстегнуть.

– Видите, товарищ лейтенант, – ухмыльнулся Сергей, – шел к тете, а ее, оказывается, дома нет.

– Какая тетя? – изумленно спросил дежурный. – Что происходит?

– «Деды» разбушевались, а вы, извиняюсь, мышек не ловите. Моряка давили. Видите, на корточках сидит? Еле жив от страха. И меня чуть не придушили.

– Десантник?

– В самую точку. Братцы, неужели я «годка» замочил?

Если Маринка третий день не появляется, значит, крепко запугали. Она девка крутая, ее на понт не возьмешь. Опираясь на костыль, Сергей прошкандыбал к окну: внизу ворочалась, пофыркивала двигателями машин Большая Пироговская улица. К полудню посветлело, небеса раздернулись, в задымленном свете проезжая часть улицы, раскатанная до глянца, казалась быстро несущейся рекой. Слева, наискосок, белесым пятном проглядывал пруд. Сергей сумрачно глядел на все это, прикидывая: жратвы и питья достаточно, хлеб дед Иван купит... Недели две можно не выходить, а там он что-нибудь придумает. Нужно как-то к Гвидону пробиться. Но как? К нему так просто теперь не подкатишься. А он понял бы и, возможно, простил, дал бы шанс отработать, проявить себя. Попытаться Верке звякнуть, через Ефима достать Гвидона? Мир-то как тесен – ошалеешь. Все ниточки переплелись. Гвидонеская краля – дочь соседа, запасного каперанга, а известный в прошлом фарцовщик Ефим Горовец – ее новоиспеченный муж. Офонареть можно!

Сергей припомнил тусклые, как у дохлой рыбы, глаза соседа там, на кухне, и испытал что-то вроде жалости. Крепко мужика уделали: из собственной квартиры в коммуналку загребел на старости лет. Ах дочурка, ах Верунчик, ручки нежные, а хватка будь-будь, железная. Гвидон, говорят, ее еще девчонкой пригрел, собственный умишко вынул, а свой вложил, ничего получилась система, индивидуальный компьютер. Думали, сенсей на ней женится, а он сделал рокировку, уступил ее Ефиму, оставив в деле. У Гвидона крошка зря со стола не упадет, бережливый. Миллионами «зеленых» ворочает, а за просто так ничего не даст, на халяву не прокатишься. Он, Серега, думал, Гвидон его ценит. Какое! Так, для чернухи держал. И все равно надеяться больше не на кого.

На Ефима Сергей налетел в январе, когда забежал на хазу, решил деда Ивана навестить, заплатить за комнату и прочее. Горовец, красномордый, в голубой финской дубленке, руководил выгрузкой барахла из мебельного фургона. Амбалы вещички затаскивали в подъезд Сергея.

– Ты чего здесь? – спросил Сергей.

– А-а, привет. Да вот тестя перевозжу.

– Тестя? Женился, значит?

– Записались. С Веркой Залесиной. Помнишь ее? Секретарша в нашем офисе?

Черные, с желтыми белками глаза Ефима уперлись Сергею в переносицу. Серега сразу насторожился. Ефим в силе, цапаться с ним не резон. Козел, объедки с хозяйского стола подбирает.

– Видел пару раз. Ничего... Прими поздравления.

– Спасибо. А ты что здесь делаешь?

– Дело. В соседнем доме кореш живет, мимо проходил.

– Ясно.

– Ну пока.

Сергей постоял в соседнем подъезде – не хотелось засвечивать хазу, о ней никто не знал. Считалось, что у Сергея однокомнатный кооператив на Вернадского, куда он переехал после смерти матери. Только кооператив куплен на чужое имя. «Хозяин» на дачке живет в Поваровке и очень не хочет, чтобы дачка та неизвестно из-за чего сгорела, поэтому молчит в тряпочку. А родительскую комнату Сергей придерживал на всякий случай. Разве мог он предположить, что тестя Ефима вселится в ту самую комнату, что, сколько помнил себя, пустовала? Полярный летчик решил под конец жизни жениться на любовнице и съехаться. Поначалу Серега беспокоился: будут теперь дочка и зятек ошиваться у каперанга. Потом махнул рукой – видно, папочку просто выпихнули из квартиры да и забыли о нем. Нет, Верке он звонить не станет. Ефим наверняка все знает, всегда нос по ветру держал, да и женушка его в курсе. Обида у нее на Гвидона, может, и есть, бабы так не прощают, долго в себе держат, но и поперек Хозяину не встанет.

Сергей достал из бара бутылку коньяку, отвинтил крышку и сделал большой глоток – в последнее время он стал часто прикладываться. Алкоголь хоть ненадолго снимал напряжение.

Прилег на тахту, потрогал вялую, словно чужую, ногу. В соседней комнате слышалась грузная поступь. Сосед, как в камере-одиночке, отмеривал шаги. «Нашел кого жалеть, – подумал Сергей, – он-то меня не пожалел».

Да, крепко его тогда, после драки на большом десантном, достали. Хуже некуда. Главное – несправедливость. «Дедов» этих, что над Антоновичем издевались, списали на госпитальное судно – уделал их Сергей круто. Малость превысил меры самообороны. А что, ждать, когда тебя уделают?

Сидел взаперти в старшинской каюте, теплилась надежда: разберутся. Разбираловка шла вяло, чувствовалось: дело хотят прикрыть. И прикрыли – все

свалили на него, Сергея. Тем более что единственный свидетель и потерпевший Толя Антонович исчез. Видно, срочно перевели его на другой корабль, и с концами. Нет свидетеля, нет и дедовщины. Разговоров с дознавателями было много – тягомотина, тот же сосед, каперанг, полчаса жевал мочало: почему да отчего, а по глазам видно – все ему до лампочки. Он и на Серегу не смотрел, так, в иллюминатор туристом поглядывал. И лишь один разговор с прапорщиком Вакуленко был по делу.

– Ты, Серега, Боженьке должен молиться, что концы в воду прячут. Начальству не с руки о новом ЧП наверх докладывать, своих полные штаны. А так пыхтеть бы тебе, корефан, в штрафбате, а то и в зоне. Усек? И не рыпайся. Отслужи на этой каменной кочке и вертайся домой живой и здоровый. А теперь держи пять.

На Нокре особенно не рыпнешся, Сергей это сразу ухватил: голый остров, три чахлах деревца у коттеджей, где живут семьи офицеров и мичманов, а вокруг распрекрасное Красное море с акулами и муренами, не сбежишь, служи, как пионер-комсомолец, и не вякай.

На Нокру Сергей попал в конце сезона дождей. Кое-где сохранились очажки скудной растительности. Слева от пирса, примерно в двух кабельтовых, чернел прямоугольник плавдока, справа – угрюмые, перестроенные из бывшей итальянской тюрьмы склады. Дальше – техзона с выкрашенными серебристой краской цистернами для топлива, еще дальше – казармы, жилой городок, отсеченный от пустыни колючей проволокой, по периметру зенитные самоходки. Вот и все. Если к этому добавить испепеляющий зной и тонкий, рвущий душу звон – вокруг мелкий, как пыль, «поющий» песок, настроение Сергея можно понять. И опять-таки выходило: прав Гвидон – виноват всегда слабый. Распустил сопли, сиди теперь на кочке. Что толку в том, что он заступился за Антоновича? Влез не в свое дело и получил. Кто знает, что тот натворил? Может, стукач...

Командование пункта снабжения кораблей, по видимому, знало о Сергее Чичае правду, так как к переводу его отнеслось спокойно. Серега вступил на «остров невольников», как называли Нокру местные острословы, озлобленным, не вняв поначалу словам прапора Вакуленко, думал, и тот с отцами-командирами заодно. Особенно злобился на каперанга из политуправы, будку его поганую на всю жизнь сфотографировал. Мог ли он тогда предположить, что через три года окажется с ним нос к носу в одной коммуналке и не захочет мстить, потому как из каперанга к тому времени и так воздух выпускают?

Остров Нокра для нервных очень полезен. Сергей уже на второй день успокоился и стал думать, как выжить – главное для морского десантника. Ва-

риантов немного, вся колода без козырей. Плюнешь на ветерке, и плевков тут же тебе в рожу и воротится.

Караульную службу на наружных постах нес Сергей месяца три исправно, без замечаний, чаще ночью, с полным боекомплектом. Сепараты уже пошаливали: то вертолет обстреляют, то ночью подойдут на катере и шибанут из базуки. Хочешь жить – гляди в оба, как в Афгане. К Сергею присматривались и вскоре определили в подразделение специального назначения – это уже было дело. И ребята в спецназе были что надо – подводные диверсанты, подготовочка – люкс, поучиться есть чему. Сергей риск любил, и год, что проторчал на Нокре, был, как он теперь понимал, едва ли не самым ярким в жизни. После боевой службы вернулся Сергей во Владивосток и там узнал, что, пока пересекал Индийский океан, умерла мать.

15

Раиса умерла нехорошо. Тело ее было обнаружено в дальнем пруду у Новодевичьего кладбища. Следов насилия не нашли. Следствию так и не удалось установить обстоятельства смерти. Официальное заключение: несчастный случай. Пьяная упала в воду. Нельзя исключить и самоубийство.

Штолю стоило немалых усилий, чтобы похоронить Раису по христианскому обычаю. Упокоилась она на Старо-Хованском кладбище, где и ее мать. Сергей, как сообщили из воинской части, где он служил, в это время находился в дальнем походе.

В страшной смерти Раисы Иван Иванович увидел попытку искупить грех, некий знак. В последние дни перед смертью она часто вспоминала Сергея: «У нас вся порода порченная: что мать, что я. А Сережа другой. Хоть яблоко от яблони недалеко падает, он все равно другой. Он в деда, отца моего. Вот посмотрите, из армии человеком вернется».

И Штоль мало-помалу, особенно после смерти Раисы, сам стал верить в чудо. В сущности, Сергей теперь остался единственным близким ему человеком, в памяти о мальчике удержалось только хорошее. И Иван Иванович корил себя за нетерпимость и холодность к сироте.

Сколько раз он молился во здравие воина Сергея, сколько часов провел у иконы Николая Чудотворца, смиренно прося наставить мальчика на путь истинный.

Жил надеждой.

И казалось, Бог услышал его молитвы. Тот весенний день, день возвращения Сергея, запечатлелся в памяти. С утра Штоль отправился в церковь, помолившись, долго сидел в монастырском дворе на скамейке под развесистым столетним тополем. Недавно прошел дождь, с дерева капало. Сладостно

пахло молодой травой. Сирень еще не распустилась, сизые ее грозди набрякли. И яркая зелень на газонах, и голубиное постанывание, и блекло-голубое небо говорили о весне, о вечной жизни, и символом ее был простой и нарядный, словно одетый в льняную рубашку, с позолоченными главами-шеломами Смоленский собор. Штоль сидел прикрыв глаза, думал, что надо бы съездить на могилу к родителям, да и Раису навестить пора, лучше бы с Сергеем. По всем расчетам, он самое большее через месяц должен быть в Москве. Вспоминал Сергея грудным, когда принес его из роддома. И ничто не омрачило это светлое, рождающее в душе теплоту видение.

В молочном магазине Штоль купил сливки, кефир, молоко, и почти без очереди, что по нынешним временам было сродни чуду. Умиротворенный, с тяжелой сумкой поднялся на седьмой этаж, и, казалось, едва прикрыл дверь, как задребезжал звонок. Иван Иванович сразу ослабел, перед глазами замелькали черные точки, и, еще даже не открыв дверь, он понял – Сергей.

Мальчик как будто еще подросток, стал крупнее. Утянутая ремнем, налитая его фигура заполнила дверной проем. А форма на нем была необычная: сдвинутый на ухо черный берет, белый аксельбант, короткие сапоги. В его молодцеватой подтянутости было нечто от юнкеров тех, былых времен.

- Дед, ты чего? – спросил Сергей.
- Заходи, сердце что-то. Мама твоя...
- Знаю. Где похоронили?
- На Старо-Хованском. Где бабка.
- Ясенько.

Сергей топтался в коридоре, от него крепко пахло ременной кожей, одеколоном. Иван Иванович все не мог прийти в себя от волнения.

– А я молоко купил. Такая удача. И совсем не большая очередь.

– Ничего, дед, мы сейчас с тобой коньячку выпьем. По чуть-чуть. Помянем маману. А-а?

И по тому, как Сергей прыгал на одной ноге, пытаясь стянуть тесный сапог, по его растерянному лицу Иван Иванович понял, что мальчик взволнован и нет в нем прежнего равнодушия, отчуждения.

Потом они сидели за столом. Два мужика. Дед с внуком. Сергей рассказывал, а Штоль ловил каждое его слово. А на другой день поехали на кладбище. Всю ночь шел дождь. К могиле было трудно добраться. Рядом осваивали участок, ревел экскаватор, натужно выгребая ковшом светло-коричневую глину. Кисло пахло перегоревшей соляжкой. Казалось, копали не могилу, а пробивали траншеи для массовых захоронений, и Штоль вспомнил, как вез он там, на Соловках, в разбитых санях смерзшиеся трупы тех, кто еще совсем недавно жил с ним по соседству, спал на одних нарах. Скрипел под полозьями снег,

в отдалении лаяли собаки. Из трубы кладбищенской сторожки дым уходил вертикально вверх. Трупы Штоль сбрасывал в яму, а по краям ее на вывороченной черной земле сидели вороны.

Мелькнуло видение и погасло.

Сергей был бледен, тер подбородок. Потом, мотнув головой, сказал:

– Памятник поставлю. Черный габбро. Законно...

Иллюзия некоего нового, воскресшего и очищенного Сергея исчезла после того, как он снял мундир морского пехотинца и облачился в выцветшую куртку и джинсы. Молодежная униформа лишала человека индивидуальности, и это, как считал Штоль, было еще одним дьявольским наваждением, еще одной бесовской отметиной. Словно в преддверии битвы при Армагеддоне, серо-голубые легионы ошельмованных нечистым шагали по городам и весям под хриплые вопли и бречание гитар. В этом жутковатом видении был и свой особый знак: в молодежной одежде все чаще и чаще появлялись детали военной формы, и не традиционной, русской, а перекочевавшей оттуда, с Запада, да и сама форма – армейские рубашки, куртки, ботинки – прочно входила в обиход. И это усиливало впечатление, что человечество спешно готовится к войне, торопливо облачая пушечное мясо в армейские обноски.

Сергей исчез, растворился в этой серо-голубой метели и, судя по всему, вернулся к прежним занятиям. Впрочем, разве сейчас что-нибудь поймаешь? Говорит, что работает в кооперативе. Но однажды Иван Иванович видел у Сергея под курткой револьвер...

Жил он теперь в другом месте, комнату использовал как склад, приезжал обычно один, реже с девицей, заносил какие-то ящики и исчезал. Был Сергей неизменно приветлив, даже мил, но в голосе его Штоль чутко улавливал металлические, присущие людям-фантомам нотки. На земле правил Сатана, а Божья рать еще что-то выжидала.

16

В начале июня зазвонил телефон. Звонили им редко, больше по ошибке. Залесин взял трубку и услышал сытый баритон Ванечки, контр-адмирала Иванова.

– Володя, ты? Куда пропал, старина?

– Пропал... Погоди, как ты узнал телефон? Дочь, что ли, дала?

Ванечка рассмеялся:

– Представь себе, твой зять.

– А ты его откуда знаешь?

– При посредничестве Ефима Семеновича мы открыли свою фирму – совместное предприятие. Крупное дело, старина. А зять у тебя деловой. Раз-

говорились, он о тебе и вспомнил. Обижаются молодые. Сгинул и носа не кажешь.

«Обижаются...» Залесин вспомнил лицо дочери, когда разъезжались. Сдержав себя, спросил:

– А ты что... уже не служишь?

– А зачем? Какой смысл? Год как уволился. Сейчас интересные дела крутить можно. Иное время... Слушай, давай мы с тобой пообедаем сегодня. Часиков в пятнадцать, а? В ресторане Дома литераторов. Я столик закажу.

– В Доме литераторов? – не веря своим ушам, переспросил Залесин.

– Ну да. Заметано? Я за тобой заеду. Ты ведь в том доме живешь, где кинотеатр «Спорт»? Вот и стой около кинотеатра, я там прижмусь к тротуару. До встречи.

Залесин некоторое время держал трубку, прислушиваясь к прерывистым гудкам. Да, мир поистине перевернулся. Адмирал, сотрудник военного отдела ЦК и... Ефим Горовец – делец, махинатор и наверняка жулик. Совместное предприятие. Вспомнилось темное, будто обугленное лицо отца и его презрительно брошенное о ком-то: «Перерожденец».

От обеда с Ивановым он все же не отказался. Очень уж одиноко было в душной, распаренной Москве. И еще любопытно посмотреть на Ванечку в новом качестве. А может, звонка и вовсе не было? Так, показалось. В последнее время Залесин стал замечать за собой некоторые странности: реальная жизнь нередко мешалась с вымыслом и что-то происходило с памятью.

Иванов прикатил на серебристом «Вольво», на нем был дорогой, спортивного покроя костюм, скрывающий полноту, – этакий молодящийся бизнесмен, отправляющийся на уик-энд. По дороге шутил, припоминая веселые курсантские истории, проводя между тем мысль, что порывать с молодыми нельзя, глупо, молодые нынче опора и подмога, терпимее нужно быть, без этой большевистской принципиальности.

Залесин привычно кивал, вроде как соглашаясь, а внутренне копилось раздражение, крепла уверенность, что вот и он, Залесин, понадобился бывшему другу. Неужто через дочь на Горовца этого повлиять хочет? Куда уж дальше? Дочь Вера... Зияла в груди черная, с опаленными краями дыра.

В последнее время, спасаясь от одиночества и бессонницы, Залесин стал ночами просматривать любительские свои кинофильмы. Тогда, в середине шестидесятых, было такое увлечение – снимать домашние фильмы, кинокамеры и пленка свободно продавались в магазинах. Залесин по настоянию жены купил портативную кинокамеру. Они с Леной в отпусках путешествовали: Карелия, Дальний Восток, Алтай, а потом родилась дочка, и фильмы обрели уже характер семейной хроники.

После мелькания каких-то пятен – пленку Залесин проявлял сам – на простыне, повешенной на стену, возникали разные лица, места из прежней жизни, рождалась иллюзия, что он, Залесин, снова там, в ЕГО времени. Вот Лена, молодая, красивая, у походного костра, вот дочь на слабых кривоватых ножках делает первые шаги, вот она в детском саду, школе. Какое доброе, какое светлое личико. Неужели это она из-за пустяковой размолвки могла кричать на него, требовать размена квартиры и, в конце концов, бросить одного в горе? Нет, ему подменили дочь, подменили такие вот перерожденцы, как Иванов, как вся эта нечисть, что обрушила страну, лишила народ воли к сопротивлению. Почему он сидит в этом роскошном автомобиле?

– Останови, – хрипло сказал он.

Ванечка удивленно покосился на него:

– Не понял.

– Машину останови!

– А в чем дело? Мы же едем обедать.

Залесин усмехнулся:

– Аппетита, знаешь ли, нет.

Иванов резко притормозил автомобиль и холодно сказал:

– Твоя дочь права, ты – сумасшедший. Пропадешь ведь, дурак!

Залесин захлопнул дверцу и медленно побрел по раскаленной улице, чувствуя с каждым шагом облегчение.

Несколько дней он прожил с ощущением, что оборвалась последняя нить, связывающая его с жизнью. Залесин бессмысленно кружил вокруг пруда у Новодевичьего монастыря, равнодушно глядел на уток, что с сухим треском садились на темную воду, на мальчишек с удочками. Со стороны Лужников волнами накатывал гул голосов, их перекрывали крики ораторов, усиленные громкоговорителями, – там бушевали митинги, и в плотном от духоты воздухе чувствовалась напряженность.

В последние дни Залесин спал плохо, по ночам его преследовали видения, которые трудно было отделить от реальности.

Как-то вечером в сквере на улице Усачева Владимир Петрович познакомился с Елизаром Рудько. Вначале Залесин не обратил на Рудько внимания: так, опустившийся, крепко пьющий интеллигент. Узкое, нечистое лицо со спутанной бородой, выпуклые, с блеском черные глаза, заношенная одежонка, костыль, на левой стопе гипсовая лангета. Он сбивчиво говорил что-то о пришельцах, приводил по памяти цитаты из Библии. Залесин слушал его невнимательно, больше из вежливости. Он серьезно опасался за свою психику, а тут еще один сумасшедший.

Из разговора удалось выяснить, что Рудько биолог, кандидат наук, в прошлом преподаватель МГУ,

доцент. Постепенно беседы с Елизаром Рудько увлекли Залесина. Он, как историк и философ, видел прорехи и неточности в построениях собеседника, но ложились они на подготовленную почву и потому находили в душе отклик.

Однажды Рудько спросил:

– А почему, собственно, вы в Москве маетесь? Уже грибы, говорят, пошли. Если бы я ногу не подвернул, давно бы уже жил в Козлово. После родителей мне там дом по наследству достался. Полдома я продал, на что и живу сейчас, а полдома – мои. Так сказать, родные пенаты. Места дивные. Вам есть куда поехать?

– Нет.

– Поезжайте, голубчик. Заодно и за моей берлогой присмотрите. Я с весны только раз был, болячки замучили. Ехать электричкой по Ленинградской дороге до Завидово, а там автобусом. Снабжение лучше, чем в Москве. Сосед – Петр Мефодьевич Хворост – нормальный мужик, из отставников, я ему записку напишу. Поезжайте, не пожалеете.

«А что, поеду, – решил вдруг Залесин, – возьму палатку, спальник». И вздохнул, припоминая, как ходил с женой в тайгу под Северодвинском.

И поехал.

Козлово – большое старинное село, с недавних пор поименовали поселком городского типа. Рядом – охотхозяйство, правительственная резиденция. О новой истории поселка поведаль Залесину на автобусной остановке старичок, этакий дедушка Мичурин, седобородый и как бы весь ехидно прищуренный.

– Леонид Ильич Брежнев, светлая ему память, очень уж охоту уважал. Дорогу велел построить: свернул с Ленинградского шоссе и напрямик в Козлово. Жизнь в Козлове при нем как за границей была. В магазинах что хочешь, в Москве такого не сыщешь. Чтобы, значить, народ неудовольствия не высказывал. А теперь? – старичок сплюнул. – Хоть шаром покати. А нынешние-то ездют. И с бабами, и так. Погужуются и назад. Мелкий народ.

Дом был деревянный, старый, но еще крепкий, стоял на окраине поселка. Неподалеку, за полем, начинался лес. Обстановка в доме осталась от прежних хозяев: железная кровать с шпешками на спинках, громадный сундук, табуреты, сколоченные крепко, на века. И кухонная утварь – сковороды, горшки, луженые с прозеленью кастрюли – им под стать. Прежние хозяева намеревались жить долго, передавать добро из поколения в поколение, но вот род их иссяк, старики умерли, а Рудько, в недавнем прошлом преподаватель университета, давно оторвался от земли.

Странно выглядели холодильник и газовая плита среди старых вещей.

Телевизора не было, за газетами ходить далеко, Залесин взял с собой приемник на транзисторах, но включал редко, берег батарейки. Для чтения прихватил томик Николая Бердяева «Самопознание».

Двор зарос одичавшей смородиной, едва ли не в рост человека крапивой. На задах усадьбы, рядом с уборной и дровяным сараем, росли несколько корявых яблонь, давно уже не дающих плодов. По сравнению с ухоженной усадьбой Хвороста, где были и парники, и ровные грядки с огородной зеленью, и крепкий молодой сад, участок, принадлежавший Рудько, выглядел убогим и заброшенным.

Залесин уходил далеко в лес, иногда с ночевой, дня на два. Брал с собой палатку, спальный мешок, еду. Сразу за поселком на многие километры тянулись прозрачные, как бы сквозные березняки, местами, на сухих холмах, их перебивали сосны. В будний день грибников в лесу было мало, часто встречались кабаньи следы.

Впервые за много месяцев было ему спокойно – Бердяев настраивал мысли на философский лад, о вечном. Владимир Петрович лежал в палатке, слушал ночные шорохи, но где-то рядом, словно за глухой стеной, тяжело ворочались мысли. Как же так вышло, что от него отвернулась родная дочь, предал друг юности, и, когда он был на грани безумия, руку помощи протянул чужой опустившийся, нищий человек. Уловив его душевное состояние, Рудько, не задумываясь, дал ключи от дома в Козлово, не потребовав никакого вознаграждения. Оказывается, не исчезло, не кануло в Лету людское сострадание, без которого невозможно представить русского человека. Значит, не все потеряно?

За две недели Владимир Петрович только раз перекинулся словом с соседом Петром Мефодьевичем Хворостом. Встретились у колодца. Сосед вежливо поинтересовался, не надо ли чего, и ушел, согнувшись под тяжестью ведер с водой. Плотный, стриженный под бобр, с густыми, сросшимися у переносицы бровями матерый мужик. Было ему под семьдесят, а ни одного седого волоса, лицо же старое, в резких морщинах. Что-то львиное было в его облике. Хворост с раннего утра возился в саду, на огороде. Видно, был одинок, никто к нему не приезжал, да и сам отлучался редко. Вечерами за стеной слышалось бормотание телевизора. Залесину хотелось зайти к соседу, поговорить, посидеть у телевизора, но он так и не решился.

17

Ах каким молодцом закатился тогда Сергей в Москву после дембеля! Форма морского пехотинца подогнана, беретик с красным треугольником, брюки в обтяжку, загар – красавец. Встречай героя, столица!

О Нокре позабыл, усаживаясь во Владивостоке в самолет. Вытерпел все, вынес, кожу задубил – и с приветом. Во Владивостоке туман лежал на сопках, дождь, слякоть, а в Москве солнце, сирень набухла, по Арбату телки парадными расчётами маршировали, и у каждой в глазах просьба: полюби, Брюс, полюби, красавчик. Несколько смутил дед Иван, поставивший до неузнаваемости. Да на кладбище Серега слегка расслабился: какая-никакая, а все же мать. А в остальном все железно. Через два дня, переодевшись в гражданку, отправился к Гвидону. Раньше тот скромно жил в кооперативной двухкомнатной секции, но, как выяснилось, прежняя квартирка теперь вроде конторы, хаза сенсей в Кунцеве, да плюс дачка где-то в районе Левобережной. Два лба стали у Сергея расспрашивать, кто он такой и зачем ему нужен господин Костецкий. Сергей заставил себя ласково улыбнуться и так же ласково сказал:

– Я сейчас вас, падл, по стенке размажу. Доложите господину Костецкому, что Брюс прибыл.

Те удивились и пошли звонить по телефону.

Гвидон принял Сергея на другой день. Эти же лбы усадили Сергея в «Вольво» и полчаса крутили по Москве, пока не оказались в престижном зеленом районе у дома первой категории. Гвидон вышел в роскошном халате, как граф Монте-Кристо. Встреча длилась семь минут – Сергей засек время. Не выкроил больше времени сенсей для своего преданного ученика. Деловой. Учитель слегка обрюзг, но был еще хоть куда.

– С этого дня, – тихо сказал Гвидон, – ты будешь приказом назначен в наш кооператив, точнее – совместное предприятие, на должность водителя-экспедитора. Окладом останешься доволен. Ездить придется мало, иногда дежурить на наших объектах, разумеется, за дополнительную плату. Время сам знаешь какое. Кругом шакалы. Вот подъемные, – достал из ящика стола две пачки: толстую и тонкую. В тонкой – Сергей по цвету банкнот определил – валюта. – Пьешь?

– Нет. И не начинал. В форме.

– Отлично. Тогда вот тебе еще и премиальные, – Гвидон положил на край стола еще одну пачку в банковской упаковке. Деревянные хрусты, но все же. Сенсей внимательно посмотрел на Сергея: – И уясни главное: это только начало, не исключено, что через какое-то время мы возьмем тебя в дело. Ну?

– Да я...

– Вот и отлично. С бабами осторожнее, не выставляйся. И не суетись, сосредоточься на главном. Не забыл Учение?

– Помню. Только потому и выжил.

– Тогда пока, – Гвидон протянул руку. Судя по твердым валикам на пальцах, учитель был еще в хорошей форме.

За год Сергей имел то, о чем раньше и не мечтал: тачку – «Жигули» девятой модели, шмотье, а главное, бабки. Но что это в сравнении с тем, как крутили ребятишки из их кооператива? Гвидон – до него вообще не дотянешься, а такие же, как он, Серега Чижай, только с дипломами вузов, бабки гнали, аж дух захватывало.

«Проверяют», – думал Сергей. Не все же шоферить и дачи охранять, возьмут в дело. Возьмут! А время шло. Вскоре должна начаться приватизация, об этом говорили серьезные люди, бабки позарез нужны, и немалые. Вот тогда-то и родилась шальная мысль, зацепила Серегу, да так, что у него крыша поехала. Верно сказано: жадность фраера сгубила. Да, потерял Серега ориентир, сорвался. Больно уж хапали все вокруг. Струхнул: ему не хватит, до него очередь не дойдет. А Гвидон, похоже, забыл о нем, близко к делам не подпускал, так, на третьих ролях: шоферюга, боевик, охранник. Копилась обида – за шестерку держит его учитель. А он, Чижай, повыше метил. Разве не заслужил?

Вариант подсказала жизнь. Подбросила смурную идею, да какую – переиграть начальничка. Эх знать бы где упадешь – соломки бы подстелил.

Прятать Гвидону концы в воду при нынешней обстановке незачем – все открыто, гласность, да, видать, вел он двойную, а то и тройную игру. Потому как раз в неделю Сергей выполнял особое поручение – доставлял в Капотню кейс с наборным замком и передавал с рук на руки мордатому и вроде бы пьяному бугаю, грузчику из продовольственного магазина. Только бугай пьяным не был, да и в грузчиках не состоял. А раза два в месяц Серега крутил покруче дельце. Дельце это, судя по конспирации, было особое. Если в кейсе возил Серега, скорее всего, деревянные бабки, то здесь сверточек был поменьше, но потяжелее. Валюта, а может, и золотишко.

Дельце раскручивалось так: в установленное время, чаще всего это был понедельник, в четырнадцать часов, на Ленинградском шоссе напротив гостиницы «Советская» к Сергею в тачку подсаживался плюгавый старичок из отставников с солидной колодкой орденов и медалей на пиджаке. «На Кунцевское кладбище, – коротко бросал папашка, будто видел Сергея впервые, и всю дорогу мурлыкал: – Три танкиста, три веселых друга – экипаж машины боевой...» Такой светлый старичок, божий одуванчик, ни за что не поверишь, что он доверенный курьер самого Гвидона. Сергею такую роль не доверяли, а ему – в самый раз. Да и конечно, что молодому парню на кладбище делать? Старичок же, отставной, к примеру, полковник, вполне может навестить могилу боевого друга или безвременно усопшей супруги. Посидеть, повздыхать, а заодно осторожно сунуть пакет в «почтовый ящик». Божий одуванчик так и по-

ступал. Сергей подкатывал к кладбищу, парковался у входа, старичок, кряхтя, доставал из-под коврика пакет, совал его в задрипанную сумочку и, приволакивая ногу, тащился на кладбище. Обычная, ничем не примечательная фигура.

Через час старичок возвращался грустный и на обратном пути – уже только до станции метро «Молодежная» – горестно и очень натурально вздыхал. Оно и понятно, догадывался, с чем пакетик в очередной раз в тайник припрятывал. Один пакет – и сытая, обеспеченная старость. Только знал старикан и другое: за «почтовым ящиком» приглядывают, и очень внимательно. Далекое не уедешь. Засечь могилку, куда старичок отправлялся скорбеть, мог лишь посторонний человек, вроде бы случайно оказавшийся рядом. Ну а изъять пакет, когда снимут наблюдение, – вопрос техники, тем более что Серега по опыту знал: вскрывают «ящики» из предосторожности на другой день.

Для операции нужен был свой надежный, незаметный человек, что смог бы аккуратно приглядеть за старичком и сделать наводку.

Сергею даже голову не пришлось ломать – судьба опять ему случай подбросила, будто испытывала его: по дороге на хазу заскочил он как-то на Усачевский рынок за зеленью и там, в ряду, где торгуют цветами, едва не столкнулся с Толяном Антоновичем. Тот был бледен, глаза дурные, словно чего наюхался.

– Толян! – Серега обнял его. Не виделись они с того момента, когда Сергей делал «годков» в коридоре большого десантного корабля. – Здорово!

– Здравствуй, – вяло откликнулся Толян и вдруг расплакался, да так, что Сергея холодом обдало.

– Ты чего? – спросил он.

– Мамка умерла... – Антонович всхлипнул. – И похоронить толком не могу, кладбище предлагают черт-те где. Я ездил: поле, экскаватором яма вывернута, а на дне вода. Сунул куда поближе, даже говорить не хотят, то-сё...

– Именно то-сё, – Сергей усмехнулся. Знал он, во что нынче похороны обходятся, особенно на престижном кладбище. Хорошие бабки берут... А что, если Шнобеля пощупать? Он вполне может за «ящиком» приглядеть. Очень даже.

– Утрись, Толян. Не баба! – сказал Сергей. – Похороним твою мамашу, на хорошем кладбище похороним. Хочешь на Кунцевском?

– Да ты что, это же филиал Новодевичьего.

– Попытка не пытка.

– Не знаю, по правде говоря, утруждать тебя неловко. Ты и так из-за меня настрадался. Я тебя искал, звонил, да сосед ответил, что ты съехал.

– Верно. А насчет того забудь. Мы же корефаны, в море на боевой службе были, а это, друг, не забы-

вается. Короче, жди меня через два часа в скверике у Новодевичьего монастыря, где общественный сортир. Усек?

– Да.

За час Сергей через одного человечка узнал, с кем нужно говорить о Кунцевском насчет места, кому и сколько дать в лапу. В условленное время встретился с Антоновичем, проинструктировал и вручил пачку денег.

– Зачем? – обиделся тот.

– Бери, Толян, я в фирме, бабки есть. Отдай кому сказано, и все будет тип-топ. Заработаешь – вернешь. У тебя адрес прежний, на Доватора?

– Да, – Толян растерянно смотрел на него.

– Действуй. Извини, мамашу твою проводить не смогу, вечерним рейсом лечу в Австрию. Дело. Держись, старик.

– Погоди, а я тебя как найду?

– Вернусь из командировки, заскочу. Я переезжаю на новую квартиру.

Вот так и закрутилось – фарт сам шел в руки. Выходит, не иначе как дьявол вывел Сергея на придурка Толю Антоновича. Самый бы раз остановиться...

С Толяном вышло просто. Серега закатился к нему на девятый день, с коньяком, помянули мамашу, после чего приступил к делу. Для начала нагнал туману: сотрудничает с Интерполом по борьбе с наркобизнесом, для убедительности показал пушку в кобуре, что болталась под мышкой. Дальше – просьба приглядеть за клиентом, что появится в понедельник после обеда на Кунцевском кладбище. Задача простая: отметить, у какой могилы будет сидеть старичок. Антонович сразу согласился, даже глаза загорелись – бороться с наркомафией дело важное, и понятливым оказался, инструкции Сергея сразу ухватил, чтобы не засветиться.

Сергей понял: о гонораре не может быть и речи, Толян идейный и согласится работать только бесплатно. Ничего, выгорело бы дело, а способ отблагодарить найдется.

Все прошло без осечки, и в понедельник вечером Сергей имел точный планчик, как разыскать могилу и каменную скамейку, где сидел божий одуванчик. Валяясь теперь целыми днями на койке, Сергей в который раз шаг за шагом изучал операцию, пытаясь понять, на каком этапе произошел провал, кто и где засветился.

Толяна Антоновича он отверг сразу, его засечь вряд ли могли, выходит, сам прокололся. Но где? Когда на Кунцевском кладбище тряс «почтовый ящик»? Но ведь ночь и никто не тронул. Значит, стукнули компаньоны по кутаисской фирме, в которую Сергей поместил деньги. Мог бы догадаться: у Гвидона повсюду люди. Да, пожалуй, так. Рыли основательно. Тряхнули божьего одуванчика – пусто,

портрет его вскоре по телевизору показали: «Ушел и не вернулся...» Потом по близким и дальним связям Сергея прошлись – у сенсея хватка мертвая. А тут и авторитет может пошатнуться.

Сергея от дел, понятно, отстранили. Но не от всех. Гвидон сам с ним разговаривал, сказал, что фирма слегка горит и в компаньоны его, Серегу, не берут, не время. Дал понять – жди. Тут-то Сергей и расслабился, сунулся к деловым из Кутаиси. И ведь тоже не сразу почувствовал пустоту вокруг себя. Видать, Гвидон все-таки верил ему, не хотел согласиться с тем, что воспитанник его пошел на подлянку, стал крысячничать. А может, выжидал?

18

В ночь на девятнадцатое августа Владимир Петрович ночевал в лесу, проснулся поздно, повесил над костром котелок, чтобы вскипятить воду для кофе, и включил транзистор. Батарейки наполовину сели, сквозь треск и завывание он все же услышал указ ГКЧП. У него тряслись руки, когда он укладывал палатку и рюкзак. То, что случилось, должно было случиться раньше. Он, встретивший перестройку с восторгом, не верил уже ни в партию, ни в какие-то перемены в ней, верил только одному – порядок в гибнущей стране, как это уже случалось не раз, можно навести только твердой рукой. Да, да! Иначе хаос и всеобщий распад.

Пять километров до Козлово отмахал с рекордной скоростью, по пути включил транзистор, но батарейки отказали, как был с рюкзаком, сунулся к соседу, но Хворост исчез и пропадал до сумерек. Потом выяснилось: ездил в Новозавидовский в поисках водки или самогона. Когда Владимир Петрович вечером в начале девятого постучал к нему в надежде ухватить хоть программу «Время», Хворост живо, без удивления откликнулся: «Входи!» Залесин вошел.

Сосед сидел за столом, накрытым голубой скатертью. На столе закуска: копченый лещ, соленые огурцы, сало, зелень. В центре две бутылки из-под лимонада, заткнутые полиэтиленовыми пробками.

– Петр Мефодьевич... – начал Залесин.

– Садись, – оборвал тот. Налил в стаканы синеватой жидкости, мрачно покосившись на Залесина, спросил: – Рад? – И сам ответил: – Вижу. Только зря радуешься.

– Почему?

– Пей... только залпом. Страшная штука. Из чего они, сволочи, только его гонят? Почему, спрашиваешь? Поздно. Момент упущен. И люди не те. Слабаки.

Самогон с непривычки оглушил Залесина, у него отнялся затылок и звенело в ушах, как перед обмороком. А Хворост ходил по комнате, волока за собой кривую рукастую тень, и говорил, говорил:

– Нам конец! Неужели ты не понял? Ну мы ладно, жизнь прожили, но молодым-то тоже конец, а они, как дурачки, пляшут этот.. рок на отцовском трупе. По каким основным признакам определяется здоровье нации? По тому, как народ относится к старикам, детям, женщинам и армии. Чуешь? Комментировать не нужно? Так-то! Могилы павших на войне воинов упыри раскапывают, баб насилуют, детей развратили, а старики, ветераны догнивают по приютам и коммуналкам. Про армию и говорить нечего. Анекдот недавно слышал: инвалид войны пьет пиво, морщится. В пивной дело происходит. У него спрашивает рэкетир, харя поганая: что, батя, не идет пивко? Не идет, дрянь, а не пиво. Правильно! А воевал бы чуток похуже, мы бы сейчас баварское пиво пили в свое удовольствие. Каково? Хозяин на Руси нужен, хозяин...

Остальную часть разговора Залесин помнил плохо. Он сразу тяжело опьянел. Утром, несмотря на похмелье, уехал в Москву. Все в нем противилось тому, что ронял, расхаживая по избе, Хворост, жила еще в нем надежда. Первые после подавления путча дни стали для Залесина кошмаром, порой ему даже казалось, что он заболевает.

Наверное, так оно и было. Залесина преследовали слуховые галлюцинации, он явственно слышал голоса, чаще всего юношеские, а иногда и детские. «Видите, идет? Да, да, содействовал, был на их стороне», – звенел срывающийся тенорок. «А почему он на свободе, если причастен к заговору?» – «Не опасен... Уже не опасен». – «Нет уж, извините, его место в Бутырке».

Голоса слышались отовсюду, они рождались в тишине глубокой ночи, из гудящего бормотания радио, из раздраженного гула очереди у магазина. Хворост стал его постоянным оппонентом. Являлся он обычно под утро, когда человек особенно беззащитен и слаб. Залесин не взялся бы определить, что это: галлюцинация или сон. Он не видел, а скорее чувствовал присутствие Хвороста, слышал его шаркающие шаги, его раздраженный, переходящий в хриплый шепот голос.

– Мы вялы, импотентны, мы не способны ничего отстоять, ни своей земли, ни культурных традиций, ни детей, – твердил он. – Взять хотя бы историю с твоей дочерью, Владимир Петрович. Ты уступил ее без борьбы. Разве не так? Ее ведь попросту увели у тебя из-под носа. А твое последнее прибежище, коммунальный ковчег, как ты его называешь. Разве не символично? Кто оказался в ковчеге? Безумный старик-созерцатель из бывших, ренегат-вероотступник и бандит. Такой ковчег плывет в никуда.

– Но позвольте! – пытался защищаться Залесин.

– Не позволяю! – сипел Хворост. – Кто предал партию? Молчишь, сволочь? Правильно, молчи. Ко-

роеды, вечно все разъедаете. Ишь как заблажили: партократия виновата. А откуда она взялась, партократия? Вы же ее и выпестовали, советнички хреновы, референты, мать вашу! И где она сейчас? В «Белый дом» всей кодлой переехала. А теперь хлопайте по заднице, стенайте. Кто армию разложил? Демократы? Хрена с два! Они только за ниточки потаенные дергали, а разлагали вы, гниль! Вот и доигрались. Страна в руинах, народишко с протянутой рукой стоит, любому куску рад. Нация кусочников!

– Вздор! Мы великая нация!

– Великая? Один из признаков деградации – пассивность. Сколько же крови должно пролиться, какой взбадривающий укол нам нужен, чтобы проснуться?

– Народ, проснись!

– Что-что?

– Надпись такую видел... На Гоголевском бульваре.

– Жди, проснется. Когда рак на Арbate раком встанет и в клешню свистнет.

Рудько куда-то пропал, телефона дочери Залесин не знал, в поликлинике ему выписали таблетки. Вместо одной он глотал сразу две, погружаясь в тяжелый сон с яркими цветными сновидениями.

19

На послеобеденную, ставшую уже ритуалом прогулку Штоль вышел, ощущая смутную, сохранившуюся с утра тревогу. И хотя источник тревоги он определил, все равно на сердце было неспокойно.

С Сергеем в последние дни творилось неладное. Он явно чего-то боялся. Девица, что ходила к нему, десять дней назад привела мастера, и тот установил на дверь особый импортный замок и стальную цепочку. И еще – Сергей стал выпивать, что за ним раньше не замечалось. Лицо его обрюзгло, а в тусклых черных глазах застыло недоумение, он словно силился что-то понять и не мог. Но вот что странно: сквозь самодовольную маску, присущую людям-фантомам, прорезались вдруг человеческие черты. Как-то Штоль стал свидетелем такой сцены: Сергей стоял в коридоре, опираясь на костыль, и с улыбкой слушал, как поет кенар.

При всей несхожести с Залесиним их объединяло что-то общее. А вот что?

Штоль спустился на лифте, вышел во двор – их небольшой, запруженный автомобилями дворик показался еще меньше. Место со злобными старухами на скамейке он всегда старался побыстрее миновать. Сейчас на скамейке одиноко сидел парень в кепке и кожаной куртке.

А день был хорош, неяркий октябрьский денек. В потоке разрозненных картин, вспыхивающих и гас-

нущих в памяти старика, перед глазами возник такой же вот погожий день. Только было это, пожалуй, в июле. Да-да, в июле семидесятого года. Штоль давно собирался побывать на Соловках и наконец собрался. До Кеми ехал поездом. В вагоне было несколько пассажиров, не то рыбаки, не то лесорубы. Поезд подолгу простаивал на небольших станциях: платформы в древесной щепе, угрюмый лес в отдалении и ярко-зеленые луга попеременно с озерами. Донимал гнус.

А Кемь была залита солнцем. Деревянные дома, заборы, тротуары дымились. По улицам бродили куры, тощие, жилистые, нахальные. И ничто не напоминало о тех страшных днях – тоже летом и тоже в белые ночи, когда их, эзков, еще не ведавших, что ждет впереди, сгружали здесь, как скот. Выстраивали в колонны по четыре. Собаки озлобленно рвались с поводков, орали конвоиры. Иван Штоль ничего не понимал – все в нем окаменело за долгий путь, а чутье подсказывало: впереди будет хуже.

Нет, ничего не напоминало то время.

Ждать парохода пришлось часа три. Туристы, рыбаки, женщины с детьми, военные моряки разместились на бревнах у пристани. Море было голубым. Швертбот с желтым парусом скользил в отдалении. Дремотный покой. Острый запах огородной зелени.

Штоль сидел на теплом бревне и думал, что ничего на самом деле не было, так, дурной сон. Не было ни Попова-острова, ни парохода, где арестованных набивали в трюмы, как сельдей в бочку, – они дремали и управлялись, будто лошади, стоя. Такое же ощущение не покидало его, когда он бродил по двору Соловецкого монастыря, точнее, того, что от него осталось: облупленные стены, могильные плиты, схваченные едкой плесенью, колокола, выставленные напоказ на монастырском подворье. Время сжало, уплотнило камни, монастырь казался меньше. Не верилось, что здесь размещались тысячи узников.

Экскурсовод, молодая женщина, сердито говорила о том, что исторические строения изуродовали военные, устроившие здесь школу юнг, и ни словом не обмолвилась о Соловецком лагере особого назначения, как будто его и вовсе не было.

Зашел Штоль и на Варфоломеевское кладбище, попытался найти могилы, куда он сваливал трупы расстрелянных, и не нашел. Пожалуй, только небо осталось неизменным, все так же равнодушно взирало оно на остров и белесую воду вокруг него.

Жить Штоля поместили в монастырской келье. Гремело радио, в коридоре визгливо хохотали туристки.

Тогда он предпринял первую и последнюю попытку вернуться в прошлое, переосмыслить его, понять и начать жить активно. Пустая затея. Как че-

ловек, как личность он умер еще тогда, в 1925 году, остальная жизнь была не более чем имитацией.

Глядя на яркую желтизну сквера, на белые стены, купола и колокольню Новодевичьего монастыря, Штоль подумал, что долгая его жизнь оказалась как бы заключенной между двумя монастырями, и здесь и там темные озера, и здесь и там он жил надеждой на лучшее. И не дождался. Мысль не принесла горечи.

Идти домой не хотелось. Штоль решил посидеть на скамейке в сквере на Усачевке. В былые времена там собирались старики его поколения. Штоля уважали за умение слушать. И никому не приходило в голову, что он от них старался узнать о жизни, той, другой, пусть жестокой, пусть трудной, но вне зоны, на воле, жизни, которую у него отняли. Сейчас из всех стариков остался он один.

20

Когда Сергея во время августовских событий пригласили на дело, дали инструкции, он воспринял духом: пронесло! Значит, верят, раз сгодился. Мог ли он предположить, для чего его выдернули? Нет, слюны развесил, слабак!

Об августовском путче Сергей вспоминал с презрением: туфта! Журналисты подсветили. Клево поработали и не за так. Нынче идейных дураков нет. Разве что Толян. Революция, праздник! И в фотокамеры, и на экран нужные люди попали – шизики, что орали, под танки были готовы кинуться. Цель одна, фраерская – себя выставить. Им и власть-то какая – один хрен, лишь бы подухариться. А кончится тусовка, снова на кухню языком трепать да вздрагивать от каждого шороха.

Интеллигенты вонючие! Что им защищать у «Белого дома»? Свободу? Демократию? Есть бабки, есть и свобода. И на что надеялись, шизы? А если бы настоящая хунта? Те крутые ребята, сопли распускать не будут. И что тогда? Кто побогаче, золотишко в чемодан и в Штаты, гуд бай, май дарлинг! Другая часть – по норам, ждать, пока заваруха кончится, а потом выползает на брюхе и хвостиком вилять, простите. Ну а быдло – кому вышак, остальным же хавальники прикрыть и вкальвать, грехи замаливать.

Гвидону с компанией есть что терять. Они никогда худо не жили, но все же с оглядкой, а тут все легально: и власть, и богатство, и почет. А заноеет внутри, кровавые мальчишки по ночам станут сниться – столовку для оголодавших стариков откроют или миллион сиротам пожертвуют. Все законно.

Сергея включили в спецгруппу – ту, что должна была организовать свалку, солдат память. Ребятки отборные: спортсмены, десантники, «афганцы».

Дело рискованное, да есть за что – бабки пообещали приличные. Да и биржевики с кооператорами кое-что отстегнут. Огнестрельное оружие не брать. Выйдет серьезная заваруха – автоматами обеспечат. Хотя серьезные осложнения вряд ли будут. Есть сведения...

Инструктировал Николай Петрович. Лет пятьдесят, седенькая бородка, костюмчик фабрики «Большевичка», на лацкане депутатский значок – глянуть не на что, чистый придурок. Только у этого «придурка» власти больше, чем у иного генерала. Сергей был с ним знаком, у Гвидона встречал, да и возил не раз. Николай Петрович глянул на него со значением и усмехнулся. Гнида старая, все наперед знал: и кто его, Серегу, мочить будет, и когда.

Ночь та запомнилась на всю оставшуюся жизнь. То, что видел потом Сергей по телевизору, так, мура, главного не смогла видеопленка взять – того особо-го, радостно-тревожного настроения, что охватил многих. Почему? Шизики – те ладно, не все дома, много было поддатых – водку привозили ящиками, кое-кто травку курил в открытую, но ведь и трезвых порядочно. Ощущение, что вроде как праздник, вот-вот салют начнется, не проходило. Может, оттого, что кровью пахло, и люди, как скоты перед забоем, возбуждались, разве что рогами землю не рыли. Даже они, из спецгруппы, считай, профессионалы, подключились к дурному веселью. И хоть не пил никто – тут строго, о наркоте и говорить нечего, а глаза блестящие, мышцы ныли в предчувствии драки, мандраж, одним словом, предстартовый, но веселый.

Да, запомнилась ночка. Потрескивали костры, ревели матюгальники, на баррикады стаскивали бетонные плиты, трубы, железную арматуру, ставили заслон из троллейбусов, автобусов, грузовиков. А те, кто стоял в оцеплении, пели, и было странное чувство, что, если танки и бэтээры не пойдут, не будет штурма «Белого дома», сорвется важное, праздник отменят, и тогда, чтобы успокоиться, нужно все вокруг разнести в клочья.

Спецгруппа рассредоточилась ближе к набережной Москвы-реки. Тут же и Николай Петрович ковылял, очки надел для большей видимости. Сергей, помнится, подумал тогда: глядишь, если переворот не захлебнется, этот очкарик в высокое кресло усядется – Гвидону в кресле сидеть ни к чему, он через таких вот, бородатых, управлять будет.

А танки пошли. Колыхнувшись, откатила волной толпа, где-то торопливо застучали выстрелы, пламя костров взметнулось в небо – фиолетовое, как чернила. Ровный, зудящий звук нарастал. Сколько раз слышал его Сергей на танкодроме, в обстановке, близкой к боевой, но все же учебной, хоть и огонь, и ломкий треск гусениц всамделишные – и в тренированной душе рождался страх. Рядом кто-то

забился в истерике, тонкий голос завис в сгустившемся воздухе:

– Идут, падлы! Иду-у-т!

Темные стальные прямоугольники накатывали из мглы, глаза-фары подмигивали, шурились, вбирая в прицел замершую людскую массу, изготавливаясь разметать ее, обратить в крошево.

Сергея резануло в низу живота, отлить захотелось, сил нет, он пошарил глазами, где бы пристроиться. А напряженность тем временем спала. Танки стали снижать скорость. Люди, подхваченные криком, кинулись им наперерез. Головы-мячики, розовые в цвете чадящих костров, как бы подпрыгивали на угольно-черном асфальте, туловищ видно не было. Зрелище поразило Сергея, он застыл с открытым ртом. Откуда-то потянуло подгоревшим мясом, словно шашлык на мангале поджаривали. Со стороны набережной выскочили бэтээры. Сергей скосил глаза: рядом бледный парень трясущими руками доставал из спортивной сумки бутылки, видно, с зажигательной смесью, чуткое тренированное ухо ждало команды. Дальше какая-то путаница. Врезался в память миг: кислая вонь солярки, осклизлая броня бэтээра, горячая струя газа из выхлопа – казалось, только для этого вот момента и жил Серега Чижай, чтобы взметнуться на броню, отсечь коротким ударом голову болванчика в каске и прикрыть курткой смотровую щель. Машинка в голове отсчитывала спокойно и четко. Еще чуть-чуть и... Боль обожгла спину, ударила в пах, замутила сознание, и все же Сергей успел обернуться и увидел перекошенную в ужмылке рожу в кепке, и потом в больничных, приглушенных таблетками снах видел он гада этого, наемного убийцу со стеклянными шарами вместо глаз. Сорвалось, выходит, у них сделать из него, Сереги, еще одну жертву августовской революции. Маринка потом рассказывала: «Ты на танк кинулся, а он вдруг сдал назад, и тебя едва не подмяло – ребята помогли вытащить и какой-то японец, журналист».

«Кинулся», – хмуро улыбался Сергей, а сам ду-мал: кинули, суки. Да не вышло.

21

За восемь месяцев Залесин успел полюбить свой район. Там, где он жил раньше, в Ясенево, на выселках, как шутили коренные жители столицы, ничто не напоминало Москву, здесь же все говорило о Белокаменной. И старинные названия улиц: Погодинская, Большая и Малая Пироговские, Олсуфьевский, Трубечкой переулки, и сам дух, что ли.

Венцом западной части района был Новодевичий монастырь. В комнате Залесина перезвон колоколов слышен был глухо, а вот в кухне отчетливо. Дом стоял на бывшем Девичьем поле. На Погодин-

ской сохранилась знаменитая Погодинская изба, где бывал Гоголь, в одном из домов на Большой Пироговской жил Михаил Булгаков, а в Лужниках, где сейчас спортивные арены, в незапамятные времена тянулись огороды. До Плющихи недалеко, а там и Садовое кольцо. Когда становилось смутно на душе, Владимир Петрович отправлялся бродить по улицам и переулкам Хамовников.

После обеда Залесин прилег отдохнуть. Не жалось. Ощущение беспокойства, выгнавшее его утром из дома, не улеглось, а в голову лезла всякая ерунда, опять вспомнился сон. Вроде бы он и рождал тревогу. Поворачиваясь с боку на бок, Залесин подумал, что уже давно живет в ожидании чего-то, возможно, это было выражением скрытой, вытесненной в подсознание надежды. На что? Залесин никогда не жил в коммунальной квартире. Даже во время эвакуации на Урал отцу, секретарю парткома оборонного завода, дали коттедж. Курсантский кубрик или корабельная каюта тоже не коммуналки. Ощущение временности примиряло с неудобствами – ты молод, впереди целая жизнь. А вот когда тебе под шестьдесят и ты вынужден жить среди чужих людей...

«Коммунальный ковчег, – с горькой усмешкой подумал Залесин. – Только нет впереди спасительных гор Араратских». Теперь он, кажется, понимал смысл странного сна.

Старик Штоль вновь отправился гулять. Неугомонный старик. Молодой сосед что-то притих в своей конуре, даже магнитофон не врубают. Такое впечатление, что он перешел на нелегальное положение.

Залесин стал привыкать к новым реальностям, когда появился сосед, – до этого он видел Сергея раза два. Сосед возник, и не просто так, а в ореоле героя-мученика. Впрочем, героического в этом крупном и, видимо, очень сильном парне было не так уж много. Скорее, он выглядел подавленным. И все же это был участник того, что произошло у «Белого дома».

Залесин вглядывался в мелькавшие на экране лица людей, празднующих победу. И в этом ликовании было нечто нездоровое, истеричное и одновременно опереточное: ряженные и словно чем-то одурманенные люди метались там, на площади, а в звуке голосов, в жестах чувствовалась еще не освобожденная энергия разрушения. Нечто ненатуральное было и в пышных похоронах жертв августовской революции, странно выглядели светлые мальчишеские лица погибших среди мельтешения толпы, парадных речей. Похороны напоминали языческий праздник с обязательным ритуалом жертвоприношения. И там, в толпе, устремляющейся как бы не к месту захоронения, а к жертвеннику, мелькали ряже-

ные, и из-под масок остро поблескивали расширенные в предвкушении зрелища глаза.

Залесин, сидя у телевизора, воспринимал все это как хорошо поставленный, многократно отрепетированный спектакль. Вот он кончится, и под ломкие, рвущие душу аккорды похоронного марша сверху вниз поплывут титры, где будут указаны имена актеров, режиссеров-постановщиков, технического персонала, принявшего участие в создании этого грандиозного зрелища, ставшего для Залесина частью бреда, его ночных споров с Хворостом.

Появление Сергея нарушило иллюзорность происшедшего: персонаж сошел с экрана и, опираясь на костыль, заковылял по коридору. Залесин и старик Штоль были тогда дома, почти одновременно выглянули из своих дверей, и Сергей, растянув рот в усмешке, приветствовал их спортивным взмахом руки – гладиатор, вернувшийся после схватки.

– Ну как вы здесь, отцы?

«Отец» – так он обращался к Залесину, реже к Штолю – тот для него все же был дедом – звучало не тепло, не пренебрежительно, а механически, равнодушно, и Залесин с холодком в душе подумал, что с таким же равнодушием этот парень делает свои темные дела.

Сергей заставил Залесина иначе, как бы с другой стороны, взглянуть на происшедшие события, возникло ощущение, что он чего-то не понял, не разглядел в мельтешении экрана. Он снова приткнулся к телевизору и там, среди истеричек, одурманенной молодежи и явно уголовных типов, увидел радостно-растерянные лица интеллигентов, таких же, как он, до поры таившихся на кухнях, где под коробками с пряностями были спрятаны самиздатовские книжонки. И ведь он, Залесин, вполне мог оказаться среди них. Мог... Почему же отошел в сторону? Сломало горе? Струсил? Нет. Он с поразительной прозорливостью осознал: это начало хаоса, грядущей катастрофы для России.

В первые дни Сергея одолевали журналисты из расплодившихся газет, как-то даже прикатила бригада телевизионщиков. По-видимому, сосед был с ними не очень ласков, Залесин слышал, как неряшливо одетая журналистка на ходу бросила напарнику: «Слушай, он чокнутый какой-то!» «А-а что ты хочешь, хам!» – отозвался тот.

Потом как отрезало.

Дольше всех ходила девушка – высокая, красивая, но так ярко накрашенная, что казалась актрисой, выскочившей из гримерной. Она была тиха, вежлива, несколько раз сделала уборку: вымыла коридор, кухню и ванную. Но вот уже неделю и она не появлялась. Странность была не в том, что молодой человек, тяжело переживающий увечье, не хочет ни-

кого видеть, такая реакция была бы естественной, – Сергей же чего-то или кого-то боялся. Он не выходил из дома, по нескольку раз на день проверял, заперты ли двери, и не подходил к телефону.

– Отцы! Меня нет дома, уехал, исчез, пропал, – заявил он неделю назад.

Чем он занимается? Что ест, наконец? Пока ходила девушка – Марина ее, кажется, зовут, – продукты носила она, появлялась с двумя сумками, да и потом ходила в магазины, выполняя поручения Сергея. В деньгах сосед, судя по всему, не нуждался. Мясо, зелень, фрукты, напитки – в углу кухни росла батарея бутылок – можно было купить разве что в коммерческом магазине за валюту. За все время Сергей ни разу не обратился к соседям с просьбой. Ну ладно он, Залесин, человек новый, а Штоль? Отношение старика к молодому соседу было весьма сдержанным. Из отрывочных рассказов Штоля Залесин знал, что тот едва ли не с пеленок нянчил Сергея, и должно было что-то такое произойти, чтобы добродушный и деликатный часовщик стал настолько холоден с парнем.

Зазвонил телефон. Залесин взял трубку, нагловатый, с хрипотцой голос потребовал:

– Серегу позови.

Лгать не хотелось, но Залесин вспомнил просьбу Сергея, к тому же голос ему не понравился.

– Простите, но его нет.

– Спит, что ли?

– Я же вам сказал, что его нет, – Залесин положил трубку.

Телефон тотчас снова задребезжал. Из своей комнаты выглянул Сергей. Он был бледен, глаза блестя:

– Кто звонил?

Залесин пожал плечами:

– Какой-то тип. Вас спрашивал.

– И что ему сказал?

– Нет дома.

– Молоток. Отключи телефон на полчаса, а то не отстанет. Подружка моя не звонила?

– Нет.

– Ясенюко.

Будь Залесин менее занят собой, он отметил бы интерес к себе со стороны молодого соседа и, надо думать, очень бы удивился, узнав истинную причину.

22

Жертву из Сергея сделать не удалось, а герой получился. Кто только не приходил к нему брать интервью! Палата в цветах, от Демократической России ему, раненному на баррикадах, пришла денежная компенсация. По телевизору Серегу даже

показали. В иное время он послал бы телевизионщиков подальше – зачем лишний раз засвечиваться, а тут подумал: чем больше пляшут вокруг него, тем безопаснее. Не рискнут деловые в такой обстановке разборку устраивать, подождут, осторожно будут действовать, а он тем самым время выиграет.

Выходит, подфартило.

Рваная рана на голове – о бэтээр приложился – заживала хорошо, а вот с левой ногой худо, от боли сначала хотелось на стенку лезть, потом боль спала, остались вялость и ощущение, что нога чужая, вроде как протез. Врачи сказали: поврежден нерв.

Ударчик фомкой в ночной суতোлке уготовлен был по затылку, его вполне бы хватило, да Бог пронес, видать, споткнулся Сергей, и удар пришелся по хребту, где нерв проходит. Что ж, и профессионалы ошибаются. Исправить ошибку – вопрос времени. Оттого и залег Серега в коммуналке при двух свидетелях. В однокомнатной его достать – раз плюнуть.

Трескотня, поднятая прессой, потихоньку улеглась. Трех героев торжественно, с богослужением, речами снесли на Ваганьковское. И никто не знал, что должно-то быть не трое, а четверо. Он, Сергей Чижай, был четвертым намечен, и, не случись чуда, лежать бы ему сейчас в геройской могиле. Промахнулся гвидоновский шустрило.

Сергей подумал о Маринке, и ледяные пальцы легли на его глотку. Может, и ее? У тех ребят это на раз. Рука сама потянулась за бутылкой. Теперь уже все одно. Сколько было у Сергея телок – не счастье. Маринка – другое дело. Пава из города Гусь-Хрустальный. Студенточка. Эта не продаст и не предаст. Сергей думал, что таких баб и в природе нет. Есть, оказывается, в глубинке. Гусь-Хрустальный, предки – учителя, сад, огород.

Сергей и Маринке о себе назвонил: работает секретным агентом в Интерполе – благо эту ментовку и у нас открыли. Не говорить же ей, что он скромный водитель-экспедитор, не увлечет. А вот русский Джеймс Бонд сойдет, в натуре. И «пушку» Маринка не раз видела – все как в кино, в белой кобуре. Поверила. Жили как муж с женой. Сергей и представить не мог, что ему это понравится. Маринка просила: брось опасное дело, лучше фермерством займемся. Может, и не верила она, что он секретный агент, догадывалась, бабы, они другим сильны, чувствуют. Сергей видел себя фермером, в ковбойской шляпе, на лошади – и только скалился. А теперь думал: хорошо бы жениться на Маринке и в Гусь-Хрустальный. Хоть фермером, хоть подметалой. Поздно. Все поздно.

Нет, не могли Маринку запугать. Нашла бы способ к нему пробиться. Значит?.. Тогда какой ему смысл отлеживаться, ждать, когда дверь взлома-

ют и в постельке придушат? Лучше в открытую. Так хоть какой-то шанс есть. Может, к Гвидону сволокут и они, глядишь, договорятся? А за Маринку, если с ней что случилось, он с них получит. Сполна. Врачи говорят, нога постепенно восстановится. И тогда... Ничего он с собой брать не будет. От тех ребят и с автоматом не отобьешься, да еще калека. В скверике на Усачевке заветная скамейка есть, напротив аптеки, на ней Серега отсиживался после своей первой удачи. Может, еще разок подфартит и разборка пройдет в его пользу? На скамейке они и найдут его, ведь пасут, сволочи. Можно и позвонить...

23

Вечером Залесин еще раз решил пересмотреть свои любительские фильмы. Ему теперь казалось, что пленки тускнеют, умирают с каждым днем и скоро он лишится своего прошлого.

После просмотра в нем долго, несколько часов, держится светлое грустное чувство.

Но сегодня дома не сиделось – неприятный разговор по телефону, угрюмое выражение на лице молодого соседа подействовали угнетающе. Владимир Петрович решил пройтись у озера, а потом почитать газеты в сквере на Усачевке – те, на какие не подписывался и не успел купить сегодня в киоске.

День дотлевал. В озере отражалось розовое предзакатное небо. С натужным кряканьем проносились утки. Залесин с полчаса простоял у озера, размышляя о том, что утки и этой осенью не улетят и будут зимой, как голодные беженцы, собираться у булочной, затем неспешно пошел вверх по улице Десятилетия Октября.

У гостиницы «Арена» стоял огромный серебристый автофургон, на котором было написано «Медвежье ревю». Залесин пересек оживленный перекресток, свернул к скверу и замедлил шаг. Справа, за табачным киоском, на скамейке в это время раньше сидел Елизар Рудько, но вот уже второй месяц он не появлялся. Надо бы справиться о нем, но где жил Рудько, Владимир Петрович не знал.

Темнело быстро, сквер заполняли сумерки, но фонарей еще не зажгли. Запомнилось: читать было трудно. Гомонили вороны, устраиваясь на ночлег. К вечеру потеплело. На одной из скамеек рядом со стендом с газетами Залесин заметил величественную фигуру Штоля. Пальто расстегнуто, шляпа беспечно сдвинута на затылок. Он тоже частенько ходил сюда, пробежать газеты. Владимир Петрович молча присел рядом. Старик улыбнулся и сказал, как бы продолжая прерванный разговор:

– Стаю ворон сегодня видел... Десятки, а может, и сотни тысяч. Летели на юго-запад. Я подумал: неужели миграция?

– Миграция? – удивился Залесин. – Вороны не перелетные птицы.

– Верно. Но подвержены порой необъяснимым миграциям. Они предчувствуют что-то такое, чего не дано нам, людям. Крысы вот тоже... Один биолог на днях мне сказал, что отмечена массовая миграция крыс из Москвы. Так сказать, исход...

– И что это означает?

– Ничего хорошего.

Напротив, у аптеки, остановилась длинная машина, похоже, «Форд». Сейчас появилось много автомобилей иностранных марок. Из машины вышли трое высоких парней. В их фигурах, в походке, нарочито ленивой, было что-то зловещее. Навстречу им, наискосок через сквер, шагал малый в кожаной куртке и клетчатой кепке – тот, кого Залесин часто видел у подъезда своего дома. Парень подошел к крайней скамейке, что-то сказал сидящему на ней мужчине, тот вскочил, и по блестящему металлическому костылю Владимир Петрович узнал Сергея. Остальное произошло в считанные секунды. Один из троих, вышедших из машины, ухватил Сергея за плечи, рывком усадил на скамью. Сергей сдавленно вскрикнул, взмахнул костылем, тот, сзади, получил рубленый удар по голове и тяжело осел. Двое других отпрянули. Это позволило Сергею выиграть время, он привстал и, опершись на костыль, ударом ноги в живот сшиб того, в кожаной куртке, но сам потерял равновесие, упал, и на него кинулись двое, пиная ногами. Залесин плохо помнил, как оказался рядом с дерущимися.

– Эй, прекратите! Вы что, с ума сошли? – крикнул он, не узнавая своего голоса.

Один из парней, он был одного роста с Владимиром Петровичем, повернул к нему бледное, с темными остановившимися глазами лицо и хрипло сказал:

– Отвали, батя.

Нога его приподнялась, чтобы пнуть каблуком Сергея, лежащего лицом вверх, и тогда Залесин ударил нападающего правой – тот упал, ударился головой о скамейку и затих. Второй, кавказец, гортанно вскрикнул и извлек из кармана что-то темное. Залесин стоял к нему боком, открытый, и лишь поднял, защищаясь, руку. Кавказец ударить не успел – поперек его темного лица легла палка старика Штоля. Удар, видно, был сильный, потому как он вскрикнул, завертелся на месте. А Залесин с удивлением отметил, что старик вновь изготавливается для удара – лицо у него было необыкновенно спокойным. И тут протяжно гуднул клаксон автомобиля. Двое как по команде подхватили одного из лежащих и поволокли к машине. Парень в кожаной куртке поднялся сам и, пошатываясь, кинулся вслед за ними.

Штоль присел перед Сергеем на корточки и спросил:

– Живой?

Сергей приподнялся, упираясь локтем, матовое его лицо перекосила усмешка:

– Ну вы даете, отцы! – И хрипло рассмеялся: – Это же надо! Два старика кодлу размотали.

По скверу бежали люди. Кто-то пронзительно крикнул:

– Милиция!

Сергей соскользнул на спину, подбородок его задрался, из угла рта выплеснулась струйка крови, в сумерках она была дегтярно-черного цвета.

– Бегите в аптеку, вызывайте «скорую»! – приказал Штоль.

Точно из-под земли вырос милиционер:

– Что случилось?

– Драка... Точнее, нападение, – Залесин уже пришел в себя. – Их четверо было, может, больше. Машина вроде как американская, «Форд». Нужно «скорую».

– Организуем. – Милиционер склонился над Сергеем и тихо приказал напарнику – его Залесин не заметил: – Помогите, Стас. Дело хреновое, пока «скорую» дождемся... Заточкой ткнули или шилом. За ноги бери.

– Может, я машину подгоню?

– Да не въедешь сюда. Слушай, друг, садись с сержантом, поможешь раненого в больницу доставить. Это рядом, а мне свидетелей опросить нужно.

Парень в вязаной шапочке и милиционер подняли Сергея и понесли к патрульной машине. Им помог толстяк в расстегнутом плаще.

– Вы свидетели? – У милиционера было круглое, одутловатое лицо и толстые обвисшие усы. – Прошу пройти со мной до станции метро, в комнату милиции. А то тут...

Домой Залесин и Штоль добрались часа через два. Штоль был очень бледен, шел, опираясь на руку Владимира Петровича, и тот ощущал, как старика бьет мелкий озноб. Когда они поднимались в лифте, Штоль спросил:

– Куда они его отвезли?

– В больницу.

– Какую?

– Не знаю. Сказали – рядом. Я позвоню в милицию, этот, с усами, дал телефон, уточню.

– Позвоните, голубчик. Что-то мне не по себе. Нужно прилечь. А вы позвоните. Господи, воля твоя... Что делается!

Старик ушел к себе, а Залесин долго сидел на кухне, не зажигая света. Форточка была открыта, слышался тягучий перезвон колоколов. А когда перезвон затих, вместе с влажным холодным воздухом

докатился равномерный тягостный звук – по мосту через Москву-реку шел товарный состав.

Часа через два Залесин позвонил в милицию, ему сказали, что пострадавший отправлен в шестьдесят первую больницу. Дозвониться туда была сущая мука, а когда наконец Владимир Петрович пробился, неприятный мужской голос спросил:

- А вы кем приходитеесь Чижаяу?
- Сосед.
- У него что, никого из родных нет?
- Насколько я знаю, нет. А как состояние Сергея?
- Состояние? Умер он. В восемнадцать часов

десять минут. Дайте ваш телефон и адрес на всякий случай. Я записываю.

У Залесина дрожали руки, он никак не мог положить трубку на рычаг аппарата, и в трубке сердито гукало.

Залесин выключил свет в коридоре. В комнате Штоля было тихо. Незачем старика беспокоить, завтра скажет. Утром, все утром. Дверь в комнату Сергея была приоткрыта, в щель вытекал голубоватый, должно быть, от уличного фонаря, свет.

24

Он сидел на стуле напротив кровати и был точно таким, каким изображен на иконе, только без парчового облачения, а по-домашнему, в белом застиранном подряснике, в вырезе на впалой груди виден был простой нательный крест на перекрученном шнурке. Сидел, потирая маленькие, как у подростка, руки. Лицо в мелких морщинах, большие залысины, серые усталые глаза, запавший рот. Он походил на отца Никодима, того, соловецкого, что отвратил Штоля от греха, укрепил душевно, указал путь к Богу.

Образ хоть и был живым, вполне реальным, но как бы не очень плотным, что ли, сквозь него проступал застекленный сервант со старинными каминными часами. Стрелки показывали десять минут девятого. На колени к Чудотворцу прыгнул кот Лука, толкнулся головой ему в грудь. Чудотворец улыбнулся:

– Экая животино... А всяко ласку просит. Ты, Иван, птиц-то отпусти, клетки открой. Пусть воле порадуется.

– Отпущу, владыка.

– Не называй меня так. В высоких званиях грех. Понавыдумали! Какой я тебе, к примеру, отец? Скорее, брат. Вот и зови меня Николаем. Меня в миру так звали. Николай, и весь сказ. Ты меня среди иных святых за простой человеческий облик выбрал, так и будь прост.

– Как изволите.

– Ладно уж... Имуществом распорядился?

– Отписал. Все нормально, через нотариуса. Старинные часы, что ценность имеют, – в музей, зверюшек – детскому дому, сироты не обидят, а какие деньги после похорон останутся – на возрождение храма Христа Спасителя. Дед мой Иоахим Людвиг недоволен будет – лютеранин.

– Бог един, – чудотворец вздохнул. – Ну что, Иван, идем? Как не раз говорено, долгие проводы – лишние слезы. По тебе, правда, некому слезы лить. Все твои там... Заждались. Фортку-то открой, душно у тебя.

Чудотворец встал, оглаживая поясницу и морщась от боли. Был он мал ростом, высох весь. А вокруг головы, венчика легких, с синеватым отливом волос, возникло свечение, и сам старец как бы наполнился светом:

– Идем, милай... Поспешай.

Стены раздвинулись. Светлая дорога дугой пролегла по небу. Внизу Иван Иванович с трудом различил купола Смоленского собора, поплыла в сторону, наклонилась колокольня. Дорога вела к вратам, от туда бил упругий солнечный свет. Штоль ощутил на плече руку Чудотворца и шагнул вслед за ним...

25

Ночью Залесин почти не спал, так, полузабытье – засыпал, просыпался. Под утро вновь ощутил рвущую душу тревогу. Сел, прислушиваясь к торопливым толчкам сердца. В вязкой, осязаемой тишине квартиры там, за стеной, в комнате старика Штоля слышались голоса. Один тихий, другой погромче.

Бред, подумал Залесин. Слуховые галлюцинации. Страх не проходил. Он вдруг понял, что ни минуты больше не может находиться в этой квартире. Боясь оглядываться по сторонам, он торопливо оделся и, осторожно ступая, стараясь не производить шума, вышел в коридор, натянул куртку, проверил, с собой ли ключи, мягко захлопнул дверь и стал спускаться по лестнице. Лифт вызывать не стал. От мысли, что может остаться один в замкнутой, ярко освещенной кабине, он содрогнулся. Хотелось скорее преодолеть пустые лестничные пролеты, выйти на улицу, глотнуть сырого холодного воздуха. За ночь выпал снег. Шел он, видно, недолго. Тонкий слой лишь припорошил асфальт, лег на капоты и крыши автомобилей, похожих на озябших животных.

Залесин сунул руки в карманы куртки и неторопливо пошел вниз, к Москве-реке.

Анатолий ПОЛЕВОЙ

Анатолий ПОЛЕВОЙ родился 12 сентября 1949 года в деревне Малая Мотолоша Тверской области. После школы поступил в Ленинградское мореходное училище. Окончив его, служил на Северном флоте, в органах военных сообщений.

За время службы с 1974 по 1994 годы окончил Высшие специальные офицерские классы ВМФ и Военную академию тыла и транспорта. Капитан 2 ранга в отставке.

Стихи Анатолия Полевого публиковались в литературно-художественном альманахе «Ваенга», газетах «На страже Заполярья» и «Молоковский край». В 2012 году в свет вышла первая книга поэта – сборник стихов «Далёкий свет в родном окне». Анатолий Полевой член литературного объединения Северного флота «Полярное сияние». Живет в Мурманске.

НАПОЛНЕННЫЙ ПАРУС

КОРАБЛИ

Корабли — скитальцы океанов,
Странники, бродяги, пилигримы.
Манят их неведомые страны,
Судьбы кораблей неповторимы.

Как неповторимы их обводы,
Парусов распахнутые крылья,
Что парят под синим небосводом,
Пролетая градусы и мили.

Широко раскинутые реи,
До конца натянутые снасти.
В море солнце ещё жарче греет,
А особенно перед ненастьем.

На бортах знакомые названья,
И под килем футы, а не метры.
Снова обещают расставанья
С моря налетающие ветры.

За кормой кружатся альбатросы,
Верные попутчики разлуки.
Солнцем обожжённые матросы
Маются на палубе от скуки.

Моряки питаются надеждой
Встретить за далёким горизонтом
На каком-то диком побережье
Молодых красивых амазонок.

«ВАРЯГ»

Январским утром тишина на рейде
Не обещает ни войны, ни мира.
В порту корейском наш
российский крейсер
Спокойно ждёт приказа командира.

Пока решенье принимает Руднев,
Заря по небу стелется кроваво.
А выбор есть, но только
очень трудный —
Бесчестье с жизнью или смерть
со славой.

Темнеют облака на небосклоне
И, кажется, несут плохие вести.
Трепещет флаг с крестом
на белом фоне —
Он высший символ доблести и чести.

Прибой омыл солёными слезами
Песчаный берег, где собрались люди.
Они глядят печальными глазами
На отблеск стали носовых орудий.

Крик чаек, так похожий
на стенания —
Обычно так кричат
от сильной боли.
Над палубой несутся приказанья,
Но всем на свете правит
Божья воля.

Одеты в форму чистую матросы —
На флоте чтят традиции и нравы.
Струится дым последней папиросы.
Настало время подвига и славы.

Звучат команды. Время
быстротечно,
Для многих больше не наступит
вечер.
«Варяг» решительно уходит
в вечность,
А прихожане — в церковь, ставить
свечи.

КОНВОЙ

Самолёты протяжно воют,
Наслаждаясь своим везением.
Цель простая — суда конвоя
Без обычного охранения.

Расстояние на глаз измерив,
Улыбаясь, молчат пилоты.
Их сегодня не ждут потери —
Это просто идёт охота.

Маневрируя торопливо,
Избегая подводных банок,
Укрываясь за чёрным дымом,
Сбился с курса один подранок.

Бомбы рвутся с бортами рядом,
Вышибая стальные стойки.
Пули с неба свинцовым градом
Бьют по палубе и надстройке.

Пароходный гудок пугает
Безнадёжным предсмертным криком.
Капитан глаза опускает —
Щёку дёргает нервным тиком.

Резко делают развороты
Над конвоем стальные птицы.
Пароход, набирая воду,
На разорванный борт ложится.

Постепенно пустеют баки,
Но упрямо кружится стая
И, меняя углы атаки,
Всех израненных добивает.

Сохранить безупречность строя
Можно, лишь не спасая близких.
Большинство из судов конвоя
Не вернётся в порты приписки.

ЛОЖНЫЙ ДЕСАНТ

Морской десант — намокшие
бушлаты.
Уткнулись в берег носом катера.
В чехлах ножи, на поясе гранаты —
Боезапаса хватит до утра.

Шли в темноте предельно
осторожно,
Шли, экономя силы для броска.
Десант в приказе значился
как ложный,
Чтобы отвлечь внимание врага.

Командование ставило задачу:
Занять плацдарм подальше от воды,
Ввязаться в бой, а в случае удачи
Взорвать артиллерийские склады.

Пройти огонь и воду очень сложно.
Не повезло ребятам в этот раз —
Десант погиб, он был десантом
ложным,
Но, погибая, выполнил приказ.

Стоят в России тихие часовни,
Живёт народ, не сдавшийся врагу.
Мы не забыли вас, мы вечно помним
Всех, кто погиб на этом берегу.

На Спасской башне громко бьют
куранты,
А здесь и день, и ночь шумит прибор.
Святую ярость ложного десанта
Морские волны унесли с собой.

УХОДЯТ ВЕТЕРАНЫ

Уходят ветераны. Вот и всё...
Звучит прощальной музыкой
в миноре
Мелодия знакомых голосов,
Шаги в пустом недлинном коридоре.

Они уйдут из нашей суеты.
Оставят как последние приветы
Заботливо политые цветы,
Забывшие на сейфе сигареты.

Они уйдут, качая головой.
Вахтёр захлопнет крепкие ворота.
Не напугал их кризис мировой
И новый облик армии и флота.

Я вместе с ними начинал поход.
Пока меня не обессият раны,
Я остаюсь, чтобы прикрыть отход
Непобежденных жизнью ветеранов.

ПАРУС

Белый парус на синей воде
Под багровыми в небе закатами,
Брызги моря в седой бороде
Да тельняшка, как жизнь, полосатая.

Гладит спину попутный норд-ост,
Чайки плавно парят на просторе.
Весь пейзаж удивительно прост:
Небо ясное, парус и море.

Всё быстрее убегают года,
Как по трассе автобус «Икарус».
Но в душе моей будут всегда
Море, небо, наполненный парус.

Я за то благодарен судьбе,
Что богатым и праведным не был.
Уходя, оставляю тебе
Море синее, парус и небо.

* * *

Этот дальний поход словно путь
без конца и начала,
Только вместо дороги под килем
морская вода.
Но вернуться домой корабли,
их обнимут причалы,
И привяжут к себе, и надолго
прижмутся к бортам.

Будут волны плескаться,
они никуда не уходят,
Лишь становятся ниже в заливе,
где тише ветра.
Ночью в небе луна над высокими
мачтами бродит
Да далёкие окна не гаснут —
горят до утра.

Дремлет Северный флот, спят,
устав от похода, матросы,
Но отдайте приказ —
и орудия сбросят чехлы.
За морями гремят, не стихая,
далёкие грозы,
И чужие ветра снова
непредсказуемо злы.

А пока корабли отдыхают,
прижавшись к причалам,
Спят спокойно матросы
и видят счастливые сны.
У фарватера буй
полусонные волны качают,
И деревья на сопках
грустят в ожиданье весны.

Николай ИСАКОВ

Николай Петрович ИСАКОВ родился в деревне Непряхино Брянской области. В 1958 – 1964 годах воспитывался в Трубчевском детдоме для детей из семей бывших фронтовиков и партизан. Окончил факультет иностранных языков Брянского пединститута и Киевскую высшую школу МВД СССР.

Работал слесарем на заводе, учителем сельской школы, корреспондентом многотиражной газеты «Автозаводец» и областной газеты «Брянский комсомолец». Длительное время служил в органах внутренних дел. В отставку вышел с должности заместителя начальника УВД Брянской области – начальника штаба. Затем руководил филиалом одного из московских юридических вузов. Полковник в отставке. Ветеран боевых действий. Награжден орденом Мужества. Среди других наград – медаль преподобного Сергия Радонежского I степени от Русской православной церкви.

Член Союза журналистов России с 1982 года. Автор документально-художественной повести «Так бы и сгинула чума» о борьбе сотрудников НКВД–МВД с бандами в приграничных с Белоруссией брянских лесах.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

От автора

Десна стала последним приютом для ребят из Трубчевского детского дома. Они были казнены в первую военную зиму и сброшены в речную прорубь. Это страшное событие, о котором писала издаваемая в брянских лесах «Партизанская правда», стало яркой иллюстрацией злодеяний немецкой оккупационной власти. Несколько газетных строк об этой трагедии, после того как они были просеяны через сито российских и германских архивов, вызывают к жизни картины прошлого, создают новые оттенки в восприятии событий и людей, причастных к гибели детей. Повествование начинается с эвакуации населения Трубчевска в августе 1941 года и завершается началом марта 1942 года. В книге раскрывается суть людоедской идеологии фашизма. Затрагиваются сферы социального и христианского гуманизма, в центре которых находятся люди со своим особым отношением к миру. Некоторым историческим эпизодам придана художественная форма изложения. Для автора, который после войны провел детские годы в стенах, еще сохранявших следы расстрела, написание этого произведения явилось нравственной потребностью.

НА УРОВНЕ СЕРДЦА

Дорога была болезненно трудной. На последних станциях к Суземке меня, заморыша пяти лет, вытаскивали из вагона на прохладный октябрьский воздух. Уже в рабочем поезде до лесного поселка на берегу Десны приступы тошноты выворачивали наизнанку. Ну а окончательно добила чуть ли не до потери сознания поездка в трюме некогда боевого катера, переоборудованного под пассажирские перевозки.

Суденышко натужно преодолевало каждую встречную волну. Гораздо позже я испытал похожие ощущения, когда перемещался в горных ущельях Чечни на вертушке. Тот же напитанный незримой угрозой закрытый металлический кожух. Две скамейки вдоль бортов, рев двигателя, который заглушает голоса, нырки и подскоки, совершаемые, чтобы уцелеть после возможного ракетного выстрела с земли.

Дорожные муки в какой-то мере стали следствием недалековидности трубчевских купцов позапрошлого века, когда на бывших землях Орловской, Могилевской (с Гомельским уездом) и Черниговской губерний Российской империи, в нынешних административных границах Брянской области, бурно раз-

вернулось строительство железных дорог. Большие магистрали и узкоколейные ответвления возводились на частные капиталы. Трубчевские купцы отказались от этой затеи, хотя в скупости их нельзя было упрекнуть – в складчину сооружали храмы, содержали детский приют, тюремный замок и вольно-пожарное общество с конным обозом и каланчой.

Но тогда торговый люд уповал на Богом данную реку. С пристани сплавлялся лес, грузились до черноморских портов конопляное масло и знатная пенька, скупаемая, чем особо похвалялись, за золото для флота британской короны. Из дальних городов свозились к воде многие товары, так что заезжих гостей иногда было не меньше местных жителей. Два раза на неделе устраивались базары, три раза в год ярмарки.

Десна же с годами обмелела, и Трубчевск, оставаясь в стороне от железных дорог, на сто лет будто попал в дрему, сохраняя число своих жителей и внешний облик. Это тихое и безмятежное место было уготовано людям, которые своей природой не должны были указывать остальным, во всем здоровым и счастливым, на уязвимость окружающего мира, – еще до войны здесь было два детских дома, просто для сирот и для умственно отсталых ребят, психиатрическая больница с детским отделением. Затем, с 1944 года, здесь появляются специальные школы-интернаты для слепых и глухих детей.

В весеннюю распутицу и осеннее ненастье город с грунтовыми дорогами, ведущими к нему, терял транспортное сообщение с миром. Вот только с пересадками с поезда на поезд и затем на речной транспорт в него еще можно было попасть, делая огромную петлю, почти в три раза больше прямого расстояния от Брянска. Это уже позже на дороги ляжет асфальт и с ним придут преобразования...

Из-за своего полусумрачного состояния в конце пути в детдом я не запомнил лица сопровождавших и обстоятельства первых дней новой жизни. Нужен был хороший тумак по голове, чтобы прояснить память.

И я его получил летом уже следующего года в драке с местными пастушатами. Это были городские шкеты, которые перегоняли коз по лужайкам, обходя ядовитую лебеду, издревле заселявшую речной берег. С детдомовскими они задирались, в общем-то, не для того, чтобы отвоевать своим козам наше место для игр вдали от городского пляжа. Больше для фасона – пнуть детдом, которым пугали родители, усмиряя их капризы и выправляя непримечное поведение.

Стычки были скоротечными. Детдомовская овчарка Альфа не различала, кто там свой, кто чужой. Когда дело доходило до кулаков, это миролюбивое существо загоняло коз в лебеду. Истошные и дурные вопли животных заставляли отступить сопливых поводырей.

Однажды собака пропала. Только дня через два кто-то услышал тихое поскуливание из подвала под спальным корпусом детдома в бывшем купеческом доме.

Альфу закрыли завхоз и сторож, когда готовили площадку под новую картошку на зиму.

Персонал и ребята первого из них называли Ксанычем, второго – Ванычем. Это были разные по возрасту и характеру люди, но их объединяли бескорыстие, незлобливость и такой для того времени мелкий порок, как пьянство, – выпивали не в больших количествах, но постоянно.

Подслеповатые и уже зачумленные хмелем, они сами не полезли перешаривать подвал, а запустили туда нас.

Лампа в решетчатом плафоне под потолком была покрыта слоями паутины, и свет едва дотягивался до стен, одна из которых, напротив входной лестницы, будто обладала магнетической силой. В красных кирпичах, проступающих через старую известковую побелку, были выбоины. Рваные по краям углубления, на уровне нашего роста, источали влагу.

Ксаныча и Ваныча расстроило отсутствие щенок, на которых у них, очевидно, уже были какие-то планы. Отвечая на наши расспросы о следах на стене, они были скупы в словах.

– При немцах, говорят, здесь детей стреляли, – сказал первый.

– Дурачков, – уточнил второй.

Первый вдруг мелко и быстро перекрестился.

– Дурачков все же, – упорствовал второй. – А кто и дальше будет к нам приставать со всякой ерундой, тот сам дурачком будет.

Крепче подвального поставил Ваныч замок на этой теме на несколько лет вперед.

А там уже послевоенный детский дом для сирот из семей фронтовиков и партизан ликвидировали. В опустевшие помещения затем привели за руку ребят, которые имели особые отношения с окружающим миром. На фасаде появилась вывеска с названием учреждения для умственно отсталых детей, как оно и значилось до фашистской оккупации. Будто не было войны и большой трагедии.

ЭВАКУАЦИЯ

Сейчас очевидно то, что ребята могли избежать горькой участи. В начале войны они явно выпали из механизма эвакуации, приводимого в движение постановлениями и инструкциями Государственного Комитета Оборона, ЦК ВКП(б), Совнаркомом СССР и распоряжениями Совета по эвакуации во главе с наркомом путей сообщения Л. М. Кагановичем. Подобные документы определяли последовательность действий предприятий, организаций и учреждений на местах.

Первоочередные задачи были направлены на спасение промышленного оборудования и сырья, историко-музейных ценностей. Затем был определен порядок вывоза и размещения людских ресурсов. Предпочтение получали квалифицированные рабо-

чие, выезжавшие вместе с эвакуируемыми предприятиями, семьи командного состава Красной Армии, сотрудников госбезопасности, ответственных советских и партийных работников, дети до пятнадцати лет. Совместная директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года требовала, чтобы при вынужденном отходе частей Красной Армии колхозы угоняли скот. При этом Советом по эвакуации при Совнарком СССР рассматривалась каждая заявка на транспортировку вывозимого имущества. Здесь, например, согласовывались число и тип вагонов (крытых, полувагонов, цистерн, полувагонов и т. п.).

Всю эту титаническую и лишнюю оперативности, нужной гибкости работу – от определения стратегических направлений эвакуации до детальной проработки формируемых эшелонов на восток – мог бы заменить всего один обстоятельный и заранее разработанный план эвакуационных мероприятий. В письме Генерального штаба Красной Армии в Совет по эвакуации от 18 июля 1941 года, в изложении советского историка Г. Куманева, содержится горькая констатация такого факта: «Эвакуация населения и промпредприятий с Западной границы СССР происходила без заранее составленного в мирное время эвакуационного плана, что, несомненно, отражается и на ее осуществлении». Отсутствие подобного документа накануне войны лишней раз доказывает правоту современных историков о явном нежелании руководства СССР предоставлять Германии малейший повод усомниться в искренности двустороннего договора о ненападении.

В послевоенном и посмертном очерке об Алексее Бондаренко автор сравнил руководимый им Трубчевский РК ВКП(б) в период эвакуации со штабом воинской части. Председатели колхозов и сельских советов, директора предприятий ставили перед партийным лидером вопросы, а он тут же находил быстрые и четкие ответы. Вот та самая сцена из очерка: «– Как быть с колхозным скотом? – обратился один из руководителей хозяйства.

– Все поголовье следует угнать на восток, – говорит Бондаренко. – Подберите во главе охраны стад и табунов надежных людей. Ни одного килограмма мяса врагу!

И, заметив на лице директора завода немой вопрос, тут же ему отвечает:

– С эвакуацией завода все решено. Состав для оборудования и людей будет подан завтра в восемь утра».

К 15 августа 1941 года в Трубчевском районе была закончена эвакуация колхозного скота, тракторного парка и оборудования МТС, других предприятий. Началась эвакуация в советский тыл семей партийных и советских работников.

Почему похожим образом Бондаренко прежде не распорядился с вывозом детских домов?

В Трубчевске так же строго и последовательно, как по всей стране, соблюдали предписания Совета

по эвакуации при Совнарком СССР. Известен случай, когда уже после освобождения от германской оккупации в Брянске нашли и передали военному суду нарушителя порядка эвакуации в первые военные дни. Обвиняемому не помогли его прошлые фронтовые заслуги.

Только 19 августа 1941 года Совет по эвакуации при СНК СССР принимает распоряжение о перемещении детских домов с указанием восточных регионов, куда следует вывозить ребят. Со ссылкой на это решение исполком Орловского областного Совета народных депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) 21 августа 1941 года принимают совместное постановление «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из городов Брянска, Клинцы, Орджоникидзеграда и Орла», которым утверждался список детдомов Орловской области, эвакуируемых в Тамбовскую и Пензенскую области. Под номером 20 указан Трубчевский школьный детский дом имени С. М. Кирова, 35-м в списке обозначен Трубчевский детский дом инвалидов (предвоенное переименование детдома для умственно отсталых ребят было связано с передачей учреждения из Наркомата просвещения в Наркомат социального обеспечения).

Но к этому времени гитлеровцы после массированного прорыва за реку Сож у белорусского Кричева уже оккупировали Мглин, Почеп, Унечу, Клинцы, Стародуб, за Погаром вышли на трубчевское направление, которое измерялось тремя десятками километров.

Сборы школьного детского дома имени Кирова были скорыми. Больше сотни ребят и по разнарядке всего пятнадцать сопровождающих, легких на подъем, не обремененных семьями и детьми, на полтора часа доехали до железнодорожной станции в Орле, затем поездом добрались до Пензенской области. Вначале ребят расселили в одном селе Городищенского района, затем в другом. Только в июне 1943 года вышел приказ по Пензенскому облоно: «Ввиду непригодности помещений, занимаемых Трубчевским детским домом в с. Борисовка, детей перевести в Городище и именовать его в дальнейшем Городищенским детским домом». Этот детдом пустил корни на пензенской земле, успешно существует по сей день без мысли о возврате в Трубчевск.

Ребят из другого детского дома Бог не поцеловал в макушку. Эвакуационный маршрут больных детей, если судить по сведениям из списка подлежащих эвакуации детских домов Орловской области, должен был пролечь до Комаричей, железнодорожной станции в ста с небольшим километрах от Трубчевска, и завершиться остановкой поезда в Тамбове. По схеме эвакуации для Трубчевского детдома инвалидов выехать предстояло шестидесяти восьми воспитанникам и сорока взрослым сопровождающим. Опеки выделялось много, поскольку такие вот дети – почти каждого из них надо было вести за руку.

Запланированное большое сопровождение превратилось между тем в большой груз, сковавший

движение второго детдома из города. Нянечки и воспитатели здесь были в летах, достаточных, чтобы не брезговать убожеством ребят и не стыдиться своей работы. Спокойно и размеренно жили до войны. Просто ли им было теперь разбросать собственные семьи и тюки с нажитым добром по родственникам, заколотить окна и двери своих домов?

Гнать персонал в дорогу – хоть под пистолетом – было некому. Детский дом незадолго до войны был передан под непосредственное управление Орловскому областному отделу социального обеспечения, выведен из-под контроля и ответственности местных властей. Но из Орла никто не появился с машинами вывезти ребят в безопасное место. И в Тамбове, конечном пункте эвакуационного маршрута, никого из Трубчевска не дождались.

Быстрое продвижение сил вермахта все же является главной причиной того, что была сорвана эвакуация больных ребят. К 29 августа немцы уже с высоты танковых башен могли видеть – в бинокли и при ясной погоде – очертания колоколен Трубчевска, всполохи взрывов. Город разбивала вражеская авиация. Уцелевшее в бомбежках по указанию Трубчевского райкома ВКП(б) минировали армейские саперы. Как вспоминал второй секретарь партийного райкома А.С. Бурляев, таким образом были уничтожены сушильный завод, пенькозавод, хлебозавод. Населению раздавали товары, оставшиеся в магазинах. Персонал детдома разбежался, автомашин на ходу не осталось.

Но уже 30–31 августа после контрнаступления войск Брянского фронта и успешного встречного танкового удара против почти трехсот танков вермахта немецкое наступление на Трубчевск от Почепа и Погара было остановлено более чем на месяц. Часть сил группы армий «Центр» повернула на юг для окружения и разгрома Юго-Западного фронта Красной Армии под Киевом.

Такая пауза помогла Москве подтянуть резервы, однако Трубчевск не спасла.

Недавний купеческий городок уподобился осенней природе, которая замерла в ожидании долгих и лютых холодов.

ИДЕОЛОГИЯ КАЗНИ

С появлением немцев в Трубчевске умственно отсталые дети были обречены на уничтожение. Как и в любом другом месте, куда вторгся с оружием носитель нацистской идеологии.

Гнилые теории западных ученых уже несколько десятков лет питали его галлюцинациями о расовом превосходстве. Нацисты только узаконили идеи, уже излагаемые в научной печати. Например, в совместном труде профессоров Фрайбургского университета Хохе с кафедры психиатрии и Биндинга, знатока уголовного права Германской империи, выводилось за-

ключение о том, что «идиоты не имеют права на существование, их убийство – это праведный и полезный акт». Книга уже своим наименованием «Разрешение на уничтожение жизни, недостойной жизни» развязывала палачам руки.

От науки осталась только терминология древнегреческих корней. Евгеника, как наука об улучшении наследственных свойств человека, обосновала пользу эвтаназии или практики прекращения жизни человека, не вписывающегося в параметры «расовой гигиены». Ложная наука стала поставлять реальных живодеров.

Начинающий производитель сельскохозяйственного оборудования Йозеф Менгеле в период востребованных Германским рейхом обоснований чистоты немецкой нации защитил докторскую диссертацию по теме «Расовые различия структуры нижней челюсти», свою же мировую известность «доктор смерти» получил позже за уничтожение людей в Освенциме, десятками тысяч, в ходе медицинских опытов и экспериментов.

Присущее немцам стремление все наделить признаками механики проявилось и в этом случае – принудительное умерщвление больных с психическими расстройствами было поставлено на конвейер. Под вывеской Рабочей ассоциации санаториев и приютов была создана структура по реализации государственной программы умерщвления соотечественников, а затем населения оккупированных стран. Адрес занимаемого этой организацией особняка в Берлине на Тиргартенштрассе, 4 определил выбор кодового наименования программы – «Т-4».

Потомственные психиатры, доктора наук и профессора германских университетов Вернер Хайде и Пауль Ниче в разное время были руководителями медицинской части программы «Т-4». Они проводили эксперименты по выбору средств медикаментозного умерщвления. Схема «Люминала», разработанная Ниче, широко применялась в психиатрических клиниках Германии.

С началом Второй мировой войны в программу «Т-4» был включен недавний начальник уголовной полиции рейха оберфюрер СС Артур Небе. Он предложил отказаться от медицинских методов эвтаназии, использовать для массового умерщвления угарный газ, выхлопные газы, взрывчатку. Став во главе айнзатцгруппы Б, своеобразного штаба карательных отрядов СС в тыловом районе группы армий «Центр», непосредственно сам с июня по октябрь 1941 года возглавил такую работу на оккупированных территориях Белоруссии и России с юго-западными районами нынешней Брянской области. «Идеи» Небе были реализованы в промышленном производстве газвагенов, более известных как душегубки, а также в оборудовании газовых камер в концлагерях.

В исторической литературе содержатся сведения, с оговоркой, что они еще далеко не окончательные, о пяти тысячах малолетних инвалидов, умерщ-

вленных в тридцати специализированных детских отделениях Германии до времени ее капитуляции.

Легитимность убийств и их допустимость в массовом сознании немцев вдохновляли нацистов на расширение категорий населения, подлежащих уничтожению. Медицинское диагностирование для определения душевного заболевания стало обязательным, главным критерием явилась утилитарная полезность человека для рейха.

Уже внутри самой программы «Т-4» периодически происходило смещение целей. Так, ее документами предписывалось производить уничтожение всех, кто не способен продуктивно работать, а не только лишённых рассудка. Под подозрения в заболевании шизофренией попали представители абстрактного искусства, называемого публично не иначе, как дегенеративным. В числе подобных жертв немецкая художница Эльфрида Лозе-Вехтлер. За год до начала Второй мировой войны она была убита в центре эвтаназии Зонненштайн. Уже после нападения на Польшу сотрудники этого учреждения составили основу персонала лагерей смерти Белжец, Собибор и Трешлинка.

Никто сегодня не назовет даже обобщенно, сколько было умерщвлено слабоумных детей на оккупированной территории Советского Союза. Имеются сведения по отдельным специальным учреждениям. Так, в станице Нижне-Чирской Сталинградской области было уничтожено сорок семь воспитанников местного детдома. В селе Орлово исторически, с середины XVIII века заселенного германскими колонистами Мелитопольского района Запорожской области, был расстрелян сто тридцать один ребенок из детского приюта для инвалидов. Палачей не остановило даже то, что большинство из поставленных под пулеметы детей были этническими немцами.

Закреплению в общественном сознании идей «биологической угрозы» для своей нации от представителей иного этноса, физически и умственно неполноценных людей в двадцатых – тридцатых годах прошлого столетия содействовали не только германские, но и другие западноевропейские, американские ученые. Средством достижения целей теории было одно – поголовное истребление объектов исследования. Но только в Германии тогда идеология нацизма стала государственной доктриной.

НАШЕСТВИЕ

В конце сентября после окружения и разгрома советских войск под Киевом силы вермахта от украинских городков Шостки и Глухова вновь устремились на Москву. Теперь уже по стратегическому плану операции «Тайфун». На китайском языке «тайфун» означает «поток железных ветров». Операция немцев также строилась на замысле собрать в же-

лезную ударную группировку моторизованные и танковые подразделения. Южное крыло группы армий «Центр», которому были приданы дополнительные дивизии из группы армий «Юг», разметало тылы Брянского фронта. Три советские армии оказались в котле. 3-я и 13-я армии прорвали немецкое окружение у Трубчевска.

Продвигаясь от Новгород-Северского по правому берегу Десны, 9 октября в Трубчевск без боя вошла 262-я пехотная дивизия вермахта. Через город и дальше на восток промчались мотоциклисты дивизионной разведки. Затем запыхала колонна основных сил на тупоносых грузовиках с брезентовыми тентами. Машины протаскивали артиллерийские орудия. И все с небольшими остановками, с ночевкой в машинах. От Почепы и Погара передвинулись в Трубчевск отдельные подразделения 2-й танковой армии. 11 октября в город втянулась 296-я пехотная дивизия.

Через три дня прогарцевали эскадроны 1-й кавалерийской дивизии. Они отставали от основных колонн, задерживаясь в деревнях для отдыха и кормления лошадей.

С похожей неторопливостью перемещались и специальные армейские подразделения. Тайная полевая полиция, или полевое гестапо, в армейских тылах формировала новую власть, насаждала оккупационный режим, выявляла людей из подполья, коммунистов и евреев. Полевая жандармерия помимо упорядочивания жизни военных гарнизонов осуществляла расстрелы местного населения.

Страшный опыт уже был за плечами. В июле и августе 1941 года подразделения вермахта в Житомире, где дислоцировались 262-я и 296-я пехотные дивизии, участвовали в массовых казнях еврейского населения. В приказе главнокомандующего тыловым районом группы армий «Юг» генерала Карла фон Рока от 1 сентября 1941 года эти кровавые злодеяния были названы превышением солдатами и офицерами своей власти. «Экзекуции против определенных частей населения (в особенности евреев), как отмечалось в приказе, являются обязанностью сил высшего фюрера СС и полиции в уже умиротворенных частях района. Сами войска устраняют на месте только таких жителей, которые совершили враждебные действия или являются подозрительными».

296-я пехотная дивизия вермахта участвовала в первых казнях еврейского населения в Киеве до того, как там в роли палачей выступили подразделения СС и СД и все завершилось Бабьим Яром.

Уже в первые дни оккупации, как писал в краеведческом издании о Трубчевске бывший директор местного музея Василий Падин, непосредственный очевидец многих событий того времени, немцы публично расстреляли еврея Симона за кражу саней. Задолго до того, как выпал снег. Абсурдные обвинения для последующей расправы над еврейскими семьями уже не выдвигались – убито двадцать стариков, женщин,

детей. Там же за городом, в урочище Машаница у МТС, позже были расстреляны четырнадцать крестьян за связь с партизанами. Периодически сюда на казнь доставляли взятых в плен красноармейцев 13-й армии из немецкого фильтрационного лагеря, оборудованного за полтора километра от этого места. Много лет спустя, в апреле – мае 2009 года, в ходе экспедиции нескольких отрядов поисковиков здесь были подняты и перезахоронены на городском кладбище останки ста восьми погибших.

Злодеяния в оккупированном Трубчевске вершились тайно. В нынешнем историко-краеведческом музее перескажут историю местного старожила о том, как погибла его родственница. Это было в октябре 1941 года. Ранним утром по Большой Мещанской, нынешней улице Луначарского, когда евреев вели на расстрел, дотошная тетка, видимо, услышав шум тележных колес по булыжной мостовой, вышла из дома полюбопытствовать. Ее застрелили конвоиры. Труп на повозке отвезли к месту расстрела.

Будущего бургомистра немцы долго не высматривали. Они уже будто знали, к кому ехать в первый день своего вторжения в Трубчевск. На площадь у городских торговых рядов к полудню со стороны Почапа въехал легковой «Опель» с двумя офицерами и переводчиком, «тонким, как жердь», по описанию Падина. Немцев уже явно ждали недавно выпущенный из тюрьмы Бондарев, невзрачный Папков из поселка Бороденки и неизвестная женщина. Это могла быть дочь инженера мебельной артели украинца Павлова, который за несколько месяцев до начала войны появился в Трубчевске. С площади «Опель» подрулил к дому, где Павловы снимали квартиру.

Павлов стал во главе городской управы. Бондарев был назначен его заместителем. Папков получил пост старосты в Бороденках. Управление бургомистра и полиции заняло бывший особняк купца Яськова с большим подвалом, приспособленным под тюрьму, на пересечении улиц Ленина и Советской, которым вернули дореволюционные имена – Орловская и Покровская. Сталинская улица стала Брянской, улица Воровского – Поповской. На месте Первого Советского переулка вновь возникла Большая Шуваловская горка. Названия двадцати пяти улиц были «декоммунизированы», как сейчас бы сказали на Украине.

Оккупационный режим вводился через запреты и ограничения. Заранее заготовленные объявления армейского командования, развешанные чуть ли не на каждом столбе, угрожали расстрелами за уклонение от регистрации, помощь «лесным бандитам», сокрытие оружия, боеприпасов, формы красноармейцев, радиоприемников и фотоаппаратов, домашних голубей. Отдано распоряжение о возобновлении работы всех учреждений и предприятий и обязательной явке туда рабочих и служащих. Так что и в детский дом инвалидов на улице Брянской был возвращен персонал.

В случае, если бы Павлов после войны преследовался советскими законами, то сведения о нем, как о ранее судимом лице, должны были находиться в информационных центрах МВД России. Но в специальных учетах его нет.

Еще меньше перспектив узнать о человеке, если его судьбу до войны решали во внесудебном порядке те же чрезвычайные тройки из сотрудников ОГПУ, представителей комитетов ВКП(б) и прокуроров. Архивы ФСБ не придают движение обращения по материалам политического обвинения без указания родной деревни или аула, точной даты появления на свет разыскиваемого, степени личного родства с ним. Последнее обстоятельство после появления в 2006 году федерального закона о защите персональных данных стало самым большим препятствием в исследовательском труде.

Между тем Павлов мог до войны подвергаться политическим репрессиям. Бургомистра Трубчевска бывшие партизаны в своих опубликованных воспоминаниях называли ярым троцкистом. Такие же эпитеты применены к Павлову в работах кандидата исторических наук Н. Тропкина, партизанского генерала, военного историка и писателя В. Андреева в общем контексте негативных определений для местных назначенцев в оккупационную власть. Бывший начальник Орловского УНКВД К. Фирсанов писал: «С первых дней оккупации в городах и районах нашей области стала всплывать на поверхность разная нечисть: троцкисты, меньшевики, правые эсеры, кулаки и бывшие купцы... Вся эта немногочисленная, но очень обозленная и грязная свора была верной опорой и лакеями фашистов».

О том, что бургомистр Павлов был из ранее судимых троцкистов, прямо заявляет только Петр Головачев в своей книге «Каратели». В предисловии к ней автор представлен как кадровый офицер, почетный сотрудник органов госбезопасности. Последние двадцать лет службы занимался розыском государственных преступников, в основном агентов и карателей периода оккупации Брянского региона. Перечисляя в повествовании с десятков осужденных палачей, которые при оккупации ходили под Павловым, полковник госбезопасности выводит трубчевского бургомистра за скобки отысканных и осужденных.

В «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)» за апрель 1935 года, издаваемом Троцким в Париже, упоминалась фамилия некоего Павлова как одного из руководителей разгромленных троцкистских групп на Украине. Этим Павловым, не исключается, мог быть будущий бургомистр Трубчевска, и он, вполне вероятно, еще до начала войны мог оказаться на свободе. По выражению представителя зарубежной левой оппозиции, бывшего революционера-ленинца Виктора Сержа, покинувшего СССР после ареста и ссылки: «Возмутительные репрессии

начинались мягко». Так, по всем решениям Особого совещания при Коллегии ОГПУ за 1933 год к обвиняемым были применены наказания в виде лишения свободы сроком от трех до пяти лет или ссылки сроком на три года.

Московский историк Н. Калинин, обращаясь к показаниям бывших эсэсовцев на Эссенском суде 1965 года, называет Павлова бывшим царским офицером. Подобное могло быть. За примерами не надо далеко ходить. Первым бургомистром Локтя стал украинец Воскобойник, воевавший в Первую мировую войну, в Гражданскую – за красных и зеленых. За свое прошлое был выслан в начале тридцатых годов прошлого столетия в административном порядке на три года в Сибирь. Каминский, второй бургомистр после Воскобойника, убитого во время партизанского рейда в январе 1942 года, также из бывших участников Гражданской войны – сражался в Красной Армии, перед войной был осужден к ссылке за свои политические взгляды.

Начальник Орловского, а затем Брянского УНКВД Фирсанов, пожалуй, не обобщал, говоря о «всякой нечисти», оказавшейся в услужении немцев. Перечисляя ее разновидности, генерал будто видел за каждой своего конкретного врага в том или ином оккупированном населенном пункте.

В своих воспоминаниях бывший второй секретарь Трубчевского РК ВКП(б) А. Бурляев называет Павлова немецким шпионом. Известный исследователь природы коллаборационизма в СССР старший научный сотрудник Института российской истории РАН В. Пережогин высказывает предположение о том, что бургомистр Павлов мог еще до оккупации города стоять на учете немецкой контрразведки. Сотрудничество абвера с частью русских эмигрантов, в том числе троцкистами из Международной коммунистической лиги, раскрывают трофейные архивы спецслужб Третьего рейха.

Василий Падин делает предположение о том, что немцы могли завербовать Павлова еще до войны.

Немало подобных историй об оборотнях ходило тогда среди местного населения. Как уверяет краевед, незадолго до прихода немцев в городе появился какой-то придурак. Трубчане часто видели его на скамейке сидящим с отсутствующим взглядом, полагали, что тот – безобидный пациент местной психбольницы. Но при оккупантах «придурак» преобразился в немецкого офицера с до блеска начищенными сапогами. Бывший житель Гнилево, села в восемнадцати километрах к северо-востоку от Трубчевска, Владимир Беликов в своих воспоминаниях также написал о каком-то деду, которого задержали у Острой Луки, прибрежной деревни. Дед – слепой, на деревянной ноге, с девочкой-поводырем. Оказался фашистским диверсантом, совсем не слепым: в протезе находилась рация, в котомке – денег на миллион и яд. Где слухи, где правда – все смешалось в естественном людском желании хоть как-то объяснить большие и быстрые потери.

Надежду на то, что можно получить более обширные сведения о бургомистре Павлове, дали материалы межрегиональной научно-практической конференции «Мы в славянском мире», проведенной на базе трубчевской библиотеки в мае 2016 года. Заведующая отделом Государственного архива Брянской области Наталья Наумова сделала обзор документов периода фашистской оккупации по Трубчевскому району, переданных на хранение Управлением ФСБ по Брянской области еще в апреле 1956 года. В докладе был упомянут протокол допроса бывшего бургомистра Трубчевского района Павлова.

Новый директор архива Анна Шендрик поправила коллегу и очень оперативно ответила на запрос: на хранении нет следственного материала на Павлова, но есть «Протокол допроса обвиняемого Кеплера Бруно Эмильевича от 12 декабря 1946 года», документ ограниченного доступа, который не выдается в читальный зал. Содержание протокола в архивной справке вместе с тем излагалось обстоятельно. Кеплер после вопроса об известных ему немецких «ставленниках», которые работали в немецких административных и карательных органах, пятнадцатым в списке указал:

«Павлов Петр Иванович, до войны 1941 г. работал в Трубчевском районе Брянской области. В 1938-1939 гг. работал на Почепском лесопильном заводе в качестве технорука. С оккупацией немцами Брянской области с октября 1941 г. до января 1943 г. Павлов работал бургомистром Трубчевского района, а с января по сентябрь 1943 г. – начальником Почепского уезда, сюда же входил и Трубчевский район. Перед военными оккупационными войсками пользовался большим авторитетом... Приметы: высокого роста, полный, 43 года, брюнет, круглолицый».

Ключ к пониманию того, почему немцы, оккупировав Трубчевск, сразу поехали к дому Павлова, дают не версии о его вербовке накануне войны. Сам Падин невольно указывает на него, этот ключ, в уже известном эпизоде с появлением в городе немецкого «Опеля» из Почепа. «Тонким, как жердь» переводчиком мог быть некто Броннельдер, человек под номером девять из списка фашистских ставленников в протоколе допроса обвиняемого Кеплера от 12 декабря 1946 года.

Что известно из этого документа? Броннельдер, немец, уроженец Поволжья, до войны проживал в поселке Рамасуха. Во время оккупации служил в военной комендатуре Почепа переводчиком и одновременно числился в отделе полевой жандармерии. Это был худощавый, высокий и сутулый брюнет пятидесяти лет.

Бывший бургомистр Почепского района Бруно Кеплер в свой список включил одиннадцатым номером Вильгельма Кеплера, переводчика гестапо. Братья Кеплеры были немцами, уроженцами Почепа. Обрусевших немцев связывала с Павловым совместная работа на лесопильном заводе, принадлежность к технической интеллигенции и общие настроения не в пользу СССР.

За полтора месяца, после оккупации Почепа до вторжения в Трубчевск, почепские фольксдойче могли дать некоторые рекомендации по Павлову «истинным германцам рейха», рейхсдойче. Броннельдер явно понадобился немецким органам военного управления для поездки в соседний город установить быстрый контакт с его будущим бургомистром.

Павлов немцам стал подарком. Как и Воскобойник в Локте, он еще до подхода войск вермахта видел себя во главе города и района. Заранее подобрал свой актив, не выходя за пределы доверия местных властей. А оно, доверие, было немалым.

Лесопромартель имени Сталина с приходом Павлова уже не только плела мебель из лозы. Здесь стали обучать ребят столярному делу, наладили производство школьных парт. В кругу друзей Павлова оказались заведующий районным отделом народного образования Михалкин, секретарь Трубчевского райкома ВЛКСМ Антошин, некоторые работники районного комитета ВКП(б). От помощи Павлова не отказался председатель райпотребсоюза Филипп Тихонов, намеченный в июле 1941 года в командиры 2-го партизанского отряда.

Командиром первого отряда стал первый секретарь РК ВКП(б) Алексей Бондаренко. В свои тридцать лет он уже неплохо проявил себя на комсомольской и партийной работе в нескольких регионах Центральной России. Почти два года до направления в Трубчевск в феврале 1941 года Бондаренко был заведующим сектором кадров Орловского обкома ВКП(б). Видимо, с высоты своего профессионального опыта он рассмотрел в ушлом инженере лесопромартели то, что не позволяло им сблизиться. Вскоре и сам Павлов стал избегать Бондаренко.

Подбор людей, которые должны были остаться в тылу врага для партизанской борьбы, осуществлялся на закрытых партийных собраниях. Павлов же, если верить местным старожилам, ходил по домам сочувствующих партии и Советской власти агитировать их в партизанский отряд Тихонова. Обычно его сопровождал физрук местного педучилища Мельников, статная фигура которого, однако, не была результатом систематических занятий спортом. В нем угадывалась выправка офицера, а именно царского офицера. Судьба 2-го партизанского отряда была предрешена.

Последние дни отряда представлены в воспоминаниях Стефана Ященкова, ветерана партизанской бригады имени Чапаева. Как он пишет, головная группа трубчевского партизанского отряда № 2 во главе с Тихоновым дислоцировалась в районе Жеренских болот, где были заложены продукты питания и взрывчатка на весь отряд. Среди партизан оказался предатель и изменник Родины Воронов, который пошел якобы в разведку в Трубчевск, где проживала его семья. Он вступил в сговор с немецкими карателями и полицией и через два дня привел их на место расположения отряда. Немногим партизанам удалось спастись, большинство погибли, была полностью уничтожена

продовольственная база. Спасшиеся от нападения немцев командиры групп прибыли в урочище Бонзонка и предложили распустить по домам всех партизан. Многие партизаны последовали такому совету. Но, вернувшись из леса, они вскоре были схвачены и казнены. Так трубчевский партизанский отряд № 2 перестал существовать.

В романе бывшего партизана Василия Рослякова «Последняя война» есть страничка об этом трагическом эпизоде и роли разведчика Воронова: «Ушел в разведку и не вернулся. Разное про него думали, а он явился к бургомистру и предложил немцам свою помощь, обещал без риска взять партизанский отряд тепленьким, прямо в шалашах».

В одной из публикаций Трубчевского музея говорится: «Узнав о том, что в городе устанавливается прогерманский порядок, партизаны провели операцию по ликвидации прихвостней нового порядка в лице бургомистра Павлова. Но из-за недостаточной конспирации несколько человек были схвачены. Самое страшное, что среди них оказался предатель, предложивший немцам свои услуги».

Василий Падин в краеведческом издании о Трубчевске упоминает группу из пяти партизан с одним наганом и одной гранатой на всех: они пришли из леса убивать бургомистра, но сдались ему и были прощены.

В монографии брянского историка Елены Абовян (Шанцевой) о генезисе партизанского движения и коллаборационизма приводится следующий фрагмент из докладной записки секретаря Трубчевского райкома ВКП(б), комиссара головного партизанского отряда Трубчевского района имени Сталина А. Бондаренко «О партизанском движении в Трубчевском районе» от 25 апреля 1942 г., документа ограниченного доступа в архивах: «Бывший заведующий районным отделом народного образования Михалкин П. М. дезертировал из партизанского отряда, сделал добровольную явку к бургомистру города, рассказал все данные о партизанском отряде».

Воронов или Михалкин? Вели ли речь Ященков, Росляков, Падин и Бондаренко об одном и том же партизанском отряде или о разных? Появляются и другие вопросы. Но в чем нет сомнений – перебежчики во всех случаях направлялись сразу к бургомистру.

Алексей Бондаренко в своей докладной записке партизанскому руководству от 25 апреля 1942 года сообщил и еще об одном оборотне из довоенного окружения Павлова – бывшем секретаре Трубчевского райкома ВЛКСМ Антошине. Тот, мол, выдал фашистам запрятанные шрифт и машину типографии, помог восстановить типографию и радиоузел. Несколько недель работал редактором районной газеты, а затем перешел на радиоузел.

Накануне войны бюро райкома ВЛКСМ по настоянию Антошина исключило из комсомола молодого жителя Трубчевска. А уже при оккупации изменивший Родине и своим идеалам недавний молодежный вожак

района рекомендовал своего бывшего комсомольца на службу в полицию как человека, пострадавшего от советской власти. Это не байка в рассказах старожилов, тому есть и документальное подтверждение.

В редакции газеты бургомистр сменил Антошина на Подлинева, сына бывшего помещика, усадьбу которого в Подлиневой слободе спалили рябчевские крестьяне, а само село уже после революции переименовали в Павловку. По иронии судьбы, газета стала для нового редактора также своеобразной «Павловкой»: во-первых, воссоздана Павловым, во-вторых, из-за его жесткой цензуры.

Подлинев стал летописцем павловских дел. В оккупационной газете «Новая жизнь» он рисовал картинку, как «советские грязные с выбоинами дороги сменились ровными чистыми дорогами, главные улицы приведены в культурный вид». Но грязь на улицах по-прежнему тянулась за сапогами, заляпывая собой ничтожные аргументы в пользу новой власти.

Последние немцы первой волны наступления ушли из Трубчевска дальше на восток еще до завершения октября. С этого времени, по словам бывшего второго секретаря Трубчевского РК ВКП(б) А. Бурляева, штабы партизанских отрядов стали планировать разгром гарнизона полиции и городской управы.

Однако в середине ноября, к намеченному сроку операции, ситуация изменилась.

В город вкатились каратели СС. Это была айнзатцкоманда 8. Некогда временные соединения из служащих гестапо и уголовной полиции, службы безопасности, полиции порядка и войск СС, так называемые айнзатцподразделения, решали задачи разведки и контрразведки в тылу немецких армий, были аморфны, находились под контролем вермахта и одновременно в подчинении рейхсфюрера СС, а также начальника главного управления имперской безопасности, хотя отчеты об операциях напрямую направлялись Гитлеру и верхушке нацистской партии. Структурную и кадровую определенность, некую устойчивость и независимость от войск айнзатцподразделения обрели накануне вторжения в Советский Союз. С учетом стратегических направлений наступления были образованы четыре айнзатцгруппы, одна из которых, а именно айнзатцгруппа Б (EG B), придавалась группе армий «Центр». Айнзатцгруппы включали в себя зондеркоманды, которые продвигались за войсками, и айнзатцкоманды, задействованные на дальних подступах к линии фронта. Айнзатцкоманда 8 (EK 8) и зондеркоманда 7а (SK 7а) залили кровью юго-запад Орловской области – земли нынешней Брянщины.

Одно из положений приказа верховного командования вермахта от 25 апреля 1941 года о предоставлении зондеркомандам права в рамках своих задач на свою ответственность применять карательные меры против гражданского населения становилось преобладающим по мере нарастания народного сопротивления. И как бы сейчас в исследованиях ни переводили с немецкого на русский язык наименования

айнзатцгрупп и их подразделений – «оперативные группы», «исполнительные команды», «целевые группы», «группы развертывания» и т. д., точнее чем карательные их не назвать. Они стали ведущей частью машины по физическому уничтожению населения оккупированных территорий.

Командование EK 8 находилось в Могилеве. Одно из подразделений айнзатцкоманды и приданные ей несколько взводов СС с немецкой охранной полицией были передислоцированы в Гомель. Руководил карательной экспедицией гауптштурмфюрер СС Вильгельм Шульц, в прошлом комиссар криминальной полиции (крипо) городка Буер на севере Рура. После расстрелов в Гомеле, Речице и Рогачеве отряд в середине ноября 1941 года прибыл по железной дороге в Клинцы.

Когда первые заморозки сковали разбитые в распутицу дороги, колонна эсэсовцев двинулась по округе. В Стародубе были вывезены из гетто и казнены на Галых болотах около восьмисот мужчин и подростков старше четырнадцати лет, еще четыреста евреев расстреляны за уклонение от переселения в гетто.

В урочище Машаница под Трубчевском 20 ноября 1941 года было убито двенадцать евреев, которые месяц тому назад смогли каким-то чудом избежать расправы, учиненной армейской полевой жандармерией. Расстрельный список был составлен в управе Павлова.

К 22 ноября EK 8 переместилась в Погар, где было казнено двести восемнадцать евреев. И уже перед возвращением в Гомель каратели уничтожили в Клинцах до тысячи евреев.

В июле 1961 года судом присяжных 1-го земельного суда Мюнхена в ходе рассмотрения дел бывших военнослужащих айнзатцкоманд было доказано непосредственное участие Шульца в расстрелах еврейского населения и участников подполья с общим числом жертв в тысячу сто человек, за что он был приговорен к семи годам тюремного заключения. Другие эпизоды судом не исследовались.

После того как каратели покинули Трубчевск, расстрельную работу за немцев выполняла полиция Павлова.

Первоначально, в октябре–ноябре 1941 года, когда город был насыщен подразделениями вермахта, спешившими на Москву, в полиции было всего семнадцать человек. Эти люди в своей прошлой жизни преследовались советской властью и соглашались с предложениями бургомистра движимые убеждениями или лютой местью. Сельские полицейские, как и старосты, избирались на сходах, по два человека на населенный пункт, были скорее силами самообороны, брались на прокорм и в Трубчевске не появлялись.

С уходом немцев дальше на восток численность городской полиции возросла до ста пятидесяти человек. Можно сказать, что бургомистр провел вынужденную мобилизацию. При комплектовании дополнительных сил полиции Павлов прельщал местных жителей освобождением от реквизиций, повинностей

и налогов, военнопленных концлагеря на городской окраине – просто освобождением. Немало бывших окруженцев вытряхнули из перин некогда одиноких женщин. Примаки записывались в полицию от безысходности – по обе стороны фронта им одинаково грозила смерть.

На вооружении имелось семьдесят пять винтовок с запасом патронов на пять тысяч выстрелов. Единственный пулемет заедало при огне. Половина состава полиции имела обмундирование красноармейцев, в то время как другая патрулировала улицы в гражданской одежде. Отличительным знаком была белая нарукавная повязка с надписью «Полиция».

Экспедиции полицейских по селам в ноябре–декабре 1941 года, когда партизанские отряды только набирали силу, позволили Павлову накопить на зиму запасы продовольствия и фуража. В город было свезено полторы тысячи тонн зерна, тридцать тысяч тонн картофеля, по пять тысяч тонн соломы и сена, большое количество домашней птицы, согнано восемьсот голов скота. Доклад местных властей о таких резервах командованию 2-й танковой армии вермахта завершался строкой, которая, видимо, должна была сделать Трубчевск привлекательным для размещения немецких подразделений: «Спирт и пиво доставляются в течение дня в любых объемах из удаленного на тридцать пять километров городка Погар».

Массовая вербовка в полицию была использована партизанами для внедрения в нее подпольщиков.

Павлов в центре района активного партизанского сопротивления создал подобие своей опричнины. Полиция исполняла такую роль, осуществляя ее на личных поручениях бургомистра.

Местами казни в городе обычно избирались подвалы под бывшими купеческими особняками, где в годы оккупации размещались полиция, органы военной администрации немцев. Эти сооружения будто возводились одной рукой – были просторными, со сводчатыми потолками и нишами. Толстые кирпичные стены заглушали крики и выстрелы.

От трупов палачи избавлялись скрытно. Служивший при полиции конюх Черкесов, пьяный и молчаливый, перед рассветом мифическим Хароном скользил на санях по зимнему Трубчевску, свозя тела казненных к проруби на Десне. После весеннего половодья полицейские с баграми шли по пойменному лугу, стаскивали останки людей в ямы, прикрывая их землей от собак и чужих глаз.

На месте одного из таких захоронений вблизи Десны сейчас стоит обелиск.

ПЛАЧЕТ МАЧЕХА ДЕСНА

Впервые о казни ребят из Трубчевского детского дома сообщила газета «Партизанская правда», редакция и типография которой находились в расположении штаба Объединенных партизанских отрядов и

бригад Брянского партизанского края, в километре с небольшим от суземской деревни Чернь, в ветхой лесной избушке, служившей некогда омшаником для зимовки пчел. Статья каждым своим словом призвала жителей оккупированного Трубчевска оказывать сопротивление фашистам и жить надеждой на скорое освобождение. Само ее название предрекало: «Скоро придут наши».

Автором был Василий Росляков, который уже после войны приобретет известность маститого советского писателя. А тогда он был недоучившимся из-за войны студентом легендарного ИФЛИ, Московского института философии, литературы и истории, недавним красноармейцем, который вышел из окружения к партизанам.

В «Партизанской правде» он писал: «Ночь окутывает Трубчевск. Но фашисты не прекращают черных дел. Из гестаповского застенка вырываются сдавленные крики и стоны русских людей, подвергнутых пыткам и издевательствам. В такую ночь гитлеровцы налетели на детский дом для умственно отсталых детей, где находилось до шестидесяти ребят, забрали детей и в сарае зверски перестреляли».

Этот номер газеты сошел с печатного станка 27 февраля 1943 года, более чем через год после казни ребят из детдома. Почему так долго до Черни шла весть о страшной трагедии? Ведь меньше трех десятков километров от Трубчевска, пусть лесом и болотами.

Конечно, тогда некуда еще было писать. Партизанская газета зимой 1942 года не издавалась, были только планы на нее. Лишь в конце марта бывший собкор «Орловской правды» Николай Коротков в земле под развалинами разбомбленной типографии в Суземке, отбитой на время у немцев, смог отыскать литеры букв из свинцового сплава и медные наборные линейки. Он и стал затем редактором партизанской газеты.

Были и другие причины, объясняющие нескорое предание гласности казни детей. Но о них еще пойдет речь.

Наиболее часто в исторических докладах о зверствах фашистов на оккупированных территориях СССР при изложении обстоятельств расстрела шестидесяти трех ребят из Трубчевского детдома приводится строка из акта Брянской областной комиссии по учету ущерба и злодеяний, причиненных народному хозяйству немецкими оккупантами и их сообщниками, от 22 октября 1945 года.

В Книге Памяти Брянской области, на сайте Брянского правительства, Брянского исторического форума, в некоторых блогах эти сведения излагаются уже со ссылкой на Трубчевскую районную комиссию.

Между тем в архиве Брянской области имеются два акта Трубчевской районной комиссии по учету ущерба и злодеяний, причиненных народному хозяйству немецкими оккупантами и их сообщниками. В этих текстах разнятся цифры количества малолетних

жертв. В первом случае речь идет об истреблении во-семнадцати детей Трубчевского детдома умственно отсталых. Во втором документе есть такая строка: «Застрелили детоубийцы двадцать четыре чел. детей из детдома умственно отсталых».

Районные акты подписаны одним и тем же составом комиссии и одним днем – 7 июля 1944 года. Эта дата некоторым образом объясняет появление различий в документах.

Первый акт мог быть составлен после образования Трубчевской районной комиссии в соответствии с постановлением исполкома Орловского областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) от 15 сентября 1943 года «Об учете ущерба злодеяний, причиненных немецкими оккупантами» той же осенью 1943 года непосредственно после изгнания фашистских оккупантов. С образованием 5 июля 1944 года Брянской области и с одновременным выделением ее из состава Орловской области материалы о зверствах оккупантов, очевидно, переписали уже с указанием нового административного подчинения Трубчевской комиссии.

Другой акт был направлен в Брянск вдогонку. В него были включены сведения, дополнительно установленные за истекшие полгода, после уже подправленного первого документа. Основанием для корректировки числа казненных воспитанников детдома стали показания бывших трубчевских полицейских и других немецко-фашистских пособников на выездном заседании суда военного трибунала Московского военного округа 23 мая 1944 года.

Реальная картина в ее самых жутких красках стала вырисовываться первым послевоенным летом при установлении мест массовых захоронений в пойме Десны. Вот тогда посчитали погибших ребят с пугающей точностью. Комиссия словно провела их сверку со списком воспитанников, подготовленных для эвакуации, которая так и не состоялась в конце августа 1941 года.

Василий Падин в своих краеведческих изданиях указывает на то, что ребят из детдома расстреляли фашисты после оккупации Трубчевска в 1941 году. Но этот расстрел выпадает из описываемых им далее обстоятельств и хронологии зверств, учиненных немцами с первых дней в захваченном городе до завершения ноября того же года.

Сведения об участии немцев в расстреле детдомовцев не могут быть бесспорными. Факт пребывания оккупантов в Трубчевске в первую военную зиму вообще подвергается сомнению.

Владимир Беликов, переживший немецкую оккупацию в родной деревне Гнилево под Трубчевском, в своих воспоминаниях пишет о том, что в городе немцев накануне первой военной зимы не было: «Они свое дело сделали (расстреляли за МТС несколько еврейских семей), переименовали улицы, установили «новый порядок») и двинулись дальше на восток».

Немецкий историк Себастьян Штоппер, широко оперирующий архивными материалами группы абвера при командовании 2-й танковой армии утверждает, что германские подразделения занимали этот город до середины декабря 1941 года, а затем вновь вошли сюда только в начале марта 1942 года.

Себастьян Штоппер обращается также к докладной записке абвера командованию 2-й танковой армии со ссылкой на полученное в середине января письмо начальника трубчевской полиции Мельникова: «Искоренение партизан местная полиция берет на себя, если в ее распоряжение будут переданы 230 винтовок, 2 тяжелых крупнокалиберных пулемета, 25 ручных пулеметов, 2 миномета. Для моральной поддержки достаточно будет 30 немецких солдат. Город готов также взять на себя обеспечение немецких подразделений продовольствием и транспортом». Полиция могла просить направить в Трубчевск немцев числом со взвод и на них молиться только за неимением этих немцев у себя в городе.

В справке центрального штаба партизанского движения от 3 февраля 1942 года сообщалось о пребывании в Трубчевске в январе 1942 года роты немцев полка СС. Между тем, как писал в своих воспоминаниях командир взвода одного из партизанских подразделений Ф. Балухтин, разведка, предпринятая накануне штурма города, не обнаружила там эсэсовцев, которые ранее могли выдвинуться в Семячковскую и Плюсковскую волости.

Села Семячки и Плюсково находились на безлесных землях. Там, в стороне от партизанского воздействия, накапливались провиант и фураж, изымаемые у населения для немецких частей. Вполне вероятно, что партизанская разведка обнаружила в Трубчевске команду сопровождения продовольственного обоза 1-й моторизованной бригады СС, сильно потрепанной и потерявшей в бою своего командующего при выводе из окружения 134-й пехотной дивизии вермахта под Орлом. Остатки бригады эсэсовцев в два полка, не получая централизованного снабжения, самостоятельно рыскали голодными волками по тыловым селам. Этот продовольственный отряд СС в случае привлечения его к осуществлению расстрела провел бы свою акцию, как и подобает карателям, не ночью, не в подвале, без санного пути до речной проруби. А вот таким образом – ночью, в подвалах, со сбросом казненных в реку – расправлялась только трубчевская полиция, избегая огласки своих кровавых дел.

В январе 1942 года партизаны вытеснили в Трубчевск сельских старост и их подручных. Полицейских и оружия в городе становилось больше. Одновременно росло влияние подпольщиков. Как отмечалось центральным штабом партизанского движения, к началу партизанского штурма Трубчевска 2 февраля 1942 года в городе «была подготовлена группа полицейских численностью сорок человек, желающих

перейти на сторону партизан. Во главе этой группы был родственник бургомистра Павлова».

Родственником являлся зять главы городского управления. Фамилия этого человека приведена только на плите обелиска казненным партизанам и подпольщикам на месте, где заканчивается спуск с городских холмов, – Литвинов.

Больше об этом человеке можно узнать из мемуаров Василия Андреева, облаченных в форму художественного произведения, «Партизанские встречи», что дает возможность автору иногда использовать некоторые творческие приемы облагораживания героев в ущерб историческим реалиям. Легендарный разведчик партизанского отряда имени Сталина Алексей Дурнев стал Дарневым. Подпольщица Вера Крысина, по сюжетной линии – любимая девушка Алексея, названа Красиной. Зачем? Неблагозвучные фамилии обычно привлекают к себе внимание других, если соответствуют качествам своих носителей, но не оскорбляют молодых красивых людей, поступки которых чисты, возвышенны, достойны славы и подражания. Литвинов указан как Литвин. Впрочем, Алексей Дурнев, со слов которого Андреевым написана глава «В городке на берегу Десны», мог сам говорить так о Литвинове, сокращая его фамилию до прозвища, как это часто бывает в кругу близких знакомых.

В рассказе о Литвинове между тем есть сведения и о Павлове. «Литвин, – пишет В. Андреев, – поселился в Трубчевске за несколько лет до войны. Он заготавливал для Донбасса лес. Здесь, в Трубчевске, он и женился на дочери некоего Павлова. В начале войны Литвина мобилизовали. Под Киевом он был ранен, попал в окружение, а затем, оправившись от раны, пробрался в Трубчевск. Здесь он узнал, что отец его жены, бывший ярый троцкист, оказался немецким шпионом и состоит теперь в гитлеровцев бургомистром, а дочь его, жена Литвина, живет с немецким комендантом Хортвигом. Литвина арестовали немедленно, как только он появился в городе. Вскоре, однако, освободили. Люди предполагали, что бургомистр Павлов не очень верит в прочность немецкой оккупации и добился освобождения зятя, чтобы реабилитировать себя в глазах народа. Оказавшись на воле, – продолжает В. Андреев, – Литвин подыскал подходящую работу, и вскоре все узнали, что он стал директором маслодельного завода».

Краевед Падин как бы поправляет автора партизанских былей В. Андреева в его словах о коменданте Хортвиге, указывая на то, что к Павлову в зятя прибился немецкий дезертир. Павлова прельщало иметь в родственниках отставшего от наступающих сил вермахта немецкого офицера, он таскал его за собой по городу, представляя комендантом и производя впечатление тем, что немец явно заискивал перед ним и угождал.

Литвинов поздно вошел в подпольную организацию, вне партийного набора, взял на себя сбор оружия, взрывчатки и продуктов для партизан раз-

розненных отрядов, передвигаясь по району под прикрытием обозов своего предприятия. Он подготовил боевой отряд из полицейских, военнопленных и медработников госпиталя при концентрационном лагере для поддержки партизан во время штурма, намеченного на 1 февраля 1942 года.

Но подпольная организация была провалена накануне. Партизаны предполагали, что во время допросов полиции может стать известной информация о готовящейся операции по захвату города. Сомнения атаковать или не атаковать были преодолены стремлением освободить подпольщиков из застенков.

Местная полиция станковыми пулеметами перекрыла подходы к городу. Радиоэфир наполнили обращения Павлова за помощью к командованию 2-й танковой армии в Орле. Как иронично замечает немецкий историк Себастьян Штоппер в докторской диссертации «Брянский регион под оккупационной властью вермахта в 1941-1943 годах», в Орле ничего лучшего не нашли в ответ, как разбросать над Трубчевском листовки с призывом к жителям окруженного партизанами форпоста укрепить их волю к сопротивлению.

Атака партизанских отрядов имени Сталина и имени Чапаева, украинского отряда Сабурова, действовавшего в южных массивах брянских лесов, состоялась ранним утром 2 февраля 1942 года, когда полиция сняла усиленные посты на въездных дорогах в Трубчевск. Результаты рейда отражены в справке центрального штаба партизанского движения о боевой операции по захвату Трубчевска партизанскими отрядами южного массива брянских лесов. Начальник оперативного отдела штаба полковник И. Наумов докладывал: «Партизаны в течение целых суток удерживали город в своих руках. Во время боя было убито 108 немецких солдат и полицейских. Разгромлен вещевой склад, при этом партизаны почти все оделись в зимнее обмундирование. Освобождено из немецкого госпиталя 55 человек командно-начальствующего и медицинского состава, в том числе товарищи: капитан Бородачев, врач Эйдлин, врач-хирург Федоров, врач-хирург Угарова. Партизанами взяты трофеи: 3 пулемета, 60 винтовок, боеприпасы, 1,5 тонны печеного хлеба, 15 тонн зерна и 60 лошадей. Потери партизан – 27 человек убитыми и ранеными».

В тот список не были включены подпольщики, казненные в подвалах полиции накануне штурма.

Начальник оперативно-чекистской группы партизан, довоенный начальник Трубчевского РО НКВД Иван Абрамович не участвовал в непосредственном боестолкновении. За несколько часов в своем городе он провел дознание и пришел к выводу, что причиной провала подпольщиков стало нарушение ими конспирации при последней встрече на явочной квартире. Хозяйка дома, не посвященная в подпольную работу, в попытке спасти своего арестованного и истерзанного пытками мужа назвала полиции имена частых гостей.

В докладной записке НКВД УССР в военный совет Юго-Западного направления по организации и руководству оперативной деятельностью партизанских формирований в тылу противника по состоянию на 1 марта 1942 года преувеличивалась личная роль Сабурова в этой операции. Неверными были сведения о захвате партизанами тяжело раненного бургомистра Трубчевска – «фашистского ставленника Павлова».

Партизаны не застали его дома. Последние ночи Павлов проводил в полиции, где пытали подпольщиков. Он не смог распознать в своем окружении смертельных врагов, и это обстоятельство явно бесило, заставляя терять ранее присущее ему самообладание. Литвинов был повешен на воротах маслозавода. Расправляясь с бывшим родственником публично, Павлов спасал свою репутацию перед немцами.

Остальные подпольщики были расстреляны в подвале.

Толстые стены некогда купеческого склада, превращенного в тюрьму, выдержали затем партизанскую осаду. Павлов получил незначительное ранение в ногу по собственной вине. Как утверждает трубчевский краевед Падин, при первой пальбе в городе у бургомистра задрожали руки, что не осталось без внимания полицейских рядов. Он нервно дернул пистолет из кобуры, пуля от непроизвольного выстрела слегка задела пятку. Уже через неделю Павлов своим приказом объявляет благодарность «всему личному составу вооруженных сил города» и «особо отличившихся бойцов и командиров» награждает новыми сапогами, полушубками, коровами. Это была временная передышка в подвальной работе, когда для награждения на городской площади палачи вылезли наружу.

По словам Василия Падина, репрессиями, которые незамедлительно обрушились на город после возвращения партизан в лес – арестами, пытками и расстрелами, руководил Бутаков, горький пропойца, бывший счетный работник, начальник следственного отдела в полиции Павлова. Бургомистр в то время якобы где-то выздоравливал от «ранения», он будто «ужаснулся» от пролитой крови и прекратил расстрелы, которые одобрялись немецким командованием.

Между тем эти утверждения некоторым образом противоречат другим фрагментам из того же археологического, исторического и этнографического обзора В. Падина «Трубчевские достопримечательности». Их сопоставление рождает иные версии участия бургомистра в происходившем в городе после 2 февраля 1942 года.

Бутаков лишь продолжил кровавые расправы, начатые Павловым в подвалах после разгрома подпольной организации. Ранение в пятку, самострел, полученный бургомистром по своей же оплошности при партизанской атаке на Трубчевск, было незначительным и не требующим выезда куда-либо на лечение. Перед казнью жертв раздевали. Одежда распределялась между полицейскими, но предварительно в ней обычно копалась жена Павлова – тот явно был

хорошо осведомлен о расстрелах, если только не руководил ими реально.

Не было и команды павловским изуверам прекратить расправы. Напротив, кровавое колесо будто покатило под гору. Полковник госбезопасности Петр Головачев в своей книге «Каратели», ссылаясь на журнал арестованных трубчевской полицией, указывает, что за один 1942 год в подвалы были брошены тысяча двести тридцать девять человек, большая часть расстреляна. Из материалов послевоенных допросов, которые были доступны Головачеву, вырисовываются детали чудовищных злодеяний. Так, полицейский Корниченко за одну ночь расстрелял двадцать шесть человек, чем выиграл пари на водку.

Можно только гадать о причинах, в силу которых трубчевский бургомистр в краеведческих публикациях иногда был сокрыт тенью других палачей.

Во время немецкой оккупации Падин оставался сотрудником музея и ставил спектакли городского самодеятельного театра. В августе 1942 года состоялась премьера драмы-сказки «Потонувший колокол» Герхарда Гауптмана. Постановка была приурочена к восьмидесятилетию немецкого классика, оставшегося жить в Германии после прихода нацистов к власти и почитаемого офицерами трубчевского гарнизона.

Уже после войны, как бы в объяснение этого факта, краевед писал о своем участии в одной из «разрозненных подпольных небольших групп», из которых складывалось подполье «более широкое, чем отраженное партизанами». Это, должно быть, давало Падину основание в вышеупомянутой книге высказать критическое суждение о причинах провала подпольной организации Литвинова, работавшей в тесном взаимодействии с разведчиками трубчевского партизанского отряда имени Сталина: «Не было опыта, а была самоуверенность, подогреваемая тем, что в городе еще не было немецких учреждений, а когда первый вражеский войсковой эшелон ушел на восток, шел декабрь 1941 года».

Для нас сейчас важно новое свидетельство, теперь уже Василия Падина, того, что немцев с начала зимы до ее последнего дня в Трубчевске не было. А значит, и не требовалось тогда согласования казней с немецким командованием, представителей которого в городе не было.

Трубчевская полиция находилась вдали от немцев, без их контроля и материальной поддержки и, очевидно, свои кровавые дела вершила сама, не опираясь на чужие штыки.

Расправа с ребятами из детского дома могла произойти действительно в январе 1942 года. До того как полиция свои силы вынуждена была бросить на ликвидацию подпольной организации, затем на отражение партизанской атаки на Трубчевск, последующие допросы и казни в подвалах. Количество казненных в детдоме могло соответствовать тому, что было указано в двух актах послевоенной трубчевской

комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, если предположить, что расстрелов было несколько. И уже после войны на допросах у следователей военных трибуналов участники первого расстрела могли назвать одно число жертв, отнеся их на счет немцев, полицейские, совершавшие последующие казни, – указать уже иную цифру. В любом случае размеры подвала под основным корпусом детдома не позволили бы осуществить массовое и разовое уничтожение умственно отсталых детей.

Партизанский штурм Трубчевска вынуждал германское военное командование принять контрмеры. Зимой 1942 года немцы, отброшенные от Москвы и еще пребывавшие в оцепенении после первых значительных потерь, реагировали на подобные происшествия обязательно, но зачастую с опозданием. От принятия решений до их практического воплощения проходило время на поиск резервов для замены подразделений, снимаемых с фронта на проведение карательной акции. Даже подразделения СС потеряли свою мобильность – их штабы и тыловая инфраструктура не успевали за своими экспедициями в места массовых расправ с местным населением.

Только в конце февраля в Трубчевск выдвинулась зондеркоманда 7а (SK 7а).

Ее продвижение и пребывание в этом городе отражено в немецкоязычных материалах суда присяжных земельного суда Эссена, перед которым в марте 1965 года предстали бывший командир SK 7а гауптштурмфюрер СС Курт Мачке, а также сменивший его затем в руководстве зондеркомандой оберштурмбанфюрер СС Альберт Рапп, некоторые бывшие сослуживцы. Для объективного исследования судебных документов в Амстердаме при юридическом факультете старейшего университета Европы была образована исследовательская группа, которая с 1968 по 2012 годы выпустила сорок девять томов с получением права на их хранение и распространение.

Особенности издания судебных материалов делали невероятным их приобретение в России. Тем не менее немецкий текст о кровавых деяниях карательного отряда в Трубчевске и окрестных населенных пунктах однажды стал моим достоянием.

Немного раньше, в начале 2015 года, в двух номерах журнала «Военная археология» было опубликовано исследование московского историка Николая Калинина «Зондеркоманда 7а в системе террора айнзатцгруппы Б», в основу которого легли материалы суда присяжных в Эссене. Эти материалы также помогают проследить рейды особого отряда SK 7а, с которым связана третья волна массовых казней в брянском регионе.

Прежний имперский дух карателей выветрило вынужденное и спешное отступление из Калинина, нынешней Твери. К обморожениям добавились усталость, внутренние распри и обусловленная ими частая смена командиров – четверо с сентября 1941 года. Перед обратной дорогой на Смоленск, где рас-

полагался штаб айнзатцгруппы Б (EG B), командиром зондеркоманды был назначен гауптштурмфюрер Курт Мачке. В Гомеле, через который из Смоленска незамедлительно в Клинцы, опять же железной дорогой, в феврале 1942 года направлялась SK 7а, командиром стал оберштурмбанфюрер Альберт Рапп.

Мачке был понижен в должности, но остался в своем отряде. Он был раздавлен тем, что секретный приказ по вермахту «О поведении войск в восточном пространстве» с его резолюцией каким-то образом попал к русским и был опубликован 15 января 1942 года в газете «Правда». Уже само название статьи «Чудовищный приказ гитлеровского генерала об уничтожении всех исторических и художественных ценностей и об истреблении мужского населения в захваченных немцами советских районах» передавало суть директивного указания.

В спину Мачке и Раппа дышал оберштурмфюрер Вальдемар Борк, который реально возглавлял руководство командой в самые сложные моменты или при проведении наиболее устрашающих акций, но, будучи прибалтийским немцем, оставался на нижних ступенях карьерной лестницы.

Клинцы были определены местом дислокации зондеркоманды. Но целью первого же рейда стал Трубчевск. Этот город был назван Раппу в ходе его встречи в Смоленске с руководителем айнзатцгруппы Б Эрихом Науманном. Тот некогда был сослуживцем Раппа по польскому походу и в октябре 1941 года сменил Артура Небе, уже известного своим участием в имперской программе умерщвления «Т-4».

Встреча Науманна с Раппом прошла втайне от Мачке, который тогда еще оставался командиром карательного отряда, но уже не посвящался в содержание будущих задач.

Рапп на досудебном допросе 8 февраля 1965 года рассказал о том, что он выбрал Трубчевск для первого рейда после разговора в Клинцах с уполномоченным германского имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства по Трубчевскому району. Тот якобы из-за страха перед партизанами не мог добраться до закрепленного участка. Суд присяжных – и это отмечено в протоколах заседания – все же выразил уверенность в том, что поводом выезда Раппа в Трубчевск была не просьба уполномоченного – заготовителя продовольствия, а указание Науманна. От Раппа, мол, требовалось установить прямой контакт с бургомистром Павловым для сбора непосредственной информации из зоны активного партизанского движения командованию службы безопасности рейхсфюрера СС, минуя армейский штаб и военную контрразведку вермахта в Орле.

Какая бы причина выбора Трубчевска на суде ни озвучивалась, но Рапп стремился попасть туда к 27 февраля, в срок, установленный Науманном. Из Рославля тогда – и всего на два дня – должен был прибыть 352-й территориальный охранный батальон, сформированный из немцев старших возрастов за-

паса, годный в тылу для охраны дорог, мостов и мест массовых казней. Последнее обстоятельство указывает на то, что в Трубчевске заранее намечалось провести акцию устрашения для местного населения, сочувствующего партизанам.

Через три дня после прибытия в Клинцы зондеркоманда в сопровождении приданного комендатуре взвода СС на санных повозках, набитых сеном, с русскими возницами отправилась в дорогу. На полпути была ночевка в Стародубе.

Местный комендант там между рюмками на ночь глядя страшил офицеров СС рассказами о партизанских засадах и советовал им не выдвигаться к Трубчевску без бронетехники.

Рано или поздно, но два командира зондеркоманды, нынешний и прежний, должны были выяснить отношения между собой.

Уже утром Мачке взбунтовался. На инструктаже перед строем он потребовал уберечь зондеркоманду, которую он лично вывел без потерь из Калинина, не подставлять ее под пули «лесных бандитов», силы которых явно преобладали. Рапп, по показаниям Мачке на суде, вдруг принял неожиданное решение. Не стал долго спорить, не арестовал бывшего командира за невыполнение приказа, велел тому с частью отряда вернуться в Клинцы. Но предварительно предписывал ликвидировать остатки еврейского гетто в Стародубе, где после расстрелов в ноябре 1941 года сохранились только женщины и дети.

Сам же Рапп с пятнадцатью добровольцами, среди которых был Борк, явно избегавший Мачке, продолжил марш.

Бургомистр Трубчевска произвел на руководителя зондеркоманды SK 7a неплохое впечатление. Спустя много лет перед судом присяжных в Эссене в 1965 году Рапп отзовется о Павлове как о человеке, который обладал незаурядными организаторскими способностями. Бывший эсэсовец отметил, что по приказу бургомистра и при его личном участии в городе уже были проведены казни коммунистов, партизан, других врагов оккупационной власти.

Для акции устрашения были намечены пациенты трубчевского филиала орловской психиатрической больницы, под который в 1935 году был переоборудован бывший тюремный замок с полуразрушенной Свято-Никольской церковью перед ним.

В ходе исследования доказательств в Эссене не подтвердились подозрения присяжных о том, что обвиняемый Рапп мог заранее планировать расстрел психически больных людей или знать об их существовании. Определяющим фактором могло стать предложение бургомистра при встрече с Раппом. С ликвидацией пациентов психбольницы городская управа сэкономила бы на продуктах питания, содержании персонала, освободила бы для военнослужащих вермахта добротные постройки.

Для Раппа, как сложилось впечатление у суда присяжных, не имело значения, кто мог стать жертвой.

Расстрел происходил белым днем во дворе больницы за кирпичным забором. К краю люка над подземным водостоком дореволюционной постройки по одному подводили пациентов. Эсэсовцы по очереди стреляли из пистолета в затылок жертве, которая после толчка в спину исчезала в бурном потоке воды, резко спадающей в Десну с городских холмов.

Павлов и Рапп стояли во дворе больницы и наблюдали за расстрелом.

В судебных материалах во многих деталях воспроизведены детали казни, даже с указанием баллистических особенностей оружия палачей. Но неточности перевода материалов суда присяжных в Эссене, которые в своей научной статье использовал московский историк Н. Калинин, искажают иногда реальные обстоятельства.

Неверно указана фамилия офицера карателей Мачке (у Калинина – Матшке). Учреждение «Irrenanstalt» переводится с немецкого как дом для умалишенных, сумасшедший дом, психушка, психиатрическая больница. В тексте Калинина это учреждение названо интернатом для душевнобольных детей.

При переводе, вероятно, произошла подмена показаний Раппа, добытых непосредственно судом, протокольными сведениями, которые были получены от бывшего офицера СС за полгода до этого в процессе дознания.

На досудебном допросе 14 октября 1964 года Рапп не говорил о своей причастности к расстрелу душевнобольных людей.

По его словам, в психиатрической больнице сохранились также дети. Павлов и Борк якобы уговаривали Раппа отдать приказ о расстреле малолетних пациентов, сообразуясь с общими требованиями Германского государства об эвтаназии умалишенных. Старшая смотрительница просила проявить милосердие – предать смерти и тем самым прервать мучения детей, крайне истощенных и изувеченных болезнью с деформацией костей. Раппу, в чем он заверял дознавателей, были представлены трое или четверо больных подростков с подобной патологией. Между тем старшая смотрительница не сказала точно, сколько детей подлежало умерщвлению, указав примерное число от двадцати до тридцати человек. Только после личного осмотра нескольких подростков командир зондеркоманды СС якобы поручил Борку провести казнь. Расстрел состоялся вечером без участия Раппа: он сам с небольшим сопровождением уже убыл из Трубчевска в Клинцы.

Суд не придавал юридического значения этим показаниям Раппа. В объем обвинения бывшему командиру зондеркоманды SK 7a был включен расстрел сорока взрослых душевнобольных.

Зондеркоманда SK 7a тогда совершила в округе немало злых дел, с ней связана третья волна массовых казней в брянском регионе.

Группа Мачке, задержавшаяся в Стародубе, казнила двести евреев из гетто в урочище Беловщина,

расстреляла на краю того же рва, выбитого взрывчаткой в промерзшем грунте, сто двадцать коммунистов и пленных красноармейцев, доставленных из Погара и Понуровки. После возвращения в Клинец SK 7а пересела на автомашины, получив несколько легковых и грузовых автомобилей, а также автофургон-душегубку, который оставался без дела. Каратели не меняли свои методы.

Там же в Клинецах после облав и массовых арестов были расстреляны триста евреев и цыган, еще пятьдесят человек – в селе Воловка под Клинецами. Затем расстрелы проводились в этом городе периодически, с частотой проведения облав. В перелеске за Мглином казнено двести человек. На окраине Клетни уничтожено сто человек из еврейского гетто. В лесу под Суражом убито сто евреев. В противотанковом рву вблизи консервного завода Почепа расстреляно до двухсот евреев.

Такое количество жертв за март 1942 года приводится в судебных материалах с учетом показаний тех или иных участников процесса в Эссене.

Сопредседатель центра «Холокост» в Москве И. Альтман с 2002 года в своих публикациях добавляет в эти печальные списки новых мучеников, утверждая, что в январе 1942 года в Трубчевске были расстреляны шестьдесят три еврейских ребенка из детского дома. Этот пассаж с того момента стал встречаться в других текстах о холокосте, был включен в базу данных проекта – мемориала Российского еврейского конгресса «Бабы Яры России».

А впервые эта информация появилась в материалах регионального представителя центра «Холокост» в Брянской области Татьяны Жуковой, учительницы истории поселка Дубровка. Ее свободное обращение с документальным материалом поражает. Многие цифры и примеры почерпнуты из брянской краеведческой литературы без ссылок на нее. Там, где нет сведений о расстрелах евреев, ситуация незатейливо домысливается. В ее статье «Холокост на Брянщине» указывается, например, что «среди полутора тысяч убитых, сожженных и повешенных мирных граждан города Севска также было немало евреев». В этом ряду есть упоминание об «уничтоженных двухсот тридцати семи больных трубчевской психиатрической лечебницы, среди которых были и евреи».

Отдельный эпизод о том, как были расстреляны шестьдесят три якобы еврейских ребенка из Трубчевского детского дома. Татьяна Жукова пишет о страшных обстоятельствах казни детей: «Широкая прорубь не вмещала трупы расстрелянных, их пропихивали под лед шестами». Но это дословно приведенная выдержка из краеведческого издания «Трубчевск» Василия Падина о расправах над старыми большевиками М. Терезовой, П. Лощагиной, молодыми коммунистами К. Бородулиным, А. Кочановым, другими жителями Трубчевска, поддержавшими партизан во время их налета на вражеский гарнизон города в ночь на 2 февраля 1942 года.

Сведения о трех расстрелах сорока шести евреев с указанием времени и места казни также извлечены Жуковой из книги Падина. Между тем трубчевский краевед, сообщая о расстреле умственно отсталых ребят из детдома, не писал о том, что это были еврейские дети еврейского детдома. Никто из старожилов Трубчевска не подтверждает версию дубровского автора.

О зверствах фашистов надо говорить и ужасаться, при этом уровень ужаса не должен измеряться количеством жертв. Смерть и одного человека является трагедией вселенского масштаба. Но не потому ли к информации о холокосте был подтянут детский дом, что цифра расстрелянных евреев Трубчевска была не столь значительной, как это было в близлежащих к нему городках?

Так все сложилось исторически. Во второй половине XVIII века после разделов Польши, границы которой доходили до Брянска, Екатерина II определила «черту оседлости» для евреев. Это было не по добие пограничной линии, а перечень губерний, где новые подданные Российской империи могли постоянно проживать. Сюда вошли земли Новгород-Северского наместничества, преобразованного затем в Черниговскую губернию, с ныне брянскими городами и поселками городского типа Клинец, Мглин, Новозыбков, Почеп, Погар, Стародуб, Сураж. А вот Брянск, Севск, Трубчевск, Карачев были городами Орловской губернии, и там евреям до 1916 года запрещалось селиться.

Сведения центра «Холокост» о расстреле Трубчевского детского дома – неуклюжая претензия на исторический факт. От этого ответственность палачей тяжелее не становится.

Во время судебного разбирательства в Эссене в 1965 году бывший эсэсовец Рапп предпринял попытку самоубийства. Все для него затем завершилось пожизненным заключением.

Судебные материалы из Эссена оказались важными для установления или закрепления уже очерченных ранее обстоятельств казни ребят из Трубчевского детдома.

А они, эти обстоятельства, таковы: зимой 1941-1942 годов в городе не размещались немецкие части и учреждения. Не было немецкого военного коменданта. Бургомистр Павлов оставался основной фигурой в управлении Трубчевском и организатором репрессий, осуществляемых без ведома немцев. Ко времени появления зондеркоманды 7а в конце февраля в городе уже не имелось групп местного населения, против которых тот мог направить карателей СС. Пациенты психбольницы не представляли для города угрозы, были изолированы в палатах. Но эти помещения бургомистр, очевидно, намеревался подготовить для немецких подразделений, которые уже с 4 марта ожидалось в городе для постоянной дислокации. Бывший детский дом стал затем офицерским общежитием. Бывшее детское отделение психиатрической больницы занял штаб одной из ча-

стей вермахта, с июля 1942 года там разместилась военная комендатура города. Основной корпус психиатрической больницы вновь превратился в тюрьму, что существовала до революции, на Тюремной площади появился немецкий концлагерь.

Некоторые детали из показаний эсэсовца Раппа, российских архивов, рассказов музейных работников и жителей Трубчевска между тем указывают на то, что после расстрела взрослых душевнобольных к месту готовившейся казни малолетних пациентов также могли быть доставлены ребята из детского дома, расположенного за два с лишним километра от психиатрической больницы, на другом конце города.

После первого расстрела детдом пустовал недолго. Туда оставшийся персонал свозил бывших подопечных, вылавливаемых по городу или отбираемых у чужих семей, к которым больные и беспомощные дети прибывали с надеждой на спасение. После освобождения Трубчевска, как вспоминают сейчас старожилы, одна из бывших сотрудниц детдома, проявившая наибольшие старания в этих поисках, была осуждена военным судом.

Старшая смотрительница детского отделения психиатрической больницы – обособленного строения в нескольких десятках метров от основного корпуса – должна была назвать Раппу точное количество своих подопечных, обрекаемых на смерть. Но назвала командиру эсэсовцев лишь примерное число. Она, очевидно, не могла на тот момент знать, сколько ребят из детского дома могут еще сюда доставить.

Вероятным кажется уже ранее процитированный эпизод из статьи Василия Рослякова «Скоро придут наши» в партизанской газете: там повествовалось о ночном налете гитлеровцев на детский дом для умственно отсталых и доставке их к сараю для казни.

Группа Борка могла забрать ребят и перевезти их на санях через весь город с наступлением темноты, избегая лишних глаз. Сараем мог быть назван в статье и установленный на деревянных столбах дощатый навес над люком в городской водосток. Слово «перестрелять» часто употребляется в значении «убить многих поодиночке», и оно, использованное Росляковым, точно передало метод карателей зондеркоманды SK 7а, когда они каждую жертву убивали отдельно от других выстрелом в затылок.

Василий Росляков из «Партизанской правды» ни разу прежде не был в Трубчевске. От Алексея Дурнева он мог получить информацию для своей статьи «Скоро придут наши» о расправе над ребятами из детдома, а также сконцентрированные сведения по Трубчевску с октября 1941 года до выхода номера газеты с этим материалом в феврале 1943 года. Командир разведки хорошо знал особенности жизни захваченного немцами города, которые были известны только местному населению, обстоятельства и хронологию расстрелов, имена казненных подпольщиков, о чем редкий человек в городе или в лесных землянках того времени был осведомлен. Партизанскому корреспон-

денту тогда, скорее всего, была передана разведчиком и городская оккупационная газета «Новая жизнь», в одной из публикаций которой была затем дана гневная отповедь его высокоэмоциональному обращению к жителям Трубчевска.

Послевоенная судьба легендарного партизана неизвестна. В бывшем партийном архиве Брянской области, который сейчас именуется Центром документации новейшей истории Брянской области, имеются сведения о нем.

Между тем федеральный закон о персональных данных, принятый в 2006 году, делает невозможным доступ к этим материалам для исследователей и историков. Получается так, что о людях предыдущего нам поколения может узнать только следующее за нами поколение. Останется ли тогда прежним интерес к прошлым событиям при нынешнем умолчании о них, если к тому же те будут скрыты под наслоениями уже других исторических событий?

Но в Трубчевске, как может показаться при долгом созерцании Десны с высоты холмов городского парка – удивительного и совместного творения природы и человеческих рук, скорость времени гасится сама собой.

Многообразных сравнений порождает река. Для ребят из Трубчевского детского дома, от которых когда-то отказались родители, она явилась ласковой мачехой, предоставившей последний приют. Вопреки волшебным сказкам, которые наделяют эту фигуру злыми чертами.

БАБА ФЕДЯ, РОДЯ И ДРУГИЕ

Няню внука помещика Подлинева звали Феодорой. В этом имени греческих корней, означаемом «божий дар», угадывалась история взаимоотношений ее матери-крестьянки и хозяина усадьбы. Старый помещик держал дочь своей бывшей крепостной при дворе. В Карлсбаде за время лечения его желтушного внука на водах богемского курорта няня научилась сносно говорить на немецком языке. В младшем Подлиневе все же остались капли желчи. Переправленный в уездный город для учебы в гимназии, он упростил имя тихой женщины, постоянно следовавшей за ним, до несуразного.

Так в Трубчевске появилась баба Федя, бесформенные и бесцветные одежды которой вначале скрывали ее молодой возраст, а затем скрадывали ее переход к старческим летам. В период трех революций она работала в сиротском приюте посудомойкой, где для жилья ей выделяли комнатку, а с его закрытием перешла к «божьиим деткам», как она называла слабых умом воспитанников детского дома у Сретенской церкви. С администрацией и персоналом детского дома баба Федя не всегда ладила. Ни перед кем не заискивала, никому не льстила. Могла быть жесткой, пряча свой гнев в немецких оборотах речи.

Директор Сухробов был направлен в Трубчевск из Орловского собеса, о чем часто говорил на совещаниях с персоналом, придавая важность своей миссии. Последствием всего стало его прозвище Собес, которое баба Федя сократила на один слог. Бес не раз пытался уволить эту странную женщину. Но в последний момент всегда останавливался. Бабу Федю нечем было заменить. Ее род занятий в детдоме не был строго определенным, зависел от тех или иных обстоятельств, когда она оказывалась неотложно востребованной: штопала и кипятила белье, быстро снимала припадки агрессии у детей, колола дрова в пьяные загулы истопника, умела испечь праздничные пироги на детские столы со свежими ягодами в любое время года, собрать умерших детей в последний путь.

В Сретенской церкви бабу Федю всячески привлекали и однажды вмешались в ее жизнь.

– Это промысел Божий отвел тебя, сестра Феодора, к чистым душам, помыкаемым дьяволом, – отец Николай отговорил ее, незамужнюю и бездетную, от ухода в женский монастырь. – Здесь тебе совершить жертвенный подвиг, нести свой крест.

Еще до прихода немцев Бес сбежал в Орел вывезти свою семью в тыл, вслед за ним ушел почти весь персонал. Только баба Федя никуда не побежала, продолжала жить при детдоме, кормить и опекать ребят.

Оккупационная власть под страхом смертной казни вернула на свои прежние места старшую воспитательницу Рыбкину и кастеляншу Маркеловну. Те сразу нашли свою выгоду, пристраивая ребят для работы в чужих семьях. В обмен принимались продукты питания якобы для того, чтобы прокормить остальных ребят в грядущую зиму. В детдоме появлялись деревенские люди. Слово на невольничьем рынке, выбирали ребят покрепче, не совсем выживших из ума. За мешок картошки или муки дополнительно отпускались одежда и постельное белье. Часть продуктов деловые дамы забирали домой, что лишало благородства их намерения.

Наделенные затрещинами от своих смотрительниц, дети переползали под защиту бабы Федей. Ее, как истопницы, особой территорией стали небольшие площадки у топок печей-голландок с наваленными для сушки поленьями.

Печки были высокими, на два этажа, встроены во внутренние стены так, что они будто являлись составной частью отопительной конструкции, – тепло распределялось ровно, дотягиваясь до самых дальних уголков общих спален. Система обогрева могла восхитить только специалистов, печников, детей же печи удивляли своими изразцами. Рисунок на изразцах был бело-синим с ярким оранжевым пятном сверху. Загадочный свет, излучающий приближающуюся радость. Баба Федя видела в смешении красок рождественский сюжет с Вифлеемской звездой и даже ангелом, который мог угадываться в синих линиях.

– А где Бог? – Баба Федя словно озвучивала вопрос, читаемый в детских глазах. – Он везде, в каждом цветке и каждой букашке. Все мы твари Божьи.

Большее тепло, чем от печей, исходило от простой пожилой женщины, и ребята грелись в этих лучах сердечной ласки.

Баба Федя особо, как нежный листок, лелеяла семилетнего Родю.

Отец мальчика был красным командиром. Он застрелился после настойчивых ночных звонков в дверь московской квартиры: «НКВД! Откройте!» Мать выбросилась с трехлетним мальчиком из окна. Но в последний момент, когда ее разум уже растворился в ожидании смерти, в женщине проявился материнский инстинкт, и она, крепко прижав к себе малыша, спасла ему жизнь.

С тяжелой травмой головы тот долго лечился. Из больницы сбежал на железнодорожный вокзал. В милиции, когда его сняли с поезда, он не мог назвать своего имени и родного города. Оказался неспособным вообще связать толком пару слов. Милиционер, передавая его в детский приемник в Брянске, сказал, что, мол, привел вам уродца. Там по созвучию записали ребенка под именем Родя. Приблатненная шпана в приемнике таскала Родю с собой на воровские дела, с тем чтобы в случае неудачи все сваливать на придурка.

Затем Родю передали в Трубчевский детский дом для умственно отсталых, словно согласившись с диагнозом милицейского старшины.

Лицо Роди почти всегда оставалось безучастным и непроницаемым.

То, что заставило бабу Федю по-иному воспринимать Родю, было связано с полукруглым осколком зеленого стекла.

Некогда это было частью храмовой лампы. Ее во время крестного хода на Святую Троицу, еще за год до начала войны, выронил из рук церковный служака, когда перед процессией из кустов чертенком выскочил Хасбулат, воспитанник детдома, и несколько раз что-то гортанно прокричал. После первых бомбежек местные жители стали часто поминать этот случай как не сразу понятое ими божественное предзнаменование большой беды. Кто-то даже утверждал, что маленький горец блажил тогда, выкрикивая немецкие слова.

Чудной формы кусок стекла некоторое время был предметом обмена, пока не оказался у Роди. Зеленый цвет преображал природу и людей, порождая множество оттенков, которые могли менять настроение мальчика. Люди, которые не могли обидеть Родю, виделись в светлых тонах, иные представляли перед мальчиком в цвете старых, почти черных водорослей, которые могли обвить ноги и потянуть в речную глубину. Пыль на трубчевских дорогах исчезала, и вместо нее за телегами поднимался изумрудный флер.

Зеленый луч мог прорезать прошлую жизнь Роди и осветить лучшие ее моменты, когда он был в ясном сознании, в обилии чувств и эмоций. Баба Федя с большой осторожностью слушала удивительные рассказы мальчика, увлеченного игрой со стеклом, и часто крестилась, сострадая уже его теперешней жизни.

Другим внимательным слушателем Роди был Мурад. Это было дитя горного аула, чеченского, ингушского, черкесского ли – никто твердо не скажет. Как и о том, каким вихрем его сдуло с кавказских вершин и донесло до русской равнины. Прозвище Хасбулат мальчик получил от кастелянши Маркеловны, которая, хотя и подворовывала, но не все деньги несла в дом, а иногда устраивала в конце рабочего дня дружеские попойки, завершаемые тягучей песней об удалом Хасбулате и его молодой неверной жене.

Трубчевский Хасбулат будто стал нукером при Роде, в котором ценил его независимость и боевой дар. Родя мог предугадывать неблагоприятную для себя ситуацию. Жестким взглядом и мимолетным телодвижением, бесспорно указывающим на воровское пренебрежение своей жизнью даже в любом ничемном случае, быстро подавлял волю человека, несущего в себе угрозу.

Увлечение персонала наделять детей прозвищами было неким поветрием. Даже баба Федя, обращавшаяся к детям только по именам, стала называть Слезкой тщедушного Мишу, который часто плакал по утрам, просыпаясь в мокрых простынях. Сделала она это тогда, когда грубые ругательства сыпались на тщедушного мальчугана и любое нелицеприятное прозвище могло закрепиться за ним.

Для преподавателя лечебной физкультуры Троянова однажды все могло закончиться плохо.

Был в детдоме такой переросток Слава Переверзев, которого уже пора было переводить в спецучилище другого района для освоения навыков будущей профессии, простенькой, но на всю жизнь. Каждый раз перед отправкой он наносил себе небольшие увечья с обилием крови.

Тогда много писали о летчике Водопьянове, даже больше, чем о спасенных им челюскинцах. В газетах упоминали о более трех десятков швов на голове героя, что было доказательством его бесстрашия. Именно это обстоятельство дало повод Троянову назвать Водопьяновым детдомовца, покрытого струпьями от ран.

Капитан местного отделения НКВД увидел в подобном прозвище вражеские происки. С вопросом, почему придурка назвали именем героического летчика, он подступал к перепуганному не на шутку директору. Только баба Федя выразила недоумение: «А самого мальчика не спросили?» Слава Переверзев очень правильно и складно проговорил заученный текст о своей мечте стать летчиком-полярником.

Когда взрослые зареклись на свой лад перекрещивать детей, те сами стали видоизменять прошлые непонятные им клички.

Так в компании ребят у печей-голландок появился Сеня-Сема – мальчик, из-за постоянной путаницы левой и правой сторон прозванный ранее Сено-Солома. Ему и правда некогда крепили на одну ногу пучок сена, на другую – солому, как это делал полководец Суворов при обучении неотесанных рекрутов солдат-

скому строю. Подобным образом Бес проверил одну из теорий о пользе исторического опыта в воспитании детей, отстающих в умственном развитии.

Перед печным огнем ребята согревались вечерами, а днем уходили в город в поисках пропитания.

В Трубчевске голодных детдомовцев называли казнью египетской и сравнивали их появление на Шофе, старой базарной площади, с нашествием саранчи. Бургомистра не раз просили найти управу на «благих оглоедов». Он, однако, не усердствовал, поскольку город должен был содержать детдом. Денег же в казне не было. Но по пятницам, когда в Трубчевске традиционно устраивалась широкая торговля с саней, съезжавшихся из ближних и дальних деревень, полиция стаскивала ребят в подвал под главным корпусом, вешала пудовый замок и выставляла у двери свой пост. В эти дни баба Федя приносила в корзинах из Сретенской церкви собираемые за неделю скромные пожертвования прихожан.

Вместе с пищей убавлялось и тепло. Частые налеты детдомовцев на дровяные сараи также стали бедой Трубчевска.

Развитие трагических событий ускорил случай в канун первого Нового года с оккупационной властью. Еще до наступления сумерек Водопьянов провел разведку, несложную по своему содержанию: в мороз высокие столбы дыма из печных труб, багровые в лучах заходящего солнца, служили верными ориентирами предстоящих вылазок.

На этот раз внимание привлекла банька забором райпищеторга в сотне шагов от детдома. Там до войны принимали важных гостей по линии питания и торговли и потому пузатых, нескромных и шумных.

Немецкий полковник продовольственной службы из Клинцов, радушно приглашенный трубчевским бургомистром, был похожим типом. В момент когда он с Павловым находился в парилке, а его адъютант с начальником полиции Мельниковым поехали за девками, детдомовцы похватили от печи хорошо просушенные поленья. Пока затем в топке разгорались сырые дрова, пар улетел чудной птицей в холодное небо. Но немецкий полковник негодовал в большей мере по другому поводу. К нему так близко могли подобраться лесные бандиты! Даже тогда, когда Павлов выяснил – не партизаны то были, а местные дурачки, настроение гостя не улучшилось.

Вскоре в зале детского дома, где заранее собрались Рыбкина, Маркеловна и баба Федя – три калекки при инвалидах, как они называли себя, появились бургомистр в серой каракулевой ушанке с начальником полиции Мельниковым, полушубок которого был перехвачен портупеей красноармейского офицера с прорезной звездой на пряжке, и фельдфебелем полевой жандармерии из команды сопровождения клинцовского гостя.

Мельников сразу же отправился пересчитывать по головам детдомовцев.

Немец молчал. Его роль никому, как казалось, и ему самому, была неизвестна. Он ничего не решал, от него ничего не зависело.

Павлов же часто обращался к нему, говоря о высоких целях Германии, умерщвляющей неполноценных детей.

– Казнить детей? Вы разве сами в детстве ничем не хворали? – возмущенно сыпала вопросами баба Федя. – Вы здоровые теперь, и они поправятся. На том свете будут выше нас. Я до самого Гитлера дойду, если хотя бы один волос упадет с их головы.

Баба Федя сделала движение, словно намереваясь схватить за ворот шинели фельдфебеля, но подвешенная на цепи тусклая нагрудная бляха охладил порыв.

– Ихъ комме бис Гитлер зельбст, – уже по-немецки с большими паузами между словами повторила женщина.

Подобие улыбки тронуло уголки губ фельдфебеля.

– До Господа Бога скорее дойдешь, – буркнул Павлов. – С нашей помощью.

Так и не завершив обход, с шумом вернулся Мельников. Прежний физрук внес Родю за шкуру – собака похоже перетаскивает своих щенков. Бросил мальчика на пол, показал бургомистру свою ладонь, перевязанную окровавленным платком.

– Смотри, Петр Иванович, как гаденыш стеклом резанул!

Дальнейшая судьба Роды, а еще Хасбулата, Водопьянова, Слезки, Сени-Семы и других ребят детдома была предрешена.

Все свершилось уже после Нового года и Рождества, когда глубокое похмелье полицейских Трубчевска сделало легким их переход в палачи.

Бабу Федю редактор районной газеты Подлинев заранее вывез из города. В большом селе Уты, рядом с Павловкой, находился Радонежский храм, возведенный из камня двести лет тому назад его предками. Здесь он собирался окрестить свою дочь, недавнюю комсомолку, заодно побывать на местном кладбище, где были похоронены все из его рода и куда приткнулась могилка матери бабы Федеи.

Подлинев затем нашел еще причины задержать с в Утах на пару дней.

Когда баба Федя появилась вновь в Трубчевске, в детдоме уже не было ни одной живой души.

Затем женщина навсегда исчезла из города. Кто-то ее видел в новгород-северских монастырях вниз по Десне. Другие встречали ее после войны на богомолях далеко за Киевом.

ЭФЕМЕРНЫЕ ВСАДНИКИ

Командиры двух карательных команд Шульц, из ноября 1941 года, и Рапп, оставивший за собой кровавый след в Трубчевске в конце февраля 1942 года, не упомянуты ни в одном из актов о злодеяниях не-

мецко-фашистских захватчиков на территории Трубчевского района в 1941–1943 годах. Фигура же другого немецкого офицера там предстает зловещей.

В Книге Памяти Брянской области, 12-м томе 2003 года издания, где излагается этот документ, еще недоступный для открытого доступа в архивах, есть такие строки: «По прибытии в город Трубчевск немецкого коменданта фон Викинга началось массовое истребление советских граждан – женщин, стариков и детей. В январе 1942 г. комендант приказал расстрелять в Трубчевском детдоме 63 ребенка. Их трупы немецкие солдаты спустили под лед реки Десны».

В материалах архива Брянской области встречаются также написания «Фон-Вининг», «Фон-Виннинг». В «Списке от 22 октября 1945 года немецко-фашистских захватчиков, совершавших злодеяния во временно оккупированных районах Брянской области» по Трубчевскому району значится «Фон Виннинг, комендант города, немец». В графе «В чем обвиняется» указано: «По его приказу разрушены промышленность района, колхозное и советское хозяйства, расстреливали мирное население, угоняли на каторгу, вывозили ценности в Германию».

Разное написание фамилии одного человека объяснимо тем, что в российских архивных фондах нет приказов и распоряжений за подписью фон Виннинга как немецкого коменданта Трубчевска. Исследовательская служба при Германском военном архиве во Фрайбурге, приняв заказ на поисковую работу, оказалась бессильной поднять этот пласт вопросов.

Между тем в доступном для пользователей интернета списке офицеров от 3 января 1939 года из архива танковых войск вермахта, в том числе и 2-й танковой армии, в тыловую область которой в 1941–1943 годах входил Трубчевск, изложены краткие данные о четырех Виннингах с неотъемлемой частью фамилии «фон», указывающей на аристократическое прошлое рода. Один из них мог быть комендантом Трубчевска и, судя по брянским архивным материалам, рядиться в одежды палача.

В ежедневных записях журнала боевых действий 2-й танковой армии группы армий «Центр» о приданных силах и в исследовании немецкого историка Себастьяна Штоппера о брянском регионе в годы немецкой оккупации 1941–1943 гг. подтверждено пребывание в Трубчевске с марта 1942 года кавалерийского соединения райтерфербанд фон Виннинг.

Со временем в вермахте появятся еще два подобных отряда – райтерфербанды фон Бёзелагера и фон Паннвица, которым посвящено обилие информации в исторической документалистике. О конном соединении фон Виннинга не в пример весьма скудные сведения, что дало повод современным популяризаторам немецкой кавалерии назвать это подразделение эфемерным.

Конные подразделения в восточном наступлении командованием вермахта не наделялись большим стратегическим весом, они не имели самостоятельно-

го значения, обеспечивая безопасность флангов основных ударных сил танковых и пехотных соединений.

В конце сентября танки и моторизованные части в составе группы армий «Центр» сообразно планам операции «Тайфун» рванули на Москву. Первая кавалерийская дивизия, измотанная длинными переходами, отягощенная проблемами с нехваткой фуража и отстающим тыловым обозом, выпала из общего наступления. В Берлине посчитали содержание крупного кавалерийского соединения чрезмерно затратным. Кавалерийская дивизия была снята с фронта, переведена в Гомель, по улицам которого 5 ноября 1941 года прошла последний парадом.

Семнадцать тысяч боевых строевых коней были распределены по разведывательным отрядам пехотных дивизий. Личный состав направлен в учебные центры Восточной Пруссии и Франции для ускоренного формирования 24-й танковой дивизии. Кавалеристы, пересев на танки, не поменяли золотистые канты на погонах, сохранили традиционные звания для конных подразделений – ротмистр и вахмистр. На броне рисовали оставленную за ними войсковую эмблему кавалерийской дивизии – всадника, преодолевающего барьер. Дивизия через год сгорела в Сталинградском котле. У образованного затем танкового формирования, которому были переданы ее номер и атрибуты, с эмблемы исчез прыгающий всадник. Осталось только препятствие, и появился штрих над ним, совсем не похожий на возрождающуюся из пепла птицу Феникс.

Похожие метаморфозы произошли и с армейской кавалерией. Образование райтерфербанда фон Виннинга было первым опытом восстановления на фронте подобия крупного конного соединения, правда, уже не в масштабах кавалерийской дивизии.

Этому предшествовала инициатива генерала Моделя, которого высоко ценили в верховном командовании сухопутных войск вермахта за его стратегическое мышление с реальными и желаемыми плодами. В январе 1942 года он стал командующим 9-й армией вермахта в районе Ржева, где группировка Красной Армии (39-я армия и 11-й кавалерийский корпус) совершила глубокий прорыв к главным тыловым коммуникациям немцев на центральном участке фронта.

Еще в июле–августе 1941 года, будучи командующим 3-й танковой дивизией, генерал Модель успешно использовал возможности 1-й кавалерийской дивизии на лесных припятских болотах в Белоруссии для окружения и разгрома частей Красной Армии. Теперь уже на ржевские болота Модель собрал конные эскадроны пяти разведывательных отрядов и конные взводы пехотных частей из трех армейских корпусов, создав из них кавалерийскую команду особого назначения для проведения операции «Зейдлиц», названной в честь прусского полководца в правление Фридриха Великого.

Это было временное армейское образование, и оно было расформировано, после того как немецкая конница в заболоченных лесах у Ржева рассекла на

мелкие части окруженные соединения Красной Армии в шестьдесят тысяч штыков и сабель, тем самым лишила их способности противостоять массированным атакам пехоты и танков немцев. Конные эскадроны Моделя в конце июля 1942 года вернулись в места прежней дислокации на фронтовой линии 9-й армии вермахта.

Между тем главнокомандующим группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалом Клюге в зоне ответственности 2-й танковой армии Рудольфа Шмидта было реализовано другое предложение генерала Моделя: создать «чистокровный райтерфербанд» без какой-либо тяжелой техники – только кони и легкие повозки, подобие тачанок. До сих пор никто из историков твердо не скажет, что имел в виду Модель под словом «чистокровный» – породистых строевых лошадей или безупречных своим расовым происхождением всадников?

Партизанская атака Трубчевска в ночь на 2 февраля 1942 года, несомненно, ускорила планы по созданию отдельного конного соединения. Немцев, отброшенных от Москвы и впервые занявшихся укреплением оборонительной линии, пример Трубчевска вынудил активно заняться безопасностью своего тыла. Центром этой работы становится комендант тылового района со своим штабом «Корюк». Такая структура за фронтовой линией 2-й танковой армии вермахта была образована 26 февраля 1942 года с дислокацией штаба тыла в Брянске.

7 марта 1942 года штаб разведывательного отряда 134-й пехотной дивизии вермахта по группе армий «Центр» был снят с фронта у реки Рессета на стыке Калужской и Орловской областей, реорганизован и переименован в штаб райтерфербанда фон Виннинга. С этой датой, этим событием и этим штабом, указанными немецким историком Георгом Тессином в своей семнадцатитомной своеобразной летописи войсковых подразделений вермахта и СС, некоторые исследователи связывают создание райтерфербанда фон Виннинга.

Первый эскадрон разведывательного отряда 134-й пехотной дивизии не ушел в Трубчевск за своим штабом. Дивизия была обескровлена в боях при отступлении от Москвы и деморализована. Командир дивизии с момента ее создания генерал-лейтенант фон Кохенхаузен, герой походов в Польшу и Францию, в декабре 1941 года застрелился, полагая, что его соединение не выйдет из окружения у орловского села Россошное. Злой рок в лице Красной Армии уже в июне 1944 года достигнет и последнего командира этой дивизии генерал-лейтенанта Эрнста Филиппа. Попав в Бобруйский котел, тот также сам подведет последнюю черту под своей жизнью.

Первым эскадроном райтерфербанда фон Виннинга стал конный эскадрон разведывательного отряда 10-й пехотной дивизии. Это подразделение в то время было оторвано от родной дивизии и придано воевавшей у калужской деревни Кцынь боевой группе

полковника Эбербаха из штаба моторизированного 24-го корпуса. При этом эскадрон считался временно закрепленным за райтерфербандом фон Виннинга, и направление в Трубчевск рассматривалось как возможность передышки на фронте. Все вписывалось в общую стратегию вермахта: перебросить в марте–апреле 1942 года штаб моторизированного 24-го корпуса с боевой группой Эбербаха на отдых в Гомель, а затем эти подразделения, уже в составе группы армий «Юг», включить в летнее наступление на Дон и Волгу.

2-й эскадрон райтерфербанда фон Виннинга был образован из первого конного эскадрона 120-го разведывательного батальона 112-й пехотной дивизии, который занимал позиции у городка Болхова, в ста тридцати километрах от Брянска. Эскадрон обладал некоей автономностью, сохранял непрерывную связь, взаимодействие и обмен личным составом со своей фронтовой дивизией, участвовал в формировании первого конного эскадрона ударной мобильной группы 120. В апреле 1943 года он был включен в состав 10-го эскадрона кавалерийского полка «Центр».

3-й и 4-й эскадроны райтерфербанда фон Виннинга сформировались из баварцев, швабов и австрийцев 25-й пехотной дивизии, частично расквартированной в Брянске, и некоторых других подразделений, направляемых периодически в распоряжение командования армейского тыла. Эти эскадроны до изгнания немцев не покидали Трубчевск. Впрочем, несколько конных взводов этих подразделений в феврале 1943 года были переправлены в Смоленск для включения в райтерфербанд фон Бёзелагера и через два месяца – в кавалерийский полк «Центр».

Оставленные в своих казармах третий и четвертый эскадроны, непосредственно управлявшиеся из Брянска, в 1943 году иногда упоминаются в боевых сводках как райтерфербанд «Трубчевск», не по имени первого командира, а по своему месту расположения – без приказа о смене названия.

Живое и эмоциональное представление об остатках райтерфербанда фон Виннинга в Трубчевске дает фрагмент из послевоенных мемуаров бывшего французского военнослужащего 638-го пехотного полка вермахта Лабата в книге Олега Бейды «Французский легион на службе Гитлеру».

В марте 1943 года легион французских добровольцев против большевизма (ЛФД) прибыл на берег Десны у деревень Острая Лука и Гнилево под Трубчевском для охраны военнопленных на строительстве укреплений. «Нас поместили под тактическое командование смешанного подразделения, называвшегося Reiterverband «Trubchevsk», – вспоминал Лабат. – Это был кавалерийский полк, служивший пристанищем для красочного конгломерата. Мало-помалу это подразделение со времени своего прихода в Россию и разведпоходов с беспрестанными налетами в 1941 г.

теряло свой немецкий состав, постепенно заменяя его обрывками других формирований: казачьими и монгольскими наездниками, пехотными подразделениями и, наконец, III батальоном ЛФД. Заместитель командира полка был одним из самых известных людей в Австрийской империи. Лейтенант принц Хоэнлоэ был молодым блондином с наивной ухмылкой. Но он, как и другие чины штаба, носил высокие боевые награды, которые напоминали об отважных рейдах кавалерийского соединения в героическую эпоху борьбы за Москву. Этот любопытный полк, хотя больше и не был немецким, сохранял в чистоте кавалерийский дух, который был своего рода международным рыцарским культом мужских качеств...»

О том, что случилось с французами, восторгавшимися духом рыцарства немецких кавалеристов, когда они, французы, уже сами стали частью последних эскадронов райтерфербанда фон Виннинга, можно судить по воспоминаниям Владимира Беликова, подростком пережившего войну в деревне Гнилево. Его мать, сельская учительница, воспитанная на классической русской литературе, прежде говорила о французах как о народе «живом, общительном, культурном и веселом». Но летом 1943 года это были уже совсем иные люди – какие-то пасмурные, злые, бесстыжие, на улице прилюдно справлявшие нужду. Явно голодали. По наблюдениям мальчика, кухни у них не было. Варили себе сами: «ловили лягушек – делали из них фрикасе». Собирали какую-то съедобную траву, у соседки кота слопали».

3-й и 4-й эскадроны райтерфербанда фон Виннинга в марте 1944 года уже на территории Белоруссии были преобразованы в эскадроны охранного батальона 532 с сохранением за ними прежних номеров полевой почты. Последние письма с этим полевым адресом направлены в Германию 18 июня 1944 года, перед тем как отступающие части вермахта были уничтожены под Бобруйском в ходе крупной наступательной операции Советских войск.

База номеров полевой почты имперского почтового ведомства Третьего рейха, размещенная сейчас в США на одном из исторических сайтов, где угадываются признаки реформирования подразделений, смены их подчинения, театра боевых действий, сейчас стала уникальным помощником в установлении военной участи штаба и эскадронов райтерфербанда фон Виннинга.

В брянских архивах есть документ, ценность которого для настоящего повествования заставляет привести его полностью.

«Справка на немецкий кавалерийский полк, дислоцировавшийся в Трубчевском районе в период его оккупации. Февраль 1942 года.

Немецкий кавалерийский полк прибыл в Трубчевский район в начале 1942 года. В состав полка входило 4 кавалерийских эскадрона, из которых 2 эскадрона – 2-й и 4-й – дислоцировались в городе Трубчевске, 3-й эскадрон – в деревне Хатьяновка

Трубчевского района, 4-й эскадрон – в деревне Телец и деревне Передние Городцы, а затем в Погарском районе.

Назначение полка - ведение вооруженной борьбы против партизан. Все эскадроны были снабжены кавалерийскими и обозными лошадьми, на вооружении имелись минометы и пушки всех калибров. Кавалерийские эскадроны были сформированы в основном из числа немцев. В каждом эскадроне около 20 русских солдат, мобилизованных из числа молодежи Трубчевского района.

Командиром полка служил сначала майор, а затем полковник немецкой армии, фамилии их не установлены. В сентябре 1943 года кавалерийский полк выехал в Белоруссию, где в апреле 1944 года был расформирован. Немецкие солдаты были зачислены в регулярные войска, а русские в батальон имени Буглая.

3-й и 4-й эскадроны полка 2-го февраля 1943 года участвовали в бою против партизанского отряда имени Маленкова в поселке Бороденка, Трубчевского района. В результате этого боя партизанский отряд имени Маленкова был разбит, только убито было около 70 партизан. После боя немцами и русскими солдатами данных эскадронов был полностью сожжен поселок Бороденка. Расстреляно около 100 человек мирных жителей, заподозренных в связях с партизанами. Остальные жители поселка, около 50 человек, были угнаны в немецкие лагеря. Одновременно с этим было разграблено имущество жителей поселка Бороденка.

Из числа данных эскадронов нами арестовано и осуждено 5 человек, в том числе из 3-го эскадрона: Ксенов Петр Васильевич, 1925 года рождения и Андрищенко Петр Александрович, 1924 года рождения. Начальник Трубчевского РО МГБ майор Ипатов».

В кавалерийском полку, на который указывает справка, узнаваем райтерфербанд фон Виннинга.

О первом командире соединения мало сведений: майор, со временем его сменил полковник. Ни слова о 1-м эскадроне. Быть может, сотрудник Министерства госбезопасности СССР, готовя справку-меморандум в послевоенные годы, с образованием МГБ СССР в марте 1946 года, допустил опечатку и данные о 1-м эскадроне надо искать в дважды упомянутом 4-м эскадроне с разными местами его дислокации? Но очевидно, пребывание 1-го эскадрона и его первого командира в Трубчевске было недолгим, само подразделение не принимало на службу для ухода за лошадьми местных жителей, которые в ином случае смогли бы хоть что-то рассказать о фон Виннинге на допросах у эмгэбиста.

Подобные боевые группы, которые формировались на время выполнения особых задач из однородных подразделений на отдельных участках фронта, именовались по фамилии старшего по должности офицера, применимо к кавалерийским соединениям — по имени командира первого эскадрона. Так, потомок прусских баронов Георг фон Бёзелагер, воз-

главлявший первую кавалерийскую роту разведывательного батальона 6-й пехотной моторизированной дивизии, с образованием райтерфербанда фон Бёзелагера в январе 1943 года стал командиром 1-го эскадрона уже нового соединения.

Кто из фон Виннингов, указанных в списке офицеров вермахта 1939 года, мог быть командиром 1-го эскадрона и оставить о себе недобрую память в истории Трубчевска? Разрозненные сведения в печатных и виртуальных СМИ, на форумах и блогах, скудные данные немецких архивов по запросам из России все же можно собрать в единую картину.

Капитан Дитлоф фон Виннинг в 1939 году был преподавателем военной академии. Затем служил интендантом при командующем 12-й армией, которого когда-то обучал в академии на кратковременных учебных курсах для генералитета вермахта. Он не был на Восточном фронте – участвовал в оккупации Югославии и Греции. В марте 1943 года Дитлоф фон Виннинг уже упомянут подполковником. В мае 1944 года награжден орденом Германского креста в серебре. Местом службы в наградных документах указан штаб верховного командования группы армий «Юго-Восток». Как отмечалось в материалах Нюрнбергского процесса от 3 февраля 1948 года, Дитлоф фон Виннинг «никогда не командовал войсками и не нюхал пороха, но был авторитетом во всем – от предметов искусства в Белом дворце Белграда до количества калорий, необходимых для того, чтобы не дать пациентам греческих госпиталей умереть от недоедания».

В довоенном списке офицеров вермахта Франц Конрад фон Виннинг значится лейтенантом в должности адъютанта командира батальона связи 10-й пехотной дивизии. Его продвижение до должности начальника штаба или командира кавалерийского эскадрона разведывательного отряда за последующие два года объективно не могло состояться. Надо учитывать, что в специализированных технических подразделениях, как, например, в дивизионной связи, карьера обычно ограничивалась пределами службы.

Судьба подразделения стала личной судьбой молодого офицера. Летом 1943 года дивизия направляется под Орел для участия в стратегическом наступлении вермахта, но после провала операции «Цитадель» спешно отходит с боями к Брянску, в середине августа перебрасывается на юг для сдерживания Красной Армии на Днепре. Оказавшись бессилой выполнить свою задачу, дивизия отступает в Бессарабию. В последние дни августа 1944 года она практически вся погибает в ходе советской стратегической наступательной Ясско-Кишиневской операции. Осенью дивизия вновь сформирована, но в январе 1945 года уничтожается Советскими войсками в боях на Висле и Одере. Через месяц дивизия восстанавливается в третий раз и через два месяца окончательно исчезает в Чехии.

Франц Конрад фон Виннинг, уже как командир батальона связи 57-го танкового корпуса, в мае 1945 года на юге Тюрингии сдается в плен американцам.

Он затем участвует в создании бундесвера, вооруженных сил ФРГ, а затем продолжает здесь военную службу.

Есть еще одно важное обстоятельство, исключаящее появление этого офицера в Трубчевске периода казни ребят из детского дома. По данным военного архива Германии во Фрайбурге, он в то время был оберлейтенантом, что соответствовало званию старшего лейтенанта, 1 апреля 1942 года стал капитаном. Командир райтерфербанда фон Виннинг между тем имел иное звание. Местные жители, пережившие войну на оккупированной территории, в беседах с начальником Трубчевского РО МГБ Ипатовым о первом командире конного подразделения немцев не могли спутать капитана с майором, погоны у которого существенно отличались внешне – были витыми алюминиевой нитью.

Хайдольф фон Виннинг в 1937 году получил звание ротмистра 9-го кавалерийского полка в городке Фюрстенвальде земли Бранденбург, где еще со времени наполеоновских войн в Германии казармы встречаются чаще, чем жилые постройки. К этому приложил свои старания прусский генерал Христиан Людвиг фон Виннинг, знаменитый предок молодого кавалериста вермахта. В августе 1939 года кавалерийский полк преобразуется в разведывательный батальон 3-й пехотной дивизии, где Хайдольф фон Виннинг назначается командиром 1-го кавалерийского эскадрона. В декабре того же года его эскадрон становится первым эскадром вновь формируемого 22-го кавалерийского полка 2-й кавалерийской бригады.

С января 1941 года на протяжении двух лет преподавательская деятельность Хайдольфа фон Виннинга в учебных центрах подготовки командиров конных эскадронов для ударных мобильных групп чередовалась с инструкторской работой в школах верховой езды и инспекторской деятельностью в комиссиях верховного командования сухопутных войск по отбору лошадей для кавалерийских подразделений. В апреле 1943 года Хайдольф фон Виннинг был направлен на Восточный фронт, где командовал гренадерским полком 93-й пехотной дивизии группы армий «Север» на новгородском участке. С затяжными оборонительными боями полк отступил в Восточную Пруссию. Криста фон Виннинг в январе 1945 года вывезла своего тяжелораненого супруга на север Германии. После войны в Люнебургской пустоши она для местной коммуны разбила удивительный сад и, как вспоминала затем, сильно обижалась на Хайдольфа, когда он, отказывая ей в помощи по уходу за экзотическими растениями, проводил время в раздумьях среди верескового простора и тишины.

Полное имя ротмистра – Леопольд Хайдольф Людвиг Отто фон Виннинг – отражало историческое долголетие католической семьи, включало имена знаменитых предков и оглашалось в торжественных случаях. В шестнадцать лет он пережил бегство из род-

ного города Страсбурга после поражения Германии в Первой мировой войне и потери территории Эльзаса по Версальскому мирному договору. Реваншистские мечты реализовал в 1940 году в походе на Францию. Вторжение в Советский Союз уже не было связано с личными чувствами.

Леопольд фон Виннинг появился в Трубчевске в начале марта 1942 года во главе конного подразделения численностью почти в три с половиной сотни человек, одновременно являясь командиром 1-го эскадрона.

Полномочиями военного коменданта Трубчевска он не был наделен.

Должность коменданта учреждалась командованием армии в крупных населенных пунктах, где могло быть расквартировано два и более подразделений разных видов и подчинения. Но в материалах Эссенского суда 1965 года указано, что Трубчевск в феврале 1941 года не входил в зону ответственности 528-й полевой комендатуры в Клинцах и в зону ответственности 2-й танковой армии со штабом командующего тылом «Корюк-532» в Брянске. Не было в Трубчевске немцев – не было и комендатуры.

Уже после появления райтерфербанда фон Виннинга в Трубчевске разместились рота эсэсовцев 309-го батальона немецкой полиции, мелкие группы специальных подразделений для пропаганды и борьбы с партизанами. Структурно, до батальона, оформилась вспомогательная полиция из местных жителей и недавних окруженцев. Утвержденный в должности первого военного коменданта Трубчевска полковник Эрнст Шеер, человек резервов, с середины мая 1942 года пытался пробиться с колонной из Брянска к месту назначения, что удалось ему успешно сделать только 27 июня.

Вероятно, в Трубчевске до этого момента применялось правило, общее для всех войн и армий, когда старший по должности офицер принимал на себя функции по обустройству прибывающих в оккупированный город подразделений и регламентации отношений с местным населением. Тем самым майор Леопольд фон Виннинг мог немногим отличаться от коменданта, официально не являясь таковым.

МЕМОРАНДУМ

Павлов незаурядно льстил немцам. Один из свидетелей по делу Раппа из числа его бывших подчиненных на суде присяжных в Эссене в 1965 году отмечал, что трубчевский бургомистр Павлов постоянно восхищался командиром зондеркоманды. Именовал Раппа полковником, хотя звание оберштурмбанфюрера СС соответствовало в вермахте званию подполковника. Рапп для Павлова был «самым способным офицером германской армии». Бургомистр называл «святыми» все распоряжения командира карателей и безоговорочно их выполнял.

Раболепие русских коллаборационистов удивляло прибалтийского немца Свена Штеенберга, офицера абвера по связи штаба 2-й танковой армии со службами абвера и СД на территории Локотского округа самоуправления, и отразилось уже в самом названии его книги о пережитом в военные годы: «Они называли меня ГОСПОДИНОМ».

Записи немецкого офицера о Павлове сделаны в период, когда тот уже занимал должность начальника Почепского района, сохраняя Трубчевск в зоне своей ответственности. Отдельная глава так и называется: «Начальник района Павлов». Штеенберг знал Павлова еще с лета 1942 года по Трубчевску, куда приезжал инспектировать вспомогательную полицию, как «жизнерадостного, сполна наделенного чувством юмора большого, грузного человека с теплым, глубоким голосом». Но в момент встречи, о которой Павлов попросил офицера абвера по телефону, тот уже выглядел «подавленным и изможденным».

От внимания Штеенберга не ускользает, как Павлов примирительно пожимает плечами, усталым движением руки касается лба, вздыхает: «Понемногу я теряю веру».

Причину такого настроения Павлов объясняет тем, что недавно побывал в Могилеве у Кононова, бывшего командира пехотного полка Красной Армии, который с большей частью офицерского состава, находясь в окружении, в августе 1941 года попал в плен. Кононов стал героем немецкой пропаганды после его заявлений о якобы добровольном переходе всего полка на службу Гитлеру. Предложение о формировании войсковых частей из советских граждан для борьбы с большевизмом немцами было принято, и Кононов из военнопленных собрал казачью добровольческую часть.

Но теперь, после разгрома значительных сил вермахта под Сталинградом, Каминский в Локте, Кононов в Могилеве и Павлов в Почепе растеряли свои надежды. Наступило время разочарований и глухих роптаний.

Штеенберг согласился передать меморандум Павлова в штаб 2-й танковой армии. Этот текст уже после войны бывший офицер абвера разместил в приложении к своей книге:

«Это странно, что германское руководство видит опасность в создании параллельного правительства. Это правительство могло бы осуществлять управление в оккупированных областях и создать армию, которая плечом к плечу с немецкими солдатами могла быть использована для окончательного уничтожения большевизма. Для этих целей необходимо русское правительство, так как русский народ должен приобрести убеждение, что немецкая армия пришла не для того, чтобы завоевать страну, но для освобождения его от большевизма. Необходимо вспомнить, что русский народ в своем большинстве не хотел войны с немцами и вначале целые подразделения прекращали борьбу, и это было ошибкой немцев - недруже-

ственно принимать военнопленных. Если бы русским солдатам сейчас можно было доказать, что они будут приняты не так, как в начале войны, и что для их защиты здесь имелось бы русское правительство, – они могли бы сдаваться, как прежде».

Меморандум приведен дословно не только для того, чтобы показать уровень неосведомленности Павлова о реальных планах Гитлера на оккупированных восточных землях, куда немцы пришли с совсем не освободительной миссией. Позже этот текст поможет нам отследить миграцию подобных идей и вероятные пути перемещения их носителей с отступающими войсками вермахта.

Трубчевского бургомистра ценили не только Рапп и Штеенберг. Во время допроса бывший бургомистр Почепа Кеплер указал на три ордена, полученных Павловым от немецкого командования. Это были все же не ордена, а знаки отличия для представителей оккупированных восточных государств в вермахте, полиции, администрации населенных пунктов. Каждый из знаков – «За храбрость» и «За заслуги» – был с мечами и без них, имел по две степени отличия, где каждая степень, в свою очередь, имела дополнительные деления в зависимости от качества металла, из которого отливалась. Были знаки бронзовые, посеребренные, позолоченные, в серебре и золоте. Это давало германским властям возможность поощрять такими наградами практически все разнообразие действий своего верноподданнического актива.

Особым поощрением стала для Павлова поездка в Германию, которую, если заметить в числе ее организаторов подразделение пропаганды имперского министерства оккупированных восточных территорий, нельзя было назвать чисто экскурсионной. Путевые заметки с обстоятельными рассуждениями о превосходстве Германии – даже при описании любой дорожной мелочи – были затем напечатаны в нескольких номерах орловской газеты «Речь».

БЛЕФ

Паровоз с небрежно замазанной заводской маркировкой ИС на кабине машиниста обдал облагом пара брянскую делегацию, заскрипел тормозами. Он подтащил к карачевскому вокзалу разные по назначению вагоны. К мягкому на четырех осях был прицеплен двухосный плацкартный, затем следовали теплушки, несколько вагонов с лошадьми и сеном. На открытых платформах были закреплены два танка с обгоревшими по краям следами снарядных попаданий – немецкая «четверка», средний танк, утяжеленный затем до «тигра», и советская «тридцатьчетверка». Дощатый полувагон с подобием башни для охраны замыкал состав.

– Господин Павлик! Сюда, сюда! – свесившись на поручнях двери в первый вагон, но не опускаясь на землю из-за мимолетности остановки, прокричал

высокий пассажир, голос которого трубчевскому бургомистру был знакомым.

Человеком, который радушно зазывал Павлова в салон, был редактор газеты «Речь» Михаил Октан.

Трубчевский бургомистр как-то в Орле встретил его в черной униформе старшего лейтенанта танковых войск вермахта. Павлов был уже наслышан об авантюрном характере редактора, его южных корнях, угадывал в нем даже черты одесского иудея, и потому считал необходимым тогда рассказать о своих наблюдениях капитану Мезлехеру, командиру группы тайной полевой полиции.

Подозрения были развеяны: Октан оказался офицером роты пропаганды при командующем второй танковой армией генерале Шмидте с правом свободного ношения формы танкиста. Павлов потратился на две бутылки французского коньяка для Мезлехера, чтобы тот молчал о прошлом разговоре. Но все только разожгло желание Мезлехера поделиться этой историей с Октаном. Что вскоре и случилось. Циник Октан все воспринял легко, но после этого стал называть трубчевского бургомистра Павликом, видимо, ассоциируя его фамилию с советским пионером Павликом Морозовым, убитым после доноса на отца.

Октан и на этот раз удивил Павлова своей одеждой. Цвет широкого в плечах пиджака был темно-синим, как у «соколов Сталина», а жилетка и брюки имели голубовато-серый колер униформы летчиков люфтваффе.

Редактор поприветствовал бургомистра в тамбуре, пока остальная брянская группа не протиснулась в вагон и не заняла отдельное купе.

– А вы, Павлик, у моего заместителя Самарова разместитесь. Здесь все у нас по рангу, по чину, как немцы определили. Скучно не будет. А пока к столу, к столу!

Перед тем как сдвинуть в сторону двери купе Самарова, Октан не без ехидцы в голосе спросил:

– По-прежнему предпочитаете французский коньяк? Или, как мы, начнете с других трофейных напитков? А может, трубчевским самогоном разогнаться будем? – Октан задержал веселый взгляд на дорожном бауле бургомистра и показушно дыхнул водкой.

За столиком с малиновыми лицами сидели трое.

Самаров из орловской газеты был человеком чеховской внешности и тонкой натуры с речевыми оборотами дореволюционного времени. Работник орловского представительства восточного министерства, как обычно именовали имперское министерство оккупированных восточных территорий, Шраммок с круглым значком правящей партии Германии в петлице черного костюма был ответственным за сопровождение экскурсии. Лысый капитан тыла Вилли из соседнего вагона с отпускниками требовал, чтобы к нему обращались только по имени и на ты. Он пришел сюда по поручению своих «камрадов» разобраться, почему русские заняли мягкий вагон, а им, героям

фронта, выделили плацкарту. Но его претензии утонули в первом же стакане.

Вилли уже изрядно набрался на брудершафтах. Две пустые бутылки со звоном перекатывались внизу. Третья со знакомой Павлову зеленой наклейкой «Московская особая» была наполовину опорожненной. Это были спиртовые запасы Октана, которые он сделал однажды для коменданта Орла генерала Гамана на случай торжеств после взятия Москвы. Но праздник не случился. Напоминание об этом могло быть горше водки и неверно понятым. Здесь же содержимое бутылок делало попутчиков безразличными к этикеткам.

Октан продолжил застолье уже в кругу с Павловым фразой: «Видит Бог, что русские пьют не ради пьянства окаянного, а дабы не отвыкнуть», приписывая ее российскому императору Петру Первому. Но еще до границы с Белоруссией порок равно накрыл славян и готов. В Гомеле, где поезд после Брянска сделал первую остановку, никто не вышел на перрон.

Следующим днем в дороге пассажиры уже стали способны комментировать меняющиеся картины за окном вагона. Разом умолкли, когда на запасных путях увидели стащенные к Минску разбитые паровозы и остовы вагонов. Техника была немецкой, явно подорванной диверсантами и партизанами.

Кисло шутили, проезжая выгоревшую после бомбежек станцию Негорелое. Историческое место. Некогда, до сентября 1939 года, здесь был пограничный переход из СССР в Западную Европу. Ходили даже поезда Негорелое–Владивосток в одну сторону, Негорелое–Париж – в другую.

Окончательное отрезвление пришло в Брест-Литовске, где восточные составы переводились на узкую колею европейского стандарта.

Польские железнодорожники в конфедератках не смогли выдержать натиск немецких отпускников и откуда-то, из своих резервов, подогнали для них купейный вагон германского предприятия «Фляйшманн».

Октан и Вилли попросили Самарова сфотографировать их напротив уже отцепленных платформ с подбитыми танками – советским и немецким, чем их поезд окончательно утрачивал значение воинского эшелона.

Павлов предусмотрительно отказался встать в кадр. Его занимали мысли, как устроить встречу с дочерью. В кармане лежало письмо от нее. Обратным адресом было указано почтовое отделение в берлинском Тиргартене, куда следовало пересылать письма до востребования на имя ее мужа. Но о чем писать, если программа пребывания в Германии не была известна даже Шраммке.

Между тем Октан на беглом немецком языке стал рассказывать Вилли и нескольким толкавшимся рядом отпускникам об общих чертах и различиях двух танков. Но видимо, акценты были смещены. Павлов, заметив,

как быстро Вилли скользнул под вагоны, постарался подальше отступить от этого места. Вскоре у платформ с танками появились фельдъегеря. Старший комендантского патруля с нарукавной повязкой осмотрел документы Самарова и Октана, отобрал фотоаппарат и под конвоем повел задержанных на вокзал.

Бургомистр никогда не вступился бы за Октана, этого издевающегося над ним хлыща, пропади тот совсем, безвозвратно. Но Павлов был уверен, что орловские болтуны вывернутся. Зачем тогда напрасно терять время, нужное ему в Берлине для поиска дочери? Павлов хуже, чем Октан, но все же мог как-то изъясняться на немецком языке, и этого хватило объяснить Шраммеку случившееся.

Они вдвоем пошли на вокзал. Недалеко от железнодорожной комендатуры находился телеграф. Пока Шраммек звонил в Берлин, объяснялся с комендантом, Павлов отбил телеграмму до востребования, чем очень удивил старого оператора.

– А пану не кажется, что телеграмма, как средство срочного извещения адресата, тем самым теряет свой смысл?

Арестанты были отпущены. Комендант не вернул Самарову фотоаппарат. И это были не все потери. «Герр доктор», как Шраммек потребовал у русских впредь обращаться к нему, всем запретил до Берлина выходить на остановках, изъял водочный арсенал Октана, выселил того из своего купе.

Ситуация в поезде между тем изменилась. Фляйшмановский вагон с отпускниками прицепили впереди экскурсантов, за ними, где-то в середине состава, втокнули вагон-ресторан. Пьяные немцы таскались взад-вперед, иногда с польскими девицами. Временами появлялся Вилли. Он по ходу приторговывал рестораном пивом, явно не испытывая угрызений совести перед прежней компанией за свой донос. Все у него было на бытовом, мелком уровне. Как показалось Павлову, Вилли и позвал-то фельдъегерей тогда, в Брест-Литовске, не в интересах безопасности рейха, а с тем чтобы вновь быть принятым в круг своих «камрадов», разместившихся уже в вагоне помягче.

За Варшавой фруктовые сады сменились капустными полями. Разрозненные дома крестьян выглядели ухоженными постройками. Только на подъезде к небольшим городкам, местечкам, встречались признаки запустения и бедности. Это давало повод экскурсантам рассуждать о невнимании «сезонного государства» к своим гражданам и ущербности самих поляков. Национальное высокомерие лезло наружу чуть ли не из ушей.

Затем, естественно, перешли к евреям. От них – к менталитету русских. Ничего нового Павлов не услышал. Слова Октана были вольным пересказом его же статьи полугодовой давности в орловской газете о русской литературе. Тогда суждения были оригинальными: убрать из публичной библиотеки «Войну и мир», чтобы возникающая ассоциация с 1812 годом не подрывала мораль населения, отказаться от Пуш-

кина и Лермонтова. Предлагалось каждому русскому иметь на своем столе экземпляр «Бесов» Достоевского. Сейчас же Павловым все воспринималось иначе – у Октана было больше от игры актера с заранее отрепетированным монологом.

Этот спектакль, безусловно, мог пользоваться успехом у немецких колонистов. Но Павлов видел миссию Германии в том, чтобы та после свержения сталинского режима вернулась в свои прежние государственные границы и строила равные отношения с новой Россией, сохраняющей историческое и культурное наследие добольшевистской эпохи. Нужны были только другие учителя и другие толкователи Толстого, Пушкина, Лермонтова.

Павлов оставил эти суждения при себе. Он не смог бы переубедить пронемецки настроенного Октана, тем более тогда, когда поезд уже въехал на германскую территорию, аккуратно причесанную, волосок к волоску, со строгим и ухоженным лицом.

Разнообразие началось с Берлином. Состав, въехав в город с востока, снизил скорость, трамваем заскользил по кругу среди построек разных исторических эпох и архитектурных стилей, подобравшись к центру с западной стороны.

– Лертер Банхоф! – Октан восторженно прокричал вслед за проводником название вокзала.

Арочное перекрытие на мощных фермах над платформой пропускало тусклый свет и превращало звук механизмов, объявления по радио, дребезжание багажных тележек, радостные возгласы встречающих в один неразборчивый шум. Только в конце платформы совсем близко к Павлову, шагающему на выход в город, отчетливо прозвучало: «Батя!» – и он обернулся.

Телеграмма, направленная по-русски на авось, вопреки опыту польского телеграфиста сделала свое дело. На шее Павлова повисла Валя.

Чуть поотстав от делегации, Павлов с дочерью обменивались вопросами о здоровье, условиях жизни. Павлов постарался высмотреть тщедушную фигуру Хортвига. Но за дочерью маячило что-то большое и пестрое.

– А где Эдвард?

– Что ему делается, этому истерику, чертову кастрату! Со своей мамочкой сейчас плачут, друг другу глаза вытирают: вот ведь не взяла их с собой на вокзал!

– Зато другого не забыла, – Павлов сделал движение головой, будто намереваясь оглянуться.

– Зигги может стать твоим следующим зятем. Вот привела заранее познакомить. Ты с ним будь по-приятливее, мне ведь с ним жить, не тебе.

Валя подозвала своего спутника.

Внешне похожий на Павлова, но лет на десять моложе, толстяк Зигфрид в оливкового цвета форме, шнурованных ботинках с высоким голенищем и обычной, серой фуражке пехотного офицера явно ждал сигнала приблизиться. Это был капитан Африканского корпуса, на что указывала манжетная лента

на обшлаге правого рукава. Свастика с непривычно заостренными краями на фоне пальмы из блестящей проволоки напомнила Павлову фрезу для обработки древесины на Почепском лесопильном заводе.

Зигфрид прилетел в Берлин вместе с фельдмаршалом Роммелем. Старый «лис пустыни» с дизентерией в острой форме был незамедлительно госпитализирован, а ему, Зигфриду, как старшему офицеру батальона водоснабжения пришлось пройти в Тиргартене неприятную процедуру дознания. Болезнь, в конце концов, объяснилась не плохим качеством питьевой воды, а происками англичан накануне сражения при Эль-Аламейне. Капитан, ненамного отойдя от дверей центрального аппарата военной контрразведки, встретил Валентину, сказочно удивился ее имени, посчитал стечение обстоятельств судьбоносным и, воспитанный в детстве на сагах о нибелунгах в музыкальной интерпретации Вагнера, назвал фрау Хортвиг своей Валькирией.

Обстоятельства знакомства, о которых восторженно говорил Зигфрид с Валиным переводом на русский язык, похоже, не волновали Павлова так же сильно. Он больше прислушивался к кратким и негромким междусловным пояснениям своей дочери: капитан состоятелен, щедр, из баронов, большой родительский дом в горах южной Баварии, не пьяница, не бабник, но горяч по-африкански. «Ну дай Бог, все сложится. Еще немецким внукам-баронятам порадовать», – встреча с дочерью успокоила Павлова.

Октан с любопытством наблюдал за встречей трубчевского бургомистра с дочерью и немецким офицером. В его отношении к Павлову появилось нечто почтительное.

Часом позже, после обеда с обилием колбас и пива в кафе с видом на конную статую «Старому Фрицу», Фридриху Великому, Октан по просьбе Павлова с готовностью пересказал ему содержание древнегерманского эпоса о Зигфриде и Валькирии, деве на крылатом коне, переправляющей души павших воинов в небесные чертоги Вальхаллы.

Павлов пьяно усмехнулся, услышав, что с замужеством небесные создания опускаются на землю и превращаются в сварливых жен. И они затем, как происходит обычно в земной жизни, оборачивают своих зигфридов в карликов-нибелунгов.

Механизм путешествий был отлажен. Передвижение между крупными городами Швабии, Баварии, Саксонии, Тюрингии и Нижней Силезии, некогда автономных немецких герцогств, княжеств и графств, осуществлялось поездами. После размещения в отелях восточные гости выезжали в более мелкие населенные пункты на автобусах местных отделений Германского трудового фронта.

Живописные горные ландшафты и пиво разбавляли экскурсии, но не были их целью. Каждый день на маршруте встречался, по крайней мере, один объект, отражающий величие «страны победителей» и ее достижения.

В Лейпциге автобус въехал во двор Библиографического института, занимающего площадь городского квартала. Крупнейший в Европе издательский комплекс демонстрировался как место передовых отношений между рабочими и предпринимателями, где сама по себе исключалась возможность классовой борьбы. На встречу пришла группа пожилых рабочих из ветеранов Первой мировой войны, которые могли выстраивать некоторые фразы на русском языке. Это добавляло веселья во взаимное общение.

Самаров, из профессионального интереса, попросил представителя администрации отвезти его в типографию. Павлов присоединился к нему. Бургомистр в свое время приложил немало усилий к воссозданию работы трубчевский типографии, сохранению ее шрифтов, станков и кадров перед приходом немцев. Ему были интересны новые технологии печатного дела.

С громадной ротационной машины сходили иллюстрированные листы книги Брема «Жизнь животных». Неподалеку печатные станки старым способом нашлепывали цветные агитационные плакаты. Сигнальные экземпляры были нанизаны на штыри в стене. Павлов, осмотрев плакаты, словно прошел по своеобразной выставке. Враги Германии изображались в образе злобных и отвратительных чудовищ в ярких контрастных красках, не в пример тварям из иллюстраций к Брему, где те представлялись в мягких, пастельных тонах.

Напротив одного плаката Павлов задержался. С ошибками в тексте на русском языке и в изображении российской деревни. На затемненной половине плаката «Красноармеец – выбирай жизнь или смерть» убитый солдат с несоразмерно большой звездой на каске тянул к небу скрюченные руки. На светлой части листа улыбающийся здоровяк в белой рубашке с расшитым воротом, сидя на лавочке у дома, прижимал к себе жену. У ног молодой пары мальчик со светлыми кудрями в густой траве играл с козленком. Изображения людей, скорее всего, были срисованы с трофейной книги со сказками про богатыря Алешу Поповича, сестрицу Аленушку и братца Иванушку. Изба же была во всех деталях неправдоподобной – с кустом крупных цветов, которые могли расти только в городском парке.

Примитивный рисунок с примитивной идеей. Если сейчас он вызвал раздражение у Павлова, то какова будет реакция по ту сторону фронта? На соседнем плакате, для обращения внутри Третьего рейха, были начертаны слова, которые победу немецкого оружия в Европе увязывали с надеждами бюргеров в войне поправить свое личное благосостояние.

В горной Баварии Павлов иногда ловил себя на том, что внимательно всматривается в лица людей, изысканно одетых, с благородной проседью в волосах, будто боясь упустить случай заранее познакомиться со своими будущими родственниками.

Его окружение также было наблюдательным. Порой незначительные дорожные случаи приводили

экскурсантов в восторг. На одной из старых улочек Вюрцбурга молочник поставил на подоконник белый фаянсовый кувшин и, не дождавшись хозяйки, ушел дальше разносить заказы. Группа восточных гостей остановилась напротив гадать: украдут или не украдут молоко? В свою очередь немецкие прохожие также сбавляли шаг, с удивлением оглядывали русских. Вернувшийся за деньгами молочник долго не решался переступить порог, недоуменно оглядываясь на людей у дома.

В Нюрнберг экскурсанты въехали железной дорогой поздним вечером. Утром у привокзального отеля «Вюртембергский двор» их ждал шикарный автобус цвета кофе с молоком, с открытым верхом, мягкими кожаными сиденьями и широкими зеркальными окнами. В салоне на первых местах уже сидели трое немцев. Шраммек представил их.

Мюллер и Рихтер из Германского трудового фронта приподнялись, вполоборота повернувшись к экскурсантам. Третий господин, из восточного министерства, как и сам Шраммек, не шелохнулся. Он был назван странной, наподобие китайской, фамилией Фе. К нему Шраммек относился иначе, с повышенным почтением, даже не так, как если бы он действительно имел дело со своим коллегой по работе.

Павлов предполагал, что вместо полной фамилии могла быть названа только ее первая буква, как обычно зашифровывают секретных людей в письменных текстах. Но в немецком варианте это был бы господин Эф. А господин Фе мог иметь русскую фамилию и выполнять сейчас тайную миссию. Перед началом движения автобуса безликий Фе пересел в серый легковой «Опель».

Автобус между тем миновал поворот в центр города и выкатился за его пределы, вскоре въехав на ровный шестиполосный автобан Берлин–Мюнхен. Мюллер, который выполнял одновременно роль гида и переводчика, встал рядом с водителем.

– Вот Курт интересуется: с какой скоростью передвигаются ваши автобусы на российских дорогах?

– По нашим ухабам только немецкие танки проедут, – явно подыграл зоотехник из Карачева.

– Курт, давай жми! – крикнули из глубины салона.

Мюллер, быстро вертя головой от водителя к пассажирам, начал отсчет:

– Девяносто! Сто!

Вот уже отстал «Опель» господина Фе.

– Сто десять! Сто двадцать! Сто тридцать!

Мюллер сам прекратил дальнейший разбег автобуса:

– Генуг, генуг!

На обратной дороге к Нюрнбергу дыхание и физически были восстановлены. В город автобус въехал с юго-востока и сразу оказался на территории съездов партии Гитлера, вмещающей двести пятьдесят тысяч человек. Само это место, на чем сделал акцент Мюллер, было создано по эскизам фюрера. Копии античных сооружений, размерами намного превосходящих

оригиналы, были узловыми пунктами громадной композиции. Пергамский алтарь из Малой Азии стал прообразом главной трибуны рейха с громадными бронзовыми орлами по бокам. Строящийся стадион на четыреста тысяч зрителей напоминал олимпийскую арену в Афинах. Возведенный наполовину зал собраний был подобен римскому Колизею.

Колоссальные конструкции будущего на руинах прошлого были для Павлова проектом нереального мира, но уже сейчас они оказывали свое магическое воздействие. Это была территория искажения смыслов. Здесь вполне правдоподобными казались слова Мюллера о том, что Германия никогда не позволила бы себе начать строительство таких грандиозных монументов, если бы готовилась к войне, – это миролюбивое государство сейчас вынуждено сдерживать агрессию других стран на их территории. А какие идеи закрепились бы в Павлове, очутись он в людском море перед трибуной, где лучи прожекторов высвечивали бы только обожествляемого им лидера?

Недалеко от масштабных сооружений возводился новый железнодорожный вокзал для массового приема партийных делегаций.

Опускаясь сумерки, но еще были различимы люди с тачками. Светлячками перебегали огни сварки.

Без остановки здесь автобус километра через два въехал на площадку городка строителей с вооруженной охраной на воротах. Серый «Опель» господина Фе, потерявшийся на автобане, уже стоял здесь.

Но это, очевидно, был уже сектор ответственности Рихтера. С небольшими пояснениями, которые переводил Мюллер, тот провел поздних посетителей по помещениям – спальным, хозяйственным, спортивным площадкам. Везде было немногочисленно и всегда находился человек, готовый на немецком языке рассказать о своем счастье работать в Германии и учиться работать, чтобы вернуться в свою страну специалистом. Здесь были молодые люди из девятнадцати государств.

– Русские среди них есть? – Оксан и Самаров записывали в блокноты свои впечатления.

– Они там, – Рихтер рукой махнул в сторону Нюрнберга. – Срочная и важная работа. Разбирают завалы после британских бомб.

Городок имел две столовые: просторную, в отдельном блоке – для рабочих и небольшую, с элементами ресторанный комфорта – в отеле для прикомандированных немецких инженеров и мастеров, где восточным экскурсантам уже накрыли столы с обилием еды и различных вин из местных виноградников.

Кружки с пивом доставлялись буфетчиком по первому кивку. Через час, как бы само собой вышло, органичной частью этой атмосферы стали девушки в национальных украинских костюмах. Одни песни звучали задорно, другие вышибали скупую слезу. Народные танцы стали вовлекать в свой круг все больше экскурсантов. В какой-то момент уже девуш-

ки присоединились к застольным компаниям, не отказываясь от вина.

Вот тогда стал заметным господин Фе. Он часто заходил в курительную комнату, поддерживал разговоры на русском языке с московским акцентом, угощал дорогими сигаретами, а затем, как хищник в дикой природе, отсекал от стаи самого слабого «на поедание». Павлов распознал в господине Фе вербующего человека.

Между тем у гостей появились ключи от пустующих комнат, что придало новый поворот в отношениях с девушками.

Павлов не разделял восторги своих дорожных товарищей, был раздосадован тем, как заканчивается день больших впечатлений, и предстоящим долгим ожиданием, пока всех соберут по номерам для отъезда.

Заметив, как господин Фе направился к своему «Опелю», Павлов напросился к нему в пассажиры, сославшись на свое плохое самочувствие. Шраммек не возразил.

В дороге Павлов поддерживал у господина Фе интерес к себе, но на подъезде к отелю «Вюртембергский двор» явно разочаровал его, назвав офицеров абвера из Орла и Брянска, с которыми он уже плотно сотрудничал под письменные обязательства.

Портье, однако, отказался выдать ключ русскому постояльцу, поскольку все номера для делегации были оформлены на Шраммека.

Павлов от отеля добрался до поворота к центру старого Нюрнберга, откуда тянулся горький запах гари.

На уцелевших после бомбежки улицах горели фонари. Синий свет от них наделял картину разрушенных кварталов фантастическим содержанием. Из расчищенных входов в бывшие пивные подвалы, связанная сеть которых образовывала подземный город, иногда поднимались размытые фигуры людей и исчезали там.

Выжженную землю во всех предыдущих войнах оставляли за собой отступающие войска. Здесь же была применена иная тактика. Англичане не стали уничтожать монументальную символику Гитлера на территории нацистских съездов, чтобы оставить Германию без ее глобальной мечты о мировом господстве. Бомбы не упали на патронные заводы в черте Нюрнберга, на крупнейший завод концерна МАН, выпускающий армейские дизельные грузовики и «тигры», первые тяжелые танки вермахта. Жертвами ковровых бомбардировок сознательно избирались жилые кварталы, обычное население, которое между тем определяло состояние духа нации и ее готовность к сопротивлению.

Павлов сейчас не мог сознавать, что стал свидетелем первых опытов реализации новой идеологии войн, которую вслед за англичанами возьмут на вооружение американцы, и через два с небольшим года тотальные бомбардировки уже полностью разрушат Нюрнберг, более двух десятков других немецких городов.

Павлов уже тогда почувствовал с горькой гарью развалин близкое дыхание неведомого грозного врага и то, как Германия в синем свете уличных огней Нюрнберга теряет свои некогда ясные для него очертания идеального и мощного государства.

Через десять дней пребывания в Германии русские экскурсанты вновь оказались в Берлине. После прощального приема в центральном департаменте Германского трудового фронта, где каждый должен был заполнить анкету с вопросами о своих впечатлениях, их отвезли на скромный Силезский вокзал. На этот раз они были размещены уже в плацкартном вагоне. Сначала все отсыпалось, в своих снах продолжая путешествовать по Германии. После Минска, когда продолжили путь без покинувшего поезд Шраммека, много пили. Возвращение в российскую действительность уже не было таким болезненным.

Совершенно пьяный Октан тем не менее четко надиктовывал Самарову в ближайший номер орловской газеты путевые заметки, образные и с правильно расставленными идеологическими акцентами. Карачевский зоотехник говорил о пользе применения методов выбраковки скота применимо к крестьянам, сочувствующим партизанам.

Павлов, играя в покер, блефовал со слабыми картами. Он поймал себя на мысли, что таким образом ему предстояло теперь и жить дальше.

ИСПЕЛЯЮЩИЙ СОЮЗ

Перешедшие с зимы на начало марта 1942 года холода, ночами до двадцати градусов ниже нуля, казалось, сразу же на корню заморозили и взаимоотношения между фон Виннингом и трубчевским бургомистром, чья лесь и чрезмерная услужливость воспринимались представителем молодого поколения немецких аристократов как родовое пятно плебейства.

К тому же чуть ли не каждый день готовил немецкому майору неприятные сюрпризы. Трубчевск оказался не готов к размещению кавалерийского соединения. Зерна и сена для коней не было заготовлено, старые запасы были испорчены клещами или превратились в зловонную жижу из-за чрезмерной влажности. Фуражная команда фон Виннинга, направленная за сеном по ближним деревням, тотчас попала в партизанскую засаду и вернулась с четырьмя ранеными. В тот же день, еще до наступления темноты, Трубчевск от ближних подступов к городу со стороны Бороденки подвергся часовому артиллерийскому и минометному обстрелу.

Сообщения об этих происшествиях от фон Виннинга незамедлительно поступили в штаб 2-й танковой армии, где прежде получали бравурные доклады Павлова.

Самовольное, без участия немцев, дознание и последующие расправы в подвалах были остановлены.

Зимой местная полиция немало казненных сбросила в прорубь. Но для реки такая ноша оказалась непосильной. После весеннего половодья в город вполз смрад от разлагающихся трупов.

Фон Виннинг пресек попытку Павлова мобилизовать местное население на очистку прибрежной территории. Павловская полиция была вынуждена сама пожарными баграми стаскивать в ямы останки их же руками загубленных людей и дальше жить под угрозой расстрела, в случае если речной водой отравится солдат вермахта или строевая лошадь.

У Павлова была и личная причина избегать общения с фон Виннингом, которого явно заинтересовала фигура прибывшегося к дочери бургомистра мнимого коменданта Хортвига. Не без помощи Павлова молодые выправили в Клинцах кое-какие справки, в том числе о регистрации брака, и, не возвращаясь в Трубчевск, отбыли в Германию.

Вскоре и сам Павлов нашел массу предлогов покинуть Трубчевск. Он вроде бы решал какие-то вопросы в учреждениях немецкой администрации в Клинцах, иногда общался там с командиром зондеркоманды SK 7а. Как утверждал бывший офицер СС Рауп на Эссенском суде в 1965 году, трубчевский бургомистр прожил тогда в Клинцах до конца мая. До времени, когда карательный отряд переместился в смоленскую Сычевку, где накапливались силы для ржевской операции «Зейдлиц».

С разгромом немцев под Москвой сокрушились надежды бургомистра на переустройство России и своей жизни. В те дни, как пишет в своих мемуарах «Силы неисчислимы» бывший командир украинского партизанского отряда Александр Сабуров, разведка докладывала ему о том, что «напуганный до смерти трубчевский бургомистр Павлов уже состряпал себе поддельные документы: будто все время работал в совхозе на Дальнем Востоке».

Скорее всего, так, с выправленными документами на чужое имя, и было. И настроение Павлова могло быть близким к паническому, если о его намерениях стало известно партизанам.

Но надо учитывать и такое обстоятельство: приобретенное с годами умение прятать чувства и мысли, жестко контролировать свое поведение довело интуицию Павлова почти до совершенства, настолько, что он мог предугадывать события и их последствия. Сталинград, перемоловший четырнадцать дивизий 6-й армии вермахта, явно укрепил Павлова в его решении не связывать себя с гитлеровской Германией.

Еще до начала наступательной операции вермахта «Цитадель» на орловско-курском участке Восточного фронта Павлов не верил в ее успех.

Показательным является обращение Павлова к немецкому командованию от 26 мая 1943 года (стиль и орфография сохранены):

«Коменданту Почепского района. На неоднократные с Вашей стороны мне предложения о принятии

должности старшего Бургомистра гор. Орла, сообщая, что будучи по этому делу в гор. Орле в штабе армии я договорился в месячный срок дать согласие или нет.

Прошу Вашего ходатайства перед Штабом армии по многим семейным обстоятельствам, а поэтому убедительно прошу оставить меня на прежней работе, где я принесу больше пользы для немецкого командования, также для русского населения. Нач-к уезда Павлов».

Павлов всячески отказывается от заманчивого предложения. Ссылка на семейные обстоятельства – явная уловка. Свою жену Павлов оставил в Трубчевске. Дочь вторым браком была пристроена за немецким офицером и жила в Германии. Первого зятя, повешенного на воротах маслозавода за активное участие в подпольной организации, для Павлова как бы уже и не было.

Павлов затем сам будто растворился в мире, который война привела в стремительное и хаотичное движение.

Его имя не обнаруживается среди русских служащих органов управления в белорусском Бобруйске, куда в августе 1943 года они были эвакуированы немцами с семьями железной дорогой с некогда оккупированных территорий Смоленской и Орловской областей – из Брянска и прилегающих к нему городков, подобных Трубчевску и Почепу.

Военная и местная администрации в Бобруйске были сразу же заменены. Штаб «Корюк-532», также перемещенный сюда, везде расставил ранее проверенных в деле людей. Комендантом Бобруйска стал бывший комендант Орла и Брянска генерал-лейтенант Гаман. Бывший бургомистр Смоленска Меньшагин был назначен бургомистром Бобруйска. Редактор орловской газеты «Речь» Октан стал активно сотрудничать с местной газетой «Новый путь», где виртуозно и абсурдно, в стиле геббельсовской пропаганды, объяснял, почему оказался за пределами своего города: «Если Советы Орел и получили, то не потому, что этого хотел Сталин, а потому, что это было выгодно германскому командованию».

В марте 1944 года Октан в Бобруйске возглавил «Союз борьбы против большевизма», идеи и цели которого еще раньше обозначались Павловым в его меморандуме командованию 2-й танковой армии. Если бы бывший трубчевский бургомистр, с трудом отбившийся от предлагаемой должности обер-бургомистра Орла, был в то время рядом с Октаном, то обязательно бы каким-то образом заявил о себе. И мог бы также разделить его судьбу: газета «Гомельская праўда» от 8 июля 1944 года сообщала о том, что благодаря помощи жителей освобожденного Бобруйска органами НКВД был пойман руководитель «Союза борьбы против большевизма» Октан.

У Павлова была возможность в июне 1943 года присоединиться к компании почепских фольксдой-

че Броннельдера и Вильгельма Кеплера и выехать с ними в Германию в частном порядке, например, по приглашению немецкого зятя. Или пробиться с 618-м восточным батальоном, сформированным на основе трубчевского батальона вспомогательной полиции Мельникова, до Валансьена на западе Франции, где сдать в плен американцам. Но в каждом из этих случаев перемещение Павлова было бы отражено в каких-либо документах, которые могли бы храниться сейчас в военных архивах ФРГ. Но подобной информации о Павлове там нет. Бывший офицер абвера Штеенберг, который, как правило, не упускал из виду судьбу героев своих книг, ни словом не обмолвился о германских встречах с Павловым.

Чувствовал бы Павлов себя защищенным в западных странах антигитлеровской коалиции? Он мог предполагать передачу военнопленных и репатриантов в Советский Союз, что большей частью затем так и происходило. Довоенный пример убийства Троцкого в Мексике убеждал в условности границ для замышляющего расправу НКВД. На реальность таких опасений указывает история с бывшим командиром красноармейского полка Кононовым, идейным соратником по постсталинскому переустройству России и близким товарищем Павлова. Тот находился в розыске КГБ СССР за измену Родине и погиб в Австралии в дорожной аварии, о которой некоторые историки говорят как об успешной операции чекистов.

Еще один из возможных путей бегства Павлова очерчивает маршрут бывшего бургомистра Почепа Бруно Кеплера, задержанного в конце 1946 года по документам на другое имя в уральском городе Асбесте. Павлов же мог уйти еще дальше, до Тихого океана.

В этом случае эпизод из мемуаров Александра Сабурова о намерении трубчевского бургомистра еще в декабре 1941 года, после провала наступления немцев на Москву, бежать по чужому паспорту в свихоз на Дальнем Востоке может многое объяснить в последующем исчезновении Павлова.

Жена бургомистра после войны не была осуждена. Ее приняли приживалкой в доме Чикачевых. Покаяние некогда близкого к палачу человека органично сочеталось с христианским всепрощением в семье потомственных учителей с петербургским образованием.

КТО ПОДОБЕН ЗВЕРЮ

Павлов, которому не суждено было давать показания на следствии и судах в послевоенные годы, не мог сам свои злодеяния переваливать на фон Виннинга. Это сделали другие.

Имя немецкого офицера было названо на допросах бывших полицейских, которые были осуждены после изгнания немецких оккупантов из Трубчевска, — Корниченко, Палагнука, Разноглазова, Чухлебова,

Разинкина, Падина, следователей Иванова, Гукова и других темных личностей, по словам автора книги «Каратели» полковника КГБ Петра Головачева. Показания арестованных за пособничество оккупантам, несомненно, учитывались при составлении районных актов о злодеяниях фашистов, что уже было заметно по корректировке там числа расстрелянных детдомовских ребят.

После этих допросов кавалерийский офицер фон Виннинг стал олицетворением жестокости немцев в ее самых ужасных проявлениях. Но можно ли было считать объективными признания людей, которые пытаются отмыть себя от чужой крови и выжить любой ценой, как им удавалось прежде при немцах?

Расстрелы, произведенные полицией и зондеркомандой СС в Трубчевске в январе–феврале 1942 года, также могли быть вольно или невольно отнесены местными жителями в ходе послевоенных опросов о зверствах фашистов к райтерфербанду фон Виннинга, вступившему в город в первые дни марта.

Между тем указанные в справке начальника Трубчевского РО МГБ майора Ипатова на конный полк немцев бывшие военнослужащие 3-го эскадрона Ксенов и Андрющенко на допросах не показали ничего на своего первого командира, который был у них в марте – мае 1942 года. Фон Виннинг, очевидно, не мог остаться безвестным майором в справке чекиста, если бы за ним тянулся шлейф кровавых дел, которые сейчас в Трубчевске связывают с этим именем.

Советский писатель Виктор Белоусов в романе «И придет час» по материалам военного суда над бывшими полицаями городка Дымарев, в котором узнаваем родной ему Трубчевск, воссоздает картину фашистской оккупации. Русские имена действующих лиц изменены так, что все-таки можно догадаться о реальных лицах: дореволюционные торговцы пенькой Курындины названы Петухановыми, в подсудимом Быргине различим палач Брындин. Фамилии и должности немецких офицеров сохранены без корректировки – Клиер, Клебер, Эберт и другие. Но вот фон Виннинг остается за пределами повествования.

Весной 1942 года не проводились кровавые акции по подавлению партизанского сопротивления в брянских лесах. Первая операция подобного рода, «Птичье пение», была осуществлена против дятьковских отрядов только в начале лета без привлечения каких-либо немецких подразделений из Трубчевска, местной полиции и батальона «народных стражников», созданного бургомистром Павловым после пережитых им страхов при партизанском штурме города. Как отмечает немецкий историк Себастьян Штоппер, райтерфербанд фон Виннинга того периода не выходил за пределы Трубчевска, для участия в борьбе с партизанами в лес не выставлял ни одного солдата.

Принудительный угон населения в Германию стал осуществляться оккупационными властями с февраля 1942 года. Сигналом послужило распоряже-

ние начальника военного управления хозяйственного штаба «Восток» Рахнера от 26 января 1942 года, в соответствии с которым на оккупированных территориях СССР следовало создавать вербовочные пункты, а к уклонявшимся от отправки в Германию применять «самые строгие меры, используя все имеющиеся средства». Особенно жестко и в больших масштабах эти акции фашистские оккупанты стали проводить с 13 января 1943 года, после объявления Гитлером тотальной мобилизации всех немцев на фронт и возникшей сразу необходимости их замены рабочей силой из завоеванных территорий.

Наиболее массовые и частые угоны жителей Трубчевска в Германию проводились немцами летом 1943 года. По словам очевидца этих событий Владимира Беликова, городская биржа труда забирала всех работоспособных. Освобождались от принудительной отправки в трудовое рабство только работники предприятий и учреждений, которые функционировали при оккупационной власти. Многие горожане прятались от немцев по окрестным деревням. Участие майора фон Виннинга в угонах местных жителей на работы в Германию можно только предполагать.

Расхождения в хронологии трагических событий в жизни Трубчевска и перемещений по службе фон Виннинга никаким образом не должны снижать степень его вины. Возглавляемое им конное соединение, по своей сути, было карательным отрядом, предназначенным для усмирения населения и борьбы с партизанами. Немецкий офицер сам не участвовал в карательных акциях, в конце мая 1942 года его уже в Трубчевске не было. Но те, кого он однажды привел сюда, оставили о себе жуткую память. В уже процитированной ранее справке начальника Трубчевского РО МГБ майора Ипатова изложены сведения о карательной операции 3-го и 4-го эскадронов конного соединения фон Виннинга 2 февраля 1943 года против партизанского отряда имени Маленкова с массовым уничтожением мирных жителей Бороденки. Имя фон Виннинга навсегда вошло в трагическую историю лесного поселка и Трубчевского района.

В мемуарах бывших военнослужащих вермахта нередко негативные оценки карателей СС, есть эпизоды прямых стычек, демонстративного отказа от участия в расстрельных командах. Но сопоставление напечатанных воспоминаний с протоколами допросов немецких военнопленных показывает обратное: солдаты и офицеры, так же, как и эсэсовцы, зверствовали на прифронтовой территории – убивали, пытали, насиловали. Как утверждают германские СМИ, в девяностых годах прошлого столетия версии о «чистом вермахте» окончательно были отнесены к мифам.

Леопольд фон Виннинг, который вторгся в другую страну для ее покорения силой и кровью, не мог не быть палачом по определению. Его эскадроны можно с некоторым допущением сравнить со всадниками апокалипсиса. Но никакого божественного предзнаменения, которым наделяло своих всадников Откро-

вание от Иоанна Богослова, за немцами не угадывалось, они также несли с собой на чужие земли мор, войну, голод и смерть.

Кавалеристы фон Виннинга между тем ответили на вопрос из главы тринадцатой Откровения Иоанна Богослова «Кто подобен зверю?» и олицетворили собой этого зверя. Они же подвигли Красную Армию ответить на второй, связанный большим смыслом с первым, вопрос: «И кто может сразиться с ним?»

В той же главе Откровения приводится одно из жестких, но справедливых правил человеческого мироустройства: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом».

Дивизия, где после Трубчевска служил фон Виннинг, тяжело продвигалась от Харькова к Дону, затем к Тереку, бесславно участвовала в провалившейся операции вермахта «Зимняя буря» по вызволению 6-й армии из окружения под Сталинградом. В боях при отступлении от Ростова-на-Дону в начале 1943 года он уже командовал 126-м танковым гренадерским полком и одновременно, как это было прежде в Трубчевске, возглавлял ударное соединение разрозненных прежде частей. Но это уже был не райтерфербанд фон Виннинга, а другой временный союз – «Боевая группа фон Виннинга». Соединению было придано несколько тяжелых танков «тигр», впервые появившихся на Восточном фронте. Новая техника не сдержала натиск Красной Армии.

За неполные две недели октября 1943 года, когда полк тщетно удерживал плацдармы на правом берегу Днепра у селения Мишуриный Лог, фон Виннинг трижды упоминался своим полным именем Леопольд Хайдольф Людвиг Отто в немецких документах: 1 октября в приказе о присвоении звания полковника, 7 октября в наградном свидетельстве к ордену Германского креста в золоте, 12 октября в извещении о смерти.

Кара настигла также палачей от медицины, гордивших фасады эвтанази. Пауль Ниче был по приговору суда обезглавлен на гильотине в послевоенной Саксонии. Вернер Хайде покончил жизнь самоубийством в тюремной камере во французской зоне оккупации Германии за пять дней до суда.

«Практик» из «Т-4», программы умерщвления людей, «ущербных для немецкой нации», Артур Небе, который после Восточного фронта в конце 1941 года вернулся к обязанностям начальника уголовной полиции рейха, был повешен в берлинской тюрьме Плётцензее за участие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 года.

Биографы Небе не называют его поступок героическим. Они справедливо полагают, что эсэсовец, управлявший массовыми казнями на восточных территориях, пытался избежать преследования со стороны тех, кто уже высадился в Нормандии под английскими и американскими флагами.

Но вряд ли бы Небе спас свою жизнь даже в случае свержения фюрера в результате заговора. После

войны открылось, что Небе в марте 1944 года командовал расстрелом пятидесяти пленных английских летчиков после их неудачного побега из концлагеря в Нижней Силезии, на нынешних польских землях. Британская военная разведка еще долгое время искала Небе, не доверяя немецким документам о его казни.

Командующий 2-й танковой армией Рудольф Шмидт в сентябре 1943 года военным судом рейха на основании заключения психиатрической экспертизы был признан невменяемым. Его резкие суждения о национал-социализме в письмах к брату были отнесены к проявлениям безумства. Генерал вдруг стал таким же уязвимым, как уничтоженные в тылу его армии умственно отсталые воспитанники детского дома и пациенты психиатрической больницы Трубчевска, и оставался таковым до окончания войны.

ПОД ОДНИМ НЕБОМ

Имена ребят из довоенного Трубчевского детского дома уже исчезли из архивов, следы пребывания на земле стираются временем.

Не цель повествования – установить, на какие стены вешать мемориальные доски. Закрепят ли те память о погибших детях, которые стали известными истории только фактом своего физического уничтожения?

Хотя, если бы висели эти своеобразные указатели, помогающие ориентироваться в историческом пространстве города, то, возможно, не случались бы печальные казусы.

Вот школу-интернат для умственно отсталых детей из бывшего детского дома у Гамовой Лужи после 2012 года перевезли на другой конец города, подселив к интернату для слепых и слабовидящих детей. Там через дорогу место, где карателями СС в конце февраля 1942 года были казнены пациенты психиатрической больницы. На той горькой земле, на прежних фундаментах царской тюрьмы, довоенной психиатрической больницы, затем вновь воссозданных там уже фашистских застенков, на руинах Свято-Никольского храма, где в церковном хоре начинала петь Анастасия Вяльцева, сейчас стоит длинная, переломленная надвое по направлениям пересекающихся улиц жилая пятиэтажка.

Гамова Лужа некогда также являлась памятным местом. До революции это было озерцо на въезде в Трубчевск со стороны Орла, губернской столицы. Купцы Гамовы, имевшие строения на берегах, ухаживали за водоемом, делая его удобным для отдыха горожан в любое время года. Последующее запустение длилось долго. Никакая зелень не росла на облысевшей земле, посреди которой еще били ключи.

Весной 1962 года детдомовцы и учителя восьмилетней школы, где мы учились, посадили у воды деревья. Это я и сегодня воспринимаю как нашу дань памяти расстрелянным детям. Деревья выросли, и

город одновременно с установлением здесь поста-мента с танком назвал это место парком Победы. Приезжая в Трубчевск в служебные командировки, я шел от автостанции к центру по дорожке среди деревьев, вспоминая тех, кто их когда-то высаживал, – воспитательницу Тамару Гавриловну Кудрявцеву, свою первую учительницу Антонину Григорьевну Семиренко, друзей по группе.

А затем, в начале уже нынешнего века, деревья спилили. Гамова Лужа пересохла. Наступают мелкая поросль и стройки. Как писали в трубчевской газете, Гамову Лужу с прилегающей землей город отдал в аренду заезжей организации под ее обещания воссоздать здесь уже современный парк. Между тем арендаторы по своему основному профилю занимаются гостиницами. Вот они уже построили такую, повернутую к городу так, что территория парка становится подобием ее заднего двора. На месте озера если только возведут фонтан. Во всяком случае, местная газета согласилась с мнением арендаторов о том, что грунтовые воды якобы уже ушли с места бывшего озера. Так ли авторитетны гостиничные люди в гидрологии?

И так ли городу нужна была вторая гостиница? Ситуация с местным населением однажды позволила отечественным демографам назвать Трубчевск самым ярким представителем негативных тенденций в России: в 2012 году родилось всего пятьдесят детей на четырнадцать тысяч трубчан, в шесть раз меньше новорожденных к уровню 1987 года. С начала этого века численность горожан сократилась на четыре тысячи.

Новая гостиница была построена напротив бывшего детдома, где с его закрытием в середине шестидесятых годов прошлого столетия разместили умственно отсталых детей. Вероятно, из-за «неловкого» соседства новой гостиницы с учебным учреждением закрытого типа ребят с особым восприятием мира убрали куда подальше, но, как оказалось, переместили в другой эпицентр страшных событий прошлого.

Когда-то в детдомовском подвале я на ощупь прикоснулся к страшной трагедии и сейчас попытался передать эти ощущения другим.

Названы имена изуверов, прежде всего в интересах исторической справедливости. Мстить уже некому: время, палач над всеми, сделало свое дело. Война представлена не хроникой боестолкновений. Ее время воссоздается через события и судьбы людей.

Это повествование – повод разделить острую боль за гибель детей чистой, с рождения, души.

Александр ЩЕЛОКОВ

Александр Александрович ЩЕЛОКОВ родился 1 мая 1926 года во Владивостоке. Трудиться начал в 15 лет помощником комбайнера. Закончил Тбилисское горноартиллерийское училище и на долгие годы связал судьбу с армией. В 1957 году окончил редакторский факультет Военно-политической академии. Служил в газете «Красная звезда». После 25 лет, проведенных в строю, уволился в запас в звании полковника.

Работал главным редактором журнала «Советский Красный Крест», членом президиума исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Александр Щелоков – автор более двадцати остросюжетных повестей и романов. Ушел из жизни в 2011 году.

В его служебной и творческой судьбе было множество встреч с известнейшими военачальниками и государственными деятелями. Публикуем его воспоминания об этих встречах, которые сложились в своеобразную историческую мозаику.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ЛЕНЯ-Артиллерист

Высшие руководители Коммунистической партии и Советского правительства приехали на полигон, где устраивался показ новой боевой техники. Артиллерист-полковник, которому поручили знакомить гостей с новыми орудиями, рассказывал:

– Подходит к моей экспозиции Брежнев со свитой. Вальяжный такой, обаятельно улыбается. Спрашивает: «И что это за пушка?» Меня черт дернул поправить: «Это не пушка, а гаубица». И дал пояснения. Главный военный герой страны помрачнел, но объяснения выслушал. Перешли к следующему орудию. «Что это за гаубица?» – спросил Брежнев. Мне неудобно, но все же снова поправил: «Это как раз и есть пушка». Дорогой Леонид Ильич потемнел от моей наглости и обиженно отошел. Слушать моих объяснений не стал. Все остальные двинулись за ним. Как я понял, техника мало волновала вождей. Им важнее было присутствовать там, где был Брежнев. Последнее, что я услышал, были слова отходившего со всеми вместе маршала Гречко, обращенные к какому-то генералу: «Этого полковника к общению

с руководителями высокого ранга не подпускайте ни на пушечный, ни на гаубичный выстрел. Пусть хамит в других местах».

ВНЕЗАПНОСТЬ

Однажды я спросил Маршала Советского Союза Баграмяна:

– Иван Христофорович, какую черту в характере Георгия Константиновича Жукова вы бы назвали главной?

Баграмян задумался.

– Трудно сложного человека обозначить одной чертой, – сказал он. – Но я считаю, для Жукова это была внезапность.

Определение казалось предельно четким, но тем не менее требовало раскрытия.

– Внезапность, – пояснил Баграмян, – в моем понимании – неожиданность, непредсказуемость. Обычно можно угадать, как человек поведет себя в той или иной ситуации. А вот Жукова предсказать было трудно. Считаю, что знал его хорошо. Знал

много лет. Многим обязан Георгию Константиновичу. Были с ним на ты. И все же не переставал удивляться его внезапности. Вот такой случай. Звание Маршала Советского Союза мне присвоили в 1955 году. Узнал об этом так: звонит Жуков и говорит: «Поздравляю, Иван Христофорович, с присвоением звания». Не стану объяснять, как это меня обрадовало. Горло перехватило, голос дрогнул. Говорю: «Сердечное спасибо, Георгий Константинович. От всей души». Жуков выслушал, потом заметил строго: «Товарищ маршал, министру обороны нужно отвечать по уставу: «Служу Советскому Союзу!» Отрубил и повесил трубку. Теперь представь, что я ответил ему именно так. Уверен, он бы сказал: «Сухим ты стал человеком, Иван Христофорович. И поблагодарить от души не хочешь». Вот таков он и был – внезапный. Последнее слово всегда оставалось за ним.

«ФРОНТОВЫЕ ДРУЗЬЯ»

В редакции газеты «Красная звезда» открывали мемориальную доску в честь журналистов-фронтовиков, погибших в годы войны. Съехались именитые гости. Они толпились в вестибюле, ожидая начала церемонии, когда в дверях появился припоздавший маршал Андрей Иванович Еременко. Войдя внутрь, он огляделся и увидел седого старика, который стоял на ступенях лестницы рядом с редакционным начальством.

– Кто такой? – спросил маршал сопровождавшего его сотрудника редакции.

– Илья Эренбург, – пояснили ему.

Рассекая толпу ледоколом, Еременко проследовал к престарелому писателю, чье имя гремело в годы войны. Подошел, распахнул широко руки, обхватил Эренбурга, стиснул в объятиях:

– Илья, сколько лет, сколько зим! Рад тебя видеть!

Осчастливил общением и тут же отошел, заметив кого-то другого, с кем захотел поздороваться.

Эренбург повернулся к стоявшему рядом с ним корреспонденту «Красной звезды» Дейгену:

– Слушай, Исаак, кто это мне только что чуть не переломал кости?

«ШТОПАЙТЕ ПЕРЧАТКИ»

Во время знаменитого Карибского кризиса, который чуть не поставил мир перед возможностью начала ядерной войны, один из крупных военачальников, сильно нервничавший из-за неясности обстановки, спросил министра обороны маршала Родионова Малиновского:

– Что нам делать?

– Штопайте перчатки, – ответил маршал, оставив в недоумении тех, кто слышал разговор.

Позже я выяснил, что имел в виду маршал. В годы Первой мировой войны на Малиновского произвел неизгладимое впечатление спокойствием, которое с особой силой проявлялось в сложной обстановке, его ротный командир. Когда немцы открывали ураганный артиллерийский огонь по русским позициям, ротный садился в окопе, доставал старенькие перчатки и сосредоточенно штопал дырки. Кончался обстрел, и офицер откладывал штопку. Что делать, если немцы пойдут в атаку, он прекрасно знал.

Штопайте перчатки – прекрасный совет тем, кто не знает, как в сложной ситуации унять волнение.

МАРШАЛ И БЕРЕЗА

Полководец – это не должность командира полка или даже командующего армией. Это положение, которое военачальникам определяет история. Такое примечание необходимо по простой причине.

Знал я военачальников, которых при жизни именовали «полководцами», порой даже «легендарными», хотя ни одной легенды о них никто не сложил. Человек, получивший на погон маршальские звезды за участие в политических баталиях на стороне очередного удачливого вождя России, оказывается полководцем только в своем мнении и в высказываниях угодливых приближенных.

Вы когда-нибудь хоть что-то слышали о полководце Антоне Брауншвейгском и его победах? Нет. И не услышите, хотя был он генералиссимусом Русской армии. Такими же «политическими полководцами», о чьих делах не знает военная история, были в Советском Союзе маршалы Берия, Булганин, Гречко, Кулик, Устинов. Список своих маршалов новая Россия открыла фамилией Сергеева, не спланировавшего ни одной войсковой операции, не руководившего ни одним боем...

Лучшим министром обороны России, по признанию президента Ельцина, был Павел Грачев, похвалившийся силами одного батальона взять Грозный и смирить мятежников. К чему это привело и сколько своих сыновей потеряла Россия по грачевской вине, всем хорошо известно. Зато мы знаем и другие фамилии людей, которые не обласканы особой славой и вниманием, хотя были настоящими полководцами, и легенд о них в армейском фольклоре осталось жить немало.

Иван Степанович Конев – полководец поистине легендарный. Как Георгий Константинович Жуков и Константин Константинович Рокоссовский, как Иван Ефимович Петров и Иван Христофорович Баграмян. При этом Конев был солдатским маршалом. Если в

изустных рассказах о Жукове чаще всего сохранены истории, которые случались в командирской, в офицерской среде, то Конев в таких рассказах всегда окружен солдатами, сержантами и старшинами.

Помню, фронтовики рассказывали о нем такое. Фронт, которым командовал Конев, изготовился к большому наступлению. Чтобы с его началом сразу оказаться в центре событий, командующий приехал в район исходных позиций одной из дивизий. Ее полки, ожидая сигнала, расположились в лесу, неподалеку от передовой. В полукилометре от леса, на высотке, удобной во всех отношениях, уже был оборудован наблюдательный пункт фронта.

В предрассветных сумерках, чтобы занять время, а может быть, и по причине иной необходимости, маршал еще раз решил проверить свои расчеты. Он отошел от штабной группы в сторону, сел на пенек, разложил на коленях карту, укрылся с головой плащ-накидкой и зажег карманный фонарик. Тем временем мимо следовал старшина роты, в чьем расположении коротал ожидание командующий. Поскольку хороший старшина всегда думает о порядке, он заранее подозревает беспорядок даже там, где его нет.

Старшина, шедший мимо маршала, был хорошим. Представьте: идет он и видит – сидит на пенке солдат, с головой укрывшись накидкой. Вопрос: для чего? Скорее всего, дабы не видели, что он делает. А что может делать солдат за четверть часа до наступления? Разумеется, жевать. А что может жевать солдат в момент, когда все уже накормлены и запасы? Только НЗ – неприкосновенный святой запас, который недавно был выдан каждому. И не просто выдан, а сопровождается словом самого старшины.

Банки тушенки, галеты, сахар – все это выдавал старшина каждому со строгим предупреждением:

– Кто сочтет, что НЗ – это Неурочная, Неожиданная Закуска, тот должен помнить, что за старшиной взыскание Не Заржавеет.

И вот оно, нарушение, налицо! Тихо, чтобы не спугнуть злоумышленника, старшина подошел к странной фигуре сзади, одним движением сдернул плащ-накидку и голосом зычным, полным командирского гнева и строгости, разбил зыбкую предрассветную тишину:

– Встать! Энту, разгильдяй, ешь?!

Доли секунды, пока Конев не погасил фонарик, хватило старшине, чтобы узнать командующего. И он застыл по стойке «смирно», полный отчаяния и сознания непоправимой вины. Плащ-палатка, сдернутая невежливо с маршала, как флаг капитуляции безвольно повисла в руке. Едва глаза командующего обвыклись с темнотой, он спросил:

– Кто такой?

Старшина пересохшим голосом назвал. (Я не стану указывать его фамилию, поскольку она у каждого нового рассказчика была иной. Но разве не это

ярче всего свидетельствовало, что рассказывают легенду?)

– Молодец, старшина, – якобы сказал Конев. – У такого в роте будет порядок. Надеюсь, в бою не подкачаете?

– Так точно! – обрадованно ответил старшина. – Не подкачаем!

По свидетельствам очевидцев, никто из десятка старшин с разными фамилиями не обманул ожиданий маршала. После боя Конев лично вручал заслуженный орден бывалому старшине.

Слушая подобные байки, я никогда не принимал их на веру, в том смысле, что если рассказывают, значит, все так и было. Но каким бы ни оказывался анекдот, привязанный к известной фамилии, отбросить его, зачеркнуть в памяти просто так нельзя. Люди всегда видят, с кем имеют дело, всегда чувствуют, на что способен тот или иной человек, как он поступит при тех или иных обстоятельствах. Потому у каждой байки свой точный адрес и точно выписанный характер. Народ ни храбрости у смелого не отнимет, ни волей безвольного не одарит.

Что старый солдат расскажет о Коневе, он не отнесет этого ни в адрес Жукова, ни в адрес Толбухина. Интересным человеком был маршал Конев. Интересным, высокоумным. Вот лишь один эпизод, одна искорка из костра его пламенной жизни, позволяющая понять глубину командирской мудрости, увидеть в военном, застегнутом на все пуговицы маршальской шинели, огромную человечность и величайшую душевную чуткость.

На полигоне все было готово к началу больших учений. Генералы, собравшиеся у командной вышки, озабоченно поглядывали на стрелки часов. И все равно первый аккорд артиллерийской увертюры заставил всех вздрогнуть. Слишком уж близко, излишне громко и чересчур неожиданно подали голос гаубичные дивизионы. Залп! Еще залп! И вот уже, таща вверх дымный хвост, поползла к тучам сигнальная блестящая ракета. Из темноты раннеутреннего осеннего леса, исступленно ревя моторами, расшвыривая по сторонам комок грязи, вырвались танки. Один, два, десять, двадцать...

Стальная волна пошла в атаку неудержимым накатом. На крутом повороте, на самом выходе из леса, одна из машин качнулась и легко, словно спичку, переломила молодую березку. Траки тут же безжалостно подмяли густую зеленую крону, вдавили ее в землю, перемешали с глиной. Оставив за собой облака чадного дыма, танки быстро ушли. И там, за увалом, где они скрылись, по низко обвисшим тучам заметались сполохи огня. И пошла дружная кузнечная работа: «Бум! Бам! Бум!»

Маршал Конев, постукивая прутиком по голенищу сапога, отошел от группы генералов и остановился возле березки, поверженной танком. Корреспондент «Комсомольской правды» Понизовский, шу-

стрый парень, часто появлявшийся на учениях, заметил задумчивость маршала, и его осенила удачная мысль. А надо сказать, что именно в то время внимание общественности начинало постепенно поворачиваться к проблемам сохранения окружающей среды.

В газетах появлялись и вызывали оживленный отклик статьи, клеймившие бюрократов, давших разрешение на вырубку старого сада. И ссылки на то, что яблони, прожившие более четверти века, перестали плодоносить, мало кого успокаивали. Газеты печатали дежурные восторженные заметки о градостроителях, пожалевших сосну и оставивших ее расти посреди асфальта. Доброта, бесцельная в самой своей сущности, умиляла людей, и мало кто задумывался над тем, будет ли дереву хорошо и станет ли оно жить дальше, оказавшись в бетонной темнице. Короче, тема радения о природе становилась модной и прощала любые авторские передержки.

Молодой газетчик умел находить цель и брать упреждение.

– Иван Степанович, – с обезоруживающей простотой не служившего в армии человека обратился Позновский к маршалу, – несколько слов для нашей газеты.

Маршал улыбнулся:

– Каких же слов ждет от меня ваша газета?

– А вот только что танк березку смял. Мог объехать, но смял. Принесена бесцельная жертва.

– И что же я должен сказать?

– Было бы поучительно, Иван Степанович, осудить проступок танкиста. Смять березку танком легко. Труднее ее посадить и вырастить.

– И вы, молодой человек, – спросил маршал, – считаете, что я вправе говорить на такие темы?

– Еще бы! – не уловив перемены в голосе собеседника, сказал журналист. – Вы маршал. Слово ваше авторитетное.

Конев помедлил. Потом вздохнул и сказал:

– Тем не менее не могу.

– Неужели береза не стоит вашего слова? – наседавал журналист. – Береза большего стоит, чем мое слово. О ней стихи пишут...

Конев задумался, припоминая. Потом, чуть прикрыв глаза, прочитал на память:

*– Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом –
Зеленокосая,
В юбочке белой,
Стоит береза над прудом.*

Взглянул на собеседника пристально и спросил:

– Чьи это? Помните?

– Нет, – смущенно признался журналист. – Что-то знакомое, но чье, не припомню...

– Ну-ну. А это:

*– Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что заглянула в пруд?
Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?*

– Сдаюсь, – сказал корреспондент, – не помню.

– Вот видите, – усмехаясь, заметил Конев, – отношение к березам у меня серьезнее вашего.

И опять прочитал:

*– Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.
Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.*

Еще помолчал. Потом заметил:

– Для меня береза и Родина – это один образ. Один.

– Тем более, Иван Степанович, – уже по инерции, хотя и понял, что проиграл, повторил атаку журналист. – Кому, как не вам, сказать слово?

– Нет, сынок. Не могу, – голос маршала звучал серьезно и чуть грустно. – В принципе мог бы написать и сказать. Но как мне потом смотреть в глаза людям? Вот представь, прочитает в вашей газете старый солдат слово Конева о том, что стало ему жалко березу, сломанную танком. И скажет он: ох лицемерит Иван Степанович. Когда по его приказу люди шли в бой, под танки, на амбразуры, он не жалел. Не писал в газету. А тут о сломанном дереве слезу роняет. И как я потом докажу, что всякий раз, отдавая приказы, болел душой. Переживал. Знал, что будут потери, будут жертвы, но посылал. Больше того, приказывал идти. И молчал, потому что высказать жалость не имел права. И теперь все пережитое несу в себе. Люблю людей. Люблю березы. Но молча. Потому и права лишен укорять солдата за сломанное дерево.

Маршал хлестнул себя прутиком по голенищу, отбросил прутик в сторону и, чуть сутулясь, пошел к машине. Командный пункт учений перемещался вперед.

ПОЛЕТ «ДРАКОНА»

Маршал авиации Евгений Яковлевич Савицкий, человек суровый, далеко не всегда выдержанный в своей командирской требовательности, был в то же время достаточно кокетлив. Именно это качество подтолкнуло его на то, чтобы понравившийся ему в годы войны позывной «Дракон» закрепить за собой

на все время службы. Слава «Дракона» ему явно импонировала. Очень часто, прилетая без предупреждения на какой-либо аэродром Войск ПВО страны, он наводил на руководителей полетов и авиационных командиров страх, с воздуха объявляя:

– Я «Дракон». Освободите полосу. Захожу на посадку!

И начинался переполох.

Однажды случилось невероятное. В одном из авиаполков шли полеты. Вдруг, без предупреждения вторгшись в зону, Савицкий объявил:

– Я «Дракон». Горючее на исходе. Срочно освободите полосу!

В этот момент в эфире прозвучал бодрый и озорной голос:

– «Дракон», не паникуй, ТЗ на взлет пошел!

ТЗ – топливозаправщик.

Реплику слышали все, и оставить ее без внимания было нельзя. Построив участников полетов, Савицкий заявил:

– Ценю ваше остроумие. Кто бросил реплику? Наказывать не буду.

Офицеры тоже ценили остроумие, но и «Дракона» знали. Никто в авторстве реплики не признался.

МИНИСТЕРСКИЙ ГАМБИТ

Редакция «Красной звезды» совместно с Центральным Домом Советской Армии долгое время проводила конкурсы на решение шахматных задач. Организация такого конкурса – дело хлопотное, трудоемкое. Вытянуть его в одиночку любой из сторон было бы непросто, а в две силы – справлялись. Каждый раз после публикации очередной группы задач в редакцию буквально мешками поступали письма. Все их предстояло разобрать, просмотреть, установить те, в которых даны правильные ответы, и откинуть нерешенные.

В этих условиях первые туры конкурса напоминали массовый забег на длинную дистанцию. Со старта в путь пускалась огромная толпа, и угадать в ней будущих чемпионов или аутсайдеров было нельзя, так же, как не удалось бы рассмотреть отдельные лица и их выражение. Постепенно, этап за этапом, группа претендентов на призы сокращалась. И вот уже определились лидеры. К концу конкурса по числу правильно решенных задач на первое место вышел читатель по фамилии Малиновский с инициалами Р. Я.

В отделе физкультуры и спорта, который вел конкурс, задумались: сам ли министр обороны решал задачи или его однофамилец. А может быть, это просто чей-то розыгрыш? Не выяснив обстоятельств, публиковать итоги не рискнули.

Главный редактор Николай Иванович Макеев позвонил министру:

– Родион Яковлевич, пусть не удивит вас мой вопрос. В решении шахматных задач принимал участие Малиновский Р. Я., так это вы или не вы?

– Я, – ответил маршал и объяснил: – Грешен, люблю шахматные задачи. А времени на них нет. Потому предпочитаю решать конкурсные. Во-первых, приходится давать ответ к определенному сроку. Это сильно дисциплинирует. Во-вторых, если включился в конкурс, то уже неприлично выходить из игры. Это тоже принуждающий фактор. Потому и решал до конца.

– Хорошо решали, – сказал Макеев. – Поздравляю вас с первым местом.

– Спасибо, Николай Иванович. Такое приятно слышать. Только не объявляйте в газете, что первое место занял я. Не надо. Согласны?

Так тогда никто и не узнал, что победителем конкурса стал министр обороны Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский.

ВЕЧЕР С МАРШАЛОМ

Маршал Рокоссовский, потирая пальцами подбородок, внимательно осматривал поле сражения на шахматной доске. Положение, еще недавно не предвещавшее никаких осложнений, вдруг стало угрожающим. Противник прямым ударом прорвал центр фронта и глубоко вклинился в оборону. Чтобы снять угрозу, надо было найти удачный ответный ход. Но какой? Маршал повернулся ко мне.

– Ну майор, – сказал он в раздумье, – что же мне предпринять? Зайти с фланга?

Я стоял рядом с шахматной доской, на которой Рокоссовский играл с генералом Тутариновым. Честно говоря, я видел весьма интересный шанс у маршала. Положение сторон давало возможность для мощной, решительной контратаки. Но сказать об этом маршалу я не считал себя вправе. Ответил неопределенно:

– Вам решать, товарищ маршал.

– Значит, так ставишь вопрос? – сказал Рокоссовский и усмехнулся. – Хочешь, чтобы маршал проиграл?

– Зачем проигрывать? – спросил я.

– Сам думаю, зачем? – сказал Рокоссовский и, подняв с доски черного коня, переставил его на новое место: – Шах!

Теперь прорыв в центре доски терял значение.

Партнер маршала генерал Иван Васильевич Тутаринов резко поднялся со стула:

– Все, Константин Константинович, сдаю шпагу. – Выдержав паузу, он добавил: – А ведь вы говорили, что кони утратили значение...

– Ну положим, не о конях шла речь, а о кавалерии. А конь, особенно если он ходит буквой «Г», сила великая.

Спор маршала с Тутариновым о том, что устарело и что еще не утратило значения в военном деле, возник по конкретному поводу и продолжался долгое время.

А началось с того, что Рокоссовский приехал с инспекционной группой на крупные учения в Южную группу войск. В первый их день отрабатывался марш танковой дивизии из района сосредоточения с последующей переправой через Дунай. С фото-корреспондентом капитаном Николаем Маленко мы приехали к командному пункту учений, который расположился на высоком берегу Дуная, где войска готовились к форсированию реки.

Маршал Рокоссовский, стараясь ни в коей мере не влиять на ход событий, отошел от группы офицеров управления и стоял на небольшом бугре, с которого открывался хороший обзор переправы. Маленко, решивший сфотографировать маршала, был тонким психологом. Он легко угадывал натуру и настроение тех, кого собирался запечатлеть на пленке своего аппарата. Иных высокосановных и важных особ он решительно заставлял позировать или что-то делать для придания кадру жизненной достоверности. К другим он подходил исподволь, осторожно, словно нащупывал твердую тропку на зыбком болоте.

К Рокоссовскому Маленко вообще не рискнул приблизиться. Пробравшись по кустам к бугру, он сквозь ветки через видоискатель следил за маршалом, то и дело щелкал спуском. В какой-то момент Рокоссовский не выдержал.

– Товарищ капитан, – сказал он, – я вас попрошу, подойдите ко мне.

Спотыкаясь на кочках, на негнувшихся ногах церемониальным шагом Маленко приблизился к маршалу. Стукнул каблуками, вскинул руку к фуражке. Доложил:

– По вашему приказанию капитан Маленко прибыл...

– Капитан, – сказал Рокоссовский, – ну что ты меня выцеливаешь, как зайца? Я ведь вижу тебя в кустах и все жду: когда же он наконец выстрелит?..

– Я... я... – Маленко в минуты волнения начинал слегка заикаться. – Это для дела. У м-меня р-работа такая...

– Вот и хорошо. Работу надо делать открыто, прямо, а не из кустов.

– Е-есть, товарищ маршал! – возгласил Маленко обрадованным голосом.

Он явно не предвидел такого исхода. Пользуясь моментом, отошел в сторону и стал раз за разом уже открыто щелкать затвором.

В тот вечер Рокоссовский ночевал в гарнизонной гостинице. Чуть позже туда приехал генерал Иван Васильевич Тутаринов. Он выгадал время, чтобы хоть

немного побыть с командующим, под чьим началом воевал в составе войск 1-го Белорусского фронта.

После чая Рокоссовский и Тутаринов сели за шахматы. И тут же разговор зашел о действиях на переправе.

– Слабо, – вынес оценку Рокоссовский. – Тягуче. Я бы такую переправу с одним полком пресек. Совершенно не учтены возможности новой техники.

Тутаринов, сторона заинтересованная, заступился за своих.

– По-моему, все нормально шло. Генерал... – была названа фамилия командира, руководившего переправой, – старый, обстрелянный. Нельзя оценку снижать.

Рокоссовский недовольно поморщился:

– При чем тут оценка? Может, я и сам сегодня не сделал бы лучше. А делать лучше надо. Или как-то по-иному, по-новому. Только как? Вот и думаю. Что же до комдива, ты ему приговор вынес. Старый генерал для армии – это беда. Чтобы выиграть будущую войну, нельзя жалеть пенсий для старых генералов. Слышал такое?

– Это и нас касается? – спросил с ехидцей Тутаринов и со значением нажал на слово «нас».

– А почему нет? – спокойно ответил Рокоссовский. – Мы что – неприкасаемые? Или из другого теста?

– Мы – носители боевого опыта. Разве этого мало?

Рокоссовский приподнял с места шахматного короля. Покрутил между пальцами. Показал собеседнику:

– Знаешь, почему умные люди разрешили ему ходить только на одно поле? – И сам же пояснил: – Потому – он носитель опыта. А опыт – это старые сапоги. Ходить в них вроде бы удобно, да вот протекают...

Признаюсь, высказывание меня смутило. В то время слово «опыт» произносилось настойчиво часто. «Изучать опыт минувшей войны», «полнее использовать опыт боев в практике учебы» – фразы такого рода звучали на всех совещаниях и разборах учений. И вдруг – «старые сапоги». Должно быть, определение задело и Тутаринова.

– Я бы не стал так резко, – сказал он примирительно. – Свой боевой опыт мы выстрадали...

– А я выстрадал то, о чем говорю. Ты бы знал, сколько раз в минуты решений приходилось слышать: «А в девятнадцатом году в такой обстановке мы действовали по-иному». Нет опаснее аргумента! Помню, один такой опытный взял в руки новенький автомат. Подержал, покрутил. Потом сказал красноармейцу: «Покажите, как выполнять команду „Штыком – коли, прикладом – отбей». Боец растерялся. А опытный говорит: «Вот и цена этой железке. Жрет

уйму патронов, а для рукопашной – дрянн!» Потом уже оправдывался: да, автоматы мы недооценили. Заметь, не я, а мы!

– Узнаю, – сказал Тутаринов и понимающе улыбнулся, – Сэмэн Буденный. Известная фамилия.

– Да при чем тут фамилия! – ответил Рокоссовский в сердцах. – Мы сами, что, лучше были? Если на то пошло, в сорок первом я себя долго ломал, чтобы не поддаваться прошлому опыту. Он ведь то и дело подсказывал: шашки – вон! В атаку – марш-марш! По-кавалерийски. А нас за это били. Пока мы не поняли: каждый день требует новых решений. Теперь вспомни, сколько раз, выслушав такие новые решения, более опытные говорили: так, как вы предлагаете, воевать нельзя.

– Было, – согласился Тутаринов. – Сейчас другое время...

– Время действительно другое, – согласился Рокоссовский. – В войска пошла ракетная техника. Не смотрим ли мы на нее с колокольни старого опыта? Ты вот сегодня два раза кавалерию поминал. Без нее тебе вроде тоскливо. Верно? А она иссякла. Умерла, если хочешь.

Именно в это время Тутаринов, двинув вперед слона, прорвался через пешечный центр в глубь обороны маршала, и тот в раздумье спросил меня:

– Ну, майор, что мне предпринять?

Позже, когда Тутаринов уехал в войска, которые готовились ко второму этапу учений, маршал предложил сыграть партию мне. И я проиграл...

ОТЧЕГО ВОРОБЬИ СЕРЫЕ

Генерал-майор танковых войск Сурков знакомил маршала Рокоссовского с гарнизоном. Они шли по чисто выметенному плацу. Генерал, показывая что-либо, торжественно вещал: «Это мои казармы. Здесь штаб моей дивизии. Там мой танковый парк. Это аллея моих отличников». Маршал не выдержал, спросил:

– А воробьи тоже ваши?

– Мои, – ответил генерал автоматически.

– То-то они такие серые, – заметил Рокоссовский.

– Так точно, – согласился генерал как ни в чем не бывало. – Зима. В трубах ночуют.

ИСТОРИЯ С БУДКОЙ

В конце дня больших полевых учений тот же генерал-майор танковых войск Сурков подошел к маршалу Рокоссовскому, козырнул и тоном заботливого хозяина сообщил:

– Товарищ Маршал Советского Союза, ночевать вы сегодня будете в будке. Там уже все приготовлено.

– Спасибо, генерал, – поблагодарил Рокоссовский. – Я уж лучше где-нибудь под кустиком. Зачем же собачку тревожить? Где спала, пусть там и спит.

Генерал восторженно воскликнул: должно быть, бестолковость маршала удивила его.

– Будка – это штабной фургон, товарищ маршал.

– Вот видите, оказывается, у вещей свои названия, чтобы их можно было отличать и не путать, – сказал Рокоссовский. – Оказывается, в танковых войсках иначе.

«ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ, НАТО ВОЙНУ ПРОИГРАЛО...»

В Министерстве обороны СССР проводились большие командно-штабные учения. По их замыслу предстояло проиграть возможные варианты начального периода войны, в которой агрессором выступали объединенные вооруженные силы стран НАТО в Европе. За советскую сторону играло главное оперативное управление Генштаба, за НАТО – Главный штаб главного командования Сухопутных войск, который возглавлял Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков.

Смысл учений был в том, что обе играющие стороны строили свои решения на основании реального учета соотношения сил, развернутых обеими сторонами на театре военных действий. Поэтому учения носили характер совершенно секретных и о них за стены Министерства обороны никакой информации не поступало, хотя за их ходом внимательно следили ЦК КПСС и правительство.

Министр обороны маршал Родион Яковлевич Малиновский, осуществлявший общее руководство учениями, приехал в Главный штаб Сухопутных войск в период, когда там заканчивали работу над планом натовского нападения на Восточную Германию, и попросил Чуйкова доложить ему соображения планировщиков.

– Начало наступления, – доложил Чуйков, – НАТО будет предвирать нанесением ядерных ударов по важнейшим объектам Группы советских войск в Германии...

– Забудьте о ядерных ударах, – прервал его Малиновский. – Мы отрабатываем начальный период войны с применением обычных средств вооружения.

– Тогда НАТО нет смысла начинать агрессию. Без ядерного оружия теми силами, которые у них есть в Европе, с группировкой Советских войск им не сладить. Поскольку у меня права главнокоманду-

ющего войсками НАТО, я отдам приказ о ядерной атаке.

– Господин главнокомандующий НАТО, – Малиновский умел быть остроумным и в то же время язвительным, – решение о применении ядерного оружия вправе принимать только президент США. Так вот, считайте, что я на данный момент им являюсь и наносить атомные удары запрещаю.

– Хорошо, учту, – мрачно сказал Чуйков.

Некоторое время спустя в Генштабе состоялось обсуждение планов сторон. На нем помимо высших военных чинов присутствовали члены правительства и сам Никита Сергеевич Хрущев. Первым замысел операции должен был доложить Чуйков.

– Товарищ Хрущев, – начал он доклад, затем повернулся к Малиновскому: – господин президент Соединенных Штатов, докладываю вам, что без применения ядерного оружия НАТО войну уже проиграло...

Разразился скандал. Вскоре строптивого маршала от должности главнокомандующего Сухопутными войсками освободили, задвинув на руководство Гражданской обороной.

О ПАПАХЕ

На имя министра обороны маршала Малиновского некий полковник прислал письмо. Он сетовал, что полковники, которые справедливо выделены из остального офицерского состава тем, что зимой имеют право носить папахи, летом такого преимущества перед другими командирами не имеют. Он считал, что стоило бы подумать, как сделать так, чтобы полковники выделялись в офицерском корпусе и в теплое время года.

Малиновский, ознакомившись с письмом, наложил резолюцию: «Разрешить просителю носить папаху и летом».

МАРШАЛ И «СТРАТЕГИ»

Однажды привез на просмотр главному Ракетных войск стратегического назначения Маршалу Советского Союза Николаю Ивановичу Крылову набранную статью. Прочитав и завизировав гранки, маршал передал их мне и сказал:

– Статья вроде бы сложилась. Но вообще-то редакция ходит в кругу одних и тех же тем. Дисциплина, боевая готовность – все это, конечно, важно. Но я бы написал статью о стратегах. Развелось их у нас видимо-невидимо. Иной и дело знает, зубы, как говорят, на нем съел, а спросишь совета, он тебе в глаза смотрит, угадать старается, чего ты желаешь. А я без дураков его собственное мнение, его совет

услышать хочу. Чего ж тут темнить? Впечатление, что тактиков уже не осталось...

Поясню существенную деталь. Есть такой армейский анекдот. В купе едут двое – генерал и лейтенант. Сели играть в шахматы. Три партии подряд выиграл лейтенант. И тогда генерал заметил: «Эх молодость! Тактик ты, лейтенант, хороший. А вот стратег – ни к черту! Ради стратегии генералу можно было бы две партии проиграть».

Поводом, по которому маршал вспомнил об анекдоте, послужило происшествие, незадолго до того имевшее место с ним самим. В одно из воскресений маршал решил поехать в лес по грибы. Пора для белых стояла самая подходящая. И место имелось хорошее. Один из полков, подчиненных маршалу, стоял в светлых березовых перелесках, где белые так и перли из-под земли. Оставалось сесть в машину и ехать на тихую охоту.

Понимая, что внезапный его приезд вызовет в полку неизбежный переполох, маршал позвонил командиру. Сказал: «Не волнуйтесь, если приеду. Это не проверка, не ревизия. Интересуюсь грибами». Естественно, не правда ли?

И вот маршал приехал. У ворот на въезде на территорию части его встречали командир полка, начальник политотдела и начальник штаба. У их ног стояли две корзины.

Строевым шагом подойдя к главнокомандующему, командир полка доложил:

– Товарищ маршал! Грибы для вас собраны!

Маршал в сердцах чертыхнулся, руки не подал, сел в машину и захлопнул дверцу. Тихая охота была испорчена начисто. Стратегически мыслящий полковник до приезда маршала поднял по тревоге какое-то подразделение и прочесал грибные перелески.

– Уехал сразу, – сказал маршал, – все же одну корзину они в багажник сунуть успели. Стратеги!

Рассказав историю, маршал пристально посмотрел на меня и попросил:

– Ведь выставишь мое воинство на посмешище вместе со мной?

Я обещал не делать этого. Теперь, когда прошло столько времени, думаю, эмбарго на рассказ отпало.

КАК ИЗЛЕЧИТЬ РАДИКУЛИТ

Маршал Виктор Георгиевич Куликов рассказывал: «Служил я в Одесском военном округе. И прихватил меня однажды радикулит: ни согнуться, ни разогнуться. Хожу как крючок. А тут учения накатили, и приехал на них маршал Георгий Константинович Жуков. Прошел он к окопу, в котором я обосновал командный пункт. Жуков стоял со свитой над бруствером, а я в окопе, объявлял задачу командирам.

Что-то маршалу в этом не понравилось, и он подал команду:

– Полковник, что вы в яме засели? Поднимитесь ко мне!

Я оперся рукой о берму и вылетел к маршалу. Вытянулся, руку под козырек и вдруг понял: радикулита у меня никакого нет! С тех пор, тьфу-тьфу, им больше не мучаюсь».

ОПАСНЫЙ ОТЗЫВ

Андрей Антонович Гречко был военачальником в своих полководческих способностях очень скромный, но Леониду Ильичу Брежневу он нравился и оттого стал министром обороны. Когда назначение состоялось, кто-то спросил у генерала армии Павла Ивановича Батова:

– Что вы скажете о Гречко?

Батов пожал плечами:

– Знакомство одностороннее. В годы войны его фамилию я чаще всего встречал в приказах о взысканиях за неумелые действия и промахи...

При Гречко Батова из Министерства обороны тихо ушли в Комитет ветеранов войны.

ДВА ПРОСПЕКТА

После смерти Гречко его именем в Москве назвали часть Кутузовского проспекта – от Поклонной горы и дальше до Кольцевой дороги, которая до того именовалась Можайским шоссе. И сразу появился анекдот.

«Можно ли наглядно продемонстрировать афоризм "От великого до смешного – один шаг?"» – спрашивает преподаватель военной истории курсанта. «Это очень просто, – ответил тот. – Достаточно встать на границе двух проспектов в Москве: одной ногой на Кутузовском, другой – на Маршала Гречко».

Причин для такой иронии хватало. Гречко страстно любил мишуру, много занимался украшательством военной формы. Он ввел аксельбанты на парадные мундиры, приказал изготовить огромные бляхи для комендантских патрулей, лично утверждал нарукавные нашивки и другие декоративные элементы военной формы.

Однажды в Таманской дивизии проводился смотр моделей новой военной одежды. Для демонстрации были выстроены несколько взводов, солдат которых одели в разные образцы предлагавшейся для армии формы. Когда один из образцов, понравившийся Гречко, был утвержден, возник вопрос, носить ее солдатам под ремень или без него. Мнения разделились. И тогда один из солдат (разговор генералов о форме слышали все) обратился к Гречко:

– Разрешите, товарищ министр?

Все онемели от такой дерзости. Дисциплина была не просто нарушена. Она в глазах некоторых военачальников рухнула и разбилась вдребезги.

Тем не менее Гречко милостиво разрешил:

– Говори, солдат.

– Товарищ министр, в нашей дивизии бывает много иностранных военных. Мы, солдаты, их видим. Так вот, в ремнях сейчас ходят только наши и монголы.

Гречко круто повернулся и, не дослушав солдата, отошел от строя. Повернувшись к сопровождавшим генералам, изрек:

– Ходить в поясах!

Решение было принято.

Завершая одно из заседаний коллегии Министерства обороны, Гречко поставил в известность военачальников, которые присутствовали:

– Завтра на парадной тренировке всем быть в парадной форме и поясах!

Сказал и вышел.

Адмирал флота Сергей Георгиевич Горшков, дождавшись, когда за министром закроется дверь, с иронией объявил:

– А морякам надеть шпоры.

И тоже вышел из зала.

На другой день на Центральном аэродроме в Москве, где проходила тренировка, все присутствовавшие офицеры и генералы были в парадной форме и золотых парадных поясах. Только главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин, человек пожилой и уважаемый, приехал туда в повседневной фуражке и повседневном поясе.

Взбешенный Гречко все же сумел сдержаться и не сделал замечания главному маршалу авиации. Зато, улучив момент, подозвал к себе полковника, порученца Вершинина, и язвительным тоном стал ему выговаривать:

– Почему ваш маршал без парадного пояса?

– Потому что надел именно этот, товарищ министр.

– Учтите, полковник, маршал что малое дитя.

Он должен носить не то, что ему хочется, а то, что на него наденет порученец. Я вас накажу за упущение!

Тем не менее лично для меня одно из заочных общений с маршалом окончилось удивительно благополучно. Гречко только назначили министром, и «Красная звезда» тут же оперативно подготовила статью за его подписью. Материал, как водилось в таких случаях, был официальным, пустозвонным, скучным. Важным считалось не его содержание, а первое публичное появление фамилии нового министра в газете.

В тот вечер я был в редакции «свежей головой» – журналистом, который обязан насквозь прочитать

все материалы и выловить ошибки, проскользнувшие мимо редакторов и корректоров. Статья Гречко занимала два подвала, то есть тянулась по низу двух внутренних распахнутых страниц газеты. Прочитав два первых абзаца, я ощутил, что от скуки сводит скулы. Даже по обязанности читать статью не хотелось. И тут пришла спасительная мысль. Статья принадлежит новому министру. Значит, ее до меня с превеликим вниманием читали все – дежурный и главный редактор, вылизывали грамотность корректоры. Ошибок в таком материале быть не могло.

Я отложил газету и поставил свою подпись, подтверждая, что все в порядке. А наутро в редакции все стояли на ушах: в статье нового министра обороны обнаружилась ошибка. В последний момент, перед тем как отдать готовую газету для подготовки печатных форм, метранпаж, специалист по верстке полос, внес в текст правку. Он подтянул строку, содержащую в себе слово «работы», и ликвидировал перенос. Все было сделано прекрасно, кроме того что окончание слова, ранее разбитого на две части, из печатной формы убрано не было. И в одной из колонок отдельной строкой висело не имевшее отношение к маршальскому тексту слово «боты». И таких «бот» вышло в свет несколько сот тысяч, соответственно тиражу «Красной звезды».

Ни свет ни заря бдительные читатели из Главного политического управления уже позвонили главному редактору газеты Николаю Ивановичу Макееву и, как говорится, накрыли ему хвоста. Макеев вызвал меня на ковер.

- Ты эту муть читал?! Только честно.
- Нет, не читал.
- И все же подписал?
- Все же подписал.
- Хорошо, – зловеще предупредил Макеев. –

Своей властью наказывать я тебя не стану, будет реакция министра, он и определит, что с тобой делать.

В то же утро «доброжелатели» доложили Гречко о проколе, который допущен газетой в его важной, основополагающей для Вооруженных Сил статье, ко всему содержащей самые новые руководящие указания нового министра обороны войскам. Гречко это спокойно выслушал и спросил:

– Гавнокомандующим они там меня не назвали? А в годы войны одна из газет так назвала даже Сталина. Что с них, с газетчиков, взять?

Некоторое время спустя меня пригласил Макеев и рассказал, что все обошлось. И предупредил на будущее:

- В другой раз читай все, даже если тошно...

Кстати, сейчас в Москве проспекта Маршала Гречко больше нет. На всем протяжении улица стала Кутузовским проспектом. Можно обмануть современников, но трудно обмануть историю.

Как проходит военный приказ от министра обороны до солдата, можно представить лишь умозрительно. Слишком уж далек маршал, вкушающий на обед в кабинете здания на Арбатской площади свиную отбивную на косточке, от рядового, выскребающего со дна алюминиевой миски остатки суховатой перловой каши. Тем не менее мне однажды довелось своими глазами увидеть и проследить прохождение маршальской воли до солдата-исполнителя.

В Москве на Центральном аэродроме проходила обычная тренировка к очередному параду на Красной площади. Войска стояли готовые к торжественному маршу в парадной форме, при знаменах. Строй объезжали две машины ЗИЛ стального цвета. В первой, держась за специальный поручень, ехал принимавший парад министр обороны маршал Жуков, во второй – командующий парадом генерал армии Москаленко. Две военные академии – Военно-политическая имени Ленина и Военно-инженерная имени Дзержинского – стояли в строю рядом. Место, где стыковались их фланги, отмечал большой прямоугольник, нарисованный на бетоне белой краской.

У этого прямоугольника останавливалась машина принимавшего парад Жукова, и он в микрофон произносил предусмотренные ритуалом слова: «Здравствуйте, товарищи!» На что четыре парадные коробки двух академий (по двадцать человек в шеренгу, по десять – в колонну) должны были дружно ему ответить: «Здра-жла-трищ-маршал Советского Союза!»

Жуков подъехал. Поздоровался. Восемьсот глоток рявкнули, отвечая ему. Но маршалу ответ не понравился. Трудно сказать, что именно вызвало его неудовольствие: то ли «здра-жла» прозвучало без должного подобострастия, то ли «ура!», которое мы прокричали трижды, получилось не столь радостным, как ждал маршал.

Так или иначе, он тут же прекратил объезд войск, небрежно махнув рукой Москаленко:

- Подайте команду «Вольно».

Парадный строй расслабился, а Жуков тут же принялся настраивать инструмент парада по камертону, который звучал в его воображении.

Маршал вышел из машины и подошел к белому прямоугольнику. Тут же из своего ЗИЛа выбрался Москаленко и подошел к министру. Жуков чиркнул рантом подметки парадного сапога по белому прямоугольнику.

– Это надо перерисовать, – он сделал шаг в сторону левого фланга нашей академии, – вот сюда.

Приказ министра прозвучал. Его предстояло выполнить. Москаленко бросил взгляд в сторону трибуны «мавзолея», которую изображал грузовик

ЗИЛ. Внизу под грузовиком, задрапированным ковром, толпились генералы, одни из которых по долгу службы, а другие в силу оказанной им чести наблюдали за парадной тренировкой.

В этой пестрой толпе заметно выделялся комендант Московского гарнизона генерал-лейтенант Колесников, детина огромного роста. Я понимаю, называть генерала, уже немолодого человека, «детинкой» не очень этично, но назвать по-иному не могу. Только это слово по-настоящему образно рисует облик главного блюстителя порядка в столичном гарнизоне. Ко всему Колесников обладал зычным трубным голосом.

Из-за спины Жукова Москаленко подал коменданту знак, и тот через все поле, изображая предельную степень служебного рвения, легкой рысцой затрусил к начальству. Но из-за огромного роста и веса генерала его движение напоминало тяжеломерное скаканье Медного всадника.

– Это, – показал Москаленко подбежавшему Колесникову на белый прямоугольник, – надо передвинуть сюда.

Потом, подражая Жукову, он ковырнул носком сапога бетон в том же месте, где побывала нога великого полководца.

– Есть! – Колесников на лету понял замысел полководцев.

Обозначая величайшее почтение к их мудрому решению, он вскинул руку к козырьку, затем, не задерживая ее у фуражки, поднял над головой и несколько раз покрутил ладонью в воздухе. Система сигналов у коменданта, должно, была отработана заранее.

Во всяком случае, от группы офицеров, которые стояли в стороне от трибуны, тут же отделился и уже настоящей полевой рысью к Колесникову приблизился полковник, затянутый ремнем и перетянутый портупеей.

– Быстро! – приказал Колесников. – Надо перерисовать плашку вот на это место.

Полковник снял фуражку и пару раз взмахнул ею над головой. Теперь бетонную полосу вскачь на своих двоих пересек майор, так же упакованный ремнями, как и полковник.

– Быстро! Перерисовать!

Майор понял приказ, ткнул пятерню под козырек и снова вскачь рванул к трибуне. Минуту спустя оттуда к месту, на котором предстояло произвести стратегическую перестановку белых полос, уже бежали двое – майор и лейтенант. А за ними двигались четыре солдата. Двое из них, держась за проволочные ручки, тащили огромный деревянный трафарет, предназначенный для рисования прямоугольников. Третий, перекосившись от тяжести, волок ведро, полное белой эмали, и большую малярную кисть. Четвертый воин малярного расчета нес такое же ве-

дро, но уже с черной краской, для того чтобы закрасить прямоугольник, оказавшийся не на том месте, где то было угодно министру обороны.

– Рисовать здесь! – приказал майор лейтенанту. – Клади трафарет сюда! – махнул лейтенант рукой солдатам, тащившим деревянную раму. – Ровней клади. Не так, вот так!

Сапожком он придал деревянной раме нужное положение и повернулся к майору:

– Так?

Майор посмотрел на полковника, тот на генерала Колесникова.

Генерал дал рукой отмашку, и солдат в гимнастерке, перемазанной белилами, начал квецать кистью бетонный прямоугольник, ограниченный шаблоном. Второй воин маховыми движениями кисти зачернил то, что было отвергнуто стратегическим планом министра обороны. Некоторое время спустя солдат, нарисовавший белый прямоугольник, держа кисть у ноги, как карабин, доложил своему командиру:

– Товарищ лейтенант, ваше приказание выполнил!

Лейтенант, поправив опояску, повернулся к майору:

– Товарищ майор, ваше приказание выполнено!

Майор, полный подобострастия и служебного рвения, прищелкнул каблуками и доложил о том же полковнику. Полковник – генералу Колесникову. Колесников, огромный и громоздкий, рыкающим басом обратился к Москаленко:

– Товарищ генерал армии...

Жуков, стоявший рядом и видевший все, что происходило, махнул рукой:

– Все свободны.

Прохождение приказа от министра до солдата, которое произошло на глазах сотен слушателей военных академий, выглядело довольно комичным, но комизм, на мой взгляд, это одна из неотъемлемых сторон всей военной жизни.

НАУКА И ПРАКТИКА

Смелый кандидат военных наук опубликовал в журнале статью со строгим разбором оборонительной операции против танковой группировки немецкого генерал-фельдмаршала Манштейна, старавшейся деблокировать войска генерал-фельдмаршала Паулюса, зажатые в Сталинградском котле. Противостоявшими ему силами руководил Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский.

Кандидат наук делал вывод, что если бы Малиновский проявил больше смелости, то можно было нанести Манштейну куда более значительные потери, чем те, что были в действительности нанесены.

Малиновскому, который в то время являлся министром обороны, показали статью. Он ее прочитал. Подумал и сказал:

– Большой умник этот историк: положил с одной стороны бумаги Манштейна, с другой – мои и все тут же за нас обоих решил. Хорошо быть смелым, когда работаешь со скудными разведданными и не имеешь о противнике полного представления. Впрочем, пусть пишет. Как это там говорят? Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Это именно тот случай...

ПАРОЛЬ ЧЕСТНОСТИ

Однажды, вспоминая военные годы, Павел Иванович Батов в беседе со мной сказал:

– Горький говорил, что всем лучшим в себе обязан книгам. А я вот всем лучшим обязан Константину Константиновичу Рокоссовскому. Мы были почти одногодки. Это обычно дает людям право считать, что каждый сам с усам. А я учился у Рокоссовского и не хочу этого скрывать. Причем не по-школярски учился, а смотрелся в него, как в зеркало, и старался хоть в чем-то, но походить. Вот один случай.

Это было в боях под Москвой. Мы обедали с Рокоссовским в его блиндаже. Вдруг зазвонил телефон ВЧ. Поскольку звук у него был сильный, при разговоре трубку приходилось держать подальше от уха. Так я и услышал весь разговор.

«Товарищ Рокоссовский?» – спросили с того конца провода. «Слушаю вас, товарищ Сталин», – ответил Константин Константинович. «Чем вы сейчас заняты?» – «Обедаю, товарищ Сталин». – «Хорошо, позвоните мне минут через двадцать». И трубку повесили. Уж на что я хорошо знал Рокоссовского, все равно был удивлен. Мне казалось, что обед – это не то дело, о котором надо сообщать Верховному. Можно же было сказать что-нибудь другое, нейтральное. Верно? Но потом понял: гордость не позволяла Рокоссовскому говорить неправду о самых мелких мелочах. Он не мог унижить себя неточностью. Его спросили, чем он занят. И ответ последовал точный. Именно это делало Константина Константиновича человеком надежным, кому можно было верить во всем – в большом и малом. «Я обедаю» – это осталось во мне на всю жизнь, как пароль. Пароль честности. Пароль гордости.

МАРШАЛЬСКИЙ АВТОГРАФ

Начальник Главного политуправления Маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков проводил совещание молодых армейских литераторов.

Как водится, был доклад, который маршалу написали ретивые спецы из отдела печати. Хороший доклад, как тогда считалось, должен был быть острокритическим. Поскольку у молодых армейских литераторов за плечами не имелось крупных литературных трудов, в центре внимания Голикова оказался роман подполковника Ильи Миксона, изданный в Москве Военным издательством.

Книга была средней по уровню, высоких похвал не заслуживала, но и той критики, которую на нее обрушил маршал, тем более. После окончания совещания в зале, где оно проходило, начали продавать недавно вышедшую в свет книгу воспоминаний Голикова о Гражданской войне. Если не ошибаюсь, называлась она «Красные орлы». В числе других купил книгу и Миксон. Подошел к Голикову, чтобы тот поставил автограф. Маршал надел очки, почесал авторучкой за ухом. Спросил:

– Скажите, а фамилия Миксон склоняется?

– Товарищ Маршал Советского Союза, – ответил подполковник, – вы ее склоняли не менее полчаса, а теперь спрашиваете...

Голиков что-то шваркнул ручкой на титульном листе и отшвырнул книгу Миксону.

«БЛАКИТНОЕ» ПРИСТРАСТИЕ

Генерал армии Петр Кириллович Кошевой обожал голубой, или, как он любил говорить по-украински, блакитный цвет. В бытность его командующим войсками Киевского военного округа в гарнизонах все, от заборов до стен туалетов, красили голубой краской. Пришло время, и округ принял генерал армии Иван Игнатьевич Якубовский. Своего предшественника он, мягко говоря, на дух не терпел, и это проявлялось в разных формах. Вот только два случая.

Якубовский приехал в гарнизон, огляделся и с видом человека несведущего спросил:

– Какой болван догадался перекрасить все в этот дурацкий голубой цвет?

Командир дивизии был человеком опытным и оправдываться не стал. Только спросил:

– В какой прикажете перекрасить?

– В человеческий! – бросил новый командующий.

Приехав в другой гарнизон, генерал Якубовский вошел в кабинет командира полка и увидел сейф. Стальной ящик подготовили к окраске и загрунтовали суриком. Он стоял, сияя алым заревом в голубом царстве. Генерал сел, снял фуражку и сказал:

– Наконец-то в этом округе вижу самостоятельного командира!

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

Шли крупные войсковые учения на Хаймашкерском полигоне в Венгрии. Генерал армии Михаил Ильич Казаков приехал на командно-наблюдательный пункт, оборудованный на одной из высот, посмотрел, остался чем-то недоволен и поспешил высказать свое мнение:

– Какой дурак выбрал здесь НП? Его надо было бы оборудовать вон на той высоте.

Руководящая рука уверенно указала направление. Вперед выступил генерал-лейтенант Дмитрий Андреевич Куприянов, руководивший учениями. Встал, вытянул почтительно руки по швам, посмотрел прямо на Казакова:

– Товарищ командующий! Наблюдательный пункт здесь выбирал я, а дурак его вынес бы именно туда, куда вы указали.

Казаков поправил фуражку, поглядел ошеломленно на Куприянова, и вдруг примирительным тоном изрек:

– Убедил!

И двинулся к месту, которое было приготовлено для руководства.

ОТКАЗЧИКИ

Однажды главнокомандующий воздушно-десантными войсками генерал армии Василий Филиппович Маргелов приехал в одну из подчиненных ему частей. И первым его вопросом было: «Сколько отказчиков?» Командир части, молодой подполковник, голосом унылым, будто он сам виноват в этом, доложил: «Девять. И очень стойкие». «Показывайте», – приказал генерал.

И вот перед генералом стояли все девять. Один к одному – рослые, широкоплечие, со светом среднего образования в очах и со значками ГТО на груди. Правда, у всех лица были омрачены легкой дымкой смущения.

– Товарищи солдаты, – сказал генерал, – станьте же наконец мужчинами. Иначе я вас прямо отсюда увезу к девчатам. К парашютисткам. Пусть подумают, как с вами быть. Вы видите, я далеко не юноша. Мне уже не двадцать и даже не сорок. А я прыгал и собираюсь прыгать дальше. Вот сейчас мы поднимаемся, и я пойду первым. Чтобы вам потом не было стыдно – смелые за мной! Ясно?

Дружного ответа не было, а поскольку добровольцев сделать шаг вперед не просили, строй остался безмолвным и недвижимым. Через некоторое время двукрылый «Антон», самолет АНТ, из всех моторных сил, ввинчивая в воздух пропеллер, потянулся вверх, к облакам. Когда вышли на заданную высоту, генерал встал. Поправил лямки парашюта,

потрогал шлем. В открытую дверь холодными струями хлестал тугой, спрессованный скоростью воздух. Далеко внизу топографической картой лежала земля.

Генерал повернулся к солдатам:

– Как договорились – смелые за мной!

Не оглядываясь, он легко и свободно, будто вольная птица, выпорхнул в воздушный поток и понесся к земле. Когда парашют задержал падение, генерал посмотрел вверх через плечо. Над ним плыли, покачиваясь, шесть парашютов.

После приземления «Антон» из него, понурившись под грузом мужского стыда, вышли трое. Генерал посмотрел на солдат и жестко приказал:

– В машину! Пойдем еще раз. – Потом подозвал летчика: – Наберешь высоту, капитан, подожди дымовую шашку. И качни пару раз для острастки. Понял?

– Так точно, – ответил летчик.

И опять закрутились винты, круто вытягивая вверх крылатую машину. Все шло как обычно. Только вдруг тонкая струйка дыма, словно пробивая дорогу огню, по полу проползла из пилотской кабины в салон. Затем огромным клубом, будто от взрыва, смрадная копоть заполнила все вокруг. Самолет стало качать из стороны в сторону. Ой какой артист жил в генерале! Он вскочил, бросился к двери, распахнул ее и крикнул:

– Горим! Спасайся кто может! Пожар!

Трое отказчиков, суетясь и толкаясь, рванули к двери и один за другим бросились вниз. Резким пинком генерал выбил дымовую шашку в мировое пространство. Струя дыма, крутясь и рассасываясь, понеслась вслед за парашютистами. На посадочной площадке, сияя улыбками, только что сняв парашюты, стояли три молодца, три отважившихся на прыжок человека. Стояли и ждали генерала. Скорее не столько его самого, сколько его признания, его похвалы.

Генерал выскочил из самолета, не глядя на довольных собой ребят, прошел к группе офицеров.

– Этих, – он большим пальцем правой руки через плечо показал на троицу, – из десантных войск списать. Они видели, что у командующего нет парашюта. Видели и все позорно попрыгали. Трусые! Всем остальным, кто вошел в строй, объявите мою благодарность.

Деликатность в выражениях больше не требовалась.

«ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ»

На войсковых учениях в Южной группе войск присутствовал руководитель Компартии Советского Союза и считавшийся Верховным Главнокомандую-

щим Вооруженных Сил Никита Сергеевич Хрущев. Трудно сказать, что его дернуло, но неожиданно для всех он вдруг самолично подал команду:

– Газы!

Командир дивизии генерал-майор Николай Петрович Охман, за действиями которого следили наблюдатели, громко продублировал команду:

– Газы!

Все офицеры начали доставать и натягивать на лица противогазы. Свой же Охман снял с плеча вместе с подсумком и протянул Хрущеву:

– Наденьте, Никита Сергеевич!

Хрущев опешил:

– Зачем?

– Не могу допустить, чтобы мой Главнокомандующий погиб от газа, когда я буду жив. – Охман произнес это очень серьезно, без малой тени иронии. – Надевайте, Никита Сергеевич!

Хрущев поглядел на генерала, махнул рукой и приказал:

– Отбой!

ВТОРОЕ «Д» В КОМАНДИРСКОЙ ФАМИЛИИ

Войска изготовились к большим учениям. В расчетный час с двух сторон в чашу полигона должны были ворваться танковые силы противоборствующих частей и завязать встречный «бой». Большие учения – большие волнения. Вместе с генералом армии, командующим Южной группой войск, мы приехали в расположение танкового батальона, которому предстояло идти в «бой» на острие атаки с юга. Поколесив по лесным дорогам, миновав строгие посты охранения, добрались до мирной рощи, в которой ничто не выдавало присутствия скрытой от глаз силы, огромной и напряженной.

Прижимая к бедру планшетку с картой, навстречу командующему из-за деревьев выбежал подполковник в черном танковом комбинезоне. Плотный, хорошо скроенный и еще крепче сшитый. Подбросил, будто выстрелил, ладонь к танковому шлему. Голосом твердым, уверенным, словно не слова кидал, а гвозди вбивал, отчеканил:

– Товарищ генерал армии! Танковый батальон готов к наступлению. Техника исправна. Люди на местах ждут приказа. Командир батальона подполковник Под... – комбат сделал паузу, как-то по-особому разорвав свою фамилию. Не запнулся, не смазал слогов, а именно разорвал: – Под-давашкин!

На эту странность обратили внимание все, но задал вопрос комбату сам командующий. Подавая подполковнику руку, спросил:

– Что это вы так странно свою фамилию произносите?

– Второе «д» выделяю, товарищ генерал армии.

– Да? – не скрыл удивления командующий. – А зачем?

– Чтобы знали, что я не Подавашкин, который с одним «д». Не человек, который прислуживает и подает, – в голосе подполковника звучал открытый вызов. – Я Под-давашкин, который умеет за себя постоять и может поддать когда надо.

– Ну-ну, – сказал командующий, улыбаясь глазами. – Я запомню. Под-давашкин. Офицер с двумя «д». Очень приятно. Остается посмотреть, как ваше умение проявится в деле. Ну-ну. Мешать не буду.

Смотр батальону, который командующий намеревался провести, был отложен. Когда мы возвращались к машине, штабной офицер из сопровождения генерала, обращаясь к кому-то, но так, чтобы его слышал командующий, сказал:

– Я бы лично комбату врезал! Ишь ты, он второе «д» выделяет! Беседует с командующим, а из самого дерзости так и прет. Неприятный тип!

Оценку услышали все, в том числе командующий. Тут же, обращаясь ко мне, он громко произнес:

– Вот ты журналист, а знаешь, что самое опасное для армии в мирное время? Это боязнь дерзости. Отсюда у тех, кому хочется покоя, возникает стремление подбирать на боевые должности людей удобных...

Последняя фраза прозвучала очень знакомо. И в памяти вдруг всплыла фамилия. Русанов. Полковник Русанов. Стыдно признаться, но я не помню ни его имени, ни отчества. Впрочем, не помню – это слишком дипломатично. Куда точнее сказать, не знаю. Отношения слушателей к преподавателям академии, где я учился, строились на строгой субординации. Мы обращались к старшим только по званию. И только в расписании занятий указывались фамилии лекторов и руководителей семинаров. Так и закрепилось в памяти: полковник Русанов. Полковник Строчков...

Последний со временем стал генералом, членом-корреспондентом Академии наук, но и сейчас в разговорах однокашников фигурирует всего как полковник Строчков. Даже личности яркие, незабываемые, вроде генерала Архангельского, в памяти закреплены лишь двумя координатами – званием и фамилией. Именно так обстояло дело и с Русановым, преподавателем тактики. Он запомнился как человек интересный, незаурядный. Это был офицер настоящего боевого закала, высокой культуры и большой требовательности. Оставаясь всегда начальником и преподавателем, он умел держаться со слушателями на равных, как уважающий их сослуживец.

Жизнь, прожитая Русановым, давала ему неоспоримое право на то, чтобы учить других. Перед революцией он служил в царской армии и командовал артиллерийской батареей. Сразу же после ре-

волюции солдаты на общем собрании единогласно подтвердили его командирское право. В годы Великой Отечественной войны Русанов был офицером-направленцем при Ставке Верховного Главного командования.

Однажды в перерыве между занятиями зашел разговор о продвижении офицеров по службе в дни войны и мира. Русанов тогда высказал очень интересную мысль.

– Хотим мы того или нет, – сказал он, – но в мирное время чаще всего вверх идет кто удобнее. Между тем опираться можно только на то, что оказывает сопротивление. Хворостинка – не опора. Бойтесь, товарищи, удобных подчиненных...

Завязался спор. Стали выяснять, что такое командирская самостоятельность.

– А это, – сказал Русанов, – в первую очередь умение дорожить собственным мнением. Дважды Сталин удалял Рокоссовского из зала заседаний Ставки, когда тот предložил план, который не совпадал со взглядами Верховного. И все же, возвращаясь, Рокоссовский стоял на своем. В конце концов Ставка приняла его план. Наполеон Бонапарт, человек крутой и решительный, однажды признался, что входит на заседания военного совета как в клетку со львами. И это не было преувеличением. Французскую армию – ее дивизии и корпуса – вели люди резкие, самостоятельные. Их было много. Всех и не упомнишь. Массена, Ланн, Бертье, Ней, Мюрат, Даву, Удино, Сульт, Ожеро... Все они признавали главенство Наполеона, но в то же время имели собственное мнение, умели его высказывать и отстаивать. Известен такой факт. После торжественного богослужения в честь императора Бонапарта тот спросил Ожеро, понравилась ли ему церемония. «Очень, – ответил генерал. – Жаль, на ней не присутствовали сто тысяч погибших за то, чтобы таких церемоний не было». Ответ, похожий на пощечину, прозвучал в присутствии множества свидетелей. И Наполеон вынужден был смолчать. Столь же резко высказывал Бонапарту свое мнение генерал Ланн. Тем не менее оба, Ожеро и Ланн, командовали корпусами. Впрочем, не стоит идеализировать Бонапарта. Не вел бы он войны, уверен: на дивизии и корпуса быстро выдвинул бы людей, которым нравились церемонии в честь императора...

И вот годы спустя как иллюстрация к давнему разговору с преподавателем академии прозвучали слова генерала армии: «Знаешь, что самое опасное для армии в мирное время?» Было над чем задуматься.

Ровно в назначенный срок учения начались. С севера и с юга на больших скоростях рванулись навстречу друг другу танковые колонны – 19-й и 21-й танковых дивизий.

– На первую точку, – приказал командующий.

Колонна штабных машин, кружа по лесным дорогам, из района сосредоточения 21-й покатила к высоте, где был оборудован наблюдательный пункт руководства учениями. На плоской вершине крутой каменистой горы саперы соорудили вышку со смотровой площадкой, на которой стояли стереотрубы. Однако командующий не стал подниматься на вышку. С земли долина так же хорошо просматривалась на многие километры. Ждать пришлось недолго. С севера к полигону уже приближалось облако пыли.

– Девятнадцатая, – по-суфлерски подсказал из-за плеча командующего знакомый уже полковник. – Двадцать первая запаздывает.

Ему, должно быть, очень хотелось, чтобы учение прошло по плану и события развернулись буквально напротив вышки командования. Головная походная застава 19-й неумолимо приближалась. Уже невооруженным глазом стали хорошо различаться тяжелые приземистые машины, таранно мчавшиеся по долине.

– Ах опаздывают! – не скрывая раздражения, повторял полковник, имея в виду 21-ю. – Безбожно опаздывают. По два «д» у каждого комбата, а точности ни на грош!

Головная застава 19-й прокатилась мимо командного пункта. За ней шла более мощная группа машин – авангард. Полковник кипел, а командующий спокойно прохаживался у края обрыва. Его молчание полковник воспринимал как немой укор и свирепел еще больше. Но вот, когда авангард 19-й вышел на линию вышки, когда уже всем стало казаться, что 21-я не уложилась в расчетное время, внизу под каменистым крутым склоном ухнул оглушительный залп. Стая диких сизых голубей перепуганно взметнулась над горой. Многие наблюдавшие за учением от неожиданности вздрогнули.

И все вдруг увидели то, чего почему-то не замечали раньше: внизу, у подошвы горы, среди колючего кустарника стояли танки. Грянул новый залп, и снизу дохнуло острым запахом горелого пироксилина. Казалось бы, теперь все в порядке. Головная застава 21-й, появившись на поле боя раньше противника, выбрала выгодную позицию, пропустила такую же заставу 19-й и нанесла фланговый удар по превосходившему силами авангарду. «Бой» начался именно там, где и планировалось. Но начался он не так, как виделось операторам, и это окончательно вывело полковника из себя:

– Как эти танки здесь оказались?! По расчету времени они не могли так быстро пройти маршрут.

Командующий повернулся к одному из посредников, майору с белой повязкой на рукаве:

– Прошу вас, пригласите командира головной заставы подняться ко мне.

Несколькими минутами позже, прыгая с камня на камень, к вышке по крутому склону поднялся

лейтенант в танковом комбинезоне. Пока он искал глазами, к кому обратиться, полковник сумел вслух разрядить запас раздражения:

– Вы понимаете что делаете? Три машины против батальона. Глупый авантюризм. Даже на учениях!

Командующий выступил вперед, и лейтенант, представ перед ним, откровенно растерялся. Если судить по кинофильмам о жизни военных, то контакты между рядовыми и генералами возникают довольно часто. В действительности лейтенанты и капитаны, даже майоры не так уж часто встречаются со своими высшими командирами. У каждого из стоящих на разных ступенях служебной лестницы начальников свой круг дел, свои обязанности и заботы. И направлены они чаще всего параллельно – сверху вниз, почти не пересекаясь. Потому легко понять командира взвода, которому ни с того ни с сего в присутствии командующего войсками разгневанный полковник (а это ведь, по крайней мере, командир полка, если не дивизии!) бросил серьезные упреки. Возникла мысль: что, если в самом деле, проявляя старание, не жалея сил, он, лейтенант, переборщил и тем самым сломал, испортил мудрый оперативно-тактический замысел, выношенный самим командующим – генералом с наибольшим количеством больших звезд на погонах? Пожалуй, хочешь не хочешь, а слабость от такой мысли под коленками возникает.

– Погодите, полковник, – сказал командующий. – Ваша точка зрения нам известна. Почему же не послушать лейтенанта? У него ведь свой замысел был. Как, товарищ лейтенант, был?

– Так точно, – отрубил лейтенант решительно. – Был!

– И какой?

– Я должен был задержать авангард противника, а еще лучше – заставить его развернуться.

Почувствовав уверенность, лейтенант уже наступательно спросил:

– Мог я их задержать? С тремя танками на десять, на двадцать минут?

– Почему мог? – улыбаясь, спросил командующий. – Думаю, уже задержал. С такой-то позицией!

– Вот и весь замысел. А через пять минут, – лейтенант посмотрел на часы, – нет, уже через три, батальон ударит во фланг..

– Допустим, батальон ударит. Но как вы здесь оказались так быстро? Или с ночи в засаде?

– Всего за полчаса до вашего прибытия заняли позицию.

– Заранее присмотрели?

– Никак нет! Командир батальона дал точку на карте. Остальное я выбирал сам.

– Как же вы сюда так быстро добрались? – спросил из-за плеча командующего полковник. – По расчету это сделать трудно.

– Комбат нас тоже предупреждал, что трудно. Но приказал сделать. У Александра Васильевича девиз: упредил – победил.

– Александр Васильевич – это Суворов? – спросил иронически полковник.

– Никак нет, – ответил лейтенант. – Это наш комбат. Подполковник Поддавашкин.

– Опять Поддавашкин! – сокрушенно воскликнул полковник и сморщился, будто ощутил острую зубную боль.

– Вы свободны, лейтенант, – сказал командующий, не скрывая улыбки. – Начато хорошо, так и держите! И никогда не старайтесь угадать желание начальства. Делайте свои дела по обстановке. Ясно?

– Так точно! – веселым голосом отчеканил лейтенант. – Разрешите идти?

Придерживая рукой планшетку (а делал он это точно так же, как и его комбат), он побежал вниз к своим танкам.

– Разверните авангард девятнадцатой, – приказал командующий. – В реальных условиях лейтенант сделал бы это без нашего вмешательства.

Лицо полковника помрачнело. Зато у командующего настроение явно поднялось. Он видел – «бой» вышел из рамок игры и развивается по реальным законам войны, когда даже в условиях равенства сил превосходство получает тот, кто действует энергичнее, самостоятельнее, смелее. Учения прошли хорошо. Действия сторон изобиловали неожиданными решениями и ходами. Подразделения показали высокую слаженность, командиры – самостоятельность. Даже полковник постепенно успокоился, понимая, что главное, цель учений, достигнуто.

С полигона я возвращался с командующим.

– Посмотри, – сказал он мне в машине и протянул листок плотной бумаги – кадровики дали справку.

На листке теснились слова, отпечатанные на машинке: «Поддавашкин Александр Васильевич. Год рождения 1919-й. Белорус. Из рабочих. Окончил Полтавское танковое училище. Отличился в боях под Берлином. В городке Бернау его рота, действуя дерзко и стремительно, разгромила опорный пункт противника. Уничтожено 3 дзота, 40 фаустметателей, около 140 фашистов. В боях за Потсдам рота разгромила минометную батарею, подавила более 30 пулеметных точек, 8 дзотов, уничтожила около 300 солдат и офицеров противника. Звание «Герой Советского Союза» присвоено в мае 1945-го».

– Все понял? – спросил командующий.

– Что именно?

– А то, какими становятся командиры, когда постоянно помнят, что у них в фамилии два «д».

– Поддавашкин-то мне понравился, – сказал я. – А вот полковник – не очень...

Командующий усмехнулся.

– И зря, – сказал он. – У полковника фамилия короткая, в четыре буквы. И «д» в ней нет. Однако он свое мнение имеет и не боится его высказывать. Вот так.

СИНДРОМ ОЖИДАНИЯ

Война... Это слово, а точнее, мысль о том, что война неизбежна, дамокловым мечом висела над умами военных в годы холодной войны. 1966 год. Землетрясение в Ташкенте. Первый сокрушительный толчок. Дрожит земля. В воздухе прокатывается тяжелый пугающий гул. Рушатся стены домов. Обваливаются крыши. Отчаянно воют собаки...

Командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Николай Григорьевич Лященко, разбуженный мощным ударом, вскочил с постели. Вскочил и закричал:

– Твою мать! Опять проспали!

Мысль военного профессионала работала четко и только в одном направлении: началась война, и мы опять проглядели ее начало.

«ТАКАЯ СТРАНА ПОГИБНЕТ»

С генерал-майором Охманом меня свел случай. Я приехал на учения 19-й танковой дивизии в венгерский заштатный городишко Капошвар. Первым делом представился командиру дивизии. Массивный мужчина, как говорят, сам себя шире, перетянутый по-походному ремнями, протянул огромную, как тюлений ласт, ладонь:

– Охман. – И тут же спросил: – Где саперная лопатка?

Увидев в моих глазах непонимание, раскрыл мысль точнее:

– Чем наши недостатки раскапывать будешь?

Подумалось, что газетчики уже не раз досаждали генералу мелкими уколами.

– А их копать обязательно? – спросил я.

– Добре, – миролюбиво сказал генерал, – будем считать, на войну ты приехал с мирными, гарными намерениями.

Генерал, говоривший по-русски прекрасно, часто употреблял украинизмы, что делало его речь колоритной и неподражаемой.

В тот же вечер дивизия по тревоге оставила гарнизоны и заняла исходные позиции в лесах для броска на Хаймашкерский полигон. В штабной палатке генерал собрал командиров полков. На большом столе была расстелена топографическая карта с нанесенной на нее тактической обстановкой. Вокруг стола стояли офицеры.

– Слушайте приказ, – сказал Охман и откашлялся. Потом правой рукой, подняв ее над картой, обозначил нечто вроде полудуги: – Ты, Деркач, идешь ос сюды. – Деркач, командир одного из полков, вытянулся и щелкнул каблуками. – А ты, Семенюк, идешь так, – теперь над картой качнулась левая полусогнутая рука генерала, образовав вместе с правой ясно видимые клещи. – А уси остальные – у сэрэдину. И шоб у мэня там усэ кипило!

Задача была обозначена предельно четко и ясно, хотя в такой форме ее постановка заставила бы рухнуть в обморок любого преподавателя тактики.

– Питання е? – спросил Охман. – Вопросы? Нэма? Тоди ты, Зварцев, изложи приказ в письменном виде и по науке.

Полковник Зварцев (позже он стал генералом и служил в Генштабе) был начальником штаба дивизии, и в его обязанности входило ведение всей оперативной документации. Прямое и четкое задание командира дивизии на бой на бумаге должно было обрасти массой военно-бюрократических деталей, которые описывали полосы ответственности полков, маршруты выхода их на назначенные позиции, условия взаимодействия и связи между собой.

Когда командиры, получив все указания, разъехались по полкам, Охман обратился ко мне:

– Корреспдэнт, у мэня ночь сегодня бессонна, а ты спи. Сейчас поужинаем и ложись в моей будке. Отдыхай.

Снова заметил непонимание в моих глазах и пояснил:

– Моя будка – гарна штука. Трофей. На нем эсэсовский генерал ездил. А когда его в Австрии в плен взяли, мне командующий Павел Алексеевич Курочкин подарил. Як награду. Так и вожу с собой. Тепла будка для жилья. Две кровати. Всякое такое для отдыха. А теперь пейшлы ужинать.

Не доходя до палатки, в которой располагалась офицерская столовая, генерал остановил солдата:

– Сынок, ты ужинал?

– Никак нет, товарищ генерал.

– Обидав?

– Никак нет. Не успел.

– Цэ дуже погана справа. Зина! – генерал повернулся к столовой палатке.

Из кухни выбежала румяная ядреная тетка в белом халате:

– Слушаю вас, товарищ генерал.

– Зина, ось нагодуй хлопца, вин у нас з ранку не ив. – Потом Охман хлопнул по плечу солдата: – Паняй, сынок, паняй. Иды исты. Поешь, зайди ко мне, доложишь.

Такой демократизм генерала был до приторности показным, но слезы умиления у меня не вышиб,

в восхищение не привел. Демагогов я видел немало, но такое...

Мы поужинали и вместе с генералом вышли из палатки. Смеркалось. У входа Охмана ждал солдат:

- Товарищ генерал, ваше приказание выполнил!
- Значит, поисты теперь солдатам должен приказывать генерал, так? Гарно. Теперь доложи кто ты такой.

– Рядовой Квитко, водитель из автобата.

– Гарно, Квитко. Тэпэрь слухай, шо я казатымо. Ты хреновый солдат. Хуже я и не бачил. Ты знаешь, что солдату в сутки положено три раза исты горячее? Знаешь? А почему не ив? Почему с утра ходил голодный?

– Приехал в чужую часть, товарищ генерал.

– Ты мне, Квитко, очи не замыливай. Ты шо, в якись бундесвер прыйихав? В Неметчину? Здесь Советская Армия. Зайшов бы в солдатскую столовую. Доложился: «Рядовой Квитко, хочу исты». Не накормили бы, пошел к командиру. Тот не помог, ко мне прийшов бы. А ты ждал, когда тебя генерал голодного встретит. Ты Салтыкова-Щедрина читав?

Солдат выглядел испуганно, более того – опупело. Такой добрый, как ему недавно казалось, генерал вдруг стал драть с него лыко, как медведь с липы.

– Значит, не читав? А товарищ Салтыков-Щедрин усим нам рассказал, як один мужик накормил трех генералив. Трех! Теперь, оказывается, генерал солдата годувать должен. Позор! Тебе взысканья объявлять не буду, мал чином, шоб от генерала фитили получать. Влеплю командиру автобата. А он уж с тобой разберется. Иди вон, очи бы мои тэбя не бачили!

Когда солдат ушел, Охман тяжело вздохнул:

– Вот, корресподент, боюсь, погибнет такая страна, погибнет громада. Солдат, который ходит голодный весь день и не требует того, что ему положено по закону и праву, – это раб в душе. Сколько таких вокруг, ты замечаешь? А вы что пишете? «Высокая политическая активность и инициатива, широкие демократические права...» Да мы с голоду передохнем, а что нам законом положено, потребовать не решимся. Ты меня понял? Если нет, то можешь записать: генерал Охман считает, что ничего хорошего впереди наш народ не ждет. Ось так. А теперь иди в будку. Спи спокойно, товарищ. Наши цели ясны, задачи определены.

Последние слова Охман процитировал из доклада Хрущева, который звал советский народ к новым высотам общественного развития.

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Есть в артиллерии понятие «стреляющий». Это не воинское звание, не должность. Стреляющим может быть и солдат-разведчик, и сержант-вычис-

литель, правда, чаще на этом месте оказываются офицеры – командиры взводов, батарей, дивизионов и даже полков. Но кто бы ни был стреляющим, его команды обязательны для огневиков, стоящих у боевых орудий, и потому в руках этого человека оказывается вся ударная сила артиллерийских стволов. Нелегко бывает принять на себя права и ответственность стреляющего.

Я слышал не раз и не два, как от волнения становились хрипатыми звонкие голоса лейтенантов в момент, когда они подавали команду «Стрелять батарея» и тем самым брали ответственность стреляющих на себя. И наоборот, видел, как молодели, оживали полковники с седыми висками, едва произносили слова той же команды. Не каждому по плечу быть стреляющим. Никакие тренировки и обучение не в состоянии исправить слабости характера – робость, неуверенность, склонность к колебаниям. Только людям с военной косточкой ответственность, падающая на плечи, добавляет ощущение радостности, укрепляет уверенность и спокойствие.

Учился я в академии вместе с Героем Советского Союза Николаем Калущим. В одном из боев за Вислой он управлял огнем гаубичного дивизиона. Фашисты окружили наблюдательный пункт. И тогда Калущий, стреляющий, вызвал огонь на себя. Тяжелый стон, пропоровший воздух, обрушился на высоту, где окопались наблюдатели, смял, разметал все вокруг. Лишь на другой день в земле, перепаханной огнем, засеянной металлом смерти, нашли стреляющего. К счастью, он оказался жив.

Быть стреляющим, принять огонь на себя – это высшее проявление воли и смелости. А сколько их, моментов, когда командирам приходится вызывать огонь на себя? Весна сорок пятого года. В зелени пробуждавшихся садов, в разливе рек шли на запад дивизии Советской Армии, шли по чужой, незнакомой германской земле.

Артиллерийский командир генерал Петров выскочил на «Виллисе» к водному рубежу. За ним, на западе, шел горячий бой. А здесь, перед рекой, застряла, не переправляясь, артиллерийская колонна. Выскочив из машины, по избитой кисельной колее генерал прошел к берегу. Моста не было, но реку пересекала плотина. Была она примитивной – деревянной, с земляной подсыпкой, вроде тех, что строят бобры. Только высотой и шириной сооружение свидетельствовало, что постройка – дело рук человеческих.

По гребню плотины в кои-то времена был брошен деревянный настил, по которому ездили на телегах. Настил выглядел достаточно ветхим, торцы досок, выходявшие на берег, давно превратились в бурую труху. Если учесть, что поверху, через гребень, перекачивалась вода и с глухим плеском срывалась вниз с шестиметровой высоты, где волны пенились

и пузырились, как в котле, можно представить, какие впечатления рождала плотина у людей, подъехавших к ней. Тем не менее при некоторой осторожности и смелости машины можно было провести на западный берег. Генерал оценил обстановку мгновенно и подошел к колонне.

Навстречу ему выбежал майор в потертой шинели, перепоясанный ремнями.

– Кто такие?

– Истребительно-противотанковый дивизион противотанкового резерва.

– Что ж вы тут сгрудились? – спросил генерал. – Там пехоту немецкие танки уютжат, а у вас перекур?

– Опасно переправляться, – попытался объяснить майор. – Немцы вверху плотину взорвали. Водохранилище переполнено. Вода плотину перехлестывает с силой.

– Значит, здесь опасно, – сказал генерал язвительно. – А там, впереди, где танки пехоту мнут, там курорт. Курорт, я спрашиваю?! Немедленно начинайте переправу. Чья головная машина? Взвод управления? Вперед!

– Осипов, – хриплым голосом командовал майор, – заводи! Вперед!

Несколько мгновений спустя студебекер двинулся к плотине. Шофер вел машину осторожно, будто старался колесами нащупать дорогу. Вот они коснулись настила, вот выкатились на гребень. Вода зашумела сердито, и шум ее перекачивался вперед, по мере того как двигалась машина. Все сгрудились на берегу, с волнением смотрели на происходившее. Первую половину пути машина одолела успешно. Но на середине плотины, где поток, перекачивавшийся через гребень, был особенно напористым, случилось непоправимое.

Машина неожиданно качнулась и, потеряв колею, будто в замедленной киносъемке начала переворачиваться. Колеса бешено крутились в пустом пространстве. Открылось ржавое, заляпанное грязью весенних дорог днище. Потом всплеск и пузырь среди бурлящих струй. Все! Конец! С минуту стояла тишина, которую нарушал только отдаленный гул боя. Все смотрели на генерала. Тот сурово поджал губы, повернулся к майору:

– Командуйте! Вторая машина – вперед!

Майор рукавом вытер лоб и срывающимся голосом приказал:

– Вперед!

И опять поползла к плотине машина. Солдаты провожали ее взглядами, полными сожаления и недоверия.

– Эх, – махнул рукой один, – пропадет ни за грош! Разве ж такое переедешь?

На том же месте, что и первая машина, студебекер дернулся влево и с громким плеском упал в воду. Пенящаяся вода вышвырнула на поверхность

несколько пустых ящиков, какие-то поленья и мусор. Потом в водовороте закружилась стриженная голова водителя. Все облегченно вздохнули: хоть человек цел! Что бы вы, читатель, предприняли в такой ситуации?

Остановитесь на мгновение. Не читайте дальше. Представьте себя на месте генерала, примите за него решение. Проверьте, есть ли в вас командирская жилка, сможете ли вы поступить в сложной обстановке правильно и целесообразно? Итак, остановитесь. Решили?

– Вперед! – командовал генерал и вскочил на подножку третьей машины.

Он стоял, держась за дверцу, и спокойно, не повышая голоса, командовал:

– Ровней, ровней держи. Руль прямо. Ровнее!

Присутствие генерала, его спокойствие передалось водителю, и машина шла ровно, без рывков и вихляний. Там, где она проходила, вскипали буруны. Вода журчала сердито и громко. Тем не менее машина, тащившая за собой пушку, шла уверенно. Уже на середине плотины генерал, перекричав шум воды, отдал приказание:

– Офицерам на подножки! Всем – вперед!

Колонна двинулась.

Чем выше ступенька, на которой стоит командир, тем тяжелее груз ответственности, который ложится на его погоны. Тем чаще приходится вызывать огонь на себя.

Подводная лодка шла в глубине. Поход был длительным и трудным. На пределе внимание, силы, нервы. И вдруг чрезвычайное происшествие. Тревожным сигналом зажглось табло: «Пожар в контейнере ракеты». Пожар в доме, в современном городском железобетонном строении, где и гореть-то нечему, – бедствие страшное, с которым непросто бороться.

Пожар на корабле в открытом море – это всеокрушающая стихия, ужас которой неопишимо. Пожар на подлодке... Здесь не крикнешь в бездумном испуге: «Полундра! Спасайся кто может!» Здесь судьба каждого зависит от судьбы всех. А судьба всех – в руках командира. Представьте себя в условиях той тревожной, леденящей душу минуты. Что решить, что предпринять командиру? В его руках судьба корабля, судьба команды, да, между прочим, и нечто большее – ведь на борту лодки ракеты. Да, те самые, боевые. Итак, что решить?

Я задавал этот вопрос людям, имевшим руководящий (увы, не военный) опыт.

– Всплыть, снять команду, лодку затопить, – решительно предложил один.

– Запустить ракету в отдаленный район океана. Пожар потушить, – предложил другой.

Были и иные решения, не менее радикальные, но во всех случаях противоречившие главному. Во-

первых, лодка находилась в автономном плавании, и всплывать ей не полагалось. Во-вторых, ракета – это оружие. Оружие опасное и серьезное. А посему решать вопрос о его пуске не входит в компетенцию командира лодки. Ракета – это оружие флота. Оружие страны. Вот почему надежность мира в надежности командиров. Это офицерская аксиома. Это закон офицерской чести, верности, долга.

И капитан 1 ранга принял решение. Назвав фамилию одного из офицеров, он приказал:

– Войти в контейнер ракеты!

Потянулись минуты тревожного ожидания. Минутой позже офицер вернулся и доложил:

– Обнаружил неисправность сигнализации. Запали контакты реле пожарной сигнализации.

Улыбнулись? А на висках командиров после таких мгновений ложится как иней ранняя седина.

Быть стреляющим, вызывать огонь на себя – непростое дело.

Товарищи офицеры, прошу запомнить: есть три способа решения задач. Первый – правильный, второй – неверный, третий – армейский.

ЧЕРЕЗ МНОГИЕ ГОДЫ

Полковник Михаил Михайлович Зотов в годы войны в военной журналистике был фигурой заметной. А после войны он, фронтовой корреспондент «Красной звезды», стал заведовать мемуарной редакцией Военного издательства Министерства обороны. Свою карьеру в журналистике Зотов начал выстраивать абсолютно случайно.

Служил солдат срочной службы Михаил Зотов в Забайкалье в должности механика-водителя танка командира дивизии. Все шло нормально, пока дивизию не принял генерал Василий Иванович Чуйков, будущий герой Сталинграда. Познакомившись с экипажем своего танка, генерал счел, что Зотов не подходит к должности, которую он занимал.

– Уберите от меня эту интеллигентскую физиономию куда-нибудь подальше, – приказал генерал начальнику штаба.

Вспоминая те времена, Зотов говорил, что его обидел не сам перевод, а то, что Чуйков назвал его «интеллигентской физиономией».

«Она у меня, – говорил Михаил Михайлович, – была самая что ни есть крестьянская, что уж там в ней углядел крамольное, ума не приложу».

Только факт оставался фактом. Зотова перевели печатником в типографию дивизионной газеты. Роль печатника сводилась к тому, чтобы крутить ручку плоскочечной машины, которая звучно именовалась «американкой».

Отсюда, от типографского станка, и начал свой журналистский путь Михаил Михайлович. Поначалу

писал небольшие заметки, потом расписался и расширил диапазон поиска. Врожденные способности и трудолюбие помогли настойчивому парню стать корреспондентом центральной газеты, затем, как мы уже знаем, редактором издательства.

Время шло, и однажды к полковнику Зотову в издательство приехал с рукописью воспоминаний Маршал Советского Союза Чуйков.

– Вы меня, конечно, не помните, – сказал Зотов маршалу. – А я тот красноармеец, которого вы за «интеллигентскую физиономию» отчислили из экипажа своего танка.

Маршал нисколько не смутился:

– Разве я не угадал? Чего бы ты в танке сидел? А теперь посмотри каких высот достиг. Даже судьба моей книги теперь от тебя зависит.

Маршал, конечно, лукавил. Судьбу его книги решали куда более высокие чины, чем Зотов. Но Михаил Михайлович понимал, что Чуйков был прав в главном: его путь вверх начался после того, как он поменял танк на типографию.

РАПСОДИЯ ЛИСТА

Возвращались в Будапешт с дивизионных учений, которые проходили на хаймашкерских пустошах между городами Веспрем и Секешфехервар. На озере Веленце, этаким маленьком Балатоне неподалеку от венгерской столицы, у летнего кафе сделали остановку. Загнали машину на стоянку и прошли в светлый павильон.

Здесь было тихо и пусто. Основная часть посетителей озера занимала места под пестрыми зонтиками на берегу.

С нами, журналистами, ехал начальник оркестровой службы Южной группы войск подполковник Пинчук. Прекрасный музыкант и дирижер, он окончил консерваторию, хотя внешний вид его об этом ничем не свидетельствовал: все мы были в пропыленной полевой форме, хранившей на спинах и под мышками следы соли.

На небольшой эстраде стоял закрытый концертный рояль. Мы заказали пиво, а когда к столу подошел мэтр – крупный краснощекий венгр со зверскими, лихо закрученными вверх усами, Пинчук спросил у него разрешения сесть за рояль. Небольшая эстрада в популярном кафе на берегу курортного озера, несомненно, видела немало знаменитостей, и не для советских пропыленных офицеров предназначался дорогой рояль. Поэтому просьба Пинчука у хозяина восторга не вызвала. Однако традиционная венгерская вежливость, удвариашшаг, не позволила отказать гостю в просьбе. По физиономии хозяина было видно, что такая уступка удовольствия ему не доставила, и скрывать это он не собирался.

Пинчук прошел к роялю, открыл крышку. Легко прошелся по клавишам, проверяя настройку. Потом вдруг вскинул руки и бросил их вниз. Та-та-тата-там! – грянул рояль во всю свою концертную мощь.

Пинчук играл одну из венгерских рапсодий Листа. Играл вдохновенно, красиво. Даже у нас пробежали мурашки по спинам. Обалдевший мэтр стоял у нашего стола и изумленно тарачил глаза. Уже через несколько минут, оставив места под зонтиками, в павильон стала стекаться публика. Мужчины в плавках, дамы в бикини. Кто подошел первым, успел попасть в зал, остальным пришлось толпиться у входа – вместить всех павильончик не мог.

А на эстраде сидел советский офицер, серый армеец в затянутой поясом гимнастике, с портупеей, пропущенной под выцветший полевой погон, и рояль под его пальцами гремел, заполняя пространство звуками, столь близкими венгерской душе. Когда Пинчук кончил, аплодисменты раздались дружные и абсолютно искренние. Звучали возгласы одобрения. Кто-то крикнул «браво!». Кто-то потребовал «бис!».

НЕОЖИДАННОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

С заданием дать информацию о заседании коллегии Министерства обороны я приехал в здание Министерства к назначенному сроку. В зале, где военачальники коллегиально вершили судьбы армии и флота, уже собрались все приглашенные. Середину зала занимал длинный стол, но генералы и адмиралы, не занимая своих мест за ним, выстроились в одну шеренгу вдоль стены. Так, чтобы быть лицом к министру обороны, когда он войдет в дверь.

Я встал в этот строй на левом фланге рядом с генерал-полковником Михаилом Харитоновичем Калашником, который замещал отсутствовавшего начальника ГлавПУра Епишева.

Гречко вошел в сопровождении порученца, торжественно несшего за маршалом министерскую папку с документами. Оглядев выстроившихся в шеренгу членов коллегии, Гречко подошел к начальнику Генерального штаба, стоявшему первым на правом фланге. Пожал ему руку, справился о самочувствии, о здоровье жены. Затем, переходя от одного генерала к другому, он пожимал руки, обменивался со всеми парой-другой ничего не значащих фраз.

– Что у тебя с книгой? – спросил он Калашника.
– Вышла?
– Уже печатают.
– Буду ждать.

Следующим был я – подполковник, затесавшийся в шеренгу генералов. Гречко потянул руку. Ладонь у него была узкая, твердая. Но ему требо-

валось произнести какие-то слова, чтобы не ломать ритуала.

Маршал посмотрел мне в глаза и сказал:
– Поздравляю с праздником!

В таких случаях по уставу поздравляемым положено в ответ кричать «ура!». Однако я представил, как воспримут такой крик члены коллегии, и потому только смиренно сказал:

– Благодарю вас.

Когда министр отошел, заинтригованный нашим разговором Калашник спросил:

– С каким праздником он тебя поздравил?

Поскольку никаких праздников на два месяца вперед не предвиделось, ставить Гречко в неловкое положение мне не захотелось.

– Это личное, – сказал я скромно.

– Тогда прими и мои поздравления, – Калашник с чувством пожал мне руку.

САТИНОВЫЕ ТРУСЫ

В поездке в Латинскую Америку Юрия Гагарина от «Красной звезды» сопровождал начальник отдела авиации полковник Федор Лушников. В Бразилии, в Рио-де-Жанейро, первого космонавта мира повезли на знаменитый пляж. За ним туда же двинулась и толпа журналистов, представлявших весь читающий мир. Естественно, поехал туда и Лушников.

Коли был пляж, то было и купанье. Плескался в волнах Атлантики Гагарин. Бросились в воду сопровождавшие его лица. Воспылал желанием омыть океанской водой свое тело и наш Лушников.

Он быстро разделся и еще не успел броситься в воду, как на пляже поднялся переполох. Оставив в покое купавшегося Гагарина, вся газетная братия, вооруженная фотокамерами, толкая друг друга, бросилась к Лушникову.

Первым понял в чем дело военный атташе посольства СССР в Бразилии. В те времена уже весь мир купался в плавках, плотно облегающих бедра и рельефы мужского достоинства, а Лушников направился к воде в широченных черных сатиновых, семейных, трусах, сшитых в счет перевыполнения квартального плана какой-то московской инвалидной артелью.

Атташе понял, какие снимки завтра же украсят первые полосы местных газет. Он коршуном кинулся на Лушникову и силой запахал его в машину. Конечно, подobaющие плавки нашлись. Конечно, Лушников в Атлантике искупался. Но из Бразилии он вывез не проходящее возмущение:

– Ну буржуазия! Ну паразиты! Будто никогда не видели сатиновых трусов. А они у меня были новые. Специально надел!

ЦЕЛУЙ – Я «ПРАВДА»!

Редактор военного отдела газеты «Правда» Николай Николаевич Денисов был хорошо упитан и как две капли воды походил на Уинстона Черчилля, переодетого в форму полковника Советской Армии. Впрочем, черт его знает, может, это Черчилль походил на Денисова, одетого в строгий английский костюм, – теперь об этом можно узнать только в небесной канцелярии. Мне всегда казалось, что, зная о своем сходстве с великим политиком, Николай Николаевич кокетливо подчеркивал эту похожесть легкими штрихами своего поведения.

Например, он любил подыграть толстой сигарой, держа ее в уголке полных губ. Однако своим положением правдиста Денисов гордился куда больше, нежели сходством с английским премьером. При подготовке к съемкам какого-то исторического фильма о войне студия «Мосфильм» предложила Николаю Николаевичу сыграть роль сэра Уинстона. Денисов от такого предложения буквально взорвался и ответил отказом. Потом с возмущением объяснял знакомым:

– Надо же так облагаться! Мне, большевику, ответственному работнику центрального партийного органа, предложить играть роль человека, который объявил нашей Родине холодную войну.

Однако и после этого Денисов оставался похожим на Черчилля и продолжал курить сигару. Ролью ответственного работника центрального партийного органа Николай Николаевич страшно гордился и в обществе журналистов всегда старался подчеркнуть свое особое положение.

Когда после полета в космос встречали Юрия Гагарина, пишущая братия старалась прикоснуться к космонавту, обнять его и только потом назвать орган, который они представляли. А вот Денисов подошел к герою торжества, осмотрел его, тронул пальцем свою мясистую щеку и торжественно сказал:

– Целуй ты меня. Я – «Правда»!

ФЕРМАТА

На Красной площади в Москве шел военный парад. Мимо Мавзолея в темпе атакующих древнеримских фаланг шли коробки военных академий. Гремел сводный оркестр. На специальном возвышении стоял генерал Петров, дирижер, мановениям палочки которого подчинялись все трубы – большие и малые, все литавры и барабаны. «Бум-туп, бум-туп!» – перед вождями сверхдержавы торжественным маршем проходил цвет несокрушимой и легендарной, ракетно-ядерной, воздушно-космической армии.

Корреспондент «Красной звезды» капитан Валерий Суходольский, невысокий, подвижный военный

интеллигент в очках, ловко пробравшись в самый центр событий, искал точку, с которой можно было бы отщелкать парад в самом неожиданном ракурсе. И вдруг он обнаружил, что на пьедестале, на котором как памятник маршевой музыке возвышался и махал руками дирижер-генерал, есть свободное местечко. Если ухитриться и залезть на помост да встать за спиной дирижера, не вылезая слишком вперед, чтобы его не заметили с трибуны Мавзолея, то можно сделать снимочки, которые потом с руками отхватит любое издание.

Валерий осторожно, лавируя между музыкантами и пригибаясь, стал просачиваться к намеченному месту. Это ему удалось. Поправив очки, он заполз на постамент, встал сзади за правым плечом генерала и поднес фотоаппарат к глазам. И в это время генерал-музыкант, не заметивший постороннего присутствия за спиной, обозначил фермату. Фермата, как объясняет энциклопедический словарь нам, не посвященным в тайны большой музыки, это остановка темпа, как правило, в конце музыкального произведения или между его разделами. Выражается она увеличением звука или паузы в полтора-два раза. В нотах фермата обозначается специальными знаками, а дирижер оркестра показывает ее, распахивая руки во весь размах.

Генерал так и сделал. Мужчина видный, по габаритам солидный, распахнул руки с силой, будто собирался взлететь. Удар правой руки пришелся прямо по аппарату Суходольского, который он держал у глаз. Устоять на ногах Валерию не удалось. Он тоже взмахнул руками, обозначив свою небольшую фермату, и полетел спиной вниз на брусчатку Красной площади. Фотоаппарат брякнулся о камни, внеся в звуки оркестра новую ноту. Очки, без которых Валерий превращался в полуслепоего, отлетели в сторону.

Превозмогая боль в спине, которой довелось убедиться в жесткости камней главной площади державы, он ползал по брусчатке и старался нашарить руками свои окуляры. Первый ряд оркестрантов, видевший всю картину от начала до конца, давился от смеха. Генерал, не понимавший, что рассмешило музыкантов, делал суровое лицо.

Подобрав с брусчатки очки с разбитым стеклом, Суходольский почти по-пластунски уполз с поля, которое так и не стало полем его победы. На другой день, встретив меня в редакции, он спросил:

– Ты знаешь, что такое фермата? Нет? А это жест, которым генерал барабанных войск имеет официальное право врезать по очкам армейскому капитану.

НА ГРАНИ ЖИЗНЕННЫХ ЗАБОТ

К нам в журнал пришло письмо от дочери ветерана. Вроде бы и письмо обычное, и ветеран – один из многих... Но сколько у нас таких «обычных» героев, делавших свое дело добросовестно, честно! Сколько их воевало, а затем трудилось на благо нашей общей Родины – России! Они не ждали наград и почестей, они стремились сделать послевоенную жизнь страны

лучше, подарив нам самую главную ценность – жизнь, возможность существовать в России, в СССР, не утрачивая нашу самобытность, историю, не посрамив славу великих людей, сражавшихся за Родину – Пожарского, Александра Невского, Суворова, Кутузова...

Мы решили привести письмо Маргариты Борисовны Нестеренко целиком.

Мой отец Борис Васильевич Восторгов родился в 1911 году в селе Пинчуга Богучанского района Красноярского края. С тринадцати лет началась его трудовая деятельность учеником счетовода. В дальнейшем учился на разных курсах, работал бухгалтером, старшим бухгалтером, главным бухгалтером, бухгалтером-ревизором.

С 1941 по 1945 гг. – участник Великой Отечественной войны, которую закончил в звании лейтенанта – командира взвода связи. Хотя имел бронь, но ушел добровольцем.

Во время войны был дважды ранен. На фронте вступил в ряды КПСС, награжден орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией» и другими.

В 1948 году вместе с семьей приехал на Сахалин и с этого времени проживал и работал в Сахалинской области до конца своей жизни (в августе 1984 года он скончался от инфаркта).

Дважды был избран народным заседателем, исполнял обязанности народного судьи.

По роду своей работы боролся с хищениями социалистической собственности, приписками, халатностью, выступал на партсобраниях, а также на страницах районных областных газет, где предлагал пути устранения недостатков.

У папы с мамой было пять детей, все выросли достойными людьми, при жизни папы у него было четыре внука и три внучки, в

настоящее время у него уже девять правнуков и один праправнук.

Папа хотел, чтобы молодежь училась, затем успешно работала. Занимая активную жизненную позицию, папа писал стихи о войне, о Родине, о жизни, о патриотизме. Эти стихи честные, как и те люди, что защищали нас и страну в той страшной войне.

Я старшая дочь Бориса Васильевича Восторгова – Маргарита Борисовна Нестеренко (фамилию сменила в браке), мне уже восемьдесят два года, инвалид второй группы по зрению. Я не хочу, чтобы пропали его стихи. Они имеют большое воспитательное значение для молодого подрастающего поколения.

Тетрадь со стихами папы я передала в Музей Победы города Южно-Сахалинска, но у меня еще остались его стихи, и, чтобы они не лежали в запасниках, а работали на благо, напечатайте, пожалуйста, их.

Папа своим примером в работе, поведением в быту, отношением к жене и детям, а затем и к внукам воспитывал нас и наших детей. У нас в доме никогда не было пьянок, сквернословия. Он являлся образцом хорошего семьянина и примерного работника, был очень скромным. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Фронтовики, жалея нас, детей, не рассказывали об ужасах войны, но однажды папа рассказал, как в

теплушках в начале 1942 года они ехали на фронт, а навстречу им шли эшелоны раненых – без рук, без ног, в бинтах, в обтрепанном обмундировании, и эти бойцы, видя здоровых, крепких сибиряков-уральцев в новом обмундировании, были поражены, что есть еще сила у страны, многие плакали и просили отомстить за них.

Первый раз папа был ранен при форсировании Днепра в октябре 1943 года на Украине.

Второй раз он получил тяжелое ранение в голову в феврале 1945 года в Германии при взятии города Глогау. После Победы эти земли перешли к Польше, и город стал называться по-польски Глогув.

В настоящее время властям Украины, Польши, США не терпится перевернуть итоги Второй мировой войны, они сносят памятники воинам-освободителям, клеветают на нашу страну, будто много украинцев погибло на войне, но папа – сибиряк, русский, с начала войны был приписан к 1-му Украинскому фронту, который формировался в городе Красноярске, и так и шел до конца войны, освобождая Украину, Польшу и Германию. Из сибиряков состоял 1-й Украинский фронт.

Тогда был Советский Союз, и все народы союзных республик участвовали в войне. Смотрю передачи по ТВ «Время покажет», «60 минут» и другие, и моему возмущению нет предела, так как я помню голод и холод... А выборы Президента Рос-

сии! Сколько клеветы обрушилось на нашу страну! Хорошо, что наш народ поумнел за последние годы и выразил свое отношение, выбрав достойного человека, которому доверяет полностью. Молюсь за здоровье В.В. Путина.

Пока живы еще участники и дети войны, мы не дадим стереть память о наших дедах, братьях и отцах – участниках войны.

Из Музея Победы города Москвы мне сообщили, что издать папины стихи может ваш журнал, поэтому обращаюсь к вам с просьбой: поместить стихи Бориса Васильевича Восторгова в ваш журнал – пускай читают сегодняшние воины, молодежь. Это его подлинные стихи, он сам писал, пока был жив, вечерами, а иногда и ночами, так как работал до самого последнего дня.

P.S. В День Победы, 9 Мая, папин портрет в колонне «Бессмертного полка» несут его дети, внуки и правнуки в Южно-Сахалинске, Санкт-Петербурге, Воронеже, в городе Усмань Липецкой области.

С уважением Нестеренко.

Стихи Бориса ВОСТОРГОВА мы публикуем в память о ветеране.

ХУТОР

Да, нам далась победа нелегко
Да, враг был храбр. Тем больше
Наша слава!

К. Симонов

Когда я слышу эпизоды
Событий тех военных лет,
Где без победы, как без моды,
Да и убитых вроде нет,

Мне вспоминается тот хутор,
Клочок украинской земли,
Где мы, застыв от злобы лютой,
Пошевелиться не могли.

Тогда как все к Днепру спешили,
Мечтали, думали о нем,
Два пулемета нас крестили
Кинжальным, бреющим огнем.

Мы, пути страха разрывая,
В атаку кинулись туда,
Откуда смерть летела злая,
Как рой осиный из гнезда.

Два пулемета, два расчета:
Всего-то восемь человек,
Под их огнем ряды пехоты
Редели, продолжая бег...

Атака, весь ты в напряжении
И без вина как будто пьян,
Ум контролирует движенья,
Глаз видит кочку и бурьян.

Но, находясь в хмельном экстазе,
На грани жизненных забот,
Ты твердо помнишь о приказе
И через смерть бежишь вперед.

Чтобы прорвалась злоба нервов,
Орешь «ура!», ощерив рот,
И норовишь одним из первых
Убить проклятый пулемет.

И как подстреленные птицы
На землю падая ничком,
Мелькнут ребят знакомых лица,
Вмиг отраженные зрачком...

...Тот хуторок мы взяли все же,
Но боже мой, какой ценой!
О ней не вспоминать негоже,
Знакома молодых с войной.

Не подчиняясь общей моде
Хвалить своих, бранить чужих,
Хотел я в этом эпизоде
Подчеркнуть один лишь штрих.

Не миновать нам поражений,
Просчетов разных, неудач,
Когда мы без рассуждений
Коня удач пускаем вскачь,

В лоб, без хитрости военной,
Спеша занять деревню, дом
Иль хуторок обыкновенный...
Когда людей не бережем.

ОТВЕТ САХАЛИНЦА

Получил от вас недавно
Я встревоженный запрос.
Рад, что вы живете славно,
Мы похуже, но без SOS.
О стихии? Право слово,
Зря волнуетесь за нас –
Ни без хлеба, ни без крова
Не остались ни на час.

Нынче год не из приятных:
Трудно было нам сносить
Муть осадков пятикратных,
Жуть циклонов пережить.
Там у вас, на Украине,
Дней погожих красота,
А у нас на Сахалине
Штормы, слякоть – маета.
До середины красна лета
Отопляем мы свой кров,
Нашу ругань без ответа
Бросил в урну Саваоф.
Почва вымокла, как губка,
От дождей и мокроты,
И растет медвежья дудка
По три метра высоты.
Скакуны высот воздушных –
Ветер северных широт
И тайфун течений южных –
Мчатся навстречь: кто свернет?
Не свернули – шибились лбами,
Искры брызнули из глаз,
Заливаются слезами
Шалуны после проказ...
Ну во-первых, жить здесь можно
Без поклонов и родных,
А у вас все очень сложно:
Без знакомства и не шкни!
Слышно, вроде у вас в моде
и «подмазка» и «калым»,
мы ж о случае-уроде
с возмущеньем говорим.
«Крокодил» писал заметку,
как у вас иль рядом там
запасную желдорветку
растасили по дворам.
Остров наш, конечно, крошка
Супротив материка,
Но цела лежит картошка,
Не исчезнет ни мешка.
Экономно жить – привычка.
Нет ее у нас совсем.
Без привычки будет стычка,
Неприятно будет всем.
Есть еще одна причина:
Нам по нраву Сахалин,
И его беда – кручина,
Наша боль номер один.
Но теперь полегче станет:
Помогает вся страна,
Беда камнем в Лету канет,
Будет там погребена.
Уже поздно. Ставлю точку.
Слышен бой часов в Кремле.
Нас не сдвинуть: мы, как кочки,
Приросли к сырой земле.

СВОЙ ЧЕЛОВЕК НА ФЛОТЕ

Любовь человека к морю имеет огромную историю. Тысячи лет оно не раз становилось вдохновением и отправной точкой для создания самых знаменитых шедевров, которые до сих пор вызывают восхищение у зрителя. Как нашу Родину невозможно представить без ее рек и морей, так и русское искусство было бы неполным без потрясающих произведений художников-маринистов.

Олег Васильевич Ездаков, один из ведущих художников Студии имени М.Б. Грекова, является мастером морского пейзажа. Марина (от лат. *marinus* – морской) – довольно сложный жанр в изобразительном искусстве. Овладеть им – означает победить в борьбе с морской стихией, укротить ее. Олег Ездаков научился превосходно чувствовать море во всех его состояниях, отражая их на своих полотнах.

Все мы родом из детства. Потомственный маринист – звание неофициальное, но весьма ответственное. Первыми учителями Олега Ездакова стали его родители: мать Кира Ивановна и отец Василий Ездаков – художники морской тематики. Они явились настоящими проводниками в непростой мир живописи, знакомя своего сына не только с теорией искусства, но и с практической ее частью. Еще ребенком Олег Ездаков ездил со своими родителями на этюды и в экспедиции на море, которое было основным источником их вдохновения. И эту любовь к морской стихии они передали Олегу еще в детстве, что определило его дальнейшую судьбу как художника-мариниста.

Олега Ездакова увлекает возможность изобразить на холсте морские сражения и подвиги моряков, рассказывая нам о знаменательных событиях в истории Российского флота. Море, как образ свободы и мощи, очень гармонично становится фоновым сопровождением в картинах художника, изображающих батальные сцены и будни современного флота.

На протяжении почти сорока лет Олег Ездаков ежегодно совершает творческие командировки на различные военные объекты и принимает участие в учениях. Такие поездки – самый богатый материал для военного художника.

В 2013 году Олег Ездаков в составе группы художников был командирован в Калининград в рамках проведения российско-белорусских стратегических учений «Запад-2013». Оттуда он вернулся с серией пленэрных работ, представляющих портреты офицеров и рядовых, изображения боевой техники и войсковых операций. Эта серия работ занимала центральное место в выставках, проводимых Студией имени М.Б. Грекова.

Работа в Студии обязывает знать не только былые страницы истории государства, но и следить за акту-

• **Олег Ездаков.**

альными. События весны 2014 года не оставили равнодушным, кажется, ни одного человека в нашей стране, не говоря уже о тех патриотах, которые ей служат. 18 марта 2014 года подписан договор о воссоединении Крыма с Россией. И уже через несколько дней с трапа самолета на крымскую землю спускается группа художников-грековцев. Среди них и Олег Ездаков – один из первых, кто вызвался отправиться в срочную командировку на полуостров.

Это была необычайно чудесная весна, непохожая на какую-либо прежде. В воздухе над всем полуостровом будто повисло облако ожидания и надежды на новое будущее. Художник ныряет в эту волну всеобщего воодушевления и видит Крым другим: трепетным людскими надеждами и в то же время могучим своими военными амбициями. Студийцы каждый год посещают полуостров в рамках различных проектов Министерства обороны, но та поездка была особенной. Крымскую весну 2014 года мы можем увидеть и сегодня, спустя пять лет, в живых этюдах Олега Ездакова, привезенных оттуда, и в масштабных полотнах, созданных по их мотивам.

Удивительно, что в своем творчестве потомственный маринист вдруг выбирает не просто морской пейзаж, а углубляется в изучение и работу в батальном жанре. Историческая правдивость изображений на холсте, четкое понимание тактики сражения, точное изображение техники и морских судов – всеми этими навыками обладает художник Олег Ездаков, который еще в институте начал интересоваться военно-патриотической темой в живописи.

«Напор, отвага, смелость!» – лозунг на полигоне Опук, где Олег Ездаков побывал в рамках учений «Кавказ-2016». На учениях художник как документалист собирал материал о происходящем, перенося действие на холст. Динамичность сюжета: будь то маневр военного судна или морской прибор – художник ловит эти мгновения и замирает в них. Олегу Ездакову есть о чем рассказать, что он, не откладывая, и делает, привозя из каждой поездки серию многочисленных этюдов. Чистый и насыщенный колорит на небольшом формате пленэрных работ, своеобразные пейзажные «натюрморты» с композициями из флагов на фоне неба, спасательного круга на берегу – все это за секунду погружает нас в зной тех мест и позволяет стать наблюдателем тех событий.

Единожды увидев море, нельзя знать все его состояния и цвета, поэтому путешествующий художник не может не развиваться в своем творчестве. Каждая поездка дарит художнику что-то новое в понимании морской стихии. И на холстах у Олега Ездакова появляется новое море, новый прибор. Удивительная тонкость цветовых переходов, с помощью которых написана вода и воздушное пространство, делают работы О.В. Ездакова реалистичными и выразительными.

Венцом боевой подготовки называют командно-штабные стратегические учения. Именно на них показательны слаженность действий всех участников операции. В 2018 году Олег Ездаков побывал на полигоне Радыгино в г. Петропавловск-Камчатский в рамках учений «Восток-2018». Такие поездки вдохновляют Олега Васильевича, давая ему возможность узнать «механизм» изнутри и стать частью команды, разделив с нею все сложности походной жизни. Именно поэтому произведения О.В. Ездакова привлекают зрителя своей достоверностью и реалистичностью. Художник словно мелкими стежками вышивает на своем холсте каждую деталь в изображении кораблей и флагов, оружия и костюмов офицеров и моряков.

Для Олега Ездакова человек и море – это часть природы, поэтому они неотделимы друг от друга. Художник как психолог изучает характеры и судьбы тех, кого объединяет одна цель – служение своему Отечеству. Олег Васильевич принимал участие в создании не одной портретной галереи полководцев и видных военачальников. Но любопытнее всего современные портреты моряков, принадлежащие его кисти. Из каждой командировки Олег Ездаков привозит портретные зарисовки участников учений – моряков и офицеров. Впоследствии художник, вдохновленный новыми знакомствами, создает собирательный образ военного моряка, который использует в своих тематических картинах.

Работа над исторической картиной очень важна для грековца Ездакова. Ежегодно Олег Васильевич создает несколько масштабных полотен в рамках годового плана Студии имени М.Б. Грекова. Здесь нельзя ограничиваться сухим и схематичным изображением битвы. Зритель не поверит. Музыка боя должна литься с холста, захлестывая нас в динамичный или размеренный ритм сюжета. И произведения Олега Ездакова служат примером батальной картины, которая эмоционально заряжает зрителя своим настроением.

В 2018 году Олег Ездаков создал несколько масштабных полотен, посвященных подвигу феодосийского

● **Во время службы в армии.**

и евпаторийского десантов. Проводились эти операции синхронно, целью было быстрое освобождение Крыма от противника зимой 1941–1942 годов. Но события в Крыму развивались трагично. Художник крупным планом показывает нам героев. «В бой!» – мы словно слышим их голоса. Брызги соленой воды, вспышки огня, движение фигур десантников, их напряженные лица и устремленные вперед взгляды, вперед на врага. Олег Ездаков в своих картинах настолько превосходно продумывает композицию на холсте, что никогда не остается ни единого вопроса ни к сюжету, ни к героям тех историй.

Еще одна картина Олега Ездакова, созданная им в 2018 году, посвящена Таллинскому переходу – одной из сложнейших военно-морских операций. Художник показывает нам эпизод гибели эсминца «Яков Свердлов». В то время считалось, что корабль погиб от мины. И лишь спустя год после тех событий благодаря рапорту командира «Якова Свердлова» и показаниям свидетелей стало известно, что эсминец принял на себя торпеду, которая предназначалась крейсеру «Киров». Мы видим документально представленное изображение события: корабли в облаке черного дыма и пара, тонущий эсминец перед ними. Но Олег Ездаков выносит на передний план пейзаж моря, которое создает вибрацию на полотне, достигаемую за счет подрагивающих переливающихся мазков.

В июле 2018 года, завершив работу над полотном, Олег Ездаков узнает, что на дне Балтийского моря найден тот самый эскадренный миноносец, который считался быстрейшим кораблем в мире. Такие символические совпадения не что иное, как важные знаки свыше: нужно продолжать делать все возможное во имя сохранения памяти о наших героях.

В настоящее время быть летописцем нашей истории – выбор самых отважных и тех, кто готов посвятить этому все свои мысли, силы и время. Большая удача для нас, что среди творческих людей, среди художников есть такие смелые люди. Сегодня художника Олега Ездакова по праву можно назвать летописцем морской истории нашей державы.

Любовь ПРОШИНА

Михаил
Федоров

повесть

Дело пэпээсников

Коллаж Ольги МАЗУРИНОЙ

Михаил Иванович ФЕДОРОВ родился 15 декабря 1953 года в Вологде в семье офицера. С семьей жил в военных гарнизонах на Вологодчине, в Череповце, в Грузии, на Псковщине, на Урале, под Оренбургом, в Казахстане. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Член Союза писателей России. По профессии адвокат.

В журнале «Воин России» опубликованы романы Михаила Федорова «Ментовка», «Ольга Алмазова», главы из романа «Человек Чернозема», повести «Юность Крамского», «Дело поверенных», хроникально-документальный очерк «Абхазский дневник» и другие произведения.

Не всякое дело так глубоко западало в душу Фебина, как это, а попав, кровоточило, ныло и не освобождало от мук. Оно ворвалось в его жизнь неожиданно, врезалось, как нож, в самое сердце: он защищал коллегу по милицейской службе, не какого-нибудь большого чина, а всего лишь старшину. Из роты, где когда-то служил сам.

Ему часто приходилось иметь дело с оборотнями в погонах, и тогда он был неумолим. А когда из старшины сделали оборотня, стал неумолим к обвинителям.

Адвокат верил, что ему улыбнется удача.

Ведь мог же проникнуть луч в крошечную тьму. Ведь мог появиться глоток свежего воздуха в самой душной комнате...

1

– Сдал – не сдал... – Федин ходил по ярко освещенной лампами комнате, чувствуя участвовавший, с переборами пульс.

Только что позвонила жена клиента.

– Что же это получается? – взрывался её голос. – Лебедь сказал, что мой Сёма всех сдал! Ему об этом следователь выдала. Разве она могла такое говорить?

Федин сначала не знал что ответить, но нашёлся:

– А что? Разве не так? Мы думали сказать правду...

Он подразумевал себя и мужа звонившей.

– Всё рассказал! Что патроны были у Лебеда. Он их доставал из барсетки. А Сёма к ним никакого отношения не имеет...

«Ну да», – подумал про себя Федин.

– Сёма же всех сдал! – криком кричала жена. – Лебедь сейчас из-за угла нас постреляет!

На что Федин чуть не рассмеялся: даже тогда, когда он вел дела куда страшнее, никто ни в кого не стрелял.

Успокоил:

– Хотите, жалобу на следачку напишите, что языком чешет. Но Лебедю она может сказать, что сообщил Сёма. Ведь патроны вешают вашему мужу. А зачем патроны нам, ведь их вытаскивал Лебедь.

И глухо добавил:

– Из-за Лебеда вся каша. Он наворочал.

Это подействовало отрезвляюще. Но всё равно, когда Федин отключил сотовый, сердце продолжало колотиться.

Комнату заливало светом, подсвечивая в смоляном квартале города квартиру в пятиэтажке, где жил адвокат Федин.

Дело, в которое он попал, касалось постовых милиционеров: старшины Сёмы, сержанта Тетеря, которые дежурили на городском автовокзале, и к ним в дежурку Лебедь приволок дохляка. Мало похожее на человека существо направо и налево поливало матом. Лебедь высыпал на стол патроны, приказал милиционерам:

– Оформляйте!

Хотел воспользоваться своим положением прапорщика.

Сёма сразу увидел, что здесь не все чисто, и послал прапорщика подальше:

– Сам оформляй!

А более молодому Тетерю смелости не хватило: ведь Лебедь – командир. Достанет потом.

Тетерь взял лист и написал рапорт, что вместе с Сёмой на автовокзале задержали дохляка, при досмотре нашли патроны, и дохляк схлопотал за хранение боеприпасов срок.

Почему Лебедь сам не оформил дохляка, оставалось загадкой. Может, боялся засветиться, понимая, что занимается плохим делом, а может, обленился, имея за спиной десять лет службы в ментовке: пусть пашут другие.

Банальная история: сколько таких вот дохляков сидит за подкинутые им патроны, наркотики.

На этот раз не прошло: на потолке дежурки скрытно установили камеру, и она записывала. Вот и началась бодяга: как это так, патроны высыпал Лебедь, а дохляка оформляли постовые?

Колесо завертелось.

Потащили постовых: возбудили уголовное дело, расследование повела недавняя студентка.

Лебедь опекал следователя. По первому её зову отправлял к ней милиционеров, при нём она допрашивала их, а те, видя рядом Лебедею, не могли против него сказать и слово. Не могли до той поры, пока не поняли, что одной ногой стоят за решёткой.

Тут-то Сёма и рассказал, как все было.

Потянули Лебедею. И тот пустил слух: Сёма, подлец, всех сдал.

«Хорошо, что Сёма на сессии, – Федин вспомнил, что старшина учится в Институте МВД. – А то заключут свои же. Пусть страсти улягутся, а там что-нибудь придумаем».

Федин опустил на диван, пошарил рукой, словно желая закурить, но ничего не нашел. Потянулся к выключателю, щелкнул.

Оказавшись в темноте, предался воспоминаниям. Новое дело оказалось близким. Сёма служил в роте, в которой двадцать лет назад замполитом работал он. Тогда молодой безусый лейтенант с избытком наглотался впечатлений от жизни милиционеров, которые могли потерять пистолет, в дежурство укатить в соседнюю область по девочкам, поколотить и обобрать. Но дел с патронами не припоминал.

Ещё не было Чечни, откуда по всей стране развезли горы оружия и боеприпасов. Милицию ещё так не растлило. Теперь не считалось необычным подкинуть в портфель пакетик с гашишем и получить премию, сунуть горсть патронов в карман и «раскрыть» преступление! Сказывалась извечная палочная система, которая укоренилась в милиции, когда спрашивали не конкретную работу, а показатели, независимо от того, реальные они или дутые. Всплеск своеволия подхлестнула хлынувшая в органы внутренних дел распущенная молодежь.

Двадцать лет назад вряд ли кто осмелился бы произнести: «Чё шлангуешь? Оформляй!» – «За что?» – «Какая разница?!» – «Но этого не было!» – «Болван!» – «Но ведь это человек!» – «Тьфу, ценность какая!» – «А если тебе так?» – «Хватит лясы точить!..»

Бывший заместитель командира роты представлял, как заставлял прапорщик постовых.

Становилось страшно: нравы в милиции опустились дальше некуда.

У Федина опять часто застучало в груди. Он встал, подошёл к окну. В темноте виднелся круг трамвайного кольца с вытянутыми, как у гусей, носатыми столбами.

Фонари освещали рассыпанную на земле листву.

Федин вспомнил, как часто наблюдал однообразную картину на кольце.

На кольцо к маршруткам, «пазикам» и «газелям», подъезжали патрульные машины ДПС, из которых выходили милиционеры в куртках с блестящими полосами на рукавах и брюках и обходили микроавтобусы. Федин сначала думал, что гаишники ведут профилактическую работу с водителями, говорят о том, чтобы не нарушали правил дорожного движения, а оказалось – по секрету поведал один шофёр – гаишники составляли на них протоколы за мелкие нарушения, которые те не совершали: за превышение скорости, за остановку в неполюженном месте. Водителям ничего не оставалось как подписывать бумаги, иначе не отвяжутся. Вот они, результативные гаишники!

Из темноты на него смотрели чёрные пласты неба, что-то невидимое и огромное залило округу, в которой одиноко светилась конечная станция с микроавтобусами.

Безобразничал ли так Сёма, Федин не знал. Но, видя его добродушное лицо, мягкий нрав, неподдельное возмущение Лебедею, думал об обратном.

– Душно, – Федин облизнул потрескавшиеся губы и распахнул форточку.

2

Утром Федин приехал в районный следственный отдел, который занимал первый этаж высоченной кирпичной многоэтажки. В начале игравшего лаковыми стенками коридора нашел кабинет. Зайдя, с интересом оглядел рыжую молодку в водолазке и узкой юбке. Она сидела за столом у окна и покручивалась в кресле.

– Я адвокат старшины Самохина.

– А зачем старшине адвокат? – с удивлением посмотрела на стоявшего на пороге дядю.

– Как зачем, у вас же на него дело...
– Ну и что?.. – оценила потрепанный портфель в руке адвоката.

– Я его защитник. Мне нужно постановление о возбуждении уголовного дела.

– А это ещё с какой стати?

– Как с какой?!

Рыжая вздернула своей прилизанной головкой:

– Он сам всё знает.

– Что знает? – адвокат на мгновение потерял дар речи. – Ни у него, ни у меня никаких постановлений нет. – В голове пронеслось: «Хочет упечь втёмную». – Вы что? Сегодня не тридцать седьмой год!

– Ну у вас и намеки! Я послала по почте. Получите.

Федин вышел из отдела обескураженным: следователь самого крутого следственного учреждения гнала околесицу.

«Ну и идиотка! «Он сам все знает». А как Сёма может знать, что она написала в постановлении? Мрак!»

В который раз удивился печальной особенностью современности, когда серьезные дела доверяли вчерашним студентам.

Федин рассказал об ответе следователя Сёме.

– Надо же, – засмеялся тот, – откуда я могу знать, что она там наказывала...

– Что ж, надо ждать, пока почтальон принесет.

Сёма ждал.

Звонил:

– Пока не пришло...

– Еще подождем...

Федину не хотелось конфликтовать со следователем.

Наконец Самохин нашел на дне почтового ящика письмо:

– Получил!

– Привози.

– Сейчас?

– Конечно. Ведь сроки пошли.

– Какие сроки?

– Обжалования. Десять дней со дня получения.

Сёма сел в «девятку» и погнал к адвокату.

Одной рукой вытирал то ли пот, то ли капли дождя с лица, другой протянул адвокату:

– Смотрите! Если сравнить даты, выходит, от правила задним числом. Вы когда у нее были?

Федин назвал день.

– А вот дата после визита к ней, – показал на угол конверта с черным штемпелем.

– Вот так у них, – сокрушенно произнес Федин.

– Отмазалась, – ухмыльнулся Сёма.

Федин распечатал конверт, вытащил лист.

– Постановление о возбуждении. «...Самохин незаконно составил материал по мелкому...»

Сёма воскликнул:

– Как незаконно?! Притащили девять раз судимого! Он не то что ругался матом, он – поливал!

– За мат его наказали законно.

– Конечно.

– А к патронам ты какое-нибудь отношение имеешь?

– Я по патронам ничего не делал.

– Да, в пору подать жалобу на эту филькину грамоту, – помахал постановлением. – Тогда узнаем, что у них в записке против нас.

– А понятно, это такой способ выведывать.

– Ты же видишь, все втайне от нас. Даже постановление с химией. А если отменим, – закатил глаза, – тогда нет постановления, а значит, нет дела. И пошли они все...

– Лесом! – немного подпрыгнул Сёма.

Федин сел за компьютер. Теперь его лицо покрылось потом.

Еще засветло повезли жалобу в суд.

Сёма жал на педаль газа, и «девятка», жужжа колесами, неслась по помытым дождем улицам.

На площадке перед двухэтажным особнячком затормозила.

«Бывший райком, – вспомнил прошлую начинку дома. – А теперь суд».

Вспомнил хитрое решение о передаче зданий компартии правосудию.

Несколько прыжков к ступенькам.

Дверь открыл долговязый пристав:

– Чего так поздно?

Но, узнав адвоката, пропустил:

– Канцелярия направо. Там еще кто-то есть...

Когда ехали назад, Самохин восклицал:

– Отменим постановление, и баста!

А Федин хлопал в ладоши:

– Вот следачка, хотела нас вокруг пальца обвести... Нет уж, мы не такие простаки!

Теперь Федин с Самохиным с нетерпением ждали, когда назначат суд. Они хотели реванша, когда сотрут в порошок рыжуху. Им думалось, такое не за горами. Но лили дожди, промозглость сменялась стыльностью, а заседание не назначали.

Адвокат со старшиной нервничали: уж не забыли ли про них?

Но стоило выпасть первому снегу, как получили повестки.

По расквашенной белой каше поехали в бывший райком.

– В запасе еще два часа, – крутил руль Самохин.

– Давай быстрее, надо дело до заседания посмотреть, – подгонял Федин.

За час до суда Федин осторожно постучался в кабинет судьи. Его встретил упитанный помощник, провел через приемную в когда-то райкомовский кабинет.

В глубине просторной комнаты за столом сидел бывший коллега-адвокат, а теперь представитель Фемиды.

«Как сдал».

Был когда-то щеголем, а теперь лицо осунулось, под глазами появились мешки.

– Тяжело сейчас судьям, – произнёс Федин как можно деликатнее.

– Да... – протянул тот.

– Мне бы ознакомиться с делом...

– Каким? – окинул взглядом пустой стол.

Федин хотел сказать: «Да с одной стряпней», но произнес:

– Мы жалобу подали. – Оглянулся на дверь, где в проходе стоял старшина. – На постановление следователя. Нам надо знать, что они прислали.

– Я запросил, но ещё нет, – развел руками судья.

Федину захотелось поговорить с судьей по душам, не жалеет ли он, что оставил адвокатское поприще, потом перейти к жалобе и прощупать его настрой, но предпочёл не трогать скользкие темы.

– Что ж, будем ждать.

Сказал и вышел в холл.

– Её величеству ещё не принесли, – пояснил старшине.

В холле появился какой-то расхлябанный милиционер в сержантской форме.

Кивнув старшине, сержант скрылся в кабинете судьи, но сразу вышел. Теперь милиционеры заходили к судье через каждые пятнадцать минут и сразу выходили.

Вальяжной походкой зашел адвокат Тетеря, верзила с усиками, – Федин знал его по другому делу. И тоже быстро вышел.

– Когда-то людей защищал, а теперь сроки кидает, – подмигнул ему Федин.

– Да, на столе ни бумажки. А говорят, запариваются, – склонился к уху коллеги верзила.

– Вы что, тоже подали? – спросил Федин.

– А на пару жалиться лучше, – улыбнулся верзила.

Слонялись по холлу.

«Тянут время».

Прошло полчаса. Сорок пять минут. Час. Суд не начинался.

Выходили на улицу, возвращались.

Прошло два часа.

Вот в кабинет судьи, громыхая мушкетерскими сапогами, прошла рыжая, и следом пробежала блондинка ее же лет, у которой из-под белой куртки торчали полы синего прокурорского кителя.

Всех пригласили в кабинет. Расселись вдоль стены.

– Слушаем жалобы... Явились... – судья поправил наспех надетую мантию, посмотрел на милиционеров и адвокатов. Раскрыл две тонюсенькие папочки.

«Туда заглядывать без толку, – подумал Федин. – Там ничего нет».

И как бы в подтверждение услышал монотонный голос судьи:

– А почему нет постановления о возбуждении дела?

Тот обратил взгляд сначала на рыжую, потом на блондинку.

– У меня... Я дело передала, – путаясь в словах, заерзала рыжуха.

Блеснула сапогами на положенных одна на другую ногах.

– Она уже не следователь, а заместитель руководителя следственного отдела, – важно сказала блондинка.

– Целый рукой водитель, – произнес и хмыкнул судья.

Все замолчали.

Милиционеры переглянулись:

«Растёт! А такую бы гнать в шею!»

– Так что же с постановлением? – спросил судья.

Федин задумался: «Дать свое постановление? А если дам, судья рассмотрит жалобу без их документов. А раз не представили, то и доказательств возбуждения уголовного дела нет и постановление нужно отменять».

– Мы можем дать, – Федин сделал вид, что вырывает рыжуху, и протянул лист. – Получили, правда, с боем. У наших рукой водителей, видимо, проблемы с бумагой.

На что голова рыжей даже не качнулась.

Её хладнокровию можно было позавидовать.

– О чём дело-то? – судья поднёс листок к носу. – Патроны... Незаконно изъяли... Это что, уже осудили за хранение патронов? – глянул на девицу.

– Получается, осудили, – прорезался голос рыжухи.

– Незаконно, – поддакнула блондинка.

– Эхе-хе... Так вы что, потом хотите... – заговорил судья, отряхивая мантию.

– Отменить приговор суда, – осмелела рыжая.

– По осужденному по патронам?
– Да, – невозмутимо выдала заместитель руководителя.

– Брак в работе суда, – вырвалось у Фебина.

Федин сверлил взглядом бывшего коллегу: «Ты не должен у этих кукол идти на поводу! Подставлять осудившего за патроны судью».

Хотел сразу поставить все точки над «и», что его старшина в деле о патронах сбоку припёка, но судья:

– Так, а где материалы?

Потряс корочками.

– У нас нет, – в один голос ответили блондинка и рыжая.

– Дело теперь в области. Его ещё не расписали, в канцелярии лежит, – добавила рыжая.

– Да, без материалов рассматривать не могу. Буду запрашивать.

«А как жаль! – подумал Федин. – Мог воспользоваться безалаберностью рыжей, признать постановление незаконным, а он упускает шанс».

Рыжуха и блондинка резко встали.

Федина подмывало высказать: «Что нас без толку гоняете?» – но молодухи быстро вышли.

В коридоре Сёма дал волю чувствам:

– Даже не представили в суд.

– И опоздали!

– А ещё с милиции требуют, – снова говорил раскрасневшийся старшина.

– В былые времена, – Федин вспомнил эпоху всевластия компартии, – в кабинет следователя зайдешь, сидит умудренный жизнью мужик, а теперь – молокососы.

– А что ж? Наша вон на какой «аудио» рассекает, – старшина показал на отъехавшую белоснежную иномарку. – Таковую не купишь за просто так. Видимо, папаша богатей. Или любовник-спонсор.

– Или из криминальных структур, – добавил адвокат Тетеря, протягивая на прощание руку Федину.

Когда Федин сел в «девятку» старшины, у него вырвалось:

– Тебе до «аудио» далеко.

Самохин резко нажал на газ.

– Если бы мы не были готовы к суду, нам бы этого не простили, – говорил Федин, оглядывая блеклые улицы города, который никак не мог выбраться из своей серости.

3

Федин еще толком не вник в дело старшины, как его попросили:

– Помогите Жеребчику.

– Кому-кому?

– Тоже с нашей роты.

Милиционер по кличке Жеребчик на самом деле походил на скакуна: невысокий, жилистый, верткий. Двадцать годков. Его таскала к себе всё та же рыжая.

Жеребчик приехал к адвокату.

– Раздевайся, – Федин предложил снять бушлат и, когда тот остался в кителе, спросил: – Так в чём было дело?

И узнал: в дежурке автовокзала поколотили работягу. Тот пожаловался. Подозрение пало на Жеребчика. Его сначала потащили в службу безопасности, которую милиционеры называли «гестапо». Жеребчик с другим милиционером, Сотей, как могли, отбивались. Им предложили пройти детектор лжи, но они наотрез отказались: еще выдаст что-нибудь, вовек не отмоешься. Оэсбэшники сдали материал в следственный комитет, закрутилась уголовка.

– Ты его бил? – задал вопрос Федин.

– Нет, – ответил Жеребчик.

– Тогда будем воевать.

– Вот не знаю, что Сотя скажет. Но обещал не впутывать. У него и так пятьсот рэ висит..

– Какие еще рэ?

– Да у хачика взял рубли. На видеокамеру записали и раскрутили.

– Ну и дела в моей роте! – воскликнул Федин.

«В былые времена небось тоже шерстили и колотили. Но видеокамер не было, – невольно подумал и прикусил губу. – И никаких дел! А теперь... Век живи, век удивляйся».

Федин почувствовал, как отстал от жизни.

Город покрылся льдом. Скользкие улицы осветились блеском. Природа словно замерзла на перепутье, выбрав дорогу в тепло, попала в холод.

Жеребчик вёз Фебина на развалюхе «жигуленке».

– Где ж ты такую откопал?

– Тёща подарила.

Развалюха громыкала по колдобинам.

По встречной полосе объехала вереницу скопившихся легковых.

– Мы же опаздываем, – оправдывался Жеребчик.

– Поосторожней, а то, не дай бог, влетим.

– А вы знаете, в нашей роте с чего пошла вся эта дребедень? – спросил сержант.

– С чего?

– Как летом наши разбились.

«При мне не бились. Машин не было».

– Обмывали новичков, – продолжал Жеребчик, – двух девок в роту приняла.

– Как приняли? При мне девок в патрульно-постовую не брали, – удивился Федин.

– А теперь берут.

– Да их самих хоть охраняй! – воскликнул адвокат. – Уволокут!

– Я о том же. Обмывали. А в пять утра ехали и впилились в эвакуатор. Одна девка насмерть, а остальным хоть бы хны...

«Хорошо, что я не пил и не обмывал», – подумал Федин.

– С тех пор пошло. Меня, Сёму, Тетеря, Сотю. Двух за взятки уже закрыли...

– Да, погрязла моя рота.

Когда Федин зашёл в узкий коридор следственного отдела, рыжухи в ближнем кабинете не оказалось. Она переехала в большие апартаменты заместителя начальника отдела.

Федин приоткрыл дверь, увидел в комнате у бесцветной стены милиционеров. Они стояли в ряд. Подумал, статисты. Увидел работяг. Дошло: эти опознают. Заметил двух парней под студентов – понятые. Рыжуха что-то писала.

Прикрыл дверь, вышел на улицу и крутился на льдистой корке, ожидая, когда закончится опознание и он сможет хоть что-то разузнать.

К его радости, появился плечистый коротыш, дружок-адвокат, и воскликнул:

– Привет, ты Жеребца ведешь?

– Да, я.

– А мой – Сотя.

Адвокаты поняли друг друга с полуслова.

– Нас опознали. Отпираться без толку. Но мы твоего не сдали. Терпила на твоего не показывает.

– Хорошо.

Федин подмигнул Жеребчику.

– С тебя, – коротыш показал кулак с отведенным большим пальцем и мизинцем.

– За такую информацию и два магарыча не жалко!

Коротыш куда-то спешил и быстро скрылся.

Только зашел в коридор, как чуть не столкнулся с рыжухой.

Узнав адвоката, она спросила:

– Будете вредничать?

Федин догадался: хочет припомнить ему его настойчивость получить постановление.

– Что вы! Опознание нам ни к чему. Мы и так все расскажем. Мы же никого не трогали.

– Хотите в свидетели?

– А как же.

Из рыжей вырвался грудной хохот, отчего у адвоката пробежал мороз по спине, а Жеребчик сделался мертвенно-белым.

Федин с Жеребчиком прошли вслед за рыжухой в кабинет.

Адвокат сжимал пальцы и делал вид, что не волнуется, а Жеребчик сдерживать волнение не мог. Кажалось, его вот-вот шарахнет удар, а когда работяга показал на Жеребчика пальцем, ноздри у милиционера расширились, пот выступил на лице каплями.

Трудно было решить, от чего такое обилие влаги: от духоты, от страха или от бушлата, который Жеребчик предусмотрительно застегнул на все пуговицы.

Все замерли, боясь услышать страшное.

Работяга:

– Этот не трогал.

Федин вздохнул:

– Я мог бы повредничать, написать в протокол – статисты. Один, видите, жердь, другой толстый, как мишка. Один в шинели, а мой в бушлате.

Рыжуха чихнула:

– А я от вас другой гадости не ожидала.

И повернулась к Жеребчику:

– Ну рассказывай, как там было?

Рыжуха задавала вопросы, словно нивелировала показания милиционера.

Прокашлялась, когда тот сказал:

– Я не видел, бил ли Сотя работягу.

– Да, ты плохой свидетель, – кресло под рыжей заскрипело.

– Ну что вы, мы же не можем напраслину лить,

– произнес Федин, понимая, что милиционеру лучше не закладывать коллегу, а то могут наговорить на него.

– Ладно... Пока по делу ты – свидетель.

– Почему пока? – спросил Жеребчик.

– А я не знаю, что ещё напарник твой скажет.

– Будьте уверены, ничего лишнего, – мягко проговорил Федин и подмигнул Жеребчику.

Когда «копейка» с адвокатом и сержантом скрылась в темноте, Федин постучал по бушлату милиционера:

– Всё хорошо! Только не забудь отвезти магарыч адвокату Сотю.

– Это за что?

– За сверхважную информацию.

– А если не отвезу?

– Ты же слышал: еще допрос напарника. И не дай бог, что-нибудь про тебя скажет...

– Отвезу! Отвезу! – прорезал салон крик Жеребчика.

– Чтобы тебя не вспоминали вообще.

Пот на лице Жеребчика высох. Он крутил руль и улыбался: видимо, не ожидал, что так легко отделяется.

– Дело на дело не приходится, – сказал Федин, когда Жеребчик подвез его к дому. – Кого в клетку, а кого в свидетели. Непредсказуема милицейская жизнь!

Федин ступил на ледяную дорожку и заскользил ботинками к подъезду.

«Хоть одному помог», – согревала его мысль.

4

Суд по жалобе назначили за декаду до Нового года.

Старшина заехал за Фединым:

– Надо готовиться к заседанию.

Они ехали по желобам в снегу, боясь увидеть встречную машину, с которой разъехаться будет невозможно.

Обсуждали развернувшуюся на всю страну кампанию против милиции.

– Нельзя же так, – рулил Сёма. – Если милицию убрать, куда бежать, когда нападут.

– Об этом думают в последнюю очередь. Хотя и распускаться милиционерам негоже.

– Раньше за такие дела разве что уволили бы.

– А что ты имеешь в виду?

– Ну за поборчик... За синячишку...

– А теперь сажают.

Застрелили в пробках, ругали гаишников:

– Нет чтобы приехать и разрулить ситуацию, так ни одного не видать!

– Занимаются личными делами.

Забуксовали в снежной каше.

Федин вылез и толкал «девятку»:

– Газуй! Надо поспеть в суд.

Длиннющий пристав нехотя впустил в здание:

– До закрытия осталось полчаса.

– А нам больше и не надо.

На этот раз материалы оказались в корочках. Уселись в коридоре и переворачивали лист за листом.

Федин просматривал бумажки на осужденного за патроны дохляка.

– Этот хмырь девять раз судим! – выдал Самохин.

– Вот она, справка... И еще пишет, что не матерился.

Прочитали объяснения Лебеда. Прапорщик писал, что уговорил Сёму и Тетеря оформить материал, но патроны изъяли они сами.

– Как врёт, – старшина сжал кулаки.

Дальше Лебедь: патроны не подкидывал.

– То есть у него все хорошо, а мы виноваты. У су...а! – вылетело у Самохина.

– А ещё на тебя нес, что ты всех сдал, – Федин вспомнил вопли жены старшины. – А сам заложил вас раньше.

– Да, – протянул Сёма, поняв, что, выгораживая прапорщика, опростоволосился.

А он и поступить иначе не мог: служба приучила не закладывать и выгораживать до конца. Иначе бы не просуществовала милиция и дня, если бы все начали друг на друга стучать. Круговая порука оказалась условием живучести этой системы независимо от того, ты честен и противник поборов или ты подл и превратился в жулика.

– Самое интересное, возбудила дело по своему рапорту: сама себе написала и приняла решение. Это хлеще всего!

Федин вышел на улицу. Расправил плечи. Его обдало морозной свежестью: теперь он знал, что накопили на старшину.

В голове бурлило. Бурлило вечером. Бурлило за полночь. Бурлило утром, когда сел за стол и готовился к суду.

Уже в полдень его мысли выплеснулись отповедью девахам, так он именовал рыжуху и блондинку – помощницу прокурора. Обращаясь к бывшему коллеге, Федин говорил, что Самохин ни при чём, что задержанный – Шнырь – бесспорно, ругался матом.

Воскликнул:

– А что, по-вашему, девять раз судимый за уголовку стал пай-мальчиком? Ни слова матом?!

Судья часто моргал.

– А рапорт? – спросил вдруг.

– А что рапорт? – Федин на секунду сбился. – Самохин прав, что написал рапорт на него по мелкому хулиганству. Он верный! Задержанный отпетый уголовник. Матерщинник. А по патронам Самохин ничего не составлял. Он к этому не причастен. Нет ни одного документа, который бы исполнил Самохин по патронам.

О Тетере упоминать не стал: пусть сам отбивается.

– Всё, что мы увидели, говорит только об одном: следователь, – глянул на рыжую, – малость переусердствовала. Сама себе написала рапорт и по нему возбудила дело. Понятно почему. Сейчас идет кампания против милиции. А у нас что ни кампания, то перегибы. Вот вам и очередной заскок!

Говорил, взмахивая руками.

Замотал головой, когда выросшая до заместителя руководителя отдела деваха провозгласила:

– Нами все сделано законно!

Ей поддакнула помощник прокурора.

Федин сорвался.

– Вопрос возбуждавшему дело, – посмотрел на рыжуху. – Вот в этой пачечке, – показал на материал

на столе судьи, – что лежит? То, что послужило основанием для возбуждения дела?

– А я её не смотрела.

– Вот это да! Представляют в суд, а не знают что! – Федин округлил глаза.

Коллега с усиками долго распространяться не пожелал, а лишь заметил:

– Видимо, следователь поспешила с возбуждением уголовного дела...

Федин не удивился решению. А удивился выводам. Его бывший коллега отказал в удовлетворении жалобы и подчеркнул, что одного заявления хоть сто раз судимого достаточно, чтобы возбудить уголовное дело. А все остальное: рапорт следователя, биография Шныря – ненужная бутафория.

– Ну с Новым годом! – вылетело из Федина.

Судья пропустил мимо ушей откровение адвоката: он уже рылся и что-то искал в столе.

Когда вышли на улицу, Самохин стоял с открытой головой и фонтанировал:

– Вот это да, это что получается? Напиши вот такой зэк, что наш генерал побил, возбуждают уголовное дело? Что за чушь!

– Вот и получается... – поддакнул Тетерь.

– Чушь какая!

– Как дышло: куда повернул, то и вышло, – произнес Федин, дёргая ручку двери «девятки». – На милиционера возбуждают, а за генерала – уроют.

– Будем обжаловать? – спросил Федин.

– Конечно! Когда чушь собачья...

– Надо успеть до Нового года.

Уже на следующее утро жалобу на постановление судьи по почте отправили в областной суд.

До Нового года Федину пришлось еще раз встретиться со следователем из областного следственного комитета.

Он зычным голосом спросил:

– Вы адвокат Самохина?

– Да, – ответил Федин, понимая, что зря поднял трубку.

– Мне передали дело.

«От рыжей, – понял и вздохнул: может, этот разберется».

– Жду вас.

Федин с Самохиным ехали на «девятке» по расквашенным улицам. Уже несколько лет под Новый год таяло и накрапывал дождь. Изменение в климате мало задевало Федина, уставшего от постоянных передрыг жизни. Извергнись где-нибудь вулкан, он бы и к этому отнесся без должного внимания, настолько его затянули адвокатские дела.

В старинном с башенкой здании следственного управления поднялись по стертым от времени маршам на второй этаж и в конце длинного коридо-

ра зашли в кабинет со стенами, разрисованными под крокодилью кожу.

За столом буквой «Т» сидел сухощавый бледнолицый парень с костистыми руками.

Он сухо пригласил сесть, сухо что-то спросил, сухо что-то промычал и ни с того ни сего стал спрашивать Самохина, записывать его ответы на стоящую на треноге видеокамеру.

Федин замер: «Видео фиксирует волнение. Не спасует ли Сёма?»

Но Сёма не пасовал. Уверенно отвечал. И казалось, убеждал, что к патронам никакого отношения не имеет, а по мелкому хулиганству его рапорт правомерен.

Он отражал действительное положение дела.

Вдруг Самохину назвали фамилию.

Он глубже вжался в кресло:

– Это мой брат. Четырехюродный...

Не сразу до Федина дошло, в чем зарыта собака. Оказывается, нашлось объяснение от имени брата, что дохляк на автовокзале ругался матом.

Маленькая бумажонка, но неприятная.

– Ну и что! Там всё верно! – сказал старшина, посмотрев объяснение.

Объявилась другая бумажка: протокол допроса Сёмы, в котором он говорил о патронах.

Но Сёма не помнил такого допроса.

Тоже прореха.

Федин посмотрел на старшину: тот пожал плечами.

Благодушное настроение испарилось. Самохин немного запутался. Его понесло как кораблик по неизвестному ручью, подгоняя взмахами бумаг.

Новый год не предвещал ничего хорошего.

– Ну что? – спросил Сёма, когда они вышли из здания управления.

– Наше положение резко ухудшилось, – сказал Федин.

– Почему?

– Видишь, какие писули вытаскивают.

– А в роте новость.

– Какая?

– Лебедь уволился.

– Не будет хоть на мозги капать.

5

Не успели встретить Новый год, как посыпались вызовы, ознакомления с заключениями экспертиз. Федин чувствовал: тучи сгущаются.

Выплыла майорша-дознатель. Она направляла дело дохляка по патронам в суд. Там оказался злосчастный протокол допроса.

– Это ваш протокол? – спрашивал сухощавый.

Сёма упирался:

– Я показаний по патронам не давал...

Старшину хотели уличить, сотни раз тыкали в бумажки:

– Но ведь это ж ваша подпись на протоколе.

– Такого не было.

– А кто же тогда расписался в протоколе?

– Не знаю, но не я.

Подоспел областной суд, в котором старшина и адвокат обжаловали постановление холеного судьи. Суды дисциплинировали, приучали приезжать заранее. Вот три дамы в черных мантиях замерли в глубине зала за широченным столом. Видно было, что они еще не отошли от праздников. Кого разбирала зевота от недосыпания, у кого висели мешки под глазами от перепитого спиртного.

Слова Фебина о том, как наворочала следователь, чуждыми звуками летали по залу. Чуждыми пронеслись и слова прокурорши в кителе с двумя звездами: она обеляла рыжую.

Когда вышли в коридор, прокурорша спросила:

– А где этот? Кто патроны подкинул.

– Лебедь? – уточнил Фебин.

– Может, и Лебедь.

– Уволился.

Она тихо выругалась.

Даже прокурор понимала, по чьей вине заварилась каша. Недобрым словом помянула дохляка, который девять раз сидел, сотни раз был наказан за мат, а теперь затягивал в каталажку милиционеров.

«Что ж ты здесь несешь, – подумал Фебин, разглядывая безукоризненный, без единой пылинки китель прокурорши. – А при судьях говорила другое! Хотя что она могла сказать...»

Снова позвали в зал.

Судья подняла лист:

– Оставить жалобу адвоката и старшины Самохина без удовлетворения.

А другая добавила:

– Вот будет суд, там разберутся...

– А здесь что, не суд? – спросил Сёма.

– Там, там, – замахали руками три любительницы поспать и спиртного.

– Да, там разберутся... – огорчился Сёма.

Вышли на улицу, Фебин прокашлялся. После выступления першило в легких и наметилось обострение.

Снег под ногами на глазах отвердевал. Город погружался в холод.

Фебин опять проведаль следователя.

«На кого ж ты похож? – всматривался в костистый стан. – Вот – на робота!»

Тот проводил опознание.

Дохляк с мордочкой собачонки и наколками на пальцах показывал на раскрасневшегося Самохина:

– Он меня оформлял...

Голос его не звучал, а кривлялся.

Сёма огрызался:

– По патронам ничего не делал.

Потом ещё один опознавал. До Фебина дошло: понятой при оформлении патронов. Он тоже тыкал в Сёму:

– Он писал...

Сёма сник и слабел голосом. На него словно натягивали смирительную рубашку. В комнате с обжигающими батареями он никак не мог успокоиться, стучал зубами и выдавал дробью:

– Ничего не пойму. Ничего...

Федину от недовольства милиционера легче не становилось, а следователь смотрел на старшину, как на упрямого мерина.

Маховик предварительного следствия набирал обороты, вываливая результаты исследований, чьи-то показания и обязательно сопровождавший каждое следственное действие смешок следователя, в сравнении с которым рыжуха казалась ангелом. В ней хоть и осталось мало человечности, но не веяло садистским холодом робота.

Снег стаял с улиц, затаившись серыми прожилками в ямках и канавах. Казалось, с приближением весны всех ждет обновление и послабление. И адвоката с Сёмой.

Федину позвонили:

– Вы можете подъехать?

Фебин сначала не узнал забытый голос.

«Робот», – вспомнил и ответил:

– Могу.

Теперь им с Самохиным дали смотреть видеозапись, с которой всё началось. Та запись в дежурке.

Фебин подсел к экрану, на котором увидел комнату. Откуда-то из верхнего угла кто-то следил за пространством с кушеткой у стены, столом в углу и стулом, ещё стулом у окна.

Двое в форме милиционеров сидели: один за столом спиной к стене, а другой на стуле лицом. Слышался разговор.

Появилась разбитная деваха.

Фебин сжался:

«Это что за баба? Неужели еще эпизод у Сёмы?»

По фразам, которые с трудом различались сквозь треск и шипение, догадался: деваха что-то натворила.

На неё оформляли бумаги.

Робот остановил просмотр и спросил Сёму:

– Узнаете кого-то из людей?

Тот пожал плечами, сказав лишь про милиционера на стуле:

- Похож на Тетеря...
- А за столом?
- Не могу сказать.

Федин отметил: сверху человек виден только со спины. Хотя комплекцией схож с Сёмой.

Робот снова включил видик. Экран засветился. В комнате появился рослый парень, который что-то вытаскивал из карманов. Сквозь треск и шум записи слышалось, как он оправдывался, что выпил пива, что в этом не видит ничего плохого, что его ждет жена.

Один в форме ему что-то нарисовал на бумаге и, упреждая ответ, с ударом кулака по столу прокричал:

– Молчи!

Тот снова только открыл рот, как повторилось:

– Молчать!

«Да, милиционер избегает разговора. Тертый калач. Вдруг прослушка. Но не допер, что могли записать на камеру».

Тот, что бил кулаком, вывел парня из комнатки.

Вернулся и что-то отдал другому в форме.

Робот снова остановил запись:

- Узнаёте кого?
- Вроде Тетерь...Что в форме выходил.
- А парень?
- Не знаю.
- А что написал на листке?
- Понятия не имею.
- А что он вам отдал?
- Как это мне?!
- Ах да, вы же говорите, второй милиционер – не вы.

– Тут трудно понять...

– Может, деньги? – спросил Робот.

– Но мы с Тетерем работаем, могли друг у друга занять.

Федин видел, как волновался Самохин, и радовался тому, как отбивается милиционер от наезда Робота.

«Палец в рот ему не клади!»

Думал: «Хотят повесить Сёме, что обобрали парня».

Федина злило: кто-то в стране наворовал миллионы, и его не трогали, а к милиционерам цеплялись по мелочам.

Следователь выключал и включал видик. Изредка хмыкал.

«Робот, точно робот», – ловил себя на мысли Федин.

Вот на экране появился долговязый смазливый мужчина в джинсах и рубашке. Он толкнул на диван дохляка.

Шнырь – узнал Федин коротышку, который на опознании тыкал в Сёму: «Он меня оформлял».

Долговязый положил на стол барсетку, высыпал из нее патроны на столешницу, тыкал сжавшемуся в углу дохляку: «Так это ты нёс! Понял? Ты». А тот ёкал, некал, бекал, мекал, а после замаха кулаком усердно кивал.

Потом Тетерь ругался с долговязым, а тот кричал на него. Тетерь сел писать. Сидевший за столом другой милиционер выходил. «Может, Сёма», – подумал Федин.

Потом приходил.

«Нервничает».

Робот снова остановил запись.

На эти его вопросы Сёма отвечал, оказавшись более разговорчивым:

– Тот, что писал, похож на Тетеря. Что за столом – на меня.

– А раньше что ж ты не говорил? – спросил следователь.

– Но там не видно. А здесь выходил из комнаты и видно лицо. Вот тот, видимо, его приводил Лебеда.

«Прапорщик, – решил Федин про долговязого в джинсах. – Гад, который все заварил».

Федин удивлялся: сколько был замом роты, а о таком не мог и подумать.

Вот оно как! С каким-то состраданием посмотрел на старшину, который в этом омуте продержался почти двадцать лет.

Перед глазами плавали картинки: Тетерь писал парню на листке и кричал: «Молчи!» – долговязый внушал дохляку: «Ты это нёс! Понял? Ты».

Все выстраивалось в определенную линию: прапорщик приволок дохляка, заставлял взять на себя патроны, все по патронам оформлял сержант.

Самохин в эту линию их поведения не попадал.

6

– Пришло сообщение в роту... Мне шьют ещё мошенничество, – позвонил Сёма. – За этого, которому Тетерь что-то писал.

– Час от часу не легче!

Сёма засмеялся:

– Я не пойму за что.

– Как и патроны, – произнес Федин.

В голову полезли мрачные вопросы:

«Тетерь что-то писал? Но что? Кто снят на видео? Сёма?»

От обвинений могла поехать крыша.

Сам Федин чувствовал некое помутнение в голове.

Что оставалось – завалить Робота?

Но как?

Как по протоптанной тропе, бежали в суд с жалобой на новое постановление о возбуждении дела по мошенничеству.

– Разве поможет? – спрашивал Сёма. – С рыжей ведь не поможет...

– А что нам остаётся...

Еще полетели жалобы в прокуратуры разных уровней, в следственный комитет в столицу: пусть проверят, что это за видеозапись, переполненная шумом и треском. Запись, из которой трудно что-либо понять.

Сёма посмеивался, а Фебина бесило:

– Я в своей жизни многое повидал. Как хватают. Как норовят кинуть в клетку. Но чтобы вот так внаглую. Когда ты сбоку припека. Такое не припомню.

Словно предостерегал Сёму от печальных последствий, а тот смеялся, не ведая, куда вывезет.

Суд на постановление о мошенничестве назначили быстро. Он удивил еще больше. Когда адвокат с Сёмой стояли в коридоре, тот сказал:

– Какой-то алкаш прошёл в кабинет судьи...

– Мы ждём прокурора, – пояснил Федин.

А когда «алкаш» вышел из кабинета судьи и, задев плечом стенку, прошел в зал и сел на место обвинителя, Сёма жаждал кулаком рот.

Федин сказал:

– Э, мужик! Ты, видимо, не туда попал.

Тот промолчал.

Вошедший в зал судья представил «алкаша» как прокурора.

«Мало того что по гражданке, так еще под градусом», – адвокат подмигнул Сёме.

Дело прошло так, как будто «алкаша» не было.

Тот только угукал.

Судья отсел от него подальше.

Каким бы красноречием ни блистал адвокат, какими бы фактами ни оперировал, судья пробурчал:

– Мошенничество налицо.

Сёма вышел из суда:

– Как налицо?! Когда вилами по воде писано! Там на пленке ничего не видно. Что передают – деньги, не деньги.

Федин кивал головой.

– У нас такой покажись на службе, в один момент выперли бы, – вспоминал Сёма «алкаша».

– Вот видишь, а из прокуратуры не гонят. И для суда сойдет.

Сёма все больше удивлялся доселе скрытой от него стороне жизни. Но что-то природное, твердое, полученное от простых родителей, не позволяло сдаваться.

Его подхлестывали наивность и упорство уже съевшего не одну сотню юридических собак, но верящего в спасительное начало адвоката Фебина.

Робот вцепился:

– Ты подписывал?

Тыкал в протокол допроса Сёмы.

Безуспешно пытался выбить столь нужное признание из старшины.

Для верности на очную ставку вызвал дознавателя. Адвокат с Сёмой устроились за один край стола Робота, за другой села пампушка в гражданке. Она оказалась майором. Допрашивала Самохина: что тот рассказывал, как изымал патроны. Вышло: по протоколу допроса Сёмы незаконно осудили дохляка.

Самохин шипел:

– Как можно так бессовестно врать, что меня допрашивала? И что рассказывал, как патроны изымал.

Пожимал плечами:

– Повторяю, такого не было.

Сёму топили.

Но вот Федин задал вопрос майору:

– А как вы допрашивали старшину Самохина? Можно поподробнее?

– Я побеседовала с ним. Он ушёл. Я напечатала протокол. Он пришёл и расписался.

– Так это разве допрос? – спросил Федин.

«Выплывают интереснейшие факты».

– Хм.

– Вы предупреждали Самохина об уголовной ответственности за дачу ложных показаний?

– Да.

– Когда?

– Он сам потом расписался.

– Так что, он сам себя предупредил?

«Еще интереснее!»

– В протоколе записано время допроса. Скажите, к чему оно относится? К тому, когда вы беседовали с Самохиным, когда печатали протокол или когда, по вашим словам, Самохин расписывался?

– Не могу сказать.

Теперь Федин воскликнул:

– Цирк!

«Неужели он с такими грехами думает отправить дело в суд?»

Это не укладывалось в голове.

Цирком оказалось и другое.

Робот спросил у Самохина:

– Вы получили уведомление по 307-й?

«Об ответственности за дачу ложных показаний», – вздрогнул Федин и спросил:

– А что, нам уже и 307-ю вменяете?

- Да, я возбудил и по 307-й.
- За протокол допроса майора?
- За протокол.
- Вы же слышали, она не предупреждала.

Следователь промолчал.

Федин выдохнул:

- Это нам вдобавок?

Следователь вдруг:

- Зато вы соскочили по взятке. Девка умерла.
- Какая ещё девка?! – взвинулся Федин.
- А та, что вы видели.

– Что вы несете?! На пленке ничего нет. Ничто не передается, – вспоминал запись Федин.

- Она потом передала.

- Что вы говорите?!

У Федина перехватило дыхание. Несмотря на духоту, он кашлял, как чахоточный. Наглость следователя поражала. Попади такому в руки, навешает всех собак, ухлопает ни за что.

Федин как мог сопротивлялся.

Они со старшиной вышли из здания. Тридцатиградусная июньская жара показалась прохладой. Федину хотелось ехать куда угодно, лишь бы опуститься в водоём и охладиться.

А Сёма спешил на службу.

«Вот милиционер! Его по трём статьям таскают, а он: я должен до последнего служить. Бывают же такие люди. И не верит, что могут оболгать. Прокурор может прийти в суд под градусом. Следачка может ляпнуть несурязицу. Майорша может слепить протокол».

Трудно было понять, от чего сушило больше – от ярого на жару неба или от продолжающихся перипетий.

7

До пенсии Самохину оставалось восемь месяцев. На самый худой случай, они с адвокатом надеялись их протянуть, писали жалобы, оспаривали действия следователя, старались отодвинуть развязку. Думали, пока суд да дело, Сёма станет пенсионером.

Самохин говорил:

– Смешно, в нашей роте только шестеро, кто до выслуги дотянул. А так всех до того увольняют. Кого осудили. Кого в полицию не берут.

В это время началась реформа.

Милицию перекрашивали в полицию.

От многих избавлялись на этой волне.

Уйти решил и Самохин. Понимал, что в полицию с его делами не возьмут.

И теперь ждал подходящего момента.

Лето катило за середину. Сушь отступила. Давно отжелтели, превратились в белесые шары одуванчики, осыпались пухом тополя, пух прибило к земле.

Самохину казалось, что, раз переживут лето, переживут осень, а там зиму.

Но вызвал Робот, резко сунул постановление:

- Привлекаетесь по мошенничеству.

Федин понял: «Эпизод с парнем, которому Тетерь написал что-то на листе».

- Еще по фабрикации патронов.

«Это когда писал рапорт по мелкому хулиганству на доходягу».

- Еще за дачу ложных показаний...

«Когда допрашивала его майор».

Накропали на бедолагу-старшину гору бумаг.

Такой бы прыти для борьбы с высокопоставленными пройдохами, а не со старшиной.

Робот по ложному следу преследовал ложную цель, тогда как настоящие цели припеваючи балдели в кабаках и на взморьях, зная, что на них не обрывают свой пыл.

Допрос Самохина оказался скоротечным.

А после допроса Робот заявил:

- Предварительное следствие закончено.

– Так вам всё ясно? – Сёма посмотрел на Робота и с удивлением переглянулся с адвокатом.

- Мне всё ясно, – ответил следователь.

– Когда можно знакомиться с делом? – спросил Федин.

- В любой момент. Вам сколько времени надо?

Видно было, что Робот хотел отделаться побыстрее.

- А сколько томов? – снова спросил адвокат.

– Пять, шесть, – считал толстенные опусы. – Будет восемь.

– Ого! – вырвалось у Сёмы и Федина одновременно.

– А что? – не дрогнул ни один мускул на лице следователя.

«Ну точно Робот», – снова убедился в верности клички, данной следователю.

И спросил:

- Что ж вы там понабрали?

- А увидите. Пару дней хватит?

– На восемь томов?! – Федин произвольно сложил пальцы кукишем: «Ну обнаглел! Накось выкуси!»

- Ладно, сколько надо?

Сёма от мысли о восьми томах весь согнулся.

Федин заметил, как впервые после жары затянуло небо.

- Будет дождь?

– Хоть бы пролил, – словно попросил Сёма.

Он хотел чего-то глобального, быть может, революции, апокалипсиса, какого-то перерождения, но чего именно, не знал.

Самохин опять хотел поспеть на службу: все меньше милиционеров оставалось в роте. Все более оголялся город, предоставляя себя преступникам.

«Мрачные времена наступают, – с горечью думал Федин. – Раньше форму милиционера можно было увидеть на любом углу. И не похулиганишь. А теперь днем с огнем не сыщешь. Сыплются грабежи. Разбои. Угоны. А где стражи порядка?»

Знал о многочисленных преступлениях, которые захлестывали город, знал и о вакансиях в милиции, которые росли как на дрожжах в ходе реформы.

«Даже сократили кинологическую службу на железной дороге. – Федин вспомнил рассказ приятеля-кинолога. – Теперь некому искать взрывчатку. Наркотики».

Профессионалы уходили на вольные хлеба и уводили за собой натренированных четвероногих.

Становилось грустно.

На страну летела новая напасть.

То заводы крушили. Люди оставались без работы.

То колхозы разгоняли. Колхозникам оставалось разве что выпивать.

Теперь добивали милицию. И как в насмешку, переименовывали в полицию.

Простой человек оставался без работы, без защиты, один на один с превратностями судьбы.

«Лучше бы всего этого не знать! В лес – лесником, – вспомнил давнюю свою мечту Федин. – Да и лесов скоро не останется. Сожгут. Продадут».

Годом раньше в стране сгорела половина лесных угодий.

А что будет в нынешнем?

Облака тянуло низко-низко, и никто не знал, где они прольются дождем и остудят землю и живущих на ней людей. Омовения неистово жаждали вся земля и все люди – от Себежа до Сахалина, от станции Веселой до Анадыря.

Ждали и на даче Федина, где адвокат бывал неездами и нагонял упущенное: перекапывал, сажал, поливал, пропалывал.

Знакомство с томами шло медленно. Робот нервно следил, как Федин переворачивал лист за листом, а потом стал подгонять адвоката и даже потащил в суд, где заика-судья объявил:

– Д-даю е-ще д-день...

«Ограничивают во времени. Не боятся ничего!» – отметил адвокат.

Выжатым, вымотанным, исписав несколько тетрадок, он вернул Роботу последний том:

– Я вам пришлю ходатайство.

– О чём? – открыл рот Робот.

– Какая разница?

– А я его не возьму.

– А что, вы не знаете, что после ознакомления я могу написать любое?

– Не можете!

Вспыхнул конфликт. Прибежал начальник следователя.

– Он считает, что у меня нет права подать ходатайство, – негодовал адвокат.

Начальник примирил:

– Пишите. Он все примет.

Исписав двадцать листов убористым почерком, Федин отдал Роботу.

Самохин сказал Федину:

– Я вам не говорил... У меня есть знакомый из Генеральной.

– Что ж ты раньше молчал?

– Да думал, без него. А тут сам позвонил. Он сказал, пишите жалобу сразу на Генерального.

– Но мы же писали.

– Теперь он подключится.

«Не так прост мой Сёма, – подумал Федин. – Только карту раскрыл. А я к нему с первого дня на распахку».

Взял себя в руки: «Чего ты мелешь? Он же думал, и так обойдется».

Два дня Федин не поднимал головы и писал.

Десять листов печатного текста улетели в Москву.

Казалось, завертится колесо, дело запросят в столицу, посмотрят, подумают, приструнят следователя, и тот забудет про существование старшины.

Но словно кто-то прознал и подсуетился. Дело в срочном порядке отослали в суд.

Если запросят из Генеральной:

– Рады помочь, но у нас его нет.

Федин и Сёма в который раз ждали суда. Одно за другим следовали странные события. Сначала дело отписали судье с кошачьей фамилией – с ним Федин даже не успел перетолковать. Его сменил холеный судья с мешками под глазами из бывших адвокатов и назначил слушание на самые отдаленные сроки. Дошли слухи, возможно, еще и там отложит.

Одолевала неясность: состоится суд после жалоб в Генеральную? Или дело повернёт назад?

Адвокат и старшина нуждались в отдыхе. Они хотели передохнуть перед схваткой.

Федин взял билеты в Абхазию – подальше от дачных хлопот. Сёма собрался на «девятке» в Геленджик.

Лето разгонялось к середине августа, отбиваясь от жары ливнями. Синоптики обещали похолодание, но прогнозы не сбывались.

Вдруг Сёма сказал:

– Я уволился.

– Зачем? Мы ж хотели дотянуть, – спросил Федина.

– Так надежнее. Я пока получу все. А там, если осудят, ничего не дадут.

– Разумно.

– Да и надоело всё! Раз такое творится.

Федина как обожгло: Сёма опускал руки.

А как не опустить? Самохин пять раз ездил в командировку в Чечню, заслужил медали за боевые операции, рвался на службу оберегать город, а его давили Роботы, рыжухи, пампушки, прокуроры-алкоголики. И уходили защитники из милиции-полиции. А Федину ничего не оставалось, как теперь пахать за двоих, за троих, десятерых.

8

В Генеральной что-то зашевелилось.

Сёма сказал:

– Говорил со своим человеком. Он заходил к тому, у которого ваша жалоба. Следачку вызовут по повестке.

– Рыжуху? В Москву? Надо ж! – вырвалось у Федина.

Представил, какими отборными словами кроет его рыжая, как отреагируют в Генеральной, с какими уроками она вернется домой.

Морозец побежал по спине: «Ты ввязался в бой. Теперь неизвестно, выберешься ли сухим из воды. Но отступать некуда!»

В голове закружились мысли, как по-разному могут развернуться события, и росла уверенность, что рыжая непременно получит свое. Даже если будет мстить, для нее эта история не пройдет бесследно.

«Должен же кто-то её остановить! Пусть и дорогой ценой».

Приближалось первое сентября, когда страна украсится цветами, побегут в школу мальчишки в белых рубашечках, девчонки в белых передничках. Федину невольно вспоминалась школьная пора, когда тебя не осудят, не посадят, когда все страшное, что уготовано взрослому, для школяров не су-

ществует. И находил сходство и различие между юным прошлым и нынешним взрослым.

«И там и здесь своя неясность. В школе не знаешь, с какой отметкой выйдешь. Теперь не знаешь, чем закончится схватка. Только плата первой неясности – трепка дома, а плата второй – годы тюрьмы».

Проведал коллегу-судью.

– Дело должно пойти.

– Я на следующий день в отпуске.

– Хорошо... А куда надумал?

– У меня билеты в Абхазию.

– Но ты там хорошо подумай, – мешки под глазами оттеняли лицо бывшего адвоката. – Не особо артачьтесь. Я одному условно дал, так областной суд отменил. Закрыли.

– Это угроза?

– Нет, так, к слову.

– Но если мой ни при чем?

– Все равно подумай. У тебя время будет.

Федин еще раздумывал, как рассказать о разговоре с судьей Сёме, как тот позвонил сам:

– Приехал.

– Кто?

– Мой человек.

Федина встретил моложавый шатен в погонах юриста второго класса. Если по-военному, старшего лейтенанта.

Тот сразу взял быка за рога.

– Мне нужно посмотреть... – перечислил документы.

– Как скоро вам нужны?

– Чем скорее, тем лучше.

Федин решил, отдать ли документы дела постороннему человеку, как Сёма взмолился:

– Пожалуйста, отдайте. Он... – и не договорил.

– А что он здесь делает?

– У него родня в деревне.

– Что ж, под твою ответственность.

Назад в Москву юрист второго класса уехал с двумя папками.

Через три дня москвич позвонил. По его тону стало ясно: что-то будет. Чувствовался кто-то большой за спиной старшего лейтенанта.

Федин радовался, слушая разговор юриста с Сёмой:

– Рыжая писала объяснение.

– Вляпалась!

– Ведь сама себе написала рапорт и по нему возбудила дело. Даже расписалась за прокурора, – сообщал старший лейтенант горячие факты.

– Робот! – еще больше обрадовался Федин.

– Возможно, будет уголовное дело на них!

– Вот это да! – перехватило дыхание у адвоката, который помнил, как унижали его со старшиной.

А Сёма:

– Так их! Так!

С таким усердием он не мочил боевиков в горах Кавказа, как теперь подпрыгивал от радости.

В приподнятом настроении адвокат уехал в Абхазию. Дни на сухумском взморье неслись стремительно, оставляя в памяти брызги волн и загар на теле.

Судья встретил меланхолично:

– Дело пойдет. А что?

«Сказал с вопросом. Что бы это значило?»

«А что?» держало, как взнузданного коня. Вопрос мог касаться Генеральной, куда могли запросить дело, но там молчали.

Федин не знал, как себя вести. И не заметил, как на смену сухой и душной погоде принесло влагу и дожди, а вместо душевного покоя – нервозность суда.

На порожах бывшего райкома творилось оживление.

Входящих досматривал пристав:

– Выложите все металлическое. Колюще-режущие предметы надо сдать.

Адвокатов пропускал без досмотра.

Федин обменялся приветствиями со знакомыми адвокатами.

По коридору сновал Тетерь, Лебедь стоял с бывшей женой, которая взялась его защищать.

Медленно вошел в зал с закрытыми зарешеченными окнами, долго выкладывал папки из портфеля на стол, потом вышел в холл подышать.

В здание зашли двое в синих мундирах. В одном, с двумя звездами на каждом погоне, узнал советника юстиции из прокуратуры области, с которым участвовал в громких делах.

«Неужели по нашему? Сами не справляются и прислали тяжелую артиллерию? Два прокурора будут отстаивать обвинение».

Это подействовало как плетка.

«Куда они пошли? На второй этаж. К председателю суда? Давить?»

Федин взбежал по двум пролетам.

«Где они?»

Те исчезли из виду.

«В комнате для конвоируемых? Могли привезти дохляка. Подговаривают? Вот я их ущучу!»

Пробежал коридор, заглянул в конвойку: в комнате никого не оказалось.

«Как запропастились!»

Волнение росло. Уже не замечал ни Сёму, ни Тетеря с его вдруг ссутулившимся адвокатом.

Время текло.

Прошло полчаса как суд должен начаться, час.

«Что там? Почему замешательство?»

Но вот в зальчик проскочил худющий брюнет в синем прокурорском кителе со звездочками лейтенанта на погонах.

«Юрист третьего класса. Это не наш знакомый из Москвы».

Федин хотел одернуть: «Юноша, вы зал спутили».

Но появился холеный судья, теперь показавшийся пенсионером. На нем мешковато сидела мантия, среди волос пробились белые ростки.

«Куда делся былой лоск».

Все прошли следом.

Раздалось:

– Доверяете суду?

Бывшие милиционеры встали со скамьи, ответили судье:

– Доверяем.

Из клетки крякнул дохляк, от которого смрадно пахнуло.

9

«Прислали пацана, – Федин смотрел на стриженного под панка юриста третьего класса, а когда услышал его фамилию, заерзал: – Вместо артиллерии пригнали блатату».

Вспомнил фамилию бывшего прокурора области.

«Сынок».

Тот словно кинулся в карьер, бесцеремонно взял том со стола судьи и начал читать:

– Обвиняется...

Звуки бесцветно летали в сплюсненном пространстве. А юрист третьего класса читал, медленно двигая пальцем по страницам толстого тома.

Читал обвинение Тетеря. Видно было, как Тетерь тёр руки, а прокурор словно насилывал себя. Он явно не любил читать.

Вот перевернул второй лист. В комнате становилось все тише. Третий лист.

Федин наблюдал: «А не нравится! А сажать нравится?»

Забыл о теплившейся надежде, что отзовут дело. Расчет на человека из Генеральной лопнул как мыльный пузырь.

Невольно спрашивал себя: «До которого времени пробудем в суде? До пяти? До шести? До семи?»

Юрист третьего класса читал, опускал подбородок на руку, клал руку на руку, опустил подбородок на лист.

Его будто воротило.

Но вот, окончив вымучивать обвинение Тетеря, сказал:

– У Самохина то же самое...

Хотел пролистнуть страницы с обвинением бывшего старшины, но подал голос Федин:

– Как то же самое?!

Не ожидал мальчишества от прокурора: в конце концов, тот на работе, а не на игровой площадке для детей.

– Ну пожалуйста, – словно делая одолжение, прокурор стал читать обвинительное Самохина, а потом: – Ну это можно пропустить.

– Читайте все подряд, – оборвал недовольно судья. – Видите, адвокат возражает.

Федин понял, что с первого заседания заимел врага, которого заставил мучиться.

Прокурор говорил, его крутило. Он вытягивался, как баскетболист, сгибался, как пианист над клавиатурой.

Судья покряхтывал, для него чтение тоже превратилось в испытание.

Вот юрист третьего класса стал глотать слова, нервно чесать затылок, ковырять в ухе.

Остановливался, заглядывал в том: сколько листов осталось, снова обрывками произносил фразы.

Казалось, он умирает.

Сёма тёр пальцы: «Вот гад! Твоя следачка мне говорила: сам знаешь, в чем обвиняешься. И ты хочешь, как она. Нет уж, прочитай!».

Вот прокурор, вытирая испарину на лбу, откинулся на спинку стула.

Гневно глянул на Федина. Снова склонился – теперь читать обвинительное Лебеда.

У бывшего прапорщика затряслись, как у алкоголика, руки. Зато у Семы замерли.

По комнате побежал шумок. Все устали от чтения, которое продолжалось более двух часов.

Кто-то ерзал, под кем-то скрипела банкетка.

За окном кричали дети на детской площадке.

Федин думал: «Чем же отомстит мне прокурор? Сколько лет лишения свободы добавит Сёме?»

Вот тот, изнемогая, отодвинул том:

– Всё, сторона обвинения закончила.

Судья словно проснулся:

– А...

Поднял Тетеря:

– Признаете обвинение?

– Частично, – ответил тот, глянув на усача-адвоката.

– А конкретнее?

– Я оформлял патроны. По мелкому хулиганству все правильно. Он, – глянул на дохляка в клетке, – ругался матом. А денег я ни у кого не брал. И ложных показаний не давал.

Поднял Самохина:

– Признаёте?

– Нет, – как отрапортовал. – К патронам отношения не имею. По мелкому верно. Чужих денег не брал. Ложных показаний не было.

– Понятно, – протянул судья.

Федину пришли на память слова судьи: «Не особо артачьтесь». И подумал: «Захотел легкой дорожки, чтобы все признали. Эх у всех свои желанья».

Судья спросил у Лебеда.

Тот:

– Вину признаю частично. Патроны не подкидывал. Они были у него. А матом не то что ругался, а поливал...

– А обвинение: «подкинул патроны; незаконно оформили патроны; матом не ругался; дали ложные показания», – алчно блестели глаза у судьи.

Федин ожидал допроса бывших милиционеров, но юрист третьего класса встал:

– Прошу дело отложить. Мне нужно время для ознакомления.

«Ничего себе! – ударило в виски Федину. – Дело в прокуратуре было на следствии. Сколько месяцев пролежало в суде. А ему еще знакомиться! Да меня бы выдрали, если бы я такое сказал».

Но судья дипломатично:

– Что ж, откладываем, – заглянул в еженедельник, – на пятое октября...

Федин подумал: «Год как завели дело, а оно все на Сёме весит. Жуть».

Вышли на чистый воздух, глубоко вдохнули.

– Месяц прокурору для ознакомления!

– Нам лишнего дня не дали, – вспомнил Сёма ограничения Робота.

– Похоже, они блефуют. Может, что-то заработало с жалобами. Есть новости из Генеральной?

Сёма пожал плечами.

Подошел адвокат Тетеря:

– Я узнал. Те барбосы, – Федин понял: шишки из областной прокуратуры, которые скрылись от него, – приезжали переговорить. Чтобы отложить дело. У них что-то там не срастается.

– Вот! – Федин хлопнул по плечу коллегу. – Я тоже так думаю!

Федин с Сёмой пошли к машине.

– Неужели теперь раскрутят? Этих длинноногих кляч разметут. Рыжуху. Лошака Робота.

– Да, да, – поднялось настроение у Семы.

– Вот как бывает. Не знаешь, куда через пять минут повернут. А я-то думал, драка начинается.

– Какая драка? – вздрогнул Сёма.

– Да это я к слову. Сколько бумаг с собой взял...

В руках Федина прогнулся днищем к асфальту портфель.

С неба приветливо поливало ярким светом. Играли бликами капоты легковушек. С детской площадки долетали крики детворы. Несведущие прохожие вряд ли догадывались, какие дела могли твориться в стоявшем рядом бывшем райкомовском особняке.

10

Весь месяц в голове у Федина варилось, как каша: отзовут дело или прекратят на корню, сведут обвинение к минимуму или нет.

Но вот дело снова сдвинулось с мертвой точки.

Только собрались в зале, как Федин решительно встал. Дитина в мантии вытягивал шею и тянул руку к адвокату. Федин подавал одно ходатайство за другим, ломая судье все планы.

Судья уходил в совещательную комнату, возвращался, читал определение, потом уходил с новой партией бумаг, снова возвращался и, как ди-карь, смотрел на Федина:

– Что ещё?

– Да есть малость...

Адвокат гонял судью до обеда. Ему надо было вбить ходатайства. Знал гнилостную сущность судей, которые говорили прохлопавшим адвокатам: «А что ж ты раньше не заявлял?» – и теперь, чтобы не услышать подобное, напирал. На него выпучил глаза прокурор, хихикали адвокаты – вот втерли судье. Окаменели на скамье Сёма, Тетерь и Лебедь, а за решеткой ёрзал доходяга.

Когда Федин вышел в коридор, увидел чуть ли не толпу.

– Свидетели... Я их тут промурыжил.

«Молодец! Так их! А то бы свалились на нас».

Прошел мимо с немного склоненной, словно оправдываясь перед недовольными, головой: «У адвоката работа такая».

После обеда судья погнал. Сначала допрашивали дохляка, который дергал на себе одежду и кричал:

– На все сто, мне подкинули патроны! На все сто, я не матюгался!

– Ну пай-мальчик, – взмахивал руками Федин. – И девять ходок не твои. И мата не было.

Дохляк путался, визжал и, готовый кинуться на решетку, чуть не рычал на сыпавшего вопросами Федина.

– Чё он ко мне? Чё?

А судья пожимал плечами, но изредка вмеши-вался:

– Адвокат, можно не так напористо?

В конце говорил секретарю:

– Запишите замечание адвокату.

После допроса дохляка в зал входили свидетели. Федин вытаскивал из каждого все, что оправды-вало Сёму, от чего судья зеленел, прерывал адвока-та и повышал голос:

– Вы понимаете, что вы говорите?

Свидетель дергался, мотая головой.

Федин протестовал.

В общем, дали жару...

Сёма смотрел на Федина испуганно. Тот мысленно отвечал: «А что мне остается, сложить лапки, как другие адвокаты?»

«Нет», – замирал взгляд Сёмы.

В очередной перерыв сказал:

– Твой человек из Генеральной что советовал: все используйте. Чтобы потом было за что зацепиться.

Сёма:

– Посадят ни за что.

«Хорошо хоть не расстреляют», – чуть не вырва-лось у Федина.

За окном клонили ветви тополя, первые опа-вшие листья сметала в кучи дворничиха. Гудел не то самолет, не то МАЗ на перекрестке, а в зале опу-стевшего суда продолжалась баталия.

Федин пришел домой, шатаясь от усталости. Лег, не раздеваясь, на кровать и пролежал до полу-ночи. Потом разделся, попил чаю и залез под одея-ло. Спать! Спать! Набираться сил!

С утра ехал с Сёмой как на плаху. Но уже не было напряжения первого дня – свою работу он сделал и теперь если и не торжествовал, то успо-каивался.

Исчезла и накаленная атмосфера в коридоре. На этот раз допросили двух свидетелей, и дело от-ложили на пару месяцев.

Как сказал судья:

– Может, до Нового года не закончим.

Сёма опять воскликнул:

– Х-хе, нам следак дня боялся дать! А судья в месяц по заседанию проводит.

Все с облегчением, что не погнали на приго-вор, вывалили из бывшего райкома и окунулись в счастливую прохладу улицы. Казалось, сбросили обузу с плеч – таким далеким показался очередной день суда.

Сёма пропал.

Федин думал: до следующего года уже не объявится.

Так оно и получилось: Сёма позвонил после долгих новогодних праздников.

Федин спросил:

– Какие новости из Генеральной?

– Говорит, разговаривал с «сыном». Тот обещал отказаться от обвинения.

– Вот это да! – захлопал в ладоши адвокат.

Выходило, юрист второго класса из Москвы переговорил с юристом третьего класса из их города и предвиделся неплохой результат.

Как старые знакомые собрались у суда Лебедь с адвокатессой, Тетерь с верзилой-адвокатом, Сёма с Фединым. Стояли на подсохшем тротуаре и ежились. Бывшие милиционеры боялись не вернуться домой. Нервничали адвокаты.

Позвали в зал. Кто-то сосредоточенно замолчал, кто-то напоследок посмеивался, словно впитывая крохи оставшейся свободы.

Пришел панк-прокурор.

«Ну, откажется?» – Федин не решался поднять глаза на юриста третьего класса.

Много прояснилось, когда судья в мятой мантии тяжело сел в кресло за огромным столом.

– Потерпевший... – одернул мантию.

«Небось в ней спал».

Федин сразу понял: речь шла о втором парне, который обвинял милиционеров в отобранных у него деньгах.

– ...Не явился. Хм, выпал из окна, – держал в руках бумажку. – Сломал шейку бедра. Какие мнения будут у сторон?

Адвокаты, опережая подзащитных, затараторили:

– Отложить.

– Как можно без него.

– Пусть вылечится.

Самохин смотрел на прокурора: может, сейчас откажется, но тот молчал.

Дело отложили на февраль.

11

Когда вышли на площадку перед бывшим райкомом, Сёма сразу позвонил другу из Генеральной и пожаловался: «сын» в суде промолчал. Через минуту дружок перезвонил и рассказал, как «юрист третьего класса отбrehивался»: «Да мне рот не дали открыть. Но в следующий раз обязательно откажусь от обвинения Самохина».

Сёма подергивался. Рядом чему-то радовалась его жена. А Федин напряженно молчал, поправляя шапку на голове и переминался с ноги на ногу. Ему с некоторых пор не нравились полные обещаний слова дружка Сёмы.

Он недовольно спросил:

– Что ж он так? Откуда ты нашел такого...

Сёма рассказал, как познакомился с ним. Тот часто проездом из Москвы в районный центр под Воронежем оказывался на автовокзале, где выпивал то кружку пива, то стакан вина, и попал в поле зрения старшины Самохина. Тогда они и познакомились. Старшина сажал подвыпившего прокурора в автобус, предоставлял приют в дежурке, если автобус задерживался. Вот про этого дружка и вспомнил в нужный момент Сёма.

– Что ж... Может, тебе повезло, – сказал Федин.

– Будем надеяться.

– Только бы он покрепче держал слово.

– Я тоже думаю.

Февраль словно сместился в весну.

Но вот снова затрещали морозы, город засыпало пушистым белым снегом, размело в сплошное одеяло. Через пару дней покрывало заблестело корочкой льда.

Снова собрались в суд адвокаты и бывшие милиционеры. Мороз почему-то наводил на мысль, что пэпээсники вряд ли отделаются малым наказанием. Снова перед глазами замаячила колючая проволока. Кто-то пришел с родственниками, чтобы здесь же и проститься. Все ждали жестких событий.

А дело снова отложили... Опять не доставили потерпевшего – он лежал с переломами. Теперь бывшие милиционеры невольно желали самого худшего потерпевшему, адвокаты – как минимум болезни на год, а жены милиционеров готовы были ехать к нему, выбросить его из окошка, да так, чтобы он уже не очухался.

С вопросом, когда состоится заседание – зимой, весной или летом, расходились из суда. Оттяжка играла на руку. Самохин смотрел вслед прокурору, который и на этот раз не открыл рта и кусал губу:

«Вот чертило! Где же обещание?»

Повестки пришли неожиданно.

Федин с Сёмой поехали в суд. Федин не обращал внимания на ручьи в канавах, на лужи на дороге, листал бумаги и думал, что нужно сказать.

Вспомнили прокурора.

Если он сегодня: «Самохин ни в чем не виновен...» – тогда счастливыми покинут суд.

Скажет или не скажет?

А что с Тетерем и Лебедем, их мало волновало.

Душный зальчик с решетками на окнах выталкивал.

Федин с Сёмой переглянулись: что за напасть, прокурор опять не сдержал обещания. Не поднялся и не произнес слов, которые бы откликнулись в Федине и Сёме криком «ура!», а принялся листать страницы уголовного дела и оглашать.

Федин смотрел на прокурора и думал: «У тебя что, с памятью не в порядке? Или Сёму водит за нос дружок?»

В глаза бросилась краснота кожи на лице бывшего старшины.

«Как после бани!»

У Фебина упало настроение, а прокурор гундосил, читая протоколы, осмотры, заключения.

Федина подмывало глянуть на заерзавшего сбоку на скамье Сёму, но он боялся, как бы другие не заподозрили, что у них шли тайные переговоры.

Смотрел на прокурора, который морщился, тер нос, скреб под глазом, клонился на один бок, на другой, языком облизывал подсохшие губы и переворачивал бумаги.

Когда тот попросил объявить перерыв, Федин почувствовал, как стекленеет: «Снова забыл!»

В коридоре прокурор глянул на Фебина:

– Что загрузили?

На что Федин чуть не выдал: «Чего резину тянешь?» – но только зевнул.

После перерыва прокурор опять листал тома, ниже клонил голову к бумагам. Челочка его волос клинышком резала маленький лоб, готовая царапнуть по листу.

Вздрагивал от упоминания своей фамилии Лебедь, невозмутимо держал голову Тетерь, потел Сёма.

Прокурор читал расшифровку злополучной видеозаписи:

– «Ты нормальный. Вот тебя эти задержали. Ты матом ругался. Я правильно говорю...»

– Чьи это слова? – спросил Федин.

– Мои, – сказал Лебедь.

– К Самохину отношения не имеют, – подчеркнул Федин.

– Вот видите! – сказал, мало что понимая, прокурор. – Не мешайте. Дальше: «Задержанный молчит. Лебедь: "Ты слышишь или нет?" Задержанный: "Ты мне обещал разливаху..." Лебедь: "На. И закуривай. Ты нашел четыре патрона. Хотел сдать в милицию. А тебя замели. Выложил патроны на стол. Вот

они. Понял? Нашел, хотел сдать. Матюкнулся. Тебя цап-царап. На, глотай..." Задержанный попил из бутылки. "Угу"».

Прокурор говорил, чередуя разборчивые слова с неразборчивыми.

А все представляли дохляка, который на этот раз отсутствовал.

«К чему это он? Чтобы притянуть милиционеров? – спрашивал себя Федин. – Но мой Сёма ни при чем».

А судья сидел вложив кулак в кулак и постукивал ими по столешнице.

Прокурор:

– Это уже огласил. Это нет.

Все с ужасом смотрели на восемь томов, в каждом из которых по полтысячи страниц.

Неужели прокурор хотел их все прочитать?

Но вот прорвался голос судьи:

– Сегодня все равно не успеете.

Прокурор:

– Да, давайте в следующий раз.

Все расходились. Федин хотел перекинуться словом с прокурором, но тот сам подошел и сказал:

– Все будет нормально.

Федину было трудно понять обвинителя. Это «нормально» могло уже прозвучать. И они бы с Сёмой давно отмучились. Уехали бы с криками «ура!». А они в который раз уходили как в воду опущенные, не радуясь ни теплоте солнца, ни свежести воздуха, ни пению птиц.

Дело ползло. Выступали сослуживцы обвиняемых милиционеров, которые организовали видеозапись. Лежал в больнице на растяжках выпавший из окна потерпевший. Умер один из недопрошенных экспертов. Казалось, дело уже не закончится, а прокурор все улыбался, мямлил, ругался, что попал в нудное дело, а Сёма и Федин пытались понять, почему он до сих пор не сдержал слово.

Заседания опять откладывали.

Судья собирался провести выезд в больницу и у койки опросить словавшего шейку бедра, но с выездом заглохло.

Федин сказал:

– Это ж надо всех везти. Оплачивать гостиницу. Хлопотно.

Лебедь инсценировал сердечный приступ и на заседание не явился. Судья пригрозил всех обвиняемых арестовать:

– Вот закрою! Чтобы не бегать за вами.

Потом прокурор уехал в отпуск. Все с пониманием отнеслись: конечно, лучше на юг, чем трепать в суде нервы.

Когда пробилась первая зелень на земле, все-таки двинулись к финишу.

Прокурор, изрядно сдавший после отпуска («Безбожно пил!» – подумал Федин), прокуренным голосом прочитал остатки дела.

Федин с Сёмой переглянулись:

«Снова упустил подходящий момент!»

12

Допросили милиционеров. Сёма отбивался от обвинения. Лебедь тоже кусался. Тетерь недоумевал, что его хотят посадить.

Назначили прения. Федин не знал к чему готовиться. Если прокурор снимет обвинение, как обещал человеку из Генеральной, – одно, тогда должен коротко выступить и согласиться. Если не снимет, обманет человека из Генеральной (Федин не особо верил в рассказы Сёмы), он должен выступить против него во всю мощь. С неприязнью вспоминал похожего на дохляка обвинителя: сними с него синий мундир, надень рубашку, и получится тот же дохляк, утащивший милиционеров на скамью подсудимых.

Федин не знал, что принесет каждый следующий день, как не знал весь год, пока тянулось дело.

Сёма вез Федина на «девятке», а тот спрашивал:

– Что скажет сегодня этот не то дохляк, не то прокурор?

Федин смотрел на тополя, увешанные гроздьями пуха: подует, и скроется всё в тумане. Но не дуло.

Далеко просматривалась дорога, а ясности по делу не было никакой.

– Сколько тягаемся... А каким будет исход?

Измученные, зашли в зал, следили за прокурором: ему хорошо, он отдохнул, а адвокат с Сёмой об отдыхе забыли.

Прокурор как убил: снова попросил время для согласования позиции.

«Ну кикимора!», «Ну папуас!» – эти слова выстрелили в сознании бывшего старшины и бывшего заместителя командира роты.

А обвинитель промямлил:

– Я не нашел (того-то)... Не нашел (того-то)... – перечислил прокурорских начальников. – Сегодня в два совещание. Там решат.

У Федина заныло в животе: да сколько же можно! Какие еще совещания!

Бесило: сколько раз юрист третьего класса обещал «их» человеку, сколько раз упускал возможность поставить точку, сколько раз ускользал то в отпуск, то знакомиться с делом.

Судья объявил десятиминутный перерыв.

Прокурор в коридоре отбрехивался:

– Надо же чтобы всем было хорошо. Всех устроило.

У Федина при взгляде на сына бывшего шишки ломило зубы.

Когда Сёма тут же по сотовому переговорил с корешком из Генеральной, то засмеялся. Оказывается, прокурор поехал к своему начальнику, и тот ему: «Тебе что сказали? Так и поступай». А тот мензурется: что, если за шкибот возьмут...

Стало яснее ясного, почему прокурор уходил в отпуск, почему ссылался на других: он «сам решал», иными словами, прятался. Пытался ответственность с себя переложить на других, а другие сами прятались.

Федин выругался:

– Судья – идиот! Зачем давать время на согласования. Сказал бы: «Прокурор! Вам слово». И пусть говорит.

После перерыва судья решил:

– Прокурору на подготовку даю сутки.

Тот с растрепанным видом выскочил из суда. Его словно подгоняло мыслями Федина и Сёмы: «Что канючишь?! Скажи одно: отказываюсь. И всё!»

Сёма снова связался с Москвой и услышал матерные слова его знакомого. Тот от поведения подопечного был вне себя.

«Не может же такое тянуться бесконечно. Не может», – думал Федин, через сутки направляясь в суд.

Все собрались в зарешеченном зале. Федин ждал, когда прокурор появится и прорвётся словами: «Отказываюсь от обвинения Самохина». А тот в рубашонке с погончиками слонялся по коридору и причитал приставу, как надоело ему дело, как по ночам не спит, имея одно желание – напиться.

Вот не прошел, а проскользнул в зал за стол. Ни с того ни с сего принесли видеомэгнитофон, вставили кассету и... стали показывать запись.

Федин негодовал:

– Следствие же закончилось! А тут снова.

Оказалось, прокурор захотел посмотреть.

«Создает видимость работы».

Видно было, как вспотели лица у бывших милиционеров. Они вопросительно смотрели на судью: «Что, всё заново?» – на что служитель Фемиды пожал плечами.

На экране появились фигуры. Они двигали руками, входили, уходили как заведенные.

Федин смотрел на прокурора:

«Что тебе тут-то надо, чертило?»

Но вот просмотр закончили: что-то спросили у Тетеря, он что-то ответил, что-то – у Сёмы, тот в своем духе всё отрицал.

Прокурор искривился, встал, поправил рубаху, взял со стола листок, попросил:

– Прикройте дверь.

«Хочет сказать что-то тайное, что Сёма не виновен. Как договорились... Как ему сказали сверху!»

Дверь закрыли.

Прокурор:

– Я не буду полно излагать. Вы все знаете. Отказываюсь.

«Наконец-то!» – Федин почувствовал слабое головокружение.

Прокурор отказывался от обвинения Сёмы по мошенничеству, по даче ложных показаний. Но осталось третье – статья по патронам.

«О ужас!»

И вдруг прозвучало:

– Виновны...

«Ничего себе! А как же обещания?!» – как обожгло Федина.

Он готов был схватить прокурора за грудки.

Прокурор шпарил:

– Самохина к трем годам лишения свободы.

Федин уже не слышал, что Тетерю попросил четыре года, а Лебедю – пять. В висках стучало: «Чертило! А что ты обещал?! Что водил за нос?! Столько звонков! Столько разговоров. Вранья, что тебе не дают слово. Ты бы давно отказался. Но не отказался», – жестко смотрел на «сынка» в синей рубашонке, а тот отводил глаза в сторону.

Федин поднялся тяжело, тяжело произнес первые фразы, с выдержкой посмотрел на прокурора и начал говорить о том, каким гнилым было предварительное следствие, как наворочала Рыжая, как перегибал Робот, но подметил: хорошо, что в суде две статьи отменили, и жаль, что у прокурора не хватило смелости отказаться от третьей статьи. Третья касалась патронов.

Он говорил: Сёма к патронам никакого отношения не имеет. Но из-за Сёмы осудили человека. Сёма оформлял только по-мелкому. Задержанный не ругался, он поливал матом. И как печально, что милиционера хотят посадить в угоду очередной кампании, а сколько кампаний в стране, рассказывать не надо...

Он словно пророчествовал. Его рука то показывала на сынка прокурора, то взлетала вверх, призывая суд к оправданию.

Теперь он надеялся только на судью, этого бывшего адвоката с усталым лицом, которому тоже на-

доела затянувшаяся канитель и душа желала освобождения.

После Федина коротко выступил вальяжный адвокат, за ним долго не могла выговориться адвокатесса.

– Завтра последнее слово, – сказал судья, собирая со стола бумаги.

Прокурор не ушел, а выскочил из комнаты и припустил скорее из суда.

«Бойтся!»

Федин долго укладывал в портфель бумаги, направился к двери, где к нему кинулся Сёма:

– Я в шоке! Неужели сидеть?! За что?!

– И я думаю: за что?

Знакомый из Генеральной долго не отвечал, а потом, когда узнал все, перезвонил:

– Ему приказали.

И назвал фамилию.

«А он что, не приказал? – рвалось из Федина. – Его кинули! Ему утерли нос!»

Немота охватила тело адвоката: он выдохся, устал от перипетий, от обещаний, от обманов, от приказов – от всего устал.

13

Федин с жалостью посмотрел на улыбчивого Сёму:

– Могут закрыть. Ведь попросил реально...

Но бывший старшина еще больше расплылся в улыбке.

«Он не верит, что такое возможно, – пронеслось в голове Федина. – А я повидал, как полковников берут под ручки и уводят».

Сёма снова звонил москвичу, надеясь, что в этой ситуации потребует от прокурора отступную: пусть связываются с судьей, пусть тот смягчит наказание, пусть успокоят, что прокуратура обжаловать приговор не будет.

«Об оправдании уже нет и речи», – думал Федин, вспоминая предупреждение судьи: «Не особо артачьтесь».

День выдался мрачным: облака ползли с севера, дул противный холодный ветер, улицы еще не просохли после ночного ливня, мрачно выглядел и, как всегда, опоздавший прокурор.

Пэпээсники уже высказались – Сёма вину отрицал, Тетерь и Лебедь что-то признавали.

Судья вздохнул и сказал:

– Приговор оглашу тридцатого мая.

На этот раз Федин взял прокурора за руку, вывел за угол бывшего райкомовского особняка и выснял:

– Почему ты не снял все обвинения с Сёмы?

Тот мямлил: советовался с одним, с другим, с самым главным, который буркнул: «Будет так!» И он выполнил его волю.

Один не знающий дела прокурор, сынок экс-облпрокурора, советуется с другим незнающим, а вывод делает самый незнающий. Хорошая тройка вышла!

Близилось 30 мая.

«Какой будет приговор? – как полосовало по душе адвоката. – Самый страшный? Сёму закроют? Из суда увезут в автозаке? Или самый мягкий? Сёма выскочит счастливым? Оправданным?»

Последнее казалось невероятным. Суды предпочитали не ссориться с прокурорскими и выносили решения, редко выходя из колеи обвинения.

30 мая с утра не переставая лил дождь. Сёма не смог заехать за Федевым: попал в пробку, и адвокат добирался на маршрутке. Смотрел на облака, которые могли опрокинуться ещё дождем, и думал о самом печальном исходе.

Сёму встретил на улице. Он разговаривал с конвоирами, бывшими своими коллегами. Среди них пританцовывал Жеребчик.

«Ему хорошо. У него все давно утряслось».

Федин пожал Жеребчику руку, потянул Сёму в сторону.

– Если зайдут эти ребята, – глянул на конвойных, – или приставы, то закроют.

Сёма кивнул.

– Но только без эксцессов. Если что, будем бороться дальше.

Сёма снова кивнул.

Федин подумал: «Что ты милиционеру рассказываешь, он сам был в конвое сотни раз».

Сказал жене Сёмы, что после оглашения приговора можно взять разрешение на свидание, и добавил:

– Это, конечно, в плохом случае.

Склонился к уху маленькой женщины:

– Только ни в коем случае не ругайтесь. Не кричите. Ведите себя благоразумно.

«А то еще кинется царапать лицо судьё», – Федин глянул на ногти на руках женщины и почувствовал, как струйка пота скользнула по его спине.

Федину не хотелось идти в зал, где должна завершиться длившаяся два года борьба. Он тянул до последнего, пока пристав не позвал его.

Склонив головы, стояли перед скамьей бывшие милиционеры. Сёма закрывал своей фигурой жену.

Федин вытащил из портфеля листы, ручку, приготовился писать.

Краем глаза увидел полы черной мантии, свернувшей к столу, – судья.

Он раскрыл красную папку.

Зазвучал монотонный голос, который сначала удивил:

– Постановление.

«Что? Не приговор?»

Но понял: судья читает постановление о прекращении дела по статьям, от которых отказался прокурор.

Слушал: «Хорошее начало, видимо, плох будет конец».

Записывал на верхнем листе, тогда как другие защитники только слушали. Ему мешал выступавший на щеках пот, стекавшие по лбу капли на лбу тоже раздражали.

Хлипкий голос судьи бежал куда-то дальше, сменяя слова, и вот зазвучал сам приговор.

Федин переступил с ноги на ногу.

«Всё-таки...»

Записывал быстрее, протирая щеки локтем, пальцами лоб.

Исписанный с одной стороны лист переворачивал.

Нервно вздрагивал от скрипа двери за спиной, гула шагов в коридоре, крика детей под приоткрытыми окнами.

Судья произносил слова, из которых трудно было понять, что будет в конце. Вроде где-то близко присутствовала фраза «крови не будет», но ощущалось и «будет». Он писал, боролся со струйками на лице. Поглядывал на красную папку в руках судьи, который, дочитав очередной лист, выкладывал его на стол и читал следующий.

«Сколько их?»

Федину было неудобно потеть, неудобно стоять, неудобно писать.

Уже подумывал: не сесть ли.

А дверь поскрипывала.

«Конвой готовится зайти? Сёму закроют?»

Не видел, но чувствовал спиной бывших милиционеров.

Теплилось: «Закроют Лебеда. Ему просили пять лет. Ну двух, с Тетерем, ему – четыре года. А Сёму не тронут».

Лист изгибался, кончик стержня попадал на место, куда упала капля пота, и соскальзывал, искал сухое место, лист чуть не выпадал.

Внутри с обидой поднималось: «Эх суды! Сажают невинных!»

Вспомнил Сёму и его жену: «Наивные, надеются на ноль».

Но вот бросил писать, глянул на судью, который стоял и читал, на стопочку сложенных на столе листов, на папку, корка которой так скрыла остальные листы, что неясно, сколько еще продолжится чтение, увидел сжатые кулаки Сёмы, сложенные на животе руки Лебедея. И, уже не стесняясь, вытирал рукавом пот: когда же это кончится.

Кричали на площадке дети.

«Да, у кого детские дела, а у кого – взрослые».

Снова писал.

«Адвокаты кончают жизнь в судах», – вспомнил фразу знакомого старичка-адвоката.

Исписывал пятый лист с оборотом, а который лист читал судья, сбился со счета.

«С таким приговором светит червонец!»

Вдруг зазвучали слова, которые отдались в сознании: «крови не будет». Судья усомнился в показаниях дохляка, с которого все пошло, усомнился, что ему подкинули патроны, что тот не ругался матом...

«А я что два года твержу!» – всколыхнулось в Федине.

Надежда ворвалась в душный, хотя и с приоткрытыми окнами зал.

«Ура, – звучало салютом, – Сёму оправдали!»

Еще минуту назад зашкаливало от самых мрачных мыслей, а теперь – от самых радостных.

На душе пробило таким светом, что в глазах прыгали солнечные зайчики.

Стреляло смешными словами:

«Эх прокурор! Просил три года отсидки. Следаки, идиоты, прилепили аж три статьи! Они отлетели. Судья когда-то грозил: «Не особо артачьтесь», а теперь отлепил последнюю».

То, что Тетерю дали год условно, Лебедею два года условно, отразилось счастливой улыбкой на их лицах.

А Сёма стоял, еще не веря в то, что произошло.

Дверь открылась, вошли конвойные.

Вбежал Жеребчик.

Они жали руки Сёме.

Трясли за плечи.

«Вот почему скрипела дверь, они подслушивали приговор», – понял Федин.

Если бы позвал судья, они бы зашли с наручниками.

Федин локтем растер усеянное каплями лицо.

Вышел на улицу, заметил, как очистилось небо. Ему было хорошо.

Дорожка перед судом гудела от шума. Бывшие милиционеры от радости забыли про адвокатов.

«Что ж, хорошо!» – хлопнул себя в грудь Федин. Это был первый в его адвокатской жизни оправдательный приговор.

Сёма приходил в себя: оправдан!

Смеялся:

– Сходил в вынужденный отпуск...

– Что, снова служить?

– А что, стреляный воробей ценится больше!

Он собирался вернуться в милицию, переименованную в полицию. На него с завистью смотрели Тетерь с Лебедем.

15

Сёма на какое-то время пропал, а потом объявился:

– Что мы можем сделать Роботу? Рыжухе? Они ж столько наворожали.

– Размазать, – сказал Федин. – Вот только приговор вступит в силу.

Они с Фединым ездили в суд и узнавали, поступил ли протест. Думали, не дай бог, обжалуют приговор. Лебедь и Тетерь, конечно, не стали бы. Он их устраивал. А вот прокурор?

Москвич в разговоре с Сёмой сказал:

– Я приеду. Посажу этого сынка прокурора и буду выяснять. А ты будешь сидеть рядом, чтобы тот не соврал.

Протест не приходил.

В последний день, 9 июня, когда истекал срок обжалования, Сёма на «девятке» снова заехал за Фединым.

Ему не терпелось убедиться, что муки окончились.

Они ехали и смеялись.

– Как лоханулся прокурор! – восклицал Сёма.

– А судья его кинул, – вторил Федин.

– Думаю, он не осмелится еще раз высунуть нос.

– Как сказать, он же ничего не делает сам, а все по совету.

– А мне в милицию, полицию – как?

– Раз ты несудим, то зеленый свет. Вся эта дребедень оказалась пустышкой. Вот малость уляжется, и пойдешь. И дослужишь до пенсии.

– А я могу с них моральный вред взыскать?

– Думаю, что да, – сказал Федин и невольно подумал: «Нервничают следователь и заместитель руководителя следственного отдела, ожидая развязки». – Мы же писали жалобы в Генеральную. Вот теперь стрясем оттуда ответ с выводами. Мы два года назад говорили, что гиблое дело затеяли.

– Да, да, – на лице Сёмы играли зайчики.

Подъехали к суду. Сёма остался в машине, а адвокат направился к зданию.

Его поприветствовал пристав:

– Что это ты в конце дня?

– Да думаю сегодня ставить точку в деле пэпэ-эсников.

– А, понимаю.

Федин вошел внутрь уже приевшегося взгляду и душе здания.

Ни судьи, ни его помощника на месте не оказалось.

«После такого приговора отдыхает», – подумал Федин и для верности направился в канцелярию:

– Девочки, тут прокурор ничего не присылал?

– По какому делу? – спросила пожилая шатенка в строгом платье.

– Да милиционеров.

– Что, оправдали?

– Да, – он сказал, надеясь услышать отрицательный ответ и тогда на подъеме с криком «Мы победили!» выскочить на улицу.

Но шатенка:

– Как же они простят оправдательный приговор.

Это насторожило.

– По делу Самохина, Лебеда, – проговорил Федин.

И услышал:

– Час назад принесли.

Никак не ожидал такой прыти от прокурора.

Его как будто било током.

А шатенка:

– Я вам уже послала копии протеста.

– Уже и послали?

– Судья просил.

– Выходит, не согласны... А можно посмотреть хотя бы, кто подписал?

– Да, – заглянула в бумаги.

И назвала фамилию сына бывшего прокурора области.

– Тварь! – выскочил Федин.

– Кто тварь? – летел вслед голос шатенки.

Они ехали с Сёмой и разносили салон криками:

– Сволочь, нет чтобы заткнуться!

– А то еще сам написал!

– Где же его обещания?!

– На Луне!

У Фебина скрючились в судороге пальцы. Схватил бы ими за шею прокурора, попадись тот сейчас.

А Сёма стонал от бессилия:

– Получается, отпуск продолжается.

– Покой нам только снится, – выдал адвокат.

Теперь ждали рассмотрения протеста.

Его назначили на август.

Федин прибежал в областной суд и удивился: дело должен был докладывать чернявый судья, который вклеил одному его подзащитному восемнадцать лет. Давняя история. Гаишник вымогал у водителя, который не там остановился. Помогать гаишнику вязался мужик в сапогах рыбака и с удочкой, и они с водителем повздорили. Сначала словесно. А потом... В общем, рыбака нашли с пятнами крови на виске у магазина. Рыбаком оказался майор милиции. Как Федин ни доказывал, что водитель, молодой парень, не в состоянии справиться с майором вдвое крупнее его да еще кинуть на три метра (на таком расстоянии на стекле магазина нашли отпечатки крови), парню не помог.

Вот этот чернявый судья мягким голосом сказал:

– Да, завтра ваше дело.

Федин ехал с Сёмой, а Сёма вспоминал:

– Год назад дело направили в суд. Два года как возбудили.

– Будет три, если сегодня не кончится. А что там наш «москвич»?

Сёма промолчал.

По его лицу скользнула улыбка, он и здесь надеялся на удачу и на конец своим мытарствам.

Федин неожиданно заметил, что у него стало портиться зрение. То, что еще месяц назад четко различал на бумаге, что мог прочитать, расплывалось и теряло четкость. Он еще пытался читать и писать без очков, но такое занятие превращалось в муку.

Пришлось идти в «Оптику» и выбирать стильную, полупрозрачную оправу, подбирать стекла.

Теперь Федин очкариком сидел в одном из полусотни залов похожего на рубку подводной лодки областного суда.

Тройка судей: чернявый, крашенная блондинка в очках с позолоченной оправой («Одна из бывших жен члена Конституционного суда», – отметил Федин) и грузный детина – встретили вошедших в зал защитников и бывших милиционеров без особых эмоций.

Чернявый рвано тонюсеньким голоском рассказывал о деле.

Потом заговорил прокурор с прилизанным подбором, в отглаженных кителе и брючках.

Блондинка, сняв очки, огрызнулась прокурору.

Федин оценил это как признак успеха.

Но налетела и на адвоката, стоило ему упомянуть дохляка:

– У него десять ходок!
– Не надо нам жаргоном! – обрезала.
– Извините, но десять раз судим. И как это он не ругался матом?

Федин высказал свое мнение о выступлении прокурора, которое содержало набор общих слов и намеки: «не совсем все оценено», «не очень точно», «туманно».

– Ничего конкретного мы не услышали от обвинителя, – развёл в конце руками Федин и снял очки.

Сёма не успел сказать два слова, как у блондинки затренькал сотовый, и она, говоря на ходу, скрылась за дверью, а потом вернулась. Не обращая ни на кого внимания, произнесла:

– Суд удаляется на совещание.

За ней потянулись чернявый и детина.

Все ждали: оставит тройка приговор в силе или отменит?

Федин слышал, как щелкал портсигаром прокурор, как стучали по полу ноги Сёмы, как кто-то ходил за дверью.

Федину хотелось наконец-то сбросить с плеч затянувшееся дело, увидеть облегченно вздохнувшего Сему, его жену, всех людей, втянутых в эту мучительную историю.

Так хотелось, чтобы решение районного суда осталось в силе.

Федин вздрогнул: слышались шаги, возвращалась тройка.

«Ну?! Что?!» – заметалось внутри.

Надел очки, приготовился писать.

Но голосок блондинки заключил:

– Приговор отменить...

«Ух! Врезать бы судье! – промелькнуло в голове. – Повязана с прокурором!»

Осекся, на женщину поднять руку не смог бы.

– Дело вернуть в районный суд на новое рассмотрение...

Федин снял в один миг запотевшие очки.

Вытер рукавом лоб.

Он выходил из областного суда, а его воротило. Он не знал, когда окончится эта долгоиграющая судебская пластинка.

И все отчетливее представлял незавидную судьбу тех, кто хочет добиться справедливости.

Смирись Сёма, давно бы отбыл срок, а он не смирился. Стал упираться, доказывать. И затянуло. Засосало так глубоко, что не знаешь, когда со своей честностью оттуда выберешься.

Такого долгого дела, чтобы год шло следствие, год тянулся суд, снова вырисовывалась многолетняя судебская перспектива, Федин в своей практике не припоминал.

Ждали, когда дело вернется в районный суд, к какому судье попадет. Но ничего узнать не могли. Гробовое молчание нарушил холеный судья, который вынес оправдательный приговор. Он позвонил, расспросил, кто был в тройке, кто докладывал и прорвался руганью. Негодовал, что его труд полетел насмарку.

Крыл милиционеров последними словами:

– Эх! Не могли защититься!

А защита оказалась плевой. Только Федин с Сёмой воевали, а остальные пустили все на самотек, надеясь, что их вывезут чужие сани.

Не вывезли!

– Вот теперь влепят по самое никуда! – в сердцах бросил судья, вложив в слова всю силу своей обиды.

Федин подумал: «А помнишь, как сам меня гнул: "Не особо артачьтесь"?»

А он с Сёмой заартачились и добились оправдания.

«Так что ж в других тычешь?!»

Ему вдруг представился этот холеный в прошлом адвокат, а теперь слуга Фемиды, дерущийся с другими судьями.

Вот бы!

Но драк в среде судейского сообщества не припоминал. Знал, как дрались между собой милиционеры, даже как избили судью, но чтобы дядя в мантии кинулся на тетю в мантии, кто-то кому-то заехал кулаком в лицо, а кто-то вырывал волосы клочьями, даже из курса истории не припоминал.

Судья прямо спросил:

– Будете подавать надзорку?

– Обязательно, – кивнул Федин.

– А ты знаешь, что зять докладчика – прокурор нашего района?

– И что из этого следует?

– Не понял? По его команде писался протест. Протест попал к тестю. Все!

– Круговая порука! – сказал Федин, взглянул на окно, которое потемнело от наплывшей на город тучи, и вдруг понял, что Сёме впаяют приличный и совсем не условный срок.

И еще он понял, что его первое выигранное адвокатское дело оказалось проигранным.

Иван ЦУПРИКОВ

Иван Валентинович ЦУПРИКОВ родился 27 августа 1962 года в Крыму. В 1984 году окончил Львовское высшее военно-политическое училище.

Офицерскую службу начинал в газете воздушно-десантных войск в Прибалтийском военном округе. С 1985 года служил в Афганистане. Награжден орденом Красной Звезды.

С 1989 года работает редактором корпоративной газеты «Транспорт газа» ООО «Газпром трансгаз Югорск». Живет в городе Югорске Тюменской области.

В 2007 году в московском издательстве «Газоил пресс» вышла его первая книга «Афера». Член Союза писателей России.

РАССКАЗЫ

«ДЖЕЛАЛ АД-ДИН»

Полицейский дал расписаться в документе, отодвинул от себя охотничье ружье и, показав ручкой на сувенир, стоящий в серванте, спросил у Федора Алексеевича:

– Патрон 12,7 от ДШК, если не ошибаюсь?

– Точно, – улыбнулся Федор. – Это сувенир, он без пороха, так что не взорвется и не выстрелит даже в огне.

– Да-да, это правильно, – старший лейтенант взял пластину из оргстекла и стал рассматривать впаиванный внутри неё патрон.

– Где вы служили, Федор Алексеевич?

– В десантных войсках, после военного училища сначала в Туле, потом в ДРА.

– В Афганистане? И оттуда привезли его? – полицейский поднял сувенир и на свету, падающем из окна, рассматривал маленькую надпись на фарси.

– Ну, – развел руками Федор. – Так он же незаряженный.

– Да, вы об этом уже говорили, – успокоил хозяина квартиры участковый. – У моего отца такой же сувенир есть, только не в оргстекле, а сам по себе, отполированный до блеска. Правда, выставляет он его напоказ только 23 июля и 15 февраля и вспоминает и поминает в этот день своих сослуживцев. И название дал ему какое-то необычное: «Джелал ад-Дин». Спрашивал у него, почему так он назвал этот патрон, а он говорит: «Подрастешь, расскажу», – ухмыльнулся полицейский. – А я уже вроде и не маленький, – и

смущенно посмотрел на Федора, – мне уже двадцать семь лет, а для него я все еще ребенок.

– Погоди-ка, погоди-ка, лейтенант, – взяв за руку полицейского, Федор внимательно посмотрел в лицо молодого человека. – Вы случайно не сын Лукашова Саши?

– Да, – полицейский вопросительно посмотрел на Федора.

– Он волгоградец же?

– Да, и я оттуда, только после академии служить сюда направление получил.

– Вот это да, – не стесняясь появившихся в глазах слез, прикусил губу Федор. – Я же командиром был у него. Это же на Панджшере нам каждому из нашей группы по такому патрону сами душманы вручили, – крепко сжимая руку полицейского, хозяин квартиры присел на диван. – Сашка жив, значит, молодец. А дайте-ка номер его телефона, если можно, конечно, – прищурившись, посмотрел на участкового Федор Алексеевич. – Позвоню ему прямо сейчас. Это же наш пулеметчик ефрейтор Лукашов, награжден медалями «За отвагу», «За БЗ». То есть «За боевые заслуги», – поправился Федор.

– Так точно, – согласился старший лейтенант.

...«Широкая трещина в камне, скорее всего, была чьей-то норой, – думал Федор, всматриваясь в углубление. – И жил здесь какой-нибудь горный тушканчик, может, крыса, а потом змея, съевшая его или ее, и пряталась она здесь от ветра и солнца, – смотря на кусочек змеиной шкуры, прилипший к нижней части камня, размышлял Федор.

Вот так и мы, как змеи, залезли сюда и поджидаем свою жертву. Хорошо, если будет не больше десяти духов, и пойдут в открытую на нас, – глубоко вздохнул лейтенант и поправил спальный мешок, на котором лежал. – А может, это мы думаем так, что в засаде находимся, а духи сейчас откуда-нибудь снизу к нам крадутся или выцеливают нас с вершины».

Федор всматривается в хребет напротив себя. На его острых иглах-вершинах навряд ли кто-то из людей может расположиться, только мыши, змеи, но и, несмотря на эти предположения, страх все же не оставляет его в покое. По известной им тропке могут подняться наверх душманы.

Лейтенант в тысячный раз, насколько это возможно, внимательнее всматривается в скальные навесы над сухим руслом ручья, по которому они пришли сюда, и останавливается на одной и той же мысли: если бы каменные навесы обвалились, то от них ничего бы и не осталось.

На сыпучей каменной стене удерживалась небольшая сосна, скрутившаяся вокруг камня змеей, и это поражало.

– Костя, – тихо окликнул он лежащего у валуна рядового. – Что там?

– Чисто, товарищ лейтенант.

– Лукашов?

– Ничего. А в бинокль можно посмотреть? Там, – показал большим пальцем вниз, – у арыка все в кустарниках, ничего не видно...

– Тебе что, жить надоело?! – чуть не выматерился командир.

– Да я... – под смех лежащих недалеко от него солдат сконфузился ефрейтор.

«Салага, – подумал Федор, – вроде и говорил всем, что днем не то что бинокль, даже банку консервную нужно прятать от солнца, чтобы бликов не создавать. Снайперу только и нужно нас приметить, любой солнечный зайчик для него хорошая подсказка, где прячутся шурави. Салага».

– Зеленый, чего говорить, – улыбнулся сержант Лизунов из медслужбы. – Может, перекусим, товарищ лейтенант, а то кишки уже друг друга пожирают.

– Товарищ лейтенант, – окликнул офицера лежащий с другого бока радист, – по округе все спокойно.

«Хорошо, – подумал Федор. – А жрать действительно хочется, блин. И кто же придумал эту высоту – только двинься, и сразу же на мушке у духов окажешься. Видно, специально здесь склад с минами сделали, так легче охранять его, – и посмотрел вдаль направо, за медбрата, на расщелину, возвышающуюся над ними. – Совсем рядом, метрах в трехстах от нас, может, чуть больше. Если оттуда духи нас увидят, то перещелкают, как в тире. Но пока там наши. Кто, интересно?»

Сильное шорканье по камням ползущего человека невольно вспугнуло размышляющего Федора.

– Товарищ лейтенант, там осел у арыка, – доложил солдат Сеница.

– Где? – высунулся чуть вперед Федор.

– Да вы что! – удержал его за пояс солдат и потянул назад. – Это с той стороны, под ущельем. Метров сто отсюда.

– Думаешь, караван где-то рядом?

– Так он в ущелье, осел этот, давно уже пасется, товарищ лейтенант.

– А вчера он там был?

– Не видел.

– А позавчера?

– Нет?

– А говоришь, давно.

– Ну мяса столько, – громко глотнул слюну солдат.

– И че? – не теряя самообладания и не повышая голоса, спросил лейтенант.

– Так, может, я его сейчас по-тихому, в глаз пулькой – и все, а под вечер заберем.

Услышав предложение снайпера, Федор про себя согласился с Сеницей: «И действительно, так жрать охота. Что там у нас из сухпайка осталось: по сгущенке малость, по полтора сухаря, да банка каши на двоих. Ну, блин, как всегда, вместо гранаты лишней по банке каши бы взять. Так не-ет, лучше магазин да пару гранат. Граната или каша – что лучше, блин, что раньше родилось – курица или яйцо?»

– Товарищ лейтенант, – подергал Федора за штанину Сеница. – Я быстро, раз – и все.

– Солдат, твоего одного щелчка хватит, чтобы нас вычислили здесь, и всё! Мы сами станем этим мясом, понимаешь?

– Так, товарищ лейтенант, у меня глушитель новый, – словно какому-то дураку хочет объяснить солдат, почему их обед должен состоять из мяса ишака.

– А эхо? – спокойно, тихо спросил офицер, заметив, что на него открыв рты смотрят все находящиеся рядом солдаты.

– Так... – видно, и нечего было больше сказать Сенице. Поджав губы, он просящим взглядом смотрел на своего командира.

– Вот ветерок разгуляется, тогда и посмотрим. Сам, ребята, кусать хоцю, – сбил возникшее вокруг напряжение Федор. – Очень хочу, но вы мне дороже.

– Ну, товарищ лейтенант, – сказал полнощекый, с маленьким носиком солдат из взвода снайперов Сеница, – если не мы, так они его сейчас забьют. Ну наши соседи с ущелья.

– Вот тогда и поделимся с ними, – обрезал солдата лейтенант.

– Ха, – нервозно ухмыльнулся Сеница.

– Я понятно сказал, Сеница? – чуть повысил голос Федор и посмотрел на недовольное лицо снайпера.

– Понятно, – отозвался тот и шумно пополз обратно к своему месту.

«Был бы ты в моем подчинении, так я бы тебе, Сеница, кучу нарядов дал, – подумал Федор и тут же еле-еле сдержал себя от смеха. – Нашел же чем наказывать. Наряд! Когда все на боевых, в наряде самая спокойная жизнь: командира нет – отдыхаешь, на кровати бока отлеживаешь, и все у тебя по распорядку – завтрак, обед, ужин, а перед сном еще и второй ужин

можно закатить и тащить на стол все, что завалилось в БТРе или БМП. Жизнь, однако».

Громкий щелчок, раздавшийся где-то вдали, привлек внимание. Федор посмотрел назад.

– Вот я же говорил, товарищ лейтенант, с расщелины хлопнули осла этого, – услышал он недовольный голос Синицы. – Я тогда спущусь за кусочком?

– Похоже, не с ущелья, – перебил снайпера медбрат, – а вот с той зеленки, – и ткнул пальцем вниз, в сторону полувисохшего ручья, заросшего со всех сторон кустарниками, деревьями.

Тишина, звонкая, не дающая покоя тишина. Её разорвало шорканье быстро ползущего снайпера.

– Товарищ лейтенант, это не наши его били, – словно стараясь оправдаться перед командиром, начал быстро и громко шептать снайпер. – Из бура с потрепанным глушителем били. Точно, по звуку именно так.

– Откуда, ты говоришь? – обернулся к Синице Федор. – Давай-ка сюда, – и ткнул рядом с собой.

На карте, разложенной между ними, снайпер повел пальцем по ущелью и остановил его на высоте 2 538.

– Вот примерно отсюда стреляли.

– И что ишак?

– Махнуло его вперед, даже не поняла скотина, что с нею случилось. Голова вдребезги, как от гранаты.

– Попадание в голову, значит.

– В затылок, – уточнил Синица. – Метров со ста-полутораста стреляли, из бура.

– А может, из американской винтовки какой-нибудь или нашей? – вставил свое слово медбрат.

– Нет, звук бура я хорошо знаю.

– Как тебя там?

– Юра, – поняв, что хотел спросить у него лейтенант, представился Синица.

Федор, упершись лбом в ладонь, задумался: «Ну и что будем делать, Юра?» И через мгновение спросил:

– Ну если бур, говоришь, то, может, кто из наших им специально воспользовался, чтобы в заблуждение вести духов?

– А в нашем взводе «охотников» нет, – воспротивился Синица. – Они, чтобы не промазать, в круп стреляли бы.

– А ты, Юра, охотник?

– Ха, у нас в поселке все охотники начиная с первого класса. Пока отцы на лесоповале, пацаны дробовики тырят у них – и в лес по рябчику, по глухарю.

– И откуда ж это ты?

– Да под Хантами живу, – Синица махнул рукой, будто ведет простой разговор со знакомым. – Слышали, есть такой город, товарищ лейтенант, Ханты-Мансийск? Там у нас кругом леса, дичи уйма. После войны приезжайте ко мне в гости, свожу на охоту, на рыбалку.

Но Федор его уже не слушал, а, быстро сложив карту в подсумок, пополз впереди Синицы к расколотой от снаряда или старости своей каменной глыбе.

– Не, сюда нельзя лезть, товарищ лейтенант, – удержал офицера за комбинезон Синица. – Это место, скорее всего, пристреляно ими.

Федор с удивлением посмотрел на солдата.

– Вы вон туда, – указал подбородком Синица правее, в сторону ровной площадки.

– Так...

– Я знаю о чем говорю! – настойчиво уже не прошептал, а проговорил Синица. – Там камень с травой сухой, за нею навряд ли вас заметят, только траву не поджигайте, через нее смотрите, – совет за советом сыпал Синица.

«Профессор, – подумал Федор. – Учитель нашелся, ну паря!»

Солдат был на все сто процентов прав, это тоже понимал Федор, но его советов, этого еще молодого девятнадцатилетнего пацана, почему-то стыдился. Хотя, что говорить, ему-то и самому еще и двадцати трех лет нет. Двадцати трех, но в армии – это возраст! Тем более он все же офицер, а командовать взялся им солдат. Рассказал бы друзьям, смеху бы было. Хотя это там – в Союзе, а здесь кто опытнее, тот и советуется, это на войне важнее. Но все равно как-то стыдно.

Лейтенант аккуратно стал просматривать сквозь траву нижнюю часть хребта. Действительно, с этой стороны напротив них вертикальная скала, она в трещинах, и в них тоже не спрячешься – мышинные поры.

«Ну снайпер! Молодец, снайпер!» – оценил Федор опыт солдата.

– А теперь вправо посмотрите, товарищ лейтенант, градусов на двести–двести десять, – продолжал корректировать офицера Синица. – Поняли как? Вот там, видите, кустарник прямо как мох заползает на камни? Вот. А за ним расщелина, видите? Она неширокая, ну метров пятнадцать–двадцать.

– Нет, больше, – поправил лейтенант.

– Ну, может, – согласился снайпер. – Вот оттуда и стреляли, – поставил точку Синица.

Федор отполз и задумался: «Да, эта ситуация нехорошая. Совсем нехорошая. Совсем. Так это квадрат четвертый или третий? Кто у нас на шестом? Ребята с первого взвода, а позывной у них какой?»

– Радист! – окликнул он солдата. – Саня, кто у нас на шестом квадрате?

– Сто семьдесят четвертый.

– Передай им: «Волк на пятом», – и вздрогнул от громкого взрыва, произошедшего напротив них, на расщелине, оседланной их первым взводом.

– За камни! – только и успел скомандовать Федор, и вспышки за вспышками от минных разрывов окутали расщелину. Сотни камней-осколков, к счастью, не долетавших до высоты, на которой расположилась группа Федора, дымными или пыльными полосами начали падать на дно ущелья.

– Теперь это ждет и нас? – дрожащим голосом спросил медбрат, не сводя глаз с лейтенанта.

«Вопрос правильный, – подумал Федор. – А что делать?»

Глухие залпы пулеметных и автоматных очередей эхом ударили в ответ с того места, где продолжали лопаться снаряды.

Федор, наблюдая за ними, думал про себя: только бы не скучковались в одном месте, а то миной нарочет всех разом...

– Товарищ лейтенант, что передать? Вызвать вертолеты или артиллерию в помощь нам? – затараторил радист.

Федор посмотрел на него и помотал головой:

– Этого еще не хватало, солдат! Продолжай следить за своим участком, чтоб, блин, ничего не проморгал.

– А чего?! – то ли возмутился, то ли спросил радист.

– А куда палить? – вопросом на вопрос ответил Федор.

Солдат пожал в ответ плечами.

– Смотри, – и, сложив в кружок большой и указательный пальцы, Федор спросил у него: – Гаубица сюда с пятнадцати километров попадет?

Солдат снова пожал плечами.

– В нас точно, – поддержал офицера пулеметчик. – Знаем это, товарищ лейтенант, наловились на прошлых боевых от них таких огурцов.

– А вертолету что бомбить? – спросил лейтенант...

Скорее всего, сам себе задал этот вопрос Федор. Увидев пулеметчика, прижавшего к себе РПК и ползущего к краю скалы, крикнул:

– Лукашов, стой!

Парень замер, вопросительно посмотрел на командира и тут же получил хороший подзатыльник от лежащего рядом с ним сапера.

– Им только и нужно, чтобы кто-то из нас выглянул. Ты понимаешь это? – раздраженно, чуть не закашлявшись, выдавил из себя Федор. – Ладно, ты один погибнешь, но ты же и всех нас сейчас выдашь, а в нашем положении здесь и одной мины вполне достаточно, даже простой гранаты хватит. Ты понимаешь это, солдат?

И только теперь стало заметно, как пулеметчик испугался окрика раздраженного командира, и рывками, осматриваясь по сторонам, отполз назад.

– Так я... – и снова получил подзатыльник от сапера.

– Ладно, мужики, слушай меня, – Федор замолчал. – Не знаю, чья дурная башка указала нам это место, но по карте всего не узнаешь. Задача такая: когда начнет темнеть, переберемся ниже и зайдем оборону у душманского склада. Ты там все проверил? – и посмотрел на сапера.

– Ну да, я же вам докладывал.

– То было, боец, утром, а уже день, – обрезал лейтенант. – Дай бог, чтобы они, пока мы здесь на гнездышке сидели, не подложили там внизу нам чего-нибудь нового.

– Так я проверю, – согласился сапер.

– Только бы была удача, мужики. На край не ползай. Дембеля?

Два солдата тут же откликнулись.

– Ты – за камнем, – кнул Федор пальцем в медбрата, – а ты – справа от него, – это уже касалось

снайпера. – Ребята, на вас вся ответственность, слушайте, думайте, помогайте. Чтобы все мы живые вернулись отсюда. А ты, боец, – сказал он Усману, – ты только рядом со мной и все делаешь только по моему приказу. Понял? Их язык никто не знает, кроме тебя, и читай молитвы свои, или, как их там у вас называют, суры, за нашу победу. Понял?

Солдат Мантураев в ответ кивнул.

Ружейный огонь и взрывы закончились.

Федор, прикусив ремень полевой сумки, затаился, вслушиваясь в тишину. Она, как всегда, была обманчива, особенно в той ситуации, в которой они находились в данный момент. Командир батальона, когда ставил ему задачу, тихо сказал, что со дня на день ожидается в точку «А» приход группы душманов за минами или с минами. Они готовятся к новой операции. По неизвестно откуда полученным сведениям, в точку «А» из Пакистана должно поступить или уже поступило новое секретное оружие.

Скорее всего, он говорил о противоавиационных ракетах «Стингер», догадался Федор. Но когда он с сапером осматривал душманский схрон, к которому подвел их проводник Джелал, там ничего, кроме мин, не было обнаружено. Все мины противотанковые, итальянского производства. Их много, пятьдесят семь. Может, в других тайниках что-то посущественнее есть? Но Джелал ничего по этому поводу им не сказал – или торопился, или не знал, но Федор переспрашивать его не стал, мол, сам разберется. Да и ребята из соседней группы торопили Джелала, он был единственным проводником.

– Товарищ лейтенант, – вылез из пещеры-склада сапер, – вы правы, – выложил перед Федором несколько гранат: – Наши... – и, уловив внимание офицера, продолжил: – Чуть сам не попал: по самой земле протянули струнку и взрыватель заменили на бесшумный, двухсекундный, «лепестки» наши у входа с той стороны валяются – ПФМки. Так что выход нам прикрыли по самое не хочу.

– «Каблучки», говоришь? Ты с этими минами дело уже имел?

– Днем, в спокойной обстановке, да, а в такой и ночью – нет, – развел руками сапер.

– Значит, теперь мы в капкане, хочешь сказать?

Сапер пожал плечами.

– А в складе изменения есть какие-нибудь?

– Это меня больше всего и удивило, товарищ лейтенант, – забарабанил пальцами по камню солдат. – Я там три ловушки поставил, не тронуты.

– Хочешь сказать, увидели их?

– Похоже, нет. Они-то здесь и не применялись вроде. Сам их придумал, еще в учебке.

– Дай бог! Но вот в чем дело, солдат, – время у нас заканчивается. Со складом неизвестно что делать: подрывать или вывозить эти мины. Что прикажут, тогда и узнаем. А выходить отсюда, получается, только вертолетом.

– Можно и пешком, – прошептал солдат.

– Воробьев! – окликнул командир.

– Да!
– Коля!
– Так точно, товарищ лейтенант.
– Ты уж извини меня, Коля Воробьев, все крутилось на языке твое имя, а вспомнить никак не мог, – Федор почесал лоб. – Так как отсюда по-другому выбраться?

– Прыгать. Там с правой стороны выступ на метр выглядывает из скалы, может, чуть больше, – поправился сапер. – Потом еще с метр ниже два выступа, как ступеньки. А дальше...

– Откуда ты знаешь об этом?

– Так вчера вы же сами приказали посмотреть все отходы. И я вам докладывал об этом. И самое главное, они выходят на ту высоту, – Николай кивком подбородка указал на расщелину справа. – Там же наши.

– Если снова завяжется перестрелка, нужно посмотреть эти выступы, так сказать, прощупать их, – начал размышлять вслух Федор.

– Я не против, товарищ лейтенант.

– Да-да, ты не против. И я тоже хочу посмотреть их. Только так, Коленька, канат приготовить. Скажи, мы там все поместимся?

– Где? – не понял он командира.

– В пещере с минами.

– Трудно сказать, товарищ лейтенант. Трудно, – задумался сапер. – Если не только в пещере, в которой склад, то да. Там ниже все равно все будут прикрыты этими выступами-ступеньками, товарищ лейтенант.

– Всем слушать меня... – голос командира звонко рванул тишину.

Нужно отдать должное опыту прапорщика Евгения Циплёва, командира первой группы, занявшей засаду на вершине расщелины, он сразу же понял идею Федора, ответив по радиации: «Шаг и мат, говоришь? Ну попробуем».

И долго ждать не пришлось: из расщелины раздалось несколько одиночных выстрелов в сторону зелены. Но в ответ тишина. Значит, поздновато пришла хорошая мысль, подвел итог своей разработке Федор и уже хотел было дать соседу отбой, как услышал канонаду пальбы: все нормально, душманы свою дислокацию не поменяли.

...И стены пещеры содрогнулись, вниз посыпались мелкий камешек и пыль – это Женька пустил несколько мин по вершинке группы Федора Каменева.

«О еще пару разрывов вверху, только бы духи это видели, – щелкал костяшками пальцев Федор. – А что потом? Подумают, их склад остался без охраны шурави, и...»

– Синица! – окликнул Федор. – На тебя вся наша надежда.

– Да, да, товарищ лейтенант, я вас хорошо слышу.

– С Лукашовым сейчас за мной пойдете.

– Есть, – ответил снайпер.

– Перекусите чего-нибудь, ночью будет не до этого. У тебя ночной прицел работает?

– Так точно!

– Только не кричи, Саня, свой проверь тоже, как будет темнеть, наденете их сразу. Духи могут ползти

сюда с двух сторон. Синица, будешь работать налево, с этой стороны только поодиночке они лезть будут. Саня! Лукашов!

– Слушаю, товарищ лейтенант.

– А ты по ручью работаешь, обложишься там хорошими камнями, тяжелыми только, чтобы прикрыт был хорошенько и пуля при ударе их не сбила. Понятно сказал? Ребята помогут тебе и Синице. Сержант, – Федор посмотрел на медбрата, – ты с сапером работаешь, сможешь ему перед Синицей выставить парочку мин, потом перед Лукашовым.

Федор как можно четче старался вспомнить тропку, по которой поднимались к этой пещере со складом мин. Тогда проводник Джелал его с группой торопил, постоянно покрикивая. И если бы Синица не споткнулся о камень и не упал, то у Федора и не было бы возможности осмотреть подход к скале, на которой он со своей группой должен был устроить засаду.

«И правильно ведь говорил комбат: прежде чем занимать оборону или засаду, нужно хорошенько изучить местность, пути подхода противника, его и своей атаки и пути отхода. Да-да, и что же меня тогда заинтересовало? Каменный выступ? Да, именно он, я еще подумал, что там хорошее место для пулеметчика. И что-то типа тоннеля. Это впереди выступа какое-то углубление в скале, прикрытое каменным сколом, такое впечатление, что им прикрыли тот тоннель. Это конечно не тоннель, а скорее всего, пещера, еще одна пещера, и там тоже может быть склад с оружием, с медикаментами, с одеждой, да с чем угодно».

И Джелал ведь все продолжал торопить и все кричал: «Тиз, тиз, сарбоз, тиза, тиза афсар» – «Быстреей, быстреей, солдат, быстреей, офицер». Может, он и торопил нас потому, что ему нужно еще две другие группы из нашей роты вывести на точки, где те устроят засады. А может, и наоборот, чтобы мы не успели осмотреть близлежащую территорию, так сказать, сидели в засадах, как слепые котятка».

– Коля, – окликнул Федор сапера, – помнишь, где споткнулся Синица?

– А что?

– Там был еще один выступ, в самом низу, где высохший ручей.

– Гнездо?

– При чем здесь гнездо?

– Товарищ лейтенант, так тот камень больше похож на орлиное гнездо, в нем углубление – то ли выдолбленное, то ли водой вымытое.

– Точно. А за него смотрел?

– Так точно, товарищ лейтенант, вроде бы еще пещера какая-то, приваленная камнем, и вроде проход имеет, свет там дневной видел.

– А чего ж молчал тогда?

– Так этот проводник торопил нас. А ведь точно, там проход какой-то есть, блин, не посмотрел.

– Радист, пусть еще поработают наши, дай команду соседям. А я пока отлучусь, нужно осмотреться, – и, похлопав по рукаву сапера, Федор первым выполз из пещеры через узкое окно, заросшее кустарником.

Спускались медленно и тихо, внимательно осматриваясь по сторонам. У гнезда, не останавливаясь, быстро один за другим юркнули к той пещере, привлеченной камнем. Николай внимательно осмотрел узкий проход и поднял руку: мол, внимание, мина, и ткнул пальцем в щелчку. Точно, в ней, если внимательно присмотреться, лежали три фугасных «каблучка» – наши ПФМ.

Через несколько минут сапер наполовину углубился в пещеру и замер. По спине было видно, что он ничего не делал, значит, внимательно осматривал все вокруг себя. Потом его плечи задвигались, и он всем своим корпусом углубился в пещеру. Федор полез за ним, но тут же ткнулся лбом в спину сапера.

– Тс-с, – прошептал тот. – Здесь проход в зеленку. Только не торопите меня, может, еще чего найду, пусть глаза привыкнут.

– Скорее всего, товарищ лейтенант, духи хорошо знают этот проход, – через несколько минут продолжил Николай, – около каждой мины оставлена мятая консерва. Хм, а зачем? Наверняка это метки, если будут возвращаться назад, чтобы убрать эти мины, самими на них не подорваться.

– Все может быть, боец, все, – согласился Федор, – и мыслишь правильно.

– Ну что, минировать проход?

– Что-то не хочется, Коля. Может, он и нам пригодится, – Федор задумался. – Ну-ка скажи мне, Коля, вот почему духам нужно лезть в склад именно по той тропке? А? С той стороны они заложили нам выход минами и здесь тоже. Там они меток около мин не оставили, а здесь оставили. Зачем?

– Чтобы их быстро убрать.

– Вот, и надеются, что мы здесь не будем, а значит, не выставим им своих куколок. А зачем им этот склад именно во время нашей осады, а? Ведь от дороги, по которой наша колонна прошла, он километрах в десяти отсюда, – размышлял вслух Федор.

– Так он же склад.

– Глупо, зачем им нужно лезть в засаду? – продолжал размышлять вслух лейтенант.

– Товарищ лейтенант, смотрите, – перебил его сапер, – вроде что-то здесь есть, – и ткнул пальцем в стену пещеры.

Федор, прищурившись, постарался понять, что привлекло внимание Воробьева и на что он показывает пальцем. Камень как камень, только черного цвета. Сапер провел рукой по его ровному выступу.

– Это дерево, – подвел он итог, – а вот и защелка, только тихо, – ощупывал впадинку и что-то в ней. Провернул то, что ухватил пальцами, и потянул на себя. Это действительно оказалась дверца, самая натуральная, ведущая в небольшую пещеру.

Федор направил туда фонарь, включил свет и оторопел от увиденного. В расстегнутом спальном мешке лежал скрюченный и постанывающий от боли худощавый бородатый мужчина. Его плечо было забинтовано окровавленной тряпкой. Он стонал и, скорее всего, находился в бессознательном состоянии.

– Вот так находочка. Кто же он? – шепнул Николай.

– Похоже, не простой человек, – осмотрел зажатые в руке раненого четки Федор. – Теперь другой вопрос: что с ним будем делать? – он заметил пару пластиковых шприцев, валяющихся под ногами. – Смотри, промедол наш использовали. Ну что, придется его завтра вместе с минами в вертолет загружать, а вдруг какой-нибудь командир духовский.

– Может, здесь его оставим пока, товарищ лейтенант.

– Да-да, оставим. Только бы ночь была спокойной. Давай, Коля, быстренько наверх и тащи сюда пулеметчика со всеми его лентами.

– Понял.

– Усман, – окликнул Федор притаившегося сзади солдата Мантураева, – спроси у этого духа, кто он.

Но старания солдата оказались тщетными, раненый мужчина продолжал только постанывать.

– В отключке он, – сделал заключение Мантураев.

– А жаль. Как думаешь, может он быть командиром духовским?

Солдат не ответил, а только пожал плечами.

– Незадача за незадачей, – вздохнул лейтенант. – Что же делать, что же делать? Ладно, Усман, давай выползай назад, этот дух для нас сейчас не враг, а только раненый. Надеюсь, в спину не стрельнет, – и Федор начал внимательно осматривать все вокруг.

Автомат ППШ, прикрытый спальным мешком, несколько удивил его, но разглядывать найденное оружие не стал, а только передал его Усману. Больше ничего не лежало ни под раненым, ни вокруг него.

– Товарищ лейтенант, – услышал он голос вернувшегося сапера. – Так вы же приказали пулеметчику сидеть там.

– Не понял? – Федор обернулся к Воробьеву. – Ты не понял, что я сказал?

– Не приказывал он пулеметчику оставаться там, – поддержал Федора Усман.

– А-а...

– Товарищ лейтенант, – окликнул офицера подползший за Синецей Лукашов, – я прибыл.

– Вот что, – Федор, вспомнив, что действительно приказал Лукашову закрепиться с Синецей наверху, сделал вид, что вызвал пулеметчика по другой причине. – Саша, ты как пулеметчик оцени здесь местность, точки прострела, а ты, – посмотрел на сапера, – давай-ка назад, и пусть его заменит, – ткнул в Лукашова, – Костя Федоров. Здесь пулеметчик важнее, а там и пистолета хватит, узкая тропка. Понял?

– Так точно, – повеселев, прошептал сапер.

– Солдат, только бы-быстро, и назад. Да, и сержанта позови, нужно разобраться с раненым духом.

– Есть! – и Воробьев исчез.

«Напасть какая, вот напасть, – пытаюсь найти правильное решение, Федор стал нервно постукивать костяшками пальцев по камню. – Вот напасть. Здесь все-таки лучше расположить пулемет, чем там. Да-да. По той тропке будут двигаться только одиночки, а здесь...»

– Товарищ лейтенант, – окликнул вернувшийся Лукашов. – Там все на виду, даже прикрыться нечем. Нужно камни тащить, а то мишенью, как в тире, буду. А если они здесь сунутся – ширина ручья большая, нужен мне помощник, чтобы ленту поправлять, подавать новую.

«Вот-вот, значит, правильно решил, что расположу здесь пулемет», – подумал Федор.

– Может, тогда сапера в помощь мне дадите?

– А он разберется? – невольно спросил лейтенант.

– Так не первый день в Афгане.

– Да-да, – согласился Федор. – Посмотрим. Саша, короче, так: камни сейчас приготовим, только где их лучше расположить, а? – Федор стал осматриваться по сторонам. – Скорее всего, за выступом, хотя нет, нельзя, одной гранаты хватит, чтобы все здесь расколоматить. Осмотрись еще раз внимательно, только не высовывайся, а то, сам понимаешь...

Темнело быстро. Несмотря на спускающуюся в горы прохладу, руки начали потеть, как и лицо. Федор, не находя себе места, часто поднимался вверх, потом вниз. И понимал, что единственный, кто сейчас шумел, так это именно он, прыгая с камнями и перебираясь к ребятам, залегшим в засаде. А по-другому и нельзя, солдат нужно менять на посту через каждые два часа и смотреть, чтобы не заснули: за четверо бессонных суток, находясь в постоянном напряжении, организм уже сам начинал управлять тобой и отключать какие-то чувства, давая возможность отдохнуть нервной системе. Никто об этом Федору не говорил, до этой минуты он дошел сам после третьего выхода на боевые со своей группой.

– Синица, как ты? – Федор похлопал лежащего рядом с собой солдата.

– Товарищ лейтенант, я не Синица, ему еще сорок минут спать.

– Извини, – вздохнул Федор, – сбился уже. – Я – вниз, посмотрю как там, – и, выбирая на ощупь выступы камней, начал спускаться.

Ночь шла очень долго. Циферблат электронных часов, которые он приобрел месяц назад в «Тысяче мелочей» в Кабуле, был запылен изнутри, и на нем почти невозможно было рассмотреть время. Приходилось спрашивать у солдат и внимательно вслушиваться в тишину гор, которая начинала звенеть в ушах с такой силой, как школьный звонок на перемену.

– Товарищ лейтенант, – разбудил его толчком локтя в бок Воробьев.

– Да-да, – протирая глаза, откликнулся Федор, – что такое?

– Слышите? – еще тише прошептал солдат.

Где-то что-то шумнуло, камень скатился по уступу, только, где именно это произошло, Федор не мог определить.

– Это не заяц, – шепчет сапер. – Духи, они где-то слева от нас, внизу, я там перед Лукашовым сигналку поставил с Ф-1.

– Угу, – прошептал лейтенант. – Духи, значит, не хотят свои мины нам дарить. Давай, я – вниз, – и Фе-

дор, пытаюсь побороть навалившуюся усталость, полз назад.

То, что они догадались убрать с перехода все камни, успокаивало, и оставались только два врага, мешающих ему, – усталость и ночная чернота.

Рассвет в горах приходит быстро, принося вместе с собой невероятный холод, от которого уже не спрячешься. Дрожь в коленях, в руках, в челюстях мешает сосредоточиться. Этого, скорее всего, и ждут духи, и они уже где-то рядом, ожидают своего часа. Шурави не машины – устанут за ночь, и тогда их можно взять спокойно. Главное в том, что это должен понимать не только офицер-шурави, но и каждый солдат из его группы.

Шорох, раздавшийся из кустарника, как электрический ток, прошедший по сети, закончился толчком пулеметчика в спину Федора. Тот в ответ кивнул и прошептал: «Молодец, я тоже слышал».

И опять все замерло. Федор продвинул вперед себя автомат и поправил магазин с патронами, мешающий локтю.

«Ну где же вы, духи? Только не торопитесь, дайте подняться повыше солнышку, а то...»

Разорвали тишину одиночный выстрел сверху и шум чего-то грузно падающего с той стороны высоты. Лейтенант тут же вскочил и полез наверх. Это Синица отличился, убил кого-то из приближающихся к нему по горной тропке.

– Я только догадался, что кто-то лезет сюда...

– Правильно, солдат, – похвалил снайпера Федор, – на вас, ребята, вся надежда. Не спать только. Усман?!

– Да, – раздался слева голос Мантураева.

– Что там?

– Дух был.

– Так что ты молодец, Синица, продолжай свою работу так же. Наших по этой тропке не ожидается, так что работай. Я – вниз, каша, чувствую, и там сейчас заварится. Перловая.

Взрыв, раздавшийся внизу, и свист сигнальных ракет стали подтверждением этому. Лейтенант в мгновение ока исчез, и только раздался негромкий шум его кроссовок, прыгающих с камня на камень.

Когда Федор подполз к Лукашову, тот прошептал:

– Затаились. Я даже не увидел их.

– А может, это и не духи, а проволока отошла от гранаты? – высказал свое мнение лейтенант.

– Не, товарищ лейтенант, после взрыва вон там, – солдат указательным пальцем ткнул влево, в сторону кустарника, – с той стороны стоны слышал. Духи это. А там что было?

– Синица кого-то с тропки сбил, – прошептал Федор и похлопал пулеметчика по плечу, мол, нужна тишина.

Взрыв, раздавшийся за кустарником, по звуку и срубленным веткам говорил о том, что душманы стреляли из миномета. Второй взрыв прозвучал там же, только чуть подальше, в русле сухого ручья или реки, на карте он не был обозначен, и третий – между ними.

Осколки камней посекали уступ скалы, за которым прятался пулеметчик с командиром группы.

– Не-е, им нас из того самовара не взять, – начал рассуждать вслух Лукашов.

– Из миномета? – прошептал Федор. – Склон горы нас защищает, мы под ним, как под зонтиком.

– Я о том же говорю. Они так сами себя и перебьют.

– Не торопись, если они местные, то перебросят пару мин под углом повыше и нашим ребятам: Синице, медбрату и остальным несдобровать... – только и успел прошептать Федор, как за тем же кустом началась активная перестрелка.

Именно перестрелка, так как по звуку выстрелов было слышно, что пальба идет с разных расстояний. Несколько пуль выбили из скалы камни, и те посыпались вниз, крошась и разбиваясь о выступ, за которым лежал Лукашов.

– Ну дают. Прямо как в кино, товарищ лейтенант, только там пули свистят, а тут – колошматят.

– Только спокойствие, Володя.

– Я Саша, – поправил лейтенанта Лукашов.

– А я что сказал?

– Извините, видно, не расслышал... – кашлянул Лукашов.

Сверху сзади них с вершины раздались автоматные и пулеметные очереди по кустарнику и сухому руслу ручья, находящемуся метрах в пятидесяти, может, чуть дальше, от Федора и Лукашова.

Что ж делать, включились в эту войну и бойцы соседней группы – с расщелины. Значит, Федор не ошибся, к ним приближаются духи. Но кто же мог там, с другой стороны, ввязаться с духами в бой? Может, все же сами царандоевцы? Их колонна шла в Панджшер за десантниками, буквально наступая им на пятки. Да и расположились они совсем рядом с их дивизией, прикрывая с правого края – с Пакистана.

«А может, это кто-то из наших идет вслед за караваном, из разведроты, сопровождают караван духов с оружием?» – сумбурно перебирал все варианты Федор.

– Товарищ лейтенант, – навис над лейтенантом радист и подал ему наушники, – вас спрашивают.

– Это Сто семьдесят четвертый, – услышал он голос командира соседней группы. – Видно, ожидается большой переполох, кто-то кому-то дорогу перешел, если это, конечно, духи с духами бьются, то ладно.

– А может, царандоевцы с духами? – высказал свое предположение Федор.

– Может, и так, Сто семьдесят пятый. Но что-то первые, что ближе к тебе, тащат на себе, а не на ишаках и верблюдах. Может, в склад, на котором ты сидишь? А сзади их жалят тоже духи. Моего снайпера сняли только что, прямо в глаз. Так что бди! – и в наушниках раздался сильный писк.

«Расстроился Сто семьдесят четвертый, – вздохнул Федор. – Снайпера в глаз – это, наверное, тот, кто осла вечером хлопнул. Значит, сидели здесь. Погоди-ка, погоди-ка, Сто семьдесят четвертый говорил, что

те тащат на себе что-то – ящики или мешки? Так. Значит, этот снайпер здесь уже давно сидит. Лукашов говорил, что тот из бура с глушаком старым ишака взял. Что-то здесь не вяжется. И зачем ему тогда было себя вчера выдавать? Глупость какая-то», – но не стал просить радиста связаться с соседом. Защемило в душе: что-то здесь не так.

«Засада», – определил лейтенант и посмотрел на замершего Лукашова.

– Саша, твоя мина сработала? Ну та, которую наш сапер установил.

– Нет, – ответил тот, – она где-то там, за кустом, сработала, просто очень громко, американская, видно.

– Американская, говоришь? Как меня тот кустарник заколебал! Может, его срезать?

– Я сейчас, – и Лукашов, прижавшись к прицелу пулемета, стал выцеливать.

– Стой, паря, я тебе еще такого приказа не давал.

– А у меня, товарищ лейтенант, и не получится, камень мешает, – указал подбородком за выступ скалы пулеметчик. – Нужен прицел. А вылезти за него можно? – вопросительно посмотрел на командира.

– Там, – ткнул большим пальцем вверх, – минут тридцать назад их снайпера прямо в глаз убили. – Лукашов, прищурившись, посмотрел на лейтенанта. – А ты говоришь, высунуться. Они здесь только этого и ждут, у них каждый камушек пристрелян, и, похоже, их снайпер, а может, и не один, здесь уже давно сидит. Что-то тащат их солдаты сюда, а сзади им кто-то хвост поджимает, огрызаются, а сюда пойти бояться, – высказал солдату свое мнение Федор.

– Так все тогда идет как надо.

– Дай Бог, Саша, дай Бог. Но мне кажется, что это мы в засаде. Сзади нас ручей, никто не охраняет проход, только ребята сверху.

– А откуда вы знаете? – шепчет Лукашов.

– Да мы-то были последней группой. За нами никто не шел.

– А может, позже?

– Кто? Разве что политотдел со штабом.

– Но там этот ваш знакомый журналист ждал разведгруппу, может, он за нами отправился?

Федор растер ладонью лицо и, посмотрев на солдата, прошептал:

– Он, тот лейтенант, стоит как жизнь нашего командира полка. Понял?

– Не понял, – не сводил глаз с лейтенанта Лукашов.

– Он журналистом там, в Союзе, был, а здесь – начальник отряда пропаганды и агитации, понял? У него группа солдат и офицеров-переводчиков наизусть знают не только Коран. В Дехсабзе благодаря им разведгруппу из бойни вытащили, начали петь духам их псалмы, те и выпустили наших ребят из капкана, понял? Так что, на этого летеху, думаю, теперь все моджахеды Афгана, как на Кара-майора, охотятся, как и на нашего комдива.

– А-а...

Но Лукашов так и не успел задать следующий вопрос. Ладонь Федора легла ему на рот.

– Потом расскажу, солдат, когда вернемся. Ты, это, работай, и, повернувшись к радисту, прошептал: – Сапера сюда.

– Нет-нет, – Воробьев, нагнувшись над картой, ткнул грязным пальцем в сужение коричневых линий с зубчиками, смотрящих друг на друга. – Вот здесь мы находимся, товарищ лейтенант. Склоны крутые, только, может, змея по ним проползет. Перед выступами, где вы на меня наорали, помните?

– Что там было?

– Ну я остановился, а вы ругаться начали, дескать, нельзя там стоять, участок обстреливается.

– А-а, так ты же сапер, Коля, ты должен вперед смотреть, а не разевать рот и горами любоваться.

– Так я ж не баб там искал, товарищ лейтенант, а думал поставить растяжку и смотрел, за что ее закрепить.

– Ну...

– Но вы же вчера приказали мне растяжки поставить, и я вот там, – приподнявшись на коленях, Воробьев ткнул пальцем за камень, – на первой ступени ее поставил, а вторую там, где вы меня послали... – солдат испуганно посмотрел на лейтенанта. – Что, неправильно сделал?

– Фу-у, – вздохнул Федор, – а они хорошо видны?

– Ну кто как будет смотреть. Так что, снять их?

– Коля... – Посмотрев на рядом сидящих радиста и Усмана, сказал: – Мы, кажется, сами, ребята, в капкан попали. Так что, если оттуда к нам еще никто не подошел, то этого скоро дождемся, мы сейчас на духовской точке находимся. Здесь не только их склад, но, похоже, и госпиталь, и казарма.

– Во-во, там еще вроде что-то колодца, – затараторил Воробьев.

– Почему молчал? – лейтенант взял за ворот сапера.

– Так, может, и нет, может, просто яма с водой. Сами же говорили, в горах ничего не трогать – ни еды, ни воды.

– Да-да, правильно. Но сказать нужно было.

– Так мы на высотке сидели, я и не думал, что будем спускаться сюда.

– Не оправдывайся, – перебил его лейтенант. – Что там еще интересного приметил?

– Больше ничего, этот, как его, проводник уж больно нас торопил, и не осмотришься толком по стономам.

– Товарищ лейтенант! – окликнул радист. – Опять вас.

Это был командир полка:

– Я долго ждать тебя буду, Сто семьдесят пятый?

– Товарищ, э-э, «Кабан» то есть...

– Да ты меня еще быком назови! – раздраженно гавкнули в наушниках.

– ...«Вебрь». Похоже, зеленые с коричневыми гадюками встретились, жалятся. Может, коричневые с коричневыми. Первые что-то тащили, и здесь мы

наткнулись на гюрзу, ну засаду, – сбивчиво начал рассказывать Федор.

– Понятно. Гюрза, говоришь? – шипел и рычал наушник. – Значит, так, когда ты нам голову от гадюки передашь, тогда и молодцом будешь, Сто семьдесят пятый. Скоро все закончится.

– Так точно, товарищ... – и, ища подходящее слово, замолчал.

– «Вебрь», – помогли ему наушники. – Война, парень, будь бдителен... – и раздался длинный писк.

– Досталось от командира? – сапер поглядел сочувственно на лейтенанта.

– Досталось, – кивнул Федор. – Похоже, мы со спины открыты, кто хочет, тот и ужалит нас.

– Товарищ лейтенант, – снова сунул ему наушники радист.

– Сто семьдесят пятый, это Четвертый, готовься, я ничем помочь тебе не могу. Кажется, потихонечку разобрался с дальними, а ближних не вижу. Третий тебе тоже не помощник.

– Смотри мне в хвост, – сказал Федор, – а то, сам понимаешь.

– Там все вижу. С Богом!

Федор передал наушники радисту.

– Афоня, молодец! – похлопал он смущенного связиста по плечу.

И снова тишина. Тишина с перепевом какого-то афганского соловья, клопочущим писком крысы или тушканчика.

Усман поднял палец и посмотрел на лейтенанта.

Федор кивнул ему в ответ, мол, слышу. И, приложив ладонь к уху, напрягся.

– Товарищ лейтенант, вроде кличат нас – шурави.

– И еще что-то... – прошептал Федор, – сарбоса, что ли.

– Да-да.

– Не торопись, Усман, если жить хочешь, – вставил свое слово сапер.

– Ты тоже слышал? – спросил у Воробьева лейтенант.

– Вроде что-то похожее, – согласился тот.

И все заново повторилось. Теперь отдаленный крик афганца хорошо различили все.

– Он кричит, что они с нами шли, – перевел Усман, – а на Файзабаде получили задание выдвинуться сюда и поэтому ушли от колонны.

– Красиво придумал, – сказал Федор. – Только молчи, Усман. Пока молчи, а то им, может, только и нужно узнать, где мы.

– Верно говорите, товарищ лейтенант, – поддержал Лукашов.

– Что он там еще балакает? – спросил у Усмана Федор.

– Да что-то насчет раненых солдат. Здесь на духов попал, они его и потрепали, спасибо, говорит, что помогли.

– Вот как. Ладно, радист, передай «Вепрю», что зеленые помощи просят. Погоди-ка, Усман, кто он, спроси.

– Старший капитан Сарбаз, он пуштун, плохо говорит на нашем.

– А фамилия у него есть?

– Его зовут Сарбаз, это значит «орел», так его зовут в царандое. Это имя всем их начальникам известно.

– Афоня, – Федор посмотрел на радиста, – так и передай: зеленый Сарбаз просит защиты.

Сарбаз был худощавым и долговязым, рука, которую пожал Федор, тонкая, бессильная и холодная. Федор таких называл тряпками и никогда не стремился поддерживать с ними близкого знакомства. Что с тряпки взять? А ничего, только то и делай, что выслушавшей его писклявый плач и другие всякие нудности.

Сарбаз – командир разведроты. Это несколько удивило Федора. Он еще раз осмотрел этого худощавого человека-каланчу и остановил взгляд на его широкой улыбке и руке, которая мягко прижимала его ладонь и трясла ее – от радости.

– Чего он говорит? – спросил Федор.

– Они захватили очень важные документы.

– Ну...

– Еще он говорит, что они захватили... Ну я не понимаю, как это сказать. Ну что-то вроде списка, что ли, местных командиров.

– А в мешках что тащили?

– Ну тряпки разные, он сын богатого дуканщика, хозяина собственного магазина, что ли. Вернее, он сам богатый дуканщик, у него три больших магазина в Кабуле, вот и нашел здесь на складе шелк или что-то вроде этого, настоящий китайский, и захватил поэтому его с собой.

– Блин, кому война, а кому нажива, – усмехнулся Федор, глядя в глаза Сарбазу.

А тот, думая, что ему что-то хорошее хочет сказать командир-шурави, выжидающе смотрел на Усмана.

– Скажи ему, что с него магарыч за спасение.

– Он сказал, с него сто баранов.

– Запомним, – улыбнулся Федор. – Спроси, зачем он уходил из Файзабада сюда.

Афганец, услышав этот вопрос, перестал улыбаться и, положив руку на сердце, начал быстро что-то рассказывать.

– Его отец Толвак руководит здесь небольшим душманским отрядом. Он хорошо знает нашего армейского командира спецназа Кара-майора, который стоял со своим отрядом тут в Панджшере, и ему во всем помогал. Сейчас Кара-майор уже далеко отсюда. Ахмад-шах злой на него, опять воюет, и Сарбаз боится, что отец его, а он со своими моджахедами где-то здесь, попадет под вас и вы его убьете.

– Вот какие дела, – покачал головой Федор. – Понятно. Усман, отведи его к тому раненому афганцу, знает ли он его.

Как оказалось, это был солдат из банды отца Сарбаза. О чем они говорили, старший капитан так и не сказал, а Усман не понял их быстротечного разговора на пушту.

Вертолет, упершись одним колесом о камень, второе держал на весу. Солдаты, перекидывая один

другому мины, как арбузы, закидывали их медбрату, стоящему посередине борта вертолета и передававшему снаряды саперу, который складировал их.

Федор, ухватив за руку старшего капитана, силой потащил его вниз за собой, толкая впереди себя Усмана. Когда зашли за скалу, служащую преградой для звука винтокрылой машины, и можно было спокойнее разговаривать, Федор сказал:

– Спроси, солдат, у него, это они ишака вчера убили?

Через несколько секунд Мантураев покачал головой.

– А кто? – чуть не закричал Федор.

– Моджахеды, говорит, скорее всего, его отца. Отец не хочет воевать против меня. Он друг Кара-майора. И вас он не тронет, вы меня спасли.

– Вот как?

– Дядя, – схватив за руку лейтенанта, афганец, не сводя глаз с Федора, начал часто кивать головой.

– Иди, иди, – отмахнулся от него лейтенант, и Усман, взяв царандоевца за локоть, потащил его к вертолету.

Тяжеленная машина, подняв клубы пыли, оторвала свое колесо от камня и медленно, пуская во все стороны искрящиеся ракеты – тепловые ловушки – стала тяжело подниматься вверх и, поймав поток воздуха, наклонилась своим рылом вниз, пошла по ущелью, быстро набирая высоту.

Федор, прищурившись, наблюдал за ней до тех пор, пока она не скрылась за уступом горы, а за ней и две стрекочущие мухи Ми-24, сопровождавшие ее.

– Видно, очень важную информацию этот кэп имел, – нарушил тишину Усман.

– Угу, – согласился Федор, – даже нам места не хватило. Сколько с ним солдат было?

– Трое, – сказал Лукашов. – Двое, говорил, погибли.

– А ты что здесь делаешь? – словно проснулся Федор. – А ну бегом на свою точку!

– Так там, это... – с дрожью в голосе начал лепетать ефрейтор, – ну как его, это, ну Воробей остался.

– Бегом на место! А ты что здесь делаешь? – строго посмотрел лейтенант на Синицу. – Ребята, все по местам! Не хватало расслабляться нам. Афоня, передай «Вепрю», борт ушел.

* * *

И опять ночь. Её черные краски заливают все вокруг, только точки-звездочки мерцают где-то высоко в небесной глубине. Те, кто разбираются в астрологии, сейчас нашли бы созвездия Льва, Весов, а Федор бы – Девы, под знаком которой он родился. Где оно, это созвездие, а также Стрельца, под кроной которого родилась его любимая жена, и Овна – дочка? Какая она? Он видел малышку всего лишь три дня, после того как жену с ней выписали из роддома, и все.

Опять где-то со скалы полетел вниз камень, простучавший о ее выступы как азбукой Морзе тайное послание.

«Только бы не уснуть, – подумал Федор и положил голову на локоть. – Нет, нужно сейчас встать и проверить посты, а потом взять спальный мешок. Погоди, а где же я его оставил? Там, наверху, еще позавчера. Подумать только, чего только за это время здесь не произошло! А дочка...»

Малышка еле-еле удерживала в своем маленьком ротике большую, похожую на цветок ромашки пустышку, которую Федор купил в день ее рождения в аптеке. Какая она большая стала, сидит на руках Светланки и вот-вот вырвется из них, так хочется малышке к отцу. А Светлана как исхудала, и чего она такая худая? Ну ничего, я скоро с войны вернусь, и все в нашей семье наладится. Света, Света, Кристина...

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, – держал его за плечо Усман. – Духи!

– Что? – не понял Федор.

– Духи вроде там, Лукашов слышал, как переползают.

– Не понял, – Федор растирал лицо и никак не мог понять, что ему сейчас нужно делать.

– Где он? – спросил лейтенант. – Где Лукашов?

– Так он там, – прошептал Усман.

– Саня, ночной прицел есть? Посмотри.

«Нужно молчать», – поставил перед собой задачу Федор и затаился, крепче сжимая в руках автомат.

Черные краски ночи поглощали свет звезд, сколько ни привыкай, все равно ничего не видно.

Камни быстро забирали тепло, все тело начинало дрожать, зубы отдавать гопака, как и колени, локти.

Рассвет медленно поднимался из-за вершин, освещая каньоны ущелья Панджшера. Федор перевернулся влево, за ним Усман, потом вправо. Эти движения не согревали, но хоть как-то раскрепощали мышцы тела, не давали им затекать. А когда стало светлее, Федор все-таки решил подняться и пошел наверх. Двигаться было очень трудно. За ним также поднялся Мантураев, стараясь не отставать от офицера.

Первая ступенька была самой высокой, вторая поменьше, третья крутая...

Яркий свет фонаря бил прямо в глаза Федору, и что-то сильное постукивало его по щекам. Тяжесть в затылке, висках не давала возможности понять, где сейчас он находится и что с ним произошло. Приходилось себя с трудом, как после тяжелого сна.

И только через какое-то время Федор начал осознавать, что светит ему в глаза солнце и закрывает от него лицо склонившегося над ним бородача. Незнакомое оскалившееся лицо. Это же душман! Что-то ёкнуло внутри.

– Афсар, афсар...

– Ну, – облокотившись на локти, приподнялся Федор.

– Это отец того царандоевца, – услышал лейтенант голос Усмана. – Он нам оставляет жизнь и говорит, чтобы мы ушли отсюда...

И тут же Федор почувствовал новую тяжелую волну, захлестнувшую его сознание...

Кто-то беспрерывно стучал в висок, вызывая невыносимую боль в затылке. Покряхтывая, Федор открыл глаза, но ничего не видел, кроме красных и оранжевых пятен с желтыми кругами, появляющимися перед ним и увеличивающимися до гигантских размеров. Что-то холодное, давящее лоб стало помогать ему внимательнее присматриваться к кругам: они тут же начинали лопаться, оставляя после себя серый туман. Но и туман начал принимать какие-то непонятные формы с черными и серыми линиями, которые смутно напоминали ему что-то. Присмотрелся и увидел линии лица. Лица?

Да-да, это лицо Лукашова. А кто такой Лукашов?

– Мужики, он пришел в себя. Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант...

Тяжесть не уходила, но и не мешала думать. Это понял Федор, когда увидел новое незнакомое ему лицо, которое ему почему-то все же было знакомо. Кто он?

Что-то сильное ударило в нос, Федор скривился и словно проснулся, быстро задышал.

– Что случилось? – спросил он через силу.

– Духи на нас напали, – начал торопливо рассказывать ему Лукашов, – сбросили нас туда, – он ткнул пальцем в сторону. – Потом спустился к нам их командир... Ну душманский командир...

– Толвак, отец Сарбаза, того старшего капитана с царандоевцами, которых мы спасли, – включился в разговор Усман. – Он сказал, что оставит нас в живых за то, что спасли его сына, и сказал, чтобы мы быстрее убирались отсюда.

– Где он? – приподнялся Федор.

– Ушел, там у них, оказывается, потайной вход был.

– Где?

– Товарищ лейтенант, он дал нам время: если сегодня не уйдем отсюда, убьет нас, – подключился к разговору Синица и протянул Федору патрон от крупнокалиберного пулемета ДШК. – Это нам на память, товарищ лейтенант, он оставил. Это пуля, которая каждого из нас должна была убить.

Федор рассматривал зажатый в пальцах патрон. Сознание потихонечку стало возвращаться.

«Да-а, – подумал про себя Федор, – эта пуля как граната, могла бы сейчас разорвать каждого из нас на куски. Каждого!» – и глубоко вздохнул.

– Все живы?

– Да, – отозвался медбрат. – Но после боевых нужно каждого осмотреть врачу. Они использовали какой-то газ как снотворное. Я так ничего и не понял, что со мной произошло, а вас с Усманом по затылку ударили, и Лукашова тоже. Товарищ лейтенант, вас не тошнит? Как чувствуете себя, товарищ лейтенант?

– Нормально, сержант, нормально.

Лейтенант с трудом поднялся с земли и облокотился спиной о камень.

– Оружие сохранилось?

– Да все здесь как лежало, так и лежит, – сказал

кто-то из собравшихся вокруг офицера бойцов. – Вот ваш автомат. Они ничего не взяли.

– Удивительно.

– Они сказали, что имя этому патрону «Джелал ад-Дин».

– Как это понять? – спросил у Усмана Федор.

– «Величие веры», – ответил тот.

– А с чем это связано, Усман?

– С нашей верой в Аллаха, товарищ лейтенант, и соблюдением ее законов.

– Да, я так и назову этот патрон – «Джелал ад-Дин». «Величие веры». Сильно сказано. Ребята, вы все здесь?

– Так точно, товарищ лейтенант, – отозвались бойцы.

– Ну тогда слушайте мой очередной приказ и запомните его, как Устав часового. Все помнят устав?

– Так точно, – услышал он голоса бойцов.

– То, что сейчас с нами произошло, должно остаться нашим секретом, а то не поверят и затаскают нас особисты. Я думаю, никому неохота под трибунал попасть? Еще и предателями могут назвать, да как угодно. Я и сам бы не поверил в такое. А теперь по местам, всем занять оборону и наблюдать за противником. Сапер! Заминируй их выход, чтобы больше они не лезли к нам.

Соседние группы, спустившиеся с высоты к группе Федора Иванова, не знали, что произошло здесь. Это к лучшему. Лейтенант со своими бойцами быстрым шагом направились за соседями по высохшему руслу горного ручья. Старший лейтенант Красавин, шедший за Ивановым, сказал:

– Почаще бы так: просидели на вершине, даже стрельнуть на пришлось.

– Это нам с тобой повезло, – ответил ему Федор, – у соседей снайпер погиб.

– Да, слышал, – согласился тот. – Ты знаешь, Федор, аж мурашки по коже. Получается, если на этом выходе повезло, значит, на другом будет что-то не так...

Прав был старший лейтенант: через несколько дней его группа попала под шквальный огонь душманов и он получил тяжелое ранение. Как судьба сложилась у того старлея, Федор так и не узнал – операция за операцией проходили на Баграме, в Пули-Хумри. А на Кундузе и Федора пуля не пожалела, после чего только и оставалось ему что считать количество хирургических операций.

* * *

Федор насчитал семь гудков и хотел было уже отключить телефон, как незнакомый баритон ответил:

– Здорово, сын! Как у тебя дела?

– Это не сын, – сказал Федор, – а лейтенант Иванов, может, помнишь такого, ефрейтор Лукашов? Как там все наши, живы?

Капитану было тридцать шесть лет, а на вид далеко за пятьдесят: щеки обвислые, под глазами мешки, давно небрит.

Кто-то в строю брякнул: «Полковник в отставке». Но этого шутника стоящие рядом офицеры сразу же одернули.

Слышал ли Иван Иванович эту новую свою кличку? Если да, то виду, как всегда, не подавал. Сутулясь и прихрамывая, пошел к командиру дивизии, стоящему на середине плаца. Некоторые из молодых офицеров, прапорщиков, кто не знал Иванова, смотрели на него с ухмылкой, мол, какой из этого старика десантник? Даже развернуться толком перед командиром дивизии не может: стал вполоборота и докладывает. Ну смехота, а еще и орден или медаль получит. За что, спрашивается?

– Капитан Иванов, заместитель командира... – голос начальника штаба дивизии был громким, но из-за сильного ветра и постоянного шепота в строю не все его слова можно было хорошо разобрать. Но последние услышали все: – ...награждается орденом Красного Знамени!

Молодежь, толком еще не нюхавшая пороха и не слышавшая легенд об этом человеке, была в замешательстве. Орден Красного Знамени просто так не дается.

Новая волна шепота пошла по шеренгам офицеров. И «старикам» было о чем рассказать молодым.

В Афганистан Иванов пришел уже кавалером двух орденов Красной Звезды и медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги». Его руками были обезврежены тысячи мин, снарядов, авиационных бомб, оставшихся в землях Белоруссии и Смоленщины после Великой Отечественной войны. Этот человек привык ходить по лезвию бритвы.

– Мне бы так! – шепнул мой сосед, молоденький лейтенант.

– Да уж лучше как-нибудь без этого, – повернулся к нему майор Назин. – Еще все у тебя впереди, лейтенант, нагеройшься. Только бы живым остался.

Поздним вечером, когда в дивизии прозвучала команда «Отбой», в модулях горел свет только в окнах офицерских кубриков. Кто-то занимался служебными делами, кто-то писал письма, а кто-то просто чаевничал, отдыхал, слушая музыку. Только вчера закончилась операция на Дехсабзе, было о чем поговорить, что вспомнить.

– А Иванова-то привезли из госпиталя на награждение, – сказал капитан Черниогло. – Три контузии подряд. Он что, из стали? – вздохнул командир.

– А этот орден за что получил? – поинтересовался я.

– Да кто ж знает. На Пагмане на прошлой операции взяли огромный склад с минами и ракетами. Слышал?

– Да, их группа еще была обстреляна.
– Так сколько прошло после этого? Месяц-полтора? Нет, еще рано, так быстро представление к награде там не подписывают. Значит, за операцию на Пули-Хумри, он там вроде тоже отличился, семь мин под обстрелом снял с дороги.

– Да, да, слышал, – забасил старшина, – но его тогда вместо награды в капитанах восстановили.

– А за что разжаловали? – поинтересовался я.

– А за то, что выпивает не вовремя. Вечно попадает на глаза кому-то из верхов. Хотя мужик тихий, говорят, и букашки не раздавит.

– Да, меньше пить нужно, – и закашлявшись, опустил я глаза. – Хотя после такой работы не у каждого нервы выдержат.

– Вот и у него так, – согласился со мной Черниогло.

В комнате воцарилась тишина. Никому сейчас не хотелось обсуждать вечного капитана, которому так и не удалось в свои тридцать шесть лет подняться даже до командира роты. А то, что он герой и достоин не только наград, а всеобщего уважения, понимали все. Но нервы у него сдают, что тут скажешь...

Взрыва мы не услышали, а ощутили его волну, вырвавшую не только окна, но и стол, за которым мы чаевничали, вместе с посудой. В ушах звон, солдаты бегут из казарм на улицу, а за ними и мы. Позже, как выяснилось, что на расположение нашей части упали несколько мин, разорвавшихся около двух модулей. Они горели, как спичечные коробки, вокруг была кутерьма, из модулей вытаскивали оружие, боеприпасы, одежду, хотя первым делом нужно было спасать личный состав, отводя его подальше от казарм...

Через несколько часов все улеглось, рядом с плацем установили палатки, в которых расположились погорельцы. Никто не пострадал, только несколько человек получили травмы, но не опасные для здоровья. Оружие и боеприпасы спасены. Все к утру начинало успокаиваться.

Вышел покурить. Смотрел на звездное небо, правда, ни о чем думать не хотелось, а только глядеть на звезды, метеориты или спутники, летающие в космосе...

Топот группы солдат заинтриговал. Из любопытства направился за ними.

У дальнего модуля (щитовой казармы) меня оставил патруль. Одна из мин, которыми обстреляли нас ночью, попала в казарму, пробила крышу и, воткнувшись в доски пола, не взорвалась. Солдат удалось эвакуировать через окна. Сейчас с ней разбирается вечный капитан.

– И долго? – поинтересовался я у помощника оперативного дежурного.

– Не знаю, – пожал плечами лейтенант. – Может, час, а может, и больше. Через стенку оружейная, капитан запретил из нее выносить оружие, гранаты. А то вдруг...

Рядом стояли еще несколько любопытствующих офицеров, чуть поодаль комдив с начальником штаба

и разведки, несколько пожарных машин, командирский БТР. Воцарилась удивительная тишина. Несмотря на такое скопление людей и техники, тишина. Только песня сверчка или цикады была хорошо слышна.

Разговор по рации командира дивизии с кем-то мы расслышали хорошо. Потом несколько солдат с носилками прошли к окну модуля, и из него высунулись руки, держащие небольшую мину.

Вечный капитан медленно положил ее на носилки и, спустившись с подоконника на песок, направился впереди солдат за пределы воинской части.

...Взрыв был тихим. Он произошел в заранее вырытой траншее.

Во рту пересохло. Я взял у кого-то из офицеров пластмассовую фляжку и сделал большой глоток.

– Ты че, совсем того?! – выхватил у меня ее из рук неожиданно откуда-то появившийся вечный капитан. – Он же не разведен.

А я так и стоял открыв нараспашку рот, пытаюсь хоть как-то восстановить дыхание.

– Ну летеха, смотрю, еще совсем молод, – похлопал меня по плечу капитан Иванов, после того как я погасил пожар внутри себя из другой фляжки с водой.

– А вы как, товарищ капитан, мина же на боевом взводе? – сильно кашляя, пытался я спросить у вечного капитана.

– Ну и что. Я ж, видишь, живой, и модуль тоже, – захмелевшим голосом сказал Иванов. – Скоро у меня грудь будет как у самого генсека. – И, подняв руку с флягой, крикнул: – За все!

ИСКУПАЛИСЬ

Колонна ползет длинная, конца и краю не видно. БТР перед нами движется рывками, поднимая за собой пыль, которой приходится дышать в пропеченном до каления воздухе. Она забивает ноздри, песок крошится на зубах... Но это не раздражает, так как стена пыли – твоя защита.

До Пули-Хумри прошли спокойно, а вот в горах начинает потихонечку знобить, и не от холода или страха, а от мысли, что вот-вот что-то произойдет и... И всё, придётся прыгать за свой БТР. Если с вершины откроют огонь, то влево сигать, спрятаться за броней или в зелени тщедушной лесополосы, тянущейся с обеих сторон арыка. Хотя могут взять и в клещи, духи в последнее время так часто делают.

А время идет. Громкий хлопок раздался впереди. Костя поднялся во весь рост, но из-за пыли ничего не может рассмотреть.

– Товарищ лейтенант, можно я сбегаю туда? – в глазах у пацана азартный огонек. – А пулемет оставлю. Пока.

– А потом собирать то, что от тебя осталось. Так? – вопросительно смотрю почти на своего сверстника. – Так?

И после небольшой паузы продолжаю:

– Костя, это у тебя какие боевые?

– С вами пятые, без вас еще пару раз ходил.

– Так вот, ефрейтор, ты все понял?

– Да, – он не смутился, словно не на войне человек. А может, и смутился, на сером от пыли лице мимики не увидеть, а вот по глазам – озорник, посматривает то на дембелей, сидящих рядом на броне, то на меня.

– Ну, салага, что там произошло? – опершись на автомат, спросил мой помощник сержант Иванов ефрейтора.

– Машина подорвалась. Вы же тоже слышали.

– Чья?

– Саперов вроде. Танк же первым шёл.

– Хочешь им помочь гусеницу натянуть или оказать помощь раненым? – настаивает Иванов.

– Нет.

– А с любопытными знаешь что бывает?

– Старятся быстро, – нашелся пулеметчик.

Все рассмеялись. Напряжение стало спадать.

– Товарищ лейтенант, – вылез из-под брони радист, – командиру передали, что трое «трехсотых», скорее всего, контуженых. Это ж по сколько они контузий сегодня получили? – вслух рассуждал солдат. – Третий подрыв у них.

– Несладкая работа у саперов, – сказал кто-то у меня за спиной.

«А у нас что, сахар?» – хотел заступиться я за своих, но сделал это про себя. А что говорить? Задал же этот вопрос не какой-нибудь заезжий журналист, а свой солдат, у которого это уже десятки, а может, и сороковые боевые, и, скорее всего, не раз уже был он в бою. А я-то перед ними хоть и офицер, а такой же салага, как и этот ефрейтор, пулеметчик Костя.

Хоть и четыре года в училище, почти два года офицером я прослужил, а на боевых-то еще и пяти месяцев нет, а у этих дембелей за полтора года в месяц минимум по два-три выхода. Иванов имеет сквозное ранение в предплечье, Федор сломал руку в скалах. Ох и потаскались же с ним ребята под обстрелом с крыши, с зеленки, да еще пару атак за ночь отбили и за следующий весь день нанюхались пороха. Вот это мужики! Но слушаться меня, правда, не сразу стали.

А сержант хитер, сам, как говорится, в атаку против командира не шел, только науськивал молодежь, думая, что я этого не вижу, и... И получал в ответ в принципе неплохой отпор, типа марш-броска до учебной скалы, с рытьем окопов, взятием высоты, и бегом назад – на обед, ужин. Мы эту школу до тебя, сержант, тоже проходили, еще в училище. Твой однофамилец полковник Иванов из нас на тактических занятиях жилы вытаскивал. Даже не знали, что он фронтовик, шестьдесят мужику, а выглядел он молодо, под полтинник. Вот такие у нас учителя были.

– Так что, салага, нам скрепки доставать? – продолжал вести промежуточный обстрел ефрейтора мой заместитель.

– Да нет, товарищ сержант, я все по...

– Что?! – закричал я, так и не сообразив, что же произошло.

Звон в ушах, дым идет из-под брони соседнего, только недавно пылившего нам в лицо бронетранспортера. И все солдаты с него прыгают и бегут в кустарник, к арыку. А я, так еще ничего и не поняв, подталкиваемый кем-то сзади, прыгаю с брони за Ивановым, ефрейтором, механиком-водителем Лисяком. Кто-то из наших начинает стрелять по вершине. Я из любопытства выглядываю из-за брони и слежу, как ракета, оставшая за собой дымную полосу, летит в нас. Но к счастью, она ушла куда-то за арык. Взрыва ее из-за грома автоматов и пулеметов я не расслышал.

Бой был недолгим. Зенитчики, бзэмпэшки открыли по скале огонь, и уже не столько от пуль противника мы сейчас могли пострадать, сколько от сыплющихся на нас с вершины камней. Но мой приказ отойти глубже в арык услышали все.

Вода прохладная, приятно остужает разгоряченное тело...

Из горящего БТРа солдаты начали выбрасывать ящики с патронами и гранатами. Из ведра обливали водой бронетранспортер. Их офицера и не слышно, но и без него все делают правильно. Дым истончился и почти иссяк.

Гляжу на своих – все на месте. Так, Иванов, Каплин, Лисяк... Взрыв, раздавшийся сзади, заставил нырнуть под воду. Поднимаю голову, смотрю, ребята так же среагировали и нырнули в арык, чтобы не достали осколки.

Два «крокодила» проползли на малой высоте над горкой, подошли к тому месту, с которого в нас стреляли, и дали залп из нурсов. Огонь, пыль на отвесной части горы и град камней, покотившихся вниз. Всмотриваюсь в них и тут же невольно догадываюсь, кого рядом не вижу из солдат, и кричу:

– Где радист?

– Сейчас! – чуть ли не в ухо мне заорал ефрейтор и ринулся к БТРу, на который вот-вот обрушится камнепад.

Он открыл боковую дверь и тут же шмыгнул в броню.

Успел. Камнепад был недолгим, но пара хороших обломков попала прямо на броню, рядом с пулеметом.

Через какое-то время из дверцы вылез Костя и за ним, радист. Фу-у, живой, не раненый он, а только испуганный, закрыв голову руками, бежит к нам в арык.

– Я притаился, думал, обстреливают, – начал оправдываться передо мной солдат.

– Успокойся, – отмахнулся я.

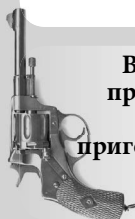
Михаил Шолохов

Михаил Александрович Шолохов родился 11 мая 1905 года на хуторе Кружилин станицы Вешенской области Войска Донского (ныне Ростовской области).

В 1914 году учился в Москве, в подготовительном классе 8-й московской мужской гимназии.

С 1915 по 1918 год Шолохов учился в гимназии города Богучара Воронежской губернии.

В 1922 году был арестован ОГПУ за превышение власти при проведении продразверстки в своем районе и приговорен к расстрелу. Отец выкупил его, и расстрел был заменен на год исправительных работ.

В 1923 году пытался поступить на рабфак в Москве, но не прошел по экзаменам. Некоторое время работал грузчиком и каменщиком.

В октябре 1925 года Шолохов начал писать роман «Тихий Дон» о казачестве в Гражданской войне.

В январе 1928 года началась публикация первых трех частей романа «Тихий Дон» в журнале «Октябрь». Всесоюзная слава пришла к Шолохову мгновенно.

В 1932 году в журнале «Новый мир» Шолохов опубликовал первую книгу романа «Поднятая целина».

В 1941 году получил Сталинскую премию первой степени за роман «Тихий Дон».

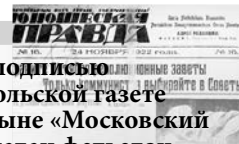
В 1956 году написал рассказ «Судьба человека», легший в основу одноименного фильма.

В 1965 году Шолохову вручена Нобелевская премия по литературе за роман «Тихий Дон».

В 1920 году окончил ростовские налоговые курсы, участвовал в продразверстке. Попал в плен к банде Махно и чудом избежал расстрела.

В сентябре 1923 года за подписью «Мих. Шолох» в комсомольской газете «Юношеская правда» (ныне «Московский комсомолец») был напечатан фельетон «Испытание».

14 декабря 1924 года в газете «Молодой ленинец» вышел рассказ «Родинка», открывший цикл донских рассказов. Отдельной книгой они вышли в 1926 году.

В 1929 году по указанию Сталина была создана комиссия по проверке авторства «Тихого Дона» из-за развернувшейся против Шолохова кампании в прессе. Комиссия подтвердила авторство.

Во время Великой Отечественной войны был корреспондентом центральных изданий, написал наброски к роману «Они сражались за Родину».

В 1960 году получил Ленинскую премию за роман «Поднятая целина».

Писатель умер 21 февраля 1984 года. Похоронен Михаил Шолохов в станице Вешенской, на берегу Дона, во дворе дома, в котором жил.

Военные писатели России

При рождении писатель получил фамилию Кузнецов, потому что его мать, выйдя замуж за Шолохова, долго не могла сменить фамилию, доставшуюся от первого мужа, из-за его отказа от развода.

Отец Шолохова к казакам не принадлежал. Он был выходцем из Рязанской губернии и занимался скупкой скота, а также служил приказчиком и управляющим на мельнице.

В 1923 году должен был жениться на Лидии Громославской, дочери бывшего наказного атамана, но отец настоял, чтобы он взял в жены ее старшую сестру Марию. В браке родились четверо детей.

За роман «Тихий Дон» писатель получил Нобелевскую, Ленинскую и Государственную премии, а также был дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда.

За свою жизнь писатель был награжден шестью орденами Ленина.

Первоначально Нобелевскую премию комитет хотел поделить между Шолоховым и Анной Ахматовой, но в последний момент отказался от этой идеи.

В 1969 году Шолохов поздравил наш журнал с 50-летием.

*«Советскому Воину» в связи с
двухлетием 50-летия Победы — самые
свои добрые пожелания!*
М. Шолохов

Писатель был заядлым охотником и рыбаком.

Именем Шолохова названы сорт сирени и астероид.

Мать Шолохова была донской казачкой по матери.

В 1930 году главным редактором «Октября» стал Фадеев, который отказался печатать продолжение «Тихого Дона» из-за его контрреволюционности. Шолохов умолял Горького помочь, и тот организовал ему встречу со Сталиным в июле 1931 года на своей даче, где вождь принял решение о публикации третьей книги романа.

В 1938 году Шолохова по доносу чекиста должны были арестовать в третий раз в жизни, но Сталин спас его.

Во время войны сразу получил звание полковника.

Среди наград Шолохова были медали «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда».

При налете немецкой авиации бомба попала в дом писателя в Вешенской. Погибла его мать.

В годы войны был утерян второй том «Поднятой целины». Его пришлось восстанавливать по памяти.

Произведения Шолохова издавались более 1400 раз в десятках стран мира общим тиражом более 105 миллионов экземпляров.

Все свои премии писатель отдавал на строительство школ в станицах донского края.

В дом писателя в станице Вешенской шли на прием за помощью люди со всей страны.

В станице Вешенской существует Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова.

Андрей МАКАРОВ

Андрей Викторович МАКАРОВ родился в 1962 году в Польше в семье военнослужащего. После школы окончил Ленинградское арктическое училище, которое готовило технические кадры для полярных станций и исследовательских судов Арктики и Антарктики. Десять лет отработал на судах заграничного плавания Военно-морского флота. С 1994 года военный журналист.

Автор более десяти книг, со своими произведениями выступал на радио и телевидении. Публиковался в журналах «Юность», «Смена», «Роман-журнал XXI век». За свои произведения получил литературные премии имени Андрея Платонова и Валентина Катаева.

Андрей Макаров неоднократно печатался в нашем журнале. Предлагаем вниманию читателей новый рассказ писателя.

МОРЕ, КАК САМА ЖИЗНЬ

РАССКАЗ

— Папа! Нам хотя бы через первое КПП про-
рваться. Тогда есть шанс. Главное, чтобы
тебя сразу назад в Мурманск не отправили.

Людмила переложила спящую дочку с одной
руки на другую. Сопит ее Ленка в две дырочки. Сын
Денис между ней и дедушкой. В ногах неподъемные
сумки.

Отец от самого Мурманска с удивлением смо-
трит в окно автобуса. Ни деревца, камни, скалы, мох.

Люда же лихорадочно размышляла. Когда ее
Володя служил в Западной Лице, пришлось однаж-
ды въезжать в гарнизон по чужому паспорту. Пере-
дали ей документы какой-то девахи. Всю дорогу зу-
брила: имя, фамилия, отчество, улица, номер дома
и квартиры.

На КПП матрос брал паспорт, проверял про-
пуск или прописку, внимательно смотрел на фото-
графию, потом на въезжающего и снова сличал его
с фото в паспорте. К ней подошел. Она ему одной
рукой чужой паспорт протянула, другой в сумке кос-
метичку нашарила.

Матрос посмотрел на фото, прописку, поднял
на нее взгляд. А Люда не на него смотрит, а в зер-
кальце, тушью ресницы подкрашивает, зыркнула зло
на матроса, тот сразу паспорт закрыл и вернул.

Но сегодня так не получится. Билеты на автобус
до Полярного она на свой паспорт взяла. А дальше...

Вот и первый КПП. Колючая проволока, запрет-
ная зона. Здесь с их документами целый мичман
разбирается. Она ему растолковывает, что муж на
корабле, она на Вологодчину к родителям выезжа-
ла, чтобы дочку родить, и вот с ней и сыном возвра-
щается, ну а папа помогает, иначе ей с двумя деть-
ми и вещами не доехать. Пожалуйста, пропустите
отца до второго КПП. Туда ему пропуск привезут...
Уболтала. Отец слова не успел вставить.

Снова северный скупой пейзаж за окном. Опять
колючая проволока и запретка – второе КПП.

Их ждали. Здесь мичман оказался не столь по-
кладист. Он перелистал документы, локтем отодви-
нул пытавшуюся было встрять Людмилу и сурово
спросил:

— С какой целью решили перейти границу, Ио-
сиф Адамович?

Отец вздохнул:

— Мальчик, я границу переходил, только чтобы
Берлин взять...

Отца увезли куда-то на уазике. Дочка на руках
у Людмилы словно почувствовала что-то и начала
плакать. Денис держится за ее пальто. Грудой лежат
вещи.

Кое-как добрались до квартиры. Ключа нет. Муж
застрял на корабле. На сторожевике могли объявить
тревогу, оргпериод, запретить сход с борта, они

могли уйти на сдачу курсовой задачи, да и просто неожиданно и срочно в поход на несколько месяцев.

Людмила посадила сына на вещи, с дочкой на руках вышла на улицу.

Мимо проезжала милицейская машина. Людмила остановила ее.

– Нет, мамаша, – выслушав ее, заключили милиционеры, – был бы там дебош, преступление какое, взломали бы сразу. А просто так ломать не положено. – И уехали.

Хныкавшую Ленку давно пора было перепеленать и покормить.

Людмила принесла камень, несколько раз ударила им по замку. Денис терпеливо сидел на ступеньках рядом с вещами. Она снова выбежала на улицу. Бросилась к какому-то капитану 3 ранга. Тот выслушал ее, зашел в подъезд. Примерился.

– Отойди! – сказал офицер и ударом ноги высадил дверь. Та с грохотом упала, открыв проем.

Капитан 3 ранга поднял дверь, прислонил ее к стене, козырнул и ушел.

Их недавно полученная и еще толком не обжитая квартира имела странный вид. Пол по углам в дырах. Пакеты с крупой порваны и растащены по кухне. Скорее покормить и перепеленать дочь, накормить сына. Остальное потом.

Приехал из милиции или комендатуры отец. Он зашел в пустой проем, в котором раньше висела дверь. Оглядел квартиру, прошелся из угла в угол по единственной девятиметровой комнате. Посмотрел в окно. Не то что деревца, зелени никакой нет.

Из-под пола раздался хруст. Крысы прогрызали очередной ход.

– Дочка, – вздохнул Иосиф Адамович, – я-то в лагере подневольно был, а ты – добровольно.

За несколько дней он повесил назад и укрепил входную дверь, залил цементом и заделал дырки в полах. Быт налачился. Люда с утра бежала за молоком, чтобы успеть получить по талону на детской кухне пятьдесят грамм кефира, пятьдесят творога...

Отец помог с ремонтом и соседкам, мужа которых неделями пропадали на кораблях. Походил по городу. Прошелся по местной достопримечательности – Чертову мосту, посмотрел на серые корабли у стенки и отшвартованные на бочках в заливе.

Пора было возвращаться. Отец на прощание покачал головой и заключил:

– Ты эту жизнь выбрала себе сама...

* * *

Прохожие на главной улице невольно останавливались и провожали его взглядом. В самой вологодской глубинке, по главной улице села имени Ба-

бушкина, шел мичман в парадной форме. Золотые погоны, стрелка на брюках острее бритвы, фуражка с лакированным козырьком.

– Да это же Володька Мальцев! – ахнул кто-то. – Надо же, призвали на срочную службу на флот на три года, а вернулся через два мичманом! Чудеса!

А тот словно не замечал взглядов односельчан. Шел уверенно, как по плацу или палубе. Лишь перед домом одноклассницы невольно замешкался, но потом, набрав в грудь побольше воздуха, шагнул за дверь.

Иосиф Адамович возился у дома. Он скользнул взглядом по его форме, спрятал мелькнувшую было улыбку и спросил прямо:

– Парень, ты вокруг Люды три года ходишь. Еще со школы. Ты вообще жениться собираешься?

– Так я за этим и пришел! – выпалил он.

– Хорошо, – будущий тесть отложил инструмент, – а она как?

– Она... – тут мичман сник.

– Хороший ты парень, Володя, но пусть Люда сама решает, а она учиться хочет, – подключилась к разговору мать Александра Васильевна.

Мичман шел назад как в воду опущенный. Разговор с невестой накануне не получился. Не разговор, а спор какой-то. Он ей про свой красный диплом, она – что и у нее такой же вот-вот будет. Он – что в любое высшее военно-морское училище теперь может поступить, сдав на «отлично» один экзамен, она – что и ее красный диплом ждет и попала она в пять процентов лучших выпускников медучилища, зачисляемых без экзаменов в институт. Дальше дискуссия, чья профессия важнее, с убийственным аргументом, что на мичмана учат лишь два года, а на акушерку два года и восемь месяцев.

Владимир загибал пальцы: после школы отказала, в медучилище отказала и через родителей, получается, отказала. И кому?! Без пяти минут подводника, мичману Северного флота. Специалисту ОСНАЗ...

Тут он остановился: «Ты же разведчик! Раз разведчик, почему прешь в любовую? Неужели обходного маневра нет?..»

Он развернулся и зашагал в другую сторону от своего дома.

В районном ЗАГСе сидела подруга матери.

– Володенька! – обрадовалась она. – Какой ты красавец в форме, ну просто жених.

– Жених, – согласился он. – Прибыл подать заявление от себя и Людмилы Берчинской.

– Где же Люда?

– Так она в Вологде, в медучилище, попросила заявление от двоих подать, а к свадьбе приедет и везде, где надо, распишется.

– Вообще-то так не положено, но отказать военному, да еще моряку...

Через несколько дней в селе о свадьбе знали все, кроме невесты. Подготовка шла полным ходом. А Володя Мальцев выждал еще немного и снова поехал к Людмиле.

– Тебя хоть на свадьбу отпустят? – буркнул он.

– Смотри кто женится.

– Женюсь я, а невеста – ты. Заявление подано.

В селе все знают. Готовятся. Мне назад дороги нет. И что, ты и теперь откажешься?!

Свадьбу сыграли широко, по-деревенски. К месту службы в Западную Лицу мичман Владимир Мальцев убыл женатым человеком. Супруге предстояло доучиваться, но в гарнизон к мужу она летала каждый месяц.

* * *

В Киеве на Подоле рано расцветают каштаны. И весь город, тогда еще не застроенный высотками, не обезображенный стеклом и бетоном, выглядел тихим и патриархальным. Мичман Владимир Мальцев сдал единственный экзамен на «отлично» и поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище. Их было уже трое. Сын Денис пошел в ясли, Людмила туда же воспитателем. На пару с еще одной курсантской семьей они сняли трехкомнатную квартиру на Подоле в старом доме. Мебель была как в музеях и мемориальных квартирах – под белыми чехлами. По комнате на каждую семью и большой зал, в котором жены кормили пришедших из училища после просмотра программы «Время» мичманов-курсантов. Потом, на Севере, она часто вспоминала те дни. Солнечный Киев, их планы на жизнь. Выучится он, пойдет учиться она. Станет врачом-акушером. Он флотский офицер, дед которого в семнадцатом году служил на «Авроре», обязательно станет подводником. А ей предстоит лечить людей, а главное, принимать роды в самых современных роддомах, сверкающих кафелем и оборудованных новейшей аппаратурой.

– Семьдесят пять! – гордо говорила ему она. – Семьдесят пять только мальчиков появилось на свет с моей помощью, когда я практику проходила!

Как незаметно пролетели эти четыре года и какими счастливыми они были!

* * *

Закончивший с отличием училище, лейтенант Мальцев выбрал Северный флот. Северный флот выбрал ему Полярный, направив заместителем командира на сторожевой корабль.

– Делай как знаешь, как лучше, – сказала ему она.

Ах этот быт! Ну куда уйти от него? Прибывших в Полярный лейтенантов с семьями разместили в гостинице, отвели им целый этаж. Кухню заменил электрический чайник. В нем варили картошку, яйца. Мужья как ушли на корабли, так и пропали, появляясь лишь изредка. Потом пошли съемные квартиры, жили временно в чьей-то новостройке. Мебели в ней не было, спали с сыном на постеленном у батареи паласе.

Свою квартиру-маломерку получили, только когда появилась дочка. Вот только с маленькой Еленкой случилась беда. Ей, еще грудной, врачи поставили тяжелый диагноз. Три года предстояло провести в гипсовом корсете. Раз в несколько месяцев поездка к детскому травматологу в Мурманск для наблюдения и перегипсовки.

Закованную в гипс девочку приходилось одевать в несколько курток, везти, держа перед собой, на катере из Полярного в Североморск, оттуда до больницы в Мурманск.

Однажды в Североморске мужчина на стоянке такси пропустил ее вперед, и, когда уже устроила ребенка на сиденье, какая-то женщина потянула ее за воротник и прошипела прямо в лицо:

– Понарожают уродов, а потом с «этим» без очереди лезут.

Она плакала и в такси, и в больничной палате. Ей разрешали остаться здесь, на время, пока врачи занимались дочерью. Спать на стульях в детской палате и обихаживать восьмерых малышей, шестеро из которых были детдомовскими. И хоть весь день она хлопотала и помогала врачам, ночью сон не приходил. Было скорее забытье.

Она словно снова оказывалась в родном доме. Вспоминала разговоры с родителями.

– Мама! Почему люди такие жестокие? Ведь не война!

– Что ты, дочка! Не вспоминай ее! Мама погибла, меня с братом по разным детдомам отдали, только после войны его нашла.

– Мама! Но ведь сейчас мир!

– Мир, он тоже разный бывает. И по-всякому жизнь повернуться может. У отца на родине после войны бандеровцы лютовали. Придут ночью в хату, хозяйина разбудят, дадут винтовку и скажут: «Иди убей кого-то, а мы пока с твоими детьми посидим...» Не убьет – всю его семью вырежут.

– И убивали?

– Убивали. Пришли к соседу и твоего отца называли, велели: «Убей ястребка!» Отец шум в саду услышал, вышел, и ему ударом плечо перебили. Назад в хату рванулся, схватил ружье, да мать на нем повисла: «Не стреляй! Там, может, брат твой или кто подневольный...»

Может, и хорошо, что он на Вологодчине оказался. Как там у тебя в свидетельстве о рождении: «Особый участок. 9-й квартал».

Муж у тебя офицер, детей двое – живи, дочка, это и есть счастье, а что плохое сегодня есть – завтра пройдет...

Глаза слипаются. Приглушенный ночной свет из больничного коридора словно мигает. Как в селе на Вологодчине. Мигнет он там в полночь три раза и погаснет до утра. Дочка спит в своем каменном панцире. Другие детки на своих койках ногами сопят. И ей надо заснуть хоть ненадолго на четырех стульях у окошка...

Дочь начала ходить на два года позже, чем одноклассники, неуверенно, на пятках, потом все лучше. Топ-топ. Сначала держалась за папины и мамнины руки, потом сама.

Соседи удивлялись. Оказывается, у Мальцевых детей двое. Пацан-то всегда на виду, а дочку прятали, наверное, потому что маленькая, все время дома была. Погода-то у нас суровая. Что вы хотите? Заполярье!

– Люда! – вернулся со службы муж. – Мне наконец-то предложили перейти на подводную лодку.

– Сколько у нас времени собраться? – вскинулась она. – Делай как знаешь, как, считаешь, будет лучше...

* * *

Как это здорово – делать то, что нравится, и то, чему учили. С работой в Лиинахамари, как и везде в гарнизонах, было непросто. Вот только не находилось желающих трудиться в госпитале, в который надо было ходить за два километра. Жена замполита подлодки с женой начальника политотдела меняли друг друга на дежурствах медсестер.

Другие жены, бывало, и пальцем у виска крутили: жалованья мужей им, что ли, не хватает? А Людмила ждала попутку, а чаще привычно шагала по дороге между сопками. Место в детском садике им не досталось. По очереди с мужем приходилось брать дочь с собой. Владимир Мальцев какое-то время служил на берегу. В госпитале на медсестре в отделении полсотни больных, за ребенком присматривал матрос. Отец в штаб дочку проводил тайком и тоже поручал её матросу. Однажды ребенок пропал. В штабе объявили тихую тревогу. Чтобы не дошло до адмиралов. Придумывали предлог, заходили во все кабинеты и комнаты, высматривая девчонку. С ног сбились, пока кто-то не заметил торчащий из-под низко висящей скатерти ботиночек. Забралась под стол, поиграла и уснула.

Наверное, до адмиралов все-таки дошло, поскольку после этого приключения дочке нашлось место в детском саду.

А Людмила все так же отмеряла зимой и летом два километра до госпиталя и обратно после смены.

О чем только не передумала по дороге! Вспоминала Киев, Крещатик, цветущие каштаны на Подоле. Как было все тогда легко и просто. Утром с сыном на работу в детский сад, вечером домой, дожидаться мужа с учебы, накрыть на стол. Это и было ее счастье? А здесь, в Заполярье? Бесконечная зима, полярная ночь, ожидание мужа из похода. Волнение: как там у него на лодке, у сына в школе и у дочки в садике? Почему же в этих суровых краях ты считаешь себя счастливее? Может, потому, что счастье здесь дороже достается?

Пять лет в Лиинахамари завершились, когда Володя, вернувшись со службы, сказал:

– Мне предложили перевод в Видяево.

Людмила только плечами пожала:

– Решил – значит, переводимся. Сколько есть времени, чтобы собраться?..

* * *

В Видяево была гражданская поликлиника. Обслуживали три с половиной тысячи человек – всех, кто не в погонах. Людмилу Мальцеву после немалого конкурса взяли участковой медсестрой, а через два месяца сделали главной медсестрой поликлиники.

С этого момента помимо чисто медицинских дел на нее навалились и хозяйственные хлопоты. Обеспечение двух машин «Скорой помощи» всем – от бензина до колес, получение лекарств в больнице Колы, за шестьдесят километров от Видяево. К этому добавлялись обычные дежурства и работа на «скорой». Было это в лихие времена, в середине девяностых...

Сидящая в очереди женщина средних лет неожиданно мягко валится на пол. Ее успевают подхватить, выбежавшая из кабинета медсестра подносит к ее носу ватку с нашатырным спиртом.

Женщину сажают на диванчик, врач накачивает грушей манжету на ее руке, смотрит на ртутный столбик на табло.

– Вы что-нибудь ели сегодня? – спрашивает он.

В кабинете осматривают мужчину: вялый, лицо с синим оттенком.

На тот же вопрос отвечает доктору:

– Грибы...

– Ну а кроме грибов что ели?

– Грибы... ягоды... Была бы лодка, тогда, может, треску поймал бы.

В середине девяностых жалованье военнослужащим задерживали по несколько месяцев. Те, кто еще вчера посмеивались над Людмилой, теперь ей завидовали: гражданским платили! Военные врачи вечерами вели прием в поликлинике и зарабатывали здесь больше, чем на службе.

На фоне бытовых неурядиц распались семьи, бывшие жены оставались без денег, без работы, без пенсий, часто без возможности куда-нибудь уехать с севера.

Муж пропал на службе. Она отправляла детей в школу, оставляла на столе блюдо с пирожками и шла на дежурство.

Очередной вызов: «В квартире плачут дети». Приехали. За дверью никого из взрослых, четверо малышей: двое двухлеток, старшим четыре и пять лет. Прошлись по соседям. Расспросили. Отец семейства в тюрьме, мать неизвестно где, видели, что слонялась у магазинов.

Дети словно прозрачные, смотрят на них, как зомби. Как обычно в таких случаях? Пристроить к кому-нибудь в семью на время. Но их четверо.

– Везем в Ура-Губу, – решили вместе с врачом.

В Ура-Губе находился детский санаторий для больных детским церебральным параличом и с последствиями полиомиелита. Здесь всем заправляла вдова подводника Людмила Савченкова. Благодаря ей санаторий не закрылся, ни одного ребенка не отдали на усыновление за границу.

Водитель и врач сидели в кабине, она в салоне с детьми. Обняла и все думала, как же могла мать бросить их, вспоминает ли о детях отец или они для него словно перекати-поле.

Ее отец часто улыбался, был веселым. Как-то раз она спросила:

– Папа, как у тебя получается быть таким?

– Дочка, в нашей семье все играли на скрипке.

– Отец посмотрел на свои руки рабочего человека, которыми воевал, валил лес, работал механиком. – Но это было до войны. Потом немецкий концлагерь. Когда нас освободили, мне сказали: «Ты высокий, тебе лет наверняка больше, чем говоришь, иди войю». И я воевал, мстил за убитых фашистами. А когда война закончилась, сказали: «Ты слишком молодой, чтобы уволиться», и таких молодых перебросили под Оренбург охранять секретные заводы. Перебросили так быстро, что у меня ни одной награды за войну.

– Потом ты вернулся домой?

– Я ехал домой и гадал, а есть ли он, этот дом? Уцелел ли, живы ли родители? Нашел их, долго стоял у ворот, зашел и почему-то не мог назвать себя. Попросился переночевать. Я сильно изменился: концлагерь, война, служба... Но отец сразу узнал меня.

Людмила вернулась в дом, когда Лена и Денис уже спали. На тарелке остались два пирожка для нее.

На следующий день она набрала номер санатория.

Трубку сняла Савченкова:

– Твои крестники? Рубают за милую душу! Еду руками хватают. Ты не переживай, найдем им нормальную семью, без всяких границ обойдемся...

* * *

«Скорая помощь» тихо едет по улицам. Полярный день, время не разобрать, утро или вечер. Наверное, все же утро. На улицах еще никого нет. Белый рафик с красной полосой по борту останавливается то у одного, то у другого дома. В салон садятся женщины. Машина выезжает из городка, долго петляет по извилистой дороге, потом сворачивает в едва заметный проезд между скалами. Белый рафик с красной полосой и красным крестом не вездеход, но преодолел осыпь и выкарабкался на поросшее ромашками поле.

Женщины разбирают ведра и рвут на поле цветы. Завтра из похода на Северный полюс возвращается атомная подводная лодка «Даниил Московский». Денег на торжественную встречу, на традиционного поросенка у командования нет. Многие из жен сидят без работы, считают копейки. Собирают на сопках грибы и ягоды, не для забавы, а чтобы было что поставить на стол. Но завтра мужья вернуться из похода, и они встретят их как положено: с цветами и купленным на свои деньги поросенком.

Ленка и Денис повиснут на папе. Потом он спросит:

– Ну как вы без меня?

– Все нормально, – ответит она, – многим сегодня тяжелее.

– Но ведь это закончится?

– Конечно! – уверит Людмила. – Вы все обещали нам светлое будущее, так пусть оно просто будет.

* * *

Взяв акушерскую укладку, Людмила садится в машину. Водитель уже на месте.

– Петр Павлович, ты же у нас некрещеный?

Тот с недоумением смотрит на нее.

– Роды еще не принимал?

– Тьфу! – Шофер ведет машину и недоумевают:

– Не понимаю, как сейчас детей заводят решаются? В стране бардак, что завтра будет, неизвестно. Даже этот рафик не сегодня-завтра развалится, тогда уйду к коммерсантам, товары возить, а вы тут болтайте... рожайте...

Роженица осторожно поднимается в машину, ложится на носилки.

До кольской больницы шестьдесят километров. Поздняя осень, уже холодно. По убитой дороге добираться не меньше часа.

– Петр Павлович, аккуратнее!.. Миленькая, терпи сколько можешь...

Смогла до полпути. Пришлось пересесть к ней в салон.

– Петя, только не останавливайся! Держи одну скорость!

Стоя на коленях перед носилками на грязном полу качающейся на ухабах машины, она принимала роды.

Закричал ребенок.

Водитель от неожиданности ударил по тормозам так, что Людмила стукнулась головой о переборку.

– Мальчик! – потирая лоб, сказала она ему в окошко.

Новорожденного завернули в байковое одеяло. Людмила сняла пуховую кофту и укутала в нее малыша, перенесла из холодного салона в кабину, положила на теплый капот между водителем и акушеркой. Он уже не кричал – успокоился, но не спал, лежал и тарачился в потолок.

Водитель с побелевшим лицом подался вперед, вцепился в руль, смотрел на дорогу, то и дело бросая взгляд на новорожденного. Людмила рукой придерживала малыша.

Сколько детей в нынешних семьях? Один или двое. А у ее родителей пятеро. У Володи в семье четверо. Как же они в те времена не боялись заводить детей? Вспомнился разговор с матерью.

– Мама, почему я раньше была с твоей фамилией – Дубова?

– Время такое было. Кто знал, как дальше жизнь повернется? Решили записать тебя на мою фамилию.

– Почему потом на папину переписали?

– В шестьдесят первом году пришла повестка. Он собрался и пошел, а я сидела и ждала. Думала, что есть дом и вы, о том, что будет дальше. О том, что в Станиславе, который теперь Ивано-Франковск, было тепло, о том, как хорошо жили здесь, хоть края холодные, о том, что есть места, где вообще лета нет и полярная ночь на полгода, вдруг выпадет туда попасть. Сидела и смотрела в окно. Ждала. А он все не возвращался и пришел только поздно вечером. Чуть выпивший и счастливый. Его вызывали, чтобы вручить его плутовавшие где-то пятнадцать лет фронтовые медали.

Я столько за это время передумала, все казалось, что конец и выхода нет, а выход-то только один. Держаться друг за друга, жить, заводить детей...

– Не понимаю...

– Вырастешь, дочка, поймешь...

Уже стемнело, едва видимая звездочка проявилась впереди на небе. Малыш спал на капоте, словно в яслях.

«Скорая» доехала до больницы. Роженица тяжело сошла, долго смотрела на лицо сына, потом спросила:

– Как вашего мужа зовут? Его именем ребенка назову.

– Владимир.

Женщина кивнула...

Потом она как-то пришла к ней на прием. С порога заявила:

– Я назвала сына, как и обещала, Владиславом!

Наверное, у нее вытянулось лицо, поскольку молодая мама переспросила:

– Что-то не так?

– Хорошее имя, польское.

* * *

А ее мечта стать врачом-акушером все-таки сбылась. Сын Денис заведует реанимацией в третьем роддоме Мурманска. Самом современном, сверкающем кафелем и оборудованном новейшей аппаратурой. Дочь Елена окончила университет, вышла замуж за рыбака и работает там же, в Мурманске, журналистом. И к счастью, ничего не помнит о гипсовом корсете, в котором провела три первых года своей жизни. Из поездки в Польшу она вернулась с широко открытыми глазами:

– Мама! У нас, Берчинских, оказывается, есть фамильный герб!

Стройная Людмила Иосифовна невольно еще выпрямилась, подняла подбородок.

Владимир Мальцев, услышав их разговор, только хмыкнул.

– Да-да! – подтвердила ему она. – Если бы не твой дед в семнадцатом на «Авроре», был бы ты у меня конюхом на конюшне.

– И ходила бы ты тогда ко мне на конюшню! – невозмутимо заметил капитан 1 ранга. Он как раз искал, куда пристроить новую работу жены – выполненную из бисера картину.

– Вот наш герб, – повесил он картину на стену.

На ней парусник под полными парусами несется куда-то. Море бурное, как сама жизнь. А будет ли она когда-нибудь без штормов? Вряд ли...

ПОЛКОВОДЕЦ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В своих мемуарах «На Юго-Западном направлении» Кирилл Семёнович Москаленко пишет: «Справедливость требует сказать: иногда были у нас и ошибки, и просчёты. Вот почему и в этой книге о могучем, победоносном наступлении наших войск читатель найдёт и примеры не всегда удачных решений. Такие ошибки, естественно, исправлялись в последующем, и потому они не могли оказать решающего влияния ни на ход наступательных кампаний Красной Армии, ни на исход всей борьбы на советско-германском фронте. Но о них нужно помнить и для того, чтобы на них учиться, и для того, чтобы понять всю сложность и остроту задач, решавшихся тогда Советскими Вооружёнными Силами».

Из этого следует, что Москаленко был из числа тех генералов, кто не стеснялся признавать свои ошибки. Неслучайно ведь за успешные боевые действия войска, которыми командовал Кирилл Семёнович, восемнадцать раз отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего. Оценивая его полководческие качества, Маршал Советского Союза А.М. Василевский отмечал: «Москаленко заметно вырос как полководец... Он – эрудированный в оперативном искусстве человек, человек творческого мышления».

Кирилл Семёнович Москаленко родился 11 мая 1902 года в Донбассе, с 1920 года и до конца своей жизни в 1985 году служил в Советской Армии. Воевал с отрядами Махно и Врангеля, прошёл советско-финляндскую и Великую Отечественную войны, освобождал от немцев Харьков, Киев и Прагу, в 1953 году арестовывал Лаврентия Берию. В 1961 году он руководил полётом первого человека в космос – Юрия Алексеевича Гагарина, участвовал в испытании атомных бомб и ракет, был заместителем министра обороны СССР и главным инспектором Министерства обороны СССР. Дважды Герой Советского Союза, член ЦК КПСС с 1956 года.

За долгие годы войны Кирилл Семёнович руководил кавалерией, танкистами, пехотой и артиллерией, которой он придавал особенно большое значение. По его признанию, артиллерия работала выше всяких похвал, действуя синхронно с пехотой и танками: «Примерно треть артиллерии, находясь в боевых порядках позади пехотных цепей, сопровождала атаку пехоты и танков. Она уничтожала противотанковые средства противника и огневые точки, мешавшие продвижению пехоты. Другая треть огнём с закрытых позиций расчищала дальнейший путь пехоте и танкам, а последняя, меняя огневые позиции, приближалась к атакующим. Управление

• К.С. Москаленко у штабной карты.

артиллерией мы централизовали, сосредоточив его в руках командующего артиллерией. В его распоряжении была хорошо налаженная связь – проволочная и радио. Благодаря этому имелась возможность в нужный момент организовать массированный огонь по местам сосредоточения противника, как на переднем крае, так и в глубине обороны. Создавая, таким образом, перевес мощных огневых средств, мы могли влиять на исход боя, обеспечивать войскам армии непрерывное продвижение вперёд».

Артиллерийские командиры и штабы всех степеней уверенно управляли подчинённой артиллерией и целеустремлённо добивались огневого превосходства над противником на главных направлениях в ходе боевых действий.

Воздавая должное нашей артиллерии, Москаленко писал: «Думаю, что в нашей литературе всё ещё недостаточно показана роль артиллерии в Ве-

ликой Отечественной войне, основной огневой силы любого боя. Каждому из нас, от командира стрелкового полка до командующего фронтом, всегда и везде требовался совет артиллерийского начальника, являющегося в вопросах ведения боевых действий в дивизии или армии третьим лицом – после командира и начальника штаба. Между тем до сих пор мало известно из книг о наших видных артиллеристах... о командующих артиллерией дивизий, корпусов и армий, о героических подвигах орудийных расчётов.

Отчасти в этом повинны сами артиллеристы. Очень немногие из них рассказали в своих воспоминаниях о славных боевых делах артиллерии, без которой не обходился ни один бой, ни одна операция. Между тем были бы интересными и полезными их воспоминания об управлении большой массой артиллерии, о героических подвигах артиллеристов... Они, несомненно, могли бы пополнить сокровищницу боевого опыта наших Вооружённых Сил...»

Анализируя положение дел на фронтах, военный журналист Давид Ортенберг в своих воспоминаниях писал: «Нас упрекали, что вопреки приказу «Ни шагу назад!» мы якобы ориентируем на отход. Пришлось нам объяснить, какой смысл был вложен в то место приказа № 227, где выдвигаются требования отстаивать каждый клочок земли до последней возможности».

«До последней возможности». Никто точно, исчерпывающе не смог бы ответить, что конкретно входит в это понятие. Задача не из лёгких и для нашей газеты. В какой-то мере мы пытались это сделать в передовой статье «Инициатива и решительность командира в бою». А примером нам послужил командующий 38-й армией генерал К.С. Москаленко.

Армия вела кровопролитное сражение в междуречье Оскола и Дона в очень тяжёлых условиях. Фланги её были оголены. Сил мало. Дамокловым мечом висела над ней угроза окружения. В те критические дни, когда надо было отступить, чтобы сохранить армию как боевую единицу, ибо малейшая задержка грозила окружением, Москаленко принял решение отвести армию за реку. Решил сам, без приказа высшего командования и даже вопреки приказу командующего фронтом маршала Тимошенко (связь часто нарушалась, и связаться с КП фронта было нельзя). Посыпались упреки «растерявшемуся Москаленко». Однако генерал не дал противнику захватить армию в свои клещи. Полки и дивизии шли организованно, с боями заняли новую линию обороны. Несколько позже действия Москаленко получили одобрение командования фронта и Ставки».

Но были случаи, когда Кирилл Семёнович не только не отводил свою армию от столкновения с врагом, но, наоборот, бесстрашно демонстрировал перед своими бойцами личный боевой пример, вдохновляя их на отчаянное сражение. Так, напри-

мер, в материале «Утро. Рассвет. Звёздная ночь» (для сайта КПРФ) была помещена беседа двух хорошо известных сегодня писателей – Юрия Бондарева и Сергея Шаргунова, во время которой, отвечая на один из вопросов Шаргунова, Бондарев говорит: «В Карпатах я видел своими глазами, как маршал Москаленко, командующий армией, стоял на перевале почему-то с немецкой винтовкой и кричал: «Стойте, славяне! Ни шагу назад!» Я тогда подумал: «Его ли это дело так останавливать?» Но мы уж, конечно, не драпали. И врзалось в сознание это грозное «Славяне, ни шагу назад!»».

Аналогичный эпизод из армейской жизни времён Второй мировой войны упоминается также в статье «Социальная солидарность как проблема классической и современной социологии», опубликованной в «Социологическом ежегоднике» за 2011 год: «В людских коллективах спокойствие одних людей действует успокаивающе на тех, кто испуган. В воспоминаниях К.К. Рокоссовского есть эпизод, когда два генерала (К.К. Рокоссовский и И.П. Камера) встали во весь рост, чтобы бегущие в панике солдаты их заметили, осознали, что поведение генералов не соответствует их оборонительному поведению. В результате пустившиеся в бегство солдаты остановились».

Аналогичный пример приводит И.И. Федюнинский: генерал К.С. Москаленко остановил панически бежавших солдат, пойдя навстречу им. Он был одет в полную генеральскую форму, что обратило внимание бегущих солдат...»

О бесстрашии и решимости генерала Москаленко говорят многочисленные эпизоды из сражений 1941-1945 годов, свидетельствующие о его способности ставить на первое место спасение Родины, а уже потом свою личную безопасность. Собственно, этот очерк как раз не ставит перед собой задачу ещё одного восстановления всех деталей событий Второй мировой войны, уже многократно описанной историками в различных энциклопедиях и монографиях. В этом очерке хотелось бы с максимальной точностью воссоздать образ непосредственно великого командарма, его решительность и черты характера. Если бы не полководческая инициатива маршала Москаленко и не его способность совершать неординарные (и откровенно говоря, смелые) для того свехосторожного времени поступки, то освобождение, скажем, Донбасса могло тогда оказаться гораздо более затяжным и кровавым, чем это было в реальности. Как рассказывал в книге «На Юго-Западном направлении» сам Кирилл Семёнович, в ноябре 1942 года его начало беспокоить то обстоятельство, что в случае продвижения войск Юго-Западного и левого фланга Воронежского фронтов в глубь излучины Дона его армия может оказаться очень далеко от железных дорог, и из-за этого при наступлении в сторону Донбасса возникнут серьёзные трудности с материальным снабжением войск. Чтобы предотвратить возможные пере-

бои, считал он, было необходимо заполучить в свои руки рокадную (то есть параллельную линии фронта) железную дорогу Воронеж–Ростов, часть которой пока ещё находилась на территории, занятой противником. А значит, нужно было срочно освободить её, нанеся удар в направлении Острогожска, Россоши и Кантемировки, что в данной ситуации как раз и могла взять на себя подчинённая ему в то время 40-я армия.

«– Мы должны немедленно наступать в юго-западном и южном направлениях, чтобы очистить от врага участок железной дороги от станции Свобода до станции Миллерово, – обдумав план возможной операции, высказал я членам военного совета армии свои соображения.

– Вот ты и доложи Верховному, – тут же предложили они, кивая на телефон. – Попроси активную операцию для нашей армии...»

«Я задумался», – пишет в своих воспоминаниях Кирилл Семёнович, и эта его тогдашняя заминка сегодня абсолютно понятна. Было бы странно не задуматься, когда тебе предлагают взять и обратиться к самому Сталину! Ведь от этого звонка мог измениться не только дальнейший ход военных действий на данном участке фронта, но могла очень круто измениться и судьба самого звонившего, и если бы знать, что это изменение будет именно в лучшую сторону! Кто знает, как отнесется вождь к этому звонку? Что он подумает о смельчаке? Посчитает его выскочкой? Умником? Слишком приткым?.. По тем временам это было не менее опасно, чем оказаться зачисленным во враги народа. А если ещё, не дай бог, выпрошенная операция обернётся неудачей? Тогда вообще конец...»

«Обдумав всё, – продолжает далее Москаленко, – я подошёл к аппарату ВЧ и попросил соединить меня с Верховным Главнокомандующим. Вместе со мной подошли К.В. Крайнюков (дивизионный комиссар) и И.С. Грушецкий (бригадный комиссар). Я ожидал, что сначала ответит кто-нибудь из его приёмной. Придётся доказывать необходимость этого разговора, а тем временем можно будет окончательно собраться с мыслями для доклада. Но в трубке вдруг послышалось:

– У аппарата Васильев.

Мне было известно, что «Васильев» – это псевдоним Верховного Главнокомандующего. Кроме того, разговаривать со Сталиным по телефону мне уже приходилось, да и узнать его спокойный глуховатый голос с характерными интонациями было нетрудно. Волнуясь, я назвал себя, поздоровался. Сталин ответил на приветствие, сказал:

– Слушаю вас, товарищ Москаленко.

Крайнюков и Грушецкий, тоже взволнованные, быстро положили передо мной оперативную карту обстановки на Воронежском фронте. Она была мне хорошо знакома, и я тут же изложил необходимость активных действий 40-й армии с целью разгрома вражеской группировки и освобождения участка

железной дороги, так необходимого для снабжения войск при наступлении Воронежского и Юго-Западного фронтов на Харьков и Донбасс.

Сталин слушал, не перебивая, не задавая вопросов. Потом произнёс:

– Ваше предложение понял. Ответа ждите через два часа.

И, не прощаясь, положил трубку.

В ожидании ответа мы втроем ещё раз тщательно обсудили обстановку и окончательно пришли к выводу, что предложение об активизации в ближайшем будущем действий 40-й армии является вполне обоснованным. Это подтверждалось уже тем вниманием, с каким отнёсся к нему Верховный Главнокомандующий. Однако какое он примет решение – этого мы, естественно, не знали. Одно было ясно: сейчас, в эти минуты, предложение всесторонне взвешивается в Ставке, и нужно терпеливо ждать ответа.

Ровно через два часа звонок из Москвы. Беру трубку:

– У аппарата Москаленко.

Слышу тот же голос:

– Говорит Васильев. Вашу инициативу одобряю и поддерживаю. Проведение операции разрешается. Для осуществления операции Ставка усиливает 40-ю армию тремя стрелковыми дивизиями, двумя стрелковыми бригадами, одной артиллерийской дивизией, одной зенитной артиллерийской дивизией, тремя танковыми бригадами, двумя-тремя гвардейскими миномётными полками, а позднее получите танковый корпус. Достаточно вам этих сил для успешного проведения операции?

– Выделяемых сил хватит, товарищ Верховный Главнокомандующий, – отвечаю я. – Благодарю за усиление армии столь значительным количеством войск. Ваше доверие оправдаем.

– Желаю успеха, – говорит на прощание Сталин.

Кладу трубку и, повернувшись к Крайнюкову и Грушецкому, определяю по их радостно-возбуждённому виду, что они поняли главное: предложение одобрено Ставкой. Подтверждаю это и сообщаю им всё, что услышал от Верховного Главнокомандующего. Добавляю:

– Скоро и 40-я армия от обороны четырьмя ослабленными стрелковыми дивизиями и одной стрелковой бригадой перейдёт к активным действиям в усиленном составе.

Новость производит на всех нас большое впечатление. Крайнюков и Грушецкий встречают её восторженно. И мне становится ещё радостнее от мысли, что этот необычайный день так тесно сблизил нас троих...»

Изложенные выше переговоры с Верховным Главнокомандующим происходили 23 ноября, а несколько дней спустя по его поручению на командный пункт 40-й армии прибыл генерал армии Георгий Константинович Жуков.

«Для меня, – пишет Москаленко, – это было подтверждением того, что Ставка не только заинтересовалась возможностями проведения наступательной операции на нашем участке, но и придавала ей важное значение.

К моему удивлению, Георгий Константинович был настроен несколько скептически. Не возражая против самой идеи проектируемого наступления, он, однако, считал, что при его осуществлении встретятся чрезвычайно большие трудности.

– Далась тебе эта наступательная операция, – говорил он, хмуро глядя на карту, разложенную перед ним. – Не знаешь разве, что перед тобой крупные силы противника, глубоко эшелонированная оборона с развитой системой инженерных сооружений и заграждений?

– Трудности, конечно, встретятся немалые, – отвечал я, – но всё же вражескую оборону прорвём, противника разобьём...»

Однако, анализируя затеянную Кириллом Семёновичем операцию, нельзя не отметить, что ему при этом пришлось совершить ряд некоторых рискованных действий, проведённых им вопреки выпущенному руководством фронта указу, требовавшему провести за несколько дней до начала наступления серьёзную разведку боем, которую он считал на участке своей армии абсолютно ненужной и даже опасной.

«Я вполне понимал его обоснованность, – писал Кирилл Семёнович. – В то же время было ясно, что он касается тех участков, где передний край обороны противника не вскрыт, следовательно, это распоряжение не могло распространяться на полосу предстоящего прорыва 40-й армии, так как здесь передний край вражеской обороны был нами тщательно изучен. Мы знали организационную структуру каждой пехотной дивизии, её вооружение, боевой и численный состав, места расположения командных и наблюдательных пунктов дивизий, полков и батальонов, расположение огневых позиций артиллерии и миномётов.

Нам были известны даже фамилии командиров частей и соединений.

Но сколько я ни доказывал это командующему фронтом генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову и его штабу, ничего не помогло. Разговор был короткий:

– Выполняйте распоряжение.

Пришлось, разумеется, выполнять. Но я решил сделать это так, чтобы враг, если даже он разгадает наши планы, не успел подтянуть резервы».

Из всего этого получается, что, не сумев убедить командующего фронтом генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова в нецелесообразности проведения активных разведок на участке расположения 40-й армии, К.С. Москаленко решил сделать вид, что он подчиняется приказу, тогда как на деле организовал всё так, как считал сделать нужным он сам.

«Поскольку наступление главных сил намечалось на 14 января, – пишет Кирилл Семёнович в

своих воспоминаниях, – значит, разведку боем силами передовых батальонов нужно было провести 12-го. И вот, не посвящая командующего и штаб фронта в свои намерения, я распорядился – конечно, устно: к 12 января произвести смену войск на плацдарме, с тем чтобы дивизии первого эшелона заняли исходные районы для наступления; главным же силам быть готовыми в случае успешного продвижения передовых батальонов немедленно перейти в наступление.

Решение несколько рискованное, согласен. Ведь противник мог случайно обнаружить появление у нас на переднем крае новых дивизий. Однако этот риск не шёл ни в какое сравнение с серьёзной угрозой, которая могла возникнуть, если бы мы, проведя разведку боем, предоставили затем врагу двое суток для организации отпора нашему наступлению...»

Атаке передовых батальонов 12 января предшествовала часовая артиллерийская подготовка. Она началась в 11 часов. На передний край противника обрушился огненный шквал. Он завершился мощным залпом двух дивизионов реактивной артиллерии М-13. В течение этого часа вражеские позиции обрабатывали бомбардировщики 291-й штурмовой авиационной дивизии. Ровно в 12 часов раздались оглушительные взрывы. Это взлетели на воздух проволочные заграждения противника, под которые наши сапёры предшествующей ночью заложили 33 длинных фугаса. И сразу вслед за этим выступили передовые батальоны 107-й стрелковой дивизии совместно с частями 86-й танковой бригады подполковника В.Г. Засеева. Сбылась мечта полковника П.М. Бежко – его стрелковые части пошли в атаку на направлении главного удара. Они быстро преодолели расстояние до первых траншей ошеломлённого противника. Завязался короткий бой... Сопrotивление оказывалось лишь местами. Что касается венгерских солдат, то они предпочитали целыми подразделениями складывать оружие. Спустя два часа после начала атаки двум передовым батальонам 107-й стрелковой дивизии сдались в плен больше тысячи солдат и 32 офицера. Среди захваченных трофеев были 20 артиллерийских орудий, 75 пулемётов, свыше тысячи винтовок и автоматов. Наши потери здесь составили всего пятеро убитых и 42 раненых.

В результате действий передовых батальонов 40-й армии неприятельская оборона была основательно дезорганизована. Правда, обеспокоенный противник поспешил перебросить сюда из Острогжска свою 700-ю танковую бригаду, но наши войска, вклинившиеся на 6 км по фронту и более чем на 3 км в глубину, успели прочно закрепиться на достигнутых рубежах. Более того, атака пехоты с танками в сочетании с предшествовавшим им огневым ударом артиллерии и миномётов привела к такому развитию событий, которого мы и сами не ожидали: неприятельская пехотная дивизия, к которой на

выручку спешила 700-я танковая бригада, не выдержала натиска и уже к исходу дня 12 января начала откатываться на запад.

«Таким образом, – пишет Москаленко, – риск оказался более чем оправданным, и я тогда же принял решение использовать сложившуюся ситуацию для быстреего ввода в бой главных сил первого эшелона армии. В течение ночи войска были подтянуты вперёд, на новые исходные позиции. Одновременно мы внесли поправки в план артиллерийского наступления: так как опорные пункты на переднем крае были уже захвачены нашими войсками, артиллерия получила новые цели, находившиеся в глубине вражеской обороны.

Поздно вечером я доложил командующему фронтом обстановку в полосе армии. Генерал-лейтенант Ф.И. Голиков одобрил решение начать наступление главными силами на следующее утро. На рассвете 13 января мы провели артиллерийскую подготовку – ещё более мощную, чем накануне... Армейская артиллерийская группа, которую возглавлял полковник В.Б. Хусид, сначала наносила огневые удары по штабам и узлам связи. Нарушив, таким образом, управление вражескими войсками, она перенесла огонь на позиции артиллерии и миномётов противника. Основная масса огневых средств врага не имела возможности отвечать, так как перестала получать данные наводки для стрельбы. Фигурально выражаясь, большая часть артиллерии противника как бы ослепла, оглохла и онемела. 120-миллиметровые миномёты, которых у нас было 50, обычно действовали отдельными дивизионами (по 12–18 миномётов в каждом). В этот же день все они были объединены в одну группу. Её огонь производил ошеломляющее впечатление. Он сметал проволочные заграждения вместе с кольями, взрывал целиком минные поля, разрушал перекрытия землянок, блиндажей, траншей, буквально выметая из них противника...

О результатах артиллерийской подготовки на рассвете 13 января говорит тот факт, что после её окончания наша пехота смогла пойти в атаку во весь рост. Войска первого эшелона армии перешли в наступление с рубежей, достигнутых передовыми батальонами. Это позволило идти в атаку по ровному месту, а не из низины, где раньше находились исходные районы для наступления...»

Таким образом, в ходе начавшейся 14 января 1943 года Острогожско-Россошанской наступательной операции намеченная Кириллом Семёновичем Москаленко задача была с лихвой осуществлена: оборона противника была прорвана, противостоявшая Воронежскому фронту на Дону между Воронежем и Кантемировкой вражеская группировка окружена, а к 27 января расчленена на части и ликвидирована. Участок железной дороги Лиски – Кантемировка был освобождён от немцев, и 40-я армия вышла на рубеж реки Оскол, продвинувшись на западном направлении на глубину 140 км.

О случаях несанкционированных действий Москаленко свидетельствует история практически всей войны: между приказами высшего руководства и реальной обстановкой он всегда выбирал реальную обстановку, стараясь сохранить как можно больше людей и военной техники. Однажды случилось так, что во второй половине мая 1942 года противник силами 1-й танковой, 6-й и 17-й армий окружил и разгромил основную часть наших наступавших на Харьков войск Юго-Западного и Южного фронтов, и 38-я армия Москаленко оказалась под угрозой окружения. Остаться в окопах 118-го укрепрайона, имея у себя за правым флангом в 15 километрах танковую колонну противника, генерал Москаленко не считал возможным. Он запросил у Тимошенко разрешения оставить укрепрайон и немедленно отвести армию на 15 километров к востоку, за реку Айдар. Но Тимошенко отвод запретил и приказал Москаленко загнуть правый фланг, развернув фронтом на север 9-ю гвардейскую дивизию Белобородова, 199-ю и 304-ю стрелковые дивизии и 3-ю танковую бригаду. В окопах 118-го укрепрайона остались только 300-я, 162-я и 242-я стрелковые дивизии, из чего Москаленко понял, что Тимошенко оставляет 38-ю армию на заклятие. Он направил ему повторный запрос на отвод, а копию запроса направил в Генштаб Василевскому. В два часа дня 9 июля от Тимошенко пришёл ответ: «Никаких данных о прорыве немецких танков к Митрофановке в штаб фронта не поступало, а если это данные авиаразведки, то они явно ложные. За удержание указанного мною 38-й армии рубежа будет персонально отвечать командарм Москаленко». Отдав этот приказ, маршал Тимошенко покинул ВПУ в Гороховке и поспешно перебрался в Калач.

Во второй половине дня 9 июля 6-я армия Паулюса силами 51-го армейского корпуса атаковала с запада позиции генерала Москаленко в 118-м укрепрайоне.

Положение 38-й армии стало критическим. Направив третий запрос на отвод в штаб Юго-Западного фронта и не получив никакого ответа, командарм Москаленко в восемь часов вечера взял ответственность на себя и приказал войскам отступить на юго-восток. Выставив арьергарды, главные силы армии успешно оторвались от частей Паулюса и отступили за реку Айдар, избежав окружения. Хотя ему по тем временам этот поступок и грозил тяжёлой карой. Но генерал понимал, что лучше сегодня рискнуть своей карьерой, зато сохранить армию для возможного завтрашнего боя, чтобы нанести врагу сокрушительную битву.

Ещё один случай был в конце января 1943 года. 40-я армия, которой на тот момент командовал Москаленко, выдержав мощный контрудар врага, смогла удержаться на южном фланге Курской дуги. Отсюда после отражения июльского наступления она начала победоносное продвижение к

Днепру. По замыслу фронтовой операции 40-я армия должна была действовать на второстепенном направлении фронта, прикрывая с севера главную ударную группировку. Но Кирилл Семёнович исходя из складывающейся ситуации сумел сделать второстепенное направление основным, и командование фронта, видя эти успехи, вынуждено было усилить 40-ю армию вначале одним, а затем и вторым танковыми корпусами, несколькими стрелковыми дивизиями и артиллерией.

И вообще, как пишут многие знавшие Москаленко по совместной службе, на фронте было хорошо известно всем о его личном бесстрашии и способности к немедленным активным действиям. Сам Сталин называл его за это «генералом наступления», а солдаты его звали «генерал Вперёд».

В большинстве боёв Москаленко находился на самой передовой линии, и это было ценно для солдат, особенно в начальные дни войны. Его легендарная личная храбрость была хорошо известна в войсках, и вот как об этом писал редактировавший во время войны газету «Красная звезда» генерал-майор Давид Ортенберг:

«Он часто бывал в самом пекле боя, на передовых позициях. Ему удивительно везло. У «эмки», на которой он прорывался из окружения в сорок первом году, были пробиты все четыре ската, на заднем сиденье убиты два офицера. На Сторожевском плацдарме во время посещения переднего края снайперской пулей был сражён солдат, сопровождавший командарма; во время Львовско-Сандомирской операции тяжело ранены осколками снаряда находившиеся рядом с Кириллом Семёновичем генерал Епишев, командир дивизии генерал Ладыгин и его адъютант. Рядом с Москаленко падали люди, а он словно заговоренный оставался невредимым и вёл себя под неприятельским огнём так невозмутимо и хладнокровно, что даже сомнение брало, есть ли у этого человека естественный инстинкт самосохранения».

Наперекор всем смертям он стоял на передовой линии и вселял в своих солдат бесстрашие и мужество.

При этом нужно сказать, что Москаленко ни в малейшей степени не был эгоистом, он искренне и с отцовской любовью относился ко всем своим солдатам, стремясь отметить какой-нибудь наградой каждого из своих смелых бойцов. Как писал в своих дневниках о военном времени генерал Геннадий Иванович Обатуров, Кирилл Семёнович «заботлив о подчинённых, добивается званий и наград». А уж они этого действительно заслуживали...

Остановить наших солдат не могли ни холодная речная вода, ни разящие вражеские пули. Писатель-публицист Валерий Каджая в одном из своих очерков писал: «По заданию командующего армией генерал-полковника К. Москаленко, который лично напутствовал взвод, разведчики ночью

22 сентября 1943 года переплыли на лодке Днепр, засекали на западном берегу минометную батарею и батарею лёгких орудий – теперь предстояло вернуться к своим с ценнейшими сведениями, чтобы артиллерия подавила опорный пункт немцев перед форсированием Днепра. Но у берега разведчиков заметили немецкие часовые и открыли огонь. «Плывите, я вас прикрою», – крикнул товарищам Григорий Гарфункин. Полчаса удерживал он атаки немцев, пока его товарищи не добрались до своего берега, – он это понял, потому что наша артиллерия стала бить по обнаруженным разведываемым немецким батареям. Тогда Григорий бросился сам в холодную воду, но переплыть Днепр ему было не суждено: почти на середине реки его накрыла вражеская мина.

Когда товарищи Григория вернулись к себе в блиндаж, они нашли его неоконченное письмо. «Дорогие мои! – писал родным Гарфункин. – Идёт война. Нужно быстро уничтожить врага. На фронте всякое бывает, но обо мне не беспокойтесь. Если погибну, то только героем. Как вы поживаете? Сейчас...» На этом письмо обрывалось.

Генерал Москаленко высоко оценил подвиг разведчика. По его представлению рядовому Григорию Соломоновичу Гарфункину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. И это тоже характерно. Если «паркетные генералы», вроде Пономаренко или Щербакова, руководили войной из кремлёвских кабинетов, то Москаленко и его прославленные боевые коллеги знали войну в лицо, знали и цену подвига». Ну и конечно же, солдаты его армии прекрасно знали своего командира.

В своей книге «Мы все были солдатами» полковник Павел Менделеевич Шафаренко писал:

«В первой половине ноября 1942 года 6-я армия сдвинулась к югу, а наша дивизия оказалась в полосе 40-й армии. Со дня на день мы ожидали приезда к нам командующего армией генерал-лейтенанта Кирилла Семёновича Москаленко, о котором я много слышал. С первых дней войны он успешно командовал на юго-западе артиллерийской противотанковой бригадой, корпусом и армией, а под Сталинградом – 1-й гвардейской и 1-й танковой армиями. Вскоре по указанию начальника штаба армии генерал-майора З.З. Рогозного я выехал к переправе, где встретил командующего армией К.С. Москаленко и члена военного совета армии бригадного комиссара И.С. Грушецкого, с которым мы были знакомы ещё с периода боёв за город Тим. На командном пункте дивизии мне предложили доложить общую обстановку, состояние соединения и дать краткую характеристику командирам частей. Потом мы поехали на наблюдательный пункт дивизии, где я подробно доложил обстановку на местности. Кирилл Семёнович внимательно слушал, уточняя отдельные моменты доклада, потом осмотрел наблюдательный пункт, его маскировку и содержание журнала наблюдения».

Переодевшись, мы поехали на передний край. Генерал Москаленко осмотрел ряд участков нашей обороны и противника. Два раза он проверял порядок вызова огня артиллерии и её готовность. Побывали мы и на позициях артполка и истребительно-противотанкового дивизиона. Командарм беседовал с командирами полков, подразделений и бойцами, попробовал пищу в нескольких кухнях разных частей. Он был, казалось, неутомим, всем интересовался и проверял что-либо или отдавал указания с глубоким знанием дела.

Генерал Москаленко выразил удовлетворение инженерным оборудованием плацдарма, его маскировкой и дисциплиной гвардейцев, которые передвигались только по ходам сообщения. В своё время мы были вынуждены организовать специальную комендантскую службу, так как бойцы зачастую ходили вне траншей, демаскировали своё расположение и несли потери от минометного огня противника. Поинтересовался он и развитием снайперского движения в дивизии. Нам, кстати, было о чём рассказать».

В газете «Красная звезда» от 9 июля 1941 года была напечатана корреспонденция спецкора по Юго-Западному фронту капитана Сергея Сапиги, в которой сообщалось, что 25 июня 1941 года батарея младшего лейтенанта Александра Ивановича Логвиненко разбила 42 немецких танка. «Храбро сражались все бойцы и командиры батареи, – писал корреспондент. – Наводчик Панфилёнок сумел уничтожить 17 танков. Наводчик Павлов был дважды ранен, но до конца боя не покинул своего орудия. Несколько раз раненный младший лейтенант Полищук продолжал командовать орудийными расчётами. В результате из 48 фашистских танков, участвовавших в бою, 42 были уничтожены, и только шести машинам удалось улизнуть».

Командир полка тут же сообщил родственникам Логвиненко о том, что он ранен, отправлен в госпиталь, и поздравил их с присвоением ему высокой награды – звания Героя Советского Союза. Но следом пришло письмо от медсестры, которая писала, что по дороге в госпиталь Логвиненко умер от тяжелого ранения. Ему было всего 28 лет.

В газете «Правда» от 21 января 1985 года была напечатана статья Кирилла Семёновича Москаленко «Мужественная правда», которая была отзывом на книгу главного редактора «Красной звезды» Давида Иосифовича Ортенберга «Июнь–декабрь сорок первого». Он называет в ней командира батареи Логвиненко, разбившей 42 немецких танка, в одном ряду с героями первых дней войны, известными каждому школьнику, – Супруном, Талалихиным и 28 героями-панфиловцами.

Ортенберг в своей книге пишет, что только через 25 лет после той битвы к Москаленко попали наградные листы, которые из-за трагических событий первых дней войны не дошли до Москвы и пролежали всё это время в архиве Белорусского

фронта, что лишило первых героев войны заслуженных наград...

Ненаграждённым оказался также и сержант Иван Михайлович Панфилёнок, представленный военным советом 5-й армии к присвоению звания Героя Советского Союза. Наградная комиссия Юго-Западного фронта утвердила представление о его награждении, однако Москва промолчала. Бригада, в которой служил Панфилёнок, была награждена орденом Боевого Красного Знамени и стала Краснознамённой. Сам генерал Москаленко был награждён орденом Ленина – причём в наградном листе как его личное достижение фигурирует бой сержанта Ивана Панфилёнка 25 июня (в этот день ему исполнилось 22 года). Но сам сержант отмечен не был, хотя в том бою из его орудия было уничтожено 23 танка, 17 из которых подбил лично он. Вторым по результативности было орудие сержанта Николая Москалёва, подбившее в тот день 12 танков противника. Всего же в том бою немцы потеряли 42 танка из 48, входивших в состав 13-й панцердивизии по состоянию на 22 июня 1941 года.

О том, что танки на его участке в тот день пройти не смогли, Иван Михайлович узнал уже в госпитале от командира 1-й артиллерийской противотанковой бригады Кирилла Семёновича Москаленко, который лично пришёл в лазарет навестить героя. Увидев, что он очнулся, подошёл: «Ну давай поправляйся, герой. Танки не прошли».

Продвижение танковой группы Клейста было задержано Панфилёнком более чем на сутки.

В 1942 году генерал Москаленко обратился за справедливостью к заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Льву Захаровичу Мехлису, и тот с барского плеча распорядился наградить сержанта Панфилёнка орденом. Ни в Красной Армии, ни в войсках противников и союзников за всю войну не было подвига, равного подвигу Панфилёнка, но военная бюрократия не посчитала сержанта достойным звания Героя. К чести маршала Москаленко, он до самой своей смерти писал письма в инстанции, чтобы восстановить справедливость в отношении этого героя. Но тщетно. Про подвиг молодого сержанта министры и генералы поспешили забыть.

Характерно высказывание самого Кирилла Семёновича после очередного визита по этому вопросу к тогдашнему министру обороны Андрею Антоновичу Гречко в марте 1975 года. Своему референту он тогда сказал: «Да разве министр будет ходатайствовать о присвоении звания Героя моим подчинённым, хотя и совершившим подвиг? Если бы это случилось в составе подчинённых ему тогда войск, то иная была бы и реакция. Надо учитывать свойства Гречко. Мне не следовало к нему обращаться...»

Надо сказать, что Кирилл Семёнович Москаленко умел заразить своим наступательным порывом, уверенностью в неизбежном успехе все подчинённые

ему войска, с которыми он мог решать сложнейшие задачи. Не в последнюю очередь это происходило потому, что солдаты любили своего генерала за заботу о них. Ортенберг, повидавший за войну немало генералов, для которых забота о солдате была чрезвычайно важным делом, всё же особенно выделял Кирилла Семёновича Москаленко. И Москаленко действительно заботился не только о том, чтобы награды доходили до солдат-героев, но чтобы они ещё и хорошо питались, так как голодный солдат много не навоеует.

Об отношении Кирилла Семёновича к питанию солдат рассказывает Давид Ортенберг в своей книге «Огненные рубежи», выпущенной Политиздатом в серии «Герои Советской Родины» в 1973 году: «В одном из батальонов Кирилл Семёнович обратил внимание на солдат – выглядели они не очень хорошо. Сколько ни допытывался, нет ли жалоб, как кормят, дают ли что положено и вообще знают ли они, что им положено, все в один голос отвечали, не желая, очевидно, подводить своих командиров: «Жалоб нет». Но от глаз командарма не ускользнули иронические улыбки на их лицах. И он заставил бойцов разговориться. Те признались, что кормят плохо, в бане давно не были. Опросил многих командиров подразделений и убедился, что ни одному из них не известны нормы довольствия. Конечно, в батальоне порядок был наведён тотчас. А на следующий день во все дивизии и полки пошла листовка политотдела, в которой были напечатаны нормы довольствия бойцов и решение военного совета, обязывающее всех офицеров изучить эти нормы, листовку хранить у себя и строго следить за тем, чтобы боец получал всё, что ему положено, по суворовскому принципу «Свой паёк съедай, а солдатский – солдату отдай»».

Ещё один аналогичный случай из той же книги.

«Прибыли мы с Москаленко в деревню, где расположился один из наших полков. Недалеко от неё, на отшибе, разыскали казармы – старинные серые невзрачные здания, вытянутые в одну линию. Зашли в помещение. В комнатах холодно, грязно, на полу навалена в беспорядке солома.

Было уже девять часов утра, а кухня только-только задымила. В казарме мы не нашли ни одного старшего офицера, не говоря уже о командире полка и его заместителе по политчасти, хотя они имели строгий приказ дневать и ночевать с пополнением. Они, оказывается, жили в благоустроенных домах в двух километрах от казармы.

● **Генерал-полковник Кирилл Москаленко на параде.**

Вызвали полковое начальство сюда, в казарму. Пока ждали, побеседовали с новобранцами. Это были парни, призванные из недавно освобождённых западных районов Украины и Молдавии, где они натерпелись от фашистов, и сейчас рвались в бой. Эти парни, конечно, заслужили большого внимания и заботы, чем им уделили в полку. Нет необходимости рассказывать о том, какой разговор состоялся у Москаленко с командиром полка и другими офицерами... Словом, они пообещали исправить ошибку.

На второй день снова звонит Москаленко и говорит:

– Давайте ещё раз съездим к тем новобранцам. Посмотрим, как там дела.

И снова мы застали там точно такую же картину, как и накануне. Командарм приказал

телефонисту соединить его с командиром полка, который продолжал отсиживаться в деревне.

– Всё сделано, – отрапортовал тот. – Всё, как приказали, исправили.

– А где вы сейчас находитесь? – спросил Москаленко.

– Я? В казарме у новобранцев, – бодро ответил командир полка, думая, что Кирилл Семёнович звонит из штаба армии.

И тут Москаленко сделал ход конём. Совершенно серьёзным тоном он сказал:

– Если вы в казарме, то я у вас на квартире. Приезжайте немедленно сюда, в свой дом.

Можно представить себе немую сцену на том конце телефонного провода. Командир полка сразу догадался, где мы находимся, и тут же примчался в казарму. Вот тогда и состоялся один из резких разговоров...»

Как пишет Давид Иосифович Ортенберг, заботу о солдатах Кирилл Семёнович Москаленко проявлял не только во время прошедшей войны, но и в течение многих лет после её окончания. В одном только 1972 году он провёл в поездках по воинским частям 187 дней – то есть более половины года! И подобную активность он проявлял до самых последних дней своей службы в армии, нося высокое звание Маршала Советского Союза.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ ЕСТЬ

Александр Вырвич.

«Есть такая профессия...».

Роман в рассказах.

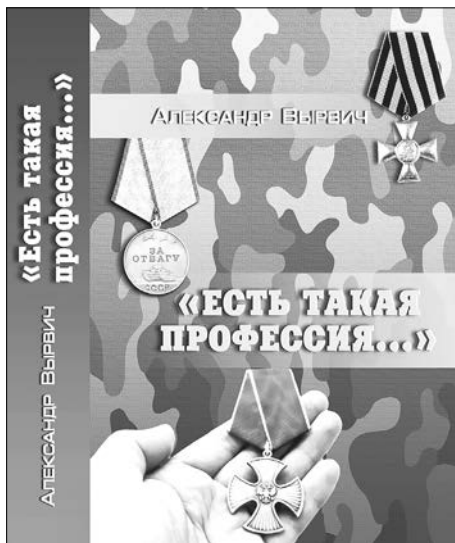
Москва: издательство

«Буки Веди», 2019.

Есть авторы, которые создают свои произведения непринужденно и быстро. А есть те, кто пишет, выверяя каждый факт, фразу, а порой и слово почти всю жизнь. Зависит это и от объёма материала, и от упорства и мастерства писателя. Книгу под названием «Есть такая профессия...», которую я сейчас держу в руках, Александр Вырвич писал более двадцати лет, считай, всю свою сознательную жизнь. Всё началось с детских впечатлений от рассказов его дедов-фронтовиков, к которым позже добавились впечатления от учёбы в военных учебных заведениях и, конечно, воспоминания о служебных дорогах, учениях и командировках, войнах и миротворческих операциях. Образ главного героя романа военнослужащего Сергея Александрова – это собирательный образ советского, а позже российского офицера, присягнувшего своему народу и до конца своей службы ни разу не изменившего своей воинской присяге.

Роман «Есть такая профессия...» – это познавательное широкомасштабное художественное произведение, герои которого участвуют в событиях почти по всему земному шару. Отображены в книге и важнейшие эпизоды сражений Великой Отечественной войны – от Харьковской операции 1941 года до Берлинской и Пражской наступательных операций в 1945 году. Далее – корейская война в начале 50-х годов, афганская война, первая чеченская война, пятидневная война по принуждению Грузии к миру в Южной Осетии, так называемая война «08-08-08» в 2008 году, и миротворческая миссия в Приднестровье, начавшаяся в 1992 году и продолжающаяся до сих пор. Вот те боевые события, в которых живут, действуют и воюют, о которых вспоминают герои книги Александра Вырвича. Событиям, происходящим в современной близкой Украине и далёкой Сирии, тоже находится место в этой эпопее.

Кроме действий и размышлений своих героев в определённых обстоятельствах автор описывает общий исторический фон всего происходящего, выделяя основные причины, влияющие на ход истории, вплоть до действий и решений руководителей тех или иных стран. Поэтому в книге появляются такие исторические личности, как Сталин и Хрущёв, Манштейн и даже Гитлер. И вооб-

ще весь исторический фон книги – это реально происходившие события, а все действующие персонажи – это реально существующие люди, оставившие свой след в истории, можно даже сказать, творившие историю, как во всемирном масштабе, так и в масштабе коллектива, воинского подразделения или конкретной семьи.

По форме «Есть такая профессия...» – роман в рассказах. Каждая глава романа, с одной стороны, отдельная история, отдельный законченный рассказ, а с другой – главные герои всех историй – это члены одной семьи, оказывающиеся в разных местах и обстоятельствах, но ощущающие взаимосвязь многих событий и явлений, даже если

происходили они в разное время. Каждая история может существовать обособленно, так как рассказывает об отдельных моментах человеческих отношений, нравственных коллизиях, где-то объединяя, а где-то и разъединяя героев, часто ставя их перед необходимостью сделать выбор между добром и злом, правдой и ложью, готовностью помочь и полным безразличием.

В настоящее время, когда потоки грязи, клеветы, а также умело искажённой информации об исторических событиях со всех сторон направляются на наших людей с целью изменить их сознание, подвергнув его перегрузке, переосмыслению всех свершений и побед, которые были достигнуты нашими предками во всех сферах жизни, появление такой книги своевременно и необходимо. Её с интересом прочтут и военные ветераны, прикасавшиеся в своей службе к описываемым событиям, и простые читатели, в том числе и молодёжь, стремящаяся узнать правду о нашей истории. Несомненно, она будет особенно интересна военнослужащим Вооружённых Сил России: солдатам, ушедшим служить по призыву или контракту, офицерам и курсантам, продолжающим славные традиции своих дедов и отцов в освоении такой важной и необходимой для страны профессии – защищать Родину.

Книга направлена на воспитание патриотизма, призывает читателей всех возрастов в своей жизни ориентироваться на идеалы добра и справедливости, всегда поступать по совести и чести. Читайте – это будет не только интересно, но и полезно во всех отношениях.

Валерий КОЖУШНЯН,

руководитель Союза писателей Приднестровья

Геннадий КОНДАКОВ

Геннадий Иванович КОНДАКОВ родился 9 ноября 1938 года в Алтайском крае в семье военнослужащего. Окончил Черноморское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова в 1960 году. Отслужил двадцать пять лет на командных должностях на различных кораблях Черноморского флота. Много раз выходил на боевую службу в Средиземное море, Атлантический океан и западную часть Северного Ледовитого океана. Участвовал в крупных флотских учениях. Закончил службу в звании капитана 2 ранга. После увольнения в запас отработал двадцать четыре года на вспомогательных судах Черноморского флота.

Геннадий Кондаков издал в 2018 году книгу рассказов «Было всякое».

КОМАНДИР ОТДЫХАЕТ

РАССКАЗ

Всё в инструкции не пропишешь. Рассчитанные на подготовленных, добросовестных моряков, они трактуют о главном, что надо выполнять неукоснительно. А вот связь теории и практики, как и всё остальное, не вписанное в них, приобретает только опытом корабельной службы.

На одном из крейсеров в штормовом море на ходу проверяющий офицер-медик вошёл в кубрик, но дневальный его не встретил. Обеспокоенный его отсутствием, проверяющий на всякий случай негромко крикнул:

– Дневальный!

И тут с другой половины кубрика из темноты раздался отклик:

– Не кричите. Командир отдыхает.

На синий свет палубного освещения вышел матрос с повязкой на рукаве, и проверяющий, не дождавшись представления, удивлённо спросил:

– Какой командир?

– Наш командир, – ответил дневальный. – Он просил до обеда его не беспокоить. Пожалуйста, не шумите.

У проверяющего мелькнуло в голове: «Почему это командир корабля решил отдыхать в кубрике у кочегаров? Блажь? Прихоть? Эксперимент? Узнаю у старпома на мостике. Командир – он и в Африке командир», – так закончил он свои философские размышления.

Каково же было его удивление – в кресле в ходовой рубке спокойно сидел командир корабля. Доложив о результатах проверки, медик как бы между прочим добавил:

– А дневальный в кубрике кочегаров доложил, что вы отдыхаете у них.

– Не понял. Значит, я нахожусь сразу в двух местах на корабле? – повернулся командир к нему. – Ну-ка расскажите.

Он заказал кофе вестовому через рассыльного и приготовился слушать.

Медик рассказал обо всём и добавил смущенно:

– Я подумал, что вам надоела качка, внизу она чувствуется меньше, вот вы и спустились отдохнуть.

– Командира БЧ-5 на мостик! – отреагировал командир на рассказ проверяющего.

Вахтенный офицер передал приказание в пост энергетики и живучести, и главный механик крейсера быстро поднялся на мостик.

– Расскажи еще раз всю историю, – попросил командир медика.

Проверяющий повторил с некоторой долей сомнения, как посторонний, видевший всё со стороны.

– И что вы думаете, Виктор Иванович? Какой такой командир объявился у вас в кубрике? – спросил командир корабля с шутовой ноткой. – Может, у вас в низах подпольный экипаж сформирован, а утром

будет взятие Бастилии? – блеснул он знанием истории, улыбаясь. – Зама ко мне и особиста!

Вахтенный офицер послал рассыльного, и ждать пришлось дольше.

В ожидании проверяющий поведал суть дела любопытствующему штурману, а тот поделился с начальником радиотехнической службы. Чтоб не упустить все самое интересное, оба остались на мостике, ожидая окончательного решения командира корабля, по-видимому, всё-таки встревоженного информацией о появлении своего подпольного дубликата.

Командир БЧ-5 предположил, что речь могла идти о командире машинно-котельной группы, который после сложной и трудной работы по устранению неисправности остался в кубрике, поближе к машинному отделению, на всякий случай.

– Есть у него такая привычка, – с теплотой отозвался об офицере командир БЧ-5 и продолжил: – Я могу уточнить через ПЭЖ, товарищ командир, кто это там на самом деле.

– Ни в коем случае! – сказал неизвестно откуда появившийся особист. – Требуются дополнительные уточнения. Надо понять, какая обстановка в кубрике и по соседству.

Замполит, входя на мостик спросонок, чтобы не споткнуться и не налететь в темноте на кого-нибудь или что-нибудь, включил и выключил освещение. На мостике уже находилось более десятка человек, привлечённых непонятной ситуацией в кубрике и бездельностью командира корабля.

Проверяющий уже в который раз повторил свой рассказ особисту, замполиту и всем желающим, дополняя его новыми, почти детективными деталями и подробностями, каждый раз производившими ещё большее впечатление на слушателей и на него самого. Темнота в той половине кубрика, из которой появился дневальный, наличие какого-то предмета в руках у него, похожего на тяжёлый гаечный ключ, а также то, что, как ему показало, в кубрике не все спали и притаились, ожидая, когда проверяющий выйдет.

Всего этого было достаточно, чтобы присутствующие озаботились безопасностью экипажа, поскольку информация о попытке захвата корабля на Балтике была всем известна и призывала к бдительности.

Требовались энергичные и эффективные решения, чтоб в зародыше локализовать любой преступный замысел. И было непонятным, почему командир корабля, не шевелясь и не реагируя, сидит в кресле, неотрывно смотрит вперёд, хотя никаких целей по курсу не наблюдается. Успокаивало и давало надежду то, что командир и спиной чувствует обстановку на корабле и на мостике, слышит и анализирует предлагаемые ему решения по вводной проверяющего.

А предложения сыпались одно за другим, обнаруживая у всех участников импровизированного совета на мостике невиданный доселе блестящий ум и организаторский талант.

Заместитель и особист переглянулись и предложили поднять один боевой взвод нештатной десант-

ной роты, вооружить штатным оружием, окружить кубрик и поручить командиру десантной роты, помощнику командира, лично возглавить операцию по захвату и обезоруживанию неизвестного «командира» и его сообщников.

Заслуживало внимания оригинальное и взвешенное предложение флагманского специалиста, случайно оказавшегося на ходовом мостике, моментально, на лету схватившего обстановку и внёсшего свою высокопрофессиональную лепту в её разрешение.

Подвергнув критике первый вариант зама-особиста как затратный по времени, неповоротливый, не обеспечивающий скрытности, он предложил свой.

– Сейчас главное – всё сделать быстро и аккуратно, используя фактор внезапности и неожиданности, – начал он уверенно, как опытный штабист и стратег.

– У кубрика два входа, – продолжил он развивать свой тактический замысел, – с одной стороны будет входить дежурный по кораблю и проверяющий. С другой – особист и замполит. Первым войдёт проверяющий, так как его уже дневальный знает, и это не спугнёт их. Затем уже по сигналу или по обстановке – остальные. Главное, стремительным броском взятие «командира», обезглавить бунтовщиков, а поодиночке сопротивления не окажут, – заключил он и вопросительно посмотрел на спину командира.

Да, это уже был серьёзный план боевых действий, точно рассчитанный по времени, месту и возможностям, но командир и на него не отреагировал. Но против высказался зам, категорически отказавшись участвовать в этой авантюре: в кубрике шестьдесят пять человек, что они – группа захвата в четыре человека – смогут сделать с ними, если вдруг что...

В этот момент на ходовой мостик вошёл командир БЧ-2, проверявший несение боевых готовностей, оказавшийся весьма кстати для принятия окончательного предложения-варианта командиру корабля. Он спокойно выслушал очередной рассказ-пересказ, и в полной тишине громовым басом назвал всё это неприличным словом, чем сразу лишил себя права голоса. Однако его мнение для собравшихся здесь ранее уже значения не имело и не поколебало общего стремления: «Надо действовать!»

Во время обсуждения предполагаемой операции и приготовления к ней командир продолжал сидеть в кресле, держа горящую сигарету между пальцами, и молчать. А это значит, что ход мыслей и намерений у всех был правильным, и он, естественно, соглашался со всеми, ибо молчание – знак согласия.

– Ну что, выяснили, кто это командирит? Может, его сюда, а я там отдохну под охраной дневального? – спросил командир, на самом деле успевший немного подремать под разговор офицеров.

Но вопрос и шутка остались без ответа. Лишь командир БЧ-2, не вмешиваясь в общий ажиотаж, доложил командиру о результатах проверки и получил добро с мостика.

И только рассыльный вахтенного офицера, опытный царедворец ходового мостика, всегда держащий нос по ветру, сразу сообразил: будь дело с «команди-

ром» так плохо, то командира БЧ-2 с мостика не отпустили бы! А раз так, то надо помочь своим друзьям-кочегарам, а то мало ли что пришьют им эти борцы за идею.

И пока все толпились на ходовом мостике, а в штурманской и БИПе было пусто, он без помех позвонил дежурному по низам и рассказал, что в кубрике кочегаров появился какой-то «командир», дневальный знает. Им интересуются замполит и особист, а командир хочет видеть его на мостике. «Бери их обоих и прямо сюда!» – уверенно отдал он распоряжение и тихо уселся у штурмана на диванчике ожидать конца переполоха, надеясь, что о его «правонарушении» никто не узнает. Инициатива на флоте наказуема!

Дежурный по низам исполнил команду быстрее, чем сигнал «Команде обедать!», сообразив, что в этой ситуации могут быть найдены и его упущения, и тучи, собравшиеся над ним, могут разразиться таким громом и молнией, что сухим из воды выйти не удастся. «Надо самому разобраться и опередить события, а главное – доложить командиру корабля первым!» – думал он, подбегая к кубрику кочегаров.

Командир окончательно вышел из дрёмы и продолжил разборку, переключившись на доктора-проверяющего:

– Александр Фёдорович! Вы тут?

– Так точно, товарищ командир! – ответил доктор, которому надоело стоять вахту на ходовом мостике. – Я готов!

– К чему готов? Заварил кашу, а сам стрекача? Нет, подожди! Ты же, не завершив операцию, не уходишь на перекур?

– Никак нет! – ответил доктор, внимательный, вежливый и интеллигентный человек.

– Дело серьёзное, – вмешался и продолжил замполит. – Мы с оперативным уполномоченным посоветовались...

– А вот вы оба подходите ближе. Что у вас? – перебил его командир.

– А то, что надо немедленно и молниеносно провести операцию по захвату и обезоруживанию бандитов, маскирующихся под кочегаров в их кубрике, уже имеющих командира и...

– Стоп! Откуда вы это взяли? Вы что, белены объелись? Какая группа? Какие диверсанты?! – говорил он, в запале повышая голос. – Все распоряжения отменить! – И уже тише, но решительно: – Командиру БЧ-5 лично позвонить в кубрик и вместе с дневальным и этим «командиром» ко мне на мостик. Передайте вестовому – кофе на мостик! – уже спокойным голосом вторично распорядился командир, пуская клубы дыма, тут же уносимые в дверь, открытую с подветренной стороны.

Командир БЧ-5 начал звонить в кубрик, но к телефону там никто не подходил.

– Никто не отвечает почему-то, – не то с удивлением, не то с растерянностью сказал он.

– Я сам пойду и разберусь, – решительно сказал особист, направляясь к двери.

– Стоять! – тут же резко остановил его командир и продолжил: – Всем оставаться на местах! У нас не

Балтика. Успокойтесь и наберитесь терпения, – закончил он и сел в кресло.

В этот напряжённый момент открылась дверь. Голос из темноты пробасил:

– Прошу добро на мостик! Дежурный по низам мичман...

– Входи! Что у тебя? – спросил командир.

– Ваше приказание выполнено! – громко доложил мичман. – Привёл дневального по кубрику и его командира отделения старшину первой статьи. Докладываю, он действительно отдыхал, поскольку отстоял свою вахту и с молодым ещё полвахты. Добро получено от командира машинно-котельной группы. Других нарушений в кубрике нет.

– Включить освещение! – приказал командир.

Щёлкнул тумблер, и ходовой мостик осветился.

Перед командиром стояли двое моряков: молодой, с пушком на верхней губе и подбородке, в робе и с повязкой на рукаве, и другой – в комбинезоне, так и не смывший после вахты следы мазутных пятен с рук и щек, с торчащей из нагрудного кармана ветшью и почему-то держащий берет в руках.

– Ты командир?

Но тут качнуло, да так, что кресло развернулось и командир едва не свалился с него, после чего встал, держась за пелорус, хотел продолжить, но старшина, приняв паузу за ожидание ответа, тут же доложил:

– Так точно! Командир отделения машинистов котельных старшина первой статьи...

Смех был так заразителен, что многие не могли остановиться и еле держались на ногах и от качки, и от комической развязки почти детективной истории.

Первым взял себя в руки командир.

– Ты уж извини, старшина. Мы тут немного палку перегнули, но всё-таки разобрались с докладом проверяющего и его разговором с дневальным по кубрику, – кивнул он на стоящего рядом с ним матроса. – За отличное несение вахты и подготовку молодых матросов к боевой службе объявляю десять суток отпуска с выездом на родину после возвращения в базу. Командиру БЧ-5 объявляю благодарность за отличное выполнение задач боевой службы и примерное воспитание подчинённых.

Поощрённых стали поздравлять, и, получив добро, они убыли с мостика.

– Выключить освещение, – приказал командир.

– Вахте – по местам, – и обернулся к рассыльному: – Где кофе? Я уже дважды за ним посылал.

Оказалось, вестовой приносил кофе, но оставлял в штурманской, так как командир каждый раз был чем-то занят и отмахивался от него, а штурман, считая это вниманием и заботой командира, спокойно и благовоспитанно выпивал. Наконец кофе принесли и командиру. На ходовой мостик вернулся привычный «производственный» шум.

ИСКУССТВО СЛУЖИТ НАРОДУ

Старейший военный театр России – Драматический театр Балтийского флота имени В. Вишневого. В следующем году ему исполнится 90 лет. Сейчас, как и 90 лет назад, драмтеатр чётко представляет свою задачу – быть проводником между армией и искусством. Театр Балтфлота был и остаётся для солдат и моряков, а также для жителей города-крепости Кронштадта центром притяжения ценителей культуры.

О том, как и чем живёт сегодня храм Мельпомены, рассказал главный режиссер театра Михаил СМИРНОВ.

– Вы пришли в театр пять лет назад. Какие изменения вы замечаете?

– Зрителей стало больше, и публика заметно помолодела. Всё чаще можно увидеть в зале юных зрителей. Это радует, конечно. Но и ставит перед нами новые задачи. Необходимо вводить в репертуар спектакли, понятные, интересные подросткам. К тому же эти постановки должны быть актуальны и рождать в начинающих театралах добрые чувства и мысли. Мы понимаем, что культурное и нравственное воспитание – это масштабная работа, которую необходимо проводить на глобальном государственном уровне, и постараться внести свою лепту в это благородное дело.

• Здание Театра Балтийского флота.

Замечу, что в нашем репертуаре взрослых спектаклей примерно столько же, сколько детских. На некоторых из них выросло не одно поколение детей. «Жили-были две лисички» идёт в театре Балтфлота уже сорок лет. И он до сих пор любим публикой.

– Вы военный театр. Какие обязательства накладывают этот статус на творческий коллектив?

– Во-первых, часть зрителей – это военнослужащие и члены их семей, курсанты военных учебных заведений. Во-вторых, все мы живём в стране, пережившей и дни боевой славы, и скорбные события. Забывать ничего нельзя. Поэтому в нашем репертуаре немало постановок на военную тему.

Из последних – «Письма с фронта». Это документальный спектакль, основанный на переписке солдат со своими жёнами, детьми, родителями... Ведут спектакль Гульназ Насырова и Борис Хасанов, они перемежают чтение писем песнями, стихотворениями о войне. Они же авторы спектакля.

Выпустили спектакль по повести Василя Быкова «Сотников». Строчка из произведения стала названием постановки – «Заплутавший на войне человек». В январе состоялась премьера спектакля «Мой бедный Марат». Он посвящён 75-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. В основу спектакля легли пьеса Алексея Арбузова «Мой бедный Марат» и «Блокадная книга» Даниила

Гранина и Алеся Адамовича. Спектакль играют самые опытные актёры нашей труппы – Надежда Перевозчикова, Владимир Филиппов, Александр Козлов. Спектакль встречен зрителями тепло. Хотя мы пережили, будет ли такая тяжёлая, трагическая тема понятна, принята кронштадтцами. Но, судя по отзывам в интернете и книге отзывов в театре, «Мой бедный Марат» пришёлся по душе. Спектакль посмотрели и юные зрители, и пожилые люди. Никто не остался равнодушным.

Хотелось бы ввести в репертуар спектакль «Фронтовичка» по пьесе Анны Батуриной, режиссёр Александр Хухлин. Мы начали работу над ним в рамках лаборатории

с Театром наций. Руководит им Евгений Миронов, а лабораторией занимается Олег Лоевский. Эскиз «Фронтовички», который был создан за три-четыре дня, понравился зрителям, но после того, как режиссёры завершили свою работу в рамках лаборатории в Кронштадте, возможности довести спектакль до окончательного формата не оказалось – финансов на приглашение коллег из Москвы пока нет. А постановка очень достойная, она украсит репертуар любого театра.

– Как часто в театре Балтфлота проводятся такие лаборатории и что они дают творческому коллективу?

– Это невозможно спрогнозировать, лаборатории происходят, когда удачно сходятся обстоятельства. Первый опыт был как раз с Театром наций.

Затем случилось так, что нам удалось найти возможность договариваться с выпускниками театральных институтов. Приглашаем молодых режиссёров, они делают эскизы спектаклей, мы их предлагаем «продегустировать» публике, и если они пришлись по вкусу зрителю, то вводим их в репертуар. Эти ребята молоды, амбициозны, они настроены на творчество, а мы их поддерживаем. Это взаимовыгодное сотрудничество.

Так, с выпускниками курса профессора Юрия Красовского сделали спектакль о ветеранах-подводниках «Погружение». Автор пьесы Анна Сафронова, она специально писала пьесу для нашего театра, режиссёр Юлия Каландаришвили. В основе воспоминания деда Юлии Нодари Шалвовича, который был одним из конструкторов субмарины «Акула». Из-за болезни исполнителя «Погружение» пока не идёт.

Ещё один воплощённый проект – моноспектакль «Я жду тебя, любимый» по пьесе Дарио Фо и Франки Рамене. Монолог женщины. Комедия, даже, возможно, фарс, детище Олега Христюбского. Валентин Зорко поставил детский спектакль «Не ёжик» – история о ёжике, который стесняется своих колючек. Пьеса Анны Богачёвой подкупила своей трогательностью. И четвёртый проект – «Медный всадник» Александра Пушкина, над которым работает Игорь Хонин. Специально для этой постановки драматург

• **Главный режиссер театра Михаил Смирнов.**

Инна Гридина сделала инсценировку.

Сейчас готовим три эскиза совместно с мастерской лауреата Госпремии РСФСР Геннадия Тростянецкого, педагога нашего театрального института, из которых могут получиться три спектакля. Никита Трофимов ставит современную драму «Лёгкие люди», автор Михаил Дурненков. Водевиль Антона Чехова «Медведь» воплощает Евгения Колесниченко. Камиля Хусаинова делает музыкальную детскую сказу – а дети для нас важный зритель! – «Золотой цыплёнок» по известной пьесе Владимира Орлова.

Отвечая на вопрос, как сказывается приход мастера «со стороны», замечу, что это как глоток свежего воздуха. Труппа привыкает к определенному языку своего режиссёра, но даже самый одарённый со временем становится заложником своего стиля, почерка, взгляда на артиста. А приходит новый, и он совершенно иначе ставит спектакли, у него иной взгляд даже на пространство, не говоря уж об актёрах. И такие лабораторные работы тренируют труппу, артисты развиваются в своём мастерстве.

Театр должен быть разнообразным, и такое сотрудничество позволяет этого достигать.

– Сколько человек в труппе?

– В труппе театра немногим более 20 человек. Хотелось бы пригласить ещё, но пока нет такой возможности. Все артисты заняты работой, а кто-то и вовсе перегружен. Хотя жаловаться не приходится. Коллектив у нас очень дружный, в чем большая заслуга артистов старшего поколения – Владимира Филиппова,

• **Сцены из спектакля «Якорная площадь».**

Александра Козлова, Надежды Перевозчиковой. В этом году у Надежды Васильевны творческий юбилей – 40 лет на сцене театра Балтфлота. Сейчас готовим «Странную миссис Сэвидж» (автор Джон Патрик, режиссер Владимир Филиппов), премьера состоится в день юбилея актрисы, 13 апреля. Нельзя не сказать и о нашей молодежи – все отзывчивые, трудоспособные, дисциплинированные, талантливые ребята. Самые молодые артисты – Алёна Болдина и Ильдар Юсупов.

– Возвращаясь к принадлежности театра к флоту, хочу узнать, выезжаете ли вы на гастроли?

• **Актриса Наталья Ермолаева в музыкальной комедии «Чужой ребенок».**

– Разумеется! В прошлом году были гастроли в Калининграде, годом ранее выезжали в гарнизоны, где проводились российско-белорусские учения «Запад-2017». Играем спектакли на сцене окружного Дома офицеров. Для нашего театра, как и для многих гражданских театров, гастроли – это прекрасная возможность приобщить к искусству людей, которые испытывают его дефицит вдали от культурной столицы.

– **Какие планы у театра?**

– В ближайшее время помимо трёх эскизов лаборатории и «Странной миссис Сэвидж» порадуем наших зрителей спектаклем для семейного просмотра «По зелёным холмам океана» (автор Сергей Козлов).

А также пьесой Островского «Правда хорошо, а счастье лучше». По наблюдениям, наш зритель охотно идёт на классику. В прошлом году поставили «Зойкину квартиру» по Булгакову. Спектакль до сих пор идёт с аншлагом. Следующий сезон начнётся осенью, вторую половину его посвятим 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Ольга ВИНОКУРОВА.
Фото Бориса ХАСАНОВА,
Марата ТКАЧА